

НОВЫЙ ЭКЛОГИОН

ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ,
ПЕРЕСКАЗАННЫЕ
ПРЕПОДОБНЫМ
НИКОДИМОМ СВЯТОГОРЦЕМ

НОВЫЙ ЭКЛОГИОН

ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ,
ПЕРЕСКАЗАННЫЕ ПРЕПОДОБНЫМ
НИКОДИМОМ СВЯТОГОРЦЕМ

ОООП "Литературный Фонд России"
Псковское региональное отделение, 2008

*По благословению
архиепископа Амвросия (Щурова)*

Впервые изданы с разрешения Великой Церкви Христовой в Венеции в 1803 году, второе издание — в Константинополе в 1863 году, и третье — издательским домом братьев Ал. и Е. Пападимитриу “Астир” в знаменитом граде Афины в спасительный 1974 год.

ISBN-5-7877-0038-5

© ОООП “Литературный Фонд России”

Псковское региональное отделение, 2008

180000, г. Псков, ул. Ленина, д. 3.

Подписано в печать 16.06.2008. Усл. печ. л. 57,2.

Формат 70х100/16. Тираж 5000 экз. Заказ 84136.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия».
127994, Москва, Суцеская, 21

ОБ АВТОРЕ

*Радуйся, Церкви новое светило и
Святой Горы украшение священное.
Радуйся, монашествующих светиль-
ник светоносный, Никодиме всебла-
женне Наксоса похвало.*

Тропарь

Преподобный Никодим Святгорец с греческого острова Наксоса родился в 1748 году. Его память Церковь празднует 14 июля (н. ст.). В двадцать шесть лет он пришел на Афон и поселился в монастыре Дионисиат, где, спустя некоторое время, принял постриг. На молодого инок были возложены послушания чтеца и письмоводителя. По прошествии двух лет на Святую Гору прибыл Коринфский митрополит Макарий, который вскоре обнаружил в Ватопедском монастыре рукопись “Добротолюбия”. Подготовить ее к изданию он и поручил Никодиму. Так было положено начало многолетним литературным трудам преподобного Никодима.

Следующим местом подвигов инок стал скит монастыря Пантократор. Здесь авва ревностно предался изучению Священного Писания и творений отцов Церкви, приняв в 1783 году схиму. Шесть лет он хранил обет безмолвия, который был нарушен вновь прибывшим на Афон митрополитом Макарием. На этот раз Владыка благословил образованного монаха на редактирование творений преподобного Симеона Нового Богослова. Эта литературная работа не прекращалась до самой кончины святого Никодима, которая последовала 14 июля 1809 года.

Труды Никодима Святогорца многочисленны и разнообразны: он известен как автор предисловия к “Добротолюбию” и кратких житий святых. Особой популярностью у любителей аскетической литературы пользуется переведенная на русский язык святителем Феофаном Затворником его “Невидимая брань”. Не менее замечательно его сочинение “Учение об исповеди”, завершающееся проникновенным “Словом о покаянии”.

Благодаря трудам преподобного Никодима было подготовлено издание новой редакции греческого варианта Кормчей книги “Пидалиона”, в которой содержатся правила святых апостолов, Вселенских и Поместных Соборов и святых отцов.

Преподобный Никодим известен и как толкователь и творец священных песнопений. Так, им составлены Канон в честь иконы Божией Матери “Скоропослушница” и “Служба преподобным и богоносным отцам, во Афоне постнически просиявшим”.

Как уже говорилось, святой Никодим уделял большое внимание агиографии, о чем свидетельствуют такие его труды, как “Новый эклогион” и изданный в Венеции уже после его кончины “Новый Синаксарь” (в трех томах).

ПРЕДИСЛОВИЕ

В “Новый эклогион” вошли жития пятидесяти святых мужей и жен, выбранные из святцев нашей святой Православной Церкви Христовой.

Тридцать пять лет подряд святой Никодим Святогорец жил в пустыньке “Капсала”, вблизи греческого городка Карей, которая похожа на оазис в пустыне. Убогие подвижнические каливы, где проливаются пот и боголюбезные слезы, расположены на волнообразных холмах, и так прекрасны, что “от безмолвных холмов невольно ожидаешь цветотворящей добродетели”. По словам отцов монашеского ордена василиан, пустынька похожа на “гору Елеонскую, где молился Христос”. Здесь Господь – “друг пустыни, здесь узкий и скорбный путь, ведущий в жизнь...”. В этом прибежище преподобных авва и просветился, и освятился. И, движимый Духом, следуя отеческому преданию, писал свои бессмертные сочинения. Свое бегство в пустыню он полностью оправдал этим занятием.

“Простри умный свой взор к созерцанию Бога и узри веселие Господне от красоты творений. Сойдя оттуда, поведай братиям своим о вечной жизни и о таинствах Царствия Божия. В этом и состоит чрезмерный подвиг – бегство от человеков, и это есть окончание пребывания в пустыне”, – говорит о подобном делании преподобный Никита Стифат*.

Горя желанием показать православному миру путь восхождения к Богу, святой Никодим (более чем любой другой созерцательный отец Церкви) был занят поисками методов

* Первая практических глав сотница, 74.

обучения, чтобы с их помощью, избавившись от своей страстной привязанности к земному, верующий смог бы испытать умное духовное наслаждение, наполняя душу свою Божественной любовью и уже здесь предобручаясь вечной жизни. Так в конце XVIII века был создан “Новый эклогион”, для которого преподобный выбрал из рукописей Святогорских монастырей неизданные жития, чтобы преподнести их как нежный букет духовных цветов нашему алчущему и жаждущему правды православному народу. На примерах богоугодной и святой жизни он закалял его слабую волю, освящал сердце и просвещал помраченный страстями ум.

Большинство житий, ради малограмотных “во Христе братьев своих”, Никодим переложил с древних текстов на доступный язык. Например, для пересказа повествований о святых Макрине и Горгонии, написанных их родными братьями – Григорием Нисским и Григорием Богословом, афонский святой использовал народный язык той эпохи, живой, идущий от сердца, сочный, полный чистых чувств, с церковным оттенком, который обращается к сердцу и уму, воздействует на чувство и “источает мед и млеко”.

Несомненно, речь христианина представляет собой основной инструмент его освященного сердца, ведь “зрение” и описание того, что человек видит, относится именно к сфере сердца. Поэтому, когда оно живет и “видит” чисто, то, по апостольскому изречению, согласно которому *для чистых все чисто* (Тит. 1: 15), порождает представления, являющиеся результатом духовной деятельности. Поэтому мы замечаем, что святые, хотя и не были “творцами языка”, тем не менее, для выражения собственного опыта и духовного ощущения своего сердца, придумывали уникальные, не существовавшие ранее слова, изумительные и изящные выражения.

Простой, всем понятный язык Никодима насыщен личным священным опытом, смирением и “радостотворным плачем”, любовью к Богу, славословным кипением сердца и литургическим чувством. Это подлинный язык Синаксаря. Благодаря этим элементам духовности, он сохраняет свою

красоту и привлекательность, несмотря на “эстетические” различия и предпочтения каждой эпохи. Своей искренностью он создает уникальную духовную атмосферу.

Вот пример своеобразного Никодимова языка: “...все обитающие в пустыне монахи, движимые непрестанным желанием Бога, с одной стороны, презрели мир и все, что в мире, как отбросы и пыль, а с другой – заселили горы и лесистые долины, пещеры и пустыни земные, обитая в них как в царских палатах. Пищей им служили хлеб, вода и плоды древесные, одеждой – верблюжий волос и кожи животных, постелью – голая земля и немного травы. Так что и о них можно сказать словами апостола Павла: *скитались в мѣлотах и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11: 37-38). Насколько кого разлучают от желания Бога и любви, настолько он ощущает, что даже самая малая часть его не разлучилась. И чем больше он восходит на высоту Божественной любви, тем больше считает, что в любви он нижайший из всех. И поскольку многожеланная и безграничная красота Бога не в состоянии вместиться в наш ум (преходящий ум не может вместить безграничное), она мало-помалу представляется уму, упражняет его в желании к Нему и воспламеняет к наслаждению Желанным...”*.

Денно и ночью заботясь о жизни Церкви и горя желанием наставления верующих и всех чинов Церковной иерархии, святой Никодим, как мы уже сказали, включил в “Новый эклогион” наиболее “представительных” святых, чтобы на примере их особой добродетели предложить архиереям, священникам, монахам, семейным или девствующим в миру тихое и полезнейшее учение. Из своего духовного опыта великий богослов знал, что поскольку призвание к обожению для всех одно, так и в результате Воплощения Бога Слова божественные и превосходящие ум дары тоже общие для

* “Новая лестница”, с. 6.

всех верных, но пути спасения различны – в зависимости от того образа жизни, который каждый для себя избирает (по апостолу – “имеющий свой дар”). Потому преподобный и говорит: “...на примерах из житий святых Елифания, Кирилла и прочих учатся архиереи апостольскому житию, где необходимо требуется божественное достоинство архиерейства, научаются духовному руководству, попечению о душах, и всему, что касается архиерейского чина”.

“На примерах из житий Максима, Паисия и прочих, – продолжает святогорец, – монахи учатся соблюдать все, что приличествует их ангельскому званию: новоначальные – странничеству, отречению от мира, повиновению и послушанию, страху Божию и другим добродетелям, им подобающим; средние и преуспевающие – очищению от страстей, рассуждению, проницательности, неразвлекаемой молитве, безмолвию и прочим добродетелям, составляющим их степень; совершенные же – истинному смирению, возводящему к вышним, Божественной любви, осиянию ума, освящению сердца, ведению будущего, восхищению ума к Богу и открытию сокровенных тайн”.

К чину состоящих в браке пустынных “Капсалы” и сегодня обращается с обличением некоторых богословски невежественных людей, которые под воздействием собственных страстей вводят противные Евангелию и отеческому преданию основания для создания семьи, перенося их из области священного и “великого таинства” в сферу земную, когда достойные порицания страсти облакаются в якобы “хитон тканый свыше богословия”, хотя по существу речь идет об одежде, *которая осквернена плотью* (Иуд. 1: 23).

Вот почему “из жития преподобного Кирилла Филеота, – пишет Никодим, – научаются все состоящие в браке миряне, мужи и жены, как соблюдать целомудрие, как безстрастно относиться к своим детям и друг к другу – как если бы мужья не имели жен, а жены – мужей, то есть склоняли бы один другого к целомудрию и, по взаимному согласию, к отречению от мирской жизни и пострижению в монахи”, – как

и произошло на Наксосе с матерью самого автора. Подобным же образом родители должны побуждать и детей своих предпочитать лучше ангельскую девственную жизнь, чем тленный и мирской брак, потому что, по апостолу, *время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие... и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся* (1 Кор. 7: 29-31).

По словам Василия Великого, жития святых во всех своих формах похожи на “иконы некие одушевленные...которые предложены на подражание благим делам” и представляют истинные критерии православной жизни. Ведь “как я смогу быть с Иовом, если с благодарением не приму приключившейся с ним скорби? А как с Даниилом, постоянным воздержанием и молением усердным взыскавшим Бога? Кто же сей безрассудный подвигоположник, который хочет получить равные венцы с победителями, нисколько не подвизавшись?.. Тех плоды, которых и труды; почести и венцы принадлежат победившим...”, – считает святитель.

А сербский святой, преподобный Иустин Попович, вот что говорит о необходимости изучения жизнеописаний прославленных у Бога людей: “...Из житий святых становится ясно, что они полностью знают тайну человека, всех людей, мою тайну и твою, потому что они познали Таинство Единого, Совершенного Человека, Богочеловека Христа, и Им разрешили окончательно и безповоротно проблему человека... [и] всей твари...”, потому что, по существу, именно в нем содержатся все проблемы*...

Вся Элладская Церковь исполнилась святой премудрости божественного святогорца Никодима, охватившей все проявления жизни о Господе, поскольку, по признанию даже самих обличаемых им латинян, “он был канонистом, литургистом, агиографом, аскетическим писателем, издателем, одним из наиболее плодovitых авторов и, без сомнения,

* Иустин Попович. “Человек и Богочеловек”. “Астир”, Афины, 1969, с. 97.

усердным монахом, через которого спустя многие века снова прославляется Элладская Церковь”*...

Творения преподобного Никодима безупречны в православном отношении, поэтому понятно, почему сегодня народ обращается к своим настоящим руководителям и учителям и наблюдается рост монашества. Работы святогорца оказали огромное влияние на многих, не имеющих устойчивых жизненных принципов молодых людей, стоящих перед различными проблемами и потерявших православный ориентир, то есть всех тех, кто пребывает в смятении и нуждается не в светлячках, а в ослепительном свете, разрушающем тьму их всевозможных заблуждений...

Без святых не может быть истинных учителей и наставников, как и настоящего образования без святости. Только святой есть истинный наставник. Образование же, по мнению отца Иустина Поповича, в действительности означает просвещение. Этим мы хотим подчеркнуть, что трагедия нашей Церкви начинается тогда, когда мы удаляемся от житий святых**.

Монах Феоклит Дионисиатский

* V. Grumel: “Nicodeme L’Agiorite”, Dictionnaire de Theologie Catholique, t. XI.

** Текст предисловия приводится в сокращении. – Пер.

ПОДВИГИ
**СВЯТОЙ СЛАВНОЙ МУЧЕНИЦЫ
ФОТИНЫ (СВЕТЛАНЫ),**

И ИЖЕ С НЕЙ ПОСТРАДАВШИХ
В 66 ГОДУ

Сия святая мученица Фотина (Светлана) есть та самарянка, о которой рассказывает апостол Иоанн Богослов в своем Евангелии. Она беседовала с Господом нашим Иисусом Христом у колодца патриарха Иакова и уверовала в Спасителя. По Его Вознесении и по схождении в День Пятидесятницы на божественных апостолов Святаго Духа, вместе с двумя своими сыновьями и пятью сестрами Фотина была крещена Иисусовыми учениками. Затем она стала переходить с проповедью о Воскресшем Сыне Божиим из страны в страну, тем самым обращая многих идолопоклонников в истинную веру и приводя к благочестию.

Во дни нечестивого Римского царя Нерона против христиан было воздвигнуто сильное гонение. После мученической кончины первоверховных апостолов Петра и Павла, в суетной попытке уничтожить во всем мире имя Христово, гонители стали искать его учеников и всех тех, кто уверовал в Единого Господа. И не знали, безумные, что чем больше они гнали веру Христову, тем более она укреплялась и расширялась, ведь *врата ада не одолеют ее* во век (Мф. 16: 18).

В то время святая Фотина вместе с младшим своим сыном Иосией находилась в Карфагене, одном из африканских городов, где дерзновенно проповедовала Евангелие. Ее старший сын Виктор служил в римском войске солдатом. За проявленную доблесть и отвагу во время войны с аварами, совершавшими набеги на Римские земли, царь Нерон сделал его полководцем и, не зная, что тот был христианином, послал в Италию наказать всех находившихся там христиан.

Правитель Италии Севастиан попытался уговорить Виктора, несмотря на его убеждения, исполнить приказ императора:

– Я знаю, прекраснейший полководец, что ты, как твоя мать и твой брат Иосия, христианин. Все вы последователи апостола Петра. Однако советую тебе исполнить приказ царя и наказать христиан, чтобы не подвергать опасности свою собственную жизнь.

– Я исполню волю Небесного и Безсмертного Царя Христа, Истинного Бога, а приказ царя Нерона наказать христиан я не только не исполню, но даже и слышать о нем не хочу, – ответил ему Виктор.

– Как истинному своему другу советую тебе сделать то, что послужит к твоей же пользе, – вновь обратился к полководцу Севастиан. – Если сядешь на судилище и будешь искать христиан, а найдя накажешь, то этим ты угодишь царю и наследуешь их имущество. Еще советую тебе предупредить свою мать и брата, чтобы они не проповедовали с дерзованием Христа, уча еллинов отрекаться от отеческой веры, чтобы из-за них тебе самому не подвергнуться опасности.

– Да не будет, чтобы я сделал все то, что ты мне говоришь: наказал христиан, или взял что-либо от них, или стал советовать своей матери или брату не проповедовать, что Христос есть Бог. Да я сам есть и буду проповедником Христа, как и они, посмотрим, что тогда будет, – возразил христолюбивый воин.

– Брат, я советую тебе то, что служит к твоей пользе, а ты подумай, что тебе делать, – вновь стал увещавать Виктора правитель.

Однако, не успев закончить свою речь, Севастиан тотчас ослеп и, упав на землю от сильной и страшной боли в глазах, пребывал безгласен. Слуги подняли его и положили в кровать, где он безмолвно пролежал три дня, а на четвертые сутки громко воскликнул: “Один есть Бог – Бог христиан!”.

– Почему ты так неожиданно изменил свое мнение, Севастиан? – войдя к нему в покои, спросил Виктор.

– Потому что меня призывает Христос, сладчайший мой Виктор, – ответил наместник императора в Италии.

И тотчас же наставленный Виктором в христианской вере он крестился, и как только вышел из святой купели, снова стал видеть, и прославил Бога. Наблюдая за этим странным чудом, все идолопоклонники из дома Севастиана испугались, как бы и с ними не случилось за их неверие того же, что произошло с их господином. Они все прибежали к Виктору и, оглашенные в вере Христовой, приняли Крещение.

Прошло немного времени, и до Нерона дошел слух, что военачальник и правитель проповедуют в Италии учение Петра, Павла и других апостолов, что многих еллинов они обратили в христианскую веру, и что мать полководца, Фотина, вместе с другим своим сыном Иосией, были посланы в Карфаген, чтобы и там проповедовать Распятого.

Услышав это, царь вспылал гневом и разослал по Италии воинов, чтобы приводили в Рим всех тех, кто исповедует христианское учение. Между тем, Сам Господь явился многим мужам и женам и сказал: *“Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас (Мф. 11: 28)*. Не бойтесь, ибо Я с вами, и Нерон будет побежден вместе со своими приспешниками”.

Среди наблюдавших это видение был и Виктор, к которому Иисус Христос обратился: “Отныне имя тебе будет Фотин*, ибо через тебя просветятся и уверуют в Меня многие. Севастиана же укрепи на мучение своими словами. Блажен и счастлив тот, кто будет подвизаться до конца”. После этих слов Господь вознесся на Небеса.

Грядущие события были открыты и Фотине. Поэтому вместе со множеством христиан она отправилась из Карфагена в Рим, где также с необычайным дерзновением стала проповедовать Христа. И все жители столицы Великой Империи смутились, говоря: “Кто она, которая пришла сюда

* Фотин, равно как и Фотина – однокоренные слова со словом “фос” (свет). – Пер.

с таким множеством людей?”. В это же время в Рим вместе с правителем Италии Севастианом воинами был приведен и ее сын Фотин. Все вместе они предстали перед царем, который лично допрашивал доставленных христиан.

Сначала император пытался разговорами, без устрашения и без применения пыток, вынудить исповедников отречься от своей веры:

– Отрекитесь от Христа или умрете злой смертью, – обозлившись, пугал их Нерон.

– Да не будет этого никогда, Христе Царю, чтобы мы отреклись от Тебя и разлучились от Твоей веры и любви, – молились в ответ мученики, среди которых были: Анатолия, Фото, Фотис, Параскева, Кириаки – сестры Фотинии, Фотин, Иосия – ее сыновья. Все они были согласны с радостью и веселием умереть ради любви к Распятому Господу.

Тогда тиран приказал сломать им суставы рук железными шарами. Схватив святых, слуги Нерона привели их на место мучения и положили руки на наковальню. Начались пытки. От третьего часа дня до шестого бьющие сменились трижды, а мученики совершенно не чувствовали боли, даже руки их не сломались. Это странное чудо смутило Нерона, и он приказал отрубить мученикам руки. Тотчас же схватив Фотину и связав ей руки, слуги стали многократно ударять мечами по рукам святой жены, но ничего не смогли сделать. Они были парализованы и замертво упали на землю, мученица же осталась невредимой и благодарила Бога, говоря: *Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя* (Пс. 117: 7).

Царь стал думать, как ему победить этих христиан и убедить их не поклоняться своему Богу. Он приказал ввергнуть мужей в темницу, а святую Фотину вместе с пятью ее сестрами привести к нему в золотую залу, поставить золотой стол и семь золотых тронов, принести много денег, золотые украшения, одежды и золотые пояса, полагая, что приманками ему удастся изменить их веру. Затем также повелел своей дочери Домнине вместе со всеми ее рабынями прийти в эту залу и быть со святыми. В случае отречения мучеников

от Христа Нерон пообещал им не только подарить все, что находится внутри этой роскошной комнаты, но также удостоить их великой славы и чести. Несчастный заблуждался: помышляя о Небесном, эти жены презрели все земные блага и не хотели даже и смотреть на них.

Такое непонятное языческому сознанию христианское миропонимание удивило дочь императора. Заметив это, Фотина обратилась к ней со словами:

– Радуйся, невеста Господа моего!

– Радуйся и ты, госпожа моя, светильник Христов, – ответила ей Домнина. Услышав, что принцесса упомянула имя Христово, святая весьма обрадовалась и, возблагодарив Господа, обняла ее и поцеловала. А затем обучила христианской вере и крестила дочь императора вместе с сотней дворцовых рабынь. По совершении этого великого Таинства, во время которого Домнине было дано имя Анфуса, царская дочь приказала Стефаниде, старшей из своих рабынь, раздать нищим все золотые украшения и деньги, бывшие в золотой зале.

Узнав об этом, Нерон застонал и повелел тотчас разжечь печь, а потом бросить туда святую Фотину с ее товарищами. В этом огне мученики провели три дня и остались живыми и невредимыми. Когда жители города Рима услышали об этом чуде и увидели их, то сначала недоумевали, как такое могло произойти, а потом, вслед за христианами, прославили Бога.

Тогда тиран приказал дать всем исповедникам смертоносного яда, изготовленного искусным магом Лампадием. Сначала яд дали святой Фотине; взяв его в руки, она сказала: “Не должно было нам брать в руки этот яд и пить его, потому что сам ты нечист. Но для того, чтобы ты, царь, и этот маг познали силу Христа моего, я прежде других выпью его во имя Господа и Бога нашего Иисуса Христа, а потом его выпьют все, кто находится со мной”. Так с ними и случилось – яд не причинил мученикам никакого вреда.

Увидев это, чародей удивился и произнес: “У меня есть другой сильный яд. Но если вы выпьете его и не умрете

в тот же час, то я уверую в вашего Бога”. Когда принесли новое зелье, мученики вновь выпили и нисколько не пострадали. Колдун же пришел в изумление и, собрав все свои волшебные книги, бросил их в огонь. Следуя данному обещанию, он уверовал во Христа, крестился и был переименован в Феоклита. Узнав об этом, царь повелел воинам схватить бывшего мага и вывести за городскую стену. Здесь ему усекли мечом голову. Так блаженный Феоклит ранее всех принял мученический венец.

После этого незаконный Нерон повелел перерезать этим непокорным христианам жилы. Воины исполняли приказ, а мученики поносили и насмехались над безсилием царя и его богов, ни во что не вменяя переносимые ими страдания. Тогда император приказал растопить свинец, перемешать его и, когда закипит, залить рот святой Фотине, а другим святым лить его на спину. Однако и после этого мученики продолжали славословить Создателя: “Благодарим Тебя, Христе Боже наш, что кипящим свинцом прохладил наши жаждущие от этого великого жара сердца”.

Это не остановило Нерона, и он придумал для них другую пытку. Святых повесили, безжалостно строгаи их тела, жгли факелами, но чем большее мучение царские слуги причиняли христианам, тем больше они укреплялись Божественной благодатью и прославляли Бога. Тогда жалкий и суетный Нерон вздумал сломить их несокрушимый дух другим истязанием: им стали вливать в носы смешанный с сильнейшим уксусом пепел. Но и эти действия не увенчались успехом. Святые по-прежнему благодарили Бога и говорили, что эта адская смесь для них *слаждиша паче меда и сота* (Пс. 18: 11).

Такое поведение привело тирана в бешенство. Он приказал ослепить исповедников, а затем заключить их на три года в зловонную темницу, кишашую ядовитыми змеями.

Своим присутствием и постоянными молитвами мученики освятили это страшное место: все ядовитые гады, обитавшие в темнице, издохли, зловоние превратилось в благоуха-

ние, а тьма – в ослепительный свет. И стал посреди святых Господь наш Иисус Христос, сказав им: *Мир вам* (Ин. 20: 19). Затем, взяв за руку святую Фотину, поднял ее и сказал: *Всегда радуйтесь* (Ин. 17: 24)... потому что *Я с вами до скончания века* (Мф. 28: 20). В этот миг к мученикам вернулось зрение, и, увидев Бога, они поклонились Ему. Благословив подвижников, Христос произнес: “Мужайтесь и укрепляйтесь”, и с этими словами вознесся на Небо. С тел святых сошла как бы чешуя, и они совершенно выздоровели, став такими же, как и прежде.

Через три года царь велел привести из темницы одного из своих слуг, заключенного там. Когда посланные пришли в тюрьму, то увидели, что мученики пребывают в здравии: слепые галилеяне снова видели, темница была наполнена светом и неизреченным благоуханем, сюда приходили толпы народа и, уверовав в Воскресшего Спасителя, принимали Крещение.

После такого донесения Нерон вышел из себя и снова вызвал мучеников на допрос. Спросив, почему они не послушались его и продолжают проповедовать имя Христово, он решил предать христиан новым наказаниям за нарушение своего указа. Сначала святых распяли вниз головой и строга­ли их тела три дня подряд, пока не распались сухожилия. Исполнив это, звероподобные и безчеловечные слуги оставили мучеников висеть так четыре дня. По прошествии этого времени они пришли посмотреть, живы ли еще исповедники, однако, даже не успев подойти к ним, немедленно ослепли. В тот самый момент Ангел Господень сошел с Неба, развязал святых и, облобызав их, уврачевал все раны. Сжалившись над ослепшими слугами, святая Фотина сотворила о них молитву к Богу, и они тотчас же снова стали видеть, после чего уверовали во Христа и приняли Крещение.

Когда Нерону донесли об очередном чуде, случившемся с мучимыми им христианами, царь повелел содрать с Фотины кожу. Во время этой пытки святая, подобно Псалмопевцу, возглашала: “Господи, Ты искусил меня и познал меня”

(см. Пс. 25: 2). Содранную кожу бросили в реку, а святую – в пересохший колодец. Затем Севастиану, Фотину и Иосии отрезали детородные органы и кинули псам, потом и с них содрали кожу, бросили в реку, а самих мучеников заперли в старой бане. Пяти сестрам святой Фотины, представшим перед тираном, отрезали груди, и также содрали кожу. Когда очередь дошла до святой Фотисы, та не захотела, чтобы ее удерживали насильно, но с великим мужеством сама сди-рала свою кожу, так что тиран удивился ее терпению. Но и после этой муки всезлостный тиран изобрел для нее другое ужасное наказание: в саду Нерона согнули вершины двух деревьев, привязали к ним блаженную Фотису и отпустили. Святую разорвало на две части, и так она предала свою душу в руки Божии. Тогда повелел мерзкий Нерон обезглавить прочих мучеников мечом, а блаженную Фотину, вынув из колодца, заключить в темницу.

Она же, поскольку осталась одна и не была увенчана мученическим венцом вместе с прочими, опечалилась и просила об этом Бога, Который явился ей и, трижды перекрестив ее Честным и Животворящим Крестом, исцелил от всех ран. Спустя немного дней, воспевая и благословляя Бога, Фотина предала Господу честную свою душу. Память ее Церковь празднует 20 марта/2 апреля.

Вот так все пришли к Желанному Богу и восприяли Его Небесное Царство, егоже и мы да сподобимся их молитвами. Аминь.

ЖИТИЕ,
ПОДВИГИ И МУЧЕНИЧЕСТВО
СВЯТОГО СЛАВНОГО
**СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ПОЛИКАРПА,
ЕПИСКОПА СТИРНСКОГО,**
ПОСТРАДАВШЕГО В 143 ГОДУ

Сей славный священномученик Христов Поликарп происходил из города Ефеса. Родители его были люди весьма богатые и благочестивые: отца звали Панкратием, а мать – Феодорой. Когда Феодора была беременна святым Поликарпом, правителю Ефеса Маркиону донесли, что они христиане. Родителей схватили и привели к нему на допрос, во время которого Маркион пытался вызнать, почему они не подчиняются царскому повелению и презирают великих богов, поклоняясь Христу.

– О, правитель, мы были научены апостолами Господа нашего веровать и поклоняться Истинному Богу, Творцу неба и земли, Господу нашему Иисусу Христу, во имя Которого были крещены, Егоже исповедуем и проповедуем. Бездушных же и безчувственных идолов, которых вы считаете богами, мы отвергаемся и презираем, – безстрашно свидетельствовали родители Поликарпа.

Услышав это, правитель разгневался и приказал воинам бросить их на землю и сильно бить. Затем Панкратия и Феодору посадили в темницу, где они пробыли долгое время, лишённые всякой человеческой помощи, мучаясь от голода и жажды и претерпевая прочие страдания. В этой темнице и суждено было появиться на свет будущему священномученику.

Всеблагий же Бог, знающий все, прежде чем это совершится, предвидя, что правитель будет искать младенца,

чтобы воспитать его и научить собственному заблуждению, послал в темницу Своего Ангела, который сначала исцелил родителей младенца от ран, нанесенных им побоями, а затем сказал, что правитель умертвит их. После этого посланник Божий забрал младенца и отнес его одной весьма богатой вдове-христианке, наказав той крестить его и, никому не открывая правды, со всяким усердием воспитать. После этого Ангел стал невидим.

Беззаконный Маркион много дней искал младенца, но не нашел и еще больше разгневался, подвергнув родителей святого жестоким пыткам. Наконец, видя их непреклонность, он решил предать Панкратия и Феодору на смерть. Правитель приказал воинам вывести их далеко за город и обезглавить, а тела оставить на съедение зверям. Однако все трудился несчастный, ибо ни один зверь не приблизился к честным останкам святых мучеников. Чуть позже на это место пришли христиане и, согласно христианскому обычаю, с благоговением погребли их.

Благочестивая вдовица-христианка крестила ребенка и назвала его Панкратием в честь отца. Она воспитывала его как родное дитя. Когда ребенок пришел в возраст, подходящий для учения, женщина отдала его в школу, и через малое время он выучил все церковные службы. С самого детства имея как бы ум старца, Панкратий не играл с другими детьми, но общался с мудрыми и добродетельными мужами. Как сын мучеников он, по возможности, старался всеми силами подражать им во всех добродетелях, подвизаясь стяжать ко всем любовь, смирение, тихость, воздержание и целомудрие. Особенно же он возлюбил милость, из-за чего его и прозвали Поликарпом*. Вот, послушайте и подивитесь.

Как мы уже говорили, та боголюбивая жена, что воспитала его, была чрезвычайно богата и имела полные закрома пшеницы и прочего зерна. Будучи милостивым и весьма сострадательным, блаженный Панкратий тайно от своей при-

* Поликарп (греч.) – плодородный, обильный плодами. – Пер.

емной матери подавал обильную милостыню нищим, так что опустошил все запасы. Однажды его мать пришла за пшеницей и, найдя кладовые пустыми, удивилась, не понимая, как это могло случиться. Однако, зная о благом расположении и милосердии, какое ее воспитанник питал к нищим, она поняла, что это Панкратий опорожнил закрома. Когда она вернулась и зло посмотрела на него, юноша с веселым лицом попытался уговорить ее еще раз сходить в кладовые, чтобы убедиться, что они полны. Но женщина сильно осерчала и ни за что не хотела идти.

Тогда святой отправился к месту хранения запасов один, помолился Многомилостивому Богу, и – о чудо! – тотчас же все закрома наполнились зерном. Позвав свою мать, он радостно сказал ей: “Госпожа моя, пойди в кладовые, чтобы увидеть силу и благодать Божию”. Когда женщина вошла и увидела полные кладовые зерна и даже горшки, наполненные маслом и вином, она громко прославила Щедрого Бога и, поцеловав благословенного Панкратия, сказала ему: “Чадое мое возлюбленное, отныне давай нищим сколько хочешь и впредь я буду называть тебя не Панкратием, а Поликарпом”. С тех пор и удержалось за святым это имя. С этого самого дня блаженный щедро раздавал зерно всем, имевшим нужду, и Божией милостью хранилища никогда не пустели, потому что, видя благое произволение святого, Всемогуший умножал запасы.

В то время в Ефесской стране случился сильный голод, и тогда достоуважаемый Поликарп показал великое милосердие и сострадание не только к нищим, но и к богатым, потому что многие, хотя и имели большое состояние, не знали, где купить пищу, и подвергались опасности умереть от голода. И святой щедро раздавал им припасы. Так, приходили к нему каждый день толпы богатых и бедных, и он никого не отпускал с пустыми руками, милосердно принимая всех, и каждому оказывая благодеяние.

Когда святому было двадцать пять лет, он услышал, что Иоанн Богослов проповедует Евангелие в других частях

Азии. Имея сильное желание получить пользу, Поликарп отпросился у матери и пошел к Богослову, вместе с которым были Игнатий Богоносец и блаженный Вукол. Божественный Поликарп последовал за ними и, переходя с места на место, из страны в страну, подобно апостолу Иоанну, проповедовал слово Христово. Он испытывал сильные лишения, страдал от голода, жажды и наготы. Спустя некоторое время Римский царь Дометиан узнал, что апостол обращает идолопоклонников в христианскую веру. Это правителю не понравилось, и он сослал любимого ученика Христа на остров Патмос. Перед отъездом Иоанн Богослов успел рукоположить блаженного Вукола в епископа Смирны и дать ему в спутники святого Поликарпа.

По дороге в Смирну святой Вукол рукоположил божественного Поликарпа во священника. И хотя тот не соглашался, оправдываясь тем, что недостойн нести столь высокое послушание в Церкви, Владыка возвел молодого священника в достоинство орфанотрофа*. Однако блаженный Поликарп был настолько смиренномудр, что не желал выделяться среди прочих и даже в собрании священников не садился согласно своему чину, но ниже всех, как простой человек.

По причине такого великого смирения Всеблагой возвысил и прославил Поликарпа: предузнав о своей смерти, святой Вукол собрал всех епископов, клир и христиан епархии, сообщил им о своей приближающейся кончине и спросил собравшихся, согласны ли они с тем, чтобы отныне епископом Смирны был Поликарп. Все с великой радостью согласились с этим предложением. Так, против собственной воли, святой Поликарп был рукоположен во епископа Смирнского.

Приняв великий груз архиерейства, блаженный нес свое послушание с особым прилежанием, постоянно поучая введенную ему паству Евангельскому слову и посредством своих дел став для всей христианской общины Смирны образ-

* Орфанотроф (греч.) – опекун сирот. – Пер.

цом всякого блага, он не переставал посещать свое словесное стадо день и ночь: везде укреплял немощных, утешал скорбящих, исцелял недужных, заботился о сиротах, миловал нищих и помогал всем христианам. Особое тайное и явное попечение имел он о мучениках, укрепляя их в вере Христовой, ибо в то время тираны постоянно подвергали их жестоким пыткам.

Владыка по достоинству назывался Поликарпом, потому что был исполнен всякого божественного плода, являясь удивительной тихой пристанью и великим прибежищем не только христиан, но и многочисленных язычников, которых он непрестанно учил, без всякого страха и робости, обращая в веру Христову. Уже при жизни святой сотворил безчисленное количество чудес. Однажды случился в Смирне сильный и страшный пожар. Причем огонь царствовал не только в самом городе и домах, но и в поле за городом, в виноградниках, где горели деревья и животные. Это страшное бедствие не отступало в течение семи суток. Безумные и омраченные идолопоклонники призывали на помощь своих богов. Но напрасно старались, потому что чем больше просили идолов, тем больше гневался на них Бог, и огонь все усиливался. Вследствие этого христиане пришли к святому, прося его помолиться ко Господу о прекращении огня. Владыка сжалился и, согласно их прошению, сотворил молитву ко Вседержителю, а затем, обличая идолопоклонников, из-за нечестия которых происходило все зло, обратился к огню со словами: “Во имя Господа нашего Иисуса Христа, Которому я, недостойный, служу и поклоняюсь, повелеваю тебе в сей же час совершенно угаснуть!”. И – о странное чудо! – страшный тот огонь в тот же момент полностью угас и исчез, а присутствовавшие в удивлении громко воскликнули: “Велик Бог христиан!” И многие идолопоклонники уверовали во Христа и крестились во славу нашего Создателя.

Один из язычников, знатный сановник по имени Петроний, движимый диаволом, который всегда завидует всякому добру, стал говорить хульные слова против христианской

веры и святого Поликарпа, и тотчас же подвергся приступу одержимости. Он упал на землю, стал кататься, испускать пену и сотрясаться в конвульсиях. Некоторые христиане пожалели его и попросили епископа исцелить Петрония. Подражая Владыке Христу, блаженный святитель сжалился над ним и даровал сановнику двойное врачевание: запретив лукавому и нечистому духу и прогнав его из Петрония, он просветил тем самым его душу. Через полученное благодеяние богач познал силу, какую имеют рабы Христовы, и, уверовав, крестился вместе со всеми домашними.

Прошло четыре года, и в Смирнской области наступила сильная засуха, в результате которой мог погибнуть весь урожай. Народ пребывал в печали и не знал, как его спасти. Христиане снова пришли к своему владыке Поликарпу и просили его помолиться Господу. И – о чудеса Твои, Христе Царю! – полил такой сильный дождь, что напоил все посевы. Но поскольку дождь, не переставая, лил несколько дней подряд, епископ Смирны снова с помощью молитвы воспрепятствовал его чрезмерности.

Из этих немногих чудес, совершенных святым еще при жизни, можно судить о том дерзновении, какое он имел к Богу. Коротко расскажем о славном подвиге мученичества святителя Поликарпа.

Когда в Риме правил Марк Аврелий, против верующих христиан было воздвигнуто великое гонение, и многие властители городов немилосердно их истязали. Так поступал и правитель Смирны: находя христианина, он предавал его безчеловечным смертельным мукам, и дошел до того, что решил схватить святого Поликарпа, как руководителя местной христианской общины. Услышав об этом, божественный епископ ничуть не смутился и решил остаться в городе. Однако христиане, любя его и не желая лишиться такого достойного архипастыря, разными способами убедили святого покинуть город. Он ушел из Смирны и прибыл в одно селение, где дни и ночи проводил в молитве за всех христиан и за все Церкви Христовы по всему миру. Молясь

так три дня подряд, он задремал и увидел во сне, что его подушка запылала и сгорела. Тотчас же проснувшись, святой пророчески изрек бывшим с ним, что ради любви Христовой огонь должен изменить его жизнь. Тем временем слуги правителя продолжали искать владыку Поликарпа, и епископ, понуждаемый любовью братьев, перешел в другое селение. И как только святитель ушел из первого прибежища, туда пришли воины и, не найдя его там, схватили двух детей, проживавших в том доме. Чтобы узнать, где находится блаженный Поликарп, они подвергли их пыткам. Не в силах перенести муки, один из детей открыл местонахождение Смирнского епископа.

Воины, взяв ребенка, в тот же вечер пришли в дом, где скрывался архипастырь. На этот раз святитель не захотел никуда уходить, но, уповая на волю Божию, настоял на своем и сошел вниз безбоязненно, с веселым и радостным лицом, встречать незваных гостей, чем весьма удивил воинов. Пока по просьбе святого legionеры обедали, епископ молился, после чего его посадили на осла и привезли в Смирну.

Когда Поликарп входил во дворец правителя, с Неба слышался голос: “Укрепляйся, Поликарп, и мужайся”. Эти слова слышали многие христиане, однако никто не видел Того, Кто их сказал. Наместник императора не был уверен, что к нему привели знаменитого Поликарпа. Однако, когда святой убедил его в этом, правитель стал уговаривать его отречься от Христа и похулить Его, но епископ Смирны возразил:

– Восемьдесят шесть лет я работаю Ему, и Он не причинил мне никакого зла. Как же я сейчас могу похулить Царя моего, Спасителя и Испытателя?

Но тиран стал снова принуждать святителя отречься от Христа:

– Если не отречешься от Христа, я брошу тебя на съедение зверям, – устрашал судья мученика.

– Не медли, но бросай меня зверям, потому что я не поколеблюсь в моей вере, но скорее буду тебе весьма признателен,

если на один час раньше переселишь меня из этого ложного и претрудного мира в истинный и бессмертный, – настаивал Поликарп.

– Поскольку ты, – по-прежнему перечил святителю правитель, – ни во что вменяешь зверей, то, если не раскаешься, я сожгу тебя огнем.

– Что ты устрашаешь меня временным огнем, который скоро гаснет? Или ты не знаешь о неугасимом огне вечно-го мучения, который уготован нечестивым? Итак, не трать время, но делай что хочешь, – исповеднически возразил ему божественный епископ.

Говоря это и еще многое другое с великим дерзновением и радостью, мученик привел правителя в изумление, так что тот в недоумении послал глашатая трижды объявить о том, что Поликарп – христианин. Услышав объявление, вся толпа еллинов и евреев закричала громким голосом: “Это – отец христиан, который учит народ не поклоняться богам. Мы должны сжечь его живьем”. Тотчас же они принесли из мастерских и бань дрова и хворост. Особенно старались преуспеть в этом нечестивом деле евреи, ведь у них, в силу той ненависти, что они питают ко Христу и ко всем христианам, в обычае усердно прислуживать подобному злу. Когда костер был готов, Смирнский епископ снял свои одежды и распустил препоясание. Воины хотели прибить святого гвоздями, дабы он неподвижно стоял в огне. Он же сказал им: “Оставьте меня, ибо Тот, Кто дает мне силу переносить огонь, укрепит меня, чтобы я был неподвижен”. Ему связали за спиной руки, и Поликарп был принесен в благоприятное всесожжение Богу, подобно овну праздничному, выбранному из великого стада. Перед тем как войти в огонь, мученик, воздвигнув очи к небу, стал молиться: “Господи, Боже Вседержителю, благодарю Тебя, что удостоил меня с сего дня и часа быть соприсчисленным к мученикам Твоим в воскресение жизни вечной, души же и тела. Только бы мне быть принесенным сегодня пред Тобою в жертву благоприятную, как Ты, Истинный Боже, уготовал, и предоткрыл, и совершил.

Сего ради и о всех Тебя благословляю, Тебя прославляю с Возлюбленным Твоим Сыном и со Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь”.

После этого он вошел в огонь, и – о чудо! – огонь тот, как некий свод, как будто парус, наполненный воздухом, окружил тело мученика. И стоял он посреди него не как сожигаемая плоть, но как золото, разожженное в печи золотых дел мастера, и было сильное благоухание, как будто горел фимиам или иное что из драгоценных ароматов.

Наконец, увидев, что тело святого не горит, беззаконники повелели, чтобы к мученику подошел палач и умертвил его мечом. Когда это случилось, вытекло так много крови, что она совершенно угасила огонь. Наблюдая за этим чудом Божиим, вся толпа удивилась. А завистливый и злобный диавол, зная, что христиане захотят взять честные мощи святого придумал вот что. Одного сановника уговорили сказать правителю, чтобы тот не отдавал тело священномученика христианам, дабы они не стали почитать блаженного Поликарпа. Чтобы христиане тайно не взяли останки епископа Смирны, евреи взялись охранять их. По прошествии нескольких дней некий сотник бросил святые мощи Поликарпа в огонь, и они сгорели. После этого христиане, взяв то, что осталось после сожжения тела священномученика, с благоговением и почестями погребли в особом месте – во славу Христа, Бога нашего, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ХАРИТОНА ИСПОВЕДНИКА,

СПАСШЕГОСЯ ОТ МУЧЕНИЧЕСКОЙ
СМЕРТИ В 276 ГОДУ

В 270 году по Рождестве Христовом в Риме царствовал Аврелиан, который хотя и был идолопоклонником, все же в самом начале своего правления не чинил препятствий христианам, поклоняющимся Истинному Богу, однако впоследствии, подвигнутый бесами, которым служил, воздвиг на христиан великое гонение. По всем областям своего царства Аврелиан разослал нечестивый указ, согласно которому правители должны были приложить всяческое тщание и усердие в убеждении христиан отречься от веры Христовой и возвращаться в прелесть идолослужения, а тех, кто не подчинялся, подвергать различным мукам и позорной смерти. В Иконии одним из первых христиан был схвачен и приведен на судилище к нечестивому правителю святой Харитон, так как именно он во всей окрестности был известен как самый добродетельный муж.

Во время допроса треплаженный безстрашно признался, что верует во Христа, Истинного Бога. На вопрос, почему он противится царским повелениям и не хочет принести жертву безсмертным богам, исповедник с великим дерзновением отвечал:

— Я потому не почитаю ваши святыни, что они не истинные боги, а злобные бесы, которые коварно убедили вас почитать их за богов по двум причинам. Во-первых, чтобы этих лжецов возвеличивали под славным именем божества, а они гордились, что их почитают как богов, а во-вторых, чтобы

увлечь вместе с собой в неугасимый огонь мучения всех тех, кто их почитает.

– О Харитон, должно было мне сейчас весьма разгневаться на тебя и тотчас же предать на жесточайшие мучения, потому что ты похулил богов. Но, поскольку они долготерпеливы и незлобивы, то и я хочу им подражать и советую тебе избрать то, что послужит тебе на пользу: принеси жертву богам и будешь иметь великую честь у царя, – попытался уговорить святого наместник императора.

– Судья, если эти глухие и бездушные истуканы – боги, то ты худо поступаешь, что терпишь наносимые им мною оскорбления. А если они не боги, как и есть на самом деле, то ты напрасно трудишься, склоняя меня к совершению беззакония, потому что я никоим образом никогда не отрекусь от Живого и Истинного Бога и не буду служить мерзким бесам, поскольку я – последователь и подражатель той знаменитой первомученицы Феклы, которая, как другой Илия, сияет лучами мученичества в этом городе иконийцев. Кроме того, я ученик великого проповедника благочестия Павла, который вдохновенно склонял Феклу претерпевать мучения ради любви Христовой. Поэтому и я сегодня перед всеми говорю словами божественного Павла: *Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?* (Рим. 8: 35). Нет, ничто не разлучит меня от любви Христовой, – отвечал мужественный воин Христов.

– О добрый Харитон, если святыни наши, как ты говоришь, – не боги, как же августейшие наши цари, которые им поклоняются, и мы, правители, веруя в них, имеем от них славу и счастье? – сказал тогда правитель.

– Весьма заблуждаетесь вы, еллины, что признаете богами резные изваяния, вышедшие из-под рук человеческих, которые полностью лишены дара речи, ума и живых чувств, как об этом говорит наше Священное Писание: *Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих; есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у*

них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им (слепы, глухи и безчувственны) будут делающие их и всякий, кто надеется на них (Пс. 134: 15-18). Может, ты сомневаешься в том, судья, что сказанное мною истинно? Испытай на деле: предай идолов огню, прикажи сокрушить им члены, и тогда самым опытом познаешь, что они совершенно безчувственны и не могут ни пошевелиться, ни говорить, ни причинить вред уничтожающим их, – ответил Харитон.

От этих слов незаконный судья весьма разгневался и приказал обнажить святого, растянуть по земле за руки и за ноги, и бить воловьими жилами. При этом звероподобный правитель говорил мученику:

– Ну что, принесешь жертву богам? Или хочешь, чтобы на твое тело обрушилось еще больше ударов?

– Не только удары, но скорее тысячу смертей я бы принял ради любви Христовой, но не согласился бы отречься от Бога и принести жертву идолам, – подтвердил терпеливый подвижник.

Услышав это, тиран приказал бить мученика еще сильнее. И так сильно его истязали, что не осталось на нем живого места, но были видны внутренности. От невыносимых побоев Харитон пребывал безгласен. Тогда правитель приказал оставить его, не потому что пожалел святого, но для того, чтобы тот не умер так скоро, избежав, таким образом, больших мук. Слуги подняли полумертвого исповедника и, взвалив на плечи, отнесли и бросили в темницу.

Ради краткости и умалчивая о многих подвигах сего доблестного мужа, опуская подробности, скажу, что после того как чудесным образом Господь даровал ему в заключении здоровье, мученика Христова снова привели на судилище. И вновь суемудренный властитель пробовал сначала обманчивой лестью, а потом устрашениями сделать Харитона своим единомышленником. Но поскольку тот еще более укрепился в вере Христовой и лишь смеялся над его безумными речами, правитель предал его еще большим мукам и приказал

жечь тело исповедника огнем, а потом снова заключить в темницу.

Прошло немного времени и богоборствующий император был по справедливости наказан Богом за то зло, с которым дерзнул пойти на христиан: всезлобный Аврелиан умер страшной смертью. Заступивший после него на царство Тацит был вразумлен примером своего предшественника и, боясь, что тоже будет наказан, приказал прекратить преследования христиан во всех областях своего царства.

Так, по устроению Божию, божественный Харитон не был предан смерти. И многие получили большую пользу от долгой земной жизни Харитона Исповедника, чего не было бы в результате его мученической кончины. Согласно царскому указу ему была дарована полная свобода. Хотя святой и не принял за Христа мученической смерти, однако на выносливом его теле остались победные знаки и раны. Почти умерев для этой временной жизни и желая отныне служить только Единому Богу, он вступил на узкий и скорбный путь, ведущий, по словам Самого Господа, человека в жизнь вечную (ср. Мф. 7: 14).

После освобождения из заключения, Харитон принял решение пойти в Иерусалим. По дороге в Святую Землю он попал к звероподобным разбойникам, которые связали ему за спиной руки, надели на шею железную цепь и привели треблаженного в пещеру, где обитали сами. Оставив его там связанным, они вышли на проезжую дорогу подстергать других путников. А божественный Харитон, размыслив, что нашедшее на него искушение попущено Богом на пользу его души, вначале премного возблагодарил Создателя, и, обратившись к злобному диаволу, стал поносить его таким образом: “О мерзкий и нечистый, за что ты предал меня этим разбойникам – чтобы они убили меня, или чтобы помешать мне достигнуть цели? Хотя бы ты и усердно старался умертвить меня, напрасно трудишься, потому что ты ясно видел, что я, по благодати Христа моего, презираю любую смерть. А если ты и хочешь сбить меня с пути,

чтобы я жил, не подражая Господу, ничего у тебя не выйдет. Потому что, будучи милосердным по природе, Творец ищет всякий самый малый предлог, чтобы щедро даровать Свои блага тем, кто желает жить богоугодно”.

Во время этих размышлений в пещеру заползла гадюка, которую святой не видел, и в сосуд разбойников, наполненный вином, изрыгнула весь свой яд. Когда страждущие от жажды разбойники вернулись и выпили это ядовитое вино, то сразу умерли. Так злость была наказана, а дивный Харитон в тот же час был невидимо избавлен от уз. Однако исповедник не покинул это безлюдное место; оно было весьма пригодным для безмолвия, и святой решил там остаться. С серебром, собранным разбойниками во грехе, он поступил по справедливости: часть раздал нищим и преподобным отцам-пустынникам, а на оставшиеся деньги построил в пещере Божий храм и Святую Фаворскую Лавру, главную церковь которой впоследствии освятил Иерусалимский Патриарх Макарий, который был в числе трехсот восемнадцати богоносных отцов Первого Вселенского Собора.

Подвизаясь в пещере, преподобный весьма скоро и вопреки своей воле стал очень многим известен. Каждый день он совершал удивительные чудеса. В результате безчисленное множество еллинов и иудеев стали принимать Святое Крещение и, дивясь на его подвиги и добродетели, хотели по возможности ему подражать, и многие становились монахами. Поистине это было изумительное чудо – видеть, как достоблаженный подвизался с несравненным желанием в жительстве по Богу, как считал для себя наслаждением воздержание, неистощимым богатством – нестяжание, и как любил лежание на голой земле. От бдений он получал больший отдых, чем жизнелюбцы от многоспания и отдыха на мягких матрацах, так он любил Всенощные моления и пения псалмов. От ношения власяницы, прикосновения которой царапали его мученические раны, присноблаженный получал удовольствие большее, чем те, кто носят светлые и мягкие одежды. Все это происходило потому, что надежда

на вечное блаженство придавала силы его душе с благодарением претерпевать всякую боль и любой труд.

Блаженный Харитон был весьма милостив к нищим и сострадателен к согрешающим, гостеприимным и добрым, кротким и простым, беззлобным как дитя, и мирным со всеми, приветливым и учтивым, учительным и обогащенным словами премудрости, которыми радовал сердца своих посетителей. Посему каждый день к нему приходил народ послушать душеспасительное его учение. Из-за многолюдства пустыня стала городом. Видя, что от приходящих толп народа происходит великое смущение, чем нарушается его безмолвие и собеседование с Богом, а еще более – стараясь убежать от человеческой славы, ибо святой знал, что, подув как сильный ветер, она может погубить любую добродетель, преподобный решил уйти из Фаворской Лавры. Во время прощания Харитон заповедал своим ученикам все, что было необходимо для монашеской жизни. Устав заключался в следующем: есть один раз в день, желательно вечером, причем не вкушать много сытной пищи, но воздерживаться в тот момент, когда захочется еще. Едой же насельникам обители должны были служить хлеб и соль, а питьем – чистая вода, которой, ради приобретения безстрастия, монахи тоже должны были утолять жажду весьма умеренно. Преподобный также назначил им время для псалмопения и молитвы: как днем, так и ночью. При этом заповедал ненавидеть безделье – как причину всех зол, и всегда давать рукам работу, подобно пророку Давиду, который *воззвах к тебе, Господи, весь день воздох к Тебе руце мои* (Пс. 87: 10). Во исполнение этих строк подвижник советовал монахам, бывшим у него в послушании, всегда молиться с воздетыми руками.

Святой отец велел отсекал от сердца постом и божественным мечом непрестанной молитвы худой помысел, посеянный общим врагом, чтобы он не смог найти себе места упокоения в сердце брата и родить отравленный плод сладострастия: *сей же род* (бесовских помыслов) *изгоняется только молитвою и постом*, – сказано в Евангелии от Матфея

(Мф. 17: 21). Кроме того, Харитон заповедал не отсылать с пустыми руками нищих, что приходят к воротам монастыря, дабы не пропустить Христа, Который, испытывая нас, очень часто надевает нищенское рубище.

После того как преподобный дал монахам своей обители эти установления и при общем согласии насельников поставил над ними игуменом самого добродетельного и опытного во всем брата, авва стал готовиться к уходу. Однако не в силах перенести этого, братия крайне опечалилась и с горячими слезами просила отца Харитона не расставаться с ними. Святой не стал их слушать, потому что стремился к пользе не только для своей души, и в утешение братии молвил: “Не печальтесь, чада мои, из-за разлуки со мной, потому что если я уйду отсюда, никто не придет больше искать меня и беспокоить вас. Так что мое отшествие будет полезно и для меня, и для вас. Вы и я должны безмолвствовать в своих кельях, ведь только так мы принесем, с помощью Божией, мед добродетели”. Попрощавшись с ними и передав их Владыке Христу, Харитон ушел. После одного дня пути преподобный обнаружил в районе Иерихона пустую пещеру, весьма пригодную для безмолвия. Здесь он скрывался долгое время совершенно никем не знаемый, наедине беседуя с Единым Богом. В пищу блаженный употреблял траву, которую случалось ему находить.

Однако Спаситель мира не дал укрыться сокровищу и явил миру раба Своего посредством чудес, которые совершались через него. Например, Харитон исцелял страдавших от телесных и душевных болезней. После его душеполезных наставлений многие захотели отречься от мира. Они стали монахами и остались жить рядом со святым Харитоном. Ради этого он построил вторую Лавру, которую позднее расширил, и назвал Эльпидий. Лавра весьма преуспела в подвижнических трудах и получила прозвище Дука*, поскольку некий дука, правитель, оборонял эту святую Лавру

* Дука (греч.) – правитель. – Пер.

от набегов обитавших тогда в соседнем с ней селении Ное-рос евреев, которые из зависти искали возможности уничтожить монастырь.

Но и в эту обитель ежедневно стало приходиться большое количество людей, так что ни святой, ни братия не имели покоя. Тогда отец Харитон вновь оставил насельникам Лавры заповеди и, поставив для руководства над ними старшего, ушел в другую часть пустыни, называемую Фекоос. Господь наш, ищущий всем спасения, устроил так, что святой менял места жительства, чтобы, с одной стороны, сделать его добродетель еще более явной, а с другой, – чтобы к нему приходили и научались полезному разные люди, прежде всего, идолопоклонники. Кто-то из них обретал веру во Христа и принимал Крещение, кто-то приходил к жительству по Богу, оставляя мирскую суету и попечения, становился иноком и старался во всем подражать преподобному.

Ради собравшегося там народа Харитон построил и третью Лавру, названную Сукас. Но так как сам он весьма любил безмолвие, ибо опытно знал его сладость и пользу в стяжании добродетели, недалеко от новосозданной обители святой отец нашел богозданную, “подвешенную” высоко над землей, на крутой и неприступной горе пещеру. Туда можно было добраться только с помощью лестницы. Однажды поднявшись в эту пещеру, мужественный Харитон там и поселился.

Харитон провел в безмолвии долгое время, но будучи не в силах по причине старости и многолетних подвижнических трудов служить и ходить за водой, но и не желая назначать на это послушание никого из своих учеников, чтобы не стать им в тягость, богоблагодатный задумал следующее. Он знал, что по молитве праведника Бог и невозможное может сделать возможным, а трудное – весьма легким. И – о чудо! – тотчас же после молитвы исповедника в пещере забил источник чистейшей воды. И до сих пор он вытекает с одной стороны пещеры, не только утоляя жажду, но и врачую всякую немощь. Это – лучшее свидетельство святости

преподобного и того дерзновения, которое имел ко Творцу источающий благодать Харитон.

Данному повествованию недостает рассказа об успении преподобного, которое тот предвидел по Божественному откровению.

После того, как преподобный Харитон узнал о приближающейся кончине, он спустился из пещеры в святую Сукасскую Лавру и вместе с игуменом и братьями пришел в монастырь Эльпидий, откуда в сопровождении пастырей и паствы обеих обителей прибыл в святую Фарасскую Лавру – туда, где впервые пролил пот своих подвижнических трудов. Здесь он оставил в наследство своим ученикам завещание. Суть его такова:

“Поскольку приблизилось время моей кончины, я пойду к Богу, куда и вы, чада мои, возлюбленные о Господе, потщитесь прийти со всяким прилежанием, хорошенько подготовившись сейчас, пока есть время. Ибо вы знаете, что после смерти никакое раскаяние не поможет. Настоящая жизнь – время покаяния и подвигов для стяжания добродетели, а будущая жизнь – время воздаяния. Всякие печали и трудности этого мира скоро исчезают, подобно этому – все радости и наслаждения. А в будущем как наслаждение благами, так и адские мучения, – вечны и безконечны. Посему заповедую вам, прежде всего, тщательно блюдите богоданную веру, нисколько не отклоняясь и не колеблясь от обстоятельств времени или от опасности. Потому что через малое время, как мне открыл Господь, случится великое смущение в святых Церквах Христовых от еретиков, которые многих совертят в свои еретические мнения. Вы же твердо стойте в догматах Церковных до крови, если этого потребует время. Далее, блюдите, чтобы никто вас не осуждал за вашу жизнь, и храните себя непричастными всякому греху. Если же вы еще не достигли этого, очищайтесь от грехов с великим усердием, всякий день. Блюдите девство и святость тела, чтобы быть вам храмами неоскверненными, и чтобы Чистейший

Бог возжелал обитать в вас и наполнил души ваши Своей святостью и неизреченным благоуханием.

Гнев и раздражение – величайшее зло, никакая из страстей не может нанести такой вред братолюбию, как эта. Вы же, о истинные чада мои, со многим прилежанием храните согласие, мир, христоподражательную кротость и человеколюбие. Если же, по искушению от ненавистника добра, случится между вами соблазн, потщитесь, как можно быстрее, призвать на помощь всечестную любовь и братолюбие, чтобы не произошло так, что зайдет солнце, а между вами еще действует соблазн, и вы омрачены ненавистью злопамятства. Ведь если мы вдруг умрем этой ночью, то без любви нельзя будет увидеть Солнце правды, Учителя нашего Христа, Который в Святом Евангелии сказал: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13: 35). Если же диавол, сеятель погибели душевной, посадит в душах ваших помысел лукавого похотения, с великим прилежанием потщитесь тотчас же искоренить и удалить его. Если вы поспешите, то сможете изгнать его с легкостью, а если оставите на долгое время в вашем сердце, тогда лишь с большим трудом сможете его искоренить. В качестве оружия употребляйте пост, молитву, слезы, память смертную и воспоминание о неугасимом огне мучения, используя эту память как губительницу всякого греха. Помните и о самом сильном, и самом страшном оружии для наших врагов – одеянии Самого Иисуса – победоносном смирении: *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем...* (Мф. 11: 29), – говорит нам Спаситель.

Хранение ума и всех чувств, особенно зрения и слуха, есть безопасное пристанище для того, чтобы не быть нам поработанными помышлениями, отделяющими нас от Бога, потому что через эти два чувства входят в наше сердце почти все дурные желания. Как говорит пророк Иеремия, через окна невнимания, то есть чувства, входит в нас душевная смерть. Весьма драгоценное приобретение для монаха суть нестяжание, беспопечительность, непривязанность к пожеланию

тленных предметов. Монах должен быть умеренным в телесных потребностях, как советует Павел: *Имея пропитание и одежду, будем довольны тем*, не ропща опрометчиво на Благодетеля нашего (1 Тим. 6: 8).

Величайшее из всех других зол – высокоумудрие и гордыня, поскольку они убивают в человеке всякое добро. Эта страсть очень часто обымает и сопровождает тех, кто богат добродетелями, но иногда прилепляется к тому, кто лишен всякого добра. Гордость вызывает страшное крушение у того, кто ею одержим. Потому-то и божественный Павел, протягивая нам руку помощи, указывает, как мы можем избавиться от нее: *Посему, кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть* (1 Кор. 10: 12), то есть тот, кто думает, что он хорошо стоит в добродетели, пусть внимательно смотрит, чтобы не потерпеть ему крушения в добродетели, так что он не сможет более встать от падения. Должно нам много беречься, чтобы не осуждать брата нашего, но сострадать ему и исправлять, потому что осуждение есть порождение души гордого, который в помыслах осуждает всех людей и ищет через осуждение других оправдания и прославления самого себя, говоря фарисейски: *я не таков, как прочие люди... или как этот мытарь* (Лк. 18: 11).

Если тебе нравится судить себя и исследовать, брат, то ты весьма близко от самого себя. Никогда не прекращай судить и исследовать все свои тайные помыслы, слова и дела, исправляя погрешности, потому что если будем здесь, в этой жизни, судить самих себя и исправляться, тогда не будем осуждены Богом в другой жизни на вечные муки, как говорит блаженный Павел: *Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа* (1 Кор. 11: 31-32). Если кто доставляет сверх меры удовольствие своей утробе, такой легко терпит крушение и впадает в плотские страсти, получая, таким образом, за это злое воздаяние. Труды же и бдение иссушают ее, пост совершенно укрощает и препятствует возникновению в ней беспорядочных движений.

Любите гостеприимство и всегда оказывайте его, потому что это дело угодно Богу. Когда принимаете чужестранцев, оmyвайте им ноги, поскольку это умывание есть служение Христово и Его заповедь. Ведь Он был Первым, Кто вымыл ноги Своих учеников и повелел, чтобы и мы поступали так же. Это действие не только дает успокоение уставшим, но даже может исцелить более, чем какое-либо другое занятие, самую вредную болезнь души – тщеславие.

Средства, очищающие душу от скверн греха, это – слезы, стенания, сокрушение сердечное, пост, молитва, возлежание на земле и все то, что врачует кающихся. Они не слишком утомительны, хотя и доставляют рассудительным большую пользу. Я знаю лишь одно весьма нетрудное, но очень сильное средство для очищения скверны души: сострадание к согрешающим. Посредством него не только подается оставление грехов сострадательному, по изречению: *прощайте, и прощены будете* (Лк. 6: 37), но оно часто вразумляет грешника больше, чем наказание, и из свободного делает его рабом того, кто ему сострадает, как это видно и у неверных, которые говорят, что прощение – лучше наказания”.

Этому и подобному научая своих учеников, божественный Харитон пожелал им спасения души, а затем, не вкусив нисколько болезни, ничуть не испытав ни в одном своем члене недуга, пал на кровать и, простерев ноги, тотчас же в радости предал свою святую душу Ангелам. Так он перешел в безконечное блаженство – туда, где наступает упокоевание для тех, кто, проливая пот, потрудился в винограднике Господнем, для тех, кто ходил узким и утомительным путем добродетели.

Итак, все деяния и чудеса присноблаженного Харитона, которые, несмотря на их древность, избежали забвения, мы через это повествование передали вам, дорогие любознательные слушатели, во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, Единого Божества и Царства, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
СВЯТОГО И СЛАВНОГО МУЧЕНИКА
ФАЛАЛЕЯ,

ПОСТРАДАВШЕГО
ОКОЛО 284 ГОДА

Сей великомученик Христов Фалалей происходил из одной местности Финикии, называемой Ливанским лесом. Сын христианского епископа Верукия и потомок знатного рода своего города, он был воспитан *в учении и наставлении Господнем* (Еф. 6: 4) и обучен также божественной и священной грамоте. Войдя в определенный возраст, Фалалей пожелал изучить врачебное искусство, как самое необходимое и наиболее человеколюбивое из всех других искусств. Он нашел одного замечательного и в высшей степени набожного врача и через малое время в совершенстве познал медицину.

Был же юный Фалалей весьма благочестив и набожен, и имел душу, украшенную всеми добродетелями и богоприятными деяниями. Так, в своем доме он принимал всех людей без различия: чужестранцев и местных, с любовью служил им в каждой их нужде. Дом его был гостиницей для всех: нищих и богатых, потому что святой весьма возлюбил добродетель гостеприимства и радовался, когда благодаря ему многие исцелялись. Однако большее сострадание и милосердие Фалалей проявлял к нищим, о них он заботился более всего, считая своими собственными их болезни и страдания. Очень часто, чтобы избавить этих людей от трудов, он брал их на руки и нес к себе в дом, стоял перед ними как раб, предпочитая лучше служить им, чем творить любое другое добро. Святой прилагал все усилия, чтобы заботиться и лечить нищих от болезней. И такое милосердие проявлял к тем, кто нуждался в помощи, что не они искали его, а он сам бежал к ним и помогал во всех нуждах, без всяких подно-

шений возвращая им здоровье. Наряду с человеколюбием и милосердием, святого отличало нестяжание, он никогда не брал денег и никаких других предметов сего мира.

При такой безкорыстной жизни Фалалей быстро удостоился апостольских дарований. Одним лишь дерзновенным проповеданием имени Христова, без лекарств и пластырей, он лечил любую болезнь, со всяким тщанием стараясь привести ко Христу всех идолопоклонников. Он не делал никакого различия между верующими и неверующими, но всех исцелял, получая двойное уврачевание – души и тела. Ибо святой был милостив и сострадателен ко всем, горячо молил обо всех Создателя: о христианах, чтобы покаяться и загладили прегрешения, о язычниках, чтобы оставили свои заблуждения и уверовали в истинного Бога. Он даже обличал тех христиан, которые не сострадали неверным в их напастях и болезнях.

Так, однажды, некий христианин гневался на одного идолопоклонника и радовался его несчастью. Увидев это, святой весьма опечалился и обличил своего единоверца за жестокосердие:

– Не должно радоваться беде врага, потому что напасти и страдания для всех общие. Ведь никто не знает, что с каждым из нас случится в этой жизни, – наставлял Фалалей.

Один христианин, считая, что гибель нечестивых была бы благом для всех людей, не понимал Фалалея, который всю свою жизнь провел в молитве за врагов, и задавался вопросом, какая от них может быть польза, ибо они составились в нечестии и в грехах... Однако блаженный никогда не радовался, а сострадал бедам других. Таким образом он смягчал их неверие и часто приводил к вере. Подобно ему и многие христиане избавлялись от жестокости и укреплялись в милосердии.

Имея сильную ревность к вере, святой очень старался искоренить языческую прелесть. Для этого он каждую ночь ходил и срубал высокие деревья в Ливанском лесу, у которых собирались еллыны и приносили жертвы своим богам,

оскверняя блудом свои души. Там же происходили попойки и танцы с участием женщин, сопровождаемые игрой на всевозможных музыкальных инструментах. Вырубив деревья, святой отучил их приносить жертвы идолам, творить безчинства и многих привлек к себе, исцелив от болезней телесных и душевных и наставив в христианской вере.

Однажды некоего человека ужалила в грудь ядовитая змея. От ее яда грудь и бока стали гнить, так что больной находился при смерти. Потратив на врачей все свои средства и не получив никакого исцеления, уже совершенно отчаявшись, больной ожидал смерти. Однако блаженный врач охотно взялся его вылечить, попросив только уверовать во Христа. И как только тот согласился, святой помолился Богу и изобразил на его груди знамение Животворящего Креста. Вскоре от болезни не осталось и следа. Страдалец прославил Бога за двойное исцеление – души и тела, которое получил от Фалалея.

В другой раз серьезная болезнь – потеря голоса – приключилась с одним врачом. Утратив всякую надежду на исцеление, родственники принесли страждущего к святому и попросили облегчить ему муки.

– Если хочешь исцелиться, – обратился милосердный Фалалей к страдальцу, – уверуй во Христа, и Он тотчас же сделает тебя здоровым.

Услышав это, больной припал к его ногам и, обливая их слезами, жестом дал понять, что уверует во Христа всей душой, если получит исцеление. И – о чудо! – в тот же час на него сошла Божественная благодать, язык его разрешился от уз немоты, и человек стал говорить, как и прежде.

С той поры святой стал обходить город в поисках больного, или голодного, нищего, или пребывающего в заблуждении, чтобы исцелить его душу и тело. Так, он сжалился над расслабленным, лежавшим обнаженным на земле, подошел к нему и спросил, что у него болит.

– Однажды я шел по крутой дороге. Запнувшись, упал и сломал ногу, – начал свой рассказ страждущий. – Долгое

время пробовал разные лекарства, но ничего не помогало, не смог найти исцеление и у врачей. И вот сейчас лежу в отчаянии, как самый несчастный из всех людей. Ты же, который милосерднее любого родного отца, помилуй меня, несчастного, и уврачуй.

– Чтобы ты стал здоровым, приложу тебе пластырь веры Христовой, чтобы ты исцелился. Только уверуй во Христа, и тотчас же подастся тебе благодать Его, – обратился к нему Фалалей.

Как только больной произнес, что всей душой верует в Спасителя, святой вправил ту ногу. Лишь суставы коснулись друг друга, жилы немедленно сошлись, рана зажила, и слабый хромой поднялся и побежал. Однако Фалалей не искал человеческой славы, поэтому попросил бывшего ослабленного не открывать никому это чудо. Тот же поступил наоборот: стал бегать по дорогам и возвещать всем об исцелении, полученном им от святого.

Когда о чуде услышала одна бесноватая женщина, она тотчас же пришла к Фалалею и, поведав ему о своем несчастье, со слезами просила избавить ее от злобного и нечистого духа. В этот момент с ней случился припадок: бес швырнул ее на землю и стал терзать. Видя, как демон мучает ее, святой сжалился над страждущей и, перекрестив ей лоб знамением Честного Креста, призвал имя Иисуса Христа. И – о чудо! – тотчас же бес оставил ее и убежал. Как только эта жена избавилась от нечистого духа, она с огромной радостью пошла к себе домой, громко возвещая о величии Божию. По пути ей встретился знакомый слепец, которому она сказала: “Что ты без пользы сидишь здесь? Разве не слышал, что есть один удивительный врач, чудным образом исцеляющий всех больных, изгоняющий демонов, избавляющий от проказы и других язв? Он не принимает никаких даров, но учит и наказывает всем людям совершать добрые дела, принимает всех больных, которые приходят к нему, кладет каждого на отдельную кровать, находя утешение для всех. Давай я отведу тебя к нему, чтобы ты получил исцеление”.

С этими словами женщина взяла слепого, который был слеп не только телесными очами, но и духовными, потому что поклонялся идолам, и привела к святому. Слепец припал к целителю и сказал:

– До сих пор я был жалким и несчастным, но отныне и впредь буду счастливым, потому что ты дашь свет очам моим, – надеясь получить исцеление, проговорил он.

– О человек! Недремлющее око Божие видит сердца всех, их помыслы и поступки. Итак, уверуй во Христа, Создателя твари, и глаза твои исцелятся. Если познаешь Того, Кто является Врачом душ и телес, Он исцелит Тебя, – ответил божественный врач.

– Всей душой моей уверую во Христа, лишь только увижу свет в очах моих, – возгласил страдалец и, взяв треблаженные руки святого, положил их себе на глаза, и тотчас же прозрел. После этого, прославив Бога, остался со святым.

Слава о том, что Фалалей странным образом исцелял больных, разошлась по всему миру, и к нему стали приходить отовсюду. Под видом врачевства, а на самом деле для проповеди имени Христова, блаженный Фалалей переходил с места на место. Так он пришел и в Едессу. Однако ненавистник добра диавол не мог видеть, как умножается вера Христова, и подвиг неких злобных людей пойти к правителю сей местности Тивериану с тем, чтобы выдать святого. В то время во главе Римской империи стоял царь Нумериан, который всей душой был предан идольской прелести и воздвиг против христиан сильное гонение. Поэтому, услышав, что святой Фалалей проповедует имя Христово, Тивериан немедленно послал воинов привести его. После беседы с христианским врачом правитель Едессы решил, что святой – сумасшедший, и отпустил Фалалея, приказав ему более не ходить по области, вверенной Тивериану.

Тогда святой пошел в Киликию, где под предлогом врачевания, таким же образом как и раньше, проповедовал имя Христово. Но идолопоклонники оклеветали его перед правителем страны эгосов, лежащей рядом с морем. Они рас-

сказали, что сей врач обольщает народ и хвастается, что исцеляет больных именем Иисуса Христа, Распятого евреями. Помимо этого Фалалей безчестит богов и вырубает священные деревья Ливана.

Услышав это, правитель немедленно послал слуг привести к нему святого. Воины связали, избили и привели блаженного к правителю. Суд над ним начался на следующий день в храме Адриана. Здесь правитель попросил его рассказать о себе.

– Родина моя – Финикия, я сын свободных родителей, а зовут меня Фалалей. Занимаюсь врачеванием, и я христианин, раб Иисуса Христа, – сообщил врач. – Я перехожу с места на место, чтобы проповедовать веру во Иисуса Христа и избавлять от идольской прелести, потому что никакое другое дело не угодно Богу так, как это.

Выслушав это, правитель разгневался и приказал пробить ему лодыжки, а потом подвесить за веревки вниз головой. Но под действием Божественной силы у воинов помутился рассудок, и они вместо Фалалея пробили и повесили какое-то дерево, искренне думая, что повесили святого. Увидев висящее дерево и решив, что воины над ним издеваются, правитель жестоко наказал их и приказал другим слугам бить мученика воловьими жилами, надеясь, что этой мукой сломит его. Однако мужественный воин Христов оставался непобедим, жестокие солдаты сильными побоями изранили тело, но нисколько не смогли поколебать его веру во Христа. Казалось, что мученик совершенно не чувствовал боли, но мужественно претерпевал мучения ради великой любви к Богу. Тиран удивился терпению этого христианина и обратился к нему с незаконными речами:

– Фалалей, как ты лечишь больных? Если хочешь узнать мою любовь, скажи мне всю правду, даже если ты исцеляешь их волшебством, пусть и я узнаю об этом. Если же ты их врачуешь силой богов, то и я уверю, что именно они могут избавлять от любой болезни, а не Христос, Распятый евреями, Который не обещал людям никаких благ, ни радостей

этого мира, но одни скорби, опасности и смерть. У наших богов наслаждения – игры, танцы, песни, смех и всякие радости. Именно они, а не Христос со Своим Крестом, который есть самое страшное наказание в мире, прогоняют всякую болезнь.

От произнесенных нечестивцем богохульств против Христа мученику стало больнее, чем от причиненных мучений. И он сказал:

– Я не волшебник, и больных исцеляю не волшебством, и не с помощью твоих богов, бездушных, глухих и безчувственных идолов, которые не могут помочь не только другим, но и самим себе. Именем же Иисуса Христа они падают и разбиваются. Если же хочешь убедиться, чем я в действительности лечу больных, опроси тех, кто получил исцеление. Все они подтвердят, что их уврачевал Сам Господь и знамение Его Животворящего Креста. Только Он может изгонять демонов, восставлять расслабленных, возвращать зрение слепым, воскрешать мертвых и исцелять любую болезнь. Единородный Сын Божий, видя, что Его образ – человек – преслушанием своим был изгнан из рая, лишен всех благ, ему дарованных, поработен диаволом, впал в идолопоклонство и во все грехи, какие изобрел диавол, сжалился над творением Своим, сошел в мир и стал Человеком, чтобы спасти всех людей. И, наконец, ради любви к нам Он был распят, и Всечестной Своей Кровью искупил нас и освободил от рабства диаволу. А сколько добра он делал миру!.. Во время земной жизни Иисус Христос исцелял расслабленных, глухих, слепых, больных водяной, бесноватых и страдавших различными другими болезнями, даже воскрешал мертвых. Он даровал людям всяческие блага, а когда возносился на Небеса, даровал апостолам и всем тем, кто уверует в Него и будет хранить заповеди, Свою благодать и силу исцелять любую болезнь Его святым именем и знамением Честного Его Креста. Поэтому тебе должно было уверовать в Иисуса Христа, Избавителя и Спасителя мира, и оставить суетных своих богов, чтобы приобрести вечную жизнь, а не произ-

носить хулы на Него. Послушай же меня, правитель, если только желаешь себе добра, уверуй в Истинного Бога, и тогда познаешь Его милосердие и человеколюбие, и силу Его, которой Он врачует не только телесные, но и душевные болезни грешников, ибо Он желает спасения всех людей.

– О, добрый мститель за Христа, ставший осужденным, я покажу тебе сейчас, что ты все надеешься на своего Бога, – с гневом сказал тиран, и тотчас же сам устремился на Фалалея, чтобы наказать его собственными руками. Но – о чудеса Твои, Христе Царю! – в тот же миг обе его руки усохли. Но и этим не вразумился треклятый, а приказал воинам истязать мученика разными пытками: скрести его железными когтями, жечь огнем, резать ножами и подвергать разным другим мучениям.

Исповедник же все переносил с мужеством и радостью, потому что с ним был Христос, Который облегчал его мучения. И хотя все тело мученика было в безчисленных ранах, сам подвижник был тверд в помыслах и, презирая все истязания, сказал правителю Киликии:

– Не думай, что я усташусь твоих наказаний и смерти, которой ты пугаешь меня. Я с великим дерзновением буду с ней сражаться, потому что мне лучше умереть в вере, чем жить в нечестии. Если даже ты и сокрушишь мое перстное плотское чрево, сокровище души моей взять не сможешь. Если даже и исторгнешь меня из телесной моей скинии, мысленной обители Небесного Царствия лишить меня не сможешь. Я восхвалял раньше победы других мужественных мучеников, а сейчас, когда сам нахожусь на войне, как смогу бросить оружие Христа моего и не одержать победу? Христос не дает дары трусливым и безпечным, не венчает и тех, кто спит. Поэтому жжение твоего огня для меня пошмище, ибо роса Спасителя моего прохлаждает меня. Все твои мучения для меня как листья древесные, потому что мысль моя стала камнем, и я готов принести Христу свое тело, как овцу, потому что должен принести его в жертву, как и Он был принесен в жертву за меня.

“Я по своей доброте дал ему возможность говорить такие слова. Ему нет еще и восемнадцати, а он произносит перед нами речи лучше любого риторы. Я думал, что мучениями заставлю его согласиться со мной, но он совершенно их не боится, даже нисколько не уклоняется от своей цели. Может быть, привести его в единомыслие со мной богатством? Но он ни во что не ставит его. Может польстить ему приятными словами? Но и этим его не победишь. Какой же другой способ мне испробовать? Посажу его в лодку и оставлю посреди моря – если он благочестивый и хороший человек, то Божественный Промысл его сохранит, а если злой, то утонет по Божественному приговору, но не от моих рук примет смерть”, – так размышлял судья.

После этого мученика Христова Фалалея посадили в лодку, которую стало сильно носить по морю. Однако безстрашный проповедник стоял в ней, будто был на суше, и молился: *“К Тебе возведох очи мои, живущему на Небеси (Пс. 122: 1).* Часто взывал я к Тебе, и Ты миловал меня. Сжался надо мной и сейчас, и приведи в спасительную пристань – да не поглотит меня глубина морская, да не погублю мученичества за Тебя, но исполню до конца желание мое – принести в жертву Тебе, Христу моему, свое тело. Очи души моей надеются на Тебя, Господи, и мое терпение поможет мне удостоиться с дерзновением предстать на Страшном Твоем Судище”.

И – о чудо! – море как будто пожалело святого: в тот же час успокоилось и вынесло лодку на берег. Тиран сразу узнал о свершившемся чуде и вновь приказал привести к нему мученика. Многие идолопоклонники, и особенно врачи, завидовавшие святому, пришли посмотреть на Фалалея. Все они кричали мерзкую клевету и призывали судью вынести смертный приговор.

– А ты, Фалалей, что скажешь на эти обвинения? – спросил исповедника правитель.

– Бог, Которому я поклоняюсь и служу, мне поможет, пусть даже и весь мир ополчится на меня, потому что я знаю: Бог мой оживляет и после смерти. Поэтому я должен выдержать

это страдание, не думая ни о каких телесных мучениях, и принять смерть за любовь Христову.

– Поскольку никакой злой бес не утопил тебя в море, я положу конец твоей жизни. Прикажу прибить тебя четырьмя гвоздями к доске и облить кипящей смолой с головы до ног, обложить камнями и жечь огнем, пока не умрешь, – воскликнул разъяренный правитель.

Когда блаженный услышал это, лицо его покрылось потом, как у уставшего атлета, и он заплакал.

– Демоны покинули его, и поэтому он устрасился мучения. Однако и мне должно помиловать его, – подумал тиран, решив, что исповедник испугался.

– Фалалей, если поклонишься богам, обещаю дать тебе богатство и славу, а к этому будешь иметь милосердие и кротость богов. Если же не слушаешь меня, то потеряешь и самую жизнь, – произнес вслух судья.

– Смеюсь над твоим милосердием и над твоими дарами. Зачем ты пытаешься обольстить меня и из благочестивого сделать нечестивым? Богатство твое для меня как прах. Ничто для меня не является большим приобретением, как чистая жертва моего тела. В начале мучения воля моя была тверда и непоколебима, а сейчас, когда я уже приближаюсь к концу и ожидаю победы, ты, беззаконейший, склоняешь меня исполнить твою волю? Мучения для меня – радость, раны – слава, опасности – венец, а совлечение тела моего я считаю как совлечение одежды, потому что укрепляюсь надеждами на Христа моего, – проговорил мужественный подвижник Христов.

– Много я с ним говорил, великое милосердие показал, страшными муками его истязал, и ничем не смог убедить. Столько воинов трудилось без пользы, нанося ему раны и мучая его. Он желает быть закланым, желает смерти. Для чего же говорить для ушей, которые не внимают тебе? Итак, приговорю его к смерти, – разгневался наместник императора. И в тот же миг приказал выпустить четырех страшных львов, чтобы они растерзали святого.

Но Бог вновь не оставил Фалалея без помощи: звери стали кроткими, как ягнята, расположились около мученика и играли хвостами. Посрамленный тиран не знал, что делать. Наконец, он взял грифель и подписал смертный приговор. Христианского врача было велено умертвить через усекновение мечом главы. Это случилось 20 мая/2 июня. Святой Фалалей, претерпевший много страданий, получил венец мученичества. И многие тогда, наблюдая мужество, терпение и чудеса исповедника, уверовали в Господа нашего Иисуса Христа и также мученической смертью за Христа окончили свою жизнь. Среди них были: Макарий – учитель святого Фалалея во врачебном искусстве, древонос Астерий, воин Александр, Стерона, Филегрий, Тимофей, Феодула, Макария и многие другие. Ихже предстательством да сподобимся и мы Царствия Небесного. Аминь.

ПОДВИГИ
СВЯТОГО И СЛАВНОГО
ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА ПАФНУТИЯ
ЕГИПТЯНИНА, ОТШЕЛЬНИКА,

И ИЖЕ С НИМ ПОСТРАДАВШИХ
ПЯТИСОТ Сорока шести мучеников
В 303 ГОДУ

Во времена нечестивейшего царя Диоклетиана правителем Мисиря стал некий идолопоклонник Ариан – ярый гонитель христиан. Он узнал, что в местности Гентирии живет отшельник Пафнутий, человек праведный и почитаемый во всей той области. Не вынося подобных людей, Ариан приказал двум своим сотникам привести его, законного в железо.

Святой Пафнутий ничего не знал об этом и по своему обычаю поднялся ночевать на гору. Здесь, после молитвы, ему явился Ангел Господень.

– Радуйся, Пафнутие, подвижник Христов, – приветствовал святого Небесный житель.

– Радуйся и ты, господин мой, – приветствовал его словословием авва.

– Следуй за мной, Пафнутий, я покрою крышей дом, что ты начал строить еще ребенком, – сказал преподобному Ангел, показывая, что пришло время Пафнутию завершить подвиг добродетели, подъятый с ранней юности, и принять мученичество за Христа. – Итак, ступай в свою келью, надень священническое облачение, в котором, как иерей Бога Вышнего, ты приносишь Ему Безкровную Жертву, и вооружись. Сегодня я пришел позвать тебя насладиться вечными благами Божиими и не иметь более никаких попечений. Нечестивые христоненавистники тебя оклеветали перед

правителем Арианом, и тот приказал двумстам воинам привести тебя в оковах к нему на судилище. Ты же мужайся и не бойся, потому что я – Ангел Господень, и как был ранее с твоими родителями, так ныне буду и с тобой. А Господь наш Иисус Христос тебя укрепит и через тебя посрамит Ариана и его идолов, – так сказал святому благовестник.

После этих слов блаженный Пафнутий вошел в келью, надел священническое облачение и вышел с такой радостью, как если бы его пригласили на пир. Когда же он отправился в путь на Мисирий, Ангел взял его за руку и пошел рядом, беседуя с ним о Небесных тайнах до тех пор, пока не пришли к Нилу. Здесь Ангел покинул его и вознесся на Небо.

В тот же час Пафнутий увидел, как к берегу причаливают лодки и из одной выходит правитель Ариан в сопровождении своих вельмож, а из остальных – высаживаются воины. Тогда божественный Пафнутий подошел к Ариану, уже успевшему расположиться на троне близ устья реки, и с дерзновением громко воскликнул:

– Я тот Пафнутий, которого ты ищешь. Не утруждай своих воинов, чтобы они пошли искать меня. У тебя есть войска, которые хватают христиан, проливают их кровь, а у христиан есть святые Ангелы, которые собирают нас в Царствие Божие. Я тоже христианин – делай со мной, что хочешь.

– Значит это ты – Пафнутий-отступник, который презирает царские законы и безчестит богов? – с яростью спросил правитель. – Что же ты, безбожник, хулишь великих богов?

– Я не безбожник, но с детских лет служу и поклоняюсь Живому и Истинному Богу. А вот ты, у которого столько богов, поистине безбожник, – ответил исповедник.

– Клянусь великими богами, я подвергну тебя мучительным и жестоким наказаниям, – рассвирепел Ариан и сразу приказал заковать Пафнутия по рукам и ногам в железо и держать вместе с другими заключенными – ворами и злодеями. Будучи не в силах ступать свободно, блаженный Пафнутий преодолевал путь с большим трудом и, ободряя себя, говорил:

– Пафнутий, подумай о жребии, который тебе выпал, и вспомни, что и Господь наш был повешен между разбойниками.

Когда правитель прибыл в город и сел на судейское место, сразу потребовал привести блаженного. Как только святой вошел в суд, его оковы разрешились сами собой и на глазах у Ариана упали и с рук, и с ног.

– Пафнутий, почему ты настолько безумен, что не приносишь жертву великим богам, но предпочитаешь умереть злой смертью? – начал спрашивать правитель.

– Для нас, христиан, подобная смерть является не смертью, но жизнью вечной, и я никому другому не принесу жертву, кроме Вседержителя Бога, Царя веков.

Тогда судья приказал принести и положить перед мучеником орудия пыток.

– Пафнутий, если ты не послушаешь меня и не принесешь жертву великим богам, то будешь мучим всеми этими орудиями, которые видишь перед собой.

– Тиран Ариан, неужели ты думаешь, что я испугаюсь твоих пыток и отрекусь от моего Бога? Да не будет того. Говорю же тебе, что наша жизнь – выше твоих мук, и мы совершенно их не боимся, потому что испытаны и закалены многими подвигами и страданиями. Господь же и Избавитель наш, Который дает нам силы побеждать сатану в тайной брани, подаст их и для того, чтобы преодолеть твое ничтожное гонение, – улыбаясь, молвил воин Христов.

– Многословишь, Пафнутий, но суд не потерпит твоего многословия, – припугнул святого правитель, а затем приказал воинам повесить мученика и строгать его тело так, что все внутренности его вывалились и упали на землю, а земля вокруг того места покраснела от крови.

– Господи, Иисусе Христе, я не избегну Твоего о мне определения, поэтому готов умереть за Твое святое имя. Но прошу Твою благодать, не дай мне умереть, пока не посрамлю Ариана с его богами, – да приклонят колена и поклонятся Тебе небесные, и земные, и преисподние, и прославят

Тебя все языки (ср. Флп. 2: 10), – все это время молился Пафнутий.

И едва только закончил славословие, как с Небес был послан Ангел, который снял его с крюка и, собрав все внутренности, вложил их на свое место. Затем трижды перекрестил его Животворящим Крестом и сделал вполне здоровым, как будто он вообще не подвергался никакому мучению. Два воина, которые строга́ли святого, увидев, что Ангел сделал того совершенно здоровым, уверовали во Христа и, сняв перед судьей свои пояса, громко с дерзновением воскликнули:

– Знай, Ариан, что отныне и мы христиане.

– Скажите мне правду, трижды несчастные, какое чудо вы видели, что уверовали? Или пришли в такое безумие, что презрели суд и отреклись от своих богов и почитания царей? – изумился тиран.

– То, что мы видели, правитель, не можем тебе сказать, потому что так написано в христианском Писании: *Не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями* (Мф. 7: 6), – в один голос воскликнули воины.

– Значит, вы приравняли меня к псам и свиньям?

– Ты даже хуже их, потому что каждое безсловесное животное праведнее тебя, ибо каждое из них прославляет Бога своим естественным голосом. Ты же, имеющий разум и сотворенный по образу Божию, отрекаешься и безчестишь своего Творца Бога. Что может быть хуже этого? – ответили христиане.

Весьма разгневавшись, судья тотчас же приказал их обезглавить за пределами города. Так окончили мученический подвиг два воина: Дионисий и Каллимах. В это время мученик Пафнутий был заключен в одном из самых мрачных помещений темницы.

На следующий день Ариан стал заниматься делами высокопоставленных должников государства. Поскольку некоторым из них нечем было погасить свои долги, правитель также велел заключить их в темницу. Таких набралось соток человек. В ту ночь, когда их посадили, в тюрьме воссиял

яркий свет – как будто бы взошло солнце. Сорок вельмож подумали, что это сторож поджег темницу и хочет отпустить всех заключенных на волю. Однако тюремный страж был здесь ни при чем, он и сам удивлялся столь яркому свету, появлявшемуся в этом мрачном и убогом месте в последние две ночи, с тех пор, как сюда заключили христианина Пафнутия.

Тогда вельможи пошли в ту часть темницы, где содержался мученик и слышали, что он молится о спасении города. Открыв дверь, они вошли внутрь и увидели его с простертыми к небу руками, которые светились как зажженные факелы, а вокруг было разлито неизреченное благоухание. В ту же минуту они упали к его ногам и так провели в его камере всю ночь. Лишь когда рассвело, святой спросил их, за что Ариан посадил в темницу столь высоких господ. Узнав причину, подвижник сказал им:

– Почему бы вам не послушаться меня и не уверовать в моего Бога, чтобы вас более не беспокоили? Ведь если вы исповедуете Его святое имя, то избавитесь от всех греховных долгов, и изгладится рукописание ваших грехов, вы станете гражданами Неба и ваши имена навечно впишутся в книгу жизни.

– Отныне и навсегда мы всей душой веруем и исповедуем Того Бога, в Которого веруешь и ты, – с воодушевлением ответили вельможи.

– Итак, дети мои, встаньте. Пойдемте к правителю, потому что имена ваши уже написаны на Небесах, – проговорил Пафнутий и вместе с сорока вельможами вышел из темницы.

– Помост, помост, я пришел судиться с тобой, потому что ты вместе с Аполлоном, а я с Господом нашим Иисусом Христом, – произнес он, подойдя к судейскому месту.

Тогда Ариан приказал схватить его, но как только воины устремились к исповеднику, он стал невидим. Подошедшие же князья с дерзновением воскликнули:

– И мы христиане, делай с нами что хочешь.

– Что с вами случилось? Может, вам стало обидно, что я заключил вас в темницу за долги государству? – спросил тиран.

– Мы не внимаем твоим словам, но предпочли Небесную надежду и, оставив временное, надеемся на вечное. А чтобы ты узнал наше твердое намерение, мы отказываемся в твою пользу от всех наших имений. Теперь наши доходы – в твоей власти, а наши жены и дети, если хотят, пусть последуют за нами. Если же не хотят, то пусть простят нас.

– Вижу, что это сумасшествие! Вы, как отступник Пафнутий, одержимы безумием!

– Закрой свой рот и молчи, не хули человека Божия, – закричали вельможи.

От этих слов правитель вспылал гневом и сам стал как сумасшедший. Сначала он приказал долго мучить бывших царедворцев, а затем вывезти их в пустынное место и бросить в огромный пылающий костер. Так все они, держа один другого за руку, окончили в огне свои жизни и получили мученические венцы.

После исчезновения из судилища святой Пафнутий побродил по городу и, увидев дверь одного богатого дома открытой, вошел туда и попросил привратницу:

– Дай мне напиться немного воды.

– Отче, проходи в дом, – ответила служанка и побежала за своей госпожой, чтобы та вышла посмотреть на блаженного, совершившего перед правителем Арианом множество чудес.

Узнав новость, хозяйка немедленно спустилась во двор дома и поклонилась ему, похожему на Ангела Божия.

– Поистине, все мое богатство не стоит того, чтобы ты вошел в мой дом. Ах, если бы мне прославиться сегодня Божественной славой, потому что ты пришел к нам, – произнесла она, ввела мученика в свой дом и посадила на серебряный трон.

– Дочь моя, к чему тебе столько золота и серебра, как у того, кто хвастает суетными надеждами? Послушай меня, дитя мое, избери для себя ангельское и бессмертное жительство,

вместо этих земных и тленных благ, – улыбчиво проговорил преподобный.

Эти слова удивили дочь госпожи, находившуюся в соседней комнате, и она, одетая в драгоценную одежду, с золотым венцом на голове, тотчас пришла в гостиную посмотреть, кто их произнес. Тогда святой Пафнутий встал с трона и сел на пол, так же поступили и мать с дочерью, сев у его честных ног.

– Дети, оставьте то суетное и тленное богатство, что у вас есть, потому что написано: *Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью. Золото ваше и серебро изоржавело, и ржавчина... будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь* (Иак. 5: 2-3). Лишь слава Господня и Царство Его пребудут вовеки, – начал свою проповедь авва. Прежде чем божественный Пафнутий окончил эти слова, пришел глава семейства, и жена сразу вышла к нему, чтобы сообщить о приходе Пафнутия, но не успела сказать ему даже слова, как он сам заговорил:

– Почему я не удостоился чести быть вместе с другими вельможами, которые сподобились вечной жизни? Как было бы хорошо, если бы я нашел того человека, называемого Пафнутием и привел его к себе в дом, чтобы он помолился о нас, дабы и мы стали бы призваны Богом и сподобились Его славы.

– Исполнилось, господин мой, желание твое, потому что в доме твоём находится раб Божий Пафнутий, украшенный всяческой добродетелью и премудростью, – ответила жена своему мужу Евсторгию, который тотчас с радостью вошел в дом, увидел исповедника, упал на землю и поклонился ему.

– Поистине, сын мой возлюбленный, Господь послал меня сегодня к вам, потому что вы воистину сосуды избранные. Итак, не медлите, вставайте и пойдем к судье дерзновенно исповедовать имя Господа нашего Иисуса Христа, чтобы получить Небесный венец, – призвал мученик и, поднявшись, пошел первым, за ним последовали и Евсторгий – справа, и жена его Ермиона – слева, а их дочь Стефано – впереди.

– Господи мой Иисусе Христе, Сыне Бога Живаго, вот, мы оставили открытой дверь нашу ради имени Твоего Святого. И ты, мой Господи, отверзи нам двери Небесные и покажи нам истинный свет, который Ты обещал любящим Тебя, – стала молиться Ермиона.

– Помост, помост, я снова пришел судиться с тобой, потому что ты с Аполлоном, а я с Господом моим Иисусом Христом, – вновь вогласил Пафнутий, подходя к судье.

Сильно разгневавшись на эти слова, Ариан вскочил и, как дикий волк, побежал, чтобы схватить святого собственными руками. Но Ангел Господень восхитил его из толпы и воин Христов исчез. А Евсторгий, Ермиона и ее дочь Стефано поднялись на помост и с дерзновением воскликнули:

– И мы христиане, делай с нами, что хочешь.

– Евсторгий, вас что – всех напоили безумием из одного источника? Или вы не знаете, что я сужу разбойников и святотатцев? Поклонись великим богам царей и ступай с миром в дом твой. Если же не слушаешь меня, умрешь злой смертью, – с яростью произнес судья.

– Пусть тебя это не заботит, я не из таких, чтобы попадаться на твою приманку или прельщаться на подстрекательства отца твоего дьявола и твоей матери беззакония, – возразил Евсторгий.

Тогда Ариан попытался убедить принести жертву языческим богам Стефано. Но дочь было непреклонна:

– Никогда я не принесу жертву твоим нечистым богам, но свое тело принесу в жертву живую, угодную Небесному Богу и Господу Иисусу Христу.

Необычайно разгневавшись после этих слов, судья приказал повесить девицу и строгать ее тело на глазах у родителей, и пока воины безжалостно строгают ее, мать ободряла дочь такими словами:

– Чадо мое сладчайшее, потерпи мучение еще немного и зыйдешь победительницей, получишь от Бога венец победный. Ты знаешь, любезнейшая моя дочь, что я приготовила тебе огромное приданое, чтобы выдать тебя замуж за первого

человека в городе, но сейчас, дорогое мое чадо, ты получишь истинное и вечное приданое, ибо Жених Твой – безсмертен, а брачный чертог, куда войдешь ты, издает благоухание вечное и нескончаемое. Лишь потерпи до конца, и будешь увенчана и прославлена.

– Крепись и мужайся, дочь, ибо ныне я познал, что удостоился быть призванным Богом в Его нетленный брачный чертог. Я радуюсь и веселюсь, потому что прежде себя послал тебя в дар Владыке Христу, – поддерживал Стефано отец.

Пока честные родители ободряли свое единственное чадо, воины сострогали все ее тело до внутренностей, и блаженная Стефано предала в руки Божии свою святую душу. Родители положили мертвую восемнадцатилетнюю дочь перед правителем, и он в тот же час приказал их обезглавить. Вот так все трое окончили свой мученический подвиг и вошли в славу на Небеса.

Мужественный подвижник Христов Пафнутий по ночам молился Богу, а днем обходил город в поисках тех, о которых знал, что уверуют во Христа и примут мученический венец. Так, в один из дней ему встретились шестнадцать отроков, идущих в школу. Они были детьми как раз тех сорока вельмож, которые приняли мученическую смерть.

– Чада мои возлюбленные, дивлюсь я, как вы вынесли разлуку со своими отцами, которые выбрали наслаждение Христово и воцарились на Небесах, радуясь ныне со Ангелами. Ах, если бы и вы, любезнейшие мои чада, все вместе послушали меня и уверовали в Бога, и последовали за мной к правителю для исповедания Иисуса Христа, Бога Истинного и Царя веков, потому что, если пойдете ко Христу, учителю истины, будете обучены премудрости святых Ангелов, – обратился к ним святой. Отроки сразу же вняли его словам, уверовали во Христа и все вместе произнесли:

– Пойдем, отче Пафнутие, к правителю, ничто нам не воспрепятствует в нашем желании, потому что отныне мы стали чуждыми этому суетному миру, ведь сердца наши

наполнил Дух Святый, они вознеслись на Небеса, туда, где наши отцы.

Тогда божественный Пафнутий, подобно доброму пастырю, пошел впереди своего стада.

– Помост, помост, я снова пришел против тебя. Ты вместе с Аполлоном, Ариан, а я – с Господом Иисусом Христом, – как и прежде возгласил исповедник, достигнув судилища.

Правитель опять приказал воинам обнажить мечи и окружить святого, однако мученик был немедленно восхищен из толпы и стал невидим. В этот момент и пришли на суд те шестнадцать отроков.

– И мы христиане! – воскликнули они.

– Где ваши родители? Ибо вы еще отроки, неспособные держать ответ, идите и играйте, – в недоумении обратился к ним тиран.

– Мы – дети сорока вельмож, которые до этого приняли мученическую смерть. Нам уже достаточно лет, спрашивай нас, что хочешь, и мы ответим тебе, – сказали юноши.

– Принесите жертву богам, чтобы не погибнуть вам от мучений, – еще раз обратился к ним Ариан, но отроки не послушали его, но столь же дерзновенно исповедали Христа.

– Дитя мое, что ты приобретешь с того, что умрешь злой смертью? – не унимался правитель, обратившись к самому младшему из отроков. – Слушай, что я посоветую тебе, как твой отец. Ты будешь у меня в великой чести, я дам тебе много денег, напишу царю, и он возведет тебя в высокое достоинство. Только принеси жертву великим богам: Аполлону и Артемиде, о которых написал царь, потому что они боги живые.

– Где указ вашего царя? – поинтересовался тринадцатилетний исповедник.

Правитель повелел принести указ, потом облобызал его и дал отроку, который прочел имена семидесяти прославляемых богов. После этого тиран бросил на жертвенник горсть ладана и призвал воина Христова сделать то же самое. Но

свидетель истинной веры бросил на капище не фимиам, а указ царя.

– Един есть Бог, Отец Господа нашего Иисуса Христа, – крикнул он на весь суд.

Идолские жрецы, наблюдая за тем, как сгорел царский указ, помрачились рассудком, стали рвать волосы и наносить ножами себе раны на теле. А Ариан, весьма вознегодовав на поступок отрока, и одновременно дивясь его смелости, приказал бросить на жертвенник этого ребенка. В этот момент многие идолопоклонники застыли в изумлении от благоразумия мученика.

– Брат, помяни и нас у престола Бога Вышнего, Творца всего, и умоли Его о нас. Как по причине твоего благоразумия ты стал начатком Богу и первым из нас принесен Ему в дар достойный, так и мы, следуя твоему примеру, станем гражданами Царства Небесного вместе с нашими отцами, – говорили его одноклассники и сверстники.

Отрок, будучи в огне, взирал на Небо и благодарил Бога, предав святую душу свою в руки Божии. Судья, переписав имена всех остальных юношей, повелел пронзить их копьями.

А блаженный Пафнутий по-прежнему ходил и искал других заблудших, чуждых истинного благочестия. Так он забрел на берег реки, где находилось около восьмидесяти человек.

– Радуйтесь, чада, о Господе, – воскликнул он, обращаясь к ним. – А почему вы не пришли подвизаться, ведь настало время для подвига и за него вам уготована плата. Послушайте меня хотя бы сейчас, и уверуйте в Господа нашего Иисуса Христа, Царя веков. Исповедуйте святое Его имя перед судьей, и Господь дарует вам вечную жизнь.

После этих слов все слушавшие христианского проповедника уверовали в Единого Бога, приняли Духа Святого и прославили Создателя. И в тот же час, оставив лодки, ибо были рыбаками, направились в город. И снова Пафнутий пришел первым к судье и вновь воскликнул:

– Помост, помост, я опять пришел против тебя. Ты с Аполлоном, Ариан, а я буду побеждать тебя с Господом моим Иисусом Христом.

Тогда судья весьма разгневался и приказал воинам окружить мученика. На этот раз Ангел Господень ободрил преподобного, чтобы он мог противостоять тирану, но не забрал блаженного, как делал раньше. Схватив Пафнутия, воины связали его. В этот момент на судилище взошли восемьдесят рыбаков.

– И мы христиане, – дерзновенно воскликнули они.

– Кто посмеялся над вами, чтобы вы умерли злой смертью? – спросил их Ариан.

– Мы пришли сюда посрамить и тебя, и твоих идолов.

– Злодеи, за что вы, в тот момент, когда я говорю с вами кротко, отвечаете мне с таким безстыдством? – возмутился тиран и приказал нещадно бить рыбаков.

Тогда семьдесят из них подошли и разбили трон судьи. В ответ воины вытащили мечи и нанесли им раны, после чего правитель повелел предать мучеников смерти. Всех их привели в пустыню и разрубили на куски. После этого тиран Ариан принялся судить святого Пафнутия.

– О, отступник, злодей и маг. Сейчас я сделаю так, что все стоящие здесь узнают: Иисус Христос, в Которого ты веруешь и Которого призываешь, не избавит тебя от моих рук, – пригрозил правитель и приказал поднять исповедника на железное колесо, которое сверху было острым, как лезвие ножа, а снизу, как пила. Сдавленный этим сатанинским колесом, святой был разрезан на четыре части.

– Где же твой Бог, Пафнутий, что же Он не пришел избавить тебя от моих рук? Узнал теперь, что нет другого бога, кроме Аполлона, Зевса, Артемиды и Афины? Все они живые боги, которые дали власть царю Диоклетиану, – громким голосом произнес нечестивец, а затем повелел снять тело мученика с колеса и положить на крыло идольского храма, чтобы его съели птицы.

Тело святого лежало на крыльце храма, но ни одна птица не тронула его, потому что Ангел Господень покрыл его. После этого сошел с Небес Сам Господь наш Иисус Христос вместе с Архистратигом Михаилом, по правую руку, и Архангелом Гавриилом, по левую, и встал перед телом Пафнутия. Ангелы собрали его рассеченные члены и соединили в одно. Спаситель же, простерев десницу, сказал:

– Рука, сотворившая первозданного человека, снова творит и тебя.

С этими словами Он вдохнул в его тело дыхание жизни. И – о чудо! – святой сразу ожил и начал прославлять Бога.

– Возлюбленный и верный раб Мой Пафнутий. Ступай и обличи безстыдного Ариана, который поносит Мое имя, – произнес Господь и вознесся на Небо.

Святой пришел на площадь, где стоял Ариан, и крикнул ему:

– Ты узнаешь меня, Ариан? Я раб Божий Пафнутий, которого ты разрубил на куски, но благодатью Господа моего Иисуса Христа я снова воскрес и разговариваю с тобой. Для чего ты поносишь имя Бога моего и Творца всего сущего? Вот, Господь воскресил меня, чтобы я обличил твое нечестие, и чтобы все познали твое бессилие, потому что служишь ты глухим и слепым идолам, сделанным из безчувственного вещества.

Тогда, видя, что святой Пафнутий восстал из мертвых, препозит* Евсевий уверовал во Христа и сказал четырестам воинам, бывшим под его властью:

– Послушайте меня, братья, и уверуйте в Бога Неба и земли, Который воскресил раба Своего Пафнутия и послал его обличать Ариана в его заблуждении и в суетной надежде на идолов, чтобы и другие поверили, что нет другого Бога, кроме Господа нашего Иисуса Христа. Подобно тому, как я положил начало, открыв вам путь веры, так и Господь наш откроет вам путь на Небо.

* Препозит (лат.) – высокий чин в Византийской иерархии, начальник дворцовых евнухов и доверенное лицо императора.

И тотчас же все в один голос исповедали Христа Истинным Богом.

– И я христианин, – воскликнул блаженный Евсевий, представ перед Арианом.

– И мы христиане, делай с нами, что хочешь, – дерзновенно поддержали своего начальника воины.

– Я не имею власти судить тебя, но ступай к другому правителю, высшему меня, чтобы он судил тебя, – застыв в изумлении, промолвил тиран.

– Тебе дана власть, Ариан, чтобы судить меня, – настаивал на своем Евсевий.

– Не хочу ничего слышать о христианах! – закричал судья.

– Тогда признай, что нет другого Бога, кроме Единого, Который обитает на Небесах, отвергни идолов, чтобы жить вместе с нами вечно, – убеждал его признать свою неправоту военачальник.

– Да не будет того никогда, чтобы я отрекся от богов, потому что Аполлон и Артемида – живые боги, – злобствовал в своем заблуждении Ариан.

Тогда, взяв в обе руки по пригоршне песка, Евсевий бросил его в лицо правителю.

– Сила твоя и твоих богов подобна песку. Совершай же дела отца твоего – сатаны, – обличил правителя защитник христианской веры.

Необычайно разгневавшись, правитель приказал бить Евсевия, пообещав долгую и мучительную смерть, пока царь не услышит, что он поносил суд.

– Клянусь силой Господа моего Иисуса Христа, что не пройдет и одного дня, как я причащусь таинственной трапезы* Господа моего, а ты не сможешь сделать того, что хочешь, если не подпишешь мне смертный приговор.

Взойдя на колесницу, правитель отправился куда намеревался, но на обратном пути, когда он захотел сойти с нее,

* Он имел в виду, что умрет в тот же день. – Авт.

не смог этого сделать. Однако это не привело его к раскаянию: незаконный приказал принести ему обед прямо в колесницу. Когда повар, наполнив поднос разными яствами, принес их правителю, и Ариан уже простер руку к подносу, она немедленно усохла, так что он не мог ею пошевелить. Тогда его соправитель стал призывать тирана уехать из этого города, которому “из-за чародейства Пафнутия грозит опасность гибели”. Вознегодовав за те беды, что произошли с ним, Ариан приказал сжечь препозита живым вместе с воинами в четырех печах. Так все они скончались о Господе, приняв мученический венец в этот же день.

После этого Ариан выехал из города и приказал мученику Пафнутию следовать за ним. На реке Нил правитель повелел привязать на шею исповеднику жернов и бросить его в реку. Сам же он сел в лодку и поплыл в другую местность, но вскоре перед его судном с жерновом на шее предстал святой Пафнутий и сказал:

– Ариан, Ариан, тебе нужна лодка и ветер, чтобы плыть, а мне – ни лодки, ни ветра не надо, потому что мой Кормчий – Господь Иисус Христос. Ты посылаешь людей, которые готовят тебе жилище, а я уготовляю Господу моему разумные души, чтобы они могли обитать в Небесных Его дворцах.

– Не дадим этому человеку следовать за нами, потому что он всю страну погубит своим волшебством, – проговорил соправитель Ариана, а тиран не знал, что ему и делать. Поэтому он приказал записать все происшедшее с мучеником, а затем вместе с самим Пафнутием передал эту рукопись четырем воинам и отправил их вместе с преподобномучеником к царю Диоклетиану.

Прочитав записи, император удивился и решил немедленно предать божественного Пафнутия на распятие. Воины пригвоздили святого к сухой финиковой пальме за городом. Будучи распятым, блаженный благословлял и прославлял Бога, а та сухая пальма, по повелению Божию, тотчас же процвела и дала двенадцать ветвей, увешанных плодами. Тогда

распинавшие исповедника воины уверовали во Христа. Когда Пафнутия распяли, было два часа дня, а предал он свою душу Христу, приняв от Него неувядаемый венец мучения, в девятом часу.

После того как воины с почестями погребли его 25 сентября/8 октября, они сами пошли к Диоклетиану и исповедали перед ним Господа нашего Иисуса Христа, посрамив идолов царя. Разгневанный тиран тотчас приказал отрубить им головы.

Таким образом тех, кто через блаженного Пафнутия мученически закончил жизнь, было пятьсот сорок шесть человек. Они наследовали вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
ОТЦА НАШЕГО НИФОНА,

ЕПИСКОПА
КОНСТАНЦИАНЫ АЛЕКСАНДРИЙСКОЙ,
ПРОСИЯВШЕГО В IV ВЕКЕ

Во дни великого царя Константина был в Константинополе при царском дворе один сановник по имени Савватий. Он был опытным воином и военачальником города Алмирополя, где его принимали с великими почестями. Особенно Савватия полюбил правитель Агапит, который стал часто навещать его вместе со своим сыном Нифоном, отроком восьми лет.

Как-то раз военачальник спросил Агапита, знаком ли его сын с грамотой, на что правитель ответил отрицательно, поскольку во всем Алмирополе не было учителей. Тогда Савватий предложил отправить Нифона для изучения священных наук в Константинополь и разрешил ему жить в своем доме. Агапит весьма обрадовался и, поблагодарив Савватия, отдал ему ребенка, которого тот и отослал к себе домой в Константинополь.

По прибытии туда, Нифон был ласково принят женой военачальника и отдан для знакомства со священными науками к одному опытному и богобоязненному преподавателю. Нифон учился с большим прилежанием и охотой, посвящал урокам не только день, но и ночь. Так в короткое время он постиг многие науки, но, тем не менее, понуждал себя учиться еще больше.

Нифон имел великое благоговение к Богу и посещал церковные богослужения. Здесь он знакомился с подвигами мученичества святых и удивлялся их мужеству, ревности по Богу. Отрок находил жития преподобных, святых и

мучеников и внимательно их прочитывал, — так он возлюбил безмолвие и тишину, кротость и смирение. Еще в детском возрасте своими делами Нифон был подобен старцу. Отличался он и необычайным милосердием и заботой к нищим. Услышав же от одного духовного мужа, что ко всему прочему необходимо соблюдать и девство, он сказал себе: “Смогу ли я достигнуть сей добродетели, потому что требуется немалое насилие, дабы избежать разжжения плоти? Но отныне, с помощью Божией, я уже более не буду взирать на женские лица”. И с той поры он стал больше внимать себе и не смотрел ни на одну женщину.

После того как Нифон пришел в доброе преуспеяние и стал старше, он вспомнил о родителях и родине, и решил уехать из Константинополя. Жена военачальника была бездетна и хотела удержать его, чтобы усыновить и сделать наследником их имения, поскольку видела преуспеяние и добродетель Нифона. Будучи же не в силах убедить его, потому что Нифон имел сильное желание повидаться с родителями, она сильно опечалилась. Тогда экононом их дома попросил ее передать Нифона ему на попечение, чтобы благочестивый юноша забыл и о родителях, и о родине. Эконом познакомил Нифона с другими сверстниками, стал водить на вечеринки. Юный и простодушный Нифон, будто бы для того, чтобы получить утешение в скорби по родителям, предался попойкам, обжорству, кутежам, ибо юность легко склоняется к дурному. По общему убеждению, *худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15: 33).

Помрачившись умом от распутства, некогда тихий, молчаливый, кроткий и смиренный Нифон стал многословным болтуном, ругателем, насмешником, пел песни и плясал. Он совершенно забыл родителей, родных, родину и, оставив все свои занятия и добродетели, целиком и полностью предался распутному образу жизни. Видя, в какое жалкое состояние тот пришел, один благочестивый и добрый христианин часто говорил ему: “Горе тебе, Нифон! Как мог ты предаться этим отвратительным занятиям? Почему не придешь в себя

и не исправишься?” В такие минуты Нифон стонал и плакал, размышляя о безобразных поступках, которым предавался, но все же, побежденный дурной привычкой, не мог их оставить.

Однажды он отправился к своему другу Никодиму, который, неожиданно посмотрев на его лицо, замер.

– Что ты так смотришь на меня? Или не узнаешь? – спросил Нифон приятеля.

– Поверь мне, брат, я не знаю что и сказать тебе: лицо твое безобразно и черно, как у арапа, – ответил товарищ.

Услышав это, юноша понял: таким оно сделалось от его безобразных дел. Нифона охватил сильный стыд, он закрыл лицо руками и убежал.

– Горе мне, трижды несчастному, что я пришел в такое жалкое состояние! Что мне делать, жалкому? Смогу ли я исправиться и покаяться, а если покаюсь, получу ли спасение? О, кто наставит меня? Кто даст мне знать, что если покаюсь и исправлюсь, обрету милость? Как упрошу Бога помиловать меня, когда я совершил столько зла? – до глубокой ночи юноша размышлял об этом и еще о многом другом. От сильной скорби он не мог ничего есть и лег спать натошак. “Встану с постели и сотворю хотя бы одну молитву Богу”, – решительно думал он. Но ненавистник добра диавол, зная об этом, стал вызывать в его душе сильный страх и приводить на ум такую мысль: “Если встанешь ночью помолиться, то сойдешь с ума, и все будут смеяться над тобой”. Этим помыслом сатана весьма смущал и устрашал юношу. Но тот, победив его, сказал самому себе:

– Когда я проводил ночи, исполняя свою дурную волю, то не подвергался никакому злу, неужели сейчас, когда хочу помолиться, подвергнусь ему? Анафема тебе, злой и нечистый дух, за то, что ты даешь мне такой помысел.

И в тот же час Нифон с ревностью встал с постели помолиться. Но как только обратился к востоку, перед ним появилось и встало черное облако, вызвавшее такой страх, что он, как в оцепенении, забрался на постель и лежал будто

мертвый, дрожа за свои грехи и размышляя о том препятствии, которое воздвиг ему к молитве диавол.

С той ночи прошло немного времени и, порицая себя, юноша пошел в церковь. Встав в храме, он поднял вверх взгляд и увидел над своей головой икону с изображением Божией Матери.

– О Пресвятая Богородице Дево, Матерь милости и милосердия, помилуй меня, грешного, и помоги мне по великой Твоей милости, – из глубины души взмолился он.

И в этот момент Богородица чудесным образом повернулась к нему с иконы и посмотрела весьма радостным и кротким взглядом. Нифон получил немалое душевное утешение, и в его сердце возгорелся огонь любви к Божией Матери.

– Смотри, убогая душа, как Бог любит нас и как принимает, желая нашего спасения, а мы Его оставляем. Размысли, несчастная, как Богородица, скорая Помощница христианам, тотчас же помогла мне, – произнес юноша и вышел из храма, прославив Бога.

На следующий день по дороге в церковь Нифон встретил человека, совершившего грех, и не только осудил несчастного в своих помыслах, но возненавидел его. Когда же Нифон вошел в храм и поднял взгляд на икону Божией Матери, то увидел, что Пречистая Дева посмотрела на него сердито и отвернулась. Это сильно смутило юношу. Проверя себя, он понял, что Госпожа Богородица отвернулась от него за его помыслы, которыми он осудил другого. Тотчас же пав на землю и исповедав свой грех, он горько заплакал и стал молиться Пресвятой Деве о прощении. Через некоторое время, посмотрев на лик Богородицы, Нифон снова увидел, что Она смотрит на него радостно. Так, утешенный, он вышел из храма. И с той поры, когда в чем-то согрешал, был обличаем Божией Матерью, Которая отворачивала от него Свое лицо.

Однажды во сне Нифон увидел себя в большом доме и, стоя в одной его части, вдруг узрел множество черных муринов, в сильном гневе устремившихся на него и грозивших ему смертью. Тогда он бросился в другую часть дома, где об-

наружил церковь. Вбежав туда, он избавился от нападавших. После этого он приоткрыл дверь и решил перейти в другую часть дома, но мурины, скрывавшиеся по углам, снова бросились на него. Тогда Нифон снова бегством спасся в церкви. Этот сон он видел в течение целой недели, а означал он следующее: невозможно избавиться от злых демонов, если не посещать часто церковь и не молиться постоянно Богу. Вот почему с той поры Нифон стал часто бывать в храме и молиться Господу об избавлении от бесовских козней.

Однако лукавый и нечистый дух сквернословия и брани не перестал восставать на блаженного Нифона и делал все, чтобы тот ругал людей, как и прежде. Но юноша горячо молился и просил Бога изгнать этого демона. Однажды ночью Нифон увидел во сне первомученика Стефана.

– Приветствую тебя, Нифон, раб Божий. Доброе твое жительство, однако ты оскверняешь его сквернословием и бранью. Поверь мне, если станешь подвизаться, чтобы изгнать демона, понуждающего тебя на брань, то я помогу тебе, – обратился к нему святой архидиакон.

Когда юноша проснулся, то, поблагодарив святого Стефана, взял маленький камешек, вложил его себе в рот и так ходил несколько дней молча, никого не браня. Если же случалось ему все-таки быть прельщенным диаволом, то он немедленно уходил в тайное место и с силой бил себя кулаком, приговаривая:

– Я заставлю тебя смириться, научишься у меня кротости и молчанию, чтобы не гневаться и не браниться.

Так блаженный положил себе за правило каждый день бить себя кулаком сорок раз, а если с ним случалась в какой-то день брань или искушение от какой-нибудь страсти, он бил себя сто или двести раз. Безжалостно избивая себя, подвижник сильно похудел и очень часто от боли падал в обморок и лежал на земле как мертвый.

– Горе тебе, несчастный Нифон! Если ты не можешь потерпеть и этой малой боли, как сможешь вынести невыносимые адские мучения? Но дерзай, потому что насколько

более истлевают внешний человек, настолько более обновляется внутренний, то есть душа (ср. 2 Кор. 4: 16), – вразумлял себя в эти минуты святой.

– Несчастный Нифон, почему ты не пожалеешь свое тело, но так немилосердно избиваешь его? – искушал его диавол.

– Всескверный бес, ты пришел ради того, чтобы и здесь мне приказывать? Если бы у тебя была плоть, и ты попался бы мне в руки, то я показал бы тебе, как может наказать Нифон, – посрамлял нечистого подвижник.

Однажды лукавый воздвиг на него брань чревоугодия.

– Ступай, нечистый дух, к навозной яме, где люди справляют нужду, и сам ешь то, к чему склоняешь меня, – отражал такие нападки Нифон.

Тот же, по злобе своей, не отступал, но через некоторое время снова восставал, уже более неистово, действуя через ту же самую страсть. Но блаженный Нифон надеялся на помощь Божию:

– Я буду сегодня есть и пить, чтобы показать тебе, сатана, что даже таким образом ты не сможешь помешать моей молитве, потому что я имею помощником Бога, – говорил он себе. “Размысли, Нифон, что как пес, после того как поест и попьет, лает, так и ты сейчас, когда вкусил даров Божиих, должен благодарить Бога, насытившего тебя от Своих благ”, – думал подвижник после трапезы.

А затем шел в храм и молился:

– Слава Тебе, Христе Боже наш, яко насытил нас еси земных Твоих благ, не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, по великой Твоей милости.

Тем самым он попирает диавола, как бы говоря ему:

– Смотри, лукавый и нечистый дух, что я ел и пил, однако не изгнан ни из церкви, ни в молитве не встретил препятствия. Устыдись же, и ступай во тьму внешнюю.

Тогда бесовские силы наводили на Нифона глубокий сон. Но святой не смирялся, брал в руки палку, и бил ею по своему телу.

– Раб лукавый, я дал тебе пищу и питье, а ты ищешь еще и сна? – приговаривал он, и при этом бил себя еще сильнее, чтобы от боли сон убегал, а он, бодрствуя, пребывал на молитве.

Прошло немного времени, и лукавый демон, не в силах вынести победу над собой, используя разные способы, воздвиг на Нифона еще более страшную брань: он хотел ввергнуть святого в блуд. Однако блаженный подвижник понял, отчего она может возникнуть и сказал себе: “Смирренный Нифон, снова есть необходимость положить начало”.

С этого дня он вкушал только черствый хлеб – иногда всю неделю, иногда раз в два дня, а иногда всю неделю вообще воздерживался от пищи. Потом же он снова вкушал хлеб, но воду не пил. Часто, когда хотелось пить, он ставил перед собой сосуд с водой и смотрел на него, чтобы терзать себя еще больше. Много раз диавол пытался искусить Нифона, но днем у него этого не получалось. Тогда нечистый напал на него ночью, во сне, показав постыдные видения и вызвав у подвижника истечение семени. Божественный Нифон тотчас же встал и, взяв палку, так сильно ударил по своим срамным удам, что они почернели. Четырнадцать лет подряд продолжалась эта брань с бесом блуда. Все эти годы подвижник сильно мучился, весьма часто бил себя камнями, потому что негодовал и очень печалился из-за очередного появления постыдных помыслов и желаний, навязываемых ему нечистым. Все это время Господь испытывал его силу духа и все-таки избавил Нифона от этой брани. Однажды святой увидел сон: он стоял на равнине, по грудь покрытый нечистотами. Тут появился облаченный в белые одежды муж и повелел ему следовать за собой. Как только они достигли ямы, исполненной зловония, тот приказал Нифону стряхнуть эти нечистоты. Исполнив это, он почувствовал облегчение и прославил Бога. С той поры, если на него вдруг ополчался бес блуда, то уже нисколько ему не вредил.

Молясь однажды ночью, святой Нифон увидел яркий свет, который наполнил его великой радостью и неизреченным весельем. И в этот момент преподобный услышал голос:

– Я дам тебе силу на злобных бесов. Только ты, Нифон, внимай себе хорошенько, чтобы не возноситься, но пребывать в великом смирении, ибо Я весьма люблю смиренных, но ненавижу и отвращаюсь гордых. Вот почему, если хочешь, чтобы Я возлюбил тебя, то воспитывай смирение, никого не злословь, ни над кем не смейся, не имей ни на кого ненависти, даже если и увидишь ближнего согрешающим, ибо таким и так уготованы страшные муки.

После этого события преподобный особенно старался соблюсти все сказанное.

Однажды, в час молитвы, святой увидел, что идет вместе с другими по дороге. Вдруг перед ними появилось много страшных и темных бесов, которые не давали им пройти. Все испугались и встали, и в эту минуту появился некто в блестящих одеждах.

– Что ты встал и не идешь своим путем? – спросил он Нифона.

– Потому что боюсь тех темных бесов.

– Ты когда-нибудь молился Богу, чтобы Он дал тебе смирение?

– Я всегда прошу смирения у Бога.

– Вот, Бог послал тебе смирение, – сказал собеседник подвижника.

И тут Нифону показалось, что небесный гость разрезал ему грудь и, вынув оттуда сердце, вставил новое и дивное. С ним святой безстрашно продолжил начатый путь. Темные бесы весьма смутились от этого и скрежетали зубами, будучи не в силах ему воспрепятствовать, а прочие спутники Нифона обратились к явившемуся с просьбой сделать с ними то же, что и с преподобным, дабы и они смогли бы без страха продолжать идти вперед.

– Просите и вы у Бога молитвой и постом того, что просил Нифон, и Всемогущий даст вам это, потому что если не по-

просите, то и не получите, а если не получите, то не сможете пройти этот путь, – наставил их светлый Ангел.

Нифон всегда говорил: “Горе мне, грешному”. И если кто-нибудь кланялся ему, то подвижник помыслом своим сходил во ад или к ногам того брата, что сделал перед ним поклон, и уничижал себя, сравнивая с самым последним грешником, который никогда не совершил ничего доброго. Святой весьма отвращался человеческой славы. Всякий раз, когда он хотел дать какому-нибудь нищему милостыню, то первым склонял свою голову перед ним, потому что видел в нем Христа, просящего милостыню. Казалось, что Нифон радовался больше того нищего, ведь в его образе он сподобился подать милостыню Самому Господу. В те дни, когда на него восставал лукавый и нечистый бес хулы, подвижник каждый вечер ел черствый хлеб и всю ночь проводил в коленопреклоненных молитвах. Так он провел четыре года и, с Божией помощью, одержал победу: больше этот грех его не беспокоил.

Имел Нифон ревность и тщание к молитве. Часто, идя по дороге, он сворачивал с нее и уходил в укромное место, где, преклонив колена, припадал к земле и очень долго молился, так что из-за омертвения членов подниматься ему удавалось с большим трудом.

– Господи Боже мой, молитвами Пречистой Твоей Матери прости мне грехи мои, отжени от меня всякое лукавство, зависть, злословие, гнев, нерадение, гордость, сребролюбие, немилосердие, безчувственность, страсть к спорам, вражду, чревоугодие, пьянство, разжжение, непотребство и горчайшую славу человеческую. Ей, Боже мой, все отжени от меня, – так молился святой Господу.

Каждую ночь он готовил себя как будто бы к погребению: перед сном читал Трисвятое и некоторые тропари из Последования на погребение, две главы из Евангелия и еще две – из Посланий святых апостолов. Затем, трижды перекрестив себя и свое ложе и помазав лоб и грудь святым елеем из лампы от иконы Пресвятой Богородицы, предавался

недолгому сну. Каждое воскресенье он проводил без сна всю ночь. Еще вечером в субботу он вставал на молитву и пребывал в ней до зари, ни разу за это время не присев. Кроме того, весной, летом и осенью он также молился от зари до третьего часа с воздетыми к небу руками. Подвижник очень любил безмолвие и, сколько это было возможно, избегал общения с людьми. В безмолвии он проводил большую часть времени и чувствовал от этого великую сладость, чего не скажешь о нас: оставляя молчание, мы спешим беседовать, общаться и лишаемся этой радости, по своему неразумию оказываясь в глотке у сатаны, то есть в смятении и смущении от сего мира. Нифон также заботился о хранении ума от злых помыслов и не уставал повторять:

– Внимай себе как следует, Нифон, чтобы губитель не похитил чувства, и ты снова не прельстился, как прежде.

Так святой говорил потому, что в начале своего покаяния, когда он оплакивал грехи, к нему приходил дух тщеславия, приносил с собой ложную сердечную радость и изгонял всякую скорбь. В это время в нем поселялся помысел о том, что он – блаженный великий подвижник и другого такого, подобного ему, на свете нет. В эти минуты бес распространял благоухание, как будто бы Ангелы Божии заботятся о подвигах Нифона и окуривают его фимиамом. Так святой прельстился и впал в тщеславие. Но Бог не оставил Свое чадо, дал ему дар рассуждения. Теперь, когда подобные помыслы приходили к Нифону, он тотчас же их узнавал и оплакивал, ведь тот человек, который их принимает, находится далеко от Бога и последует Деннице, который спал с Небес по причине высокоумудрия. Только таким образом ему удавалось их прогонять. Со временем он научился совершенно не принимать и со стыдом отвергать их. Однажды пришел к божественному Нифону один брат и сказал, что его весьма донимают хульные помыслы, более же всего в час молитвы приходят ему на ум многие ереси, злоба и ругательства на Христа, Божию Матерь и святые иконы. От этого инок при-

ходил в отчаяние, он очень боялся, что с небес сойдет огонь и поглотит его.

– Помыслы хулы приходят от лукавого, который приводит их на ум человеку, дабы смутить и ввергнуть его в отчаяние. Вот почему не следует их бояться и обращать на них внимание: они исходят не от молящегося, а потому никак не могут ему повредить. Они уйдут, если их презирать и ко всему подходить с разумением, ведь такие помыслы – от диавола, они не могут причинить никакого вреда душе, которая их не желает. Как морские волны бьются о камни, лежащие на берегу, и, не причиняя им никакого вреда, возвращаются назад, так и хульные помыслы, наталкиваясь на ум человека, твердого в вере, ничуть ему не вредят, но обращаются на главу беса, что принес их. Тогда, не в силах ничего сделать, побежденный и пристыженный, он убегает. И подвергшийся искушению инок не осуждается, но, более того, венчается как победитель. Внимай себе, брат, не злословь никого, потому что часто хульные помыслы происходят от злословия, – укрепил и отпустил с миром подвижник брата.

– В одном городе жил благочестивый и богобоязненный человек, оказывавший многочисленные благодеяния ближним и любивший всех, как Ангелов Божиих, – рассказывал подвижник одному мирянину. – Но благодетельствованные им содействием диавола возненавидели его: одни считали праведника нечестивцем, другие – лукавым, а третьи – еретиком, и потому безудержно о нем злословили. Мирянин слушал это и, безмерно радуясь, благодарил Бога и молился Всевышнему: “Господи, помилуй ненавидящих, злословящих и ругающих меня, и не наказывай их ради меня ни в сем веке, ни в будущем, но сокруши злобных демонов, составивших их на меня. И как не отвращаешься от меня, согрешающего, так не оставь ненавидящих и злословящих худого раба Твоего, но спаси их по бесконечной Твоей милости, да прославится Твое пресвятое имя во веки. Аминь”. Таким образом, благочестивый господин сумел избежать страсти

злопамятства, а осуждающие его, видя его любовь, образумились и исправились.

Святой не поощрял тех, кто подает деньги музыкантам и актерам, певцам и танцорам, ведь эту жертву они приносят не Богу, а диаволу:

– Подобно тому как рядом с теми, кто молится, стоят Ангелы Господни и несут их молитву Богу, так и с теми, кто поет и танцует, рядом находятся темные демоны и приносят их кривляния как жертву своему начальнику, сатане. Но те, кто хочет найти милость у Бога, должны часто молиться и не давать уму отвлекаться на посторонние предметы, а собирать его и направлять на молитву. Вот почему необходимо посещать богослужения в церкви, с величайшим вниманием и благоговением слушать слово Божие, не разговаривать друг с другом в храме, не смеяться, не читать и не петь со тщеславием, безчинно крича, потому что этим они, вместо того чтобы умиловить Бога, лишь Его прогневляют, – наставлял Нифон.

К преподобному все чаще стали приходить люди за душеполезным советом. Всем им он сначала кланялся, а потом говорил:

– Простите меня, братья, потому что я, будучи слепым, понуждаемый вашей любовью, хочу быть путеводителем для других.

И только после этого с великим смирением святой Нифон наставлял их своими боговдохновенными речами.

– Почему древние проводили жизнь в мире, а мы живем сейчас с великим смущением и многими скорбями? – как-то спросил его некий брат.

– Потому что они имели сильную любовь ко Господу и ближнему, держались правды и истины, а когда хотели принести жертву Богу, или дать милостыню нищим, предлагали только лучшее, чистое, неоскверненное никаким коварством и неправдой. Вот поэтому они жили в мире – Создатель слышал все их прошения. Мы же поступаем наоборот: самих себя любим больше Творца и ближнего, ни правды не держим-

ся, ни истину не храним, но проводим жизнь во зле и коварствах. Все лучшее мы оставляем себе, обожествив свое чрево. Мы служим ему, а Вседержителю и ближнему приносим все негодное и бесполезное. От этого Всемиловитый и не слышит наши прошения, и мы подвергаемся многим скорбям и искушениям, – ответил ему подвижник. – Когда я пришел в чувство от своих грехов и приступил к делам покаяния, то не прошло и трех лет, как однажды вечером ко мне пришел помысел, что вот, уже столько времени я прошу Бога, а Он не дал мне никакого дара. Я осквернил Святое Крещение своими грехами, и Бог меня не слышит. С этими скорбными мыслями я уснул и увидел сон. Я находился в прекрасном храме, где на Престоле славы восседал Господь наш Иисус Христос. Воздвигнув к Нему руки, я стал молиться словами Псалтири: *Услышь, Боже, молитву мою и не скрывайся от моления моего* (Пс. 54: 2).

И Вседержитель, преклонив главу, слушал мою молитву о том, чтобы от меня отошел злобный дух робости.

– Я слышал твою молитву, будет тебе, как ты просил, – сказал мне на это Господь, и чуть позже вновь обратился ко мне:

– Нифон, Нифон, в сей вечер ты опечалил Меня помышлением своим о том, что просишь Меня столько времени, а Я не дал тебе никакого дара. Но разве ты каждый день не просишь Меня также не давать тебе земной славы? О каком же даре ты тогда говоришь? Даре языков, или даре пророчества, или даре исцелений, или о чем-то другом? Но ты сам не хочешь и не просишь их, чтобы тебя не прославляли за это люди. Скажи мне, то, что у тебя есть, разве не дар? Воздух, которым дышишь, небо, земля, море и все, что в них и на них, разве не дал Я вам это в дар? А что вы, люди, Мне дали за это? Ничего. Но еще хуже: вместо воздаяния – оплевали Меня, заушали, били, пригвоздили ко Кресту, уксусом и желчью напоили Меня... А Тело Мое и Кровь Моя, что Я дал вам, разве не дар? А богатства всей земли, что такое? Птицы небесные, рыбы морские и все прочее, разве не дар? Разве

не дар то, что ради любви к вам Я умер, и был погребен, и избавил вас от ада, и ввел вас в Мое Царство? Кто другой из вас сделал для вас столько же добра? Как же ты говоришь, что Я не дал тебе никакого дара? А теперь посмотри, и увидишь, что дух трусости связан.

В этот момент Нифон увидел напротив себя быка, так крепко привязанного к столбу, что не мог пошевелиться, лишь яростно вращал глазами, ища как бы разорвать путы. С той поры, с помощью Божией, подвижник избавился от страсти боязливости, которая в значительной степени владела им с самого юного возраста. Например, когда он хотел пойти в церковь ночью, или когда видел страшный сон.

Один юноша, который вел праведную жизнь, пришел к святому и попросил его сказать слово о спасении души.

– Если ты, чадо, очень сильно хочешь спасти свою душу, обитая среди людей, то исполняй следующее: не враждуй ни с кем, никогда не имей ни к кому ненависти, не осуждай, не злословь, никогда не думай, что соблюдаешь святую жизнь, не возносись, не говори и не помышляй о том, кто добродетелен, а кто – греховен, но относись ко всем одинаково, с чистым сердцем, как к членам Христовым. Помимо этого не слушай тех, кто злословит, не будь скор на язык, и поспешен в молитве. Не мсти, не враждуй с тем, кто причинил тебе зло или осудил тебя, но сострадай ему и возлюби, как своего благодетеля. Всегда думай о своих грехах, поноси себя и враждуй с собой. Будь смирен, чист душой и телом от всякой скверны, будь кроток, спокоен, мирен, приветлив со всеми, добр, сострадателен, милосерд, украшен всякой правдой и истиной. Поистине будешь с Богом, когда станешь считать себя хуже всех людей. Никогда не думай, что достиг высшей меры, но всегда говори своей душе, что она грехами превзошла демонов, а доброго ничего не сделала и в самой малой мере, поэтому ее ожидает великое страдание. Молитва христианина должна быть подобна смиренному и сокрушенному воздыханию мытаря. Ум и уста должны быть направлены к Горнему: *Грехопадения кто разумеет? От тайных моих*

очисти мя (Пс. 18: 13), – так необходимо постоянно говорить себе. Единственной заботой и попечением должно стать спасение души, о потребностях же телесных позаботится Бог, как Он Сам обещал это в Святом Евангелии. Ведь если всеми силами стремишься попасть в Царствие Небесное, нужно освободиться от всего земного: кто плывет с большим грузом, быстро утонет. Все телесные страсти умерщвляются малоедением и бдением, поскольку все они – бесы, и прогнать их, как сказал Господь, можно только постом и молитвой. Если хотим, чтобы в день Суда Господь пожалел и помиловал нас, мы должны любить, миловать и жалеть своих братьев, употребляя для этого то, что нам даровал Бог, – не устал повторять блаженный.

Однажды ночью после обычной своей молитвы святой прилег отдохнуть и увидел во сне зеленую равнину, где паслось множество овец, а пастуха у них не было. В тот момент, когда преподобный размышлял, что волк может напасть на них, перед ним появился величественного вида муж, одетый в апостольские одежды.

– Нифон, почему ты думаешь, что у овец Царя нет пастыря? Ты их пастырь, потому что тебя назначил Царь пасти их, – обратился он к подвижнику.

– Как я, непривычный и слабый, могу их пасти? – в недоумении спросил Нифон.

– Создатель определил это тебе, и не противясь, – сказал посланник Божий и тотчас дал ему в руки пастушеский посох, а потом, показав на овец и загон, ушел.

Проснувшись, святой стал размышлять и понял, что овцы Царя – это народ Божий, а загон – Церковь. Весьма убоившись, чтобы здесь, в Константинополе, его не рукоположили во епископа, он взошел на корабль и отплыл в Александрию, где тогда Патриархом был блаженный Александр. В те дни множество клириков и мирян из города Констанцианы пришли в Александрию к Патриарху и поведали о кончине их епископа. Народ Божий просил Патриарха поставить над ними нового владыку. Тогда предстоятель Александрийской

Церкви стал молить Бога открыть ему, нет ли кого достойного для такого великого послушания, и в ту же ночь увидел во сне апостола Павла.

– Ступай завтра в церковь, и того, кто будет похож на меня лицом, но без плешины, даже вопреки его желанию рукоположи во епископа, – сказал Александру первоверховный апостол.

На другой день в церкви Патриарх увидел божественного Нифона и сказал своему архидиакону (им был Афанасий Великий):

– Вон тот человек ведь похож на апостола Павла?

– Да, похож на апостола, и достоин пасти овец Христовых, потому что я вижу Ангелов, которые сопровождают его и надевают ему на голову венец из драгоценных камней, – отвечал Афанасий Великий.

Тогда Патриарх подозвал Нифона к себе.

– Тебя, отче, Бог поставил пастырем, чтобы пасти сих словесных Его овец, стоящих вокруг нас.

– Отче святой, я недостойн, – попытался возразить Нифон.

– Ах, если бы я был таким же достойным, как и ты!.. Не противоречь решению Божию, – вразумил будущего архипастыря Александр.

Божественный Нифон нехотя склонил главу и был поставлен епископом Констанцианы. В первый день он был рукоположен в диакона, на следующий день – во священника, а на третий – во епископа. Во время его хиротонии, как позже рассказывал Афанасий Великий, на него сошел Дух Святой в виде огня. В радости весь народ Констанцианы лобызал десницу Нифона. Вместе с ним Патриарх послал в эту епархию своего архидиакона Афанасия и прочих клириков, чтобы они по положенному чину совершили интронизацию нового епископа. Все христиане радовались великой радостью и прославляли Бога, удостоившего их такого пастыря.

Приняв на себя великий груз святительства, божественный Нифон предался еще большим подвигам. Он, как ис-

тинный пастырь, окормлял Христовых овец на спасительных пажитях заповедей Божиих, всегда напоял их водами Евангельского учения, став для христиан Констанцианы образцом и примером всего благого. Преподобный с дерзновением поучал не только весь народ, но и находил время наставлять каждого: грешников – исправлял, добродетельных – укреплял, скорбящих – утешал, тех, кому угрожала опасность, – избавлял, поступающих несправедливо – разумлял, обижаемых – защищал, о сиротах – заботился, нищим – подавал щедрую милостыню, больных – исцелял. Всеми руководил Нифон и духовно, и телесно, всех любил, как духовных своих чад и ради их спасения, по заповеди Господа нашего, отдавал свою жизнь: *пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Ин. 10: 11).

Но и Нифон был человеком смертным. Когда святителю пришло время упокоиться от своих священных подвигов, чтобы пойти к Желанному им Богу и насладиться наградой за свои труды, Господь открыл ему день кончины. У Нифона был обычай каждый день поучать народ слову Божию. Однажды, когда преподобный отпустил паству и прилег, он увидел сон. Перед ним появился величественный царский дворец, внутри которого находился выполненный с большим искусством огненный Трон. Это Царское Седалище парило в воздухе, на Нем сидел некий Прекрасный Правитель, окруженный сиянием и неизреченной славой. Вокруг Него стояли тысячи тысяч, блистающие, как молнии.

– Михаил, покажи нашему другу место его упокоения, – послышался глас от Трона.

И тогда Архистратиг Михаил привел Нифона в светлое место, где было безчисленное множество достойных изумления дворцов, в одном из них, величественном и высоком, находилось множество облаченных в светлые одежды мужей.

– Владыко, доколе ты не дашь нам возлюбленного нашего? – спросили они Начальника Небесных Сил.

– Благоволением Отца и Сына и Святого Духа он будет послан вам через три дня, – обрадовал их Архистратиг Михаил.

– По безграничной милости и человеколюбию Божию дарован тебе сей дворец на отдохновение в нем во веки вечные, – обратился затем Архангел к Нифону.

Пробудившись, святой поведал об этом сне своему ученику, а от него узнали уже все клирики. Весть о том, что через три дня святой Нифон отойдет ко Господу, разошлась в народе, и у всех был великий плач и скорбь. Однако, позвав их, подвижник стал утешать христиан такими словами:

– Дети мои возлюбленные, когда я буду ближе к Богу, то всегда буду молить Его о вашем спасении.

Узнал о приближающейся кончине архиерея Констанцианы и Афанасий Великий, уже Патриарх Александрийский. Он сразу же пришел к святому.

– Для чего ты, Владыко святой, принял труд прийти ко мне, недостойному?– спросил Патриарха святитель Нифон.

– Я пришел, отче, чтобы насладиться общением с тобой, и, поскольку ты уходишь в Горний Иерусалим, то в час, когда ты предстанешь на поклонение Богу, попроси Его о моем спасении, – отвечал предстоятель Александрийской Церкви.

– И ты, Владыко, прошу, не забывай меня, когда будешь совершать Божественную литургию, вынимай за меня частицу, потому что приношение Господу за усопших дарует им великую пользу. Тот, кто после моей смерти сделает это ради оставления моих грехов, получит в час своей смерти великую помощь от Вседержителя, Который покроет множество грехов и молящегося, и моих. А я тоже буду ходатайствовать перед Творцом за него, – с этими словами он умолк и всю ночь совершал песнопения, благодарил Всемиловитого и молился не только за себя, но и за весь мир.

В утренний час к подвижнику пришел Ангел Господень.

– Радуйся, Нифон, и веселись, потому что к тебе идет Господь, – сказал он преподобному.

Услышав об этом, святой весьма обрадовался. Но через некоторое время с ним случился сильный приступ и, велев положить на пол циновку, владыка тихо прилег на нее. Когда рассвело, к нему пришел Афанасий вместе со всеми клириками и множеством народа.

– Отче, может ли болезнь принести пользу человеку? – спросил Патриарх.

– Подобно тому, как золото, помещенное в горнило огненное, очищается, и с него сходит вся нечистота, так и человек, когда заболевает, если благодарит Бога, то очищается и сбрасывает с себя нечистоту греховную, – ответил святитель и заплакал, зарыдали также и все стоявшие вокруг него. Затем лицо его снова просияло так сильно, что все содрогнулись.

– Благодарю вас, богоносные мои апостолы, что не замедлили прийти ко грешному старцу, – произнес преподобный.

– Радуйтесь о Господе, мученики! Благодарю вас, пророки мои честные, что пришли ко мне, недостойному! Радуйтесь о Господе, святые мои иерархи, и все преподобные, и праведные! – далее продолжил епископ.

В этот момент Афанасий Великий увидел святых, которые по одному подходили и приветствовали старца.

– Радуйся, Благодатная Богородице Марие, свет мой, покров мой и утверждение мое. Премного благодарю Тебя за Твои ко мне благодеяния! – воскликнул святитель и весь исполнился великой радости.

Через некоторое время в келье распространилось неизреченное благоухание, лицо преподобного так засверкало, что народ от страха выбежал во двор.

– Приди ко Мне, благословенная душа, носящая Мое смирение. Аз есмь Христос Твой, Которого ты сделал Своим, повторяя всегда: “Христе мой, Христе мой”. Вот Я, Христос Твой, приди же ко Мне, – раздался кроткий глас.

– В руце Твои, Владыко, предаю дух мой, потому что Ты еси Христос мой, Сын Бога Живаго, – тотчас сказал святой, простерев руки, и предал дух.

Тогда все начали скорбеть, что лишились его, но Афанасий Великий утешал их, повторяя, что нужно не плакать, а прославлять и благодарить Бога, Который удостоил христиан Констанцианы иметь покровителем города такой избранный сосуд Духа Святаго, как владыка Нифон. Народ от великого благоговения и любви к святому пожелал взять те одежды, что носил подвижник. Патриарх совершил все положенное для погребения и святые мощи Нифона с честью и благоговением положили в храме Святых апостолов.

И до сих пор больные, которые приходят к гробнице преподобного и с верой и молитвой обращаются к нему, скоро получают исцеления даже от неизлечимых болезней, во славу Отца и Сына и Святаго Духа, Единого Божества и Царства, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
**ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ
И УЧИТЕЛЯ СИНКЛИТИКИ,**

ПОДВИЗАВШЕЙСЯ В IV ВЕКЕ

Сия блаженная Синклитикия* происходила из Македонской области. Предки ее, услышав о боголюбивых и христолюбивых нравах жителей Александрии, покинули Македонию и прибыли в Александрию, где вера хранилась в простоте и с истинной любовью, предпочтя чужбину собственной родине. Преподобная принадлежала к известному роду и обладала всеми мыслимыми благами этой жизни. С малых лет блаженная целиком предалась любви к Богу, совершенно не заботилась о телесном и, несмотря на то, что отличалась необыкновенно красивой внешностью, была весьма целомудренна. Многие юноши хотели на ней жениться: кто – ради богатства, другие – ради порядочности ее родителей, третьи – из-за ее красоты. Да и сами родители склоняли дочь к браку, чтобы через нее сохранить преемство рода. Однако целомудренная и твердая волей Синклитикия не поддавалась на их убеждения, но, когда слышала о плотском браке, помышляла о Божественном, не обращая внимания на земных женихов, с надеждой взирая лишь на Небесного Жениха Христа, Которого возлюбила всей душой.

Вот почему ни многочисленные шитые золотом одежды, ни разноцветные драгоценные камни, ни музыка, ни пиры, ни другие мирские блага не могли изменить ее намерения. Ни слезы родителей, ни просьбы родных нисколько не умягчали преподобную и не поколебали ее душевного настроения.

* Некоторые говорят, что эта преподобная и была той самой девой, которая шесть лет скрывала в колодце Афанасия Великого. – Авт.

Она была тверда, как адамант, и совершенно не отвлекалась от Желанного Христа. Преподобная затворила свои телесные чувства и беседовала с Мысленным Женихом, повторяя слова невесты из Книги Песни песней Соломона: *Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему* (Песн. 2: 16). Если при блаженной велись мирские разговоры, то она старалась их избегать. Синклитикия собирала ум свой в глубине сердца, отверзая его во время душеполезных бесед. Прилежала преподобная и посту – этому полезному для тела лекарству. Она его любила, и не было у нее никакой другой добродетели, равной этой. Дева полагала, что эта добродетель является основанием для соблюдения всех прочих. Когда же ей случалось вкусить пищи в неустановленное время, она изменялась: лицо ее приобретало желтый оттенок, она на глазах худела, более того, тело ее усыхало. Известно, кто вкушает пищу с наслаждением, те телом нежны и полны, а те, кто ест с отвращением, тощи и худы. Об истине этих слов свидетельствуют больные, которые, из-за того что вкушают с отвращением, остаются худыми и немощными телом.

Блаженная Синклитикия старалась утончить свое тело, однако душа ее становилась от этого только крепче: *но еще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4: 16), – говорит апостол Павел. При этом никто не знал, что преподобная совершала такие подвиги.

Когда умерли родители блаженной, она взяла с собой свою слепую сестру и отправилась к одному родственнику, в местность, называемую Ироос, которая находилась на большом расстоянии от Александрии. Раздав нищим все имение, святая дева позвала пресвитера и остригла волосы. Этим она засвидетельствовала, что душа ее освободилась от мирских попечений: Синклитикия стала монахиней.

– Я удостоилась получить великое имя, и достойно могу воздать Тому, Кто мне его дал. Если люди тратят все свое богатство на то, чтобы получить временную славу мира сего, то насколько более я должна отдать моему Владыке Хри-

сту (вместе с именем моим и телом) за такую великую благодать, что удостоилась стать монахиней. Но что я говорю, отдать за Христа имение мое и тело, когда все это и так принадлежит Ему?.. *Господня бо земля и исполнение ея* (1 Кор. 10: 28), – этими словами преподобная облеклась в смиренномудрие и предалась безмолвию.

Поскольку блаженная приуготовила себя к подвижническим трудам находясь еще в отеческом доме, то, став монахиней, продолжала и далее преуспевать в добродетелях. Ведь те, кто приобщается к этому божественному таинству монашеского жития без предыдущего приготовления, не могут преуспеть и не достигают цели монашеской жизни, ибо они подробно не изучили, что для этого требуется, и какова цель. И как те, кто собирается в путь, сначала заботятся о том, чтобы взять с собой все необходимое, так и преподобная с самой юности сначала подготовила себя подвигами, а затем безстрашно пустилась в путь, ведущий к Небесам. Вооружившись всем необходимым для завершения постройки дома своей души, она воздвигла прочную башню. Для создания жилища чувственного требуются камни, раствор, дерево и прочие вещественные материалы. Но преподобная не собирала, а наоборот тратила их, раздавая свое имение нищим. Этим она отогнала гнев и злопамятство, отвергла зависть и тщеславие, и основала жилище на камне. И башня ее поэтому стала знаменитой и неприступной. Но к чему многословить? Еще в начале своих подвигов, благодаря сильной ревности и горению духа, блаженная Синклитикия превосходила всех прочих монахинь, которые уже много лет провели в подвижнических трудах. О ее духовном пути ничего неизвестно, потому что она никому не позволяла наблюдать за собой: она не хотела, чтобы о ее подвигах судачили люди. Ведь преподобная не столько заботилась о совершении добрых дел, сколько о том, чтобы скрыть их от людей. Святая дева делала так не из корысти, но движимая Божественной благодатью, дабы не искать славы человеческой. Синклитикия всегда руководствовалась Евангельскими словами: *да*

не увести шуйца твоя, что творит десница твоя (Мф. 6: 3). С раннего возраста до отрочества она уклонялась от разговоров не только с мужчинами, но и с женщинами, поэтому ее не прославляли за чрезмерность подвига, а общение с братией и потребности телесные не препятствовали преподобной совершенствоваться в добродетели. Все это помогало Синклитикии наблюдать за намерениями своей души в самом начале их появления и не позволять себе повергаться в похоти телесные. Подобно тому, как садовник срывает плоды и подрезает ветви деревьев, так и преподобная постом и молитвой отсекала терние страстей. Если же прорастала и поднималась в ней какая-либо страсть, то она отсекала ее посредством телесных истязаний, разнообразными трудами и часто мучила себя не только голодом, но и жаждой.

В минуты брани с диаволом блаженная, в начале славословия, призывала на помощь Владыку Христа, ибо не довольствовалась одним лишь физическим подвигом, заграждаясь от львиного натиска диавола. Тотчас же с молитвой приходил Господь, а враг убегал. Но иногда враг подолгу восставал на нее, а Вседержитель оставлял подвижницу, чтобы еще более закалить ее добродетельную душу. Преподобная же убеждалась, что продолжительная брань становится причиной больших дарований, и еще более укреплялась на врага. Она умерщвляла себя не только через воздержание от большого количества пищи, но отказалась от всего, что доставляет удовольствие: хлеб вкушала только из отрубей, воду очень часто совсем не употребляла, спала на голой земле, и то совсем немного. Синклитикия употребляла подобное оружие до тех пор, пока продолжалась брань. Она постоянно ограждала себя молитвой, как щитом и верой, соединенной с надеждой и любовью, как шлемом. Вера крепко обнимала всю ее душу, а кроме того, преподобная была весьма милостивой, не всегда в действии, но всегда в произволении. Когда враг был побежден, и брань утихала, преподобная давала себе отдых от чрезмерного подвига. Делала она это для того, чтобы члены тела не отторгнулись от мышц, что стало бы

признаком поражения. Ведь когда повреждается оружие воина, на что другое ему еще надеяться, как тогда победить в брани? Некоторые повредили себе немислимым постом выше силы, и таким образом как бы уклонились от битвы с врагом, погубив самих себя. Но блаженная Синклитикия все делала с рассуждением: когда начиналась брань, она воевала с врагом молитвой и упражнениями, а когда прекращалась – снова начинала заботиться о теле. Так поступают моряки. Когда их настигает буря, они ничего не вкушают, а все свое искусство употребляют на борьбу с опасностью, когда же опасность минует, они начинают заботиться о поддержании телесных сил, обычно пользуясь штилем для отдыха от прежних трудов. Однако даже и в затишье они не проводят время без забот, не предаются глубокому сну. Только что выдержав испытание бурей, они снова думают о буре грядущей, и хотя шторм и прекратился, но море не уменьшилось, хотя ветер и утих, но воздух, порождающий его, присутствует.

Точно так же бывает и в вещах духовных. Хотя подвижники изгоняют злобного духа похоти, но диавол, имеющий власть над этой страстью, рядом. Поскольку мы не уверены, каким будет море, нам необходимо молиться всегда – по причине диавольской злобы. Преподобная, хорошо знакомая с бурями настоящей жизни, предвидела смущения от бесов, а потому со всяким тщанием управляла кораблем своей души с помощью руля благочестия и без смущения вела его в спасительную пристань, бросив вернейший якорь веры.

Жизнь преподобной была апостольской, потому что, сияя любовью и смиренномудрием, состояла из веры и нестяжания. Блаженная исполнила на деле изречение Псалмопевца: *на аспида и василиска наступиши, и потириши льва и змия* (Пс. 90: 13; ср. Лк. 10: 19). И еще: *добре, рабе благий и верный: о мале был еси верен, над многими тя поставлю* (Мф. 25: 21). Эти слова подразумевают Небесные дарования, однако их можно применить и к святой: “Поскольку ты, Синклитикия, победила в этой чувственной брани плоть и мир, то с Моей помощью и Моим заступлением победишь и в другой

брани – против духов злобы. Пусть начала и власти тьмы познают величие твоей веры. После того, как победишь противные силы демонов, приблизишься к добрым Ангельским силам”.

Несмотря на то, что преподобная в одиночестве безмолвствовала и трудилась в добродетели, с течением времени о ее подвигах узнали многие: *несть бо тайно, еже не явится, ниже бысть потаено, но да придет в явление* (Мк. 4: 22), – говорит Господь в Евангелии от Марка. Постепенно некоторые из монахинь, просвещенные Богом, начали приходить к преподобной и получали великую душевную пользу от бесед с ней. Однажды они спросили ее, как можно спастись. Глубоко вздохнув и прослезившись, преподобная промолчала. Однако сестры понуждали ее говорить о величии Божиим, потому что и одного ее вида было достаточно для того, чтобы изумить их.

– *Не будь грабителем бедного, потому что он беден* (Притч. 22: 22), – ответила святая словами Священного Писания. Но сестры продолжали просить ее с еще большей настойчивостью, приводя при этом слова Господа: *туне приясте, туне дадите* (Мф. 10: 8), напомним, чтобы она не была подобна тому рабу, который скрыл дарованный ему талант.

– Почему вы, сестры, думаете, что я, грешница, делаю или говорю что-либо стоящее? У нас всех есть один общий Учитель – Господь, и все мы слушаем Священное Писание, – возразила им Синклитикия.

– Мы знаем, что Господь – наш Учитель, и все слушаем Священное Писание. Но ты, неусыпно подвизаясь, преуспела в добродетелях, посему подобает тебе давать советы более молодым сестрам. Ведь и Господь наш то же самое заповедует, – не унимались они.

Тогда блаженная Синклитикия сжалилась над ними и, зная, что сказанное не станет поводом для восхваления ее, но послужит к великой пользе сестер, начала так:

– Чадца мои, все мы знаем, как спастись, но по причине небрежения нашего упускаем свое спасение. Вначале нужно

исполнять то, что нам стало известным по благодати Господней: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею... и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10: 27). С помощью этих двух заповедей соблюдается Закон, ибо на них почивает полнота благодати, в них заключается великая и безпредельная сила: все, что служит к пользе душевной, опирается на них. Ведь, по свидетельству божественного апостола Павла, *исполнение убо закона любви есть* (Рим. 13: 10). Какие бы полезные слова не говорили люди по благодати Святаго Духа, все они начинаются с любви и в ней имеют свое завершение. Поэтому спасение и есть эта двойная любовь. Но к этому необходимо добавить следующее, что также проистекает от любви: пусть каждая из вас сумеет возжелать самое великое.

Разве вы не знаете притчу о зерне, которую рассказывал Господь, что одно принесло плод *о сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать* (Мф. 13: 8). Сто крат – это наш, монашеский чин, шестьдесят – те, кто воздерживаются от брака, а тридцать – кто живет в браке целомудренно. Хорошо, когда из тридцати восходит кто-нибудь к шестидесяти, а из шестидесяти в сто. Поскольку это и полезно – продвигаться от меньшего к большему. Сходить же от большего к меньшему – опасно, потому что тот, кто один раз склонился на худшее, не может устоять в малом, но как бы срывается в ров погибельный. Бывает, некоторые люди дают обет хранить девство, но, будучи немощны помыслом, оправдываются, как бы говорят себе, а на самом деле – диаволу: “Если мы выйдем замуж и будем жить целомудренно, то сподобимся быть сопричисленными к чину тридцати. Потому как весь Ветхий Завет не отвергал чадородие, но желал его”. Но это оправдание от нечистого, ибо тот, кто нисходит от бóльшего к меньшему, прельщен им. Подобно тому как воин, оставляющий свою должность в бóльшей войске и идущий в меньшее, не получает прощения, а наказывается, так наказывается и тот, кто нисходит из высшего чина дев в низший – целомудренных. Вот поэтому мы должны от меньшего идти

к большему: *задняя убо забывая, в предняя же простира-
яся* (Флп. 3: 13), – наставляла апостольскими заповедями
блаженная. – Мы же, состоящие в “чине сто”, должны всег-
да, как бы и где бы ни ходили, снова возвращаться туда же,
никогда не полагая этому конец: *когда сотворите вся пове-
ленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже
должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17: 10), – говорит
нам Господь. Мы, которые предпочли обет девства, должны
в высшей степени хранить целомудрие. Поскольку и многие
замужние мирские жены живут целомудренно, но эта доб-
родетель часто у них сочетается с безумием и невежеством,
так что живут они плотскими чувствами. Происходит это
потому, что видят они непотребное, смеются несдержанно
и слышат непристойное. А мы, монахини, должны оставить
все это и преуспевать в добродетелях, ограждая зрение наше
от созерцания вещей суетных, исполняя слова Писания: *да
воззрят очи Твои на правоту* (Пс. 16: 2), и укрощать язык
свой, избегая сквернословия. Нелепо, чтобы наш язык, со-
зданный для воспевания Божественных гимнов и славосло-
вия Бога, произносил скверные и безстыдные слова. Вот по-
чему мы не только не должны произносить их, но даже и не
слушать, когда их произносят другие. Всего этого невозмож-
но исполнить, если мы будем часто выходить из кельи, ведь
через наши чувства в нас, без нашей воли, входят вору-бесы
и страсти. Как может не почернеть дом, если в нем открыты
окна и двери, а снаружи над ним поднимается дым? Ни в
коем случае мы не должны ходить по селениям и базарам,
потому что если мы считаем тяжким и постыдным видеть
обнаженными собственных братьев и родителей, то насколь-
ко более недостойно и вредно для души видеть на дорогах и
базарах обнаженных людей, ведущих блудные и непристой-
ные речи. От видения и слышания всего этого входят в душу
вредные и постыдные образы.

Но даже когда находимся в своей келье, не надо быть без-
заботными, а всегда готовыми, потому и говорит Спаситель:
Бдите убо... (Мф. 24: 42). Чем больше мы желаем сохранить

целомудрие и девство, тем большее, по слову Екклесиаста, нам доставляют беспокойство жесточайшие помыслы: *кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1: 18), потому что чем больше преуспевают подвижники в подвиге, тем более сильных противников они находят.

Вот почему каждая из нас должна задуматься, насколько далеко она отстоит от истинного девства, а после этого во всеоружии выступить на брань с врагом. Если сестра победит вещественный блуд и не соблудит делом, тогда диавол будет воевать с ней, склоняя ее к блуду в чувствах. Если же она, оставаясь в келье, не видя и не слыша неприличное, победит чувственный блуд, то враг снова будет воевать с ней, подталкивая ее к блуду в воображении, навевая разные образы во сне и наяву. Этот скверный, находясь в сердце, делает смущения, приводит на ум безмолвствующим красивые лица и напоминает старые беседы. Мы не должны соглашаться с этими приносимыми врагом образами: *Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего**, – пишет Екклесиаст (Еккл. 10: 4). Если дева соглашается с этими образами, это равносильно блуду, совершаемому мирскими, ибо “сильные будут истязаемы крепко”.

Итак, брань и битва наша с бесом блуда велика и страшна, потому что этот бес – глава всех грехов, используемых врагом для гибели нашей души. Открывая это, праведный Иов говорил загадочно о диаволе, что вся его сила *в мускулах** чрева его* (Иов. 40: 11). Поэтому нечистый многими и различными способами склоняет христолюбцев к блуду, и часто обращает в этот грех даже христову любовь к братии, посмеявшись над теми девами, которые отвергли брак и всякий образ мира, и низвергает их в блуд посредством братской любви к мужчинам. Подобным же образом бес обольщает и

* Этот фрагмент, приведенный нами по Синодальному переводу, у Никодима читается следующим образом: “Если и взойдет на ум твой дух начальствующего диавола, прогоняй его, и не оставляй ему места в сердце твоём”, что более согласуется с текстом всей беседы. – *Пер.*

** По переводу 70-ти толковников: буквально “в пупке”. – *Пер.*

монахов, избегнувших всего, что приводит к блуду; он ввергает их в грех через благочестивые беседы с женами. В этом и состоит суть лукавого – облекаться в чуждое, тайно сеять свое, выдавая его за Божественное и духовное, то есть сверху он полагает зерно, а под ним расставляет сети. Об этом говорит и Господь: *приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Мф. 7: 15).

Что же нам делать, как избавиться от этих диавольских уловок?.. *Будите убо мудри яко змия, и цели яко голубие* (Мф. 10: 16), то есть с умом размышлять о сетях, которые нам ставит диавол. Христос потому и сказал нам “быть мудрыми, как змии”, чтобы мы были бдительны и не забывали об уловках лукавого. Ибо подобное можно скоро распознать через подобное. Голубиная простота являет чистоту наших дел. Всякое доброе дело требует уклонения от зла, и не смешивается с ним. Но как же мы можем уклоняться от того, чего не знаем? Это станет возможным только тогда, когда мы будем бдительными, научимся угадывать лукавство врага и уберегать себя от его козней и коварства, ведь, как говорит божественный Петр: *диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5: 8); *роскошна пища его* (Авв. 1: 16), – считал пророк Аввакум. Вот почему мы должны непрестанно внимать, так как и он тоже бдит и ополчается на нас, причем не только через предметы внешнего мира, но и через помыслы, тайно приходящие к нам днем и ночью.

Что нам необходимо для этой брани? Утомительный подвиг и чистая молитва, которые являются универсальными лекарствами при всяком губительном помысле. Однако при плотской брани нужно также использовать особые приспособления: когда к нам придет какой-нибудь постыдный помысел, мы должны противостоять ему противоположным. И если враг покажет нам в видении какое-нибудь красивое лицо, мы должны воевать с ним следующим образом: мысленно выколоть ему глаза, содрать кожу со щек и обрезать губы, и оно предстанет перед нами обнаженным черепом, безобразным и страшным. Так можно воспрепятствовать

врагу смеяться над нами. Ведь то, чего мы так желали, было ничем иным, как кровью, смешанной со зловонной желчью. Этими помыслами мы должны изгонять гнусный образ греха, клином вышибать другой клин – блудного беса. Подобными методами мы должны рассуждать при борьбе с привязанностью к другому человеку, представляя, как из него истекает гниль и зловоние, будто бы он мертв. Однако самой главной победой при отражении плотской брани должно стать укрощение чрева, порождающего все страсти, –ставляла премудрыми и душеполезными словами блаженная Синклитикия сестер. Инокини же весьма радовались, слыша ее божественные и духовные речи.

Однажды некая монахиня спросила преподобную, является ли нестяжание совершенным благом.

– Да, но для сильных и мужественных, ибо те, кто терпит нестяжание, имеют через это скорбь по плоти, а для души – ослабу. Подобно тому как крепкие и новые одежды, когда их топчут и трут, очищаются и становятся белыми*, так и мужественная душа, печалась и скорбя по причине вольной нищеты, еще более укрепляется и становится тверже. Те же, у кого помысел нетверд, малодушествуют и делаются еще более слабыми и нетвердыми. Потому что если такая душа немного поскорбит по причине нищеты, она становится хуже – не может вынести испытания, производимого нестяжанием, так же как непрочная и ветхая одежда не выдерживает стирки и рвется. И крепкую одежду, и ветхую стирают одинаково. Однако для обеих одежд бывает разный конец: крепкая одежда очищается и обновляется, а непрочная – рвется и портится. Вот почему нестяжание является драгоценным сокровищем для мужественной души, оно становится для нее уздой, препятствующей совершению грехов делом. Кто хочет приобрести эту добродетель, сначала должен упражняться в посте, лежании на голой земле и в прочих

* Здесь, по всей вероятности, имеется в виду способ стирки грязного белья при помощи ног, практиковавшийся в древности, когда белье мяти и топтали в воде, пытаясь очистить. – *Пер.*

утеснениях плоти. Тот, кто не поступит так и без предварительной подготовки сразу же отвергнет деньги, чаще всего впоследствии раскаивается в этом поступке, так как деньги для него являются средством для жизни в удовольствиях.

Поэтому сначала необходимо отвергнуть чревоугодие, пищу, приносящую наслаждение, и прочие телесные удобства. Через это легко можно отсечь привязанность к вещам и деньгам. Ведь трудно бывает, когда человек владеет каким-нибудь искусством, а инструментов, чтобы им заниматься, у него нет. Тот, кто отвергает первое, должен отвергнуть и второе. Беседуя с богатым юношей, Господь спросил его, соблюдает ли тот заповеди ветхого закона, но не сразу велел отвергнуть богатство, так же как наставник сначала спрашивает ученика, знает ли тот азбуку, умеет ли соединять буквы в слоги, привык ли произносить слова и имена, и только потом просит бегло читать. Поскольку богатый ответил, что сохранил заповеди закона, то Господь и сказал ему: *продаждь имение твое и даждь нищим... и гряди вслед Мене* (Мф. 19: 21). Если бы юноша не сохранил заповеди закона, то Спаситель не стал бы его склонять к нестяжанию, а иначе как бы смог сразу бегло читать тот, кто не умеет читать по слогам?

Нестяжание хорошо для тех, кто подвизался, утесняя плоть, и приобрел привычку и легкость на доброе, потому что такие отвергли все лишнее. Свой ум и надежду они полагают только на Бога: *Очи* всех на Тя уповают, и Ты даеши им пищу во благовремени* (Пс. 144: 15). Не прилепляясь умом к земным, они помышляют только о Небесных благах, о них заботятся и на деле исполняют слова Давида: *...как скот был я пред Тобою. Но я всегда с Тобою...* (Пс. 72: 22-23). Ведь как вьючные животные, служащие человеку, довольствуются лишь той пищей, что им дают, так и нестяжатели работают только для ежедневного пропитания, ни во что ставя богатство. Они твердо хранят основание веры, потому

* У Никодима буквально: "Очи наши на Тебя надеются, и Ты даешь пищу любящим Тебя в свое время" – *Пер.*

что именно им заповедал Иисус не заботиться о завтрашнем дне, ибо птицы небесные *не сеют, не жнут*, но Отец Небесный *питает их* (Лк. 12: 24). Они уверовали в эти слова.

Даже диавола нестяжатели побеждают более других, потому что он не может им ничем повредить. Большинство скорбей и искушений бывает у людей по причине лишения богатства, а с теми, у кого ничего нет, какая может случиться скорбь? Никакая. А какой вред может им причинить враг? Сжечь поля? Их нет. Погубить скот? А где он? Нанести вред в чем-то другом? Но они отошли от всего. Так что нестяжание есть самое величайшее наказание для диавола и драгоценное сокровище для души. Насколько велика и удивительна добродетель нестяжания, настолько велика и порочна страсть сребролюбия, которая, по словам блаженного Павла, *корень всех зол* (1 Тим. 6: 10). Из-за желания денег бывают ложные клятвы, воровство, хищения, жадность, зависть, убийства, братоненавидение, идолослужение и все, что произрастает из этого: лицемерие, лесть, издевательства. Причина всему этому – сребролюбие. Однако не только Бог наказывает сребролюбцев, но и сами они губят себя, никогда не насыщаясь богатством, и никогда не прекращая о нем своих попечений и забот. А посему эта рана их – неизлечима. Тот, кто не имеет ничего, вначале желает малого, потом, когда приобретет это, еще большего. Имея сто грошей, он желает приобрести тысячу, а если приобретет тысячу, хочет приобрести безчисленное количество. Вот и получается, что эти люди, будучи не в силах остановиться в своем желании и погоне за богатством, всегда плачутся, что они бедны. Помимо этого, сребролюбие приносит с собой зависть. Ехидны, когда рождаются, сначала прогрызают чрево матери, чтобы выйти наружу, а уже затем наносят вред другим. Также и зависть: сначала омрачает того, кто ее имеет, а потом причиняет вред всем окружающим.

Для монахинь великой прибылью станут труды по приобретению подлинного чистого серебра – Царства Небесного. Ищущие суетную прибыль мира сего терпят кораблекру-

шения и встречают пиратов на море, а воров – на суше, переносят бури и сильные ветра, а когда получают вознаграждение, говорят, что бедны, дабы им не завидовали другие. Мы же, монахи, чтобы получить истинное Небесное богатство, нисколько не ввергаем себя в опасности, а если и приобретаем какую-нибудь самую малую добродетель, то сразу же возвеличиваем себя и показываем другим, какие мы святые. Причем очень часто мы рассказываем не только об одной этой добродетели, но прибавляем к ней и другие, которых у нас нет. Тогда враг тотчас же похищает у нас и то малое, что мы получили. Люди мирские, подверженные сребролюбию, получив большую прибыль, желают иметь еще больше, ни во что не вменяя свое состояние и всеми силами заботясь, чтобы никто не узнал о нем. Мы же, иноки, поступаем наоборот: в нас нет ничего доброго, и мы не хотим ничего приобретать. Будучи бедны в добродетелях, мы хвастаемся своим богатством. Хорошо, если преуспевающий в добрых делах монах никому об этом не открывает, иначе понесет большой урон.

Итак, нужно по возможности скрывать свои добродетели, а тот, кто хочет их открыть остальным, должен также рассказывать о своих недостатках и страстях. Если же они скрывают от людей все плохое, что имеют, дабы другие их не осуждали, намного больше должны скрывать и свои добродетели. Таким образом они не удалятся от Бога. Поистине добродетельные поступают наоборот: знакомят людей со своими малыми грехами, добавляя, насколько это возможно, чтобы лишиться себя человеческой славы и то, чего не совершали. Свои добрые дела они скрывают. Ведь как плавится на огне свеча, так и душа расслабляется от похвал и теряет свою силу. Свеча от тепла тает, а от холода твердеет, так и похвала делает душу немощной, а поношение и брань укрепляют и ведут ее к большей добродетели: *Радуйтесь и веселитесь... когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня... яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5: 12, 11), – говорит нам Господь; *в скорби распространил мя*

еси (Пс. 4: 2), – писал пророк Давид. Подобные изречения в большом количестве можно найти в Священном Писании.

Бывает одна печаль полезна, другая – вредна. Полезна в том случае, когда кто-то печалится о собственных грехах, о неведении ближнего, когда опасается, как бы не уклониться от доброй цели, то есть истинная и полезная печаль – это когда кто-то печалится и вздыхает, желая достичь совершенной святости. Но есть и другая печаль, приносящая вред. Она – от диавола, который производит в душе безотчетную и исполненную безумия печаль, некоторыми называемую беспечностью. Этого беса печали мы должны прогонять молитвой и псалмопением. Монахини, имеющие добрые попечения и печали, не должны считать, что в миру кто-то живет беззаботно и беспечно: всякая глава пребывает в трудах, и всякое сердце в скорби, как проповедовал пророк Исаия. В этих словах Дух Святый открывает суть монашеской и мирской жизни. Как глава в человеке есть часть руководящая, так монашеское житие выше мирского, потому что в голове находится пронизательная часть души. Всякая добродетель приобретается трудами. Печалью же сердечной пророк обнаружил неустроенность и скорбь жизни мирских людей, ведь именно в сердце человека пребывают гнев и печаль. Он скорбит, когда желает чужого, изнывает, когда беден, негодует, если богат, выходит из себя, высокоумудрствует и даже не спит, чтобы уберечь свое состояние.

Да не обманываемся мы, монахини, считая, что мирские не имеют забот и трудов. По сравнению с нами они трудятся больше, особенно женщины, которые терпят большие муки, в болях и опасностях для жизни рожая детей и в страданиях их воспитывая. А когда те заболевают, то и они страдают вместе с ними. И еще много другого, подобного этому, они испытывают. И нет конца их трудам. Потому что дети их или рождаются увечными, или имеют злой и испорченный характер и по-разному обижают своих родителей, а очень часто убивают их хитростью. В таком случае нам не надобно прельщаться вражьими помыслами о том, что у замужних

жен спокойная и беззаботная жизнь. Они мучаются либо во время родов, либо изнывают и сохнут от уничижений, когда страдают бесплодием. Я говорю вам сейчас об уловках лукавого, однако сказанное мною подходит не для всех жен, а только для монахинь. Ибо как одна и та же пища подходит не для всех животных, так и слово это не всем приносит пользу: *И никтоже вливает вина нова в мехи ветхи...* (Мк. 2: 22), – сказал об этом Спаситель.

Ведь различно нужно разговаривать с людьми: одними словами с совершенными, другими – с достигшими созерцания и знания, третьими – с подвижниками и теми, кто находится в состоянии деятельной добродетели, а четвертыми – с мирскими. Как животные: на земле – одни, в воде – другие, в воздухе – третьи, так и люди: одни зрят ввысь, как птицы, другие ведут жизнь умеренную, а третьи погружены в грехи, как рыбы в воду. Монахиня должна иметь орлиные крылья, чтобы взлететь ввысь и победить львов и драконов, повелевать ныне тем, кто однажды был повелителем. Мы сможем достичь этого только при одном условии – если принесем в жертву Христу весь наш ум и все наше помышление. Однако чем выше мы восходим, тем сильнее тщится диавол уловить нас в свои сети. Если демоны завидуют ничтожным и никчемным предметам мира сего, не давая людям взять сокровища, спрятанные в земле, что странного в том, если они завидуют нам, стремящимся приобрести Небесные богатства? Поэтому инокам следует вооружиться против демонов всем, чем возможно, ибо они ведут брань и с помощью внешних предметов, и с помощью внутренних помыслов, подобно тому как судно тонет иногда по причине морских волн, попадающих извне, а иногда по причине течи в корабле. Всегда следует следить и за внешней бранью демонов, и избавляться от внутренних нечистых помыслов, и постоянно бодрствовать, ибо демоны часто ополчаются на нас. Во время внешних бурь, в которые попадает корабль, моряки зовут на помощь находящиеся вблизи другие суда и очень часто избавляются от опасности. Но от течи корабль идет ко

дну и во время штиля, когда мореплаватели беззаботно спят. Вот почему монахиням нужно быть более внимательными к внутренним помыслам: желая уничтожить дом нашей души, враг начинает рушить его либо с фундамента, либо с крыши, либо входит через окна и связывает сначала хозяина, а затем овладевает всем, что в доме. Фундаментом дома душевного являются добрые дела, крышей – вера, а окнами – чувства. И вот посредством всех их враг нас и борет.

Тот, кто хочет спастись, должен иметь множество очей, потому что не можем мы в этой жизни быть беззаботны: *Темже мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10: 12), – написано в Апостоле. Мы путешествуем по неведомому морю – нашей жизни. В одной части его встречаются рифы, в другой – разные животные, а в третьей – тихие и спокойные воды. Внешне мы, монахини, путешествуем по спокойным и тихим водам этой жизни, а мирские – по опасным. Мы плывем днем, и ведет нас Мысленное Солнце Правды Христос, а мирские, не зная пути, идут ночью. Однако те, кто плывут по неизвестным и опасным местам, часто могут бодрствовать и взывать к Богу, чтобы Он спас корабль их души, в то время как мы, монахини, плывущие по спокойным водам, можем погрузиться в пучину от нашего небрежения, выпустив из рук руль правды. Итак, *темже мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10: 12), потому что тот кто упал заботится о том, чтобы встать. Но тот, кто стоит, должен беречься, чтобы не упасть, поскольку падения бывают разные. Пусть стоящий не осуждает павшего, но лучше опасается за себя, как бы ему самому, упав на дно пропасти, не погибнуть, где из-за большой глубины голос его, зовущий на помощь, может быть не услышан: *Да не потопит мене буря водная, ниже да пожрет мене глубина, ниже сведет о мне ровенник уст своих* (Пс. 68: 16), – говорит Давид. Вот и получается, что тот, кто упал прежде тебя, так там и остался, поэтому ты внимай, чтобы не упасть в пропасть и не стать пищей зверей. Ведь тот, кто упал, не закрывал двери дома своего, то есть не внимал себе, но ты, который стоишь, не дремли, но всегда

воспевай псалом: *просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепихся на него* (Пс. 12: 4-5) и всегда бодрствуй, поскольку на тебя рыкает мысленный лев. Эти слова полезны тем, кто не стремится превозноситься. Кто упал, если покается и возвратится, спасется, но твердо стоящий, как ему самому может показаться, пусть опасается двух вещей: снова не обратиться к старым страстям, особенно к малодушию, нападающему во время брани, а также – не впасть в гордость, когда преуспевает в добродетели. Поскольку наш враг диавол, когда увидит, что тот ленив и беззаботен, будет тянуть его назад к себе или, когда окажется, что подвижник прилежен и преуспевает в подвиге, тайно войдет в душу посредством гордыни и таким образом полностью погрузит инока в эту страсть. Гордость – самое мощное из всех оружий нечистого, потому что и сам сатана был низвергнут ею с небес. Как опытейшие военачальники, после того как закончатся стрелы, а враг все еще преодолагает, вытаскивают самое мощное оружие – меч, так и диавол, когда уже использовал почти все свои оружия, тогда в качестве меча применяет последнее средство – гордость.

Итак, первыми сетями являются чревоугодие, сластолюбие, блуд. Эти страсти преследуют человека в юности. После них следуют сребролюбие, жадность, и подобное им. Когда душа победит их и возобладает над чревом и всеми страстями, что гнездятся ниже живота, презрит деньги, вот тогда лукавый, лишенный всяческих оружий, тайно привносит в душу гордость, чтобы человек неподобающим образом превозносился над ближними. Поистине тяжела и пагубна эта ядовитая страсть гордости, которой враг напоет душу. Многих святых он помрачил ею, тайно вкладывая в душу ложный и смертельный помысел превосходства над прочими сестрами в посте и добродетелях. Так диавол заставляет человека забыть свои грехи и похищает из его памяти воспоминания о них, дабы он не смог для своего излечения смиренным гласом повторить вслед за Давидом: *Тебе единому согрешил я... помилуй мя* (Пс. 50: 6, 1), *возвеселюся и возрадуюся о Те-*

бе, пою имени Твоему, Вышний (Пс. 9: 3), и оставляет в его памяти только те слова, которые сам сказал в помышлении своем: *взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой* (Ис. 14: 13). Он навевает гордецу мысли о власти, о том, что тот будет восседать на первых местах, об учительстве, о даре врачевания. Так человек и погибает, потому что получил трудноизлечимую рану.

Если у кого-нибудь возникают подобные горделивые помыслы, нужно всегда вспоминать слова Давида: *Аз же есмь червь, а не человек...* (Пс. 21: 7), или Авраама: *Я, прах и пепел* (Быт. 18: 27), или пророка Исаии: *и вся праведность наша – как запачканная одежда* (Ис. 64: 6). Монахиня, находящаяся в безмолвии, при таком бесовском нападении должна прийти в свой монастырь и вынудить себя вкушать пищу дважды в день. А если эта страсть возобладала в ней от чрезмерности подвига, тогда другие инокини, одного с ней возраста, должны сильно побранить ее, говоря, что ничего-то доброго она не сделала. Подобным монахиням полезно исполнять всякое тяжелое послушание и читать жития великих святых. Кроме того, подвизающиеся вместе с ней должны на несколько дней увеличить свой подвиг, чтобы та горделивая увидела их великие подвиги, и смирилась, считая себя ниже их. Причина такой гордости кроется в преслушании. Эту болезнь можно излечить только противоположным ей лекарством – послушанием: *Послушание лучше жертвы* (1 Цар. 15: 22), – говорил пророк Самуил. Игуменья должна сокрушать тщеславие сестер, когда это необходимо, а если какая монахиня небрежна, ленива, не преуспевает в добродетели, она должна похвалить ее. Если та сделала какое малое добро, игуменья должна удивляться этому и преувеличивать его значение. А серьезные грехи той сестры настоятельница должна представлять ей как несущественные и малые, потому что, желая исказить у подвижников и святых представления об их грехах, диавол старается их скрыть, чтобы те пришли в состояние гордости. С молодыми и новоначальными он поступает наоборот: все их грехи он полагает перед ними,

чтобы тем самым ввергнуть их в отчаяние. Одной сестре он может сказать, что “за то, что ты соблудила, нет для тебя никакого прощения”, а другой – что “из-за своей жадности ты не спасешься”. Однако, хотя Раав и была блудницей, но спаслась верой. Павел был гонителем христиан, но стал сосудом избранным. Матфей был мытарем, а стал евангелистом. Разбойник крал и убивал, но первым отверз двери раю.

Побежденные гордыней души должно исправлять и врачевать, напутствуя их такими словами: “Что ты гордишься, несчастная душа, что не ешь мяса? Другие даже на рыбу не взирают. Что ты гордишься, что не пьешь вина? Помысли, что другие не вкушают даже масла. Что же ты превозносишься тем, что постишься до вечера? Другие два – три дня проводят совсем без пищи. Что ты гордишься тем, что не умываешься? Многие из-за телесных болезней совершенно не моются. Ты удивляешься самой себе, что спишь на власяной подстилке, а тем временем другие всегда спят только на голой земле. Если же и ты спишь на земле, то ничего великого не сделала, потому что некоторые подкладывают под себя камни, чтобы не получать от сна наслаждения, а другие подвешивают себя на всю ночь веревками. Если и ты все это делаешь, и достигла крайнего подвига, не превозносишься, потому что бесы делали и делают больше тебя: они никогда не едят, не пьют, не спят, не женятся, даже живут в пустынях. Так и ты, если обитаешь в пещере, не думай, что сделала что-то великое”.

Этими помыслами можно исцелить противоположные им страсти отчаяния и гордыни. Подобно тому как огонь ослабевает и угасает и при дуновении сильного ветра, и при совершенно безветренной погоде, так и добродетель исчезает из-за гордыни и при чрезмерном подвиге – если будем пребывать в небрежении и не подвигнем себя к тому, чтобы Дух Святый разжег в нас ревность и нам содействовал. Как остро заточенный нож легко ломается о камень, так и гордыня скоро губит чрезмерный подвиг. Вот почему человек должен всячески оберегать свою душу. Когда она возгорается жаром

гордыни, он должен посредством крайнего подвига отвести ее в места тенистые, то есть подчинить ее благодати Божией. Иногда для этого нужно отсекаать от души своей лишнее, чтобы корень укрепился лучше, и от него проросли плодородные ветви. Тот же, кто борим отчаянием, должен понудить себя помыслами, о которых мы упоминали ранее, чтобы устремиться к вышним, то есть надеяться на безграничную милость Человеколюбивого Бога нашего, потому что душа такого грешника пребывает в крайне падшем состоянии. К нему нужно относиться подобно искусным земледельцам, которые, когда видят чахлое и низкорослое растение, то начинают часто поливать его и особенно о нем заботиться, чтобы оно выросло, а когда видят проросший раньше времени росток, срезают его, поскольку он скоро засохнет, подобно врачам, рекомендуящим одним больным хорошо питаться и гулять, а другим – воздерживаться от пищи.

Ясно, что гордыня – самое большее из всех зол, подобно тому как смиренномудрие – самая большая из всех добродетелей. Последнее приобретается с трудом, потому что если не отвергнуть славу, то невозможно приобрести сокровище смиренномудрия. Смиренномудрие столь велико, что даже диавол, который подражает всем прочим добродетелями, совершенно не знает о смиренномудрии. Вот почему апостол Павел повелевает нам крепко в него облечься, и хочет, чтобы все, кто совершают добрые дела, как в одежду облеклись в него. Даже если ты постишься, подаешь милостыню, учительствуешь, проводишь жизнь в девстве и целомудрии, мудрец ли ты, всегда имей смиренномудрие. Оно, как крепостная стена, защищает тебя и удерживает все прочие твои добродетели. Святых три отрока в пещи Вавилонской в своей песне не вспомнили ни о каких других добродетелях, но сопричислили к прославляющим Господа только смиренных сердцем, не назвав ни целомудренных, ни девственников, ни нестяжателей. Подобно тому, как без гвоздей не соорудить корабль, так же невозможно спастись без смиренномудрия. Поэтому, желая показать, насколько благо и

душеспасительно смиренномудрие, Сам Господь облекся в него, когда стал Человеком: *научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11: 29), – говорил Он. Размысли, Кто такой Тот, Кто произнес эти слова, и стань совершенным учеником и подражателем Его смиренномудрия. Пусть оно станет у тебя началом и концом всех благ, смиренномудрие означает смиренные помышления души, а не только смиренный внешний вид. Если душа смиренна, то и тело смиренно. Ты говоришь, что исполнил все заповеди? Спаситель знает это, однако Он повелевает тебе снова начать работать Ему, ибо говорит: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. 17: 10).

Смиренномудрия можно достичь через терпение поношений, оскорблений и побоев. Когда услышишь, что тебя называют “безумным и сумасшедшим”, “нищим”, “больным и жалким”, “неудачником”, “безрассудным”, “безобразным внешностью”, “тощим” – все это суть нервы и сила смиренномудрия. Вседержитель наш слышал и претерпел все это. Он принял образ раба, был заушен, изранен. Так и мы должны подражать деятельному смиренномудрию Христову. Но есть некоторые, которые внешне кажутся смиренными и имеют смиренный вид, чтобы их прославляли люди. Однако их можно узнать по плодам дел их, потому что если их немного обругать, они не выносят этого и тотчас же, как змеи, изbleвывают свой яд.

Слушая слова святой, сестры необычайно радовались, ожидая услышать и другие, они были не в силах насытиться душеполезными речами преподобной. И потому та снова стала говорить им:

– Великий подвиг предстоит тем, кто приступает служить Богу в монашеском одеянии. В начале испытывают они великие труды, но затем приемлют радость неизреченную, как те, кто, желая зажечь огонь, сначала глотают дым и плачут, и только потом получают его. Мы, монахини, должны трудиться и плакать, чтобы возжечь в нас самих Божественный огонь: *Огня приидох воврещи на землю* (Лк. 12: 49), – сказал

нам Господь. Однако есть некоторые малодушные, испробовавшие дым, но не зажегшие огонь. Они не имели терпения, и их любовь к Богу – это великое сокровище – была слабой. Они не слышали апостола Павла, возглашавшего гимн любви: *если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею... то я – медь звенящая или кимвал звучащий* (1 Кор. 13: 3, 1).

Как любовь есть великое благо, так гнев – великое зло. Он помрачает и ожесточает душу, приводя ее к безрассудству. Господь наш, Который всячески печется о нашем спасении, не оставляет ни одну часть души без Своей защиты и покровительства. Если враг воюет на нас с помощью блуда, то Он вооружает нас целомудрием. Если тот воюет на нас гордостью, недалеко от нас и смиренномудрие. Если диавол разжигает в нас ненависть, то рядом находится любовь. Сколько бы разных стрел не пускал против нас диавол, Всемогуший, для нашего спасения и для победы над врагом, ограждает нас великим оружием. *Гнев бо мужа правды Божия не соделывает* (Иак. 1: 20), – говорит первоверховный апостол Иаков. Поэтому мы должны обуздывать его, поскольку он бывает необходим в нужное время. Полезно гневаться против демонов, но не против людей, даже если они и согрешат против нас. Как только у нас пройдет гнев, мы должны обращать их к покаянию.

Однако самый тяжелый грех – это злопамятство. Если гнев, как дым, помрачает душу на малое время, а затем рассеивается, то злопамятство входит в нее, как гвоздь, делая ее худшей всех зверей. Даже пес, когда гневается на какого-нибудь человека, если его задобрить пищей, остывает и успокаивается. Подобно этому и прочие животные, если их приручить, становятся кроткими. Но тот, кем владеет злопамятство, не подчиняется просьбам. И даже время, которое все изменяет, не может исцелить страсть злопамятства. Поэтому такие люди являются самыми нечестивыми и незаконными из всех. Они не слушают Спасителя Христа, Который говорит: *Пойди ... прежде смирися с братом твоим,*

и тогда пришед принеси дар твой (Мф. 5: 24), и апостола: *Солнце да не зайдет в гневе вашем* (Еф. 4: 26).

Итак, хорошо вообще не гневаться, а если и разгневаешься, божественный Павел не позволяет пребывать в этой страсти и одного дня, потому и сказал: “до захода солнца”. А ты, монахиня, зачем ждешь, пока зайдет время твоей жизни, чтобы примириться с той, на которую рассердилась? Разве ты не знаешь слово Божие: *довольно для каждого дня своей заботы* (Мф. 6: 34). Для чего нам пребывать во вражде по прошествии этого дня? Зачем ненавидеть ту, которая тебя опечалила? Не она это сделала, а диавол. Возненавидь болезнь, от которой страдает твоя сестра, а не саму больную: *Что хвалишися во злобе, сильнее?* (Пс. 51: 3).

В словах: *неправду умысли язык твой* (Пс. 51: 4), – пророк Давид говорит нам, что все время жизни своей мы творим беззаконие, потому что не подчиняемся Закону Божию, который устами Павла повелевает не давать солнцу заходить во гневе нашем. Почему же и тогда мы не прекращаем хулить и поносить ближнего? За это мы будем по справедливости наказаны Творцом: *Сего ради Бог разрушит тя до конца, восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего и корень твой от земли живых* (Пс. 51: 7), – предупреждает нас царственный Псалмопевец. Слышишь? Все это “дары” и “дарования” Создателя злопамятному, которые тот получает за свою злобу.

За злопамятством последует множество бед: зависть, печаль, злословие. Зло, производимое этими страстями, хотя и кажется небольшим, смертельно. Ведь часто блуд, убийство, жадность – эти великие страсти – врачевались спасительным лекарством покаяния, но гордость, злопамятство и злословие, несмотря на то что кажутся малым грехом, умертвляли душу, входя в наиболее уязвимые ее части, как гвоздь. Это происходило из-за того, что эти страсти наносили душе глубокую рану, но уязвленные ими пребывали в небрежении, думая, что злословие и все подобное неопасно. Так, не стараясь их исправить, такие люди мало-помалу погибали

от них. Для некоторых тяжелый грех злословия – как пища и отдых. Поэтому не следует внимать суетным слухам и слушать то, что говорят о чужих грехах. Надо хранить от них свою душу в простоте. Зловоние нечистых слов оскверняет душу помыслами и без причины заставляет возненавидеть тех, кто беседует и общается с тобой. Когда осквернится слух твой злословием клеветников, тогда ты уже более не будешь обладать рассуждением, но всех людей будешь представлять таковыми: глаз, который пристально смотрит на какой-нибудь один цвет, уже более не в состоянии различать другие цвета, но все видимое представляется ему в одном цвете.

Нужно хранить язык и слух наш, чтобы никого не злословить и не слушать с пристрастием клевету других: *Тайно клеветующего на ближнего своего изгоню* (Пс. 100: 5) и *яко да не возглаголют уста мои дел человеческих* (Пс. 16: 4), – говорит Давид. Мы же рассуждаем не только о тех делах, которые совершают люди, но и о тех, которые не совершают. Вот почему не верьте злословию против других, и не осуждайте тех, кто злословит, но поступайте так, как нам повелевает Божественное Писание: *яко глух не слышах и яко нем не отверзая уст своих* (Пс. 37: 14). Не радуйтесь несчастьям других, даже если эти люди были весьма грешными. Некоторые, когда видят, что кого-то бьют или ввергают в темницу, по неведению своему приводят народную поговорку: “Кто плохо постелил, тому плохо будет спать”. Однако ты, монахиня, которая постелила хорошо, думаешь, что будешь почивать всю свою жизнь? А как тогда согласовать это с Божественным Писанием, которое говорит, что одно и то же может постигнуть и праведного, и неправедного. Ведь все мы люди, и идем в этом мире по одной дороге, хотя и различным образом проводим свою жизнь. Разве не может и с нами случиться какое-нибудь несчастье? Почему же мы радуемся напастям других?..

Не должно испытывать ненависть к своим врагам, потому что так нам повелел Сам Господь: *И аще благотворите благотворящим вам, кая вам благодать есть; ибо и грешницы*

тоже творят... Но вы любите враги ваша (Лк. 6: 33, 35). Не требуется особого искусства и труда, чтобы полюбить того, кто тебе благоволит, ибо это естественное влечение. Но чтобы полюбить врага, требуется учение от Бога и великий труд для преодоления естественной ненависти. Царство Небесное приобретают не беспечные и беззаботные, а прилежные, и те, кто употребляет для этого усилие. И как не должны мы ненавидеть своих врагов, так не должны избегать и презирать беспечных и ленивых, поскольку некоторые для своего оправдания приводят изречение пророка: *С преподобным преподобен будеши... и со строптивым развратиши* (Пс. 17: 26-27). Этим они оправдывают свои действия, а на самом деле творят противоположное тому, что Дух Святой говорит через Давида. Он не заповедует отвращаться развращенных, но призывает исправлять их. Общаюсь с ними, ты привлечешь их к себе, и от зла направишь к добру. Характеры людей можно поделить на три вида. Первый отличается крайней склонностью ко греху, второй – занимает среднее положение: склоняется и к добру, и ко греху, а третий, возвышенный в великой добродетели, не только себя укрепляет в добре, но всячески старается привести к нему и того, кто крайне склонен ко греху. Когда худые нравом люди имеют общение с худшими себя, то они еще более возрастают во зле. Средние стараются избегать худых, поскольку опасаются стать от общения с ними тоже худыми, ибо они еще неутвержденные в добре. А третьи, обладая мужественным характером и твердо стоя в добре, общаются с худыми, чтобы спасти их. Если же этих, третьих, поносят и издеваются над ними те, кто видит, как они общаются с худыми и нерадивыми, они все эти обвинения принимают как похвалы, безстрашно завершая Божие дело, то есть спасение братии.

Радуйтесь и веселитесь... когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить люди (Мф. 5: 12, 11), – обращается к ним Спаситель. И Владыка Христос ел вместе с мытарями и грешниками. Совершенные в добродетели более братолюбивы, чем себялюбивы, ибо как те,

кто видит горящими соседские дома, бросают свои и бегут спасать от пожара соседские, так и эти, видя братьев своих согрешающими, пренебрегают собой, терпят поношения, осуждения, чтобы только спасти своих братьев. Средние, когда видят, что их ближний попадает грехом, в страхе, чтобы самим не сгореть от греховного огня, убегают, а первые, как злые соседи, видя своих братьев горящими, еще более разжигают огонь, как дрова подкидывая в него собственные грехи. Таким образом, они совершенно сжигают ближних, и вместо того, чтобы водой залить огонь греха, от которого сгорает брат, бросают дрова, вынуждая несчастных грешить еще больше. Третьи же, будучи добрыми, ни во что не ставят свои стяжания, но считают их ниже спасения братьев. В этом заключаются признаки истинной любви, такие люди являются хранителями искренней любви.

Как грехи связаны один с другим: за сребролюбием следуют зависть, хитрость, клятвопреступление, гнев, злопамятство, так и добродетели связаны с любовью – кротостью, долготерпением, незлобивостью. И совершенное благо – нестяжание. Нельзя достичь любви тому, кто сначала не приобретет нестяжание, потому что Бог повелел нам любить всех людей, а не только кого-то одного. Вот почему мы не должны оставлять без внимания нуждающихся, а стараться во всем помогать им. Если мы поддерживаем лишь некоторых, то наша любовь обкрадывается и гибнет, потому что мы не всех любим. Только Всемогущий может даровать всем полный достаток, и если кто скажет, что тот, кто ничего не имеет, должен подвизаться для приобретения прибыли и раздачи из нее милостыни, пусть знает: это возможно мирским, но не монахам. Ибо давать милостыню Всеблагий велел не столько ради того, чтобы питать нищих, сколько ради стяжания любви теми, кто милует. Господь, устраивающий пути богатого, препитает и нищего. Неужели тогда излишним было повеление давать милостыню? Да не будет этого! Потому что милостыня становится начатком любви для не умеющих ее стяжать. Как обрезание крайней плоти

было примером обрезания сердца, так и милостыня стала учителем любви. Хотя для тех, кому по благодати Божией дана любовь, милостыня излишня. Я говорю это не для того, чтобы осудить милостыню, но чтобы показать чистоту нестяжания. Пусть малое добро, милостыня, не станет препятствием большому добру – нестяжанию, которое есть любовь. Ты, монахиня, в малое время и малым трудом достигла малого добра, поскольку раздала все, что имела, нищим. Потщись же теперь достичь большего – любви. Ты должна таким же свободным гласом сказать: *Се, мы оставихом вся и вслед тебе идохом* (Мф. 19: 27). Ты сподобилась подражать дерзновенному языку апостолов Петра и Иоанна, рекших: *сребра и злата несть у мене* (Деян. 3: 6). У них было два языка, но одна вера. Но и мирские не должны подавать милостыню как попало: *елей* же грешнаго да не намастит главы моея* (Пс. 140: 5), – пишет Псалмопевец. Тот, кто подает милостыню, должен иметь образ мыслей Авраамов, и правду творить так же, как и он, – справедливо. Оказывая гостеприимство, вместе с кушаньями он предлагал и свой нрав: стоял и сам прислуживал, не желая, чтобы рабы разделили с ним прибыль гостеприимства. Поистине те, кто оказывают такое гостеприимство, примут мзду за свое милосердие, даже если и будут во втором чине. Потому что, когда Создатель сотворил Вселенную, Он положил в ней два чина жителей. Для тех, кто проводит жизнь свою в благочестии, он для деторождения назначил брак, а для тех, кто живут чисто, повелел девство, делая их равноангельными. Женатым он дал законы, учение, позволил мстить нечестивым, а девственникам сказал: *У Меня отмщение и воздаяние* (Втор. 32: 35). Первым заповедал возделывать землю (Быт. 3: 23), а монахам – *не заботьтесь о завтрашнем дне* (Мф. 6: 34). Первым Он дал Закон, иночествуящим, по благодати, открыл Свои заповеди.

* Текст приведен по-славянски. Синодальный перевод в этом месте значительно отличается от греческого оригинала и звучит так: “Это лучший елей, который не повредит голове моей”. – Пер.

Крест для нас – памятник победы, поскольку звание наше и обет наш – ни что иное, как отречение от жизни и попечение о смерти. Мы должны быть подобны мертвым, неподвижны телом. Все, что мы ранее совершали по плоти, делали, будучи неразумными детьми. *Имже мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6: 14), – пишет апостол, то есть мы живем только душой, и с помощью ее должны выказывать добродетели, ей миловать, ибо блаженны милующие душой. По словам Господа, тот, кто только посмотрит на женщину с вожделением, не совершив греха делом, уже прелюбодействовал и тайно в душе своей совершил грех (Мф. 5: 28). Вот так же и тот, кто милует и жалеет нищего душой своей, оказывает милость, и его намерение восполняет действие, хотя и нет у него денег. Мы почтены большим достоинством, чем мирские, господá в миру имеют разных слуг: одних они посылают в поле обрабатывать землю, других, лучших, держат в доме для служения себе. Вот и Господь женатых поместил в мир, а тех, кто лучше их и обладает благим произволением, – оставил на служение Себе. Такие чужды всему земному, потому что сподобились вкушать от Владычней трапезы. Они не заботятся об одежде, ибо облеклись во Христа. Но у обоих этих чинов один Хозяин – Господь. Невозможно, чтобы в одном чине сразу были и всходы, и зерно, поэтому иноки не призваны Господом облекаться в мирскую славу. Колос бывает готов к жатве, когда у него опадут листья и засохнет стебель. Если мы не совлечем с себя представлений земных, которые у нас вместо листьев, и не иссушим, как стебель, наше тело, а потом не возвысим свой помысел к Богу, то не сможем произвести спасительный плод.

Опасно учить кого-либо, не овладев прежде искусством совершения добродетелей. Если у человека прогнил дом, а он принимает в нем гостей, то ветхое жилище может упасть и своим падением искалечить всех в нем находящихся. Так и тот, кто не построил свой дом на твердом основании, то есть не обучился доброделанию, погубит и себя, и тех, кого учил. Такие своими словами подвигли сначала людей ко

спасению, а затем дурными своими поступками нанесли им еще больший вред, как если бы первые и вовсе не наставляли их. Одно лишь учение, без практических дел, напоминает изображение, нанесенное легко смывающимися красками, которые выцветают под действием времени, от капель дождя и от дуновения ветров. Но учение, сопровождаемое делами, не стирается вовек, потому что слово, воплощенное в деле, твердо отпечатывается в душе и дает слушающим вечное и неизгладимое подобие Христа и Его добродетелей. Мы должны исцелять душу не только внешне, но украшать ее, проявляя особенную заботу о внутренней чистоте ее.

Мы остригли волосы на голове? Сбросим вместе с ними с себя и вшей, что на голове, ибо, оставшись, они еще больше будут кусать нас. Срезанные волосы означают жизнь в миру: почести, славу, деньги, нарядные одежды, бани, изысканную пищу. Это все мы, кажется, отвергли. Давайте же отбросим и душепагубных вшей: клевету, сребролюбие, ложь, клятвы и прочие страсти, обретающиеся в нашей душе, потому что голова означает душу. Пока она покрыта волосами, то есть мирскими предметами, ее не видно. Но сейчас, когда душа лишена мирского, она стала обнажена. Вот почему у всех монашествующих видны и самые малые грехи: в чистом доме, если появится какое, пусть и самое маленькое насекомое, его все замечают. У мирских же, как в нечистых пещерах, гнездятся огромные ядовитые змеи, но их не видно – они скрываются за множеством вещей. Иноки постоянно должны очищать свой душевный дом и внимательно следить, чтобы в него не попало какое-нибудь душепагубное животное. Дабы страсть не прошла в тайные части нашей души, нужно всегда кадить свое сердце божественным фимиамом молитвы. Подобно тому, как фимиамом с сильнейшим запахом изгоняют ядовитых змей, так и наша молитва вместе с постом прогоняет злые помыслы.

Монахини всегда должны хранить помыслы, которые к нам приходят. Один святой жизни инок поступал следующим образом: несколько дней он сидел в своей келье и под-

мечал помыслы – когда приходил первый, когда второй, и сколько времени длился каждый из них. С помощью этого наблюдения старец познал благодать Бога, собственное терпение и силу, а также смог одержать победу над врагом. Даже торговцы временными предметами мира каждый день пересчитывают выручку, радуясь прибыли и огорчаясь убытку, насколько более должны бодрствовать мы, имеющие дело с истинным сокровищем, и желающие приобрести еще бóльшие блага. Если же враг похитит у нас малую часть, то мы должны огорчиться и осудить себя, но не отчаиваться и не бросать все, потому что грех этот мы совершили невольно, по причине искушения. У тебя девяносто девять овец, иди и ищи заблудшую! Не бойся, что потерял ее, не уходи от Владыки Христа, не удаляйся от Него, дабы кровожадный диавол отчаянием не поработил все стадо твоих деяний и не рассеял его. Итак, из-за одной заблудшей не покидай того, что у тебя есть, ибо наш Бог – Всеблаготворитель: *Егда падет* не разбьется, яко Господь подкрепляет руку его* (Пс. 36: 24), – говорит пророк Давид.

Все, что мы сотворили или приобрели в этом мире, по сравнению с вечным богатством будущей жизни, должны считать малым, поскольку в этом мире мы находимся как во чреве матери. Ведь когда мы были во чреве, то жизнь у нас была не такая, как сейчас: мы не вкушали твердой пищи, не видели ни солнца, ни другого света. Итак, как во чреве матери мы были лишены многих вещей этого мира, так и сейчас, находясь в этом мире, мы лишены многих благ Царства Небесного. Поэтому будем стремиться к наслаждению райскими благами будущей жизни, где увидим Мысленное Солнце правды горного Иерусалима – нашей истинной родины и матери, где обитает наш Бог Отец. Чтобы стать наследниками Его благ, будем здесь жить благоразумно и целомудренно. Как новорожденным младенцам сначала дают много пищи, а затем предлагают больше, так и праведники

* Праведник. – Пер.

переходят от этой жизни к Небесной и лучшей, восходя, как написано: *от силы в силу* (Пс. 83: 8). Но грешники будут преданы из тьмы мира сего во тьму адскую, как младенцы, которые умирают во чреве матери. Ведь они, находясь еще на земле, мертвы от множества грехов, поэтому после смерти они сходят в темные места.

В этой жизни мы рождаемся трижды. Первый раз, когда выходим из чрева матери, а другие же два рождения возводят нас от земли на Небо. Второе происходит от Божественной благодати, нисходящей на нас во время Божественного Крещения, мы называем его пакибытие и возрождение. Третье рождение бывает через покаяние и добрые подвиги – в нем мы находимся сейчас.

Те, кто пришел к Истинному Жениху Христу, должны украсить себя как можно лучше. Мирские невесты, выходя замуж за смертного, стараются помыться, умаститься благоуханиями, надеть различные украшения, чтобы понравиться своим будущим мужьям. Тогда насколько более должны украшать себя мы, которые уневестились Небесному Жениху? Надо с помощью подвижнических трудов и облекшись в духовные одежды смыть с себя греховную нечистоту. Те украшают свое тело земными цветами, а мы должны украсить наши души добродетелями, и вместо драгоценных камней надеть на главы наши тройной венок: из веры, надежды и любви и украсить шею смиренномудрием. Вместо пояса наденем целомудрие, как в платье облечемся в нестяжание. Брачной трапезой нашей пусть станет нетленная пища молитвы и псалмопения. Однако при этом не будем только шевелить языком, но и ум наш пусть будет вместе со словами. Часто бывает, что люди молятся только устами, а сердце и ум помышляют об ином (см. 1 Кор. 14: 15), – да не случится этого с нами. Мы, пришедшие на Божественный брак, должны внимать себе, чтобы не оказаться нам без светильников, то есть без добродетелей. Если не исполним то, в чем обещались Христу, Владыка всего нас возненавидит и не примет. Какие же обеты мы должны принести Ему? Прежде всего,

меньше заботиться о теле и больше о душе. Нельзя поднять из колодца два ведра воды одновременно – пустое опускается в колодец, а полное поднимается, так и у нас, когда мы заботимся только о душе, она исполняется добродетелями и поднимается ввысь, тело же становится легким от подвигов и не тянет душу к земле: *но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4: 16), – свидетельствует апостол.

Спасаясь в общежительном монастыре, не меняй место своего пребывания, дабы в противном случае не получить бóльший вред. Подобно тому, как птица губит насиженные яйца, покидая их, так охладевает и умерщвляется вера монаха, переходящего с место на место. Да не прельстит тебя роскошь богатых блюд и наслаждение, как будто в этом есть какая-то польза. Богатые ценят искусство поваров, приготовляющих доставляющие наслаждения вкусные яства, ты же побеждай обильную и сладостную пищу скромной едой и постом, ведь *сытая душа попирает и сот, а голодной душе все горькое сладко* (Притч. 27: 7), – сказал премудрый Соломон. Не насыщайся хлебом – не захочешь и вина.

Похоть, наслаждение и печаль – три главных и первых греха, приходящих от врага. От них происходит все другое зло. Они связаны друг с другом и следуют один за другим. Если наслаждение победить можно, то похоть – нельзя, потому что наслаждение приходит через тело, а похоть начинается в душе. Печаль же происходит от этих двух. Если ты не позволишь действовать в тебе похоти, то изгонишь и наслаждение, и печаль. Если же позволишь возникнуть в себе похоти, то она принесет с собой наслаждение, а наслаждение – печаль. Тогда обступят тебя все три и совершенно не дадут покоя душе: *Не давай воде выхода* (Сир. 25: 28), – говорит Священное Писание.

Пусть каждый от своего ума получает известие, так как не всем все полезно. Одним нужно быть в общежительном монастыре, другим – пребывать в уединении. Как растения, одни лучше растут во влажных местах, а другие – в сухих,

так и люди: одни имеют хорошее здоровье, живя на высоких местах, другие – на низких. Так и у монашествующих, где кому полезно, пусть там и находится. Многие, находясь в городах, но представляя себе, что это пустыня, жили святой жизнью и спасались. А многие уходили в горы, но, поступая по-мирски, погибали. Можно жить рядом со многими, и при этом монашествовать умом, а можно находиться в одиночестве и умом пребывать с остальными людьми.

Много жал у диавола. Если ему не удастся нанести вред с помощью бедности, он для оболыщения человека предлагает богатство. Если ему не удастся причинить вред ругательством и поношением, он предлагает похвалы и славу. Если нечистый бывает побежден человеком, обладающим крепким здоровьем, то посылает ему болезнь. Когда не может нанести вред чем-то радостным, пробует сделать то же самое печалью и невольными страданиями. По попущению Божию, он вызывает у человека тяжелые болезни, чтобы тот впал в малодушие, и была омрачена его любовь к Богу. Вот почему если у тебя, возлюбленный, горит и от сильного жара разрывается на части тело, ты страдаешь от неизлечимой и безудержной жажды, вспомни, что ты по грехам своим терпишь это, подумай о вечных муках, о неугасимом огне и адских невыносимых мучениях. Тогда в земных муках твоих не будет места малодушию, но только неизреченная радость и благодарность Господу за то, что Он посетил тебя: *Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя* (Пс. 117: 18), – будешь славословить Создателя хвалебными словами Давида. Железо посредством огня избавляется от ржавчины, так ты посредством болезней избавляешься от греховной скверны. Если же ты праведен, но вдруг заболел, то знай, что преуспеваешь, переходя от меньшего к большему. Если даже ты и подобен золоту, то, пройдя огонь скорбей, засияешь еще ярче. А если дан тебе *ангел сатаны...* (жало) *в плоть* (2 Кор. 12: 7), то ты удостоился стать подобным апостолу Павлу, и должен этому весьма возрадоваться. Если ты мучаешься от жара, или страдаешь от холода, ждет тебя прохлада и покой:

Возвел еси человеки на главы наша, проидохом сквозе огонь и воду, и извел еси ны в покой (Пс. 65: 12), – читаем мы в Божественном Писании. Если с тобой случилось первое, ожидай и второго. Ты беден, трудишься и страдаешь, тогда повторяй слова пророка: *Избави мя, яко нищ и убог есмь аз, и сердце мое смятется внутри мене* (Пс. 108: 22). Ведь в скорби *распространил мя еси* (Пс. 4: 2). Будем же как можно больше тренироваться в этих подвигах, потому что борющийся нас – перед нами. Не будем жалеть, что по причине болезни мы не можем стоять на молитве или воспевать песнопения. Стояние, пост, возлежание на земле и прочие телесные утеснения установлены для умерщвления постыднейших похотей. Если же болезнь все это ослабила, тогда этот труд излишен. Да и что говорю излишен? Губительные страсти от болезни, как от сильнейшего и эффективнейшего лекарства, еще больше ослабляются. Терпение в болезнях есть величайший подвиг. Мы должны терпеть болезнь, благодарить и прославлять за нее Бога. Так, если мы лишились зрения, не будем обижаться – через это мы избавились от органа ненасытной похоти, теперь мы будем созерцать душевными очами славу Господню. Если оглохли, то избавились от слышания суетного. Если от болезни у нас парализовало руки, значит, внутренние руки нашей души готовы на брань с врагом. Душевное здоровье только возрастет, если даже и все наше тело будет сковано болезнью.

В общежительном монастыре более подвига нужно предпочитать послушание, потому что очень часто подвиг приводит к гордыне, а послушание – к смиренномудрию. Все те, кто подвизаются сверх меры, являются учениками нечистого. Как же можно отличить царственный подвиг от Бога, от тиранического и бесовского? По его соразмерности. Поэтому всю жизнь нужно поститься, но не воздерживаться от пищи четыре–пять дней подряд, а потом разрешать себе обильные яства. В этом можно усмотреть неумеренность, которая весьма губительна. Не следует расходовать сразу все свои орудия, чтобы во время битвы не оказаться против врага

с голыми руками, иначе он легко победит тебя. Нужно всегда заботиться об оружии – нашем теле, и войне – нашей душе. Пока инок молод и здоров, нужно поститься, потому что в свое время придет старость с болезнями, и воздержание может стать невозможным. Вот к этому времени и надо сделать запасы, чтобы, когда ослабеешь, использовать их. В посте должно сочетать разум и строгость. Тогда враг не вмешается безрассудством в твою торговлю и не похитит от поста прибыль*. Именно это, как я полагаю, имел в виду Господь, сказав, чтобы мы становились истинными менялами, то есть в точности знали отличие царских монет от подделок. Естество золота одно и то же, но печать и изображение отличаются. Под золотом я разумею пост, воздержание, милостыню. Этими добродетелями, ставя на них собственную печать, пользуются и еллины, и еретики. Вот почему мы должны быть внимательными, иначе, не зная грамоты, попадем к ним и потерпим вред. Мы должны уверенно принять Крест Господень, запечатленный правой верой и благочестивыми поступками.

Монахиням нужно с рассуждением управлять своей душой, и если они находятся в общежительном монастыре, не искать своей воли, не следовать собственному мнению, но подчиняться духовной матери – игуменье. Ведь мы предали себя на ссылку, вышли из границ мирских вещей, поэтому не будем снова искать их в обители. Там, в миру, мы имели славу, а здесь – поношение, там – обилие яств, здесь – испытываем нужду даже в хлебе. В миру совершающих преступление ввергают в темницу против их воли, а здесь мы заключили себя сами, добровольно, по своим грехам, дабы это вольное заточение избавило нас от будущего мучения. Для разрешения поста не стоит искать оправдания в болез-

* Следуя Господу (см., например, притчу о купце: Мф. 13:45-46), многие святые свои рассуждения о Царстве Небесном, о добродетелях, уподобляют торговым сделкам, сравнивая человека или его душу с купцом. Это они делали для простоты восприятия Евангельских истин некими людьми. Здесь под прибылью понимается награда. – *Пер.*

ни, потому что и не постыющиеся подвергаются тем же болезням. Не следует оставлять начатое благое дело, даже если к этому будет понуждать диавол. Претерпев все его уловки, ты победишь врага. Кто пускается в путешествие на корабле, при попутном ветре распускает паруса, а при противном – не тотчас же опускают, а немного ждут, или, сражаясь с бурей, продолжают путь. Так и мы, когда встретим бурю, вместо паруса прострем Крест и безбоязненно продолжим наш путь.

В этих словах заключались не сухие поучения блаженной, но, прежде всего, деяния. Однако по множеству совершенного Синклитикией пересказать все, что она сделала за свою долгую жизнь, невозможно. Известно, что на протяжении всей ее жизни диавол постоянно на нее ополчался. И всегда был побежден. Но однажды, по Божию попущению, он нанес-таки ей вред. Сначала он поразил внутренности святой, вызвав такую сильную боль, что никто из людей не мог ей помочь. Сначала было поражено легкое. Затем диавол обрушился другими страшными болезнями и почти умертвил подвижницу. В течение долгого времени проклятый мучил ее множеством язв: Синклитикия страдала от постоянного жара. Когда святой было восемьдесят лет, нечистый поразил ее болезнями Иова, однако, чтобы причинить ей жесточайшие боли, он сократил время: Иов провел в болезнях тридцать пять лет*, а преподобная – восемь, по одному году от каждых десяти прожитых ею лет на Земле. Три с половиной года воевала блаженная с врагом. Возможно, даже мужественные мученики за Христа не страдали столько, сколько претерпела присноблаженная Синклитикия. Ведь против тех воевали извне мечом и огнем, а святую жгло как бы огнем раскаленной печи изнутри, понемногу сжигая все ее внутренности. Это поистине тяжелое и безчеловечное

* Святитель же Кирилл Александрийский и Олимпиодор из текстов Священного Писания заключают, что Иов провел в болезнях только семь лет, которые, со всеми годами его жизни, что перечислены в хронологии, были однако добавлены Иову Богом после болезни, ибо годы жизни праведника удвоились. – *Авт.*

наказание. Когда правители хотят кого-нибудь строго и сурово наказать, то жгут его на медленном огне, понемногу умерщвляя. Вот так же и враг, увеличивая жар внутри преподобной, непрерывно, день и ночь, мучил ее. Святая же с большим мужеством, не падая духом, переносила эту болезнь и не переставала наставлять сестер в вере, избавляя их души как бы от пасти льва.

– Души, посвященные Богу, никогда не должны пребывать в безопасности, потому что в тот момент, когда они безмолвствуют, враг скрежещет зубами и опечаливается, будучи ими побежден. Чуть отступив, он примечает, когда они немного расслабятся, и тогда нападает и прельщает именно тем, в чем эти души были спокойны и откуда не ждали удара врага, – не уставала повторять блаженная.

– Как не может быть, чтобы крайне порочные люди не имели хотя бы искорки добра, так невозможно, чтобы весьма добродетельные не имели какого-нибудь греха. И так всегда: в крайне порочных обретается некая часть добра, а в добродетельных – часть греха. Очень часто можно встретить примеры, когда исполненный всяких постыдных страстей милостив, а постник, целомудренный и аскет, – клеветник и сребролюбец. Вот поэтому никому не следует пренебрегать малым, как будто оно не может ему повредить, ибо капля камень точит. Великие блага приходят к человеку от Божественной благодати, но с малыми страстями мы должны бороться своими силами. Кто борется с большой страстью, по благодати Божией, и пренебрегает малыми грехами, получит большой вред. Когда мы начинаем ходить, Господь, как Истинный наш Отец, протягивает нам, духовным своим детям, руку, чтобы мы не упали. Избавляя нас от великих опасностей, Он оставляет нас одних справляться с малыми. Так он показывает нам величину нашей свободы и возможности нашей силы. Ибо тот, кто побеждается малыми страстями, как сможет уберечь себя от больших? – проповедовала Синклитикия, боримая тяжелой болезнью.

Тогда диавол напал на преподобную с еще большей силой и поразил у святой органы речи, чтобы таким образом помешать ей говорить. Бес думал, что теперь сестры перестанут ходить к блаженной. Но даже и в таком положении, лишив инокинь возможности слышать слова преподобной, он стал виновником их великой пользы: видя болезни преподобной, сестры еще более укреплялись в добродетели, телесные язвы святой исцеляли их уязвленные души, а мужество души и терпение стали для видящих ее предостережением и лекарством. Враг не достиг своей цели и поразил преподобную другим способом: у нее заболел зуб, и от него тотчас же загнила десна, так что зуб сам собой выпал. Заражение распространилось на всю челюсть, так что все мягкие ткани стали гнить. За сорок дней сгнила вся челюсть, а через два месяца образовалось отверстие, вокруг которого все почернело. От всего тела стало исходить ужасное зловоние, и сестры, служившие ей, страдали от него больше, чем сама больная. Большую часть времени святая находилась одна, потому что сестры не могли выносить этого нестерпимого запаха. Когда же возникала необходимость подойти к преподобной, монахини возжигали большое количество ладана и только после этого заходили в келью. Оказав услугу, они тотчас удалялись. Однако чаще блаженная Синклитикия сама не разрешала сестрам помогать ей, так как ясно видела врага, воюющего с ней. Так она в очередной раз доказала свое мужество. Хотя сестры просили ее ради собственной немощи помазать больные места миром, она не соглашалась, потому что рассуждала: «Если я приму помощь от людей, то уклонюсь от славной битвы с врагом». Она не соглашалась ни на какое лечение, однако врач все же убедил ее в необходимости принять некоторые меры:

– Мы не собираемся тебя лечить или утешать, но хотим, по обычаю, предать земле ту часть твоего тела, которая отпала, сгнила и сделалась мертвой, чтобы от издаваемого ей смрада не заболели служащие тебе сестры. То, что делают для мертвых, то сделаю сейчас и я: смешаю вино с алоэ, смирной

и миртом, и помажу этим раствором сгнившую часть, – сказал он подвижнице.

Преподобная приняла его совет, и из жалости к служившим ей сестрам согласилась. После этого безмерное зловоние прекратилось. Кто не содрогнется, видя эту невыносимую рану, кто не получит пользу, размышляя над терпением преподобной, кто не укрепитя, думая о ее победе и поражении диавола! Мерзкий порастил святую именно в ту часть, откуда тек спасительный и сладчайший источник слов, а безмерная его злоба отгоняла от нее всякую человеческую помощь. Как кровожадный зверь он устремлялся на свою добычу, где бы она ни находилась. Но, собираясь ее пожрать, он сам стал пищей, ибо был пойман как бы на крючок телесной немощью. Видя, что преподобная – женщина, он презрел ее как немощную, не зная всего ее мужества. Видя, что члены ее расслаблены, не смог слепец разглядеть мужественнейший ее помысел. Три месяца подвизалась преподобная в этом подвиге, тело же ее держалось Божественной силой, потому что природная сила оскудела. От чрезмерного гниения и зловония, от сильных болей святая не могла ни есть, ни спать.

Перед своей кончиной блаженная увидела Ангельские силы и святых дев, которые звали ее на Небеса. Она сподобилась узреть сияние Божественного света и место, где находится рай. После этого откровения она призвала сестер мужественно переносить временные скорби и не предаваться малодушию. Затем преподобная сказала им, что через три дня разлучится с телом, с точностью назвав час своей кончины. В определенное Господом время святая Синклитикия отошла ко Господу и получила от Него награды подвижнического венца – славу и похвалу Царства Небесного. Богу же нашему Иисусу Христу, со Отцем и Святым Духом подобает слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ

**ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ,
АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНЦИИ КИПРСКОЙ,**

ПРОСИЯВШЕГО В V ВЕКЕ

Святой авва Епифаний был родом из селения Висандуки, расположенного в трех милях от Елевферополя в Финикийской области. Его отец занимался земледелием, а мать – обработкой льна. Отец блаженного скончался рано, когда Епифанию было всего десять лет, поэтому мать и младшая сестра Каллитропа были вынуждены жить в довольно стесненных обстоятельствах: часто им не хватало денег на пропитание. Всем их богатством был непослушный вол. Как-то мать сказала Епифанию, чтобы он пошел на базар, продал эту скотину, а на вырученные деньги купил еды. Однако отрок, зная нрав животного, воспротивился этому:

– Ты знаешь, что вол наш непослушен, и если я пойду его продавать, то народ на ярмарке, увидев его, накажет меня, – сказал он матери.

– Ступай, чадо, и Бог отцов наших Авраама, Исаака и Иакова сделает его послушным, чтобы ты смог его продать, а мы приобрели на эти деньги все потребное, – настояла на своем мать.

Призвав на помощь Бога и исполняя послушание матери, Епифаний взял животное и повел его на рынок. Здесь вол успокоился, стал кротким и привлек внимание одного торговца-еврея по имени Иаков.

– Поскольку мы одной веры, чадо, и являемся рабами Праведного Бога, соблюдем справедливость при продаже вола, чтобы ты не был обижен, и я не понес вреда, – обратился он к Епифанию. – Таким образом, мы не наведем потом на

себя проклятия, и Бог не будет на нас негодовать, но привлечем благословения, потому что Он Сам сказал: *Благословляющий тебя благословен, и проклинаящий тебя проклят* (Чис. 24: 9).

Услышав это, Епифаний сильно испугался:

– Я больше не хочу продавать вола, потому что это животное непослушное, мать велела мне его продать, чтобы купить еды. У нас умер отец, и мы очень нуждаемся. Однако сейчас я услышал от тебя, что вредить ближнему плохо. Я боюсь Бога и не хочу, чтобы ты предал меня проклятию за непослушное животное, – вдруг сказал он старому еврею.

– Чадо, возьми это в благословение, ступай к матери своей и дай ей, чтобы вы купили еды. Возьми с собой и вола. Если он оставит свой непослушный нрав, то пусть служит вам дома, а если не оставит, то выведите его из дома, чтобы он никого из вас не умертвил, – ответил удивленному мальчику Иаков.

Епифаний взял три монеты и вола и отправился домой. На пути его встретил один христианин по имени Клеовий и попросил продать ему скотину. В эту минуту вол заволновался и ударил Епифания копытом в бедро, от чего тот упал на землю и стал плакать от боли. Тогда Клеовий трижды перекрестил Епифанию больное место и – о чудо! – мальчик тотчас же смог встать, не ощущая уже больше никакой боли.

– О непослушное животное, за то, что ты хотел убить своего хозяина, во имя Иисуса Христа Распятого, не сойдешь больше с этого места, – сказал христианин волу. И в тот же миг, испустив дух, скотина упала.

– Кто такой Этот Иисус Распятый, именем Которого происходят такие знамения и чудеса? – в недоумении поинтересовался Епифаний.

– Этот Иисус есть Сын Божий, Которого распяли евреи, – сказал Клеовий.

Отрок побоялся открыть ему, что он еврей, но тут же поспешил домой, где рассказал матери о событиях дня. Про-

шло немного времени, и мать приняла решение отправить Епифания в подмастерья к мастеру, дабы сын смог своим ремеслом научиться зарабатывать деньги на пропитание. Жил в Елевферополе один еврей-законоучитель, дивный и богобоязненный человек по имени Трифон. В селении Епифания у него было имение. Однажды, посещая его, Трифон пришел к матери Епифания.

— Не хочешь ли отдать мне Епифания, чтобы я усыновил его, а вы с дочерью будете получать все необходимое из моего дома? — предложил он бедной вдове.

Услышав такое предложение, мать Епифания весьма обрадовалась и тотчас же отдала ему сына. Трифон стал тщательно обучать его закону Моисееву и еврейским наукам, дабы впоследствии он мог стать достойным мужем его единственной дочери. Однако Господь судил иначе: девица вскоре умерла, и Епифаний остался у него один, поэтому Трифон завещал ему все свое имение. По смерти матери юноша взял свою сестру в дом к Трифону, и они стали вместе владеть всем его имуществом.

Однажды, когда Епифаний пошел посмотреть на свои поля, он встретил некоего монаха Лукиана, дивного и образованного человека, который до пострига был известным каллиграфом. Став иноком, он этим ремеслом зарабатывал деньги, которые потом раздавал нищим. Епифаний ехал в повозке, запряженной волами, а Лукиан шел пешком. Оба встретили бедняка.

— Человек Божий, помилуй меня, потому что я три дня ничего не ел, — припал он с мольбой к Лукиану.

Не имея ничего, чтобы дать ему, монах снял с себя одежду и протянул ее нищему со словами:

— Ступай в селение, продай одежду и купи себе еды.

Когда Лукиан снял с себя одежду и отдал нищему, Епифаний увидел, как с неба спустилось белоснежное облачение и покрыло его. Епифаний почувствовал сильный страх и, сойдя с повозки, также упал к ногам Лукиана.

– Прошу тебя, человек, скажи мне, кто ты? – обратился он к блаженному.

– Скажи мне сначала какой ты веры, тогда и я скажу тебе, кто я такой, – ответил ему авва.

– Я еврей, – признался Епифаний.

Будучи прозорливым, Лукиан понял, что на этого иудея сошла благодать Божия:

– Как же ты, еврей, спрашиваешь христианина, кто он такой? Ведь для христиан евреи – мерзость, равно как и христиане для евреев. Итак, услышав, что я христианин, не спрашивай больше у меня ничего.

– А что мешает и мне стать христианином? – дерзнул спросить юноша.

– А мешает то, что не хочешь. Если захочешь, то сможешь, – мудро проговорил инок.

Умилившись от этих слов, Епифаний не пошел в селение смотреть поля, но взял Лукиана, привел к себе в дом и показал все богатства, что были в нем.

– Отче, вот мое имущество, а вот моя сестра. Я хочу стать христианином и жить монашеской жизнью. Что ты на это скажешь? – обратился он к святому.

– Чадо, эти вещи мешают тебе стать иноком. Поэтому выдай замуж сестру и дай ей все необходимое, остальное же раздай нищим. Только после этого ты сможешь жить, как и подобает монаху.

– Для начала, отче, сделай меня христианином, а потом я исполню то, что ты мне повелел, – не унимался Епифаний.

– Я не могу сделать тебя христианином, это может только епископ, – объяснил ему Лукиан и вышел из дома.

– Я хочу стать христианином и жить монашеской жизнью, – поведал позже сестре о своем намерении юноша.

– Как ты хочешь сделать, так и я хочу, – поддержала его Каллитропа.

Тем временем Лукиан сообщил епископу о намерении Епифания, и владыка благословил наставить молодого иудея в христианском учении, а потом привести его к в храм

на богослужение. Тогда блаженный вернулся в дом к Епифанию, огласил его и сестру, а затем повел их к епископу. Когда Епифаний подошел к внешним воротам христианского храма и поднялся на одну ступень, с его левой ноги упал башмак. Когда же он ступил правой ногой, то произошло то же самое. Видя это, Лукиан изумился, а башмаки так и остались лежать на лестнице, ведущей в церковь. Епифаний не стал поднимать спавшие с ног башмаки и никогда больше не ходил в обуви. Во время чтения Евангелия владыка увидел, что лицо Епифания просияло и на главе его появился прекрасный венец. Через семь дней по совершении Таинства Крещения Епифаний привел Лукиана и Вернику – святую деву, ставшую духовной матерью его сестры, в свой дом. Дав крестной тысячу золотых, он поручил ей свою сестру и отправил их в монастырь, где Верника была настоятельницей. Сам же Епифаний, продав все свое имущество, вырученные деньги раздал нищим, удержав для себя только сорок монет для покупки священных книг, и пошел в обитель Лукиана, где пребывали на безмолвии десять монахов, занимавшихся каллиграфией и от нее добывавших себе пропитание. Все это произошло в год шестнадцатилетия Епифания. В том монастыре был монах по имени Иларион, второй после Лукиана, украшенный многими знамениями и дарами. Подобно им подвизался здесь и монах по имени Клавдий. Вот этим двум и стал подражать во всем молодой инок. По отшествии блаженного Лукиана ко Господу, настоятелем обители стал Иларион, пищей которого раз в два, а иногда и в три, и в четыре дня было небольшое количество хлеба с солью и немного воды. Такое же жителство избрал для себя и Епифаний, и придерживался этого порядка всю свою жизнь. Место, где находился монастырь, было безводным. За водой братии приходилось ходить в ночное время за пять миль. Однажды проходили той дорогой какие-то путники, имевшие с собой животных, груженных бурдюками с вином. Поскольку стояла сильнейшая жара, они очень захотели пить, для чего

зашли в монастырь. Воды же в монастыре в тот момент не оказалось, и путникам угрожала смерть. Братья сильно опечалились из-за этого и стали плакать.

– Поверьте мне, братья, что Господь наш Иисус Христос, в Кане Галилейской претворивший воду в вино, сотворит из этого вина воду, – обратился к инокам божественный Епифаний, взяв бурдюки, наполненные вином.

И – о чудо! – вино в тот же час превратилось в воду. Путники напились сами, напоили животных, и ожили. Но чудо это вызвало удивление как у братии, так и у путников. Святому пришлось покинуть обитель, потому как странники разгласили об этом по всем окрестностям. Епифаний ушел в более дикое место и, не зная где его искать, вся братия опечалилась.

В то время проходили рядом с его кельей сарацины. Будучи злыми насмешниками, они стали издеваться над отшельником и даже хотели его избить. Однако, как только свирепый одноглазый разбойник занес над Епифанием нож, у слепого открылся незрячий глаз. Объятый сильным страхом, сарацин бросил меч и стоял без движения. Его товарищи, заметив, что тот стоит без движения, подошли к ним. Увидев, что у того открылся глаз, они застыли в изумлении. Тогда авва стал спокойно и со смирением говорить с ними. Разбойники подумали, что он – бог, и понудили его идти с ними. Следуя за ними три месяца, святой препятствовал им в совершении беззаконий. Однако это смутило банду и она попросила Епифания оставить их. Наставив сарацин в значительной мере, блаженный напоследок предупредил их, что если они не престанут творить злые дела, то не смогут жить спокойно и быть счастливыми. Затем сарацины привели его в то место, где он жил ранее и, построив ему жилье, оставили его с миром. Я же, будучи одним из них, но наставленный святым в слове истины и вере Христовой, остался жить вместе с ним. По прошествии шести месяцев мы со святым пошли в монастырь к Илариону Великому. Братия

очень обрадовалась нашему приходу, а через несколько дней в этой обители и я сподобился принять от настоятеля Таинство Крещения, и был наречен Иоанном. Мы провели там десять дней, и все это время братия просила святого Епифания остаться с ними в монастыре, на что тот не согласился. По дороге домой мы встретили юношу, одержимого одним из бесовских князей. Божественный Епифаний пожалел его и громким голосом воззвал:

– Во имя Распятого Иисуса Христа повелеваю тебе, нечистый демон, выйти из создания Божия.

Тотчас же бес скрутил юношу, бросил его на землю и прокричал:

– Ты выгоняешь меня, Епифаний, с моего места, но знай, что я уйду к Персидскому царю и заставлю тебя прийти туда с большой скорбью.

После этих слов юноша пришел в разум и упал к ногам святого, который поднял его и с миром отослал домой. А тот лукавый действительно пошел в Персию и, вселившись в царскую дочь, стал мучить ее, как некогда и юношу.

– Царь, если не придет Епифаний, пославший меня в твою дочь, я не выйду из нее, – приговаривал бес постоянно и звал Епифания.

Услышав подобные слова от демона, царь послал множество людей в Финикию искать подвижника. Однако труды воинов были тщетны: они не смогли найти отшельника. Но нечистый открыл царю, что Епифаний живет в местечке, называемом Спанидрион, и в следующий раз воины отыскиали божественного. Подойдя ночью к двери его кельи, они стали стучать, но поскольку святой в тот час молился, он не только не открыл им, но даже не откликнулся на стук. Разгневавшись, те хотели разрубить дверь, один из них вытащил из ножен меч и уже занес руку для удара. Но в этот момент рука его застыла в воздухе и высохла. Тогда на остальных напал страх, и они отбежали далеко от кельи. Авва открыл дверь лишь спустя долгое время, когда закончил молитвенное правило.

– Помилуй меня, раб безсмертных богов, – возопил к Епифанию пострадавший воин.

– Чего ты хочешь от человека грешника? – удивленно спросил блаженный.

– Я пришел сюда здоровым, и вот, у меня высохла рука.

– Здоровым пришел, стань здоровым снова, – проговорил Епифаний и, как только взял его за руку, она стала здоровой, как и другая.

Увидев это чудо, все припали к ногам святого и поклонились ему. Затем они открыли ему причину посещения. Услышав слова посланцев, святой понял, что тот демон, которого он изгнал из юноши, вселился в царскую дочь и мучает ее.

– Пойдем, чадо, вместе с этими людьми в Персию, – обратился ко мне Епифаний.

– Отче, царь послал нас за тобой, потому мы привели с собой и животное, на которое ты сядешь, – обрадовались воины, узнав о решении отшельника; посадили нас на верблюда и повезли в свою страну.

Через тридцать дней пути мы прибыли в страну персов и остановились в месте, называемом Урион. Трое из сопровождавших отправились к царю, чтобы доложить о прибытии, после чего тот приказал привести нас к нему. Святой шел с такой смелостью, как будто речь шла вовсе не о встрече с царем, я же при виде множества предстоящего народа сильно испугался. Когда Епифаний подошел к правителю, тот захотел встать с трона, но авва успокоил его и призвал не печалиться о страдающей дочери:

– Мой Помощник – Человеколюбец Бог, Который изгонит злого демона, лишь веруй в Него и увидишь дочь свою здоровой. Приведи ее сюда и узришь благодать Человеколюбца Иисуса, – сказал он Персидскому царю.

– Приди в разум, девушка, и поклонись Отцу своему, ибо волк уже более не будет обладать тобою, – призвал он девушку, которую привели к божественному и трижды перекрестил ее Честным и Животворящим Крестом. – Как вошел ты в царскую дочь, так и выйди из нее и ступай в места необи-

таемые, – возгласил святой бесу, и лукавый в ту же минуту вышел из девушки.

– Радуйся, царь, ибо волк оставил дочь твою, – обратился он к удивленному отцу. – А ты, дочь, ступай радоваться к своей матери. И с этого дня соблюдай тело и душу свою чистыми и неоскверненными грехом, тогда злодей-диавол больше никогда не приблизится к тебе, – предупредил авва царевну.

После этого изумленный правитель и его свита стали упрашивать Епифания остаться в Персии и научить своему волхвованию всех местных колдунов.

– О, волхв, враг истины, научись не произносить безпутные слова, – сказал святой самому главному магу страны. – Не думай, что раб Божий является служителем беззакония. Образумься, говорю тебе, и пребудь безгласен.

И тотчас же волхв потерял дар речи и замер без движения. Тогда царь и все присутствующие здесь от страха упали на землю, но блаженный поднял царя и дал знак народу, чтобы и они встали с колен, а затем проговорил колдуну:

– Размысли, что ты видишь и слышишь. Не думай, что я волхв, ибо я – раб Распятого Иисуса Христа. Во имя Его вновь начни говорить, но теперь подружись с Истиной.

В тот же момент маг снова заговорил и стал просить у святого прощения, говоря, что согрешил. Царь же приказал принести золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и положил все это перед святым.

– Отче, возьми все это и вспоминай меня, – сказал правитель преподобному.

– Ради небесных даров мы все это презираем, так как это ложные и ничего не стоящие блага мира сего. Не утруждай меня этим даром, потому что Христос научил меня обходиться без него. Забери и положи его в свою сокровищницу, где богатство будет лежать у тебя мертвым грузом, всегда в бездействии. Ты будешь заботиться о нем, но никакой пользы для своей души от него не получишь, ибо будешь лишь помышлять как погубить души с помощью золота, данного тебе от Господа для пожертвований нуждающимся.

Итак, поступи по справедливости, пребудь с Богом, и, как Он дал золото тебе, так и ты дай его нищим, чтобы на будущем суде не быть тебе осужденным и брошенным *во тьму внешнюю* (Мф. 8:12). Тогда ты вспомнишь мои справедливые слова, но уже безо всякой пользы. А если сейчас слушаешь меня – всегда будешь радоваться. Не имей нужды в сем мире и во благах его, и весь мир подчиниться тебе. Да, и тщательно оберегайся волхвов, дабы они не прельстили тебя законом тьмы. Хотел я поведать тебе и многое другое, но ты не внимаешь мне, потому что помысел твой – за столом. Итак, ступай и ешь все в меру, – наставил царя Епифаний.

– Отче, пойдем вместе, вкусим от трапезы, – пригласил святого царь.

Однако божественный авва отказался от его угощения и насытился лишь небольшим количеством предложенного хлеба. На другой день правитель позвал святого к себе, а когда преподобный пришел, встал с трона и бросил на землю свой скипетр.

– Царь, подними скипетр, и благодари Бога, давшего его тебе, – образумил правителя блаженный.

– Прошу тебя, отче, останься с нами, и я буду делать все, что ты мне скажешь, – стал упрашивать властитель.

– Если ты соблюдешь мои слова, то я буду поминать тебя, где бы я ни находился, – пообещал ему авва и остался в царском дворце на десять дней.

По прошествии этого срока Епифаний заповедал царю спокойно править своей страной, не ходить войной на римлян, дабы не стать врагом Распятого Иисуса Христа и не погибнуть злой смертью от рук своих противников. После этого царь со своим двором решил проводить нас до дома. По дороге из дворца путники увидели погребальную процессию: несли умершего ребенка одного Персидского князя, чтобы бросить его на съедение псам*. Но святой обратился

* У персов существовал обычай бросать умерших собакам. – Авт.

к несущим с просьбой поставить носилки на землю, чтобы посмотреть на покойного.

– Должно, царь, мертвецов погребать в земле, а не бросать их на съедение псам. Знай, что злодеи живут в твоём государстве, которые безвременно убивают людей, как вот, например, этого ребенка. Злые люди незаконно умертвили его с помощью магии. Но мой Бог, Который был распят на древе, воскресит его перед всеми, – с этими словами он взял мертвого за руку и громким голосом обратился к Богу с молитвой, умоляя воскресить этого отрока.

Сняв с себя плащ, Епифаний накинул его на одр, ибо персы имеют обыкновение нести покойников обнаженными, и тотчас же – о чудо – сын именитых родителей воскрес и поблагодарил святого. Тогда правитель подумал, что перед ним стоит сам бог, но блаженный успокоил его:

– Не думай так обо мне, царь, потому что я подобный тебе смертный человек, но мой Бог, в Которого я уверовал, дает совершать такие знамения тем, кого любит.

– Сколько вооруженных воинов тебе нужно, отче, чтобы охранять тебя в пути?

– У меня есть Бог, Который защищает меня Своим вооруженным воинством – Ангелами.

– Ступай в здравии, Епифаний, слава римлян, и помни и о нас, живущих в Персии, – поклонился правитель авве и отпустил его с миром.

Расставшись, мы пришли к себе домой. Через три дня у нас закончилась питьевая вода.

– Господи Боже наш, скалу рассекший, воду из нее источивший и жаждущий народ напоивший, рассеки эту землю и сделай так, чтобы из нее возле жилища бедных забил источник воды, – обратившись к востоку, помолился преподобный.

И сразу же в этом месте разлилось неизреченное благоухание. Блаженный сделал три земных поклона, взял заступ и покопал немного, после чего вышло немного воды. Затем он

покопал еще, и из дотоле сухой земли вышло столько воды, что земля стала плодородной: здесь выросло много овощей и это привлекло к нашему жилищу диких зверей, которые повадились есть эти плоды. Тогда святой встал у растений и беседовал со зверями, как если бы они были людьми:

– Звери, зачем вы доставляете мне столько трудов? Я, человек грешный и нищий, пришел сюда оплакивать множество своих грехов, и Бог утешил меня, дав овощи в пищу, а вы приходите сюда и едите их. Сам Бог повелевает вам более не приходить сюда и не вредить растениям.

Услышав слова преподобного, звери, будто разумные люди, тотчас же покинули это место и с тех пор более уже не приходили к нам. Но о нашем возвращении из Персии узнали сарацины. Они пришли к божественному Епифанию взять благословение и построили рядом с прежней кельей еще три, а затем вернулись к себе. Так по всей Финикии прошел слух, что авва живет в Спанидрионе. Вокруг него собрались другие братья, теперь нас стало обитать здесь восемь.

Однажды мы пошли навестить иноков в монастыре святого Илариона. Здесь нас, как и всегда, приняли с большой радостью и продержали несколько дней. Этим обстоятельством воспользовался диавол: он принял образ Епифания и появился в нашем монастыре. Увидев якобы Епифания, один из наиболее нерадивых братьев подбежал к нему, пал на землю и поклонился злобному демону. В тот же час бес вошел в него. Брат стал беспорядочно бегать туда-сюда. В этот момент преподобный Епифаний, духом почувствовав опасность, сказал Илариону Великому:

– В наш монастырь вошел волк и смутил всех братьев.

Прощавшись с братьями, авва и я отправились в свой монастырь. По возвращении блаженный помолился Человеколюбивому Богу и Господь избавил того нерадивого брата от беса.

В другой раз пришли в монастырь три крестьянина, один из которых был бемноватым, и два его товарища просили святого изгнать из него демона.

– Возьмите, чада, вашего брата, и ступайте в мире. Во имя Иисуса Христа отныне он свободен от всякого зла.

Поверив этим словам преподобного, они ушли, и прежде чем достигли своих домов, демон оставил одержимого крестьянина, и он стал здоров.

В одном пустынном месте на расстоянии около шестидесяти миль от монастыря жил лев, который часто выходил из чащи на дорогу и пожирал людей, проходивших по ней. И вот однажды все, пользовавшиеся этой дорогой, собрались и пришли в монастырь просить святого помолиться Богу, чтобы он прогнал льва.

– Во имя Господа пошли туда и посмотрим на кровожадного, – призвал их авва.

Когда они подошли к лесу, лев, увидев божественного Епифания, упал и испустил дух. Заметив мертвого зверя, все удивились, а блаженный на это лишь заметил:

– Если вы будете верить в Иисуса Христа, то все, кто на вас замышляют злое, падут точно таким же образом.

Наряду с другими дарами, данными Богом святому, Епифаний искусно толковал Священное Писание: когда он читал братии Ветхий или Новый Завет, то сразу объяснял смысл прочитанного отрывка.

В это время в Едесской стране жил один удивительный философ и ритор, и тоже по имени Епифаний. Он захотел побеседовать с образованным и умеющим толковать Писание чудотворцем. Придя в монастырь, он поклонился святому.

– Удивляюсь тебе, философ, и недоумеваю, для чего ты, великий оратор, проделал такой путь, чтобы прийти и увидеть меня, грешного? – сказал ему авва.

– Возлюбленный учитель, не удивляйся этому, потому что в беседе произносится множество слов, а где произносится множество слов, можно узнать много нового, – ответил ему философ.

Тогда Епифаний открыл Книгу “Бытие”. В Ветхом Завете философ одних положений не принимал, другим

противоречил. И так они беседовали три дня, не приходя к согласию. Однако, наблюдая за жизнью святого и его нравами, оратор полюбил преподобного и на четвертый день сказал:

– Учитель, хорошее здесь место, если позволишь, и я хотел бы здесь жить.

– Это целиком зависит от тебя, если хочешь – живи.

– Можно я принесу с собой свои книги?

– Неси.

– Но я больше не выйду отсюда, поэтому прошу тебя, пошли Каллиста, пусть он принесет мои книги и все мои вещи.

Тот Каллист был сыном Аэтия, первого епарха города Рима, и некогда был одержим бесом. Однажды ночью во сне он увидел святого Епифания.

– Каллист, хочешь я выгоню из тебя беса? – спросил он юношу.

– А кто ты, господин, что можешь изгнать беса?

– Я – Епифаний из Финикии Палестинской, живу в монастыре Спанидрион. Если я выгоню из тебя беса, ты придешь жить в мой монастырь?

– Выгони, господин, из меня беса, и я приду жить в твой монастырь, – пообещал молодой человек.

– Смотри, не поступай иначе, а то бес снова войдет в тебя.

Проснувшись, Каллист рассказал свой сон отцу, и с того дня уже больше не мучился от беса, поэтому через три месяца он попросил отца отпустить его в обитель Епифания. Отец не воспротивился желанию сына, дал ему денег и благословил на монашеское жительство. В Финикии Каллист нашел святого и, поведав ему обо всем случившемся, поселился вместе с ним. Он-то, вместе с двумя отроками, согласно повелению отца Епифания, на верблюдах отправился в Едессу и привез в монастырь книги философа.

С того дня святой и философ каждый день проводили много времени в спорах.

– Пророк Даниил говорит: *Судьи сели, и раскрылись книги* (Дан. 7:10). Принеси сюда свои книги, а я – свои, которые мне

даровал Бог. Сядем и рассудим между нами, – как-то сказал оратору преподобный и положил Священное Писание справа, а философ свои книги – слева.

Свою беседу они начали от сотворения мира. Епифаний излагал так, как это написано в Книге “Бытие” у Моисея, а философ – по Гесиоду. Они прочли эти две книги, а потом стали спорить. Но свет был светом, а тьма осталась тьмой, то есть происхождение мира по Моисею было истинным, а по Гесиоду – ложным. Моисей написал Книгу “Бытие” по благодати Божией, а Гесиод от Бога имел жизнь, а от демонов – свои заблуждения. И целый год требовавшийся так и не смог убедить философа...

В те дни семь крестьян привели в монастырь одного одержимого, а поскольку эти семь не могли его удержать, то они связали несчастного цепями. Тогда святой попросил философа призвать множество своих богов, чтобы они изгнали демона из юноши. Оратор подумал, что Епифаний так сказал, потому что проиграл в споре.

– Философ, что скажешь об этом юноше? Или ты исцелишь его с помощью своих богов, и я уверую в них, или мой Бог, Распятый, исцелит его, и ты уверуешь в Него, – уразумев ложные мысли философа проговорил божественный авва.

Однако язычник не поверил, что сказанные чудотворцем слова могут быть истинными. Он подумал, что тот сказал их из гордости.

– Хочешь, я сниму с твоих рук железные оковы? – обратился Епифаний к бесноватому юноше.

Услышав это, философ от страха убоился и закрылся на замок в своей келье. «Этот монах напрасно хочет снять оковы с бесноватого. Убегу я, пожалуй, чтобы не претерпеть мне от него какое-нибудь зло», – подумал оратор.

– Я, грешный Епифаний, раб Господень, повелеваю тебе во имя Иисуса Христа Распятого, Сына Божия, выйти из этого человека и более не входить в него, – возгласил преподобный.

Бес тотчас же вышел, а к юноше вернулся разум, и он пришел в нормальное состояние. Тогда, открыв дверь, философ увидел, что юноша исцелен, и побежал поклониться святому.

– О, Епифаний, победитель и венценосец, верую твоим словам через твои дела, и именно – благодаря этому чуду, которое вижу. Ведь слова, будучи бесплодными, сотрясают воздух, дела же имеют плод и видны. Поэтому и я хочу стать рабом Распятого, – исповеднически обратился язычник к блаженному.

– Что ты удивляешься, философ, думая, что я сотворил это чудо? Нет же, не я, а Сын Божий творит чудеса через тех, кто веруют в него, – образумил его авва.

Уразумев все услышанное, философ попросил святого крестить его. Это славное событие произошло в монастыре Илариона Великого. После совершения Таинства божественный учитель попросил Илариона Великого послать одного брата вместе с новопросвещенным Епифанием* к епископу Элевферополя, где тот был рукоположен во священника.

– Тот, кто прежде думал о себе, что он – великий философ, хотя на самом деле был никем, благодатью Христовой стал истинным философом и достойным священником. Отныне он будет вашим духовным отцом, – сказал преподобный инокам своей обители по возвращении отца Епифания.

Так философ удостоился принять дар от Бога и стать игуменом для всей братии. Святой же, поскольку в обитель приходило много народа, не дававшего ему покоя, решил оттуда уйти в отдаленные области Египта.

Дети, хочу пойти навестить братьев в монастыре Илариона Великого, – сказал святой Епифаний насельникам.

Однако те поняли, что он хочет уйти из монастыря, пали ему в ноги и с плачем и рыданиями просили его не уходить. Сжалившись над ними, святой пообещал некоторое время

* Так называли философа. – Пер.

не покидать их, но не прошло и десяти дней, как он позвал меня, и ночью мы ушли. Сначала мы пришли в Иерусалим, где поклонились жизни нашей – Честному Кресту Господню, а затем, обойдя все святыни и поклонившись им, направились в Египет. По дороге мы встретили женщину, одержимую бесом, которая схватила плащ треблаженного и порвала его. В этот же момент демон вышел из нее, и несчастная стала просить авву простить ее поступок.

– Ступай здоровой в свой дом, а тот, кто порвал мой плащ, ушел, – утешил женщину чудотворец и продолжил свой путь, спустившись к Иоппи, называемой всеми Гиафой, откуда он отплыл в Александрию.

Там мы встретили еврейского законоучителя по имени Акила. Святой начал с ним беседу с Ветхого Завета, и у них разгорелся сильный спор. На следующий день они стали снова беседовать, причем длилось это довольно долго. На этот раз слова святого убедили Акилу, и тот захотел стать христианином. Епифаний привел его к Афанасию Великому, папе* Александрийскому, чтобы тот огласил и крестил его. Мы же вышли из страны и по пути к Верхней Фиваиде встретили одного из учеников Антония Великого по имени Пафнутий.

– Благослови нас, отче, – обратился к нему божественный Епифаний.

– Благословенны вы у Господа, – ответил ему преподобный.

Тогда святой попросил Пафнутия рассказать ему о подвигах Антония Великого, а после его дивного рассказа поделился своим намерением поселиться в Нитрии.

– Ступай в здравии и поприветствуй находящихся там отцов, собери траву горную, и отправляйся на Кипр. Питай овцы на одежду себе и чти отроков твоих, чтобы стали агнцами (ср. Притч. 27:25-26), – сказал ему на это Пафнутий,

* Наименование «папа» входит в официальный титул Александрийского Патриарха. – *Пер.*

после чего, сотворив молитву, каждый из нас пошел своей дорогой*.

В окрестностях Леонтополя жил монах Иеракас, который много постился, не вкушая даже масла, и не употреблял вина. Некоторые считали его святым и имеющим дар прозорливости. Епифаний тоже пожелал его увидеть и пришел к нему в монастырь. Множество людей собралось здесь, чтобы послушать его учение. Увидев святого, этот инок спросил, откуда он и как его зовут. Узнав, что это Епифаний из Палестины, он сильно струсил, потому что о преподобном шел слух, как о человеке ученом и прозорливце, но, тем не менее, продолжал учить народ. Так, рассуждая о воскресении, Иеракас говорил, что в будущем веке то человеческое тело, которое у нас есть, не воскреснет, но вместо него воскреснет другое, а это – согласно изречению: *ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3: 19) – распадется в прах. Помимо этого он говорил, что после воскресения дети не будут совершенны возрастом. Слушая это, святой расстроился и сказал монаху:

– Да замолкнут уста твои, чтобы научился не богохульствовать.

И тотчас же, по слову преподобного, Иеракас замер в безгласии, а весь народ изумился. И тогда Епифаний начал в течение трех часов их учить о воскресении, приводя в подтверждение своих слов свидетельства из Священного Писания.

* Эти слова взяты из 27-й главы Книги “Притчи Соломона”, 25-го стиха, и явились пророчеством божественного Пафнутия о том, что должно было случиться со святым Епифанием. Преподобному надлежало пойти в Нитрию, поприветствовать местных отцов, собрать у них Божественные деяния и почерпнуть духовный смысл, чтобы впоследствии достойно пасти овец Христовых на Кипре. «На одежду» – значит быть украшенным перед Христом как истинный пастырь, «читать отроков» – заботиться о безпутных еллинах, врачевать их, дабы они стали кроткими. Как видно из дальнейшего, святой исцелил некоторых из них и обратил к Богопознанию.

– Слышал истинную веру, отныне говори народу только слово истины, – по окончании своей речи произнес блаженный.

В тот же момент разрешился язык инока, и он покаялся перед всеми, что неправо мыслил о воскресении. В Верхней Фиваиде божественный Епифаний встретил удивительно-го своей добродетелью мужа по имени Иоанн. Он принял нас с радостью и большой любовью. Некие жители тех мест привели к Иоанну связанным юношу, одержимого демоном, чтобы оставить его там. Но, как только бесноватый увидел святого, то громким голосом возопил:

– Что ты пришел сюда, Епифаний, раб Божий?

Он кричал так от шестого до девятого часа, а затем, неожиданно порвав узы, одержимый подбежал к чудотворцу и, схватив его за ноги, закричал:

– Раб Божий, отпусти меня, ради Бога, в Которого веруешь.

Случилось это потому, что ранее божественный авва уже запретил бесу выходить из юноши, чтобы Иоанн не узнал, что он изгоняет бесов.

– Встань, человек, что ты донимаешь меня? – промолвил Епифаний.

И тотчас же лукавый вышел из юноши, и тот стал здоров и благодарил святого. Мы пробыли у Иоанна три дня, а затем спустились в Вуколии, где провели семь лет. Однако и там люди причиняли преподобному сильное беспокойство. Однажды пришел к нему один философ по имени Эвдемон и беседовал с ним десять дней. Треблаженный доказывал ему истину из Божественных Писаний, а язычник возражал ему бесполезными пререканиями. Вместе с Эвдемоном пришел слепой на один глаз ребенок.

– Смотри, философ, как украшен ты словами, богатством, даже множество богов есть у тебя, что же ты не позаботился о своем ребенке и не исцелил ему глаз? – спросил чудотворец ученого мужа.

– Если бы во всей вселенной был только один мой ребенок, у которого один глаз, тогда бы я позаботился о нем. А если во всем мире безчисленное количество людей, которые вообще не видят, что мне заботиться о том, у кого один глаз? – рассмеявшись, ответил ему философ.

– А если таким был бы только твой ребенок, что бы ты сделал, чтобы исцелить его?

– Ничего, только часто размышлял бы и говорил о том, что нет никого другого во всем мире, как мой ребенок.

– Философ, не обращай мои слова в шутку, потому что посреди нас Бог. Приведи сюда своего ребенка и увидишь славу Божию.

И в ту же минуту святой взял ребенка Эвдемона за руку, трижды перекрестил его слепой глаз Животворящим Крестом и – о чудо! – он прозрел. Тогда Эвдемон попросил Епифания сделать его христианином. Преподобный отвел его к епископу, и тот крестил философа. Слава о божественном авве распространилась по всему Египту, и многие архиереи стали искать повод, чтобы рукоположить его во епископа. Но Бог, Который вел чудотворца, открыл ему их замысел, так что мы ушли оттуда и вернулись к себе на родину, в монастырь Илариона Великого, где братия встретила нас с великой радостью, ибо Иларион, по причине беспокойства, доставляемого ему людьми, тоже покинул монастырь и ушел на Кипр, в область Пафскую. Мы провели в монастыре сорок дней, а затем пошли в нашу обитель, где игуменом был Епифаний Едесский. В это время по всей Финикии настал голод из-за длительного бездождия. Множество народа пришло к святому Епифанию просить молитвы к Творцу о даровании дождя и плодоносии земли.

– Что вы искушаете меня, люди? И я человек грешный, – ответил им авва.

Но люди не отступали, а продолжали просить его еще более.

– Повели братиям поставить столы и накормить людей, чтобы они возвеселились и пошли своей дорогой, – попросил игумена чудотворец.

Когда все сели за стол, святой пошел к себе в келью и, преклонив колена, просил Бога дать дождь жаждущей земле. И в ту же минуту небо закрыли тучи, засверкали молнии, раздался гром и пошел сильный дождь. Все встали из-за стола и благодарили Бога. Дождь продолжался три дня по всей Финикии. Тогда люди снова пришли в келью святого и попросили остановить дождь.

– Почему вы, дети, думаете обо мне такое? Ведь я, как и вы, человек грешный. Бог же Благодетель знает, что нам необходимо, и дает нам это, – попытался убедить их преподобный, однако миряне продолжали просить его еще сильнее.

– Повели поставить столы для народа, пусть едят и пьют, а затем пусть идут своей дорогой, – вновь сказал настоятелю Епифаний.

Все было устроено по его слову, народ сел за стол и попросил святого благословить пищу. Но как только блаженный сказал: «Благословен Господь», дождь немедленно прекратился. Из-за беспокойства, которое доставляли ему люди, божественный авва снова решил удалиться. В то время собрались епископы той страны, чтобы рукоположить на одну вдовствующую кафедру епископа. Поискав достойного кандидата, они рассудили рукоположить святого Епифания. Для этого они позвали одного весьма благочестивого монаха по имени Поливий, который знал преподобного, и сказали ему:

– Возьми быстрого вола и езжай в монастырь. Если увидишь, что Епифаний там, возвращайся и скажи нам об этом. Будь осторожен, никому не открывай, даже Епифанию, что мы тебя прислали.

Придя в монастырь, Поливий пошел поприветствовать чудотворца.

– Чадо, зачем ты пришел? – спросил он инок.

– Отче, я всегда хочу говорить только правду, – ответил ему Поливий.

– Чадо, ты пришел, потому что тебя прислали святые епископы посмотреть, здесь ли я. Но Епифаний переходит

с места на место, оплакивая и дрожа за свои грехи, и не достоин быть епископом. Ты же, чадо мое, оставайся здесь, а епископы пусть сами ищут достойных для епископии, – промолвил блаженный.

Поливий послушался Епифания и, отослав вола обратно, остался в монастыре. Господь же просветил идти нашему чудотворцу на Кипр. В ту же ночь, взяв меня и Поливия, преподобный вышел из монастыря и пошел в Иерусалим. Через три дня, спустившись к морю, мы вступили на корабль и прибыли в Пафос, где нашли Илариона Великого. Встреча с ним была для нас огромной радостью, так что мы пробыли у него два месяца. Илариону и здесь доставляли сильное безпокойство приходившие к нему люди.

– Чадо, куда ты собрался? – поинтересовался Иларион, когда Епифаний решил продолжить свой путь.

– В Газу.

– Иди на Саламин*, там найдешь место для обитания, – посоветовал Иларион Великий.

Однако святой не хотел идти туда, поэтому Илариону вновь пришлось наставить треблаженного:

– Я же сказал тебе, чадо, что нужно идти туда и там жить. Послушайся моих слов, иначе не избежать тебе опасности на море.

Спустившись к морю, мы нашли в гавани два корабля: один из них плыл в Газу, а другой – на Саламин. Мы взошли на первый. Но как только мы начали путь, поднялась такая сильная буря, что корабль чуть не разбился. Три дня мы пребывали в отчаянии, а на четвертый – с трудом достигли Саламина и, выйдя на берег, от сильной усталости и голода три дня лежали на земле. Затем, благодатью Божией, мы пришли в себя, но треблаженный все же не оставил своего намерения и решил удалиться из Саламина.

* Саламин – город на Кипре; впоследствии был назван Констанция и возведен в достоинство автокефальной архиепископии, в подчинении которой находились четырнадцать епископов. – *Авт.*

В это время, по причине преставления местного владыки, в городе собрались все епископы Кипра, которые хотели рукоположить во архиерея Саламина другого человека. Однако перед этим великим событием они усердно молились и просили Бога открыть им имя того, кто сможет богоугодно пасти словесных овец Христовых. Был среди владык епископ Кифрии – человек святой жизни, удостоившийся мученически пострадать за Господа. Он был весьма стар и уже пятьдесят восемь лет возглавлял свою кафедру. Все епископы считали его своим духовным отцом. Этому архиерею по имени Паппос и открыл Бог, что во епископы Саламина нужно рукоположить святого Епифания. Описываемое событие пришлось на время сбора винограда, и перед тем, как погрузиться на корабль, дабы плыть в Газу, преподобный сказал мне и Поливию:

– Пошли на базар, купим винограда, чтобы у нас во время путешествия была еда.

Придя на базар, блаженный взял две меры хорошего винограда и спросил у продавца какую тот хочет цену, ибо у святого был обычай не спорить, но давать столько, сколько просят. Продавец назвал цену. В это же время на базар пришел Паппос, поддерживаемый двумя диаконами, с тремя другими епископами.

– Оставь, авва, виноград и следуй за нами в церковь, – обратился к Епифанию владыка.

Вспомнив изречение Божественного Писания: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем* (Пс. 121: 1), чудотворец последовал за Паппосом и пришел в храм.

– Отче, помолись, – сказал ему епископ Кифрии.

– Прости меня, отче, я не посвященный*, – ответил божественный.

И тотчас же один из диаконов, по благословению Паппоса, взял Епифания за голову и с помощью других диаконов

* Не имеющий священной степени. – Пер.

силой ввел в алтарь, где преподобного рукоположили во диакона, на следующий день – во священника, а на третий день – во епископа.

– Вели накрыть столы для отцов, поедим и возвеселимся по случаю твоей архиерейской хиротонии, – призвал нового владыку Саламина епископ Паппос.

Но наш авва, размышляя о тяжести архиерейства и весьма об этом скорбя, только плакал.

– Я должен был молчать, но ты, чадо, причина того, чтобы я стал безумным и открыл тебе смысл произошедшего. Знай же, что все эти епископы, которые собрались здесь, чтобы найти достойного кандидата в архиепископы, возложили этот подвиг на меня, грешного, прося помолиться Богу, чтобы Тот открыл достойного. В тот момент, когда я затворился и просил об этом Бога, в моей келье сверкнула молния, и я услышал громкий голос, говоривший мне:

– Паппос, Паппос, слушай!

Я очень испугался и сказал:

– Что повелишь мне, Господи?

– Возьми с собой двух диаконов и спустись к базару, там один монах покупает виноград, с ним будут два других инока. Лицом же он похож на иконописное изображение пророка Елисея, а зовут его Епифаний. Его и рукоположи во епископа. Но не открывай ему сразу об этом, чтобы он не убежал.

Я стал безумцем, что рассказал тебе об этом, потому что ты вынудил меня. Итак, задумайся, что ты делаешь, и внимай себе, чтобы не оказаться тебе противником воли Всевышнего, потому что я послан Им, и исполнил то, что должен был исполнить, поэтому я неповинен в этом, ты же – смотри сам.

Услышав это, Епифаний упал на землю и поклонился владыке Паппосу.

– Не гневайся на меня, отче, я человек грешный, потому и не достоин взойти на высоту архиерейства, из-за чего и скорблю, – произнес новый епископ Саламина, поклонился всем остальным архиереям и повелел предложить им трапезу.

А когда все поели и возвеселились, то каждый пошел в свою епархию. Три дня спустя один добрый и благочестивый христианин по имени Евгномон был брошен в темницу богачом Драконтом за то, что задолжал ему сто монет. Будучи чужеземцем и жителем Рима, Евгномон не имел никого, кто бы мог вызволить его из тюрьмы. Узнав об этом, владыка Епифаний пошел к Драконту и попросил его освободить Евгномона.

– Ступай и принеси мне сто монет, которые должен твой друг, тогда можешь забрать его, – выдвинул условия злобный богач.

Тогда святой пошел в епископию, взял сто монет, которые там хранились для церковных нужд, и отдал Драконту. Но один весьма беспокойный диакон по имени Харин воставил всех клириков епархии против владыки.

– Вот, этот чужеземец Епифаний истратил все церковное имущество. Пойдемте, прогоним его, чтобы не быть нам виновными в этом грехе.

Прогнать своего архиерея Харин хотел потому, что сам желал быть епископом.

– Епифаний, ты не доволен тем, что пришел сюда без плаща и получил Церковь, но теперь, будучи чужаком, расточаешь церковное имущество! Кто сможет вынести это! Или отдай сто монет, или возвращайся к себе на родину, – сказал ему неистовствующий диакон.

После таких слов, Евгномон пошел в город, продал все, что имел, принес деньги святому; он оставался с ним до самой своей смерти. Взяв деньги, владыка Епифаний сто монет отдал Харину, а остальные – нищим.

– Возьмите сто монет, принадлежащих Церкви; их отдал Епифаний, который ранее и потратил их, – сказал клирикам Харин.

Однако никто из духовенства не хотел брать деньги, но все решили отдать их преподобному, у которого их незаконно забрал Харин. Однако диакон не отдал деньги архиерею, но

оставил их у себя. Несмотря на то, что этим не исчерпываются все злодеяния, сотворенные им Епифанию, епископ никогда не гневался на несчастного диакона. Однажды во время трапезы в епископии, когда все клирики были за столом и святой поучал их, а у него была привычка никогда не выпускать из рук Евангелие, и день и ночь учить слову Божию, громко закричал ворон.

– Кто знает, что сказал ворон? – спросил у бывших за столом Харин.

Но никто не ответил ему на это, потому что все внимали поучению своего архиерея.

– Кто знает, что сказал ворон? – во второй раз поинтересовался диакон, когда вновь вскрикнул ворон.

Но клирики и теперь внимательно слушали слово Божие, которому поучал трепещущий, совершенно не обращая внимания на Харина.

– Кто из вас знает, что сказал ворон? – в третий раз обратился к сотрапезникам диакон.

– Я знаю, что сказал ворон, – совершенно спокойно, веселым голосом ответил Епифаний.

– Открой мне, что сказал ворон, и тогда будешь владеть всем моим имуществом.

– Ворон сказал, что ты не будешь диаконом.

И в ту же минуту на Харина напал ужас: он не мог ни говорить, ни есть, ни пить; с помощью рабов диакона привели домой, положили на кровать, и на следующий день он умер. У Харина была жена – весьма благочестивая и святой жизни женщина, которая, поскольку у нее не было детей, отдала все свое имущество Владыке и стала диакониссой Церкви. Десять лет она страдала от парализованной руки, но как только чудотворец перекрестил ее Животворящим Крестом, она стала здоровой. С тех пор все клирики стали подчиняться божественному архиерею со страхом и трепетом.

У блаженного Епифания была следующая привычка: во время служения Божественной литургии, когда он совершал

возношение святых даров Богу, если ему не было видения, то он не оканчивал богослужения*. Так, однажды он произнес трижды: «И сотвори хлеб сей», но видения не последовало. Тогда, со слезами прося Бога открыть ему причину, Владыка посмотрел на диакона, стоявшего с рипидой слева от него, и увидел на лбу у того проказу. Из этого всем стало ясно, что диакон и был причиной того, что святому не было видения. Взяв у диакона из рук рипиду, авва тихо сказал ему:

– Ступай, чадо, в дом твой, и не причащайся сегодня.

После этого он дал рипиду другому диакону и снова со страхом и слезами произнес Божественные слова. Тотчас же последовало видение, и Епифаний закончил Божественную литургию. По отпуске он подозвал диакона и расспросил его о причине этой проказы. Священнослужитель поведал ему, что той ночью спал со своей женой. Тогда преподобный, позвав всех священников, тихо сказал им:

– Дети мои, вы, которые удостоились принять Таинство Священства, должны хранить себя в чистоте от всякой скверны плоти и духа, чтобы не совершать вам недостойно Божественные Таинства.

С тех пор святой больше уже не рукополагал женатых, а только монахов, преподобных мужей и испытанных вдовцов, и каждый поистине видел Церковь как прекрасную невесту, украшенную святым и добродетельным священством.

*Написано его учениками
Иоанном и Поливаем*

* Возможно, этим видением было качание голубя, висевшего в древности перед Святой Трапезой, как это видно из документов VII Вселенского Собора и из Патерика, либо какое-нибудь действие или проявление Святого Духа, являвшегося святому во время освящения Даров. Так же пишет и божественный Амфилохий о Василии Великом: когда тот совершал Божественную литургию, то видел, как на Дары сходил Дух Святый. В 150-й главе «Луга Духовного» описывается, как благочестивый епископ не продолжал богослужения, потому что не видел, как обычно, схождения Святого Духа – Авт.

* * *

Да будет препрославлен Вседержитель Бог, дающий нам жизнь и прославляющий, как говорит слово Божие, *прославляющих Его* (1 Цар. 2: 30).

В то время случилось преподобному отцу Иоанну, ученику святого Епифания, сильно заболеть. Лежа на кровати, он подозвал меня и сказал:

– Поскольку преблаженный не хочет, чтобы записывали чудеса, которые Бог совершает через него, то ты, чадо Полибие, возьми эти бумаги, где у меня записаны подвиги нашего аввы, которых я был свидетелем до сего дня, и записывай отныне все, что он совершит. Ибо Бог продлит ему время жизни. И смотри, не пренебрегай этим, потому что, по велению Божию, я до сего дня записывал все. После моей смерти записывай их ты. Позови мне преподобного отца нашего Епифания, – попросил меня Иоанн.

– Отче Иоанне, попроси Бога за грешного Епифания, – сказал ему архиепископ Кипра, навестив умирающего.

– Сотвори, отче, молитву, потому что я хочу говорить с тобой.

– Отче, положи руки твои на очи мои и облобызай меня, потому что вот, я умираю, – сказал преподобный Иоанн.

И как только владыка Епифаний положил руки на глаза своего ученика и поцеловал его, тот предал дух. Припав к нему на шею, епископ долго плакал и печалился о кончине своего сподвижника. Спустя какое-то время наш чудотворец, распростершись на земле, стал просить Бога послать помощь в строительстве церкви, потому что старый храм был небольшой по размерам и не вмещал всех желающих. И когда он молился, то был ему глас, а поскольку божественный учитель часто слышал этот же глас, то он не смутился и спросил:

– Что повелит мой Господь?

– Начинай строить церковь.

Тотчас же святой пришел на то место, где хотел возвести храм, и, сотворив молитву и все последование, привел сюда

шестьдесят строителей и множество рабочих, которые начали это богоугодное дело. В то время в городе жил один очень богатый еллин по имени Дракон Великий, у которого был сын, также носивший имя Дракона и страдавший от сильной боли в правом боку. Отец его истратил много средств на врачей, однако те не смогли его вылечить. Однажды святой проходил мимо дома, где жил Дракон Великий со своим больным чадом и многими другими людьми, и поприветствовал их. Затем, взяв больного за руку, он сказал ему:

– Дракон, будь здрав, как и другие.

И – о чудо! – отрок тотчас же выздоровел. Увидев это, все застыли в изумлении, а отец исцеленного от страха и ужаса не смог своими ногами войти в дом, но с помощью слуг его донесли до кровати и положили на нее. На следующий день жена Дракона пришла к епископу и попросила его прийти к ним в дом и помолиться Богу, дабы Господь восставил ее мужа от одра болезни. Преподобный не заставил себя долго уговаривать, но тут же поспешил в дом Дракона. Как только божественный Епифаний помолился, сановник встал с кровати, а на рассвете следующего дня, взяв пять тысяч монет, пришел к авве.

– Мне, чадо, хватает одной одежды для тела, хлеба и воды, что ты мне добавляешь тяжести? Но если хочешь прославиться, ступай, отдай деньги на строительство храма Божия и тем, кто там работает, – сказал ему треплаженный.

Дракон Великий так и поступил, а затем попросил святого крестить его и его домашних.

Другой весьма богатый еллин Синесий имел единственного сына тринадцати лет, который заболел страшной болезнью: вокруг горла у него возникла опухоль, в конце концов задушившая его. По причине смерти единственного наследника весь дом язычника был наполнен плачем и горем. Пришел утешить мать почившего и один христианин по имени Ермий:

– Если бы ты позвала сюда владыку Епифания, чтобы он помолился Богу о твоём ребенке, то тогда бы он воскрес.

Поверив словам Ермия, она послала его за Кипрским архиереем.

– Мой хозяин Синесий просит тебя прийти к нему в дом и помолиться Господу, чтобы воскрес его умерший ребенок.

И вновь епископ сразу же собрался и направился в дом, наполненный печалью.

– Ты пришел сюда, великий врач христианский, покажи свое искусство и воскреси нашего сына, чтобы и мы увидели и уверовали в твоего Христа, – обратилась к божественному Епифанию мать умершего отрока.

– Если уверуешь в Распятого Иисуса Христа, то увидишь сына своего воскресшим.

– Нет ничего другого в моих помыслах, кроме как внимать Распятому Иисусу.

Тогда, подойдя к кровати, святой положил руку на шею ребенка, растер ее, и сказал с веселым лицом: «Евсторгий!» И – о чудо! – ребенок сейчас же открыл глаза и сел на кровати. Все присутствовавшие замерли в изумлении, а мать ребенка, взяв три тысячи монет, отдала их преподобному. Он же на этот ее жест ответил так:

– Мне это не нужно, но пусть муж твой Синесий возьмет их и отнесет в храм Господа, Который воскресил сына твоего, и отдаст их тем, кто там трудится.

Синесий так и поступил, после чего владыка крестил его вместе со всей семьей. Поскольку на место почившего отца Иоанна нужно было рукоположить другого священника, чудотворец хотел взять меня. Я же, размышляя о великой тяжести этого служения, отказывался, а когда настало время пойти в церковь, решил уйти, когда подойдет время. Когда мы пришли в храм, епископ Епифаний взял меня за руку и сказал:

– Стой здесь, пока не придет время.

Все, слышавшие эти слова, но не зная, о чем идет речь, удивлялись. Я же с той минуты уже не смог пошевелиться и отойти на другое место, но был прикован как бы железом. В назначенное Владыкой время за мной пришел диакон и

привел меня в алтарь, где архиерей рукоположил меня во священника. После окончания богослужения я от страха упал на кровать и заболел. Так я пролежал до тех пор, пока не пришел божественный Епифаний и не сотворил обо мне молитву Богу. Только после этого я смог встать с одра и стал здоровым. Как-то один диакон, возвращаясь из Иерусалима, сказал треблаженному, что патриарх Иерусалимский Иоанн – сребролюбец, копит деньги и не раздает бедным. Владыка Епифаний очень хорошо знал предстоятеля Иерусалимской Церкви по обители Илариона Великого, где они вместе спасались. По старой дружбе чудотворец написал Святейшему патриарху Иерусалимскому послание, чтобы тот оказывал милость нуждающимся в ней, но Иоанн его не послушал. Тогда, взяв меня, епископ Кипра пошел в Иерусалим. Здесь патриарх Иоанн радушно нас встретил и разместил на ночлег в очень хорошем доме. Каждый день он звал преподобного на трапезу и слал нам множество различных яств и напитков, в то время как нищие были лишены всего и голодали.

– Отче, дай мне твои серебряные сосуды, я хочу угостить моих друзей-киприотов и произвести на них впечатление твоим серебром. Только прошу тебя, дай мне самое лучшее, что у тебя есть, для твоей же собственной славы, – попросил Иерусалимского предстоятеля Епифаний.

Иоанн принес ему множество серебряной посуды, на что святой заметил:

– Отче, если у тебя есть еще, неси еще, чтобы сильнее удивить друзей. Только напомни мне, чтобы я потом отдал тебе то, что ты мне даешь.

Иоанн и еще принес ему серебра:

– Возьми все, примешь друзей твоих, как тебе хочется, – щедро одолжил свое богатство патриарх.

Взяв серебряные сосуды Иоанна, которых было до тысячи пятисот литр, святой продал их торговцу, а вырученные за них деньги стал день и ночь раздавать нищим. Прошло

много времени, и Иоанн потребовал свои сосуды обратно, на что святой ответил:

– Потерпи немного, отче, потому что я еще не угостил чужестранцев, и тогда отдам тебе все твое.

Прошло еще достаточно времени, и в один из дней мы находились в храме Господнем, где хранится Спасительное Древо Животворящего Креста, когда Иоанн снова попросил свое серебро у епископа Епифания.

– Отче, я отдам тебе, – ответил Святейшему чудотворец.

Но Иоанн сильно разгневался, схватил святого за рясу и, душа его, проговорил:

– Негодный Епифаний, ты не выйдешь отсюда, не сядешь, не будешь иметь мира до тех пор, пока не отдашь мне серебряные сосуды, которые я тебе дал.

И так он держал его за рясу и ругал почти два часа, так что все присутствующие уже устали стоять и слушать жестокие слова Иоанна. Однако архипастырь Саламани нисколько не смутился, не расстроился, но был весьма спокойным. В один момент он подул в лицо Иоанну, и тот немедленно ослеп. Все бывшие при этом сильно испугались, а патриарх упал в ноги перед Владыкой и стал просить его помолиться Всемогущему о прозрении.

– Ступай и поклонись Честному Кресту, тогда получишь просимое, – сказал ему божественный учитель.

Тот же не переставал умолять Епифания. И тогда авва, наставив Иоанна как подобало, возложил на него руку и отверз ему правый глаз. Предстоятель Иерусалимской Церкви продолжал просить о прозрении и левого глаза.

– Это не от меня, отче. Бог затворил, Бог отверз. Он сделал как хотел, чтобы вразумить нас, – вразумил святой патриарха.

С тех пор Иоанн изменился и стал милостив и добродетелен во всем. Когда мы выходили из Иерусалима, чтобы идти на Кипр, двое богохульников договорились между собой посмеяться над владыкой Епифанием. Один из них притво-

рился мертвым и упал на землю, а другой стоял рядом с ним и, когда блаженный проходил там, второй сказал ему:

– Отче, сжался над сим мертвецом, укрой его чем-нибудь.

Услышав это, святой встал лицом к востоку, помолился Богу за упокой его души в селениях праведных, а затем, сняв рясу, накрыл ею мертвеца. Когда божественный авва удалился, шутник отбросил покрывало и со смехом обратился к притворившемуся мертвецом:

– Вставай, тот простец ушел.

Но его товарищ ничего не отвечал. Тогда, подняв его, увидели, что он и правда умер. Глупец побежал, догнал нас и, упав к ногам чудотворца, открыл всю правду и просил не обижаться на этот поступок, но воскресить мертвеца и забрать свою одежду.

– Ступай, чадо, и погребви его, потому что он умер раньше, чем ты попросил покрывало, – успокоил его прозорливый угодник Божий.

Спустившись к морю, мы взошли на корабль и отправились на Кипр, где братия приняли нас с большой радостью. Был там один законник-еврей по имени Исаак, муж весьма благочестивый и тщательно исполнявший закон Моисеев. Он был поражен учением Христовым, изъясняемым Епифанием, и вскоре был оглашен Владыкой, принял Крещение и стал жить среди нас. В то время сестра царей Аркадия и Гонория болела неизлечимой болезнью руки, от которой гнила ее плоть. Услышав о святом Епифании, она послала письма вместе с царскими людьми на Кипр, чтобы епископа привезли в Рим, и он исцелил ее. Прибывшие на остров посланцы царевны остановились в доме очень богатого еллина Фавстиана, весьма враждебно настроенного против архиерея Кипра.

– Что вы внимаете этому лицемеру как Богу! У него только холодные слова и ничего более, – говорил он всем.

В один из дней, когда святой наблюдал за работой мастеров, возводивших церковь, рядом с ним стояли царские

посланники и Фавстиан. Один из строителей оступился и упал с большой высоты. При падении он ударил Фавстиана по голове, однако сам нисколько не пострадал, Фавстиан же замертво упал на землю.

– Встань, чадо, во имя Господне и ступай в здравии в свой дом, – проговорил Епифаний, и в эту же минуту Фавстиан встал и отправился домой.

Его жена, услышав о чуде, совершенном святым, взяла тысячу монет и дала блаженному, но тот велел отдать их работавшим на строительстве храма. Был один весьма благочестивый и добродетельный диакон по имени Филон, а поскольку архипастырь Карпасия отошел ко Господу, по откровению Божию, Владыка рукоположил его во епископа вдовствующей кафедры. Когда же Епифаний решил идти в Рим, то дал ему власть над своей епархией: Филон должен был посещать ее и при необходимости совершать хиротонии. Вместе со мной и Исааком преподобный направился в Рим, где в царском дворце стояла сильная скорбь из-за болезни императорской сестры. Врачи прилагали множество усилий, но не принесли ей совершенно никакого облегчения, так что от сильной скорби она уговаривала братьев приказать врачу дать ей какое-нибудь ядовитое зелье, чтобы скорее умереть и избавиться от болей. Войдя в царский дворец, чудотворец направился туда, где сидели цари, а рядом лежала на кровати и их сестра. Как только они его увидели, то тотчас же встали с тронов и поклонились ему.

– Такую же честь воздайте вашему благодетелю Богу, и тогда увидите сестру вашу здоровой. Надейтесь на Него, и избавитесь от всякого зла, – призвал их Кипрский архиерей.

Но братья сомневались в словах аввы.

– Что вы сомневаетесь, чада? Сейчас вы увидите благодать Божию, – произнес он. – Не сомневайся, дитя, насчет своей болезни, но возложи свои надежды на Бога и с сего часа обретешь здоровье. Уверуй в Сына Божия Распятого, и в этот же час встанешь со своего одра. Прекратилась, чадо, те-

лесная твоя боль. Прославь Бога, давшего тебе благодать, и всегда помни о Нем, и Он будет хранить тебя всю жизнь, – подойдя к больной, сказал ей радостно Епифаний, взял за руку царевну и трижды перекрестил ее Животворящим Крестом.

И тотчас же она освободилась от болей и выздоровела. За сотворенное чудо цари всей душой полюбили его и уже отныне верили всему, что он им говорил. Они просили его остаться в Риме и быть им вместо отца. Так Владыка и сделал, каждый день поучая в слове Божиим и укрепляя их в вере Христовой. Однажды сын исцеленной царевны был обнаружен мертвым в своей кровати, хотя и не болел. Во дворце поэтому сделался сильный плач.

– Отче, попроси Бога, чтобы мертвец воскрес, – обратились цари к треблаженному.

– А вы веруете, что я могу это сделать?

– Веруем, что точно так же, как исцелил мать ребенка, ты сможешь поставить его живым перед нею.

– А если ребенок воскреснет, вы уверуете в Распятого Иисуса и креститесь?

– Да, уверуем и крестимся.

Тогда святой перекрестил тело знамением Животворящего Креста и, моля Бога, сказал ребенку:

– Во имя Иисуса Христа Распятого воскресни, чадо!

И в тот же час ребенок воскрес и сел на кровати, а цари тут же попросили Крещения.

– Я принимаю ваше благочестивое намерение, но без разрешения местного архиерея не смогу вас крестить, – ответил им епископ.

Тогда цари призвали Папу Римского и рассказали ему обо всем произошедшем. Услышав о чуде, Папа очень обрадовался и позволил святому Епифанию их крестить. Когда братья зашли в Крещенскую купель и было совершено все последование перед Таинством Крещения, то Аркадий, поскольку он первым зашел в купель, внимательно посмотрев, увидел трех мужей в белых одеждах, которые стояли один справа, другой слева от святого, а третий позади его. Царь

очень испугался этого видения, но преподобный успокоил его:

– Внимай себе, чадо, и храни тайну, которую видел.

Чудотворец привык никого не крестить, если прежде не увидит возмущения воды. И в этот раз, как только вода возмутилась, он крестил Аркадия. Затем настал черед и Гонория, которому тоже было видение. Позже великое Таинство было совершено над воскресшим сыном царской сестры, а потом и над Проклиани, его матерью, которая была женой одного патриция. После Крещения авва провел с новокрещеными семь дней, наставляя их в истине. По окончании этого срока, когда новые члены Церкви Христовой сменили крестильные одежды на обычные, святой обратился к царям так:

– Чада, пребывайте в тишине, волк больше не будет вами обладать. Убежала всякая скорбь, печаль и вздыхание. Размышляя о том, что будет воскресение мертвых, не печальтесь об умерших, потому что те, кто уверовали во Христа и крестились, облеклись во Господа и имеют Его Помощником. А ребенок, который прежде умер и воскрес, чтобы приять благодать Святого Крещения, отойдет к Спасителю и увидит Его в великой славе, воспеваемым Ангелами. На другой день, когда Епифаний поучал царей, между нами разлилось неизреченное благоухание. Тогда божественный сказал царям:

– Встаньте, сыны света, помолимся.

А когда закончили молитву, то все мы, находившиеся в помещении, услышали: «Аминь», как если бы это произнесло множество людей. И тотчас же ребенок царской сестры предал дух, как это и предсказал блаженный. Мы пробыли в Риме целый год, и за это время владыка Епифаний сотворил там множество чудес и знамений. Когда же мы решили вернуться на Кипр, цари просили его взять множество золота на нужды Церкви, а также для раздачи всем нуждавшимся. Но архиерей не хотел ничего брать.

– Вы, чада, мне даете это для бедных, как то и заповедал вам Господь. Я радуюсь вашей милости, однако мне вы даете лишние тяготы, потому что Бог всех награждает необходимым и всех питает в настоящей жизни, – открыл им чудотворец.

Покинув Рим, мы пришли на Кипр, где братия приняли нас с великой радостью.

У архипастыря был обычай по ночам ходить на кладбища, где были погребены мощи святых мучеников, и просить Бога о всех скорбящих и пребывающих в тесных обстоятельствах. И подобно тому, как друг дает просимое другу, так и Творец давал Своему служителю все, что тот у Него просил. Случился в то время на острове сильный голод, так что даже на базаре не было в продаже хлеба. А вышеупомянутый Фавстиан, имевший множество житниц с пшеницей и ячменем, безжалостно поднял цену и продавал хлеб по высокой цене, никому не выдавая хлеб без денег. Потому была для нищих великая теснота и сильный голод. Тогда Владыка пришел к Фавстиану и просил его дать в долг пшеницы для нищих.

– Ступай и проси об этом Бога, Которому поклоняешься. Он даст тебе пшеницы для твоих друзей, – ехидно отказал ему богач.

Но Кипрский архиерей и вправду поступил так.

– Епифаний, ступай в храм Зевса, двери которого столько лет были закрыты. Они откроются и, войдя, найдешь там много золота. Возьми его и купи всю пшеницу и весь ячмень Фавстиана и напитаи нищих, – сказал Епифанию Господь во время усердной молитвы епископа за свою паству.

Как только святой услышал это, он пошел, взял золото и, скупив весь хлеб Фавстиана, наполнил им житницы и раздал всему городу. И если во всех окрестностях было изобилие, то в доме богача из-за его сребролюбия наступило тяжелое положение, ведь он продал все, ничего не оставив даже для своих людей, а попросить у божественного аввы хлеба язычник считал для себя безчестием. Тогда он снарядил пять своих кораблей, и еще пять нанял для того, чтобы его доверенный

человек по имени Лонгин закупил хлеб в Калаврии. На обратном пути из той местности, когда на горизонте уже показался родной город, на море внезапно разразилась сильная буря и потопила все корабли, груз же был выброшен на берег. Услышав о случившемся, Фавстиан пошел посмотреть на все собственными глазами, после чего стал гневить Бога и произносить богохульства на Всевышнего и на Епифания.

– О, как мне спастись от этого волхва! Он не довольствовался тем злом, что причинил мне своим волшебством на суше, но теперь наслал бесов и на море, которые потопили корабли вместе с грузом хлеба для моих людей. О, каким ветром принесло сюда этого мага, который нам доставляет беспокойство? – кричал и запугивал он Епифания, после чего направился в свой дом.

А все нищие города – мужи, жены, дети – пришли на берег и собрали рассыпанное зерно. Так кто-то пополнил свои кладовые на целый год, а кто-то и на два. Жена же Фавстиана была доброй по природе. Тайно от своего мужа она послала святому две тысячи монет, чтобы тот дал ей хлеба, но архипастырь отвечал ей:

– Оставь деньги дома, а хлеба возьми столько, сколько тебе нужно. Когда же поля ваши уродят, тогда и отдашь мне зерно, которое взяла.

Был в епископии один диакон-каллиграф по имени Савин, чрезвычайно кроткий, добродетельный. Между всеми восьмьюдесятью братьями, что находились в епископии, он более всех сиял своими добродетелями. Ему преподобный поручил защищать на Кипре дела Церкви. Однажды судились у Савина два человека: один богач, а другой бедняк, причем прав был богач. Стоя в укромном месте, епископ слышал решение Савина в пользу бедняка, потому что тот пожалел его. Тогда Владыка открылся и сказал Савину:

– Ступай, чадо, и занимайся каллиграфией, помни изречение Священного Писания и, вынося суд, стань совершенным и слушай, что говорит Благодетель Бог: *суди... праведно нищих на суде* (Пс. 71: 2) и «не лицемерь перед сильным» .

И с той поры божественный авва сам стал судить входящих на суд, выслушивая тяжбы от зари до девятого часа дня. А от девятого часа до следующего утра он не выходил ни к кому. Был в епископии и другой диакон-каллиграф по имени Руфин, суровый видом и звероподобный нравом, который был заодно с богачом Фавстианом. Каждый день он изрыгал хулы против своего архиерея, который умягчал его безстыдство своей великой кротостью. По наущениям язычника Фавстиана и по действию диавола Руфин захотел убить владыку Епифания. Будучи последним среди диаконов епископии, он имел послушание держать в порядке епископский трон. Однажды он взял нож и воткнул его в трон острием вверх, а сверху закрыл покрывалом. Однако, когда блаженный захотел сесть на трон, он попросил Руфина снять покрывало, а когда диакон отказался это сделать, поднял ткань сам. В это мгновение нож упал и воткнулся в правую ногу нечестивца.

– Прекрати, чадо, творить безчиние, чтобы тебе скоро не пострадать. Выйди из церкви, потому что ты не достоин причащаться Божественных Таин, – вразумил божественный Руфина.

По слову епископа диакон вышел из храма, добрал до епископии, где, упав на кровать, через три дня умер. В это самое время у Феодосия Великого были парализованы ноги от колен и ниже. Прикованный к кровати он лежал семь месяцев. Тогда на Кипр царем были присланы вельможи, дабы наш чудотворец прибыл в Константинополь и исцелил больного. Когда посланники пришли на Кипр, чтобы забрать с собой святого, жители епархии поднимали плач и скорбели, препятствуя ему уйти. Когда же Епифаний покидал остров, все христиане плакали и просили смерти. Вследствие этого святой вынужден был сказать вельможам:

– Ступайте, чада, к царю, я приду после вас.

– Не прогневайся на нас, отче, потому что мы не тронемся без тебя, ибо у нас есть приказ царя, чтобы мы шли вместе. Мы не можем поступить иначе, потому что в противном

случае подвергнем опасности свою жизнь. Царь болен и ожидает твоего прихода, – ответили они архипастырю Кипра.

Тогда святой попросил преосвященного Филона взять управление над его епархией, а затем, научив всех христиан должному, попрощался с ними, и мы отправились в путь. В Константинополе, лишь только святой подошел к Феодосию Великому, царь с трудом смог промолвить:

– Отче, попроси Бога о моем здоровье, ибо я очень болен.

– Веруй, чадо, в Распятого Иисуса Христа и тогда всегда будешь здоров. Имей в мыслях своих Бога, и не будет обладать тобой никакое зло. Стань милостив к скорбящим, и получишь милость от Бога. Почитай Бога, давшего тебе царство, и Он даст тебе большую благодать, – вразумил правителя Владыка, взял его за ноги и трижды перекрестил их Животворящим Крестом.

– Встань, чадо, от одра, потому что боль в ногах твоих прошла, – снова обратился он к Феодосию.

И – о чудо! – царь тотчас же встал с кровати, и уже более ноги его не болели.

– Приказывай мне, отче, непрестанно, и я буду слушать тебя во всем, – воскликнул он.

– Имей в душе своей слова Бога и храни их. Обойдись без Епифания, но прославляй своего Благодетеля – Бога, – посоветовал царю божественный архиерей.

Когда мы находились в Константинополе, пришли туда из Рима Аркадий с Гонорием и сообщили своему исцеленному отцу, что святой приходил к ним в Рим, у врачевал больную руку дочери, воскресил ее умершего сына и крестил их всех. Для царя было большой радостью услышать это, и с той поры он считал блаженного своим духовным отцом. В это время с Кипра по приказу царя доставили в Константинополь злобного Фавстиана и бросили в темницу по обвинению в оскорблении императора. Узнав об этом, Епифаний пришел в темницу и спросил заключенного, хочет ли тот, чтобы он походатайствовал перед государем о нем.

– Ступай, льстец, обольщать простецов, а мне такие слова не говори. Ты пришел сюда, чтобы радоваться моей беде, а не чтобы помочь мне. Убирайся с Кипра и ступай к себе на родину, в Финикию, и там непрестанно волхлуй и замышляй лукавство, – ответил со злостью на доброту архипастыря язычник.

Покинув темницу, святой пошел к царю попрощаться, чтобы вернуться на Кипр. Но правитель попросил треблаженного побыть еще несколько дней в столице, на что тот согласился. На другой день к Феодосию пришел апокрисиарий* и сообщил, что Фавстиан умер. При этом известии святой опечалился двойной смерти несчастного. Царь же захотел забрать в казну все имущество Фавстиана вдобавок еще и потому, что у него не было детей, но святой воспретил ему делать это.

– Поберегись, чадо, не делай грех, потому что жена Фавстиана – женщина благочестивая, она раздаст все нищим. Послушайся моих слов, и оставь имущество жене, тогда получишь благодать от Бога Вышнего, – призвал его Епифаний.

Тогда царь дал святому власть над всем имением Фавстиана, однако святой на это заметил:

– Я, чадо, имею Бога, Который дает мне все необходимое, а все это, с согласия жены покойного, мы раздадим нищим.

Когда мы хотели уже отправляться, правитель сказал преподобному:

– Отче, проси у меня все, что тебе нужно, и я дам тебе это с превеликим удовольствием.

– Я прошу у тебя лишь одного, – хранить заповеди, о которых я тебе говорил, и всегда вспоминать обо мне.

Выходя вместе с нами из дворца, Феодосий Великий попросил Владыку благословить его. Сотворив молитву, епископ Епифаний благословил его и обнял, и так царь вернулся

* Царский посланник (одна из должностей при дворе Византийского императора). – Пер.

во дворец, а мы взошли на корабль и прибыли на Кипр, где христиане приняли нас с большой радостью. Мы нашли жену Фавстиана, оплакивавшую смерть мужа. Святой утешил ее в этой скорби, а затем крестил и сделал диакониссой Церкви. Все имущество Фавстиана и свое собственное, по совету своего архиерея, она раздала нуждающимся.

В это время в Саламани было много народа, разделявшего ересь валентиниан и находившегося под влиянием епископа Аэция. Однажды божественный Епифаний беседовал с ним об этой ереси, но тот оспаривал все доводы чудотворца.

– Нечестивый Аэций, положи узду на свои уста и более не говори богохульства, – не стерпел его похабных речей преподобный, и в тот же час Аэций онемел.

Тогда все, кто придерживался этой ереси, увидев чудо, припали к Епифанию и, анафематствовав учение валентиниан, приняли Православие. Аэций же прожил немым шесть дней, а на седьмой умер. Были на Кипре и другие еретики: софисты, савеллиане, николаиты, симониане, василидиане, карпократиане*, о которых Епифаний написал царю, чтобы тот прогнал их с Кипра, потому что некоторые из них, будучи богаты, приобретали общественные должности и доставляли сильное беспокойство православным. Получив письмо от аввы, правитель издал указ, в котором говорилось об истинности православного учения и о запрете проживания на Кипре всех тех, кто придерживается чуждых ему учений. Но кто покается, исповедуется перед общим Отцом в своих заблуждениях, и захочет встать на путь истины, сделавшись православным, пусть остается на острове. После того как эта грамота была вслух зачитана государевым человеком, множество еретиков прибежали к божественному Епифанию и стали православными. Те же, кто не захотели оставить свои заблуждения, были тотчас изгнаны с Кипра.

Был тогда в Александрии патриархом Феофил – хороший знакомый святого. Жили там также и три сына Ираклеона,

* Древние ереси различного толка. – Пер.

правителя Александрии, которые после смерти отца решили стать монахами. Удалившись в пустыню, они приняли там ангельскую схиму и вели достойную монашеского образа жизнь в великом безмолвии. Зная об этом, святейший Феофил обманом привел их в Александрию и сделал старшего из них епископом одного Египетского города, а двух других диаконами и экономами Александрийской Церкви. Прослужив так три года и видя, что, оставив безмолвие, они лишились Божественной благодати, братья стали просить Феофила разрешить им вернуться туда, где они прежде жили. Но предстоятель не хотел давать им разрешение. Тогда они тайно ушли из столицы и поселились на прежнем месте. За такое самоволие святейший Феофил на три года отлучил их от Таинства Причащения. Братья просили его позволить им приобщаться Божественных Тайн, но патриарх не позволял подходить к Святой Чаше. Поэтому они пришли в Константинополь к святителю Иоанну Златоусту, чтобы тот заступился за них перед предстоятелем Александрийской Церкви. Златоуст написал Феофилу письмо с просьбой разрешить их от отлучения, но патриарх не откликнулся на просьбу божественного архипастыря. Тогда Феофил получил из Константинополя второе письмо, но по-прежнему остался при своем решении. Все это привело к тому, что Иоанн Златоуст сам разрешил братьев от запрещения, и по этой причине между патриархом Александрийским и архипастырем Константинополя произошла сильная скорбь.

В то время жил здесь один сенатор по имени Феогност – добрый христианин, любимец императора, имевший страх Божий. Был здесь и другой сенатор, арианин Дорофей. Он позавидовал Феогносту, оклеветал его в хулении царя и представил двух лжесвидетелей, обличивших того. Тогда правитель приказал сослать Феогноста, а его имущество отписать в казну. По дороге на чужбину Феогност умер.

Однако у жены его осталось одно имение, от которого она и питалась. Однажды царица Евдоксия вышла на прогулку во время сбора винограда туда, где находилось это поместье,

и неизвестно по какой причине зашла в виноградник и сорвала ягоду. Некоторые из находившихся с ней заметили, что это чужой виноградник, но теперь он стал ее, потому что у императоров был обычай: если они ступят на чужую землю, или сорвут плод с чужого дерева, то с этого момента владеет им уже не хозяин, а царь или царица.

Как только жена Феогноста узнала, что царица забрала ее имение, она написала письмо божественному Златоусту, и он послал своего архидиакона Евтиха, мужа образованного и украшенного всеми добродетелями, попросить царицу вернуть имение вдове. Однако царица отказалась это сделать, сославшись на закон. Она предложила передать вдове взамен ее поместья виноградник в любой другой области. Тогда святитель Иоанн сам пошел к Евдоксии и стал упрашивать вернуть вдове именно ее имение.

– Отче, узнай сначала причину и тогда говори, что я покусилась на имение вдовы. Не обличай царей в лицо, – возразила ему царица.

– Снова говорю тебе, отдай имение вдове, ибо ты слышала, как осуждается в Священном Писании Иезавель за то, что незаконно забрала виноградник Навуфея, – попытался образумить ее церковный учитель.

Услышав такое, царица приказала выгнать Златоуста из своих палат. Выходя оттуда, божественный Иоанн пошел в церковь и сказал Евтиху:

– Когда царица пойдет в церковь, возьми с собой диаконов и встань у двери, через которую она обычно входит, и не давай ей войти, говоря, что Иоанн не велел ей входить в церковь.

Евтих сделал, как ему приказал святитель, и с тех пор царица стала искать способ отправить архипастыря столицы в ссылку. Когда об это узнал Феофил, он стал много злоумышлять против архиерея Константинополя. Так, он написал и отправил святому Епифанию много писем против него, где сообщал, что тот разделяет учение Оригена, и что царица хочет его сослать. Епископу однажды по какому-то неот-

ложному делу необходимо было посетить Константинополь. Услышав подобные слухи от Феофила о божественном Златоусте, наш архиерей еще более захотел пойти в столицу, но не для того, дабы навредить Иоанну, а чтобы помочь ему. С собой он взял меня и Исаака. Когда мы прибыли в Константинополь, улицы города были заполнены толпами жителей, возмущенных предвзятым отношением царя и царицы к их архиерею, которого они любили и почитали. Мы остановились в одной обители, которая питалась от двора царицы, и потому не принимала Златоуста. Поскольку же в монастырской церкви не было диакона, отцы упросили Епифания рукоположить им диакона. Услышав о том, что в его епархии без его ведома состоялась хиротония, божественный Златоуст сильно опечалился и написал епископу Кипра письмо, которое вызвало в нем скорбь. Владыка написал Златоусту ответ. Царица же, узнав о сложившейся ситуации, пригласила Епифания к себе.

– Отче, все Римское царство – мое, и находится в моей власти, а все священство и все архиереи, которые в моем царстве – твои, и подлежат твоей власти. Поскольку же Иоанн не соблюдает положенный архиереям порядок, но ведет себя безчинно по отношению к царям, мы вот уже несколько дней как задумали собрать архипастырей, чтобы его, как недостойного архиерейства, отлучить, а другого, который может управлять Патриархией, поставить нашим Святейшим Владыкой, – говорила царица блаженному, пребывая в сильном гневе. – А сейчас, когда ты, отче, находишься здесь, нет необходимости утруждать других епископов, но ты сам поставь Патриархом того, кого тебе откроет Бог. Этого же – убери со Святейшего Престола, – заключила Евдоксия.

– Послушай, чадо, без гнева и злобы. Если божественный Златоуст действительно осуждается за ересь, о которой ты говоришь, и будет обличен открыто, как еретик, и не покается в своем грехе, тогда он недостоин архиерейства. Только в этом случае я смогу удовлетворить желание вашей власти. Но если ты хочешь прогнать святителя Иоанна из Великой

Церкви за то безчестие, которое он нанес вам лично, тогда ваш Епифаний никогда не согласится на это. Кроме того, чадо, царям необходимо прощать тех, кто ругает их и безчестит, потому что и у вас, царей, есть Царь на Небесах, против Которого вы постоянно согрешаете, и Он вас прощает. Так и вы прощайте тех, кто согрешает против вас и безчестит вас, как об этом говорится в Евангелии: *Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6: 36).

– Отче, если ты мне воспрепятствуешь сослать Иоанна, тогда я открою идольские храмы и заставлю народ поклоняться идолам, и последнее будет хуже первого, – гневно проговорила, плача от злобы, царица.

– Я, чадо, неповинен в этом грехе, – ответил на ее речи епископ Епифаний, позвал меня, и мы вышли из дворца (другой наш спутник, Исаак, был болен и оставался в обители).

Пока мы возвращались в монастырь, по всему городу прошел слух, что великий архиерей Епифаний был у царицы и согласился с ней на ссылку божественного Златоуста. Услышав это, Исаак ушел от святого, пришел в другую обитель и поселился там. Блаженный очень переживал из-за Исаака и молился Богу, чтобы он открыл, где тот находится. Когда Господь открыл местонахождение Исаака, мы пришли к нему, однако он отвернулся от своего Владыки.

– Не хочу быть больше с тобой из-за греха, который ты сделал Златоусту, – сказал он Епифанию.

Мы провели в монастыре три дня, и святому с трудом удалось убедить Исаака, что он не участвовал в решении о ссылке святителя. Только после этого он последовал за нами туда, где мы остановились. Однако и сам божественный Златоуст поверил в то, что преподобный Епифаний дал согласие на его ссылку.

– Премудрый Епифаний, ты дал согласие на мою ссылку, но и ты не будешь больше уже сидеть на своем престоле, – написал ему святитель Иоанн.

– Зря ты поверил в мое согласие на твою ссылку, но ты не доедешь до того места, куда сослан, – ответил ему Кипрский архипастырь.

Нам же Владыка пояснил, что сии строки он написал по Промыслу Божию для того, дабы никто не упрекал святого Златоуста, ибо невозможно, чтобы сотворивший столько добрых дел пал в такую глубину греха. Когда перед отъездом на Кипр мы отправились во дворец проститься с правителями, царь Аркадий спросил авву Епифания, сколько ему лет.

– Мне сто пятнадцать лет, без трех месяцев. Когда я стал епископом, мне было шестьдесят. В епископстве, без трех месяцев, я провел уже пятьдесят пять лет, – ответил епископ.

Взойдя на корабль, чудотворец расположился в трюме, с ним сели и мы. У святого же был обычай – никогда не выпускать из рук Священное Евангелие. Трижды простонав и заплакав, он открыл Евангелие, затем снова закрыл его, заплакал и помолился. Затем архиерей снова сотворил молитву, заплакал и стал говорить нам:

– Чада, если вы любите меня, то исполните мои заповеди, и любовь Божия пребудет в вас. Вы знаете, сколько скорбей я испытал в этой жизни, не обращая внимания ни на какую скорбь, но всегда радовался, взирая на Бога. Создатель же никогда меня не оставлял, но сохранял от всех наветов вражиих. Как говорит апостол Павел: *любящим Бога... все содействует ко благу* (Рим. 8: 28). Так что, чада мои возлюбленные, однажды, когда я находился в пустынном месте и молился Творцу, чтобы Он избавил меня от всякой напасти вражией, пришли бесы и, бросив меня на землю, схватили за ноги и стали волочить по земле. Некоторые из них сильно побили меня, причем продолжалось все это десять дней. С тех пор я больше не видел бесовского лица, и только через злых людей они причиняли мне зло. Сколько и какое зло со мной происходило от безчинных симониан в Финикии, от нечистых гностиков в Египте, от незаконных валентиниан и прочих еретиков на Кипре... Внимайте, чада, и слушайте слово грешного Епифания. Не желайте себе никогда много

денег, даже если вам их будут давать. Избегайте ненависти к любому человеку и будете возлюблены Богом. Не злословьте брата, и не будет обладать вами дьявольская страсть. Отвращайтесь от ересей, как от ядовитых и смертоносных змей. О них я написал в книгах, имеющих надписание «Панария»*, которые и передал вам. Берегите себя от наслаждений мира сего, которые возбуждают тело и помысел. Знайте, что это искушение от сатаны, потому что очень часто, когда плоть покойна, помысел рисует невнимательным постыдные картины. Когда же ум наш бдит и всегда помнит о Боге, тогда мы можем легко победить врага.

Сказав это и многое другое, епископ Епифаний созвал всех находившихся на корабле людей.

— Братия, нужно от всей души просить Бога сохранить нас, чтобы никто из нас не погиб, потому что будет сильный шторм. Но радуйтесь, ибо никакая печаль не приблизится к вам, — наставлял он всех стоявших здесь. — Чадо Поливие, если мы прибудем в Констанцию, побудь там семь дней, а затем ступай в Египет, в верхнюю Фиваиду, пасти овец Христовых. Будь осторожен, не поступи иначе, потому что если ты не послушаешь меня и не пойдешь, тогда погубишь и то, что построил, и будешь бесполезен для всех. Если же исполнишь мои слова и заповедь Господа нашего Иисуса Христа, которую Он велел мне тебе передать, будешь благословен перед Ним во все дни жизни своей, — обратился он ко мне и обнял меня. — А ты, чадо, оставайся в Констанции до тех пор, пока не будет тебе указа идти в страну киттийцев, — посоветовал чудотворец Исааку. — Не бойтесь, дети, что будет сильное волнение на море, но попросите Бога, и Он вам поможет, — ободрил он матросов. — А ты не искушай, чтобы не быть искушенным самому, — вразумил угодник Божий одного матроса.

Тогда был одиннадцатый час дня, а когда солнце уже садилось, на море разыгралась буря. Святой лежал в кора-

* Хлебный ларь (греч.) . — Пер.

бельном трюме с распростертыми руками и Евангелием на груди. Глаза его были открыты, но голоса не было слышно. Мы все сильно испугались, и думали, что он молится Богу, чтобы утихла буря. Однако буря продолжалась двое суток, на третий день архиерей Кипра сказал мне:

– Чадо Поливие, передай морякам, чтобы они развели огонь и нажгли угля, а потом принеси сюда.

Когда я отдал уголь и положил на него ладан, блаженный просил нас всех усердно молиться, и сам стал творить словословие, а после, устремив взор ввысь, произнес:

– Спасайтесь, чада, потому что Епифаний вас уже больше не увидит в этой жизни.

И в ту же минуту божественный авва предал дух, а буря тотчас же успокоилась. Пав ему на шею, мы с Исааком горько плакали, и очи наши окутала тьма. Тот моряк, которому святой велел «не искушать, чтобы не быть искушенному» упал в ноги святому, и хотел поднять его одежды, чтобы посмотреть, был ли Владыка обрезанным. Но архипастырь, будучи мертвым, поднял правую руку и ударил его по лицу, так что тот отлетел к корме и лежал там как мертвый два дня. Затем прочие моряки перенесли его к преподобному и, как только он коснулся его ног, то сразу же встал в здравии, а на всех находившихся на корабле напал страх.

Когда мы, с Божией помощью, прибыли в Констанцию, моряки сошли с корабля и, обходя город, громогласно возглашали:

– Мужи братия, жители многочисленной митрополии Констанции, спускайтесь к морю, чтобы забрать честные мощи преподобного отца нашего Епифания, потому что он окончил земную жизнь.

И тогда напала тьма на весь город, и люди, ведя один другого под руки и сотворив великий плач и рыдание, спускались к морю. Когда в порту собрался весь клир и народ, то с лампадами, фимиамом и псалмопениями стали поднимать мощи святого и понесли их в церковь, чтобы весь народ смог проститься со своим архипастырем.

Услышав о кончине Владыки, все крестьяне той страны и почти все жители острова Кипра с великим тщанием пришли, чтобы поклониться ему. Захотели почтить память архиерея и три слепца из местечка Скортики, однако у них не было провожатого. Тогда один из них, по имени Просехиос, сказал:

– Святой Епифаний, дай свет очам нашим, чтобы мы смогли прийти и поклониться честным твоим мощам.

И тотчас же – о чудо! – все трое прозрели и без посторонней помощи прибежали поклониться владыке Констанции, благодаря его и одновременно рассказывая о случившемся с ними чуде. Многие в тот день прославили Бога, Который позволяет творить такие чудеса Своим достойным рабам.

Я пробыл семь дней в церкви рядом с мощами святого, причем мы не нашли возможности похоронить его из-за множества приходящего народа. На восьмые сутки, чтобы не преслушаться заповеди епископа, с сильной печалью в сердце я оставил его мощи и взошел на корабль, который направлялся в Египет. Придя в верхнюю Фиваиду, я провел там один год.

Однажды правитель Египта великий Ираклион спускался в свой родной город Ринокуруры и, услышав, что я ученик епископа Епифания, послал воинов, которые неожиданно схватили меня и против моей воли привели к нему. Собравшиеся там епископы рукоположили меня на овдовевшую тогда епископию Ринокурур. Когда прошло немного времени, я послал на Кипр почтенного диакона Калиппа, который узнал, в какой день и где погребли честные мощи иже во святых отца нашего Епифания, молитвами которого и мы да сподобимся Царствия Небесного. Аминь.

*Эта часть жития
иже во святых отца нашего
Епифания написана Поливаем,
епископом города Ринокуруры*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ

СВЯТОЙ ГОРГОНИИ,

ПРОСИЯВШЕЙ В IV ВЕКЕ

Родиной сей блаженной Горгонии был город Назианз в Кесарии Каппадокийской, отца ее звали Григорием, а мать – Нонной. Мать была христианкой в нескольких коленах, а отец – язычником по родителям. Он много времени провел в идольской прелести, однако, благословенная его супруга Нонна, испробовав множество способов, сумела наконец привести мужа в христианское благочестие. Был он добрым по натуре человеком и до того как познал истину, поэтому Бог не мог оставить такую добрую душу без просвещения. После Крещения Григорий настолько просиял в добродетелях, что был рукоположен во епископа своего родного города Назианза. А достойная удивления Нонна настолько была предана Богу и имела такое благоговение, что, как говорит ее сын Григорий Богослов, никогда не поворачивалась спиной к восточной части церкви, то есть туда, где находилась Святая Трапеза, никогда не плевала на пол храма, никогда не разговаривала в церкви во время службы и в любое другое время, а только на улице, и то, если была крайняя необходимость. Да и что еще сказать?.. Достаточно уже и того, что примером своих добродетелей и молитвами к Богу денно и нощно она смогла привести своего мужа из нечестия в благочестие.

Вот от такой святой матери родилась и была воспитана святая Горгония, с детства имевшая столь благочестивого учителя. Естественно, она стала подобна матери в добродетели, другой Нонной в благочестии. Хотя ее и выдали замуж, но даже в этом законном и честном браке она превзошла всех женщин своего времени в целомудрии (если не сказать

и всех древних, которых так восхваляют за целомудрие), ибо совместила с браком добродетель девства и показала всем, что девство, само по себе, не соединяет человека с Богом, также и брак, сам по себе, не связывает человека с миром, тем самым разлучая его с Богом. Поэтому, с одной стороны, брака лучше совершенно избегать, а девство, с другой стороны, восхвалять. Но именно ум добре управляет браком и девством: он либо соединяет человека с Богом, либо привязывает его к миру и разлучает с Богом, но присноблаженная не разлучилась с Богом ни тем, что вышла замуж, ни тем, что главой ее был муж. Она не много служила миру и естеству по закону плоти, который установил Бог, всю же себя посвятила Богу. Прекраснейшим и честнейшим ее подвигом было то, что и мужа своего она привела в добрый нрав. И был он ей не господин, но добрый советник в богоугодных делах. Причем не только мужа, но и плод чрева – детей своих, и детей своих детей, – она сделала плодами Духа Святаго с помощью душеполезных наставлений, являя добрый пример в браке. Состоя в браке она еще и потому угодила Богу своими добродетелями, что принесла добрый плод брака – детей.

Премудрый Соломон в Книге “Притчи Соломона” похвалит ту жену, которая пребывает в доме и безмолвствует. Она любит своего мужа, занимается домашними делами, да и вообще Премудрый много говорит в похвалу честной и целомудренной жене. Но посредством этой похвалы он сравнивает ее с нечестивой и невоздержной женой, которая скитается по дорогам в развратной одежде и своими словами наносит вред душам не только нечестивых, но и уважаемых людей. Однако то, что говорит Соломон в похвалу целомудренной и честной жене, ничтожно для похвалы в высшей степени честной и целомудренной Горгонии, ибо какая другая жена была равной ей в благочестии и скромности? И вместе с тем, какая другая, кроме нее, столько безмолвствовала в доме и не показывалась на улице, будучи невидимой для мужчин? Какая другая так берегла свой взор от нескромных воззрений? У кого еще был такой тихий и спокойный смех? Она

улыбалась лишь по необходимости, хранила свой слух от суетных и праздных слов, слушая только божественные и спасительные поучения. Горгония не любила празднословия, говорила только о заповедях Божиих.

Досточудная не носила золотых украшений, жемчугов с бриллиантами, не заплетала волосы на своей честной главе в косы, не одевала дорогих одежд, не употребляла омоений и косметики, как это делают прочие безстыжие, которые, будучи созданиями Божиими, покрывают лицо свое красками и мастями. Эти жены не довольствуются лицом, которое сотворил Господь, но хотят сделать его лучше, тем самым лишь оскверняя образ Божий. Блаженная же заботилась лишь об украшении своей души христианским нравом и добродетелями. Она любила красный цвет лица, который можно лицезреть у скромных и честных жен от стыда и благоговения, а также белый, который появляется от воздержания и поста. Раскрашивание себя и излишнее внимание к временной рукотворной красоте несравненная оставила тем женам, кто безстыдно скитается по улицам, любя красоту не души, а тела.

И такова была божественная Горгония во всем. Какими словами можно достойно показать ее разум, знание, благочестие и веру в Бога? Немного найдется примеров таких добродетелей, пожалуй, только у ее родителей. Им присноблаженная старалась подражать во всем и достичь уровня их святости. Ум ее был настолько острым, что все советовались с ней о своих нуждах, причем не только родные и соотечественники, но и чужеземцы. И премудрые ее изречения были для всех законом, который непреложно и нерушимо исполнялся. Она, по слову апостола, соделала себя храмом Божиим (ср. 2 Кор. 6: 16). Горгонию от прочих жен всегда отличало великое почтение к священникам, благоговение перед странниками; она с большой приветливостью принимала их в своем доме. Досточудная жена сострадала страждущим, помогала милостынями нищим. Ее дом, подобно жилищу Иова, был гостеприимен, и никакой чужеземец никогда

не оставался на улице. Ибо, как и Иов, она была оком слепых, ногой хромым, матерью сирых. Нищие всегда находили у нее прибежище, все ее имущество служило нуждавшимся, милость всегда была на стороне вдовиц. Единственное богатство, которое она оставила детям, было подражание и ревность по Богу, то есть свой добрый пример. Через эти свои добродетели, которые она творила не открыто, а, по возможности, тайно, Горгония сподобилась принять Христа.

Часто случается: человек творит одно добро, но впадает в другой грех. Например, если дает милостыню нищим, то больше уже не имеет никаких забот и предается телесным наслаждениям, как если бы он купил их этой милостыней. Но не так поступала блаженная Горгония: вместе с милостыней она предавалась посту, вместе с милосердием и состраданием к нищим – смиряла свое тело воздержанием, никогда святая не оставляла чтения Священного Писания. Ее молитвенным бдением были долгие стояния или теплые сердечные коленопреклоненные моления. Свой ум она возводила к Горнему, и в этом умном созерцании превосходила не только жен, но и многих мужей, и духовно была выше всех прочих.

Если Горгония замечала в других высшие добродетели, тут же старалась достичь их. Однако чаще всего именно она была образцом для подражания. Во всем она была совершенной, во всем она была достойна удивления: ее немые одежды и тело, сиявшее одной лишь добродетелью, ее душа, удерживавшая тело почти без пищи, будто невещественное. Плоть Горгонии была умервщлена еще до разделения с душой, она была свободна от страстных чувств. Как не удивляться бессонным ночам, проводимым ею в псалмопении и стоянии, или лежании на земле, от которого члены ее тела из мягких делались противоестественно грубыми, или ее слезам, посеянным скорбью, чтобы после смерти пожать плоды радости, или ее горячему духу, желавшему молиться и совершенно не обращавшему внимания ни на собак, ни на холодный воздух, ни на дождь, ни на гром, ни на град, ни на

ночное время. Подвизаясь в подвиге спасения, она поняла, что различие мужей и жен существует только по естеству, а не по душе. Она стяжала воздержание и, тем самым, победила горький вкус праматери Евы – грех, лстивого змея-дьявола и смерть. Своим животворящим умерщвлением она, достойная всякой похвалы, почтила умаление Христа до образа раба, принявшего великие страдания. Нет, никто не сможет исчислить все подвиги блаженной Горгонии.

В рассказе о ее добродетелях не хватает лишь повествования о наградах, которые она получила от Праведного Мздовоздаятеля уже на земле.

Как-то ехала святая в повозке, запряженной мулами. Вдруг скотина взбесилась и побежала с такой скоростью, что повозка перевернулась, святая выпала из нее и запуталась в упряжи. В таком состоянии мулы протащили ее на довольно большое расстояние. В результате она повредила все члены и переломала кости. Этот случай вызвал великий соблазн среди верующих: как это Бог попустил такой святой жене столь сильно пострадать?

Однако Горгония, хотя и испытывала крайнюю нужду в лечении, не стала звать врача, дабы чужой человек не видел ее тела. Всю свою надежду она возложила на Создателя, твердо веря: «Если Всемогуший попустил это, то Он и исцелит меня». Так и случилось на самом деле – Всемиловитый полностью, без врача, исцелил ее чудесным образом. Это вызвало изумление у всех и, прежде всего, у тех, кто вначале соблазнился.

И в другой раз так же внезапно напала на Горгонию болезнь, причем недуг был настолько необычным и странным, что никакое врачебное искусство не помогало: сначала от жара стало гореть все тело, а кровь как бы кипела. Затем кровь охладевала, святая покрывалась желтизной, ум ее ослабевал, члены тела были парализованы. Подобные приступы случались довольно часто, и все родные и близкие пролили немало слез в молитве за блаженную. Но что же на этот раз делает божественная Горгония? После наступившего

отчаяния она стала просить помощи у Общего Врача для всех – Бога. Выждав наступления ночи, когда никто ей не мог помешать, она пошла и с верой припала к Святому Жертвеннику, громко призывая на помощь Вездесущего. Подражая Евангельской кровоточивой жене, у которой от прикосновения к краю одежд Христа высох источник крови, она прикоснулась головой к Святому Престолу и такие же слезы, которыми омочила блудница ноги Христа, Горгония стала возливать на Престол, говоря, что не уйдет отсюда, не получив здоровья. Потом она помазала этими слезами все тело. И – о чудо! – в ту же минуту получила исцеление, после чего вернулась домой. За возложенную на Господа печаль и надежду блаженная получила облегчение телу, душе и уму, и вместе с крепостью души – телесное здоровье.

Но каково же тогда было успение досточудной, если вся ее жизнь достойна изумления? По причине своего великого дерзновения у Христа более всех земных радостей благословенная желала смерти и единения с Господом. И Создатель не посрамил ее в этой надежде по Богу. Как-то, после долго молитвенного бдения, Горгония впала в дрему. Во время сна ей было видение, в котором приснопамятной был открыт день кончины. Вседержитель открыл ей дату для того, чтобы она подготовилась и не смущалась, когда внезапно придет смерть. Но святая не имела нужды в подготовке, потому что незадолго до того приняла очищение Святого Крещения. По правде говоря, вся ее жизнь была очищением и совершенствованием, уверенность же в спасении она черпала в добродетели и богоугодных делах. Единственное, чего ей не хватало, чтобы добавить к добродетелям – крестить мужа, тогда ни одно из дел не осталось бы незавершенным, и пошла бы она ко Христу до конца исполнившей долг. Именно об этом она молилась Всемиловитому, творящему волю боящихся Его.

После исполнения ее последнего желания приблизился назначенный день смерти. В преддверии этого момента, согласно законам естества, святая заболела и слегла в постель.

Тогда она позвала мужа, детей, друзей и дала наставления, а также преподала им поучение о Небесном жительстве, создав тем самым обстановку торжества, в которой досто-чудная и сподобилась преставиться ко Господу. Горгония не была старой, но не желала более жить и находиться в этом мире, тем более что добродетелями она была богата более многих, достигших глубокой старости.

Добавим еще кое-что доброе и полезное к нашему рассказу о кончине святой. Все, стоявшие у одра Горгонии, очень скорбели о разлуке с блаженной и хотели услышать напоследок ее божественные слова, однако никто не дерзнул попросить ее об этом. Скорбь и сердечная печаль у всех были неисцельными, слезы нескончаемым потоком текли из глаз, но никто не мог проронить и слова – всем казалось неразумным почтить плачем ту, которая разлучалась с этим миром как угодница Всевышнего. Все стояли в глубоком молчании, как будто совершалось какое-то неизреченное таинство. Преподобная лежала почти бездыханной – без движения и гласа. Только ее отец заметил, что Горгония слабо пошевелила губами и, в надежде услышать последние слова, наклонился к ней. «В мире вкупе усну и почию», – прошептала в этот момент Горгония стих из псалма Давида, что было явным свидетельством и доказательством дерзновения и святости, с которыми отошла блаженная Горгония ко Христу, у Которого по безграничной милости и ее молитвами да сподобимся и мы, грешные и осужденные, благого и спасительного конца в покаянии и исповедании, да прославим вместе со спасенными крайнюю благодать Его во веки веков. Аминь.

*Выбрано из слов иже во святых
отца нашего Григория Богослова*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОЙ
МАТЕРИ НАШЕЙ МАКРИНЫ,

СЕСТРЫ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО,
ПОДВИЗАВШЕЙСЯ В IV ВЕКЕ

Настоящее сочинение, с одной стороны, представляет собой послание, но с другой, из-за важности того, о чем в нем говорится, является фактически повествованием о жизни Макрины или житием. Ты, брат Олимпий, помнишь нашу беседу, когда я встретил тебя в Антиохии, откуда ты хотел пойти в Иерусалим поклониться святым местам. В тот раз, благодаря твоему благоразумию, мы вспомнили и о жизни блаженной Макрины. В этом рассказе я опираюсь не на услышанное от других людей, но открытое мне ей самой, поскольку она была моей сестрой, рожденной от одних и тех же родителей – самой старшей из нас. Дабы не была предана забвению жизнь женщины, которая непрерывным подвигом взошла к вершинам добродетели, я полагаю, что надо послушаться твоего совета и в немногих словах просто и безыскусно поведать о ее жизни.

Эту девушку наши родители называли Макриной, но было у нее еще и тайное имя, данное ей еще до рождения в божественном видении. Дело в том, что наша мать, Эммелия, будучи праведной жизни, сама желала сохранить девство и остаться непорочной, но, поскольку была круглой сиротой и необычайно красива, многие хотели на ней жениться; не выйди она замуж по своей воле, ее подстерегала бы сатанинская опасность: мать мог похитить кто-нибудь из тех, кто был поражен ее удивительной внешностью. Вот поэтому она согласилась выйти замуж за весьма скромного человека – я имею в виду нашего отца Василия, чтобы он стал стражем ее жизни и целомудрия.

Когда нашей матери настало время рожать первый раз, то во сне она увидала, что держит в руках младенца-дочь. Тут же явился величественного вида муж, назвавший младенца Феклой* – именем той, которая имела великую славу среди дев. Назвав это имя трижды, Небесный гость стал невидим, одновременно облегчив нашей матери роды. Таким образом, как только она проснулась, то сразу же родила сестру. Итак, у нашей сестры было тайное имя Фекла. Я думаю, что Ангел Господень, явившийся матери, не хотел навязать родителям имя Фекла, но, назвав ее так, заранее указал на сходство ее произволения с жизнью девы Феклы. После того как Макрина вышла из младенческого возраста и стала способной к изучению тех предметов, которые может воспринять ребенок, она стала преуспевать в той науке, в какой и хотели родители. Мать старалась, чтобы дочь изучила богодухновенные слова Священного Писания, особенно книгу Премудрости Соломона и все, содействующее воспитанию благих нравов, так же Макрина изучала слова Псалтири, произнося каждое изречение в подходящее для того время: и когда пробуждалась ото сна, и когда приступала к исполнению какого-нибудь дела, и когда завершала его, и когда вкушала хлеб, и когда вставала из-за стола, и когда ложилась спать, – всегда, как добрый спутник, в устах ее звучали псалмы Давида. Вот так, за изучением этих наук и росла преподобная. После того как она обучилась священному рукоделию и достигла двенадцатилетнего возраста, Макрина стала самой красивой девушкой в стране. Множество юношей приходили к родителям с предложениями о женитьбе. Но отец, будучи человеком благоразумным и способным различать добрый нрав в людях, выбрал одного знатного и целомудренного юношу, преуспевшего в науках, и решил по достижении сестрой надлежащего возраста поженить их. Этот славный юноша надеялся жениться на Макрине и, как свадебный залог, показывал нашему отцу преуспеяние в делах, защищая

* Первомученица равноапостольная Фекла – ученица апостола Павла и великая святая I века христианства. – *Пер.*

обижаемых. Однако смерть отсекла его добрые надежды, вырвав жениха из этой жизни в самом расцвете юности.

Макрина знала о намерении отца выдать ее замуж и считала себя уже как бы в браке. После смерти жениха она решила оставаться верной своему слову и второго подобного брака не заключать, несмотря на большое количество предложений. По ее мнению, было бы нелепо и незаконно не согласиться на брак, который подготовил отец, но странно было бы искать и другого брака, так как людям назначено одно замужество, одно рождение, одна смерть. Она считала, что жених, который по воле родителей как бы сочетался с ней, не умер, но всего лишь отошел к Богу ради надежды воскресения, поэтому было бы странно не сохранить веры и целомудрия ради отошедшего жениха.

Исполнить свое доброе намерение она придумала следующим образом: никогда, ни на одну минуту, не разлучаться с матерью и, тем самым, заменить собой множество служанок. Таким образом между ними был установлен добрый обмен – мать заботилась о душе дочери, а дочь служила матери во всех нуждах, неоднократно приготавливая для нее собственными руками даже хлеб. Макрина полагала, что заниматься этим священным рукоделием было достойно званию девы. Сестра разделила с матерью все заботы по дому, ведь кроме Макрины у матери было еще девять детей: четверо сыновей и пять дочерей, а имущество наше находилось во владениях трех разных народов, поэтому приходилось платить подати трем разным властителям. Отец умер рано, и на долю матери выпало множество забот по дому, в которых Макрина участвовала вместе с родительницей, тем самым весьма облегчая ее тяжелый труд. Она и сама проводила жизнь в чистоте и непорочности, имея в этом наставницей собственную мать, и в то же время стала примером для матери, которая старалась подражать ее подвигам. Мало-помалу Макрина привлекла ее к радостям невещественной и совершенной монашеской жизни.

Когда мать достойно воспитала дочерей, вернулся после учебы наш брат Василий Великий, много лет обучавшийся

премудрости в Кесарии, Константинополе и Афинах. Дивная Макарина и ему показала истинную цель философии и подвига. Несмотря на то, что святителя Василия превозносили за знание философии, и он был знаменит больше властителей, хотя и с презрением относился к их высоким званиям, Макарина заставила его разлучиться с мирским величием, презреть похвалы внешней премудрости и учености, прийти к совершенному нестяжанию и подготовить себе безпрепятственный путь к добродетельному житию. Но рассказ о жизни Василия Великого и его подвигах, благодаря которым он стал знаменит во всей вселенной, пусть подождет, ибо чтобы написать об этом, требуется много времени. Мы же вернемся к предмету нашего повествования.

Итак, поскольку блаженная Макарина освободила себя от забот мирской жизни, то убедила и свою мать оставить обычную жизнь, отказаться от услуг рабынь и проживать с девами и монахинями, а бывших своих служанок сделать равными себе сестрами. Здесь я хочу привести один рассказ, поскольку посредством него еще более открывается духовная высота преподобной.

Один из нас, четверых братьев, Навкратий, второй после Василия Великого, отличался от других природными дарованиями, телесной красотой, силой, сноровкой и способностями в выполнении всего, за что бы ни брался. Когда ему исполнилось двадцать два года, слава о его трудолюбии дошла до слуха многих, но он, Божественным Промыслом презрев все, что у него было, с великой ревностью устремился к нестяжательной и подвижнической монашеской жизни. За ним последовал один из наших домашних слуг, самый любимый Навкратием, который предпочел монашескую жизнь мирской. Они вдвоем поселились в необычайно пустынной местности рядом с рекой Ирисом, на возвышенности, густо поросшей лесом. Здесь, вдали от городской суеты и всевозможных забот, они служили собственными руками старцам, нищим и больным, жившим неподалеку. Навкратий оказался искусным рыбаком и стал кормить рыбой больных.

Этими трудами он умирал свою юность, не забывая слушаться наказов матери, если та иногда что-то ему приказывала. Так он проводил свою жизнь, преуспевая в исполнении Божественных заповедей.

Через пять лет после того как Навкратий начал свой подвиг произошел прискорбный случай: он шел на реку ловить рыбу, чтобы накормить больных старцев, за которыми ухаживал, но был принесен в келью вместе со своим товарищем Хрисафием мертвым. Полагая, это произошло от нападения диавола, ибо присноблаженный был восхищен из жизни без всякой болезни и без какой-либо другой явной причины. Мать его в это время находилась на расстоянии трех дней пути от того места, но когда получила известие о смерти сына, то, несмотря на совершенство в добродетели, сделалась от скорби бездыханной и безгласной. Тогда-то и проявились мужество и добродетель великой Макрины. Она противостала страсти печали правым помыслом и сохранила невозмутимость. Мать, впадшую в немошь, она научила мужеству примером собственной твердости, благодаря чему мать быстро оправилась от несчастья: она не кричала, не рвала с горя на себе одежды и скорбными напевами не вызывала у себя слезы, но спокойно и невозмутимо претерпевала свою печаль, прогоняя немошь естества собственными правыми помыслами и теми, что приводила ей Макрина, утешая ее в страдании.

После того как заботы нашей матери о воспитании детей и об их будущем положении закончились, она разделила между нами все имущество. Именно в этот момент жизнь ее дочери Макрины стала добрым примером в подвижническом житии. Поэтому она оставила все свои старые обычаи и достигла той же меры смиренномудрия, что и дочь. Она сравнилась с другими монахинями, ела ту же самую еду, спала на такой же подстилке, была подобна им и во всем другом: Макрина и наша мать были отделены от всякой мирской суеты, жизнью подражая Ангелам. Никогда в них не было видно ни гнева, ни зависти, ни ненависти, ни гордости, никакой другой подобной стра-

ти. Они не желали себе чего-либо суетного – почестей, славы и всего подобного. Воздержание было для них наслаждением, неизвестность – славой, нестяжание – богатством. Все, к чему так стремятся в настоящей жизни люди, было для них чем-то второстепенным, а главным было исследование божественных вещей, постоянная молитва, непрестанное псалмопение, и ночью, и днем, что стало одновременно и делом, и отдыхом. И какими словами возможно описать такую жизнь, которая была как бы на границе – между человеческой и Ангельской? Потому что свобода от человеческих страстей, которую достигли Макрина и ее мать, была делом выше человеческого естества, а иметь чувственное тело – ниже Ангельской природы. Впрочем, кто же дерзнет сказать, что в этом они были ниже, потому что хотя и были связаны телом, но, подобно безплотным Ангелам, не были им отягощены. Жизнью устремляясь ввысь, они совозвышались с Небесными силами.

Подобным образом они прожили много лет, постоянно преуспевая в добродетели. Этой же великой жизненной цели Макрины послужил и наш самый младший брат Петр, которого прозвали сиротой – когда он родился, умер наш отец, но старшая сестра Макрина воспитала его, научив высшим нравственным законам. С малых лет он был наставлен в священных науках, что не позволяло его душе быть подверженным суете. Макрина была для него и отцом, и учителем, и воспитателем, и советником в каждом добром и святом деле. Благодаря сестре, он еще в детском возрасте возвысился в подвиге и стал способным в любом ремесле. Не имея никакого специального учителя, он в точности узнал всякое ремесло и науку, хотя многим для этого требуется большое количество времени и труда. Так наш брат Петр, презрев изучение внешней премудрости и имея учителем всякой доброй науки природу и прекрасный пример сестры Макрины, настолько преуспел в добродетели, что, казалось, ни в чем не уступал Василию Великому.

В то время наступил сильный голод, и многие, зная о благодеяниях, которые совершают эти трое: Макрина, ее мать

и брат Петр, приходили в то место, где они подвизались. И Петру, с помощью хозяйственной сметки, удавалось в таком избытке иметь еду для голодающих, что от множества приходившего народа пустыня казалась городом.

Мать наша дожила до глубокой старости и отошла ко Господу, упокоившись на руках двух своих детей. Однако здесь стоит привести последние слова, которые она сказала детям, умирая. Благословив отсутствовавших прочих своих детей, она простерла руки к Макрине и Петру, что сидели рядом с ней – один справа, другой слева – и воскликнула к Богу, руками показывая на Макрину и Петра: «Тебе, Господи, посвящаю и начаток, и десятый плод моего чрева. Начаток мой – эта первородная дочь моя, а десятый – этот мой последний сын. Тебе по закону посвящают и начатки плодов, и десятую их часть, Тебе принадлежат эти приношения. Итак, да сойдет освящение и благодать Твоя и на начаток сей, и на десятого моего». После этого наказав детям похоронить ее в могиле мужа, она окончила свою земную жизнь. После похорон Макрина и Петр стали подвизаться еще более ревностно и прошлые свои подвиги побеждали последующими.

В это время Василий Великий, став епископом Кесарии, рукоположил своего брата Петра во пресвитера, а затем во епископа Севастии. С той поры, после приобретения архиерейского сана, Петр увеличил свой подвиг и стал проводить жизнь еще более свято и возвышенно. Через восемь лет, когда великий учитель вселенной Василий покинул этот мир, сестра Макрина, которая находилась в это время далеко, хотя и опечалилась душой о такой потере, но не пала духом, а мужественно перенесла несчастье. И подобно тому как золото очищают в печи, чтобы удалить с него всякую нечистоту и накипь, дабы стало оно совершенно чистым, так и сестра подвергалась испытаниям через разные скорби, чтобы показалась чистота и твердость ее души: вначале это была смерть брата Навкратия, затем – разлука с матерью, и, наконец, когда ушел от нас несравненный Василий Великий. Она осталась для нас единственным и непобедимым, не поддав-

шимся напастям подвижником. Когда прошло девять месяцев со дня кончины Василия Великого, в Антиохии собрался Поместный Собор, в котором принял участие и я, Григорий, а по его завершении все мы, архиереи, вернулись каждый в свою епархию. После этого прошел один год, и мне пришел помысел отправиться к моей сестре Макрине, так как я уже долго не навещал ее из-за постоянной борьбы с защитниками арианской ереси. Посчитав время, я обнаружил, что мы не встречались уже восемь лет.

Тогда я отправился в путь и уже прошел значительное расстояние, находясь в одном дне пути от сестры, как увидел сон, который породил страшные опасения за будущее. Мне показалось, что я держал мощи мучеников, от которых исходило такое же сияние, как от чистого зеркала, когда его поставят против солнца. И сияние это слепило мои глаза. Видение повторилось трижды в одну ночь. Я не мог понять, что оно означает, однако в душе поселилась великая печаль. Когда я был уже недалеко от аскетического жилища преподобной, я встретил одного из друзей, обитавших там, и спросил сначала о своем брате Петре. Оказалось, что Петр четыре дня назад пошел ко мне, но мы разошлись по дороге. Затем я поинтересовался, каково здоровье великой Макрины и узнал о ее болезни. Остаток пути я проделал быстро – душу мою тревожили печаль и страх за будущее. Не успел я войти в жилище преподобной, как слух о моем прибытии распространился по всему братству. Навстречу мне вышли подвижники; у них был такой обычай – встречать друзей, в это же время сонм подвижниц благопристойно ожидал меня в церкви. Но на этот раз среди них не оказалось их игуменнии Макрины, поэтому я взял провожатого и пошел в ее келью. Хотя она и была больна, но лежала не на кровати или подстилке, а на доске на самой земле. Другая же доска непонятной формы была у нее вместо подушки. Как только она увидела, что я подошел к двери, то поднялась и оперлась на локти, но встать и подойти ко мне она уже не смогла, потому что обезсилила от горячки. Опершись, сколько могла,

руками на землю, преподобная приподнялась, оказав мне положенное при встрече уважение. Я подбежал к ней, подхватил ее, падающую, поднял и положил обратно. Воздвигнув руки к Богу в молитве, она произнесла: «И сию милость оказал Ты мне, Господи, не лишив желания моего, яко подвиг раба Твоего посетить рабу Твою».

Чтобы не причинить мне печали, она сдержала стон и скрыла от меня скорбь своего сердца, начав речь радостными словами и радуя меня своими вопросами. Однако, когда мы заговорили о Василии Великом, сердце мое стало терзаться, а лицо сделалось грустным. Но блаженная Макарина настолько была далеко от того, чтобы сочувствовать мне, что воспоминание о святом стало для нее причиной еще большего мужества. Долго рассуждая о человеческой природе, она говорила, что в скорбях сокрыто Божественное домостроительство. Просвещенная Духом Святым, она так рассуждала о будущей жизни, что, мне казалось, мой ум возвысился от ее слов и, выйдя из границ человеческого естества и ведомый ее словами, проник в Небесное святилище.

Макарина, подобно Иову, который сильно страдал телом, в то время как ум его был свободен и не переставал созерцать вышняя, вся иссушенная жаром, совершенно не испытывала вреда от болезни. И если бы от этого не удлинилось мое писание, то я по порядку рассказал бы все: и как возвеличилась присноблаженная беседой, как рассуждала о душе, о жизни во плоти, о том, ради чего был сотворен человек, как он стал смертным, откуда пошла смерть, и как снова от смерти вернулся к жизни. Все ее просвещенные благодатью Святаго Духа слова были подобны воде из источника.

– Брат, сейчас самое время дать отдых твоему телу, уставшему от пути, – сказала она мне после наставлений.

И хотя для меня лучшим и настоящим отдыхом было видеть ее и слушать ее проникновенные слова, я, повинувшись своему наставнику, вместе с провожатым пошел в соседний сад, где и расположился под сенью виноградных лоз. Однако в моем сердце не было радости, душа моя скорбела в ожида-

нии печальных событий. Сон мой становился явью: блаженная поистине походила на мощи святого мученика, мертвые греху и сияющие благодатью обитающего в них Святого Духа. Во время этих моих тяжелых дум, не знаю как, преподобная узнала мои помыслы, и послала мне радостную весть – ей стало лучше. Она дала мне об этом знать не для того, чтобы посмеяться надо мной. Подобно тому как бегун на дистанции обгоняет своего соперника и, приближаясь к концу, уже видит победный венец и начинает в душе ликовать, как будто уже получил его, и сообщает об этом своим друзьям, так и Макрина, движимая тем же самым желанием, обратив свой взор к высшей награде, сообщила мне, чтобы я надеялся на лучшее:

– *Готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия* (2 Тим. 4: 8), потому что *подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил* (2 Тим. 4: 7), – говорила она апостольскими словами.

После того как я отдохнул, она снова позвала меня и стала подробно рассказывать обо всем, что совершила с юности, а также то, что помнила о родителях, и что случилось до моего рождения. Цель этого повествования была принести Богу благодарность за все. Знакома меня с жизнью родителей, она рассказала, что большое их в то время состояние умножилось не столько от приобретений, сколько благодаря человеколюбию Творца. Ведь предки моего отца лишились имущества из-за исповедания Христа, а с материнской стороны один из них был предан смерти, по причине царского гнева, и родители наши остались без наследства. Но, несмотря на все это, состояние и богатство наших родителей, благодаря их вере, настолько возросло, что в те времена не было никого другого, кто был бы состоятельнее их. Когда же имущество было разделено на части по количеству детей, тогда Всемогущий Своим благословением настолько увеличил часть каждого из чад, что состояние каждого из нас превосходило общее состояние родителей. Еще Макрина сказала, что из причитавшегося ей имущества она себе не оставила ничего, но все

отдала Петру, чтобы тот распорядился им, согласно заповеди Божией. Всю свою жизнь она не переставала трудиться, никогда ни на кого не надеялась, все необходимое получала ни от людских благодеяний и милостыней, но от своего труда. Однако, если к ней обращались с просьбами, то с пустыми руками она никого не отпускала, но жертвовала не подаяния христолюбцев, а тайно умножаемое Вседержителем ее малое рукоделие, которым она постоянно занималась.

Когда же я стал рассказывать о собственных трудах, сначала понесенных во время гонений на православных от арианина царя Валента, а затем о моментах смущений и раздоров, бываемых в Христовых Церквах, то присноблаженная произнесла:

– До каких пор ты будешь оставаться неблагодарным к Богу за то добро, что Он сделал для тебя? Почему ты не загладишь свою неблагодарность перед Ним? Сравни оказанные тебе благодеяния с теми, что были сделаны твоим родителям. Отец наш выделялся своей ученостью и среди прочих риторов был первым, однако он неизвестен за пределами нашей родины. Ты же стал известен во всех странах и народах, и Церкви Христовы посылают за тобой, чтобы ты пришел и помог им. Ты же не задумываешься о такой милости и даже не знаешь причину, откуда происходят все эти блага, ибо Создатель возвел тебя на эту высоту за молитвы наших родителей. У самого же тебя не хватило бы на это сил.

В этот момент больше всего я желал, чтобы продлился день, и блаженная не переставала бы услаждать мой слух своей речью. Но поскольку глас воспевающих псалмы позвал нас на вечерню, я пошел в храм, а Макрина снова вернулась к Богу в молитве. Так прошла ночь. На следующий день я понял, что это последний день жизни сестры, ибо ее силы были истощены горячкой. Она же, видя немощ моих помыслов, думала, как смягчить для меня печальное ожидание, и снова своими добрыми словами, но теперь уже совсем слабо и учащенно дыша, врачевала мою скорбь. Душа моя испытывала разные чувства: по естеству – печаль, как

и должно было быть, ибо я не надеялся еще когда-нибудь услышать ее голос, поскольку похвала нашего рода вскоре оставляла эту жизнь. Но с другой стороны, – радость, при мысли о том, что сестра поистине превзошла общее естество и поднялась выше него. Уже будучи совсем при смерти, Макарина не боялась разлучения души от тела, ее надежда была в вечности, ее последнее дыхание было в высоких помыслах о монашеском житии. Она открыла присутствующим скрывавшуюся в глубине ее души любовь к Богу, к Невидимому Жениху Христу, и желание освободиться от уз тела, чтобы скорее достичь Желанного Иисуса.

И хотя уже прошла большая часть дня, и солнце клонилось к закату, но ревность блаженной нисколько не ослабевала. Чем более приближался ее конец, тем больше росло в ней стремление соединиться с Ним, ибо все яснее она лицезрела Его красоту. Она уже более не смотрела на меня, но непрерывно видела только Его, ведь и постель ее была обращена на восток. Она прекратила беседу со мной, и далее в молитве беседовала уже только с Богом, шепотом произнося такие слова:

– Ты, Господи, избавил нас от страха смертного, Ты соделал конец настоящей нашей жизни началом истинной, Ты на время даешь покой нашим телам во сне смертном и снова нас разбудишь при звуках последней трубы. Ты помещаешь в землю на хранение наш прах, сотворенный Твоими руками, и снова возьмешь из земли ей отданное, нетлением и благодатью преобразив наше тленное и безобразное тело. Ты освободил нас от проклятия и греха, став из любви к нам проклятым. Ты сокрушил главу змея, поглотившего человека за его преслушание. Ты указал нам путь к воскресению, сокрушив двери ада и упразднив *имущаго державу смерти, сиречь диавола* (Евр. 2: 14). Ты дал боящимся Тебя образ Честного Твоего Креста для истребления врага и защиты нашей жизни. На Тебя надеялась я от утробы матери моей, и Тебя возлюбила душа моя со всей силой, Тебе – от юности моей и доныне – приносила я в дар тело и душу. Ты же поручи меня светлomu Ангелу, который поведет меня в место

упокоения, на лоно святых отцов наших. Ты, положивший препятствие огненному мечу и восставивший в раю распятого с Тобой разбойника, покорившегося Твоему человеколюбию, помяни и меня во Царствии Твоем. И я сораспялась Тебе, пригвоздив страхом Твоим свою плоть, убоявшись судов Твоих. Да не разлучит меня от избранных Твоих страшная пропасть, да не встанет клеветник на пути моем, и да не окажется пред очами моими грех мой. И если согрешила по немощи естества словом, делом, помышлением, Ты, имеющий власть оставлять грехи, прости меня, дабы я нашла отдых. А когда совлекусь этого тела, и душа моя окажется пред Тобой, лишенная пятен или какого порока, прими ее в руки Свои чистой и нескверной, яко кадило пред Тобою.

Говоря это, она перекрестила свои очи, уста и сердце, а затем, поскольку ей жгло язык и от этого она не могла говорить четко, голос ее прервался. Лишь по ее открытым губам и движению рук мы поняли, что она молится.

Настал вечер... Когда принесли огонь, блаженная открыла глаза и, казалось, хотела произнести обычную вечернюю благодарственную молитву. Однако, поскольку она утратила голос, то стала благодарить сердцем и движениями рук, а вместе с тем шевелились и губы. По завершении правила, Макрина перекрестилась, знаменуя конец молитвы, глубоко вздохнула, и скончалась. Вот тогда я вспомнил заповедь, которую она мне дала в первый раз, когда мы встретились, — закрыть ей глаза, когда она умрет, как обычно поступают с умершими, и похоронить ее, как подобает. Я положил руку на лицо святой только для того, чтобы было видно, что я исполняю заповедь, ибо не было никакой необходимости закрывать глаза блаженной; они сами по себе были красиво закрыты веками, как это бывает во время обычного сна, губы ее были плотно сомкнуты, руки благопристойно сложены на груди, и вообще положение тела было благообразным, так что казалось излишним готовить ее к погребению.

Я пребывал в двойном оцепенении: от скорби, от вида тела и плача дев. От их горьких и неудержимых стенаний и

я не смог более удерживаться, и печаль, как бурный поток, полностью заполнила меня. Я весь предался слезам, считая разумной ту причину, по которой плачут монахини. Они оплакивали не факт смерти, потому что преподобная больше не будет с ними телом, как делают мирские, когда у них умирают родственники, но слезно сокрушались о том, что лишились надежды по Богу и спасения души:

– Угас светильник очей наших, взят от нас свет водительный наших душ, убрана печать нашего нетления, разорваны узы нашего единомыслия, отнято исцеление немощных. При тебе, о благая наша учительница, и ночь казалась днем, озаряемая чистотой твоей жизни, а сейчас этот день превратился в ночь и во мрак, – зывали они.

Но больше других причитали те, кто считал ее своей матерью и воспитателем, потому что Макарина нашла их на дороге во время голода, взяла с собой, воспитала и привела к нетленной девственной жизни. Однако вскоре, посмотрев на Макарину, я громким голосом воззвал к девам:

– Посмотрите на учителя и вспомните ее заветы, которым вы были научены – соблюдать благочиние во всем. Божественная эта душа научила, что мы должны рыдать только когда молимся Господу, поэтому превратим скорбные наши голоса в умиленное псалмопение.

Я говорил громко для того, чтобы своим голосом перекрыть голоса рыдавших, после чего убедил дев пойти в ближайшую келью, дабы оставить при одре лишь немногих, которые, с согласия Макарины, служили ей при жизни. Среди них была некая богатая, знатная и прекрасная собой жена по имени Вэтиани. Она весьма недолго была замужем за вельможей, а потом овдовела, сделав хранительницей и наставницей своего вдовства великую Макарину. Большую часть времени общаясь с девами, она научалась от них добродетельной жизни.

– Ничто не мешает нам сейчас облечь священные останки в надлежащие одежды и украсить это чистое и нескверное тело светлым покрывалом, – обратился я к ней.

– Нужно узнать, хотела ли преподобная этого, потому что мы должны делать то, что ей нравилось. А ей нравилось то, что угодно Богу.

Была здесь одна дева, первая из всех прочих – диаконисса саном – по имени Лампадия. Она знала в точности, что заповедала преподобная в отношении своего погребения.

– Нарядом святой была ее чистая жизнь, она была ее украшением при жизни, пусть будет и ее погребальным саваном. А то, что служит для украшения тела, она не принимала и при жизни, зачем же украшать ее при погребении? Но даже если мы и захотим сделать что-то большее для ее тела, то у нас ничего не готово, – сказала она нам.

– Вы не приготовили ничего из того, во что бы можно было одеть тело? – вновь спросил ее я.

– Вот, все у нее здесь готово: ее одежда, покрывало, стертая обувь. Это ее богатство и ее имение. А кроме этого, ты видишь, что нет ничего, что бы хранилось в сундуках или келье. Она знала лишь одно хранилище для своего богатства – Небо, куда все и собрала, ничего не оставив на земле.

– А если я принесу что-нибудь из того, что я приготовил для ее погребения, ей понравится? – поинтересовался я у Лампадии.

– Конечно, и если бы святая была жива, то она приняла бы от тебя это приношение по причине твоего архиерейского сана, и потому, что ты ее родной брат. Вот поэтому игумена и повелела, чтобы ты предал ее тело на погребение собственными руками.

Получив согласие облечь святые мощи в то, что у меня было с собой, я велел своему человеку принести одежду.

– Вот ее шейное украшение, – сказала мне Вэтиани, покрывавшая священную главу преподобной. Она показала мне железный крест и кольцо, висевшие на тонкой нити у сердца преподобной.

– Пусть это будет общим приобретением. Ты возьми себе крест, а мне достаточно будет кольца, – ответил я благочестивой жене.

Как поведала мне Вэтиани, на печати кольца был выгравирован крест, а внутри него была частица Животворящего Креста Господня.

Когда пришло время облачить чистое тело в одежды, блаженная велела мне послужить в этом, а присутствующая Вэтиани промолвила:

– Не пропускай великого чуда, совершенного святой.

И тотчас же она обнажила часть груди преподобной и, поднеся поближе светильник, показала мне маленькую точку на коже, напоминавшую след от укола иголкой.

– Ну и что это за чудо, что на теле есть такая точка? – в недоумении спросил я.

– Это осталось в воспоминание о великой помощи, что Бог оказал преподобной. Однажды в этом месте образовалась сильная опухоль, которая могла стать неизлечимой, поэтому ее мать упрашивала Макрину разрешить врачу вырезать ее. Но блаженная подумала, что если какую-либо часть ее тела увидит чужой человек, то это будет хуже болезни, от которой она страдала. Когда пришел вечер и она закончила обычное свое служение матери, то вошла в алтарь и осталась там на ночь. Припав к Врачу всех, она молилась об исцелении. Из пролитых ею слез она сделала помазание и приложила его вместо лекарства к груди. Поскольку же мать очень жалела ее и снова уговаривала показаться врачу, святая ответила, что если мать собственной рукой перекрестит больное место, то она выздоровеет. И тотчас же, как только мать перекрестила ей грудь, случилось чудо: опухоль исчезла, и осталась только эта точка, как напоминание о Божественном исцелении и как повод для постоянного благодарения Всемилоственного.

После того как тело святой было приготовлено к погребению, Вэтиани снова мне сказала:

– Не нужно, чтобы святая в глазах дев выглядела украшенной как невеста. У меня есть темное покрывало вашей матери. Им мы накроем святые мощи сверху, чтобы не казалось, что священная эта красота блистает чуждым для нее украшением одежды.

Это черное покрывало сверху положили на святую, но и в нем ее лицо сияло. Полагаю, что Божественная сила добавила святым мощам такую благодать, что, как я уже видел во сне, казалось, от этой красоты исходили некие молнии. Когда мы закончили, псалмопения дев вперемешку с рыданиями были слышны повсюду, не знаю, как узнали о ее кончине, но народ все шел и шел, и монастырский двор уже не мог вместить всех желающих. В ту ночь было совершено Всенощное бдение с псалмопениями, как бывает на праздники мучеников. А когда наступило утро, множество собравшихся мужей и жен рыданиями перебивали псалмопения. Я же, хотя весьма и переживал от скорби, но думал, насколько это возможно, о том, чтобы не упустить ничего из того, что положено при погребении, вследствие чего разделил собравшийся народ: жен поместил с девами, а мужей – с монашеским чином, и сделал так, чтобы они, как два хора, стройно и упорядоченно пели.

Когда наступил день, и от собравшегося народа стало совсем тесно, епископ той местности по имени Араксий, пришедший на погребение со всеми священниками, попросил и меня нести мощи к месту погребения. Я первым поднял ложе покойной за один край, епископ – за другой, а два почтенных клирика – за два оставшихся, и мы спокойно тронулись в путь. Впереди процессии, с двух сторон, шло множество диаконов и чтецов – все с зажженными свечами. Поскольку и шедшие впереди, и шедшие позади пели псалмы, похороны Макрины напоминали некое торжественное шествие.

Расстояние до храма Святых мучеников, где были погребены тела наших родителей, составляло семь или восемь стадий*, но из-за множества народа мы едва прошли его за день. Когда, наконец, мы достигли храма и начали молиться, рыдания народа возобновились с новой силой; перед тем как опустить игуменю в могилу одна сестра стала безчинно восклицать:

* Стадия – мера длины, равная примерно = 184,97 м, то есть до храма приблизительно 1,2 -1,4 км. – Пер.

– Горе нам, ибо более мы уже не увидим этого священного лика!

Услышав эти слова, и прочие монахини стали повторять то же самое, так что произошел безчинный шум, нарушивший священнолепную молитву, ибо у всех собравшихся разрывалось сердце и лились слезы. Но тут я дал знак замолчать, и диакон стал произносить положенные Церковью возгласы, призывая к молитве. Только после этого народ с трудом вернулся к совершению чина погребения, по окончании которого мною овладел страх, что я нарушаю Божественную заповедь: *Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай* (Лев. 18: 7). Я думал, как избавиться от осуждения, так как мне предстояло увидеть в телах моих родителей общее безобразие человеческого естества. А тела их уже распались и стали безформенными и безобразными костями*. Размышляя таким образом и убоявшись того раздражения, какое Ной выказал своему сыну Хаму, видевшему его наготу, я в конце концов решил воспользоваться тем же способом, что и два других сына Ноя – Сим и Иафет. Как только была сдвинута надгробная плита с могилы моих родителей, их останки были покрыты чистым саваном прежде, чем мы их увидели. Затем мы с епископом взяли святые мощи Макрины и положили их рядом с останками нашей матери. Так было исполнено пожелание и обещание обоих: матери и дочери, потому что обе просили у Бога, чтобы тела их по смерти были вместе, как и при жизни.

По совершении всего положенного при погребении, я упал на могилу и стал целовать землю, после чего, печальный и весь в слезах, тронулся в обратный путь. По дороге мне встретился некий знатный муж, имевший военную власть в одном понтийском городке Севастополе. Услышав о смерти Макрины, он сильно опечалился, потому что был нашим

* Из этого текста понятно, что тогда не было обычая перенесения мощей, каковой распространен сейчас, это же самое следует и из 7-го канона самого Григория Нисского. – Авт.

родственником, а потом поведал мне следующую историю, которой я и закончу сие повествование.

– Послушай, какое великое благо оставило эту жизнь, – начал он, оправившись от слез. – Как-то раз мы с супругой захотели посетить школу добродетели – именно так должно называть то аскетическое жилище, где обитала Макрина. С нами была и наша дочь, у которой один глаз был поражен заразной болезнью, из-за чего она выглядела весьма ужасно и жалко: радужная оболочка вокруг зрачка была утолщена и вся побелела. По пути мы разделились: я пошел туда, где подвизались мужи, игуменом у которых был твой брат Петр, а супруга моя отправилась в монастырь дев – в обитель великой Макрины. Через некоторое время мы решили уйти, но когда собрались в путь, то нас обоих задержали. Твой брат попросил меня остаться и разделить подвижническую трапезу, а твоя блаженная сестра не давала уйти моей жене, так как держала в объятиях нашу дочь, говоря, что не отдаст ее, если супруга не разделит с ней трапезу. По обычаю целуя ребенка, она приблизила свои уста к ее глазу.

– Если вы окажете мне милость и отведаете со мной трапезы, то я дам вам вознаграждение, достойное такой же чести и милости, – сказала она.

– Какое же вознаграждение ты нам дашь? – поинтересовалась супруга.

– Я дам вам лекарство, с помощью которого можно вылечить глаз ребенку, – обнадежила Макрина.

Об этом обещании святой послали сообщить мне, после чего мы с радостью остались. По окончании трапезы мы тронулись в путь, по дороге рассказывая друг другу о том, что видели и слышали. Я говорил о том, что было в мужском монастыре, а моя супруга подробно, не упуская и малейшей подробности, поведала мне о преподобной, но когда дошла до обещания святой исцелить нашего ребенка, она вдруг прервала свой рассказ.

– И что это такое с нами случилось? Как же мы не позаботились взять обещанное нам лекарство? – удивилась она.

Поскольку я тоже опечалился из-за нашей небрежности, то велел ей тут же поскорей вернуться и взять лекарство. В это время девочка, которую держала на руках кормилица, случайно повернулась и посмотрела на мать. Та, взглянув в ее глаза, радостно сказала мне:

– Не расстраивайся из-за лекарства, потому что мы получили то, что обещала Макрина.: этим лекарством было исцеление дочери по ее молитвам, а в глазу не осталось и следа болезни.

– Что великого в том, что рукой Господней слепым возвращается зрение, если даже раба Его верой в Создателя сотворила чудо не меньшее тех? – завершил свое повествование родственник, и из глаз его потекли слезы.

Я слышал и о других чудесах блаженной Макрины от тех, кто с ней жил и в точности знал о ее жизни. но я не буду о них говорить, потому что многим они покажутся невероятными. Ведь большинство людей судят о том, что слышат, по мере своих знаний, а когда что-то превосходит эту меру, начинают подозревать, что все это обман. Поэтому я опускаю рассказ о чудесном умножении зерна во время голода, когда Макрина раздавала его нищим, а оно нисколько не убывало, да и о других, более странных, чем этот, случаях: исцелениях больных и бесноватых, пророчествах о будущих временах, в которые все, обладающие точным и совершенным знанием, верят как в истинные, хотя они и кажутся невероятными. Они превосходят наше естество, имеющее плотской ум, думают, что это невозможно. Такие люди не знают, что Божественные дары подаются в зависимости от веры: маловерным – малые, а тем, у кого вера велика, – великие. Вот для того, чтобы маловерные, не верующие в Божественные дары, не потерпели вреда, я и отказался от описания самых удивительных из тех чудес, которые Бог сотворил через Макрину, считая достаточным того, что мною уже написано о ее жизни. Еяже молитвами да сподобимся и мы Царствия Небесного. Аминь.

*Написано ее родным братом святым Григорием
Нисским и послано монаху Олимпию*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОУСНОГО
ОТЦА НАШЕГО ПАИСИЯ ВЕЛИКОГО,
ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В 370 ГОДУ

Сей божественный Паисий родился в Египте у благочестивых, добродетельных и богатых добрыми христианскими нравами родителей. У этой семьи, имеющей семерых детей, было достаточно богатства для безбедной жизни, поэтому они всегда помогали нуждающимся. И чем больше милосердия семья оказывала беднякам, тем обильнее становилось их состояние. После смерти главы семейства вся забота и о поддержании имения, и о воспитании детей, особенно о Паисии, как самом младшем из чад, легла на плечи опечаленной матери. Однажды ночью ей во сне явился Ангел Господень, которого послал Сам Бог, Отец всех сирот, и сказал:

– Почему ты так печалишься, что нужно заботиться о детях, как будто это только твое дело, а не Бога? Не скорби, но посвяти Всемогущему своего сына, через которого прославится пресвятое имя Божие.

– Все мои дети принадлежат Создателю, пусть Он Сам возьмет, кого хочет.

– Вот этот угоден Творцу, – взяв Паисия за руку, возвестил Ангел.

– Он еще не может служить и работать Всемилоstitивому, но возьми лучше кого-нибудь из старших, – ответила ему мать.

– О, прекраснейшая из жен, ты говоришь, что Паисий не может служить Сердцеведцу, потому что мал, но знай, что сила Божия обычно проявляется в немощных. Этот, меньший из всех, является избранником Отчим и более всех угождает Мiroдержцу.

С этими словами Ангел отошел, а жена, проснувшись, удивлялась повелению свыше и прославляла Вседержителя словами:

– Буди, Господи, милость Твоя на нас и на рабе Твоем Паисие.

Божественный же Паисий был богобоязненным отроком, в котором год от года возрастала благодать Божия. Еще будучи ребенком он возжелал монашеской жизни и по достижении определенного возраста, как беззлобный агнец, пришел в скитскую пустыню на послушание к известному старцу Памво. Обладая даром прозорливости, этот авва узнал будущее Паисия и, с великой радостью приняв юношу, облек его в святую монашескую схиму. Юный инок хорошо подвизался в терпении, с ревностью исполнял все то, что ему поручал его духовный отец. Божественный Памво помогал подвижнику достичь высоких вершин добродетели и учил Паисия всегда ходить с опущенной главой, дабы ум, представляя себе красоту неизреченной славы Божией, непрестанно помышлял о Небесном. Созерцание это, как считал учитель блаженного, будет всегда помогать прославлять всемогущую благость Бога, великого нашего Благодетеля. Так, Паисий три года вообще не видел человеческого лица, но усердно читал Священное Писание и исследовал его Божественный смысл, что помогло ему стать, по слову пророка Давида, *как древо, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое* (Пс. 1: 3).

– *Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устом моим* (Пс. 118: 103), – любил повторять инок эти строки Псалтири.

Паисий мучил и удручал свое тело постами и молитвенными бдениями, благодаря чему смог подчинить его велениям своей души. Святой Памво так хорошо и благочестиво руководил треблаженным, что смог сделать из него опытного и во всем искусного подвижника. Перед своей кончиной Памво благословил Паисия и изрек о нем множество пророчеств, после чего с миром отошел ко Господу.

С того дня я, смиренный Иоанн, написавший это повествование, стал жить в одной келье с Паисием. Наш образ жизни был построен на полученном от духовного отца правиле, мы взаимно укрепляли друг друга в добродетели и заботились о спасении наших душ. Прошло немного времени, и Паисий стал подвизаться еще суровее, нежели прежде: начал поститься всю неделю, вкушая лишь небольшой кусок хлеба с солью, и то только по субботам. Все остальное время он посвящал чтению слова Божия. Преподобный изучал пророчества боговдохновенного пророка Иеремии, который, как говорят, неоднократно являлся ему и толковал тайный смысл своих трудов, чем побуждал подвижника к любви обетованных благ.

Блаженный, по слову апостола Павла, всегда простирался *вперед* (ср. Флп. 3; 13), то есть постоянно понуждал себя к совершению еще больших подвигов. Так, святой стал поститься не одну, а две недели подряд. Самое удивительное заключается в том, что никто не знал о равноангельном житии Паисия, кроме Того, Кто видит тайное и неведомое. Плененный любовью к безмолвию, он возлюбил одно – всегда молиться и беседовать с Единым Богом. Как-то я попробовал узнать у божественного, откуда у него появилось подобное желание – от Бога, или по его собственной воле:

– Брат Паисий, я вижу, что ты любишь безмолвие, – сказал я ему. – Знай же, что и я его жажду. Но откуда же к нам пришел этот помысел? Давай помолимся Милостивому, чтобы Он открыл нам Свою святую волю, и тогда поступим согласно ей: либо оба будем безмолвствовать в одном месте, либо разлучимся друг с другом.

– Хорошо ты сказал, возлюбленный Иоанн, давай так и поступим, чтобы ревность к безмолвию была приятна Создателю, – отвечал на эти слова Паисий.

Сказав так, мы провели всю ночь во бдении, и Благой услышал наше моление. В утренний час нам явился Ангел Господень.

– Бог повелевает вам разлучиться, и каждый пусть имеет отдельное жилище. Ты, Иоанн, останься на этом месте, и стань для многих путеводителем ко спасению. А ты, Паисий, служитель Христов, уйди отсюда и ступай в западную часть пустыни. Там, благодаря тебе, соберется народ безчисленный: будет построен монастырь и прославится Господь, – возвестил Ангел и стал невидим.

Подчиняясь повелению, мы разлучились друг с другом: я остался на том месте, а Паисий, придя в западную часть пустыни, вырубил в скале пещеру и поселился там. За его чрезвычайную чистую и высокую жизнь Бог так возлюбил его, что Сам Христос часто являлся ему и наставлял в добродетели.

– Мир тебе, возлюбленный Мой служитель Паисий, – приветствовал однажды Спаситель блаженного, пребывавшего на молитве в своей пещере.

– Вот, я раб Твой. Что повелишь, Владыка, что побудило Тебя снизойти ко мне? – со страхом и трепетом спросил святой.

– Видишь эту обширную пустыню? Всю ее, благодаря тебе, я наполню подвижниками, прославляющими имя Мое.

– Слова Твои, Владыка Господи, подчинены державной руке Твоей, и желания Твои тотчас же свершаются. Однако, молю Твою благость, скажи, откуда в этой пустыне подвижники будут получать необходимое?

– Поверь мне, если Я найду тех, кто имеют между собой мать всех добродетелей – любовь, и исполняют заповеди Мои, то все попечение о них возьму на Себя, и не будет у них ни в чем недостатка.

– Еще раз спрошу Твою благость, как им с легкостью избежать сетей врага и избавиться от его страшных искушений?

– Если они, как Я тебе сказал, будут исполнять заповеди Мои с кротостью, правдой, смиренным сердцем, то Я не только избавлю их от брани с врагом и его сетей, но и сделаю наследниками Царствия Небесного, – укрепил Паисия Вседержитель и вознесся на Небо.

Священного же Паисия, от такого схождения к нему Самого Спасителя, объял большой страх.

А что же замыслил в это время завистливый человеконенавистник, враг? Паисий получил от Бога силу, безопасно миновал бесовские сети и не терпел никакого вреда от нападений нечистого. Лукавый не мог приблизиться к преподобному, поэтому попытался воспользоваться хитростью и попробовал лишить подвижника добродетели нестяжания, а через это – и Божественной благодати. Приняв образ ангела, диавол явился одному египетскому богачу и уговорил его пойти в пустыню, найти там «бедняка по имени Паисий, богатого именем и светло украшенного добродетелями, сосуд избранный Божественной благодати» и предложить ему много денег для милостыни подвижающимся монахам. Не ведая, что это было бесовское обольщение, богач взял множество серебра и золота и отправился к святому.

Однако Господь не оставил Своего раба, открыл ему смысл столь дорогого приношения богача, поэтому преподобный тотчас же встал и пошел сам встречать архонта*.

– Кто такой Паисий, и где он обитает? – обратился к присноблаженному египтянин.

– А зачем он тебе?

– Я принес ему денег, чтобы он раздал милостыню монахам.

– Прости нас, христолюбивый человек, к чему нам деньги, если мы решили поселиться в этой пустыне. Возьми их, ступай в мир и не печалься, потому что Бог примет твой дар, если эти деньги ты раздашь в египетских селениях, где обитает много нищих: неимущих, сирот и вдов.

Богач послушался подвижника и вернулся в Египет. Когда же Паисий вернулся в свою келью, то ему явился диавол и сказал:

– Какое насилие! Не могу я, Паисий, ничего сделать тебе, потому что ты избежал моих уловок. Я ухожу от тебя и иду

* Еретик, сектант.

воевать с другими, к тебе же больше не приду, потому что ты победил меня.

Услышав эти речи, преподобный тотчас запретил лукавому говорить:

– Молчи, потому что известен ты своей злобой, – молвил воин Христов.

Пристыженный таким образом, нечистый был изгнан и уже более не дерзал приближаться к божественному Паисию. Теперь подвижник поселился во внутренней пустыне и стал проводить еще более суровую жизнь, во всем уподобляясь безплотным Силам Небесным и часто беседуя со Владыкой Христом. Дух Божий, обитавший в Паисие, благоволил удостоить его созерцания Небесных сокровищ и той радости, которую там имеют праведные. Однажды во время молитвы божественный был восхищен на Небо, где сначала увидел красоты и наслаждения рая, от чего исполнился радости и ликования, а затем всех святых. Вкусив той невестественной пищи и насладившись ею, он сподобился получить от Бога дар полного воздержания от пищи. Причащаясь каждое воскресение Пречистых Тайн, преподобный всю неделю пребывал в посте до следующего воскресения. Он жил только Святым Причастием, не вкушая при этом никакой другой пищи. Пусть же никто не сомневается в этом, потому что все подчинено Божественной воле: преподобный провел без телесной пищи семьдесят лет, питаясь лишь от причащения Божественными Тайнами. И нет в этом ничего удивительного по сравнению с безпредельной силой Божией. Ведь телесную пищу требует наше естество для укрепления тела. А тем, кто выше естества, творческая сила Божия, будучи самодостаточной и совершенно не подчиняющейся законам естества, дает дар, превышающий человеческие силы и возможности. Подобным же образом она превышает всякого естественного закона: без еды, до последних времен, сохранила она и пророка Илию, что вполне достаточно для доказательства этого преестественного дара.

По благоволению Божию к Паисию стекались бесчисленное множество монахов и мирян, желавших жить вместе с ним. Окружив его, как пчелы улей, они ненасытно питались мысленным медом его сладчайшего учения, в результате чего постоянно росло число монахов. Тех, кто желал безмолвствовать наедине, он учил через молитву беседовать с Богом. Тех же, кто желал пребывать в подчинении и послушании, этом поистине блаженном образе жизни, он селил в общежитие с другими братьями, назначая каждому подходящую работу, благодаря которой иноки не сидели праздными и упражняли свое тело, делая его послушным для трудов, кормили себя, а также давали милостыни нищим. Паисий дал насельникам заповедь: ничего, даже самого малого, не делать по своей воле, но во всем руководствоваться благословением духовного отца.

Но кто в точности может описать те подвиги, которые преподобный сам совершал в безмолвии и уединении?

Когда божественный Паисий пришел во внутреннюю пустыню, то поселился там и жил три года в одной пещере. За это время волосы у него на голове стали слишком длинными, тогда присноблаженный придумал следующее. Он забил кол в потолок пещеры и молился, привязывая к нему свои волосы, чем доставлял себе еще больший труд. Подвиги для преподобного стали отдыхом. Однажды во время молитвы перед ним вдруг предстал более всего возлюбленный им Спаситель. Праведник упал в страхе и ужасе на землю, так как не мог взирать на Его Божественный Лик.

– Мир тебе, Мой служитель, не бойся. Весьма большую радость доставляют Мне твои дела, и молитва твоя весьма приятна и угодна Мне. Возрадуйся же, и прими щедрую награду за труды твои. Вот, Я даю тебе такой дар: все, что ты ни попросишь во имя Мое, дастся тебе. Грешникам же, за которых ты будешь ходатайствовать ко Мне, отпустятся грехи, – обратился к Паисию Вседержитель.

– Христе Царю, ах, если бы мне, несчастному, сподобиться получить от Тебя благодать просить то, что необходимо для

меня, дабы мне легко пройти по спасительным путям Твоих повелений, ведь без Твоего Промысла мы не можем творить никакого добра. Если Ты пролил драгоценную Свою Кровь ради нашего спасения, согласился претерпеть смерть и погребение, Воскресением Своим даровав нам вечную жизнь, то сколько смертей мы должны претерпеть ради любви Твоей?

С этого дня преподобный действительно получил от Бога дар исполнения всего испрошенного. У одного старца умер послушник, прельщенный завистливым диаволом. Он не только впал в непослушание, но и не покаялся перед кончиной духовнику в таком грехе. Старец много раз просил Бога открыть ему, где находится душа ленивого послушника, и Создатель открыл авве, что инок находится в аду и испытывает страшные мучения. Тогда, сильно уязвленный сердцем старец стал строго поститься и молиться сорок дней, по истечении которых старец услышал голос:

– Эта душа, за которую ты горячо молишь, должна пребывать в аду до тех пор, пока Я не приду с Ангелами и трубами; лишь после этого она примет подобающую награду за свои труды.

Это еще больше опечалило духовника и он решил продлить свой пост еще на сорок дней.

– Пусть она будет в аду, пока Я не приду на облаках, – было сказано авве, когда закончились и эти дни.

Поскольку он не смог убедить Человеколюбца Бога помиловать послушника (возможно, Спаситель сделал это для того, чтобы старец попросил заступничества у блаженного), пустынный побегал за помощью к Паисию. Узнав по благодати Божией о приходе старца, преподобный вышел ему навстречу.

– Для чего ты, отче, пришел ко мне, худому и грешному, подвергнув себя такому мучению? – спросил его подвижник после взаимного приветствия.

Поведав святому о несчастье ученика, о своих за него молитвах Богу, об услышанном решении, что тот должен

терпеть наказание в аду до Пришествия Господня, старец отвечал:

– Ради того я пришел просить твое преподобие, чтобы ты посочувствовал мне, несчастному, и умолил Бога за бедного моего ученика, ибо я верую, что если ты попросишь Его, то Он услышит тебя. Не оставляй меня в скорби, но попроси Его, иначе я не уйду отсюда.

Добрый старец убедил великого Паисия помолиться Богу и умиловать Мiroдержца больше своими слезами, чем словами.

– О, невозможно мне предпринимать такое дело, потому что оно – твоя забота, хотя, по причинам, ведомым только Богу, Он тебя сейчас не слышит. Суды Его – *бездна великая* (Пс. 35: 7), однако, чтобы не преслушать тебя, вот, я попрошу Создателя вместе с твоим преподобием, и что покажется Ему угодным, пусть так и будет. Ты останься на этом месте и проси Творца здесь, а я пойду просить Его во внутреннюю пустыню.

В том месте Паисий встал на молитву и, возвысив руки и ум свой к Небу, произнес:

– Творче всяческих, призри на моления наши, недостойных рабов Твоих, и яко благ, свободи от адовых уз душу ученика старца.

Когда он молился Богу так, и еще другими словами, то невозможно было не услышать его по истинному обетованию, данному ему Владыкой. Тотчас же Христос, невидимо присутствующий везде, явился ему и сказал:

– Чего ты просишь, раб мой Паисий?

– Ты, Господи, Который все ведаешь, знаешь, что я прошу помиловать непослушного и грешного ученика, находящегося в адских мучениях. Молю Тебя, услыши раба Твоего, и яко Сострадательный и Многомилостивый, избави его.

– Я определил его на адские мучения за преслушание и грех до тех пор, пока не приду на облаках вместе с Ангелами.

Тогда Божий избранник Паисий, снова стал просить Всемилостивого:

– Владыка всяческих, все подчинено повелениям Твоим. Легко Тебе, Творцу всего сущего, сойти сейчас точно таким же образом, как и тогда, во время будущего Пришествия Твоего.

После этих слов Спаситель вознесся на Небеса, а затем сошел на облаках в великой славе с Ангелами и Архангелами, с трубами и ликами праведников, вместе со всеми, с кем сойдет на землю в последний день Суда. После этого были поставлены престолы и страшные седалища, и призвана была на суд душа скончавшегося послушника. Она вышла из ада и, представ Судье, была отдана в руки Паисия, а потом своему старцу, который в тот момент напряженно молился, как о том было условлено между ними.

– Возьми из рук служителя моего Паисия душу ученика своего, избавленную от ада. Больше ты не увидишь ее в муках, но в покое, – возвестил духовнику Господь великую радость, и в тот же час пришла душа ученика и предстала пред старцем, признаваясь в том, что претерпела множество мучений в аду за свое преслушание, «потому что оно и стало причиной, что я впал в грех и был подвергнут мукам. Но за твои молитвы и молитвы божественного Паисия Человеколюбец помиловал меня и освободил от адских уз. И теперь я иду в место упокоения праведных».

Все это было явлено старцу во время молитвы. После того как он получил известие о спасении своего ученика, то сразу же пошел к великому Паисию и открыл бывшее ему видение. Тогда преподобный поведал авве о страшном явлении Господа и о всем, что видел сам, после чего оба они поблагодарили Бога, совершившего такие чудеса.

– Премного благодарю тебя, божественный Паисий, что молитвами своими ты спас не только отчаявшегося моего ученика, но мою собственную душу, которая подвергалась большой опасности, пребывая в скорби. Прошу же тебя, скажи мне, что удивительного ты сделал, какие подвиги

подъял на себя, что удостоился получить такие дары? – спросил Паисия старец.

– Прости меня, честный отче, потому что никакого дела, достойного такого вознаграждения, не обретается во мне, смиренном, но Божественный Промысл, Который устраивает все тем, кто просит от всей души, услышал твои молитвы и не презрел многую твою любовь к ученику твоему. Ведь своим поступком ты уподобился Милосердному, Который ради нас, людей, преслушанием изгнанных из рая и от обольщения лукавого ставших врагами Богу, родился от Приснодевы Марии, был воспитан, как обычное Дитя, пострадал, как Человек, и Своей смертью освободил нас. Он показал нам, что нет никакого другого более великого блага, чем чистая любовь. Ради нее за своих друзей полагают жизнь, как ты, отче, положил за своего ученика. Потому и услышал Вседержитель твое моление, и спас послушника. Я же человек грешный, и не знаю за собой никакого добра, потому недостойн никаких даров от Творца. Прости меня, священная душа, и давай поблагодарим и прославим Единого Сострадательно-го Человеколюбца, – после этих слов смиренномудрый и авва воспели Подателя всех даров, а затем, благословив друг друга, каждый вернулся к себе.

После этого великий Паисий перешел в безводную пустыню. Сделал он это для того, чтобы, с одной стороны, укрыться от людей, наблюдавших за его подвигами, а с другой стороны, чтобы спокойно наслаждаться медом безмолвия. Однако Бог не оставил в пустыне сей светильник незамеченным, но, желая, чтобы он просвещал и приводил ко спасению других, повелел выйти ему во внешнюю пустыню и укрепить местных иноков в равноангельном житии.

– А я, Господи, что приобрету с того, что оставлю пустыню, где радуюсь Твоим посещениям, и пойду к другим, которыми не могу руководить? Боюсь, Владыка, что наставляя их, я сам не смогу как должно исполнять Твои повеления и буду осужден за свое небрежение, – смиренно вопрошал Всемилоственного подвижник.

– Нет, за тот труд, который ты предпримешь ради спасения других, получишь награду несравненно большую – щедрое вознаграждение в Вышнем Иерусалиме, – ободрил праведника Всеблагой.

Подчиняясь Божественному повелению, Паисий вышел во внешнюю пустыню, где монахи встретили его с ликованием. «Желал видеть его и я, – говорит преподобный Иоанн, – и сколько возможно насладиться Божественной благодатью от одного его вида, поэтому я пошел к нему и, прежде чем постучать в дверь его кельи, услышал, что он беседовал с другим человеком. Постеснявшись стучать, я встал снаружи, однако произвел небольшой шум. Тогда, услышав его, праведник вышел во двор и, увидев меня, радостно обнял, поцеловал и пригласил в келью, внутри которой никого не было. Я стал недоумевать, с кем незадолго до этого беседовал преподобный.

– Что ты смотришь здесь и там, и недоумеваешь, как будто видишь нечто странное? – спросил меня великий Паисий.

– Действительно, я вижу странное и пребываю в недоумении. Незадолго до этого я слышал голос другого человека, который беседовал с тобой, а сейчас никого не вижу. Что это такое я не знаю. Прошу твое преподобие открыть мне эту странную тайну, – ответил я.

– О, Иоанн, странное чудо откроет тебе сегодня Бог, а я должен показать тебе любовь, которую имеет к нам Его благодать. О наилучший из друзей, тот, кого ты слышал беседующим со мной, был Константин, первый христианский царь. Посланный Богом, он сошел с Неба и сказал мне: «Блаженны вы, которые сподобились монашеского жития, ибо это о вас сказал Спаситель в одной из заповедей блаженства». Я спросил у него: «Кто ты, господин, что говоришь это и весьма ублажаешь нас, монахов?» Он отвечал: «Я, Константин Великий, сошел с Небес, чтобы поведать тебе о славе, которой наслаждаются в вечности монахи, и о дерзновении, что они имеют ко Христу. Я ублажаю тебя, Паисий, что ты склоняешь их к этому священному подвижническому житию,

а себя упрекаю и осуждаю, что не попал в этот величайший чин». Тогда я снова говорю ему: «Почему ты, дивный, обвиняешь себя? Разве ты не вкусил той вечной славы и божественного освящения?» На это он отвечал: «Да, вкусил, но не имею ни того дерзновения, что имеют монахи, ни равной с ними чести. Ибо я видел души некоторых монахов, которые, по разлучении с телом, парили, подобно орлам, и с большой смелостью восходили на Небеса, и никто из демонов не дерзал к ним подступить. Потом я видел, как открывались для них райские двери, они входили внутрь и, представ пред Небесным Царем, с великим дерзновением стояли у Престола Божия. Вот почему я ублажаю вас, монахов, а себя, который не сподобился получить такое дерзновение, осуждаю. Ах, если бы я оставил временное царство, царский наряд и венец, стал бедным, надел рубище и исполнял то, что требует монашеское житие».

Я же отвечал ему:

– О священнейший царь, все, что ты говоришь, хорошо, ибо служит к нашему утешению. Но таковы суды Бога нашего и несправедливо о праведных судах рассуждать иначе, ибо Он есть Судия Праведный, и каждому воздает по достоинству, и награду дает в соответствии с его трудами. Твоя жизнь не была исполнена таких трудов, и нисколько не была похожа на жизнь монахов: у тебя была помощница-жена, дети, рабы, различные наслаждения и удовольствия. Монахи же, презрев все радости и наслаждения временной жизни, приняли Бога вместо всех этих мирских благ, и Он был для них радостью и их богатством, а исполнение угодных Ему повелений они вменяли за наслаждение и великое удовольствие, терпя, по апостолу, *недостатки, скорби, озлобления* (Евр. 11: 37). Так что нельзя тебе, о царь, сравняться с ними.

В то время, когда мы беседовали об этом, пришел и ты, брат мой Иоанн, а он тотчас же вознесся на Небеса. А сейчас, когда благодаря этой тайне ты ясно понял, виновниками скольких благ бывают подвижнические труды, укрепи братию, – закончил свой рассказ Паисий.

Я, Иоанн, воздал многое благодарение Богу, а затем, достаточно побеседовав со святым Паисием, в радости и веселье вернулся к себе в обитель».

В одном селении обитал некий старец, который, по неведению впад в заблуждение, говорил, что христиане должны служить только Отцу, а Сына и Святаго Духа не должны ни почитать, ни даже Богом называть. За этим зломудрием последовало значительное количество народа, но Вседержитель не хотел, чтобы все эти люди погибли и пропали подвижнические труды заблудшего старца. Преподобному было открыто, где находится это селение, и он пришел в него. С собой присноблаженный принес множество корзин с тремя ручками. Сбежавшиеся люди не узнали Паисия и очень удивлялись такой своеобразной конструкции, спрашивая преподобного, что это такое, и что он собирается с этим делать.

– Хочу продать, – отвечал великий.

– А зачем ты сделал их с тремя ручками?

– Поскольку я поклоняюсь Святой Троице, то и на деле должен показывать три Лица Святой Троицы, воспевать Ее и прославлять Триипостасное Божество, имея в руках знамение Троицы. Подобно тому, как Святая Троицы есть одно Естество с тремя Лицами (если же кто думает по-другому, весьма заблуждается), то так же нужно рассуждать и об этих корзинах. Каждая из них имеет одно естество, в трех созерцаемое, поскольку в трех ее ручках в равной степени пребывает все естество корзины. Так и невещественное естество и преестественное Божество пребывает в равной степени в Трех Ипостасях, то есть в Трех Лицах – Отца, Сына и Святаго Духа, – и находится в каждом из Трех Лиц, а потому называется не Четверица, и не Двоица, но Троица. Одно Лицо Святой Троицы не больше Второго, а Второе, – не меньше Первого.

После того, как божественный Паисий вкратце поведал им все это, старец и все находившиеся там познали истину.

– Преподай нам еще, дивный, чистое православное учение, используя подобные же явные доказательства, потому что своими первыми словами ты нас напугал, – с благоговением сказали они ему.

Тогда треблаженный дерзновенным гласом ниспроверг все богохульные слова еретиков, показав, что они не прочнее паутины, а основы православной веры объяснил им более пространно, с большим числом примеров, чем привел своих слушателей в истинное познание Святой Троицы. Затем, наставив их всех, научив исповедать свои заблуждения и покаяться в прежнем зломудрии, праведник возблагодарил Создателя и вернулся в свою пустыню. Когда он уже подходил к ней, перед ним внезапно воссиял свет, который исходил от множества Ангелов, наполнивших пустыню. В этот момент он услышал голос своего Небесного Хранителя:

– И когда ты был здесь, Паисий, и когда ты ушел, мы, согласно данному тебе Божию обетованию, охраняем обитающих в этой пустыне монахов.

После этих слов подвижник еще больше стал славословить Всеведущего, имеющего попечение о всех людях.

Молва о святом разошлась почти по всей вселенной и подвигала любителей добродетели идти к нему, чтобы получить благословение. Будучи в то время еще юным, великий в отцах преподобный Пимен также имел сильное желание увидеть Паисия, поэтому пришел к преподобному Павлу и стал просить его вместе с ним пойти к достославному. Павел был другом Паисия и часто навещал его.

– Смущаюсь я, чадо, вести тебя к нему, потому что ты еще молод, а он высок в добродетели, потому мы не ходим к нему, как попало, но с великим размышлением и благоговением, да и то не всегда. Чаще всего, ради общей пользы, мы встречаемся с ним в подходящее время, – вразумлял Пимена Павел.

– Когда мы придем, я останусь за дверью. Для меня будет необычайной радостью уже и это, и я буду считать великим подарком, если всего лишь услышу его божественный

голос. Но если и это невозможно, я согласен только дотронуться до кельи великого Паисия, и тогда, верую, уже спасусь. Когда же ты выйдешь из нее, я получу щедрое благословение, обняв твои ноги, которые ступали по той же земле, что и прекрасные ноги присноблаженного, – смиренно уговаривал Пимен.

Павел подивился столь сильной вере юного инокa и, взяв его с собой, отправился к преподобному. Когда они пришли на место, то внутрь кельи вошел только Павел. После сердечной встречи божественный Паисий спросил его о Пимене и сказал другу:

– Нехорошо препятствовать тем, кто приходит к нам, и оставлять их на улице. Они, как говорит наш Спаситель, легко попадают на Небо.

С этими словами святой обнял юношу и, благословив его, предсказал, что «этот юноша спасет множество человеческих душ, и многие через него удостоятся рая, потому что с ним явно пребывает рука Господня, которая хранит его и ведет к Божественным заповедям».

Однажды, когда священный Паисий постился уже двадцать один день, ему явился Христос.

– О избранник мой Паисий, много ты пострадал за Меня, – сказал Он пустыннику.

– Что же великого в ничтожном моем страдании, благой мой Владыка? Ведь Ты, по Своей благодати, Сам даешь мне силу, – искренне удивился подвижник.

– Каждое доброе дело Мне приятно, и тем, кто совершает его, Я хочу дать награду, равную их трудам. Следуй за Мной.

Так Паисий пошел за Спасителем. Когда они достигли неведомой пещеры, Искупитель попросил блаженного войти внутрь, туда, где находится истинный подвижник. Он увидел человека, который катался по земле и терся лицом о нее. Недоумевая о чрезмерности подвига этого мужа, преподобный вышел из пещеры и стал молить Сладчайшего Иисуса поведать ему о таком великом подвиге.

– Видел Моего подвижника, какие он несет труды ради Меня?

– Видел, Владыка, и содрогнулся от его трудов. Прошу Твою благодать, открой мне, что это за подвиг?

– Он постится только два дня, но видишь, как он мучается от голода и жажды?

– А как же я пощусь двадцать два дня, и ничего подобного со мной не случилось?

– Потому что тебя укрепляет Моя благодать, и ты можешь поститься безболезненно. Но тот авва постится по собственному произволению и, сгорая от великой любви ко Мне, со многими трудами терпит свыше своей силы.

– Какую награду получит он от Твоей благодати за свои два дня?

– За эти два дня он получит плату, равную той, что получишь ты за двадцать два дня. И тебе, который получил пять талантов, Я также скажу: *Войди в радость господина твоего* (Мф. 25: 21), и ему, который получил два, потому что вы в равной степени совершили добро, и оба показали ревность по вашей силе, – с этими словами Спаситель стал невидим.

Вернувшись в свою келью, отец Паисий увеличил свои подвиги и молил Бога позволить ему стать выше пищи, а пищей его, как мы уже говорили ранее, было еженедельное воскресное Причащение Пречистого Тела и Честной Крови Господа нашего Иисуса Христа.

– Что ты снова просишь о пище, когда ты и так совсем ничего не ешь? Если тебе нужно что-нибудь другое, проси это, – наставлял великого авву Спаситель.

– Прошу Тебя, Господи, когда я выхожу из пустыни, чтобы посетить братьев, позволь мне как можно скорее возвращаться снова в пустыню, потому что я не могу выносить промедления в посещении других, когда сам лишаюсь Твоего посещения.

– Не печалься об этом, потому что когда ты выходишь из пустыни, Я не удаляюсь из нее, и не покидаю тебя, но всегда с тобой.

– Молю Тебя, Христе мой, избавь меня от гнева, – продолжил Паисий.

– Если хочешь победить гнев и ярость, остерегайся упрекать, ругать или презирать кого-либо. Если исполнишь все это, то тогда не будешь гневаться.

– Владыко, Человеколюбче и Долготерпеливе, если кто исполняет Твои заповеди и навещает любящих Тебя, чтобы послужить в их нуждах, что такой получает – награду или вред?

– Подобно тому как земледелец, работающий в поле, получает плату от хозяина поля, так и те, кто совершают добро и помогают или учат других, получают на Небе щедрые награды.

– Господи, какая разница между тем, кто подвизается в добродетели и служит другим, и тем, кто только подвизается, но не служит?

– Тот, кто подвизается сам и другим служит, есть сын и наследник Мой.

– А если тот, кто старается служить другим и сам подвизается по силе, однако это служение препятствует ему, и он не достигает меры подвига тех, кто не имеют таковых препятствий, получит ли он равную с ними награду?

– Да, такой получит равную с ними награду, – провозгласил Христос и вознесся на Небеса.

В областях Сирии жил один подвижник, украшенный различными добродетелями. Однажды, когда он молился, к нему пришел помысел, не достиг ли он меры угодников Божиих. В этот момент он услышал голос:

– Ступай в Египет. Там ты найдешь подвижника по имени Паисий, который имеет смирение и любовь к Богу, равные твоим.

Ни минуты не думая о далеком расстоянии, почтенный старец немедленно отправился в Египет. Достигнув Нитрийской горы, он стал спрашивать о Паисии, которого знала вся округа, и сирийский инок без труда нашел пустыню обитания нашего праведника, где преподобный сам встретил

гостя из Сирии. Преподобные радостно обнялись и дали друг другу целование о Христе, после чего пришли в келью Паисия и, сотворив молитву, присели. Первым начал говорить старец, причем говорил он на сирийском наречии, а Паисий знал только египетское. Опечалившись оттого, что он не понимал душеполезных слов старца, треблаженный немедленно встал и, воздвигнув к Небу руки, возгласил:

– Сыне Божий и Слове, дай мне, рабу Своему, благодать Твою разуметь силу слов старца.

И – о чудо! – скорое посещение Господа! Тотчас же Паисий стал говорить и понимать сирийский язык.

Во время этой продолжительной беседы один рассказывал другому о видениях, которых каждый удостоился, с какими кто отцами общался, какие добродетели имели те аввы. Через шесть дней, когда сирийский и египетский пустынники все сказали друг другу, старец стал собираться в дорогу. Тогда Паисий позвал своих учеников и обратился к ним с такими словами:

– Вот, любезные чада, перед вами праведник, совершенный в добродетели, исполненный Духа Святого и Божественных благодатей. С благоговением возьмите у него благословение, которое будет для вас как башня, защищающая от врагов.

И в ту же минуту иноки упали на землю и, сотворив поклон перед преподобным старцем, горячо просили у него молитв и благословения. Помолившись о них, почтенный монах ушел в свою страну.

Через некоторое время пришел к великому Паисию один отшельник, ученики же преподобного стали говорить ему:

– Отче, если бы ты пришел чуть раньше, то приобрел бы для себя большую выгоду, ибо к нам приходил человек Божий из Сирии, светлый умом и сердцем, который, наставив нас спасительными словами, отошел незадолго до твоего прихода. Если хочешь, ты можешь еще догнать его, потому что он должен быть недалеко от наших мест.

Подвижник уже было побегал, чтобы догнать сирийца, однако блаженный Паисий остановил его:

– Стой, не ходи, потому что тот гость уже на расстоянии восемнадцати миль отсюда, несомый к себе домой облаком.

Услышав это, все удивились и прославили Бога.

Пришел к авве Паисию один брат и застал его спящим. Покой его охранял необыкновенной красоты Ангел. Подивившись этому, инок сказал:

– Поистине хранит Господь надеющихся на Него, – и, прославляя Создателя, Который превозносит любящих Его, удалился.

У священного Паисия был один ученик, весьма простой помышлениями, но во всех повелениях послушный преподобному. Однажды, когда он пошел в Египет продавать рукоделие, то по дороге встретил одного еврея, с которым и продолжил свой путь. Поняв простоту монаха, еврей стал изливать на него гнусным своим языком яд змея-душегубца:

– О монах, как ты можешь верить в Распятого, Который не был Мессией? Ибо Мессия – другой, а не Тот, в Кого вы, христиане, верите.

– Может оно и так, как ты говоришь, – по своему незлобию и сердечной простоте прельстился этими словами инок, и в ту же минуту – о горе! – потерпел несчастье, лишившись благодати Святого Крещения. Когда он вернулся в пустыню, то божественный Паисий не только не принял его, но ни глядеть на него не хотел, ни приближаться к нему, ни беседовать с ним, но лишь отвращался от него.

Ученик сильно опечалился, недоумевая, отчего духовник так переменился к нему, и, припав к его ногам, спросил:

– Отче, почему ты чуждаешься меня, несчастного, не желая видеть, гнушаешься мной как мерзости, хотя раньше так ко мне не относился?

– Кто ты, человек, я тебя не знаю! – отвечал на эти реплики Паисий.

– Отче, что такого необычного ты увидел во мне, что не узнаешь? Разве я не твой ученик?

– Мой ученик был христианином и принял Таинство Святого Крещения, а ты нет. Если же ты тот ученик, то почему не имеешь Крещения? Скажи мне, что с тобой случилось по дороге?

– Ничего.

– Уйди от меня, потому что я не могу слышать речь человека, который отрекся от Христа. Если бы ты был моим учеником, то я увидел бы тебя таким, каким ты был прежде.

Тогда отступник застонал и стал проливать слезы, подвигая старца на милость и говоря, что именно он (а не кто-то другой) его ученик, что он совершенно не знает за собой греха, и не делал ничего дурного.

– С кем ты разговаривал по дороге? – поинтересовался тогда преподобный Паисий.

– Только с одним евреем, больше ни с кем.

– А что тебе сказал еврей и что ты ответил ему?

– Он ни сказал мне ничего другого, кроме того, что Христос – не тот, кому поклоняемся мы, христиане, тот еще только придет. Я же согласился с его доводами.

– Жалкий, что может быть хуже и сквернее того, что ты сказал? Ибо этим самым ты, несчастный, отрекся от Христа и совлекся Святого Крещения. Итак, ступай и оплакивай себя, как хочешь. Не имеешь ты части со мной, потому что имя твое написано с теми, кто отрекся от Иисуса, и с ними же ты будешь мучиться.

– Отче, помилуй меня, несчастного, ибо не знаю, что со мной будет. По неосмотрительности я совлекся Крещения и обрадовал демонов. После Бога к тебе я прибегаю, не презри меня несчастного, – восскорбел и закричал монашествующий после обличения Паисия.

Упрашивая так, ученик более слезами, чем словами умиловил старца, и тот сказал ему:

– Потерпи, чадо, я попрошу Человеколюбивого и Милостивого Творца за тебя.

С этими словами он стал горячо просить Создателя простить своего ученика, и Господь не замедлил дать ему прощение и удостоил снова благодати Святого Крещения. В ознаменование этого божественный Паисий увидел, как Дух Святый в виде голубя вошел в уста ученика, а дух хулы – вышел, как дым, и растаял в воздухе.

– Прославляй, чадо, Всемогущего, и благодари Его вместе со мной, потому что нечистый дух хулы вышел из тебя, а вместо него вошел Дух Святый. Снова дан тебе дар Крещения, итак, хорошо внимай себе, чтобы не попасть еще раз в сети безчестия по причине своего небрежения и невнимательности, и не предать душу свою на огонь вечного мучения за какой-нибудь другой грех, – обратился подвижник к своему послушнику, наставляя его.

Пришел некогда к священному Паисию один старец по имени Иоанн, который от долгого пути по пустыне сильно устал и нуждался в пище и отдыхе. Когда они достаточно побеседовали, Паисий велел своему ученику приготовить трапезу, чтобы разделить ее с Иоанном. Послушник исполнил повеленное старцем, однако посетитель, сославшись на свои многие грехи, отказался вкушать от братской трапезы. Удивившись непреклонности Иоанна, блаженный тотчас же встал и из глубины сердца произнес:

– Господи, посети раба Своего Иоанна, который подвергает себя крайнему подвигу за имя Твое.

И с окончанием молитвы божественного, Иоанну был дан чудный дар: некий прекрасный юноша протянул ему еду и питье. Придя в себя, Иоанн исполнился радости и насытился, не нуждаясь в рабской пище, он был насыщен Ангельской. Встав, он поблагодарил Бога и божественного Паисия, и снова вернулся в пустыню, так ничего и не вкусив от приготовленной трапезы. Прилагая к прежним постам другие, он говорил себе: «Ты сытно поел, Иоанн, должно тебе теперь и попоститься со всяческой ревностью». Таким образом, мужественный продолжал подвизаться, побеждая, по молитвам священного, свою плоть.

Жил в пустыне один новоначальный монах, которого сильно беспокоили бесовские помыслы, поэтому он решил прийти к Паисию Великому и попросить у него помощи:

– Помолись Всемиловитовому о мне, худом, ибо имею я жестокую брань от демонов.

Зная, что тот творит свою волю и следует за демоном блуда и тщеславия, преподобный решил воспрепятствовать этому и ответил:

– Чадо, не от демонов ты имеешь брань, как думаешь, они даже не почувствовали, что ты пришел в пустыню. Но ты имеешь брань от своих же помыслов, поэтому ступай и подвизайся надлежащим образом, прося Бога посетить тебя, хотя демоны и будут сильно искушать тебя. Вот тогда ты хорошо познаешь их прилоги и узнаешь, что испытывают те, с кем они борются, – с этими словами он отпустил юношу восвояси, а затем от всей души стал просить Бога сохранить инока невредимым.

– Что тебе до меня, Паисий, за что ты гонишь меня? Ты весьма несправедлив ко мне, хотя я не борю тебя, – зарычал в этот момент на преподобного начальник демонов.

– Оставь юного монаха и не донимай его лукавыми помыслами, – выступил против него праведник.

– Поверь мне, ибо я и не знал, что этот юноша пришел в пустыню, и не беспокоил его совсем. Он имеет брань от собственных помыслов. Отныне же пусть будет теперь готов испытать и мои страшные искушения и прилоги, которые я изобрел, чтобы воевать с ним, – отвечал с безстыдством и великой гордостью демон.

– Бог да запретит тебе, враг истины, и свергнет тебя в неугасимый огонь мучения, – настаивал на своем подвижник, и лукавый хотя и исчез, но не отступил от своих слов.

Нечистый воздвиг на новоначального брань; юноша же, искушаемый различными ухищрениями беса и будучи не в силах их переносить, снова прибег к непоколебимой башне – Паисию Великому. Повествуя ему об искушении

ях врага, он говорил, что не может больше терпеть злобу, с которой вооружается на него нечестивый.

– Разве я не говорил тебе, чадо, что тогда враг еще не знал, что ты пришел в пустыню? – сказал преподобный.

Затем, наставив его и дав совет правильного жительства, преподобный стал молиться: «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога и Отца. Не дай погибнуть от демона созданию Своему, но помоги ему с Небеси, яко сила Твоя непобедима, и все послушествуют ей».

И тотчас же перед ним явился Ангел Господень, имея с собой беса, связанного цепями.

– Возьми нечестивого и спрашивай его, ныне связанного, о чем хочешь, – сказал Небесный посланец.

– Горе мне, до каких пор ты будешь мучить меня своей молитвой и оберегать ею обитающих в этой пустыне? Какой я несчастный, и сколько мне еще страдать, если я останусь здесь. Поэтому уйду я совсем далеко отсюда, – вскричал при этом демон.

– Отступник и враг рода человеческого, скажи мне, зачем ты беспокоишь и искушаешь юношу, воздвизая на него жестокую брань? Зачем с такой яростью и жестокостью ты встаешь на тех, кто только полагает начало подвигу? – стал допрашивать нечистого треблаженный.

– Я не приближаюсь к новоначальным, когда они только вступают на путь добродетели, потому что благодать Господня мне не попускает мучить тех, кто подвизается с великой теплотой. Но после того, как по причине их собственного небрежения Божественная благодать отступает от них, я подхожу к ним и овладеваю ими как добычей, делая из них посмешище. Потому сначала я не ополчаюсь на них, но потом уже воюю на них безпрепятственно. А когда увижу, что они вновь стали ревностными и преуспевают духовно, тогда веду с ними еще большую брань, чтобы с помощью своих постоянных подвигов и добрых дел они не соединились с Божественной благодатью и не стали бы непобедимыми и неодолимыми.

С того дня инок освободился от бесовского досаждения, и завистливый бес более уже не мог воевать на него. Укрепленный молитвами священного Паисия, юноша богоугодно завершил свое подвижничество и сподобился доброй кончины.

– В то время, когда я, – продолжает свое повествование преподобный Иоанн, – в очередной раз отправился к божественному Паисию, к нему пришли несколько монахов, чтобы послушать его полезные наставления.

– Храните предания отцов, и более повеленного вам не делайте, – ответил им праведник.

Тогда иноки снова стали его просить:

– Скажи нам еще что-нибудь на пользу души.

Угадывая духовными очами их помышления, подвижник стал говорить каждому, о чем тот думал, и какие из мыслей были добрыми, а какие худыми, и отчего у них эти помыслы появились. Весьма дивясь этому, каждый из иноков наедине говорил мне:

– Отче Иоанне, поистине, все душевные наши страсти, о которых знает только Бог, преподобный открыл нам одну за одной.

– Поверьте мне, что все, о чем бы я ни думал, или чего бы ни делал наедине, старец не раз открывал мне во время наших встреч.

Следуя своей воле и исполняя свое желание, некий брат оставил пустыню и поселился близ одного города. Поскольку ему приходилось часто ходить в селение, чтобы продавать свое рукоделие, он встретил женщину-еврейку, которая сгорала от сатанинской любви к нему. При содействии демона, прельстившись своими помыслами, инок попал в сети к еврейке и пал. Но самым худшим было то, что он отрекся от христианской веры, принял иудейскую, и стал жить с той еврейкой; она так подействовала на него, что он скоро уподобился ей в нечестии. А эта трижды проклятая жена в такую погибельную пропасть ниспала и достигла такого безстыдства, что часто брала несчастного за голову, открывала

ему рот, и тонкой палочкой вычищала ему между зубами, чтобы не осталось и малейшей крошки от Святого Причащения Пречистых Тайн. О безбожие! Знаю, братия, какую вы испытываете печаль, слыша это, и какую сердечную боль. Я же дивлюсь великому долготерпению Божию. Однако скажу вам и то странное, что случилось с ним, дабы вы подивились безграничному человеколюбию Мiroдержца, которым Он удостаивает нас свыше.

Тот человек, который преслушанием был отлучен от христиан за свое нечестие, по прошествии времени был просвещен светом Божественного домостроительства, пришел в себя и раскаялся в содеянном. Некоторые монахи из обитавших в той же пустыне, где он раньше и сам жил, пойдя в город по своим нуждам, зашли в дом той коварной еврейки. Увидев их, он был уязвлен в самое сердце, вспомнив старое и священное братство иноков, после чего спросил, откуда они, как их зовут и зачем пришли в город. Братия отвечали, что они из Нитрийской пустыни, ученики божественного Паисия, а в город пришли по своим нуждам. Тогда согрешивший стал горячо упрашивать их, чтобы они попросили своего авву помолиться о нем Богу и умилоствовать Создателя своим славословием, чтобы избавить его, несчастного, от козней врага.

Монахи пообещали брату, что исполнят его просьбу и попросят Паисия стать ходатаем перед Спасителем. Когда они вернулись в пустыню, то открыли старцу все, что случилось с тем несчастным, передав его просьбу. Услышав эту историю, преподобный восстенал из глубины души:

– Увы, чада мои возлюбленные! Сколько великих мужей, упоминания о которых мы находим в Священном Писании, лишились из-за жен Божественной благодати, потому что нет у врага более удобного оружия для гибели мужей, чем женщина. Используя ее*, он привык побеждать великих мужей. Вы знаете, что с помощью женщины он победил

* Женщину. – Авт.

великого Давида, его предков и потомков. Поэтому мы всегда должны молить Творца, чтобы он избавил нас от ловушек демона.

После наставления, подвижник стал ходатайствовать за отпавшего:

– Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Бога и Отца, не попусти творению рук Твоих погибнуть до конца, но призри, Незлобивый, на него с Небесного Твоего жилища и прими молитвы, приносимые мной за того, кто вначале отрекся от Тебя, а сейчас снова пришел в себя и познал совершенное им зло. Молю Твою благодать, воззови его к покаянию.

Присноблаженный молился таким образом много дней подряд и просил Милосердного Бога помиловать Свое создание. Наконец Спаситель услышал его просьбу и, явившись праведнику, спросил, за кого он ходатайствует:

– Может быть служитель мой Паисий молится за того, кто отрекся от Меня и покинул Мой чин, пойдя вместе с супротивными мне? Тот, кто некогда был монахом, а теперь стал евреем?

– Да, Человеколюбче Господи, за него молюсь я, возлагая надежды на Твое милосердие. Ведь Ты всех и всегда призываешь к покаянию, и не хочешь смерти грешника, но ожидаешь его раскаяния, потому и дерзнул я умолять Твою благодать за него. Прошу Тебя, услыши раба Своего, буди милостив, и воззови заблудшую Твою овцу.

– Если ты хочешь, чтобы Я помиловал того беззаконника и отступника, и воззвал его к покаянию, то должен будешь согласиться, чтобы Я отобрал у тебя большинство наград и воздаяний, которые ты должен был получить за свои подвиги, и воздал Своим человеколюбием тому, кто достоин тысячи наказаний, – ответил пустыннику Христос.

– Да, Господи, я согласен с радостью, однако не знаю, есть ли у меня какое дело, угодное Тебе. Но, по Твоей благодати, через которую и я получаю благодеяния каждый день, излей на него милость Свою, ибо я скорее предпочту быть наказан-

ным за него, лишь бы он спасся, чем наслаждаться Твоими благодеяниями в то время, как он будет мучиться.

– Досточудны доброе твое желание и любовь к ближнему, Паисий, которыми ты уподобляешься Моей любви к людям. Поскольку ты рассудил лишиться подобающей тебе чести ради спасения грешника, то и сей чести ты не лишишься, и грешник будет спасен, согласно твоему прошению.

Через некоторое время, по причине Божественного гнева, та злая жена умерла, а Исаак (так звали падшего монаха) снова вернулся в пустыню. Наставленный великим Паисием, он вновь принял христианскую веру и стал с большой ревностью подвизаться в иноческом житии, провел остаток жизни в послушании, благочестии и добродетели и с миром упокоился о Господе. Тот инок по молитвам священного Паисия сподобился спасения, а мы, слушающие об удивительных чудесах преподобного, должны прославлять и величать Бога.

В монастыре блаженного жил один пресвитер, все время помышлявший о мирском. И когда другие иноки ходили к преподобному послушать полезные поучения, вместе с ними ходил и этот пресвитер. Но даже слушая из уст Паисия Божественные слова, он не получал от них никакой пользы, потому что не ставил перед собой доброй цели, сердце его было не управлено в путях Господних. Более того, пресвитер не только не получал пользы, но мирскими своими речами искажал слова преподобного и издевался над ними.

Негодую на него, прочие иноки пришли к одному боголюбивому старцу и стали жаловаться на этого священнослужителя. Тогда авва вместе с ними пошел к Паисию Великому, а за ними последовал и этот пресвитер. Зайдя к праведному, старец сказал:

– Знай, отче, что сей священник служит причиной вреда и соблазна для братии. Ты должен воспрепятствовать ему в этом и запрещением исправить.

– Давно я уже хотел сделать то, о чем ты мне говоришь, если бы был уверен, что он получит пользу. Ведь диавол уже

готов увлечь его в погибель, и если этот человек услышит от меня суровое слово, то оставит братство и уйдет в мир. Тогда я окажусь виновным в его гибели, потому что не смог потерпеть брата, на которого ополчился враг. Но мы должны попросить Бога избавить его от этой страсти, – ответил великий и помолился Творцу за пресвитера, и тотчас же изгнал из него беса безстыдства и своенравия.

Священник же в тот же момент был уязвлен желанием покаяния и, обличаемый совестью, сильно опечалился. Исповедуя прежние свои прегрешения больше слезами, чем словами, он просил прощения за все сотворенное и пообещал воздерживаться от зла и в будущем исправиться. С той поры он стал благочестивым и кротким, с благоговением слушал божественные слова преподобного и с радостью их исполнял. При содействии молитв блаженного Паисия и благодаря долготерпению Человеколюбца, он превзошел в добродетелях многих, став опытным отшельником.

Однажды, когда божественный молился в своей келье, к нему пришел Христос с двумя Ангелами, как некогда к патриарху Аврааму, и сказал:

– Радуйся, Паисие, ныне ты должен принять нас.

Подражая патриарху, Паисий охотно оказал прием и, не став заботиться о приготовлении пищи и питья, как тот, он принял Вездесущего чистыми помыслами. Затем, налив воды в умывальницу, он умыл, – о чудо! – по крайнему снисхождению Господа, пречистые Его ноги. Паисий прилежно заботился о приеме гостей, Спаситель показал ему Свою великую любовь. Поскольку же вымыть ноги гостям – это самое лучшее в гостеприимстве и наиболее угодное, а Паисий все исполнил, то Христос возвестил ему:

– Мир тебе, избранный Мой служитель, – после чего стал невидим.

Пламенея от Божественной любви и подражая Клеопе, ибо сердце его горело и сильно билось в груди, Паисий устремился к воде, которой омыл ноги Господа, и с сильным

желанием выпил ее, оставив немного ученику, бывшему в то время в Египте. Когда тот пришел, сильно уставший от пути, преподобный послал чадо к умывальнице выпить ту воду, что там осталась, дабы погасить жажду от знойного солнца.

Ученик отвечал, что исполнит его повеление. Однако в уме он стал упрекать старца в том, что он послал его пить не чистую воду из источника, а грязную, в которой мыли ноги. Пока послушник так рассуждал, подвижник снова отправил его к умывальнице, ученик отвечал: «Иду», а сам не пошел. Праведник велел ему и в третий раз выпить той воды, но он не послушался. Тогда Паисий сказал ему:

– Вот, чадо, ты получил награду за свое преслушание, лишившись Божественных милостей.

Услышав это, инок сильно опечалился и подбежал к умывальнице, но ничего там не обнаружил.

– Отче, в умывальнице нет воды, – обратился он тогда к авве.

– Да и как можно ее найти, когда ты показал себя недостойным. Ведь преслушание лишает ослушника Божественной милости, подобно тому как послушание является их виновником у послушного.

– А что это за великий дар был, которого я лишился, и как он исчез из умывальницы? – опечалившись, спросил ученик.

И преподобный рассказал ему обо всем, что с ним случилось, добавив и следующее:

– Поскольку ты упорствовал в преслушании и не согласился выпить воду, что было велено тебе сделать трижды, с Небес сошел Ангел Господень и, с благоговением взяв в руки священную ту воду, снова вознесся на Небо.

Тогда инок весь задрожал, затрепетал и пребыл долгое время безгласен. Затем, придя в себя, он стал сокрушаться и оплакивать свое несчастье, громко рыдая:

– Горе мне, несчастному, какое благо я потерял! Какой завистливый демон не дал мне насладиться им!

Сжалившись, старец утешал инок:

– Адам, чадо мое, лишился рая за преслушание, приобретя вместо вечной жизни смерть. Будучи недостоин той славы и райских благ, он был изгнан. Вот так и ты лишился благодати, которой мог бы насладиться, за то, что преслушался моей заповеди. Но поскольку ты так сильно печалишься и раскаиваешься, восстань от преслушания, послушайся и тепло умилостиви Бога, испросив у него для себя прощение, ибо Бог милосерден к кающимся и милует молящих Его.

После этих слов ученик немного успокоился, однако, вспомнив снова то зло, которое претерпел, он стал вновь сильно печалиться.

– Отче, я совсем безутешен от помыслов и, как только вспомню ту благодать, которую потерял, оплакиваю мое несчастье, не зная, что делать. Я погружаюсь своими помыслами в отчаяние. Позволь мне пойти к какому-нибудь опытному старцу, может, там я избавлюсь от печали.

Взяв немного хлеба, божественный Паисий дал его ученику.

– Возьми хлеб и ступай в город. Там, рядом с городской стеной, справа, найдешь одного нищего, сидящего на навозной куче, в которого дети швыряют камни и смеются. Отдай ему хлеб и услышишь то, что послужит тебе на пользу, – промолвил ему подвижник.

Найдя того Божия человека, послушник стал ждать, пока дети прекратят играть, чтобы подойти. Но тот, увидев его, обратился к нему:

– Подойди и дай мне благословение, то есть хлеб, который послал твой старец.

Ученик передал его бездомному, и нищий стал целовать сей хлеб.

– Как поживает Паисий? Я очень хотел узнать о нем. А ты, чадо, почему медлишь выполнять то, что он тебе говорит, и не подчиняешься его повелениям? Разве ты не знаешь, что именно за свое преслушание ты лишился того Божественного омовения и благодати, которую ты бы получил от него? Но мало того, ты не только не слушаешь совета своего ду-

ховника, но приходишь к другому! Ты похож на того, у кого в руках чистая и холодная вода, но он не пьет ее, а скитается повсюду в поисках воды, чтобы утолить жажду. Итак, ступай и слушайся Паисия Великого, ибо тот, кто не делает этого, не подчинится и повелениям Спасителя нашего Христа, — обратился к иноку нищий.

После этого ученик, славя Бога, вернулся в пустыню и с тех пор стал во всем безпрекословно слушаться повелений преподобного Паисия.

Прошло немного времени, и ученик тот, вспомнив о той благодати, которой лишился, стал оплакивать свою гибель и снова просить Паисия Великого позволить ему сходить к тому человеку, что сидел на навозной куче. Преподобный же не советовал ему ходить, но поскольку из-за беспокоивших его помыслов тот не слушался, старец сказал ему:

— Чадо, тот человек упокоился о Господе. Но так как я вижу, что ты возлагаешь свои надежды только на него и слушаешься его советов, позволяю тебе идти. Ступай в северную часть страны и найдешь огромную гробницу. Войди в нее, там погребены тела трех святых мужей, которые удостоились пророческих дарований. Предугадывая о своей кончине, они пришли к этой гробнице и легли там. Так вот, скажи тому, кто лежит посредине: «Силою Иисуса Христа, Который воскресил четверодневного Лазаря, раб Христов Паисий повелевает тебе воскреснуть и сказать мне то, что послужит к моей пользе».

После этих слов ученик с ревностью поспешил и, придя в северную область страны, нашел гробницу, зашел внутрь и сказал усопшему то, что велел ему старец. И — о чудо! — мертвец тотчас же воскрес и сказал:

— Почему ты не послушался меня, когда я советовал тебе подчиниться своему духовнику? Ступай, и без сомнения подчинишься ему, слушай его слова, если хочешь спастись, потому что тот, кто не слушает его слов, поистине противится заповедям Христа, — с этими словами покойник снова почил,

а инок, удивившись произошедшему, вернулся к священному Паисию.

С той поры помыслы его успокоились, и, совершенствуясь в добродетели, он стал стараться через послушание приобрести то, что потерял преслушанием.

Однажды пришли к Паисию Великому два родных брата. Они поселились в его монастыре и, проведя достаточное время в послушании, стали просить у святого позволения им жить уединенно в пустыне. Видя их ревность, он отпустил их. Уйдя на желанное безмолвие, братья много подвизались, отражая нападения врагов, но диавол через других монахов воздвиг на них брань. Содействием лукавого некий вор обокрал одного отшельника, и тот, желая найти нечестивца, услышал о каком-то старце, который обладал даром прозорливости и мог его указать. Когда он пришел к этому авве, на самом деле прозорливому не от Божественной благодати, а от бесовского действия, тот обратился к нему:

– Те двое монахов, которые поселились в этой пустыне, обокрали тебя. Не отпускай их, пока они не отдадут тебе твое.

После этих слов отшельник пошел к игумену Лавры, братьев схватили, с побоями привели в обитель и бросили в темницу, осудив на смерть за воровство, как злодеев. Узнав с помощью Божественной благодати об искушении, постигшем братьев, Паисий тотчас же пошел в Лавру. Все отцы вышли ему навстречу, среди которых был и тот обольщенный старец, считавшийся прозорливым. После того как все дали преподобному положенное целование, он спросил их:

– Братия, что вы сделали тем двум юношам, что ушли на безмолвие?

– Отче, они воры и за свой недостойный поступок были брошены в темницу.

– А кто вам сказал, что они воры?

– Вот этот прозорливец.

– Если бы дар пророчества у тебя был от Бога, а не от явного демонского обольщения, то не было бы видно беса при твоих устах, – обличил старца преподобный.

Эти слова внесли смуту, братья испугались, потому что речи священного Паисия были истинными и не подлежали никакому сомнению. Понося того монаха, отцы заставили его просить прощение за свой грех, а тот, испуганный, припал к священным стопам преподобного:

– Прости меня, отче святой, и помолись за меня, прельщенного.

Преподобный помолился за него Богу, и тотчас же из уст старца в образе свиньи, которая с яростью и гневом бросилась на присноблаженного, грозя растерзать клыками, вышел бес тщеславия. Но божественный запретил ему и отправил в преисподнюю. А тот, обольщенный прежде старец, стал обвинять самого себя, раскаялся, и, сильно оплакивая свое падение, молил преподобного, катаясь по земле, простить ему прошлые грехи, совершенные им в состоянии обольщения. Так же и другие монахи, которые через него были обольщены, обвиняя себя, сначала просили прощения, а потом, пригласив двух оклеветанных юношей, раскаялись в совершенном безчестии и просили прощения за причиненные им побои.

Сжалившись над ними, отец наш Паисий наставил их должным образом, а затем отвел в сторону начальствующего над монастырем и, не назвав вора, открыл ему место, где находились украденные вещи отшельника, после чего вернулся в пустыню.

Узнав, как Бог помогает людям через преподобного Павла, Паисий отправился к нему. Встретившись, они стали пребывать неразлучно, помогая друг другу, и были подобны крепостной стене. С радостью принимая блага безмолвия, каждый день они придумывали новые подвиги. Будучи уже старцем и сверстником божественного Павла, и имея весьма ревностную душу, священный Паисий говорил ему:

– Будем же всегда подвизаться и трудиться пока есть время, потому что на земле нельзя прекращать работать добродетели, иначе невозможно угодить Господу. Страшно и

стыдно будет нам, если час смертный застанет нас в небрежении.

– Вот я, о превосходнейший из отцов, последую твоему доброму совету, потому что, уповая на твои молитвы, верю, что Бог сподобит нас окончить эту жизнь, работая добродетели, – отвечал преподобный Павел, с радостью слушая совет Паисия Великого.

Итак, оба они были чудотворцами, опытными врачами душ и телес, моля Вседержителя о всех, и для всех будучи виновниками спасения.

Поскольку нам много пришлось бы рассказывать о божественном Павле, мы оставляем этот труд другому. Однако и о священном Паисии до нас дошло очень много непонятого. Кое-что из известного, дабы подвигнуть слушателей к подражанию им, есть и в нашем повествовании, но не хватит слов, чтобы в точности описать высокое жительство божественного Паисия, да и сам он, по крайнему смирению, не хотел открывать свои подвиги; он всегда говорил, что высшей добродетелью является та, которая сокрыта от людского глаза. Еще он говорил, что самая высокая из добродетелей есть следование совету других, а не своей собственной воле.

Преподобный и в то время, когда безмолвствовал, и когда общался с кем-то, всегда старался угождать Богу. В безмолвии он возлюбил восхождение к Богу, а в общении желал спасения других. Удивительным был образ жизни подвижника: даже пребывая в монастыре, он скрывал его от других. Когда его хотели прославить, Паисий Великий немедленно оставлял сотворенное и тут же принимался за другое дело, дабы похвалами не нанести вреда предыдущему. Ведь истине большую опасность представляют людские похвалы. Те же, кто гонятся за ними, мало от этого приобретают. Потому и Господь нам заповедует: *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая* (Мф. 6: 3).

А теперь настало время рассказать и о блаженной кончине преподобного.

Итак, сей воин Христов был призван Богом к Небесному блаженству когда достиг глубокой старости и, как светлая звезда, просиял всевозможными добродетелями. Тело его с честью было погребено, а дух взошел в вечную жизнь.

Прошло немного времени, и отошел ко господу и всепетый Павел, бывший из чина божественного Паисия. Однако не только души этих великих подвижников соединились на Небесах, но и сами тела, будучи положены в разных местах, через малое время соединились следующим образом. Вы же, читатели, должны быть очень внимательны, слушая этот рассказ, потому что он поведает вам об одном странном чуде.

Когда досточудный Паисий скончался, божественный Павел пошел во внутреннюю пустыню и через некоторое время там преставился, после чего был с честью и благоговейно погребен. Услышав о кончине Паисия Великого, отец наш Исидор на небольшом судне отправился туда, где лежали святые мощи преподобного. Взяв их со всякими почестями, он положил святыню в уготованную для них раку и пустился в обратный путь, желая обогатить ими свою родину Писсидию. Он проплыл уже значительное расстояние, когда достиг пустыни, где лежали мощи аввы Павла: недалеко от берега судно встало и не двигалось вперед, но, будучи как бы живым, само собой устремилось к земле. Бывшие на корабле в течение двух дней прилагали все усилия, чтобы заставить корабль плыть вперед. Поняв, что заминка исходит от Бога, и не зная, как быть, люди успокоились и бросили руль. Тогда судно, управляемое невидимой рукой, поплыло само и встало неподвижно у берега, чтобы принять груз. В этот момент к мореплавателям вышел известный отец той пустыни старец Иеремия.

— Люди, зачем вы противитесь чуду Божию, видя, что оно выше естества? Великий Паисий зовет своего друга, божественного Павла, желая, чтобы честные мощи того перенесли на корабль, так что выходите быстрее и ищите место упокоения сподвижника праведника.

Почтенный Исидор и бывшие с ним обошли всю пустыню в поисках мощей божественного Павла, а после того как нашли их, перенесли святыню на корабль. И – о чудо! – оба великих отца – Паисий и Павел – поистине были рулевыми, которые провели корабль по морю и избавляли от всех затруднений до тех пор, пока судно не достигло Писсидии.

Торжественное шествие, с псалмопением, возглавляемое великим Исидором, перенесло честные мощи святых в построенный им монастырь. И те, кого донимали бесы, и тот, кто страдал от других болезней, сразу же получали исцеление у раки преподобных. С тех пор Бог совершил через них столько чудес, что невозможно и перечислить. Я же, смиренный Иоанн, рассказал лишь малую их часть во славу Отца и Сына и Святаго Духа, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

*Написано преподобным отцом нашим
Иоанном Коловом*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
ОТЦА НАШЕГО MARTINA,
ЕПИСКОПА ГАЙПЬСКОГО,
ПРОСИЯВШЕГО В IV ВЕКЕ

Святой Мартин жил во времена Римских царей Грациана и Валентиниана и был искусным военным. В 381 году он был назначен на должность архистратига и ему подчинялось пятьдесят тысяч воинов. Однажды это многочисленное воинство отправилось в поход против варваров, которые начали войну с римлянами за овладение их областями. Когда Мартин со своим войском подошел к лагерю неприятеля, безчисленное множество врагов испугало римских легионеров. Пока Мартин пребывал в недоумении и скорби, не зная что делать, перед ним предстал некий нищий в рваной одежде и стал просить милостыню. Милосердный и милостивый архистратиг пожалел несчастного и ввел к себе в шатер. Там он отрезал кусок от своей хламиды (дорогой офицерской одежды) и одел нищего, потом дал ему хлеба, вина и денег для приобретения самого необходимого. В этот день, от сильной скорби и тяжелых дум, Мартин прилег отдохнуть без ужина. Во сне в образе того нищего, которому днем военачальник оказал милость, архистратигу явился Господь наш Иисус Христос, одетый в кусок его хламиды.

- Что ты так печален, Мартин? – спросил его Спаситель.
- Оттого что не могу противостоять такому множеству врагов, и не знаю, что делать, – отвечал воин.
- Мужайся, нисколько не печалься и не бойся врагов, ибо за то, что ты, увидев Меня обнаженным, одел меня, алчущего – напоил и жаждущего – накормил, Я воздам тебе и сохраню от врагов твоих. Когда они увидят лицо Мое, то

сильно испугаются, припадут к твоим ногам, и со многими обещаниями и подарками будут просить мира. Итак, с великой славой и почестями ты вернешься в Рим. Кроме того, всю твою жизнь Я буду помогать тебе, а после смерти удостою Царствия Моего, – ободрил Вседержитель военачальника, который тут же проснулся.

Утром Мартин приказал всем воинам вооружиться и выйти на битву, но они в страхе сказали ему, что не смогут противостоять такому множеству варваров.

– Я пойду на битву один, вы же оставайтесь здесь, а потом посмотрим, сможете ли вы спастись от врагов без руководства военачальника, – с гневом сказал им архистратиг.

Не ожидая такого ответа, воины упали в ноги своему начальнику и стали просить его перестать сердиться, потому что все войско готово идти за ним на верную смерть. Воины взяли оружие и вышли на битву. Но как только враги заметили их, то сильно испугались, потому что увидели вокруг римского войска вооруженных страшных великанов, восседавших на безчисленных колесницах и конях – это были чины Небесных Сил, которых послал Всевышний на помощь Мартину, чтобы, согласно Своему обещанию, охранять его от врагов. Варвары сразу же послали к архистратигу послов для заключения мира, но военачальник не соглашался. Тогда к нему, со многими дарами и обещаниями быть в подчинении у римлян, пришли другие послы. Они едва смогли убедить архистратига заключить мир и окончить военные действия. Подчинив варваров римской власти, Мартин с великой радостью вернулся в Рим, где его со славой и почестями, как победителя, встретили сами цари со множеством своих вельмож.

Поведав царям о своем видении и о славной победе, блаженный Мартин сказал:

– Ту страшную войну прекратил не я, но Иисус Христос – Непобедимая Сила христиан. Он обеспечил нам победу, поэтому прошу вас, позвольте мне остаток жизни провести, работая Богу, Который мне помог.

– Мы хотим, чтобы ты был с нами, и вознаградим тебя большим достоинством и почестями за твою победу, – опечалившись этой просьбой, цари попытались отговорить любимца.

– Разрешение уйти на безмолвие, заботиться о спасении своей души, будет для меня выше всяких наград и почестей, – был непреклонен Мартин.

Удивляясь его достохвальной и богоугодной цели, правители позволили поступить архистратигу по своему сердечному желанию. Присноблаженный раздал нищим все свое имущество и, отрекшись от мира, пришел в тихое место, где принял монашество. Дни напролет он изучал Священное Писание и через семь лет, благодаря упражнению в подвигах, достиг самых высоких добродетелей. По откровению Божию и против своей воли священный Мартин был рукоположен во епископа города Констанции Галльской.

Приняв тяжелую ношу епископства, святой, как истинный пастырь окормляя словесных овец Христовых на спасительных пажах заповедей Его и напоая их водами Божественного Его учения, стал для всех образцом добродетели. Мартину была дана от Бога благодать предсказывать будущее, воскрешать мертвых, изгонять бесов, творить знамения и чудеса, достойные удивления. Из них, для уверения в истинности многих других, мы расскажем только о некоторых.

Однажды преподобный шел по дороге и встретил погребальную процессию. Но один беззаконный клеветник не давал похоронить мертвеца, утверждая, что тот должен был ему триста золотых.

– Почему ты не даешь похоронить покойника, который, как я слышал, отдал тебе эти деньги с процентами? – спросил нечестивца блаженный.

– Ничего он мне не давал, потому что если бы он вернул свой долг, тогда я дал бы ему расписку, – настаивал на своем лгун.

– Владыка, он лжет, потому что деньги свои получил с процентами. Однако, желая нас оклеветать, он не отдал нам расписку, оправдываясь тем, что потерял ее, – возражала на эти слова вдова почившего.

– Ты получил свои деньги, а теперь позволь похоронить мертвеца, – попытался еще раз образумить Мартин потерявшего совесть человека, продолжавшего настаивать на своем. – А если мертвец воскреснет и докажет, что ты получил свои деньги, как быть с тобой?

– Если и воскреснет, как ты говоришь, то пусть я умру, а он живет.

Конечно, он сказал так, потому что не верил в воскресение мертвого.

– Не было нужды ни в том, чтобы мертвый воскресал, ни в том, чтобы ты, несчастный, сошел во ад, но поскольку ты сам, по своему безстыдству, предпочел жизни смерть и не даешь похоронить покойника, пусть будет, как ты хочешь, – ответил на эти речи владыка Мартин, подошел к мертвецу и помолился так:

– Господи Боже наш, Свидетель Истинный и Спаситель обидимых, Воскресение мертвых и Наставниче жизни, Един ведый глубины сердечныя и животворяй уповающим на Тя, повели во имя Твое святое и страшное воскреснуть сему мертвецу к познанию истины и обращению предстоящих, яко зряще дивная Твоя, прославили Тебя, Единого Истинного Бога нашего во веки. Аминь.

Затем, взяв мертвеца за правую руку, он слегка потянул его и – о чудо! – мертвый тотчас же воскрес, сел на носилках, увидел клеветника, стоявшего напротив него, и сказал:

– Ступай, злой человек, в темное место мучения, уготованное тебе за то, что ты беспокоил меня, добре почившего. Но праведный и святой Мартин своим молением к Богу взял меня оттуда, чтобы я обличил тебя за те деньги, которые тебе отдал, а ты не хотел отдавать мне расписку, ожидая моей смерти. Праведен Бог, воздающий каждому за дела его, и скоро отмщающий за обидимых.

С этими словами он встал с носилок и, подойдя к подвижнику, до земли ему поклонился, а клеветник, в тот же час упав на землю, испустил дух. Жена же его закричала:

– Горе мне! Какой страшный и горький обмен случился! Святый Божий, верни мне мужа живым, и я отдам и расписку, и триста золотых с процентами, и еще больше.

– Зря ты кричишь, женщина, ибо Сам Господь, Который воскресил этого, повелел тому умереть, как он же сам и захотел, – промолвил епископ, все же остальные прославили Бога.

В другой раз, проходя по городу, Мартин увидел некоего юношу, который повесился.

– Это зло случилось с ним от действия диавола, – сказал преподобный присутствующим и, обратившись на восток, стал долго молиться Всемогущему, а затем произнес:

– Душе нечистый и лукавый, подвигнувший юношу сего удавиться, во имя Господа нашего Иисуса Христа, явись пред всеми, чтобы тебя видели.

И тотчас явился бес в образе арапчонка, который держал в руках веревку. Глаза его сверкали огнем, губы были черны, зубы – белы, руки – длинные, ноги – кривы, а язык свисал изо рта, как у бешеной собаки.

– Душе нечистый и лукавый, какое твое занятие?

– Начальником моим, сатаной, я поставлен толкать людей на повешение.

– А зачем ты побудил этого юношу повеситься?

– Этот человек был раньше идолопоклонником, а потом стал христианином, но жил не по заповедям, а творил свою волю, нисколько не задумываясь о вечных муках. Он склонил свою выю под иго греха и, будучи уязвлен с головы до ног, потерял надежду на спасение. Тут я и нашел возможность толкнуть его, чтобы он удавился, и увлечь с собой на муку, поэтому и велик мой подвиг.

– Лукавый убийца, враг и обвинитель! Ты сам склонил его предаться во власть тьмы и на погибель, привел его в такое жалкое состояние, а сейчас обвиняешь? За это

повелевает тебе Иисус Христос через меня, смиренного, убираться на край вселенной и быть там до скончания века, а потом сойти вместе с приспешниками твоими во ад, уготованный для вас.

В ту же минуту демон стал невидим, а святой подошел к мертвецу и сотворил молитву:

– Господи Боже мой, имеяй безмерное сострадание и неизреченную пучину милосердия, не оставь творение рук Твоих, но, яко Благ и Человеколюбец, призри с высоты святыя Твоея, и воскреси сего мертвеца, да прославляется пресвятое имя Твое во веки веков. Аминь.

В сей же миг мертвец воскрес и, пав к ногам владыки **Мартина**, стал благодарить треблаженного за то, что по молитве святителя Господь не оставил его в ужасном и скорбном аду.

– Чадо, поскольку сей ночью ты вкусил адских мучений и видел то великое зло, которое производят в человеке дела неправды, достойно покайся, оплачь свои грехи, возгнушайся ими и отныне воздерживайся от них, – утешил подвижник спасенного, дал ему подходящее поучение и, наставив на дела покаяния, отпустил с миром.

Как-то раз святого **Мартина** позвали прийти в другой город и научить жителей спасению. Выйдя из своей епархии, он отправился в путь и по дороге нашел человека, которого умертвил дракон, обитавший в том месте.

– Это зло сотворил наш враг диавол, – произнес **Мартин**.

Поскольку в ту ночь досточудный видел во сне, как один страшный дракон вознесся до Небес, а он помолился Богу и низверг его на землю, то, оставив свой путь, **Мартин** пошел туда, где тот обитал. Увидев блаженного, дракон поднялся в воздух, став как свод, и открыл пасть, желая поглотить чудотворца. Но святой плюнул ему в морду, и – о чудо! – тот упал на землю и испустил дух.

– *На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона* (Пс. 90: 13), – наступив ему на голову, сказал

подвижник, потом подошел к мертвецу и, взяв за руку, помолился:

– Воскресый из мертвых Иисус Христос и животворяй мертвецов, да воскресит и тебя.

По совершении этого чуда, воскресший попросил святителя сделать его христианином, потому что он был идолопоклонником. Наставив его, Мартин крестил его во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а затем причастил Пречистых Тайн и, научив всему необходимому, отпустил.

Подвижник продолжил свой путь и по пути в назначенный город встретил нищего, который попросил у него милостыню. Владыка велел диакону, назначенному раздавать милостыню, отдать все деньги, которые у него были, но священнослужитель отдал страждущему только половину, а другую решил раздать другим нищим, остановившимся на ночлег у весьма богатой женщины-идолопоклонницы, дом которой находился близ дороги.

Увидев святого со спутниками, она с радостью приняла их и накрыла богатый стол. Но блаженный ни к чему не притронулся, а все время молился о спасении ее души. В полночь женщина пришла к преподобному и, упав ему в ноги, просила сделать ее христианкой, говоря, что видела во сне Некого Страшного Судию, восседавшего на высоком троне в окружении многих воинов. К Нему приводили множество связанных осужденных, и одних Он приказывал ввергнуть в огонь, других – жестоко мучить. Среди них, связанная и дрожащая, была и она, но один из воинов Судии подошел к ней и спросил:

– За что ты осуждена и связана?

– Не знаю, – ответила женщина.

– А что ты дашь мне, если я тебя освобожу? – спросил он.

– Все мое имение.

– Не нужно оно мне, но дай мне обещание, что станешь христианкой, и тогда я избавлю тебя от уз и от мук, которыми ты должна подвергнуться.

И женщина, во избежание наказания, пообещала и поклялась богом христиан принять Таинство Крещения. Только после этого она была освобождена от уз и отпущена.

– Поэтому прошу тебя, сделай меня христианкой и научи, как спастись, чтобы не попасть в руки Того Страшного Судии, Который судит праведно и не взирает ни на подарки, ни на лица.

Услышав просьбу, святой обрадовался и, наставив ее и всех домашних, крестил во имя Святой Троицы. Научив их всему, что было необходимо, он уже собрался уходить, но женщина стала просить принять от нее в дар золотой сосуд в четыре литры* и четыреста золотых. Чтобы не опечалить ее, и ради нищих, блаженный принял эти приношения, а затем, благословив, ушел. По дороге Мартин спросил диакона, сколько денег он дал нищему, повстречавшемуся им по дороге.

– Двести золотых, – ответил спутник.

– А сколько у тебя было?

– Четыреста.

– Маловер, что же ты не дал четыреста, как я велел тебе? Поэтому теперь ты получил от женщины четыреста золотых и четыре литры золота, а если бы ты отдал ему четыреста, то получил бы восемьсот монет и восемь литр золота. Своим преслушанием ты и женщине повредил, лишив ее четырехкратной награды, и себе.

Когда они, наконец, пришли в город, то слышали песни и музыку. Подвижник долго слушал, а затем с печалью промолвил:

– Видите, что делает диавол: он не хочет выглядеть жестоким, но всегда и во всем приятным, поэтому выдумывает обман, через который губит множество душ. С помощью мелодий, извлекаемых музыкальными инструментами, и песен он восхищает ум человека от памятования Бога. Многие оставляют духовные песнопения, и приходят слушать бесовские песни. Имея сладчайшие псалмы Давида, богодух-

* Литр или литра – мера веса, равная одному фунту или 0,4 кг. – *Пер.*

новенные слова пророков, апостолов и песнопевцев нашей Церкви, они оставляют это духовное вспомоществование и бегут, чтобы с помощью инструментов и песен исполнять волю диавола.

В это время мимо него проходила некая женщина, украшенная многими драгоценностями, благоухающая миром и ароматами. Она с великим безстыдством остановилась на дороге и, улыбаясь, жестами приглашала прохожих к распутству.

– Если эта блудница украшает себя как невеста, стремясь обольщать людей и увлекать их в погибель, чтобы понравиться диаволу, то насколько более мы должны украшать свои души добродетелями и хранить себя неоскверненными от всякого греха, чтобы понравиться нашему Жениху Иисусу Христу? Так мы удостоимся войти в Его вечные брачные чертоги и будем царствовать с Ним бесконечно, – в слезах проговорил святитель.

От этих слов та женщина пришла в умиление и, подойдя, пала к ногам Мартина.

– Господи, не отвращайся меня, жалкой и несчастной, не оставляй меня в тине моих беззаконий. Прошу тебя, недостойная и сей жизни, отягощенная бесконечным множеством грехов, осужденная на вечные адские горькие и жестокие муки, сжался надо мной, грешной и отчаявшейся, и спаси меня, – начала она молиться.

Подняв жену с земли, чудотворец наставил ее на верный путь и призвал никогда не отчаиваться, потому что милость Человеколюбца Бога безгранична.

– Я горячо попрошу Его о твоём спасении, ты же только покайся от всей души и от всего сердца. Обещаю тебе, что Многомилостивый Бог примет тебя, как Своего блудного сына, и как наш Врач исцелит все твои душевные язвы.

С того дня женщина не только отвратилась от своих грехов и возненавидела их, но вообще отреклась от мира, исповедала епископу Мартину свои грехи, раздала все свое имение

нищим, после чего закрылась в малой келье и стала оплакивать свои прежние беззакония.

– Какие источники и какие реки смогут омыть мои бесчисленные нечистоты? Какие рыдания и слезы могут умолить Праведного Судию Бога простить мне мои беззакония? – укоряла себя женщина.

От всего сердца она просила Всемогущего простить ей прежние грехи:

– Боже, милостив буди мне, грешной, и не погуби меня, Владыка, со беззакониями моими. Не сведи меня в глубины адские ради грехов моих, но, яко Благ и Человеколюбец, спаси меня пучиной милости Твоей, ибо Ты есть вземлющий грех мира.

И такое покаяние выказала блаженная Зоя (так звали эту женщину), что целых двенадцать лет непрестанно подвизалась со слезами в посте, лежании на голой земле, бдении, коленопреклонении и молитве, многих своим примером приведя ко спасению. Многомилостивый Господь даровал ей благодать исцелений, по предстательству преподобной Зои многие страждущие получили исцеления. Богоугодно пожив, она с радостью упокоилась о Господе.

А святой Мартин, пока находился в том городе, непрестанно сеял семена Божественного слова в иссушенные и озлобленные сердца горожан и при всем народе, и в частных беседах. Епископ собрал многие и великие плоды: грубых сделал мягкими, гневливых – кроткими, немилосердных – милостивыми, пьяниц и распутных – целомудренными, нечестивых – благочестивыми, невежественных научил Божественной грамоте, они стали стремиться посещать богослужения, и вообще всех грешников привел в покаяние и исправил. После этого, радуясь и благословляя Бога, он вернулся в свою епархию.

В один из дней, обходя город, святой увидел бедняка, которого сильно притесняли заимодавцы: он был должен им триста золотых. Сжалившись над ним, владыка попросил

заимодавцев немного подождать, после чего, подняв к Небу очи и воздвигнув руки, произнес:

– Господи, одождивший свыше манну в пустыне и сорок лет питавший народ Свой, и через апостола Твоего Петра извлекший изо рта рыбы статир, низпосли и ныне с высоты бедняку сему его долг во славу святого Твоего имени, яко Ты еси Бог Един, славный и дивный по всей вселенной, и Тебе подобает слава во веки. Аминь.

И – о чудо! – тотчас же с Небес слетела голубка и села на плечо треблаженного. Когда же он взял ее в руки, она превратилась в золотую. Преподобный отнес ее к золотых дел мастеру:

– Возьми ее в качестве залога, а мне дай триста золотых. Завтра я верну их тебе.

Удивившись, с каким искусством была сделана голубка, ювелир с великой радостью дал ему триста золотых, надеясь, что голубка так и останется у него. Взяв деньги, святой Мартин отдал их заимодавцам и освободил бедняка от долга. На другой день к подвижнику издалека пришли христиане, чтобы получить наставление в вере и дали ему много денег для раздачи милостыни. С радостью приняв христиан, епископ научил их слову Божию и наставил на путь спасения, после чего, благословив, отпустил в мире.

– Возьми, чадо, триста золотых и еще тридцать в придачу за то добро, что сделал для нас, а мне верни мой залог, – сказал он ювелиру.

Опечалившись, мастер взял деньги и отдал ему золотую голубку.

– Благодарю Тебя, Господи, что услышал моление мое, – обратился Мартин к Всевышнему, а затем отпустил голубку туда, где она жила. Когда голубка взлетела, ювелир упал к ногам достохвального и стал просить его принять триста тридцать золотых для нищих:

– Довольно мне и того, что я сподобился видеть это великое и странное чудо.

Приняв деньги, святой благословил его:

– Господь да помилует тебя, чадо, в день Судный.

После этого Мартин отправился в страну, где жили множество еллинов, чтобы научить их слову Божию и привести в познание Бога, но по дороге встретил еллина, который стоял над околевшим ослом:

– Напрасно христиане проповедуют воскресение мертвых. Как возможно, чтобы умерший человек, тело которого разложилось в земле, воскрес? – размышлял язычник.

– Друг, почему ты думаешь, что мертвые не могут воскреснуть? – обратился к нему присноблаженный.

– Как же возможно, чтобы воскресли те, кто умерли, разложились и стали прахом?

– У Бога все можно, и нет для Него ничего невозможного.

– Если ты воскресишь этого осла, тогда я поверю, что и мертвые воскреснут, потому что Тот, Кто воскресит это животное, может воскресить и мертвых.

– Бог не будет воскрешать безсловесных животных, потому что они не пойдут на Суд и не удостоятся воскресения, а воскресит только людей, чтобы судить их и потребовать ответа за их добрые или злые дела, и каждому воздать за них.

– А Кто Этот Бог, о Котором ты говоришь, что Он сделает все это?

– Иисус Христос, Сын Божий, Который был распят за спасение людей.

– А почему Он не отомстил тем, кто над Ним издевался?

– Не отомстил Он сразу потому, что ожидал их покаяния, по Своей крайней благости и долготерпению, но отомстит в будущем.

– Что толку многословить? Если ты воскресишь вот этого осла, то я поверю твоим словам.

Воздвигнув к небу руки, святой стал молиться такими словами:

– Господи Боже мой, Виновник спасения быв всем человекам, воскреси и сие животное для обращения и познания

этого человека, ибо посредством этого чуда он познает Твое всемогущество и уверует в Тебя.

Как только блаженный Мартин произнес эти слова, осел воскрес и зашагал. Увидев это странное чудо, еллин упал к ногам подвижника.

– Сейчас познал я, что Сей есть Бог Истинный и Всемогущий. Прошу тебя, раб Божий, покажи мне Его, чтобы я услышал Его голос и уверовал в Него.

– Слушающий нас, смиренных Его рабов, слышит Его, потому что Бог видим не телесными очами, но уразумеваем душевными, которые есть ум и помышление. Ты же, чадо, если хочешь увидеть Его, уверуй в Него, и тогда умными очами своими увидишь Его и будешь жить вечно.

– Прошу тебя, владыка, приди в нашу страну и наставь нас на путь истинный.

Мартин как раз этого и хотел, поэтому отправился в ту страну вместе с еллином и воскрешенным ослом. Слушая проповедуемое Мартином слово Божие и узнав, что преподобный воскресил осла во имя Иисуса Христа, идолопоклонники уверовали во Христа числом до тысячи мужей, не считая женщин и детей. Наставив их, святитель крестил их во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Он пребывал с ними долгое время и постоянно поучал их до тех пор, пока прочие идолопоклонники не пришли в умиление и не крестились вместе с женами и детьми во имя Святой Троицы. Епископ Мартин провел с ними беседы о смерти, воскресении, будущем Суде, муках, вечных благах Царствия Небесного, и вернулся в свои родные края.

Сотворил чудо Мартин и в свой смертный час. Это событие стало большой радостью и утешением для жителей всей епархии. Случилась в их местности сильная засуха, так что все пребывали в скорби и недоумении. Созвав свою паству, владыка дал людям много наставлений и призывал не отчаиваться.

– Не печальтесь, чада мои, по причине засухи. Завтра Господь пошлет вам такой дождь, какой желаете.

Затем, помолившись Богу и передав их под Его покров, святой преставился о Господе 10 ноября. Тогда собрались из близлежащих стран все епископы, священники, весь клир и христиане, устроили Всенощное бдение. На рассвете же, взяв тело Мартина, со свечами, фимиамом и псалмопениями вышли из города и погребли подвижника на расстоянии одной мили, в храме Мучеников. Когда же вернулись назад, то небо наполнилось тучами, начали сверкать молнии, и в той местности пролился такой сильный дождь, какой и обещал блаженный. С тех пор и доныне бывает на могиле его множество исцелений у тех, кто приступает к нему с верой во славу Бога, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
**ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА,
АРХИЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРИЙСКОГО,**
ПРОСИЯВШЕГО В IV ВЕКЕ

Великий учитель Церкви святитель Кирилл родился в Александрии и происходил из благочестивого и благородного рода. Он был племянником патриарха Александрийского Феофила. Кирилл получил блестящее образование и стал весьма искусен в философии. Будущий святитель всегда упражнялся не только во внешней премудрости, но и в духовной, любимым занятием преподобного было чтение и изучение Священного Писания, что и заставило блаженнейшего Феофила причислить племянника к церковному клиру и рукоположить в архидиакона.

По преставлении патриарха Феофила весь клир и паства единогласно приняли решение поставить предстоятелем божественного Кирилла. И как только он возглавил Патриарший престол, из Александрии были изгнаны все еретики и раскольники, называемые новацианами, считавшие себя подобно фарисеям чистыми и праведными. Как признак своей «чистой» жизни они носили белые одежды.

Новациане утверждали, что впадший в смертный грех после Крещения больше не является членом Церкви, совершенный грех может проститься ему только новым Крещением. Еретики не допускали второго брака, называя его блудом, зато крестили во второй раз тех, кто уже был однажды погружен в купель. Держась и прочих еретических мыслей, они были названы новацианами – по имени некоего Новата, начальника этого раскола. Когда-то, при царе Декие, этот

человек был священником и нес послушание в Риме. Он хотел стать папой Римским, однако, вопреки своему желанию и надежде, после мученической кончины папы Фабиана главой римских христиан был избран блаженный Корнилий.

Тогда гордец Новат откололся от Кафолической Церкви и начал враждовать с божественным Корнилием, который снова принимал в Церковь христиан, во дни гонения из-за страха перед мучениями отрекшихся от своей веры. В этом Корнилий подражал Самому Христу, Который после искреннего раскаяния восстановил Петра в апостольском чине. Гордец Новат осуждал папу Корнилия, называя его «общником» и «товарищем» идолопоклонников и, объединившись с единомышленниками, провозгласил себя вторым папой Римским.

Помимо выдворения из пределов Александрийской Православной Церкви раскольников вместе с их епископом Феопемптом, святитель Кирилл вел неустанную борьбу с языческими демонами. Неподалеку от Александрии находилось место, называемое Кановос, а рядом с ним – Мануфин, где издревле стоял жертвенник, служивший обиталищем бесов. Еще патриарх Феофил не раз хотел очистить это место, построив здесь монастырь для прославления Бога, но из-за множества преград и скорой кончины не смог воплотить свою мечту в жизнь. Заботу об этом принял на себя преемник Феофила, троблаженный Кирилл.

Однажды в тонком сне ему явился Ангел Господень и сказал, что бесы уйдут из Мануфина после перенесения туда честных мощей безсребреников Кира и Иоанна. И как только это повеление было исполнено, нечистые духи отступили, а бывшее капище стало источником исцелений. После того как святитель прогнал из Александрии бесов невидимых, он позаботился, чтобы изгнать отсюда и бесов видимых – христоненавистников евреев, облюбовавших старинный город еще во дни Александра Великого. С течением времени они сильно умножились и не переставали, по обычаю своего ро-

да, склонного к мятежам, тайно и явно замышлять злое против христиан. В силу своей непримиримой ненависти к Спасителю, они стали причиной множества волнений, мятежей, кровопролитий и убийств.

Позвав к себе начальников синагог, блаженнейший патриарх Кирилл посоветовал им удерживать свой народ от скверных поступков и образумиться, но те начали действовать с еще большей злобой. Так, в Александрии был прекрасный большой храм, называемый Александровым, поскольку был построен епископом Александром. Задумав перебить христиан, нечестивые евреи вооружились и однажды ночью стали с шумом бегать по улицам и кричать под окнами домов, где жили христиане, что горит храм Александра. Услышав крики, христиане тотчас же с поспешностью бросались тушить пожар, но как только человек выбегал на улицу, на него набрасывались злодеи и убивали – кого мечом, кого ножом, кого копьем... Многие горожане погибли во время этой резни.

Утром, узнав о случившемся, святитель Кирилл сильно опечалился, и призвал Ореста, епарха города, по закону судить евреев. Но тот, хотя и был сам христианином, из-за ненависти к преподобному помог евреям и скрыл убийц. Тогда, исполнившись Божественного гнева, предстоятель взял с собой множество христиан и сам прогнал евреев из Александрии, дома их разрушил, а синагогу закрыл. За совершенное самоуправство епарх разгневался на патриарха и стал творить зло родным и друзьям святителя. Например, велел принародно сорвать одежды с Иеракса, секретаря блаженнейшего, мужа известного и всеми уважаемого, и нещадно бить его.

С той поры между епархом и подвижником возник большой раздор и несогласие: святитель защищал христиан, а епарх – евреев. Оба они порознь написали царю Феодосию Младшему об этом деле и ждали, какой последует приказ. Между тем, в Александрии было и другое обстоятельство, ставшее причиной убийств и сильного возмущения.

Жила в городе Александрии дева-философ по имени Ипатия – благочестивая и добродетельная дочь философа Феоны. Епископ Киринский Синесий пишет, что своей премудростью она превосходила всех философов того времени. Она хранила чистоту девства, не желая выходить замуж, с одной стороны, преимущественно ради любви к Иисусу Христу, а с другой, чтобы спокойно предаваться чтению философских книг. Каждый день к ней в Александрию приходили из разных стран священники и вельможи; весь народ почитал ее и с любовью выслушивал душеполезные советы и наставления. Дева-философ хотела примирить патриарха с епархом и со смирением и кротостью приходила то к одному, то к другому. Своими разумными словами она убеждала обоих примириться, хотя святейший патриарх и ранее несколько раз искал мира с епархом, но тот, по своему злему нраву и злопамятству, не хотел ни о чем и слышать.

Однажды днем, когда дева-философ возвращалась на колеснице домой, какие-то мятежники, не желавшие мира между епархом и святителем, неожиданно набросились на нее, стащили с колесницы и, разодрав одежды, стали немилосердно избивать, пока не убили, но даже этим они не насытили свою злобу. Какое безчеловечие и зверская жестокость! Бросившись на тело девы, они разрубили его на куски и сожгли в местечке, называемом Кинарос.

Узнав об этой трагедии и несчастье, все александрийцы сильно опечалились, а живущие на Нитрийской горе монахи, исполнившись ревности, спустились в Александрию, чтобы помочь и защитить своего предстоятеля. Их было около пятисот человек. Случайно по дороге встретив епарха, восседавшего на колеснице, они начали шуметь, понося его и называя идолопоклонником – прежде он был еллином и незадолго до того принял Крещение в Константинополе. Один наиболее раздраженный монах, отец Аммоний, бросил в епарха камень и попал в голову. Собравшийся народ оттащил иноков от епарха. Подозревая, что это святитель напра-

вил против него монахов, эпарх воспылил гневом и подверг Аммония таким жестоким пыткам, что тот умер. Узнав об этом происшествии, Кирилл опечалился и послал за телом инока, которого с почестями предал погребению.

Эти события придали смелости евреям. Они построили себе новую синагогу, а затем, для надругательства и посрамления Спасителя и христиан, дерзнули совершить следующее незаконное деяние: соорудили длинный крест, поймали ребенка-христианина и, обнажив его, распяли на нем, но не с помощью гвоздей, а с помощью тонких прутьев. Надругавшись над ним, они плевали ему в лицо и глумились, так же как и их отцы издевались над Господом, и так сильно избили его, что ребенок умер. Так то благословенное дитя стало причастником и подражателем Иисусовых Страстей.

Божественный Кирилл сообщил царю об этом нападении и злочестии, и правитель, хотя и с промедлением, вынес справедливый суд. Он приказал жестоко наказать еврейских начальников, а эпарха Ореста лишил должности. После прекращения возмущений и соблазнов, святитель стал прилежно и богоугодно пасти свое словесное стадо, до определенного времени наслаждаясь миром. Следующим испытанием для александрийских христиан и всей Церкви стала богохульная ересь нечестивого Нестория, который стал Константинопольским патриархом после Сисиния. Вначале своего патриаршества он ничего противного вере не проповедовал и внешне казался благочестивым. Но в душе этот несчастный был еретиком, называя Владыку Христа только «Высоким Человеком», а не Богом, Госпожу же Богородицу – не Богородицей, а «Христородицей».

Первыми начали сеять эту ересь, как терние посреди пшеницы, единомысленные Несторию жившие вместе с ним епископ Дорофей и пресвитер Анастасий. Однажды, поучая народ в кафедральном соборе Константинополя, Дорофей произнес такое хульное слово: «Кто назовет Марию Богородицей, да будет анафема». А Анастасий во время своей

проповеди сказал: «Пусть никто не называет Марию Богородицей, потому что Мария была человеком и женщиной. А как может родиться Бог из человеческого тела?» Когда народ услышал эти богохульные слова, то стал возмущаться, и со своими недоумениями они пришли к патриарху Несторию. Тогда этот скверный, единомысленный иудеям, не смог уже более таить в своем сердце еретический яд, и открыто изbleвал против Христа и Богоматери такие богохульства: «Я не называю Богом Того, Кто был зачат во чреве Жены, и ожидал дни и месяцы, пока не родился. И Ту Женщину, что родила плотского Человека из собственного естества, не называю Богородицей».

С той поры начались споры и разделения в народе, потому что одни противились ереси Нестория и отвергались ее, другие же имели с ним общение и соглашались с его нечестием. Но эти разделения случились не только в Константинополе, но почти по всей вселенной, поскольку Несторий вместе со своими последователями записал свою ересь в книги, которые распространял повсюду, даже в пустынях, где обитали монахи. И стольких клириков, иноков и мирян увлек в это заблуждение, что, как прежде Арий разодрал свыше тканый хитон Христов, так и Несторий разделил всю полноту Церкви на многие части.

Узнав обо всем, святитель Кирилл Александрийский сильно опечалился и как верный раб Христа и Божией Матери вооружился на брань за Их честь. Как истинный пастырь, он приготовился выгнать мысленного волка из загона словесных овец. Сначала предстоятель Александрийской Церкви написал Несторию письмо с назиданием, в котором с братской любовью советовал отречься от этих еретических мнений и, обратившись к благочестию, исправить тех, кого сам же увлек в нечестие. Однако, получив письмо трблженного, нечестивый Несторий не только не исправился, но стал еще хуже, и старался еще больше распространить свое ложное учение, а противящихся его заблуждению клириков

и монахов мучил различными способами. Он сильно разгневался на божественного Кирилла и клеветал на него перед всем народом.

Когда святитель Кирилл увидел, что Несторий не исправляется, он написал к нему другое, уже более суровое письмо, в котором обличал его ересь; так же преподобный обратился с письмами к Константинопольскому клиру, к царю, а затем к папе Целестину и другим патриархам. Подобным же образом Кирилл написал в разные города и страны к епископам, правителям и архонтам, ко многим отшельникам и прочим монахам. Александрийский первоиерарх доказывал на основе Священного Писания, насколько страшным и душевредным было заблуждение Нестория, побуждал всех беречься от этой ереси, как от смертоносного яда.

Наконец, поскольку день ото дня ересь Нестория умножалась и уже многие епископы совратились в нее, благочестивый царь Феодосий, желая утишить соблазны и очистить Церковь Христову и пшеницу веры от шипов и терний несториева заблуждения, повелел в 431 году собрать в Ефесе Третий Вселенский Собор, на который со всей вселенной собралось более двухсот епископов, а те, которые по причине каких-то препятствий не смогли прийти сами, прислали вместо себя своих представителей.

Римского папу Целестина представлял на Соборе патриарх Александрийский Кирилл – он был первым руководителем (вторым – Иувеналий Иерусалимский, третьим – Мемнон Ефесский). Блаженный вместе с другими отцами проповедовал и учил, что Господь наш Иисус Христос – Един по ипостаси, и Один и Тот же – Совершенный Бог и Совершенный Человек, а не один и другой. А Пречистая Дева, родившая Сего по плоти, – Госпожа и воистину Богородица. И была у всех православных великая радость, и весь народ города Ефеса торжественно рукоплескал и говорил не как раньше: *велика Артемида Ефесская!* (Деян. 19: 28), а «велика Пречистая Дева Мария, Богородица!».

Скверного же Нестория, как богохульного еретика, отцы Собора анафематствовали и извергли из сана, но поскольку тот не успокоился, а снова стал проповедовать свою ересь, сначала сослали в Фас, близ Феофани, а затем в египетский оазис, по-турецки называемый Ибис. Находясь там, нечестивый познал на себе Божественный гнев, потому что, как пишет Евагрий, у раскольника сгнил богохульный язык и был съеден червями; так же, как утверждают Кедрин и Никифор, и все тело его сгнило. Несчастный, подобно Арию, в верхней Фиваиде подвергся страшной смерти: Ангел Господень поразил его, и все его внутренности выпали в сосуд с нечистотами, когда он пошел по нужде и начал хулить Христа и Богородицу. Там, как рассказывает святой Герман Константинопольский, злой и испустил свой дух. Вот такому безчестию и наказаниям подвергся иудеомудренный еретик Несторий.

Святитель Кирилл получил от Третьего Вселенского Собора большие почести и привилегии. Чудный Иоанн Зонара в хвалебном слове, посвященном этому подвижнику, описывает следующие награды: отцы Третьего Собора даровали божественному праву называться «Судией вселенной» и во время богослужения носить на голове тонкую ткань в виде плат.

Наименование «Судия вселенной» указывает на дивный вселенский суд, произведенный предстоятелем Александрийской Церкви, который Православием объединил всю вселенную, разделенную на множество частей ересью Нестория.

Тонкий плат же означает тонкость ума преподобного, ибо он составил учение об ипостасном единении Христа. С помощью этого термина представляется одновременно и одно Лицо во Христе, и две Его природы.

Кроме того, божественный Кирилл был назван и «папой». Возможно, это произошло из-за того, что он замещал на Соборе папу Целестина. Другие же по-иному толкуют выше-

указанные привилегии*, ведь все патриархи Александрийские, преемники святого Кирилла, удержали наименование «Папы» и «Судии вселенной», а также право носить две короны и две епитрахили, возможно, указывая на ту тонкую ткань, дарованную Синодом**.

Известно, что перед созывом вышеуказанного Собора, призванном укрепить православную веру, присноблаженный понес множество трудов, искушений, подвергся незаконной клевете и нападениям со стороны еретиков, единомысленных Несторию. Заручившись помощью мирских правителей, они составили свое собственное совещание и ложно провозгласили святителя Кирилла еретиком, подобно Апполинарию, который отрицал истинное человечество во Христе и считал Его лишь Божеством. Клеветнические письма возбудили гнев царя против подвижника, он вместе с Мемноном Ефесским был посажен в темницу и закован в железо. Детально изучив дело и узнав о ложных обвинениях еретиков и о невинности святого, царь смирил еретиков ссылкой, а блаженнейшего вместе с единомысленными ему укрепил на их первосвятительских престолах, похвалами убажывая их терпение и кротость.

Чтобы понять, насколько ненавистна была Божией Матери богохульная ересь Нестория, против которой так подвизался святитель Кирилл, в качестве отступления приведем

* Великий Логофет Епифаний повествует, что когда патриарх Сергей отлучил царя Василия Македонянина за убийство болгар, царь ударил его по лицу, за что патриарх тут же стал ругать и поносить царя. Оказавшегося в Константинополе патриарха Александрийского Феофила пригласили их рассудить. Он сделал из воска две статуи и поставил их напротив друг друга; ничего не говоря, он одной из них вырвал язык, а другой – правую руку. По этой причине с тех пор Александрийский патриарх получил название «Судия вселенной», как примиривший двух лиц вселенского значения (см у Дорофея, кн. 7, гл. 19, параграф 9. Двенадцатикнижие). Ты же более верь комментарию Зонары.

** Эти две короны патриарха Александрийского – не две отдельные, но одна, образуемая двумя вершинами. Точно так же и епитрахиль – не две целых, а одна. Поскольку же от половины и ниже она разделяется надвое, то и кажется как будто их две.

здесь историю, о которой повествуют отцы «Луга духовного» – Софроний и Иоанн. Как-то они пошли к авве Кириаку, пресвитеру Каламонской Лавры, что на Иордане, и преподобный поведал им следующее.

– Однажды во сне я увидел Госпожу Богородицу со светлым лицом, одетую в порфиру, в сопровождении двух богословных мужей, Которая стояла у моей кельи. Я узнал, что это была Владычица, Матерь Божия, а двое мужей с ней – святые Иоанн Креститель и Иоанн Богослов. Тогда я вышел из кельи и, поклонившись Пречистой Деве Марии, стал просить войти и благословить мою келью, но Она никак не соглашалась.

– Да не возвратится раб Твой, Владычица, постыженный и поруганный от Тебя, – умолял я Заступницу усердную.

– У тебя в келье Мой враг, как же ты просишь Меня войти? – ответила мне Богородица и стала невидима.

Проснувшись, я начал плакать и скорбеть, но поскольку никого другого в моей келье не было, то задумался, не погрешил ли я чем в мыслях против Пречистой, за что Она и отвратилась от меня. Однако ничего не находил, и продолжал пребывать в недоумении и скорби. Чтобы утешиться, я стал читать книгу Исихия, пресвитера Иерусалимского, которую некоторое время назад попросил у него. В конце этой книги я обнаружил два богохульных слова нечестивого Нестория. Вот тогда я понял, что он и есть враг Богородицы, который был в моей келье.

– Брат, возьми свою книгу, ибо я получил от нее больше вреда, чем пользы, – сказал я отцу Исихию. Когда тот узнал причину, ибо я рассказал ему о видении, он исполнился Божественной ревности и в тот же час вырвал из книги те два богохульных слова и сжег их, чтобы и в его келье не было врага Владычицы нашей Богородицы.

«Только одному Богу свойственно быть безгрешным и свободным от всякой страсти», – пишет Григорий Богослов в надгробном слове Василию Великому, поэтому мы не

должны замалчивать здесь о грехе великого Кирилла Александрийского. Угодники Божии, какими бы святыми они не были, как и все люди подвержены человеческой немощи и каким-то небольшим страстям. Свою страсть святитель исправил удивительным образом.

Поскольку великий Кирилл был племянником патриарха Феофила, врага Иоанна Златоуста, он поверил в истинность ложных обвинений против святителя не по злобе, но по простоте: *незлобивый муж... верит всякому слову* (Притч. 14:15)* и у него сложилось недоброе предубеждение против божественного отца нашего Златоуста. Он гневался на него не только при жизни архипастыря, но и после его смерти, и не хотел, как это обычно принято, поминать в диптихах среди прочих благочестивых патриархов блаженного Иоанна.

Следующий после Арсакия предстоятель Константинопольской Церкви Атик написал Кириллу, что он и сам был врагом Златоуста, но потом, размышляя, понял, что тот святой муж был невиновен, поэтому раскаялся, сопричислил святителя со святыми, неукоснительно стал поминать почившего, и по-братски советовал Папе и патриарху Александрийскому поступить таким же образом. Но божественный не послушался его, видимо, не желая осудить бывший при Феофиле Собор против Златоуста. Затем обратился к подвижнику и святой Исидор Пелусит – его родственник и старший по возрасту. Он дерзновенно и с великой смелостью обличал Кирилла за несправедливый и неразумный гнев на несогрешившего Иоанна Златоуста. «Не должно осуждать человека, – писал Пелусит, – прежде чем подробно не исследована его вина и прегрешение, ведь и Бог, Который хотя все знает прежде, чем это совершится, и предвидит будущее как настоящее, согласно Священному Писанию, сошел с Неба в города Содомские посмотреть, правда ли, что содомиты согрешили, или нет: *воплъ Содомский и Гоморрский, велик*

* Перевод дан по греческому тексту LXX. В русском переводе вместо «незлобивый» стоит «глупый». – *Пер.*

он, и грех их, тяжел он весьма; сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю (Быт. 18: 20-21). Все это сделал Господь, дабы показать нам пример: не стоит сразу же верить словам обвинителей, но вначале нужно самим изучить все обстоятельства и проверить слухи».

— Вот так и ты, — говорил он божественному Кириллу, — должен сначала думать, а потом, если найдешь разумное основание для гнева, гневаться, потому что многие из тех, кто был с тобой на Соборе в Ефесе, открыто обвиняют тебя, что ты несправедливо выступаешь против невинного Иоанна, и что, будучи родственником Феофила, во всем ему подражаешь. И как он всенародно показал свое безумие, прогнав с престола несогрешившего, святого и возлюбленного Богом Иоанна, так поступаешь и ты, обвиняя и клеветая на гонимого, хотя тот уже умер. Примеры из Священного Писания устрашают меня и побуждают писать к тебе. Если я для тебя отец, как ты сам называешь меня, то боюсь я осуждения, которое принял священник Илий при Ветхом Законе, за то, что не вразумил согрешивших сыновей своих, как должно. Если же я твой сын, что я и сам знаю, то боюсь, как бы не настигло меня наказание Ионафана, сына Саулова, который мог помешать отцу своему, обращавшемуся к волшебнице, но не удержал его от греха. Потому тот и был убит первым на войне. Итак, чтобы не быть осужденным и мне, я говорю тебе то, что служит к твоей пользе, чтобы и ты не был обличен Нелицеприятным и Праведным Судией. Послушай меня, отложи гнев свой против покойного, и не смущай Церковь живых, вызывая в ней волнения, — увещавал святителя Исидор. — Ты спрашиваешь меня, за что и как был сослан Иоанн? Но я не буду тебе отвечать подробно, чтобы не оказаться поносящим и осуждающим других, а скажу лишь, что многие беззаконники несправедливо выместили на нем свою злобу. Я кратко поведаю тебе о Египте. Египет отрекся от Моисея и работал фараону. Смиранных он бичевал, израильтян, которые трудились, мучил. Они строили ему горо-

да, а он не давал рабочим плату. Предаваясь таким делам, Египет взрастил Феофила, который почитал золото, как бога. Он с единомысленными ему возненавидел и преследовал возлюбленного Божия и богопроповедника Иоанна. Но дом Давида, как ты и сам видишь, все больше ширится и укрепляется, а дом Саула уменьшается и хиреет, – обращался Пелусит к первоиерарху Александрийских христиан.

Благодаря таким посланиям божественный Кирилл начал сознавать свой грех и исправляться. Однако до конца он ясно осознал и загладил его после видения, в котором он находился в прекрасном, исполненном неизреченной радости месте, где пребывали Авраам, Исаак, Иаков и другие дивные и славные ветхо- и новозаветные мужи. Когда же блаженный вошел в светлый храм, наполненный народом, то увидел молящуюся и сияющую неизреченной славой Госпожу Богородицу, окруженную сонмом Ангелов. Возле Богоматери в великом почете стоял Иоанн Златоуст и держал в руках Книгу своих поучений. Вместе с ним находились многие славные мужи, готовые к мщению за оклеветанного архипастыря. Когда же великий Кирилл захотел поклониться Приснодеве Марии, святой Иоанн со своей стражей с гневом набросились на него и не только помешали подойти к Богородице, но совсем выгнали из храма.

В то время, пока предстоятель Александрийской Церкви стоял в ужасе, размышляя о случившемся, раздался голос Божией Матери. Царица Небесная просила Иоанна Златоуста не прогонять Кирилла Александрийского из храма, потому что он не от злобы, но по неведению имел против него недоброе предубеждение:

– По любви ко Мне прости его, ибо он много подвизался ради Моей чести, посрабив ругателя Моего Нестория, и провозгласил людям, что Я Богородица.

После этих слов Златоуст сразу успокоился и, обняв святого Кирилла, дружески облобызал его. Так, при посредничестве Пречистой, в видении двое святых между собой примирились.

Проснувшись и тщательно поразмыслив, треблаженный раскаялся и стал обвинять себя, что так долго был подвержен суетной и безрассудной страсти по отношению к столь угодному Богу святому мужу. Тотчас же он собрал всех епископов Египта и устроил великое торжество в честь Златоуста. Он внес его имя в диптихи и стал поминать среди великих святых, каждый год ублажая его память похвальными словами. Кирилл написал первое житие Иоанна, которое легло в основу жития святителя Иоанна Златоуста, составленного Георгием Александрийцем.

С той поры оставшееся время жизни божественный Кирилл пас свое словесное стадо на пажитях живоносных, всегда вел верующих по пути спасения, премудро избавляя заблудших от диавольской прелести. Для доказательства его искусства приведем следующий рассказ в сладость слушателям, и этим окончим повествование.

Авва Даниил рассказывает в “Отечнике”, что в Нижнем Египте жил один преподобный старец. Он был праведен, но довольно прост и даже груб умом. Так, он думал и говорил, что Мелхиседек есть Сын Божий. Об этом донесли святому Кириллу. Папа и патриарх Александрийский пригласил к себе инока, и узнав, что он совершает знамения, чудеса, и все, чего ни попросит от Бога, Тот ему открывает, воспользовался своей мудростью, кротко сказав старцу:

– Авва, меня одолевают сомнения. Один помысел мне говорит, что Мелхиседек – Сын Божий, а другой – что он простой человек и архиерей Божий. Потому я и позвал тебя, попроси Бога, чтобы Он открыл тебе истину, а ты скажешь мне.

– Дай мне, Владыка, на это три дня, и что мне откроет Бог, то я и скажу твоей святости, – с дерзновением отвечал авва, уповая на святость своего жительства.

Монах ушел и, затворившись в своей келье на три дня, стал горячо молить Господа открыть ему о Мелхиседеке.

– Владыка, Мелхиседек – простой человек, а не Сын Божий, – провозгласил старец по окончании положенного срока.

– Откуда ты это знаешь?, – поинтересовался великий Кирилл.

– Бог показал мне всех патриархов от Адама до Мелхиседека, которые прошли передо мной, и когда проходил Мелхиседек, Ангел Господень сказал мне: «Видишь, вот Мелхиседек». Итак, Владыка, я узнал, что так оно и есть.

Тогда, возблагодарив Господа, святитель весьма обрадовался, что избавил старца от заблуждения и отпустил его в мире. С того дня авва стал проповедовать всем, что Мелхиседек – простой человек, а не Сын Божий. Вот так с помощью своей мудрости присноблаженный, прославившийся борьбой за чистоту Православного учения, привел простеца к познанию истины.

Пробыв на Александрийском престоле тридцать два года, святитель Кирилл составил для православных много душеполезных книг, из которых наиболее известными являются «Сокровища» и его Толкования на Ветхий Завет. Его память празднуется 9 июня – в день преставления ко Господу, а также 18 января, когда вспоминается день его прибытия* из Александрии в Ефес. Это бегство святителя посчитали достойным празднования, потому что оно послужило причиной множества благ для Церкви Христовой, ведь благодаря ему был созван Третий Вселенский Собор, осуждена ересь богохульного Нестория и по вселенной проповедана православная вера. Об этом свидетельствуют и другие исторические документы, в которых под датой 18 января написаны следующие стихи:

Бегства Кириллова ныне память совершается,
А не кончины присноблаженного действо.

Если же в печатных Минеях мы встречаем вместо «бегства» «молчание»**, это является типографской опечаткой,

* Дословно в тексте стоит «бегство». – *Пер.*

** По-гречески, соответственно, σιγή вместо φυγή – *Пер.*

ведь и в рукописях Синаксаря под датой 9 июня стоит подпись:

Умер Кирилл, Александрии Папа,
Ко Господу переселился всех господ.
Обрелся во гробе земном Кирилл в девятый день».

При кончине великого Кирилла Александрийского присутствовала Сама Госпожа и Владычица Богородица. Богомать посетила Своего раба, потому что и он при жизни Ей верно работал, подвизаясь за Ее честь. А сейчас он пребывает на Небесах и сорадуется с ликами Ангелов, патриархов, пророков, апостолов, иерархов и со всеми святыми. Со своим возлюбленным другом, божественным Иоанном Златоустом, он стоит у Престола Христа Бога и Его Пречистой Матери, Которых защищал и за Которых пострадал. Он непрестанно просит Всесвятую и Единосущную Троицу за всех христиан, чтобы и они сподобились Царствия Небесного, чего да достигнем все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*Из творений Никифора, Созомена
и других церковных историков*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
**ПРЕПОДОБНОГО АНДРОНИКА
И ЖЕНЫ ЕГО АФАНАСИИ,**
ПОДВИЗАВШИХСЯ В V ВЕКЕ

Сей преподобный отец наш Андроник происходил родом из Великой Антиохии. Он был весьма добродетелен, богобоязнен и богат не только мирскими благами, ибо вся округа его знала как серебряных дел мастера, но и духовными. Он взял себе такую же скромную и боголюбивую жену по имени Афанасия. Посоветовавшись, они решили разделить свое богатство на три части, и из одной щедро давали нищим, из другой – займы без процентов всем нуждавшимся, а третью оставляли себе на жизнь. Родив двоих детей, мальчика и девочку, они более уже не хотели соединяться друг с другом, но проводили жизнь целомудренную и всегда по возможности заботились о спасении. Они часто молились, ходили на церковные богослужения, посещали больных, заботились о странниках, одевали нагих, освобождали из темниц заключенных и совершали другие добрые и богоугодные дела.

После двенадцати лет совместной жизни, их дети, будучи в том возрасте, когда родители не могли нарадоваться на них, вдруг умерли в один день. Блаженный Андроник не выказал при этом никакого малодушия, не рыдал безчинно, как в таких случаях обычно поступает большинство, но, умеренно поскорбев, как и полагается по законам естества, перенес эту напасть, восклицая блаженным гласом Иова: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь* (Иов 1: 21). А супруга его Афанасия скорбела по детям неутешно, и после погребения их близ церкви святого мученика Юлиана не хотела отходить от могилы, говоря, что тоже хочет умереть и быть погребенной вместе со своими детьми.

Чтобы утешить Андроника, его взял к себе в Патриархию патриарх, а Афанасия, в скорби, не могла отойти от того места и оставалась вблизи церкви святого мученика Юлиана, плача и рыдая со многими воздыханиями и воплями. И вот, посреди ночи, в образе монаха ей явился мученик Юлиан и спросил:

– Женщина, что ты плачешь и не даешь покоя тем, кто здесь находится?

И отвечала она ему:

– Господин мой, не сердись на рабу свою. Сердце мое сильно болит, потому что было у меня двое детей, а ныне я их похоронила, вот и плачу сейчас.

– Не плачь о детях своих. Уверяю тебя, что как тело нуждается в пище и не успокоится, пока не дать ему еды, так и дети твои малые, которые умерли, просят у Бога Небесных благ, говоря: «Господи, Праведный Судия, вместо земных благ, которых мы лишились, дай нам Небесные». И невозможно, чтобы Бог не дал им.

Услышав это, Афанасия пришла в себя и, умилившись, переменила печаль на радость, сказав:

– Дети мои живы, и радуются Небесным благам, тогда зачем же я плачу и скорблю?

Она обернулась, ища монаха, который с ней говорил, но, обыскав весь храм, никого не нашла. Тогда женщина обратилась к служке с вопросом:

– Где тот монах, который сейчас зашел сюда?

– Видишь, все двери храма закрыты. Как же ты спрашиваешь, где монах?

Однако служка понял, что женщине было видение. Афанасия, уstraшенная, пошла домой и обо всем рассказала мужу, а затем стала проситься в монастырь. Блаженный Андроник с радостью воспринял ее слова, потому что и сам желал того же, в чем и признался ей. И так оба решили отречься от мира и стать монахами.

Андроник немедленно раздал большую часть их имущества нищим и отпустил на свободу всех рабов. Оставшуюся часть имущества он оставил своему тестю, велел устроить на эти де-

ныги больницы и гостиницы, и они, взяв немного средств на дорогу, ночью покинули дом. Взглянув издали на дом, блаженная Афанасия возвела очи свои к Небу и произнесла: «Господи Боже мой, Ты, рекший Авраму и Саре: *пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего... в землю, которую Я укажу тебе* (Быт. 12: 1), веди и нас в страхе Твоем, ибо и мы оставили дом свой ради имени Твоего. Молим тебя, не затворяй нам двери Царствия Твоего». Они заплакали и ушли из своего родного города. Придя в Иерусалим и поклонившись святым местам, они встретили святых отцов и беседовали с ними много дней. Уйдя оттуда, они пришли в Мисире к известному авве Даниилу и поведали ему о своем намерении, прося привести их на путь спасения.

Авва Даниил поместил Афанасию в женский Тавенисиотский монастырь, а Андроника удержал у себя. Испытав его какое-то время, он постриг его, облачив в ангельский образ. Так Андроник оставался при авве двенадцать лет, во всем оказывая ему послушание. По истечении двенадцати лет Андроник стал просить авву Даниила отпустить его в Иерусалим, чтобы поклониться святым местам. Преподав благословение, тот отпустил его. Идя по дороге, преподобный Андроник сел под деревом отдохнуть от зноя, а в это время, по устроению Божию, туда пришла и его жена под видом мужа, переименованная в монаха Афанасия. Она тоже направлялась к святым местам. Когда они поприветствовали друг друга, то она узнала Андроника, а он ее нет, потому что от чрезмерных подвигов увяла ее красота, и она походила на арапа. Она спросила его:

– Господин авва, куда ты идешь?

Андроник отвечал:

– К святым местам.

– И я хочу пойти.

– Хочешь пойдем вместе?

– Как пожелаешь, только пойдем по дороге молча, чтобы не видно было, что я иду с тобой.

– Как пожелаешь, пойдем молча.

Тогда Афанасия спрашивает его:

- А ты не ученик ли аввы Даниила?
- Да, ученик.
- А тебя зовут не Андроник?
- Да, я называюсь Андроником.
- Молитвы старца да сопутствуют нам.
- Аминь. Да будет так.

Так вдвоем они пришли в Иерусалим, поклонились святым местам и молча вернулись в Александрию. Там Афанасия спросила Андроника:

- Хочешь будем жить вместе в келье?
- Как пожелаешь, но сначала я пойду к моему старцу – испросить разрешения и молитвы.
- Ступай, я буду ждать тебя в местечке Октокэдекатон. Если сможешь жить со мной и не разговаривать, как тогда по дороге в Святую Землю, то приходи. А не сможешь, не приходи.

Андроник пришел к старцу и поведал ему обо всем, попросив, если он сочтет разумным, позволить ему жить с монахом Афанасием. Со слов Андроника авва Даниил понял, что Афанасий весьма преуспел в добродетели, поэтому разрешил, сказав напоследок: «Ступай, возлюби безмолвие и пребывай с тем братом, потому что он настоящий монах». Так Андроник вернулся в условленное место и жил вместе с Афанасием двенадцать лет, не зная, что это была его жена. Сколько и какие подвиги они приняли на себя, невозможно достойно описать. Много раз их навещал авва Даниил, беседуя на духовные темы и рассуждая о спасении души. Однажды, когда авва Даниил снова пришел к ним и, уже достаточно побеседовав, простился и двинулся в обратный путь, авва Андроник побежал за ним и, догнав, сказал:

- Авва Афанасий занемог и скоро отойдет ко Господу.

Услышав это, авва Даниил вернулся и обнаружил, что у больного страшный приступ. Увидев авву Даниила, Афанасий стал плакать, а старец ему сказал:

- Вместо того, чтобы радоваться, что идешь к Богу, ты плачешь?

– Я плачу о том, что авва Андроник остается один. Прошу тебя, отче, окажи любовь. По моей смерти найдешь у моей головы маленькую табличку. Прочитай, что там написано, и дай прочитать авве Андронику.

Затем все трое помолились, блаженная Афанасия причастилась Пречистых Тайн и почилла о Господе. Тогда авва Даниил прочитал табличку, и они узнали, что приснопамятная Афанасия была женой Андроника. Об этом стало известно по всей Лавре. Авва Даниил послал сообщение братии, и на ее погребение собрались все отцы, жившие во внутренней пустыне, из всех Александрийских Лавр, из всей той местности и из скита. Скитские надели белые одежды, потому что был у них такой обычай – надевать белые одежды на погребение братии, как победивших трех врагов: плоть, мир и миродержца-диавола. Честные мощи преподобной Афанасии вынесли с ветвями вайи и, прославляя Бога, давшего святой такое терпение, погребли с большим благоговением и славословиями.

А авва Даниил остался там, чтобы совершить семь панихид по преподобной, после чего хотел взять с собой авву Андроника, но тот не желал оттуда уходить, сказав:

– Я хочу умереть здесь, вместе с моей госпожой Афанасией.

Тогда, простившись с ним, авва Даниил тронулся в путь, но некий брат нагнал его по дороге и сказал, что у аввы Андроника приступ. И снова авва Даниил вернулся и послал сказать в скит, что преподобный Андроник идет вслед преподобной Афанасии. Снова собрались все братия и застали его еще живым. После того, как они получили от него благословение, он упокоился о Господе. А между братиями, которые жили в Октоэкедкатоне, и скитскими возник спор из-за честных мощей преподобного Андроника, кто их возьмет. Насилу авве Даниилу удалось угасить этот спор, и преподобного Андроника погребли вместе с его сподвижницей, преподобной Афанасией, прославляя и благословляя Иже над всеми Бога. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
**ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ,
АРХИЕПИСКОПА КРИТСКОГО,
ИЕРУСАЛИМЛЯНИНА,
ПРОСИЯВШЕГО В VIII ВЕКЕ**

Родиной сего божественного отца нашего Андрея был знаменитый Дамаск, ныне называемый турками Сиам. Родился преподобный от богобоязненных и добродетельных родителей Георгия и Григории и до семи лет был немым, так что они очень печалились, думая, что он навсегда таким и останется. По истечении семи лет, когда однажды с родителями он пошел в церковь и причастился Пречистого Тела и Крови Господней, случилось чудо. Язык его тотчас же разрешился от уз, и мальчик стал свободно говорить.

Тогда родители отдали его в школу на обучение священным наукам. Обладая острым умом, Андрей с большой охотой и ревностью предавался занятиям, и с чрезвычайным желанием упражняясь в предметах, преуспел во всех науках. Имея опытных учителей, он в совершенстве овладел всем. Язык его очистился, и Андрей стал искусно и приятно говорить. Душу свою он соделал способной к стяжанию добродетели и истины, а ум к тому, чтобы преуспевать в созерцаниях горнего. Затем, изучив Священное Писание, он так был просвещен Помыслом, что горячо полюбил истину и Божественную премудрость, к ней только всецело и стремясь.

Размышляя о том, что никаким другим способом нельзя соединиться с Божественной премудростью, кроме как освободившись от земных материальных вещей, он попросил родителей посвятить его Богу, ибо не имел никакой склонности и любви ко всему мирскому. Движимые, конечно, Бо-

гом, родители привели его к Живоносному Гробу Господню и посветили как жертву благоприятную Богу. Патриархом Иерусалимским был тогда Феодор, человек святой жизни, который с большой радостью принял юношу и сделал его своим духовным чадом (ибо подобный всегда любит себе подобного). Облачив его в монашеский образ, он рукоположил Андрея в диакона и стал всецело заботиться о его преуспевании, стараясь воспитать его в добродетели и возвести *в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Еф. 4: 13).

Имея перед собой как бы добрую землю – душу юноши, патриарх имел и добрые надежды, что с помощью Божественного слова и доброго примера собственной добродетели душа его принесет стократный плод. Но старец не смог в совершенстве насладиться им, потому что разрешился от уз телесных и, с радостью скончавшись на руках своего духовного чада, пошел ко Владыке Христу, чтобы принять светлые венцы за доброе управление Церковью. А божественного Андрея по своей смерти (помимо того что сделал его экономом Церкви) назначил управителем и попечителем всей Церкви, потому что из-за юного возраста не мог оставить его преемником Патриаршего престола. Невзирая на возраст, в добродетели, заботе, надзоре и пользе, им приносимой, Андрей не уступал никакому другому покровителю* Церкви, но был для Иерусалимской Церкви и отцом, и учителем, и экономом, и слугой, и ярким примером всякого добра.

По повелению благочестивого царя Константина, внука Ираклия, собрался тогда в Константинополе Шестой Вселенский Собор, который торжественно отверг монофелитскую ересь и составил священный свод догматов. По всем Церквям были разосланы письма от царя, в которых одобрялись Соборные правила и все верующие призывались следовать им. Когда это письмо пришло в Иерусалимскую Церковь, то наполнило ее духовной радостью и явилось свидетельством

* По-гречески «простат», – опекун, защитник, покровитель. – *Пер.*

того, что благочестие, на которое ранее ополчались еретики, снова славно укрепилось. Лучшие люди Иерусалима решили, что нужно отправить в Константинополь человека, который сможет доказать, что и они согласны с догматами Божественного Собора; на общем собрании постановили послать с этой целью великого Андрея вместе с другими двумя клириками, поскольку он был обучен догматам благочестия и преуспел в них больше любого другого силой слова и Святым Духом.

Итак, взяв с собой двух выдающихся клириков, которых сам же и избрал, Андрей пришел в Константинополь. Царя он уже не застал в живых, наследником же царства стал его сын Юстиниан II, Ринилат*. Ему он передал исповедание Иерусалимской Церкви, а все недостающее в нем восполнил прекрасной речью. Вызвав удивление своей святостью и премудростью, он хорошо управил дела порученного ему посольства и отослал клириков обратно в Иерусалим возвестить остальным, как закончилось посольство, а сам остался в Константинополе, чтобы избавиться от церковных дел и в безмолвии проводить уединенную жизнь.

Внутренне подготовившись, свободный от всех забот благовидных и неблаговидных, он полностью предался изучению и созерцанию Божественного, подвизаясь постом, бдениями и слезами. Таким образом, он очищался телом и душой, просвещался умом и, во всем став как бы подобным Богу, таинственно соединялся с Ним, получив предобручение будущим благам. Проведя долгое время в безмолвии, святой смог вместить совершенную меру добродетели и впоследствии много пользы сотворил всем, кто к нему приходил. Но поскольку этот славный делом и словом не мог надолго укрыться под спудом безмолвия, о нем стало известно как царю, так и Церкви. Насильно разлученный с безмолвием, он был против воли поставлен на служение Великой Церк-

* Юстиниан II, Ринилат или Ринотмит (с отрезанным носом) – сын Константина VI, Погоната. Царствовал с перерывами с 685 по 711 годы. – *Пер.*

ви. Затем ему доверили попечение и управление сиротскими домами. Прекрасно справившись с послушанием, он стал отцом и питателем сирых и нищих. Прилежно заботясь об обоих сиротских домах Константинополя, он не только добился увеличения средств на их содержание, но и построил новые и обширные помещения для сирот. Оказавшись во всем достойным, он принял и большее попечение, будучи возведен на высокий архиерейский престол митрополии знаменитого острова Крита, и именно служба на этом острове позволила ему стать пастырем и учителем всей Церкви Христовой.

В своей епархии он сразу приступил к делу, прилагая все силы к тому, чтобы увеличить и спасти свою паству. Сначала он премудро обратился к священникам с весьма кротким словом о порядке при богослужении, показав, каким должен быть священник, который не только сам удостоен приближаться к Первому и Непреступному Свету – Богу, но обязан просвещать и других, примиряя их с Богом, то есть священник сам должен сиять и быть чистым, как зеркало, чтобы принимать в себя лучи Божественного света и светить другим. Затем преподобный привел в порядок заведения для содержания дев и монастыри, написав для них Устав. После этого стал заботиться о мирянах, уча их прилепляться к Богу, а не к плоти и миру, презирать мирские удовольствия, соблюдать заповеди Божии и подвизаться ради своего спасения. Юных он научал целомудрию, грешников возвращал к покаянию, кающимся давал надежду на Божественную милость, подвигающихся склонял на подвиги добродетели, помогал буруеваемым страстями, поддерживал тех, кому грозила опасность впасть в грех, павших поднимал, для немощных был силой, для печальных – утешением, для вдов – защитником, для сирот – отцом, для нищих – сокровищем, для алчущих – питателем, для нагих – покровом. Да и к чему многословить?.. *Для всех он сделался всем, чтобы спасти всех* (ср. 1 Кор. 9: 22). И, как Господь в будущем веке станет для святых, и Светом, и Жизнью, и Славой, и Пищей и Одеванием, и Радостью и всеми прочими благами блаженства, так

и сей великий Андрей был для жителей его епархии всяким благом – не только душевным, но и телесным, с которым можно было без печали проводить настоящую жизнь.

Он отверз благое сокровище своего сердца и вынес из него слова благие, и, расширив уста помышления своего, наполнил их благодатью Духа Святаго (ср. Пс. 44: 2). Премудростью, разумом и Божественным вдохновением преподобный составил книги, посредством которых предстает как способный ритор и богодухновенный священнословец. В своих «Словах» на различные Богородичные праздники он торжественно восхваляет Пречистую Матерь Сына и Слова Божия, похваляет Животворящий Крест Спасителя, на котором Безстрастный Бог претерпел блаженные страдания и вольную смерть, соделав нас причастниками Своего Царства и славы, а также восхваляет еще многие другие Владычные праздники. Кроме того, преподобный воздал хвалу и некоторым святым, своими похвалами делая их мучения как бы своими. Особенных похвал удостаивает он великого Иоанна Предтечу. Составил преподобный Андрей и множество канонов и тропарей, которыми он не только украсил праздники и подвиг христиан к духовному веселью и радости, но и вызывал умиление, заставляя поющих и читающих их проливать источники слез; он составил тот достойный похвалы Канон Великий, чтение которого вызывает не только покаяние и умиление, но и дает обширные знания, так как учит христиан тому расположению, с каким они должны читать истории Священного Писания, и тому, как сделать их причиной высших нравственных созерцаний*.

Преподобный Андрей не только словами, но делами и великими подвигами украсил свою паству и радовал другие христианские Церкви. Он обновил разрушенные храмы Божии, предоставляя щедрую помощь строителям, а в честь Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии воздвиг пре-

* Имеется в виду Канон Великий преподобного Андрея Критского, читаемый в Великий пост. – *Пер.*

красный храм, назвав его Влахернским. Строил преподобный и гостиницы, где давали покой престарелым, лечили больных, предоставляли кров странникам и нищим. Всем нуждающимся он не только щедро раздавал необходимое, премудро и богоугодно расходуя деньги, но, как во всем другом, так и в этом подражая своему Владыке и Учителю Христу, он собственными руками служил немощным и странным, омывал им руки, ноги и голову, очищал раны больных – так в нем горела любовь к Богу и ближнему.

Следует упомянуть здесь о двух чудесах святого, чтобы показать святость и дерзновение, которое имел к Богу божественный Андрей. Однажды на Крит напало войско варваров, желавших пленить и погубить паству святого, для чего они использовали все военные средства, подвергнув остров продолжительной осаде. Но богоугодные молитвы святого Андрея не только уберегли его паству от опасности, но и внушили варварам такой страх, что они убежали сами, никем не гонимые. Причем из-за этого поспешного и беспорядочного бегства многие из них погибли или в морских волнах, или от рук христиан.

В другой раз дело было в начале лета. Солнце палило землю, дождя не было, и все посевы завяли, так что появилась опасность голода. От страха голодной смерти, иссушенные, без воды, опаляемые солнцем, люди уже совершенно отчаялись. Но как же поступила в таком несчастье сострадательная и милующая душа святого? Может быть, он презрел свою паству, которой угрожала смертельная опасность? Нет. Воздвигнув к небу руки и подняв очи, он всей душой призывал Бога пролить на землю дождь. И – о чудо! – небо наполнилось тучами, и полился дождь. Растения напитались влагой и принесли обильные плоды, так что люди успокоились и утешились.

А в другой раз случилась в его епархии чума, которая погубила многих. Молитвы и слезы святого к Богу помешали распространению смертельной болезни. Совершил великий Андрей и множество других чудес, о которых, если

рассказывать, не хватит и целой жизни, потому что, имея в душе Бога, он был для жителей своей епархии причиной всех благ от Него, избавляя их от всякого зла. Богу же, как жертву приятную и драгоценную, он предлагал души спасенных им людей.

Однажды святому, по необходимости, потребовалось отправиться в Константинополь. Прибыв туда, он был принят с великой честью и уважением как всей Церковью, так и царем и всеми архонтами. Проведя там некоторое время, он раздавал жаждущим Небесный хлеб – слова учения, и напоял жаждущих животворящей водой Духа Святого, не чуждался и материальных благ – предлагал алчущим телесную пищу, помогал обидимым, защищал вдов, сирот, утешал скорбящих. Наконец он собрался возвращаться к себе в епархию и, хотя уже знал, что больше не увидит свою паству, тем не менее предал себя двигавшему им Духу Святому. Взойдя на корабль, он поплыл на Крит, но, достигнув Митилины, судно остановилось. На вопрос святого, как называется это место, ему ответили, что Ерессос. Тогда он сказал: «Здесь я должен передать Богу тот образ, который он мне дал, здесь я умру». Так и произошло. Разрешившись телесных уз, он в радости вознесся к Желанному Богу и, сияя от Непреступного Света Его Божества, наслаждается неизреченными благами Его Царства. А священные его мощи были положены в храме святой и добропобедной мученицы Анастасии, как сокровище некрадмое и источник чудес, приснотекущий во славу Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Написано Макарием Макрийским

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ СВЯТОГО И ПРАВЕДНОГО ЕВДОКИМА,

ПРОСИЯВШЕГО В IX ВЕКЕ

Повествование о жизни праведного Евдокима приносит великую пользу и рассказчику, и слушателю. Причем не только потому, что святой горячо возлюбил добродетель, как и многие другие подвижники, но более по той причине, что, находясь среди житейских забот, носимый подобно кораблю по житейскому морю, погружаясь в волны мятежные и донимаемый с помощью различных видений диаволом, он невозмутимо уберег себя от всех страстей, происходящих от гнева, и сохранил душу чистой и неоскверненной – и от страстной похоти, и от самого малейшего помысла. И стяжал блаженный все добродетели, которыми уязвлял бесов больше, чем те, кто подвизались в пустынях по пятьдесят–шестьдесят лет и для которых он стал примером добродетели. Но самым высоким образцом для подражания он стал для тех добродетельных, что живут в миру, и они, обращая на него взоры, могли безопасно проходить свое жительство и спастись. А теперь настало подходящее время предложить благочестивым слушателям рассказ, как некую трапезу, на которой подаются никогда не убывающие и не портящиеся духовные яства.

Сей дивный Евдоким* был родом из Каппадокии, сыном благочестивых родителей. Отца его звали Василий, а мать – Евдокией. Они были знатного рода, владели большим имуществом и занимали высокие должности. Отец

* Евдоким (греч.) – пользующийся доброй славой, славный, окруженный почетом или уважением. – *Пер.*

Евдокима, Василий, был патрицием*. Хотя Евдоким и был из такого славного рода, его не столько почитали за знаменитое происхождение, сколько прославляли и удивлялись его подвигам, которым присноблаженный по собственной воле ревностно предавался. Отпрыски благородных родителей, чтобы стать знаменитыми (может быть даже занять высокие должности), в большинстве своем, остаются в миру. Но находиться в миру и проводить жизнь добродетельную и необычайно целомудренную, там, где предаются наслаждениям и неге, весьма трудно. Сего блаженного отрока, отданного родителями изучать грамоту, не потребовалось понуждать к учебе страхом наказания розгами, ибо он сам понуждал себя учиться со всяким прилежанием, день и ночь читая Священное Писание, изучению которого треблаженная та душа радовалась больше, чем те, которые находятся за роскошной трапезой и пируют с танцами и тимпанами. Сему святому подходило пророческое изречение: *Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим* (Пс. 118: 103). Любил он ходить в храмы Божии, слушать священные службы и слова Божии, всячески стараясь стать чистым храмом *Бога живаго*, по выражению великого апостола (2 Кор. 6: 16).

И склонял враг истины многих юношей, ровесников Евдокима, понуждать его ходить с ними на пиры и приятно проводить время на охоте и в радостях, но сей приснопетый имел для себя лишь один пир, роскошь и наслаждение – молитву и чтение душеполезных книг. И не так, как поступают некоторые, которые молятся, хотя ум их не внимает молитве, и читают, не вникая ни в то, что сами читают, ни в то, что им читают другие. Но сей истинный раб Господень и когда молился, и когда читал, всем умом и всем помышлением прилеплялся к священным словам.

А целомудрие и чистоту, самую драгоценную из всех прочих добродетелей, соделывающую человека равным Анге-

* Родители святого вместе с ним жили тогда уже в Константинополе, переселившись туда из Каппадокии, как можно заключить из окончания сего жития. – *Авт.*

лам, блаженный настолько возлюбил душой, что с дерзновением мог сказать вместе с праведным и многопобедным Иовом, что никогда «сердце мое не следовало за глазами моими» (ср. Иов. 31: 7). Но самое великое то, что приснопетый задумал не смотреть на женские лица, пока находится в этой жизни. И в течение всей своей жизни на других женщин или девиц, кроме матери, не смотрел и не разговаривал с ними.

Вместе с целомудрием он сочетал и милосердие, сопровождаемое тихостью. Целомудрием человек украшается пред Богом, а через милосердие душа питается благодатью Духа Святаго. Преподобный отличался таким милосердием, что даже необходимое ему самому для жизни раздавал нищим, причем не только деньги, но и все то, в чем другие испытывали нужду. Он столько помогал нищим, что если бы надо было продать себя в рабство, чтобы освободить других, он бы с радостью согласился, ибо знал блаженный, что милосердие есть плод любви. Он был отцом сирых, управителем вдов, одеждой нагих, насыщением алчущих, утешением скорбящих.

Сей дивный муж за свои добродетели и против собственной воли удостоился и царского достоинства, но при этом нисколько не перестал помышлять о Небесных красотах. Более того, думая, что это достоинство дано ему как дар от Бога, он стал трудиться еще более и посвятил себя Божественной любви. Этот святой был поставлен даже стратопедархом* Каппадокии в епархию, называемую Харсиана. Как разумный эконо́м, он тратил деньги не ради собственной чести и славы, как поступает большинство, ибо получив какое-нибудь звание они стараются прославиться безумиями и имеют привилегии, и не задумываются, несчастные, о Страшном Суде, который произведет над ними Праведный и Страшный Судия. Блаженный же Евдоким все свое тщание и заботу полагал на то, чтобы в преподобии и

* Стратопедарх – военачальник, фельдмаршал. – *Пер.*

правде править малыми и великими, и саму душу свою, если бы потребовалось, положил бы за своих подданных.

Да и что толку много говорить? Был блаженный Евдоким совершенным во всякой добродетели: в любви к Богу пламенной, в любви к ближнему неподражаемой, ради которой он избегал всякого злословия. И не только сам хранил себя от осуждения, но и другим всячески препятствовал произносить что-либо против ближнего. Он учил, что каждый должен уметь больше слушать, чем говорить. При такой блаженной жизни был Евдоким сосудом избранным, и словом учитель, и делом пример, и живой образец для тех, кто с ним общался. И это продолжалось до тех пор, пока он не приблизился к блаженному концу жизни там же, в Каппадокии, прожив тридцать три года, будучи молод возрастом, но старцем разумом и знанием.

Предузнав о грядущей кончине, праведник не смутился, потому что вся его жизнь была попечением о смерти. Единственное, чего ему не хватало, так это матери, которая находилась в это время далеко, и не могла присутствовать при его кончине. Итак, настал его последний час перед тем, как идти ко Господу. Многие пришли навестить его в этот час. После сказанных им слов о памятовании смерти, он завещал похоронить его в той одежде, которая на нем была*, и не делать над ним того, что обычно делают для других умерших. Затем он подал знак и, как только все вышли, начал молиться Богу такими словами, которые слышали некоторые и впоследствии поведали: «Господи Боже мой, подобно тому, как при жизни я не хотел являть другим то, как живу, так и при кончине моей, прошу, пусть не будет никакого знамения, чтобы никто не подумал, что я Тебе угодил». После слов его: «В руце Твои, Господи, предаю дух мой» святая его душа отошла. Присутствовавшие там из благоговения к святому сохранили не только одежды, которые на нем были, но

* Святой велел похоронить его в верхней одежде, возможно, потому, что под ней носил власяницу, и по своему смиренномудрию не хотел этого открывать. — *Пер.*

и постель, на которой он спал (она была сделана из грубо сколоченных досок), положив ее в могилу.

Однако солнце не могло укрыться за тучей, а светильник – под спудом, потому что, чем больше треблаженный тайлся, тем больше Господь открывал его для пользы многих. Некий Илия, одержимый страшным бесом, спустя много дней после кончины святого проходил около того места, где лежали его мощи, как бес вдруг начал мучить его и, сильно сотрясая, швырнул на землю, как мертвого. И так бес вышел, а тот человек освободился. Господь прославил своего раба, и слух о чуде, бывшем с Илией, распространился повсюду как звук трубы. К мощам Евдокима стало стекаться множество народа, приносили больных разными немощами, которые исцелялись у гроба святого.

У некой жены было дитя с парализованными руками. Как только они подошли к гробнице святого, в тот же день ребенок исцелился. А у другого ребенка были парализованы не только руки, но и ноги. Придя ко гробу с такой же верой, как и те, предыдущие, он тоже получил исцеление. Даже лампадка над гробом святого была источником исцелений, потому что все, страдавшие от каких-либо недугов, помазываясь елеем из нее, исцелялись. А одна жена имела в себе нечистого духа. Как только она приблизилась ко гробу святого, бес вышел. Другая жена долго мучилась от страшной и неизлечимой болезни. С верой придя ко гробу святого, она взяла землю, смешала ее со слезами и этой смесью помазала рану, немедленно получив желанное здоровье. А земля с могилы святого помогала не только тем, кто сюда приходил, но и тем, кто находился далеко и не мог прийти. Ее посылали больным и те, помазавшись ею, по вере своей обретали здоровье. Невозможно описать все чудеса святого.

А сейчас пришло время рассказать и о перенесении его честного тела из Харсиана в Константинополь. Молва о чудесах святого разошлась по всем городам и странам, так что многие удивлялись и недоумевали, как юный возрастом, находившийся среди соблазнов мирских и имевший высокий

сан, смог достичь добродетелей, которых едва достигают подвижники в глубокой пустыне, и сохранил такую чистоту и целомудрие. Слыша о безчисленных и скорых чудесах, все изумлялись, большинство же только о святом и говорили. Когда до родителей дошел слух о его смерти, и чудесах на его могиле, они опечалились по поводу первого, а от второго получили утешение и очень захотели убедиться в том воочию. Побежденная любовью к сыну, мать святого не стала задумываться ни о дальности расстояния, ни о трудах и опасностях пути, но, движимая сильным желанием, отправилась ко гробу дорогого и святого своего сына. Увидев там множество людей, приходивших с великим благоговением, и те чудеса, что совершались от священного гроба, когда одержимые бесами и страдавшие от прочих болезней скоро исцелялись, она упала на землю и обняла гробницу. Мать плакала об умершем, одновременно дивясь благодати совершения чудес, которую он получил от Бога. Смешивая плач с похвалами, она говорила так: «Чажо мое сладчайшее, свет очей моих, неизреченная красота наша родительская. Откуда у тебя такая благодать исцелений? Конечно, эта благодать дается Богом тем, кто живет в чистоте и подвиге, скрывая труды и добродетели. Эта благодать дается Богом истинным Его рабам, как предвестница будущих благ Небесного Царствия. Ради тебя, чадо мое, и меня называют блаженной и треплаженной матерью. Не буду я более как мать плакать и рыдать, но как другу и возлюбленному Божию предложу песни и пения духовные. Не буду тебя более называть плодом чрева моего, но сыном Божиим по благодати. Я родила тебя по плоти, а сейчас сама рождаюсь от тебя по духу и не стыжусь называть тебя своим отцом. Ибо ради твоих добродетелей твой Отец — Сам Отец Небесный, родные твои — святые Ангелы и лики святых. Сделай милость, любимый, и нам, твоим родителям, которых скорбь по тебе удручает больше, чем старость. Воздай плату за твоё воспитание мне, плотской твоей матери, породни меня с Небесным своим Отцом.

Воздай также и родившему тебя по плоти отцу, и упокой его старость на лоне Авраамовом. Сие моление обращают к тебе, чадо мое благословенное, старость отеческая, и болезни чрева материнского, и сосцы молочные, имиже питался, и родные твои. Знаю, что если попросишь Бога о родителях твоих, у которых есть заповедь – почитать чад, он послушает тебя. Ибо честь, бываемая родителями за детей, восходит к Богу, Который всех Отец и Творец».

С этими словами благочестивая мать святого повелела поднять могильную плиту и вынуть гроб со святыми мощами. И явилось странное чудо, достаточное, чтобы подтвердить все сказанное. С тех пор, как погребли святого, прошло восемнадцать месяцев, и, находясь столько времени в земле, честные мощи нисколько не претерпели того, что обычно происходит с телами усопших. Ни цвет лица не изменился, ни следов гниения или малейшей порчи какого-либо члена не было. Святейшее тело нисколько даже не почернело, но лицо преподобного было веселым, цветущим и приятным, подобно лицу человека, который не умер, а спит. И в нем лишь не было движения, чтобы показалось, что святой жив. Не истлела даже одежда, в которой его положили во гроб. А мы все знаем, что бывает с телами усопших: кроме телесного зловония, и от одежды исходит тяжелый запах плесени и разложения. Но у этого треблаженного и само тело, и одежды испускали чудное благоухание. Приятно было на него и смотреть, и обонять. Казалось, что открыли не гроб мертвеца, но какой-нибудь прекраснейший сад с благоухающими растениями и цветами.

Был при этом один иеромонах по имени Иосиф, который взял святое тело, чтобы поставить его на ноги. И только он прикоснулся к святому, как тот сам встал как живой. В сильном страхе Иосиф упал к ногам святого и просил его, как живого, позволить снять с него одежды. Сначала он снял хитон и надел другой, затем снял с ног обувь, причем так легко, что казалось, сам святой помогал в этом. Закончив все это, Иосиф снова привел его в прежнее положение, вместе

с находившимися там прославляя Бога, Который прославляет прославляющих Его.

Из этого можно заключить, что гробница святого была открыта промыслительно, чтобы явилась великая благодать, которой Бог прославил его, вышеестественным образом сохранив тело святого нетленным. Когда оно было явлено, задрожали и убежали бесы, гонимые как бы молнией. Конечно, даже когда оно было сокрыто в земле, они боялись его и оставляли людей, насколько же больше стали бояться, когда оно явилось, сияющее во славе святости.

После этого между матерью святого и местными жителями разгорелся спор, потому что мать хотела забрать святые мощи с собой в Константинополь, говоря, что «эта звезда воссияла из моей утробы», местные же в ответ утверждали, что «действительно от тебя воссияла, но у нас царствовала. Как же ты можешь лишить нас такой благодати, которая именно здесь распростерла лучи стольких чудес? Да, виноград от вас, но благодатный плод он принес у нас. Так благоволил Бог и не противоречь решению Божию. Не завидуй нам по причине благодеяний Божиих, не лишай нас столь многой пользы душевной и телесной. Хватит тебе и славы, что ты мать такого святого». Услышав это, она благоразумно ушла восояси. Прошло после этого много дней и тот иеромонах Иосиф, находившись в той местности, улучил время и похитил сокровище, уйдя так, что его не заметили местные. Хотя Иосиф уходил со святыми мощами тайно, об этом стало известно по миру, которое с них стекало, и по чудесам, совершавшимся на пути. Так, одна одержимая бесом жена, которую вели по дороге несколько человек, оказалась рядом со святыми мощами. Тогда демон пришел в ярость и она, понуждаемая им, стал кричать, понося святого и безчинно прыгая. Бес вышел, изгнанный благодатью Святого Духа, а жена выздоровела и вернулась домой, прославляя Господа. И другая некая дева, имея страшную болезнь, как только с верой приблизилась к святым мощам, сразу же получила исцеление.

Вот так чудотворениями святой воздал родителям драгоценным даром*. Боголюбивая и чадолюбивая мать сделала серебряную раку для святых мощей, которые положила в прекрасном храме Пресвятой Богородицы, который построила до того. И каждый день там происходили бесчисленные чудеса. Вот такую благодать получил от Бога святой Евдоким за свое необыкновенное милосердие, за то, что желание отдавать у него было гораздо сильнее, чем у тех, кто просил, – принимать. Блаженный изобильно сеял здесь временное, а сейчас пожинает тысячекратные вечные плоды в Небесном Царстве, которого да сподобимся и мы предстательством сего преблаженного Евдокима. Аминь.

*Написано божественным
Симеоном Метафрастом*

* Отсюда можно заключить, что родители святого жили тогда в Константинополе, а сам святой, получив должность стратопедарха, жизнь свою окончил в Харсиане. Поэтому и говорится, что мощи его были перенесены в Константинополь. – Авт.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОУГОДНОГО
ОТЦА НАШЕГО ПАВЛА,

НАЗЫВАЕМОГО КСИРОПОТАМСКИМ,
ПРОСИЯВШЕГО В IX ВЕКЕ

Сей преподобный отец наш Павел происходил из Константинополя. Отцом его был царь Михаил куропалат*, именовавшийся также и Рангаве, который, будучи человеком мирным и богобоязненным, не мог спокойно взирать на каждодневные беспорядки, происходившие тогда, отрекся от царства и постригся в монахи в основанном им монастыре Мирэлаон. Богоугодно пожив, он упокоился о Господе. Матерью преподобного была дивная в добродетели Прокопия, дочь царя Никифора и сестра царя Ставракия. Когда она была беременна святым, накануне родов ночью, она увидела сон, как будто родила на пшеничном снопе агнца. Когда же тот сошел со снопа, то пришли два льва и хотели его растерзать. Агнец стал с ними сражаться. Увидев это, царица бросилась ему на помощь и, когда была уже рядом, увидела, что это был не агнец, а мальчик, державший в руках крест, силой которого он и умертвил львов. Восстав от сна, мать родила блаженного Прокопия, потому что так называли его во Святом Крещении. А сон имел следующий смысл: агнец означал беззлобие и кротость ребенка, мужской пол – мужест-

* Куропалат – византийское придворное звание, связанное сначала с высшей охраной императорского дворца (φυλακὴ τῆς αὐλῆς), а позже сделавшееся исключительно почетным. Первоначально в процессиях К. следовал непосредственно после императора; титул К. часто принимали члены императорской фамилии, а иногда наследник престола.

во, убийство двух львов образно показывало умерщвление страстей, то есть, что он станет монахом, подъяв на плечи Крест Христов и многие скорби, и им победит и умертвит двух страшных львов и двух самых больших врагов монаха – дьявола со всеми его силами, и мир с его славой и наслаждениями. Пшеничный сноп означал, что учительным своим словом и примером ангельской жизни он напитает множество алчущих душ, и многих бесполезных, похожих на мякину, сделает достойными Небесных житниц и приятным хлебом Богу.

И была большая радость во всем Городе* о рождении ребенка, потому что уже с малых лет было видно, что ему суждено было стать великим. Едва младенца отняли от груди, как отец его отрекся от царства и вместо него стал править Лев Армянин. Боясь, что Прокопий, когда придет в возраст, захочет отнять у него престол, он послал слуг оскотить ребенка. Когда Прокопий достиг двенадцатилетнего возраста, то, прилежно трудясь с присущими ему от природы способностями, он весь предался изучению священных наук, так что превзошел всех бывших тогда мудрецов, что видно из его сочинений: его “Слова на Праздник Введения во Храм Пресвятой Богородицы”, восьми канонов на гласы Сорока Мученикам и ямбического канона Честному Кресту. Об этом свидетельствует и царь Роман в своем слове, называя его лучшим из философов. Когда преподобный пришел в такое совершенство, то достиг и блаженного созерцания, последовавшего от добродетели, в которой он с детства трудился. Размышляя о суете мира и обратив ум свой к изречению святого Макария: «Душа, если не избавится от мирских попечений, ни Бога не сможет истинно возлюбить, ни дьявола возгнушаться по достоинству», он решил уйти из дома. Кроме этой, была еще одна причина: каждый день дивный Прокопий был у всех на устах: одни восхваляли его за

* Под Городом здесь подразумевается Константинополь. – *Пер.*

любовь ко всем, другие – за смирение, третьи – за мудрость, четвертые – за воздержание, милосердие, презрение к мирской славе и блеску; ежедневно и ежечасно слышны были похвалы Прокопию. Вот для того чтобы избежать похвал человеческих, блаженный и покинул Константинополь. Надев старую рваную рясу, в виде нищего, как жаждущий олень он, никем не узнанный, устремился на Святую Гору. Обойдя весь Афон, он пришел в монастырь приснопетой царицы Пульхерии-девы, тот, который ныне называется Ксиропотамским. Незадолго до этих событий его разрушили арабы, разбойно пришедшие на Гору; они разрушили и другие монастыри, а многих монахов предали мученической смерти, как в древности на Синае и в Раифе. Увидев прекрасное местоположение монастыря и безмолвие местности, преподобный сделал небольшую каливу на разрушенной монастырской стене, и стал жить один, беседуя с единым Богом. Недалеко от этого места жил замечательный безмолвник святой жизни по имени Косма, от которого он и получил монашеский постриг с именем Павел. С той поры преподобный положил себе за правило исключительный порядок и дисциплину. Он постился, молился, спал на голой земле, подкладывая себе в изголовье камень. Рукоделием его были умиление, слезы, любовь ко всем, безграничное смирение. Преподобный считал, что для того, чтобы монах пришел в совершенство, ему нужно стяжать плоды Духа Святаго, как говорит апостол Павел: *любовь духовную, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5: 22-23). Трудясь для достижения этих качеств, преподобный стал известен всем отцам, и все ему удивлялись и хвалили. Хвалил его и преподобный Афанасий Афонский, как это видно из его жития. И хотя премудрый Павел притворился неграмотным варваром и деревенщиной, оказалось, что все его замечают, как город, стоящий на вершине горы, и, в конце концов, слава о нем дошла до прота*. Преподобный Па-

* Прот – начальник группы монастырей. – Ред.

вел имел обычай трижды в год, на три Великих праздника, ходить в келлиотский монастырь, называемый протским. Когда однажды он пришел в этот монастырь, по обычаю, прот спросил его наедине, кто он и откуда. Тихим голосом и с приятным лицом Павел отвечал: «Я бедный монах, как видишь, святой отче, из старого селения, называемого Ксиропотамом». Поэтому его и прозвали Павлом Ксиропотамским, а от него и обновленный им монастырь Пульхерии стал называться Ксиропотамским*. Обновлен же он был так.

Во время своего царствования приснопамятный император Роман Старший, приходившийся родственником святому, послал своих людей найти святого, которого обнаружили на Святой Горе. После многих просьб и даже уговоров прота Павел послушался и пришел в Константинополь. О, кто может описать радость родных и всего города, увидевших ангела во плоти и учителя словесного. Архонты** отбросили царские регалии и поклонились тому убогому, у которого не было ничего, кроме ветхой рясы и креста. Вот такова достойная удивления добродетель и таковыми делает работающих ей. Случилось тогда, что царь Роман лежал больной смертельной болезнью, но как только пришел преподобный и возложил на него руки, случилось чудо! Царь выздоровел, как он сам пишет в своей императорской грамоте. Это еще более прославило святого, который после многих просьб царя остался в Константинополе, но продолжал следовать своему монашескому распорядку и совершал подвижнические

* Ксиропотам (греч.) – буквально «сухоречный». Название этому монастырю дано по месту его расположения у глубокого оврага, по дну которого протекает ручей, пересыхающий в летнюю жару, но с осени становящийся широким и глубоким. Ксиропотамский монастырь сооружен на западном крутом береговом склоне Афонской Горы, посередине его, над пристанью Дафне. По преданию, Ксиропотам был заложен в V веке правительницей Восточной Империи царевной Пульхерией. Ею сооружен храм в честь 40 мучеников, в Севастийском озере мучившихся, о которых ей было видение. В VII и VIII веках обитель Пульхерии опустела. – *Словарь Брокгауза и Эфрона.*

** Архонт – высшее должностное лицо в городе. – *Ред.*

труды, одновременно обучая детей царя. Когда же закончилось время, которое он решил находиться в столице, Павел пришел к царю и сказал: «Подобно тому как рыба, вынутая из воды, погибает, так и монах, если выходит из каливы, то невозможно ему трудиться в заповедях Божиих. Поэтому я оставляю вас и возвращаюсь к себе в келью, чтобы всегда пребывать с моим Царем Богом». Услышав это, царь сильно опечалился, однако не мог препятствовать, потому что имел к нему великое благоволение. Он лишь сказал: «Я бы хотел, отче, чтобы мы никогда не разлучались, пока я жив, чтобы ты утешал меня и был моим учителем в спасении. Однако я не могу тебя удерживать. Об одном только прошу, возьми, сколько хочешь богатства, чтобы раздать нищим ради спасения моей души». Святой отвечал ему: «Я не нуждаюсь в богатстве, и раздавать-то не умею, а у тебя и здесь полно нищих, раздай сколько хочешь. Я лишь одно скажу тебе: если хочешь иметь по себе вечное поминовение, обнови разрушенный монастырь присноблаженной царицы Пульхерии». Царь принял слова преподобного с великой радостью и тотчас же послал людей, снабдив их средствами, чтобы от основания отстроить святой монастырь в несравненной с прежней красоте. Затем послал и своего собственного сына Феофилакта, который был патриархом, освятить церковь. Когда святой Павел хотел покинуть город, царь привел его в сокровищницу. Должно привести собственные слова царя, как они написаны в его грамоте: «Я вошел с некоторыми из синклита в мою царскую сокровищницу, где находилась величайшая из всех и достойная удивления святыня – частица Честных Древ Животворящего Креста Господня, которая до сих пор сохраняет память о Владычных страданиях – отверстия от гвоздей, которыми Божественная плоть Господа была пронзена, и на которую, во очищение грехов наших, излилась Пречистая Кровь Его (высота этой частицы, примерно, один локоть и одна палеста*, ширина – около двух пальцев, тол-

* Палеста - мера длины, равная 77 мм.

щина – один палец, полный вес – сто драхм*). Взяв в руки это святое сокровище – страшное знамя Небесного Царя, на Небе явившееся знамение Сына Человеческого, имеющего судить живых и мертвых, я благоговейно передал сие Божественное орудие нашего спасения в святые руки преподобнейшего Павла Ксиропотамского, чтобы до пришествия Господа оно было неотчуждаемым даром вышереченному честнейшему нашему царскому монастырю, дав ему** церковное и светское сопровождение, чтобы возложили сей дар в святом алтаре монастыря для его освящения и утверждения». Взяв Честное Древо, блаженный Павел пришел на Святую Гору и, после того как полностью обновили и освятили монастырь, патриарх положил Честное Древо, согласно царскому повелению, в святом алтаре. Поскольку же слава о преподобном разошлась по всей земле, в монастырь стали приходить множество монахов, работающих добродетели. Избегая смущения, преподобный оставил надзор за монастырем другому добродетельной жизни брату, а сам пошел к подножию Афона, где в безмолвии начал проводить жизнь. Однако и туда за ним пришли многие, так что пустыня стала как город. Вокруг аввы собралось на этот раз около шестидесяти учеников. Опасаясь, чтобы их не обратили в рабство или не убили арабы, часто нападавшие на Святую Гору, преподобный, с помощью благочестивых царей, построил другой монастырь, в честь святого Георгия, который и доныне сохраняет имя преподобного, называясь монастырем святого Павла.

Когда закончилось строительство этого монастыря, Павел был уже совсем старым. Предузнав из Божественного откровения о времени своей кончины, преподобный позвал всех учеников: и из Ксиропотамской обители, и из новой, и стал поучать их душеполезными словами: «Чадца, через два дня я выхожу из несчастного моего тела. Вы знаете, как я

* Драхма – греческая серебряная монета весом около 4,366 грамм.

** Кресту. – *Пер.*

жил в этом святом месте и как все заповеди моих отцов сохранил от юности моей. Вот так и вас прошу, дорогие мои, хранить их до смерти. Во время моей юности, когда была ересь иконоборцев, я столько подвизался, что готов был пролить кровь ради любви Христовой, и много побоев и ран претерпевал до тех пор, пока не была уничтожена эта гнусная ересь с помощью доказательств из Священного Писания и отеческих свидетельств. Говорю я вам это не от гордости, но для того, чтобы, ожидая венцов от Бога, вы великодушно могли переносить всякое искушение и скорбь». Услышав это, все братия горько опечалились и со слезами сказали: «Отче, не оставляй нас сиротами, лишенными твоих духовных поучений. Мы, испытывая огромную любовь к твоей святыне, думали, что ты не умрешь никогда, а сейчас, услышав эти горькие слова, сердце наше скорбит, потому что ты был для нас утешением в скорбях и помощником в искушениях, мы знали тебя и как отца, и как мать, и как брата». Услышав такие слова, преподобный заплакал, потому что легко приходил в умиление, и всю жизнь имел благодать слез. Так, однажды, когда один брат спросил, что ему делать, чтобы стяжать слезы умиления, Павел ответил: «Помышляй всегда о Страшном Судилище Христовом, о грехах своих, и тогда слезы у тебя никогда не иссякнут».

Заплавав, как мы уже сказали, преподобный обратился к присутствующим: «Не плачьте, братия, но простите меня, потому что пришло время, которого всегда ожидала душа моя, а плоть боялась». Встав, он надел мантию, и после долгой молитвы причастился Пречистых Тайн. Вмиг просияло лицо его, как солнце, так что все присутствующие пали ниц, будучи не в силах вынести сияния, исходявшего от преподобного. После причащения он сел и сотворил обычную молитву, которую всегда произносил: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый, Троице Святая, слава Тебе», после чего снова стал наставлять учеников, сказав: «Имейте, чада и братия, любовь, молитву, смирение и послушание, потому что тот монах, который не

имеет этих добродетелей, должен называться не монахом, но мирским». А в конце сказал: «Горе тому монаху, который общается с безбородыми, потому что такой никогда не увидит лица Божия». Затем преподобный простер ноги, принял благообразное положение и, возвысив руки и очи к небу, предал блаженную душу в руки Божии. Произошло это 28 июля. Монахи монастыря с гимнами и песнями духовными отнесли на корабль его священные мощи, чтобы отправить в Лонкос для погребения, как велел святой. Был вечер, и судно, направлявшееся ночью в Лонкос, утром – о чудеса Твои, Христе Царю! – оказалось в Константинополе. Узнав об этом, царь, синклит, патриарх и весь клир Церковный, одетый в священнические облачения, со свечами и многим фимиамом, подняли мощи преподобного, и с песнопениями положили в Великой Церкви, облобызав их с великим благоговением и благодаря Господа, Который обогатил их таким сокровищем. Ученики же святого, поклонившись мощам святого и призвав его самого в молитвах, купили горячего хлеба и взошли на корабль, чтобы плыть обратно. Во время плавания они беседовали о святом, как вдруг, через малое время, – яко дивны дела Твои, Господи! – оказались уже у монастырской пристани и, придя в монастырь, рассказали отцам о случившемся, показав и хлебы, которые были еще горячими. Слушавшие это изумлялись великому дерзновению, что имел приснопетый Павел к Богу, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ЧУДЕСА
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОБОЯЗНЕННОГО
ОТЦА НАШЕГО И ЦЕЛИТЕЛЯ
ФЕОДОСИЯ НОВОГО,

РОДИВШЕГОСЯ В 862 ГОДУ

Родиной сего треплаженногo отца нашего Феодосия был знаменитый город Афины, родился он в 862 году от родителей благородных и богобоязненных, и был воспитан в *учении и наставлении Господнем* (Еф. 6: 4). Когда его отдали в школу учиться священным наукам, то, будучи способным от природы, он быстро постиг их. Сей благословенный отличался великим благоговением к Богу и, посещая службы церковные, слушая о подвигах святых, он удивлялся их ревности и терпению. Везде, где только находил, он внимательно читал жития святых, и весьма желал подражать их подвигам, чтобы достичь таких же добродетелей, что и случилось впоследствии.

Прошло немного времени, и родители его преставились. После погребения блаженный Феодосий без промедления раздал нищим все свое имение и, отрекшись мира и того, что в мире, покинул родину, чтобы посетить одного духовного старца. У старца, после всевозможных испытаний, он принял монашеский образ жизни и предался духовным подвигам. Феодосий настолько преуспел в жителъстве по Христу, что через малое время он захотел уйти на безмолвие, чтобы самому в умной молитве беседовать с единым Богом. Переходя с места на место в поисках безмолвия, он оказался в Морее. В Аргосской епархии преподобный нашел наконец уединенное, подходящее для безмолвия место, где и остался. И сразу же этот добрый делатель начал прилагать труды ко трудам, подвиги к подвигам, живя почти невещест-

венной и безтелесной жизнью при крайнем воздержании, в продолжительных постах, всеощных бдениях, коленопреклонениях, лежаниях на голой земле, неослабных молитвах, во время которых стоял подобно непоколебимому столпу, всегдашнем плаче, выщечеловеческом нестяжании, возводящем на высоту смирения, кротости, чистоте душевной и телесной, твердой вере, крепкой надежде и венце всех добродетелей – любви. Был преподобный странником в этом мире, Небесным человеком и земным ангелом.

За это он и сподобился Божественного видения. Однажды ночью Феодосию явился Пророк, Предтеча и Креститель Господень Иоанн и, поприветствовав его, ободрил в духовных подвигах, велел построить церковь. Он обещал, что поможет в этом и будет спутником во всей его жизни. Ощувив себя исполненным духовной радости, преподобный от всей души прославил Бога, поблагодарил Честного Предтечу и необычайно ободрился на предстоящий ему подвиг. Начав дело, с Божественной помощью он построил монастырь во имя Честного Предтечи, который, по благодати Божией, сохранился до сих пор на том же месте, источая духовное благоухание и вызывая умиление у приходящих сюда с верою.

Создав подвижническое училище, он сотворил брань не против плоти и крови, то есть не против подобострастных* людей, но, как говорит божественный Павел: *против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6: 12). Из-за краткости изложения я не описываю все его подвиги, но легко понять, какую борьбу выдержал мужественный Феодосий со страшными и злокозненными врагами, как всю жизнь он утеснял свое тело, чтобы меньшее подчинить большему, тело – душе, и плоть поработить духу. Поистине он достиг этой цели, и с помощью Божественной благодати и демонов победил, и тело покорил. Став духовным, весь божественным, преподобный сподобился получить от Бога и залог будущих благ: благодать чудотворений и исцелений, из-за которых

* То есть подверженных таким же страстям. – Пер.

и был прозван чудотворцем и целителем. Весть о добродетельном его житии распространилась повсюду, поскольку и Бог захотел открыть и прославить Своего раба, как говорит Он Сам: *Я прослаблю прославляющих Меня* (1 Цар. 2: 30). Чем больше святой избегал мира и славы его, тем большее, Богу содействуя, вызывал удивление и почитание, ибо отовсюду к нему приходили мучимые разными болезнями, и скоро получали исцеление. Некоторые из них, выслушав духовные наставления преподобного, которые врачевали немощи душевные, то есть грехи (ибо от них в большинстве случаев происходят и болезни телесные), заботились о том, чтобы исцелить и их. Получив двойное исцеление – души и тела, они весьма благодарили Бога, а вернувшись домой, торжественно возвещали о Божественной благодати и дерзновении, которое имел у Бога святой. Другие же, под воздействием наставлений святого, вместе с телесной немощью совлекли с себя и плотское сладострастие. Отрекшись мира, и того, что в мире, они становились монахами, и имея перед собой пример жительства преподобного, с усердием шли по узкому и тесному пути, слушая его душеполезные поучения и подражая его Божественным добродетелям. Так, под руководством святого составилась там, благодатью Христовой, загон словесных овец.

Но началозлобный и завистливый диавол, враг нашего спасения, не мог вынести этого. Используя как орудие своей злобы нескольких лицемеров, внешне казавшихся благочестивыми и благонравными, а на деле бывших завистливыми и развращенными, он убедил их пойти к тогдашнему епископу Аргоса святейшему Петру Знаменосцу, память которого празднуется 3 мая, и оклеветать перед ним преподобного Феодосия, говоря, что он волшебник и льстец, и своим волшебством обольщает людей, которые почитают его, что для многих может послужить причиной гибели. Услышав такие мнения о святом, увлеченный обманчивыми словами завистников, архиерей решил изгнать преподобного из епархии, но в это время он получил письмо из Константинополя от пат-

риарха, который призывал его как можно скорее прийти на Собор, чтобы решить срочный Церковный вопрос. Божественный Промысл воспрепятствовал ссылке Феодосия, ибо патриарх Петр немедленно отправился в Константинополь, решив сослать преподобного сразу после своего возвращения. Но Бог снова помешал ему это сделать и устроил так, что добродетель раба Его Феодосия и дерзновение, которое тот имел к Нему, еще более проявились к вящей его славе.

После рассмотрения вместе с патриархом и Священным Синодом Церковного вопроса Петр собрался возвращаться в епархию, но ночью в сонном видении ему явился преподобный Феодосий и сказал: «Владыко, почему ты несправедлив ко мне и хочешь прогнать из епархии, хотя я не сделал ничего дурного ни твоей святости, ни кому другому? Знай же, если ты прогонишь меня, то мне ты не причинишь никакого зла, но сам впадешь в грех и виновных в этом навете погубишь, и спасающимся, по благодати Божией, будет большой вред, потому что те ужасные клеветники из зависти ложно обвинили меня. Ты же не поступай со мной несправедливо, потому что и я раб Господа нашего Иисуса Христа, Ему единому служу и на Него с детства возлагаю все надежды на спасение мое. Если ты прекратишь это бессмысленное преследование, хорошо. Если же нет, Господь отомстит тебе за меня». Услышав такие слова, архиерей спросил: «Кто ты, что так говоришь со мной?» Феодосий ответил: «Я раб Христов Феодосий, живущий в твоей епархии». Блаженный Петр в страхе проснулся и, рассудив о том, что видел во сне, раскаялся в принятом решении. В это время к нему пришел патриарший слуга и позвал к патриарху, потому что Феодосий явился во сне и патриарху, поведал ему обо всем и сказал: «Повели Петру не поступать со мной несправедливо, чтобы он не прогневал Бога и не причинил вреда многим христианам». На вопрос патриарха, кто он такой, тот отвечал: «Я раб Христов Феодосий, живущий в пределах Аргосской епархии». Проснувшись, патриарх велел немедленно позвать Петра и спросил его, есть ли в епархии некий Феодосий, и

не обидел ли он его чем. «Да, – отвечал Петр, – святой Владыко, есть в моей епархии раб Божий Феодосий», и подробно рассказал ему обо всем, а также и о том, что видел во сне. Тогда и патриарх рассказал ему свой сон. Так они оба узнали, что Феодосий свят, и что имеет к Богу великое дерзновение, после чего прославили Бога, достойно прославляющего тех, кто прославляет Его. Затем патриарх велел божественному Петру отправиться в свою епархию и от имени патриарха поклониться святому и попросить ходатайствовать о нем ко Господу. Патриарх повторил свое повеление и в тот день, когда блаженный Петр собрался уезжать из Константинополя.

Достигнув Мореи, божественный Петр решил прежде всего навестить преподобного Феодосия, чтобы исполнить повеление патриарха и попросить у святого прощение за намерение сослать его по навету лжецов. Святой, предузнал о приходе архиерея, потому что сподобился приять от Бога вместе с прочими дарами и дар прозорливости, положил в свой куколь зажженные угли и, взяв в руку фимиам, вышел ему навстречу. Приблизившись, он положил фимиам на угли, при этом распространилось неизреченное благоухание, причем – о чудо! – куколь совершенно не сгорел, но преподобный стал им кадить, и Петр, удивившись этому странно-му чуду, понял, что перед ним преподобный Феодосий. Спешившись, он бросился лобызать преподобного, который, выпустив куколь из рук, низко поклонился архиерею Божию и с благоговением принял его. Тогда, прославляя Бога, божественный Петр испросил у преподобного прощение за прошлое и, поклонившись от имени патриарха, передал все его слова Феодосию. Тот отвечал с великим смиренномудрием и в словах, и в жестах, чем разжег в архиерее еще большую к себе любовь по Богу. Без промедления тот рукоположил его в диакона, а затем в священника, хотя преподобный по своему крайнему смиренномудрию отказывался от хиротонии. С той поры для мудрого архиерея Петра и его окружения, после того как они на деле узнали, насколько глаза вернее слуха, преподобный был образцом добродетели.

Слава о святом все больше распространялась по миру ибо исцеленные им от разных болезней рассказывали об этом повсюду, а божественный Петр и даже сам Вселенский Патриарх восхваляли святость преподобного и его дерзновение к Богу. Не было ни одного больного, который бы, с верой не призвав преподобного на помощь, не получил скорого исцеления. Таким образом, преподобный стал всем известен и всеми любим, оказавшись необходимейшим помощником в их болезнях и нуждах, и причиной спасения их душ.

Но когда святой пришел в глубокую старость и должен был, как человек, выплатить общий долг* и получить вознаграждение за многие свои подвиги и пот, за три дня до его кончины, Бог открыл ему, что он преселяется из этого мира. Созвав своих учеников, он долго наставлял их в жительстве по Богу, а затем, сообщив о скорой своей смерти, стал утешать их, пообещав, что духом всегда будет с ними. Они же сильно плакали и сокрушались, что лишаются собеседования с ангелом. По наступлении третьего дня он облобызал учеников, возблагодарил и прославил Бога, напоследок воздвигнув руки к Нему, и сказал: «Господи, в руке Твои предаю дух мой». С этими словами Феодосий предал блаженную душу свою в руки Божии в седьмой день августа месяца.

Узнав о его смерти, божественный Петр пришел вместе со всем клиром и великим множеством народа. Они приготовили все необходимое для погребения и благоговейно погребли священные его останки перед храмом Честного Предтечи. И с тех пор все больные, склонявшиеся перед гробницей святого и с верой призывавшие его на помощь, вставали уже здоровыми, прославляя Бога и благодаря святого, во имя которого возвели и храм. С той поры и до сего дня в том храме Божиим постоянно присходят чудеса и исцеления; я расскажу лишь о некоторых, для духовной радости любящих добродетель.

По прошествии долгого времени число подвижавшихся монахов стало мало-помалу уменьшаться, потому что

* Имеется в виду общий для всех потомков Адама удел – смерть – *Пер*.

ученики преподобного отошли ко Господу, а другие не селились по той причине, что здесь нельзя было найти места, потребного для тела. Местность опустела, и монахов здесь совсем не осталось. Однако жившие рядом христиане, имевшие сильную духовную любовь к святому, постоянно приходили сюда и каждый день прославляли Господа и преподобного песнопениями, псалмопениями и песнями духовными, и совершали Божественную литургию.

Однажды священник и благочестивые христиане из Навплии, взяв все необходимое, рано утром вышли из своего селения и пришли в храм святого. Подходя к храму, они издали увидели священнолепного старца, стоявшего у церковной двери с жезлом в руках. Решив, что он читает последование часов и собирается служить литургию, они опечалились, думая, что старец их опередил, но в храме они никого не обнаружили и подумали, что это было видение от Бога, так как храм был полон неизреченного благоухания. Благодаря Бога и святого, они очень радовались, но пока священник готовился к службе, пришли другие христиане, в большем количестве чем первые, и потребовали, чтобы литургию служил их священник. Пришедшие же первыми, движимые ревностью о святом и разгоряченные видением, стали противиться. Они долго ссорились у входа в храм, а затем двое юношей, один из одной группы, а другой из другой, вытащили мечи и бросились друг на друга. Но с помощью Божией и благодатью преподобного между двумя мечами взметнулась голубка, как будто кем-то специально ради этого выпущенная. Она приняла удар, и между юношами на землю упали два комочка, сами же они остались целыми и невредимыми. Увидев это чудо и размыслив о посещении святого, юноши бросили мечи на землю и, обняв друг друга, облобызались, прославляя святого, который чудесно избавил их от опасности. Пришли в умиление и оба священника, и народ, и, с теплыми слезами благодаря Бога, заключили соглашение, что один священник будет служить в храме преподобного, а другой – в храме Честного Предтечи. После этого в согласии, любви и при

общем к Богу благодарении они вернулись в свои селения. А это странное чудо, случившееся с ними, стало для других примером, и если впредь приходили туда две группы христиан с двумя священниками, они уже не спорили друг с другом, но с любовью соглашались, что один священник будет служить в одном храме, а другой – в другом.

Один знатный муж из Навплии по имени Николай однажды днем, находясь в своем доме, вдруг наполовину усох. У него усохла часть головы вместе с ухом, глазом, плечом, рукой, половиной тела и ногой. И эти члены его стали совершенно безчувственными и неподвижными, так что он являл собой жалкое зрелище. Его жена, брат и прочие родственники, жалея его, приглашали самых лучших врачей, однако, что бы те ни делали, вылечить его не могли. Наконец, посоветовавшись с благочестивыми и добродетельными мужами, родные решили прибегнуть к целителю Феодосию. Положив больного на одр, они принесли его к храму преподобного. Совершив Всенощное моление и славословие, а наутро Божественную литургию, они с верой призвали на помощь святого. Вечером они понесли больного обратно в Навплию. Когда же они поставили одр на землю, чтобы немного передохнуть, больной вдруг сам поднялся с одра, сказав: «Святой Феодосий, помоги мне!» Встав на ноги, он – о чудо! – понял, что полностью здоров, а от болезни не осталось и следа. Уже своими ногами он вошел в Навплию. Прославляя Бога и святого, он до конца жизни оставался в здравии, пройдя много путей и по суше, и по морю в разных местах, возвещая всем об удивительном чуде, которое сотворил над ним великий Феодосий.

Благочестивый священник из Навплии по имени Антоний серьезно заболел и долгое время лежал в постели, от чего в правом боку у него образовалась сильная опухоль, причинявшая ему страшные боли. От опухоли стала гнить и нога, и священник стал хромым. Отчаявшись в помощи людской, он прибег к помощи преподобного, но так как был не в силах пойти к нему собственными ногами, то его принесли в храм на носилках. После обычного Всенощного бдения и

Божественной литургии родные были уже готовы вернуться домой, как вдруг больной почувствовал в себе какую-то силу и, уповая на благодать преподобного, нехотя, мало-помалу, стал наступать на ноги. Укрепленный верой в преподобного, он собственными ногами дошел до Навплии, и чем дальше шел, тем больше укреплялся, до тех пор, пока не почувствовал себя совершенно здоровым. Незадолго до того парализованный, он беспрепятственно прошел расстояние свыше шести миль от храма преподобного, постоянно славя Бога.

Другой благочестивый и боголюбивый житель Навплии по имени Михаил, однажды, сидя за столом с женой и детьми, вдруг увидел, что у жены покраснел глаз, а верхнее веко опухло. Он спросил, что с ней случилось, но она не знала, что это такое. Через некоторое время опухоль увеличилась и стала свешиваться с глаза, напоминая ягоду красного винограда, что ухудшило зрение. Приглашенные опытные врачи ничем не смогли ей помочь. Михаил, отчаявшись получить от них помощь, побежал в храм целителя Феодосия вместе с женой и другими мирянами и клириками, где они совершили Всенощное моление и Божественную литургию. После службы муж дома сразу же уснул, а жена, посмотрев на икону преподобного, что была напротив, всей душой призвала его на помощь. И в тот же миг скорый на помощь чудотворец Феодосий явился ей, выйдя из иконы и держа в руке жезл. Подойдя, он краем своего куколя обтер ей опухоль и сказал: “Женщина, ты вместе со своим мужем пришла в мой храм с верою просить о помощи, вот и я пришел в ваш дом даровать тебе здравие”. С этими словами он стал невидим, а она тотчас же почувствовала, что опухоль полностью пропала. Потрогав глаз рукой и обнаружив, что он совершенно здоров, она позвала мужа. Когда тот проснулся и спросил, что случилось, она ответила: “Великий Феодосий сейчас явился мне и исцелил меня”. Михаил тотчас же вскочил с кровати, зажег свет и, увидев чудо, сотворенное святым, немедленно побежал рассказать о нем священнику, после чего попросил

открыть церковь. Вместе со многими священниками и мирянами, принеся свечи, масло и ладан, они всю ночь благодарили святого. Наутро, после того как совершили Божественную литургию, Михаил позвал всех в дом и щедро угостил, раздав при этом обильную милостыню, рассказывая всем о чуде преподобного и прославляя Бога.

Некий албанец сильно страдал от дисурии* и много дней не мог сходить по нужде, отчего у него вздулся мочевого пузырь, доставляя нестерпимые боли. Несчастный перепробовал множество лекарств, но не получил от них никакой пользы, и чем больше проходило времени, тем сильнее становились боли. Тогда он пришел в храм святого и, пробыв там три дня и три ночи, с теплыми слезами молился преподобному об исцелении. На третью ночь во сне ему явился чудотворец Феодосий и, коснувшись больного места железом, произнес: “Быстрее выходи из моего храма и помочись”. Проснувшись, больной в страхе выбежал из храма и долго отправлял естественную надобность. После этого опухоль прошла, боли прекратились и бывший больной, благодаря Бога и святого, здоровым вернулся домой.

У другого человека были больны ноги, но с верою призвав на помощь святого и помолившись Богу, он получил исцеление, и в благодарность изготовил серебряные ноги (по размеру своих собственных) и пожертвовал их в храм преподобного, чтобы всегда все помнили о чуде.

Некий знатный венецианец, занимавший правительственную должность, узнав о многочисленных чудесах, совершаемых святым, приехал в Навплию со своей бесплодной женой. Сильно горюя о своей бездетности, они с женой пришли в храм преподобного и с верою помолившись Богу, попросили у святого дать им ребеночка, пообещав назвать его Феодосием. Святой услышал их моление и дал им чадо. Они называли ребенка Феодосием, во славу Бога, прославляемого во святых Своих, и он был единственным среди детей венецианской знати с таким именем.

* Затрудненное отделение мочи. – Пер.

И в наши дни (говорит автор жития) один знатный житель Навплии Георгий, из дома Пузикиев, мужественный и опытный воин, страшный для врагов, но любимый венецианской аристократией, прославился удивительными и великими победами. Во время войны венецианцев с королями Запада он был удостоен звания генерала за свои подвиги. Однажды во время обеда, когда оба войска отдыхали после боя, один вражеский генерал, немец, огромного роста, сильный, исполненный зависти и злобы против Пузикия, в полном вооружении прискакал в стан венецианцев и закричал: “Кто здесь Георгий Пузиков? Выходи, сразимся с тобой”. Как только Георгий услышал этот призыв, он, имея сильную веру к Богу и святому Феодосию, тотчас же поднялся, обнажил голову, трижды перекрестился и от всей души произнес: “Великий мой Феодосий, приди в сей же час из Навплии и помоги рабу своему”. После этого, вооружившись и сев на коня, Пузиков ринулся в бой. Немец, в отличие от Пузикия, опустил забрало шлема, и они устремились друг на друга. Видя, что лоб Пузикия открыт, немец ударил туда копьем, и в том месте содрал кожу, немного зацепив и кость, однако не смог выбить его из седла. Пузиков же закричал: “Боже, Феодосий, помогите мне”, и с этими словами ударил немца в грудь, сбросив его на землю. Спешившись, он отрубил немцу голову и, привязав за ноги к коню, приказал слуге протащить немца по земле так, чтобы видели оба войска. Сам же, держа в руках оставшуюся часть копья, которое сломалось от удара о грудь немца, с триумфом верхом объехал оба строя. Позже он велел сделать серебряную лампаду в размер остатка копья и вместе с другими подходящими дарами с большой благодарностью отослал в монастырь для благоукрашения храма преподобного Феодосия.

Жил в окрестностях Аргоса один агарянин, называемый Войвода. Однажды летом, обходя со своими писарями засеянные поля, он взимал десятину и записывал все в книги. Когда они пришли в небольшое селение Залевис и исполнили все необходимое, подошло время обеда. Но поскольку

ку место для еды и отдыха было неподходящее, то, увидев вдали храм преподобного Феодосия, агарянин сказал своим писарям (а они были христианами): “Пошли в вашу церковь, поедим там и отдохнем, пока не спадет жара, а вечером снова вернемся к работе”. Они вошли в храм, накрыли стол и сели есть. Агарянину очень понравилась красивая лампада, что висела перед иконой святого, и он сказал рабу: “Возьми ту стеклянную чашу, хорошенько вымой ее и принеси мне, я буду пить из нее вино”. Один боголюбивый писарь по имени Гавр, имея сильное благоговение к святому, и движимый ревностью по Богу, сказал агарянину: “Не бери ничего из того, что принадлежит святому, чтобы не постигло нас никакое зло”. На что тот отвечал: “Что может сделать этот умерший монах мне, живому, и притом господину?” Гавр стал еще больше возражать, а агарянин оправдывался тем, что имеет власть взять ее. Тогда Гавр поднялся из-за стола и сказал: “Если ты твердо решил взять ее, то позволь мне пойти домой, и тогда делай, что хочешь, ибо я уверен, что святой не даст нам подобру уйти”. Видя, что Гавр с такой горячностью защищает лампадку святого, агарянин с насмешкой сказал своему рабу: “Оставь, не будем соблазнять нашего писаря”. Однако, когда они уже хотели уходить, агарянин тайно приказал рабу взять лампаду, чтобы никто не видел, и принести к нему в дом. Раб исполнил повеленное ему. Когда же агарянин, вернувшись домой и поужинав, лег спать, то во сне увидел того умершего монаха, то есть преподобного Феодосия, живого, со светлым лицом и страшным видом, который стоял над ним, держа в руках жезл. Коснувшись груди агарянина, святой спросил: “Как тебе кажется, у живого ты взял эту вещь или у мертвого? Вот, я пришел показать, кто ты и какова твоя сила, и кто рабы Христа моего, которые и мертвые живы, по благодати Иисуса Христа, и могут умертвить тебя, который думает, что жив, однако мертв душой”. С этими словами он сдавил ему горло, глаза агарянина опухли, лицо почернело, язык выпал изо рта, а сам он стал визжать, как свинья при заклинании. Услышав крики, домашнии тотчас же

прибежали к нему, и, увидев такое жалкое зрелище, спросили: “Что с тобой?” Однако тот ничего не смог ответить, кроме как с большим трудом звать Гавра. Слуги побежали за ним и привели к агарянину. Когда Гавр пришел, то спросил: “Что случилось?” Агарянин же, едва придя в себя, отвечал: “Я взял лампадку монаха, а он пришел убить меня жезлом. Возьми сосуд с маслом, свечей, лампадку и скорей ступай к нему и попроси его не приходить больше сюда, не гневаться на меня. Я же впредь буду всегда помогать его храму”.

– Разве не говорил я тебе, чтобы ты не брал лампадку, – да не постигнет нас никакое зло? Но ты взял, и вот, теперь тебе угрожает опасность.

– То, что я поступил плохо, я понял из того, что со мной случилось. А сейчас, прошу тебя, возьми то, о чем я тебе говорил, и вместе со спутниками ступайте скорее в храм.

– Как же мне идти сейчас, когда ночь на дворе, я пойду на рассвете.

Агарянин весь затрясся и закричал:

– Горе мне, в эту ночь он придет убить меня!

Видя, что варвара объял непомерный страх, Гавр взял масло, свечи, лампаду, и в тот же час положил все в храме преподобного. Так нечестивый избавился от своего страха и от опасности, и с тех пор, даже издали завидев честной храм, кланяясь ему, уходил.

– Я хотел этим закончить мою речь, однако долг перед святым, – говорит святой Малаксос, – вынуждает добавить к этим и те чудеса, что чудотворец Феодосий сотворил со мной и моими присными. У меня был сын Андроник, который тяжело страдал горлом. Оно так распухло, что ему было трудно дышать. Поскольку никакое лекарство не помогало, мать его, с теплой верой молясь Богу, решила прибегнуть к помощи святого. Благоговейно взяв его икону, что была у нас дома, она положила ее у изголовья ребенка и со слезами молила святого посетить ее чадо. Через некоторое время ребенок вздрогнул и позвал мать. Та услышала его голос и спросила: “Что случилось?”. С плачем тот отвечал: “Ко мне

пришел священнолепный монах и слегка стукнул жезлом по горлу. Он прорвал опухоль, и весь гной вытек”. Мать тотчас же зажгла свет и – о чудо! – обнаружила, что опухоль как бы прорезана бритвой, а одежды ребенка испачканы гноем вперемешку с кровью. Сам же мальчик, прежде из-за болезни не говоривший, мог спокойно разговаривать. Так, по благодати Бога и святого, он избавился от смертельной болезни. Однажды мне необходимо было отплыть в Венецию. Как только мы поплыли, началась сильная буря, которая все усиливалась. Отчаявшись в людской помощи, с плачем мы призывали на помощь Бога, Пресвятую Богородицу и всех святых. Я же, уйдя туда, где спал, стал читать канон Божией Матери и призывать святых, одного за другим. Вспомнив о бесчисленных чудесах преподобного Феодосия, я попросил с теплой верой и сокрушенным сердцем о помощи и его, чтобы он и над нами сотворил чудо. Так с просьбами я и уснул, и во сне увидел, что нахожусь в прекрасном храме вместе с другими священниками. Мы совершали моление Богу с благоговением и умилением. Там я увидел некоего ребенка с матерью, которые продавали лампадное масло для храма. Подойдя ко мне, ребенок дал мне сосуд с маслом и сказал: “Налей это масло в лампадку преподобного Феодосия и своим предстательством он поможет и тебе, и твоим спутникам, и буря на море прекратится”. Внезапно проснувшись, я увидел чудо. Сильнейшая буря утихла и обернулась штилем. Прославляя Бога, я благодарил святого, чудесно избавившего нас от смертельной опасности. А в другой раз святой скорейшим своим заступлением неожиданно избавил моего старшего сына Ставракия от несправедливой смерти.

Эти и другие бесчисленные чудеса совершал и продолжает совершать сей дивный и великий Феодосий, за что по достоинству он был назван всеми верными целителем и чудотворцем во славу Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого всех Бога, Которому подобает слава и держава, во веки веков. Аминь.

*Написано святым Николаем Малаксосом,
протоиереем города Навплия*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО ЧУДОТВОРЦА,
ОТЦА НАШЕГО ЛУКИ НОВОГО,

ИЖЕ В СТИРИЙСКОЙ ГОРЕ В ГРЕЦИИ
ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В X ВЕКЕ

Сей божественный отец наш Лука был отрасль, или лучше сказать, украшение Греции. Предки преподобного происходили с острова Эгина. Не в силах выносить частые набеги агарян, они оставили свою родину и переселились в Грецию, в область Фокида, которая ныне называется Салон, в селение Касторий, где и родился блаженный Лука. Отца его звали Стефан, а мать – Евфросинией. В детском возрасте Лука не любил, как другие дети, играть, смеяться, беспорядочно носиться, но вел себя тихо, чинно и во всем выказывал твердый старческий ум. Он настолько возлюбил воздержание, что еще с детства не вкушал ни мяса, ни сыра, ни яиц, ни другую какую жирную и приносящую наслаждение пищу, ни фруктов, но ел лишь ячменный хлеб с водой, овощами и бобами, по средам же и пятницам постился до захода солнца. А самое удивительное то, что никто его не учил так поститься или жить такой подвижнической жизнью, но он сам по себе отвращался от всякой пищи, услаждающей гортань, и возлюбил голод, труды и все, что служит к утеснению плоти. Однажды, когда божественный Лука обедал вместе с родителями, они, думая, что он воздерживается от пищи не ради Бога, но по тщеславию и невежеству, присущим детям, решили испытать его. В одном горшке они сварили мясо с рыбой и подали на трапезу. Не зная об этом, и думая, что отец дает ему рыбу, Лука начал есть. Но почувствовав во рту вкус мяса и поняв хитрость родителей, он сильно огорчился и выплюнул то, что ел. В доказательство своей терпеливости

преподобный три дня провел без пищи, все это время оплакивая свой невольный грех. Поскольку же родители поняли, что намерение его не от человека, но от Бога, они позволили ему жить так, как он хочет.

Лука очень уважал родителей и, подчиняясь им, в подражание Авелю, Иакову и Моисею, пас родительский скот. Блаженный был настолько милостив и сострадателен к нищим, что нисколько не заботился о себе. Когда родители посылали Луку исполнять обычную работу, то, встречая по дороге нищих, он отдавал им свою пищу, а сам оставался голодным, ибо для него пищей было наплатить алчущих братьев. Подобным же образом он поступал и с одеждой: если по дороге находил нагих, то снимал с себя одежду и отдавал им. Часто возвращаясь в дом отца раздетым, преподобный нисколько не заботился ни о холоде, который терпел, ни о стыде, ни об осуждении и унижении со стороны родных. Несколько раз и родители побивали его за это, но трезвенный даже и не тужил, но когда его били, он был уверен, что получает почести, венцы и дары.

Много раз его оставляли обнаженным на долгое время и не давали одежды, чтобы он отказался от того блаженного человеколюбия, которое оказывал нищим. Однако благословенный Лука все эти наказания вменял в Небесные награды, потому что, когда душа пленится узами Божественной любви, она ни за что считает наказания, которые претерпела за возлюбленного ею Бога, но радуется страданиям. И когда страдает за Возлюбленного ею, тогда еще больше думает о страдании, и убегает покоя и наслаждения как мучки. Человеколюбие преподобного явно проявилось и в том, о чем хочу сейчас рассказать. Когда преподобного отправляли засеивать отцовские поля, больше половины зерна он раздавал нищим, но за милосердие, оказанное нищим, следовало вознаграждение от Бога, потому что, чем меньше семян Лука сеял в землю, тем больше приносили они плода.

Прошло немного времени и отец преподобного отошел ко Господу, а блаженный посвятил себя Небесному Отцу.

Отказавшись от попечений о скоте и землях, он предался только молитве, чтению и изучению Священного Писания. Преподобный преуспел в молитве, о чем свидетельствуют многие, особенно же его мать, что немаловажно, ибо ее слова приводят в изумление всех, слушающих ее рассказ. Желая собственными глазами увидеть, как ночью молится ее сын, она однажды спряталась рядом с тем местом, где молился преподобный, да так, чтобы сама она могла видеть, но не была видима другими. И узрела она страшное и великое, как позже под клятвой уверяла сама, что сын ее молился, предстоя Богу, с необычайным благоговением и сосредоточенностью, ноги же его совершенно не касались земли, но были от нее на расстоянии одного локтя, и неким образом восходили к Богу. Это странное видение мать зрела не один и не два, но три раза. Это чудо видели и другие свидетели, и об этом возвестили нам.

Поскольку святой уже давно желал безмолвной монашеской жизни, то, выбрав удобное время, он отправился в Фесалию. По дороге его схватили солдаты, которым было велено ловить беглых рабов и сажать их в темницы. Заметив, что святой почти ничем не отличается от беглого раба и по худой одежде, и по движениям, они спросили его, чей он раб, откуда и куда идет. Святой им отвечал, что он раб Христа и идет туда, куда обещал пойти Богу. Думая, что он смеется над ними, скрывая свое рабское состояние, они сильно избили его, заставляя сказать, чей он раб. Лука же из любви к истине и из подлинного великодушия подумал, что было бы малодушием сказать ложь, что он чей-то раб, только для того, чтобы его не били. В результате его, избитого, посадили в темницу. Дьявол же думал, что таким образом он отомстил и наказал преподобного за то, что во время брани, с помощью которой скверный с великим безстыдством вооружился на преподобного посредством помыслов и страстей, тот сильно сопротивлялся ему и побеждал. Вскоре некоторые его друзья, которые хорошо знали преподобного, засвидетельствовали, что он не раб, его освободили из темницы, и он снова

вернулся к родным. Однако те стали его сильно уничивать и осуждать, что было намного тяжелее ударов солдат. Зная, что это диавол препятствовал ему идти к Богу, преподобный не переставал умолять Его Милосердие исполнить желание его души, что Содействующий всегда на благое и совершил следующим образом.

Двое монахов из Рима остановились на ночлег в доме его матери. Когда преподобный увидел их, то, полный любви к Богу, снова возжелал монашеской жизни. Беседуя с ними, он попросил их взять его с собой в монастырь. Те же не соглашались из-за его молодости и неопытности, а еще и потому, что если бы узнали его родители и родные, то монахов подвергли бы наказанию. Но после того, как преподобный сообщил им, что он странник и никто не будет его искать, они согласились взять его с собой. Тайно выйдя из селения, они направились в Афины и остановились в одном тамошнем монастыре. Войдя в храм Пречистой Богородицы, они помолились, а Луку передали игумену с тем, чтобы он постриг его через некоторое время и причислил к прочей братии, сами же монахи отправились в Иерусалим.

Много раз игумен монастыря пытался узнать, откуда Лука, кто его родители, но, ничего не добившись, облачил его в малую схиму. Однако мать преподобного, не в силах вынести разлуки с дорогим сыном, печалилась и горько плакала. От сильной скорби она жаловалась Владыке всех Богу, говоря: "Горе мне, Господи, Свидетель моего вдовства и одиночества. Ты, прежде предавший смерти мужа, егоже Сам мне дал, и соделал меня вдовой, что для женщины тяжелее самой смерти, снова забрал у меня того, кто был для меня утешением в этой горе. Не вижу я более истинного света в несчастной моей жизни. Для чего ты удалил от меня любимого сына? Может, я помешала ему предаваться беседам с Тобой и молитве? Может, я понуждала его оставить служение Тебе и заботиться обо мне? Может, я учила его предпочитать вещественное невещественному, и временное вечному? Разве могла так поступить я, которая была хорошо научена

моими родителями быть своим детям матерью не только по плоти, но и по душе? Разве могла так поступить я, которая молилась, чтобы сын мой возлюбил свою душу более тела? Я лишь желала всегда видеть любезнейшего сына, или, хотя бы, увидеть его один раз за столько лет. Мне было бы достаточно, если бы я слышала о его добрых делах, чтобы возрадовалась душа моя и я стала прилежать о ней. Царю всяческих, не презри слез моих, но положи их пред Собою, как говорит божественный Давид, и рассей тьму скорби моей, что Ты сможешь сделать, если снова вернешь глазам моим сына моего. Тогда я отовсюду созову людей и буду прославлять величие Твое и восхвалять Тебя во все дни живота моего”.

Молясь таким образом, мать преподобного склонила Человеколюбца Бога на милость и сострадание, и что же произошло? Бог, Который все творит Своим мановением, помог и ей. Мать Луки во сне явилась игумену монастыря и стала строго обвинять его: “Отче, зачем ты мне, вдове, причинил такие мучения и прибавил рану на другую мою рану? Зачем ты, немилосердный, лишил меня единственного утешения моего вдовства? Зачем ты похитил моего сына, упокоителя моей старости? Верни мне его скорее обратно, верни мне свет мой и единственную мою надежду. Если же нет, я не перестану просить Бога, Царя всяческих, и вызову тебя на суд, потому что я претерпела от тебя великую обиду”. Это видение сильно смутило игумена. Сначала он подумал, что это был призрак и искушение от врага, но поскольку и дважды, и трижды, и много раз он видел женщину, которая жестоко поносила его, он решил, что видение было от Бога и не должно его презирать.

Итак, через некоторое время игумен позвал юношу и строго сказал ему: “Почему ты не рассказал мне о себе, когда я столько раз спрашивал? Ответь мне, почему ты говорил, что у тебя нет ни родителей, ни родных? Как ты дерзнул приять сию святую монашескую схиму, будучи исполнен хитрости и лицемерия? Если бы ты с самого начала открыл о себе безхитростно всю правду, тогда бы она не открылась сейчас,

против твоей воли. Уходи же от нас и из пределов Афин, ступай к своей матери, которая три ночи подряд доставляет мне сильное беспокойство”. Во время этой речи блаженный Лука стоял в страхе, опустив взгляд в землю, он ничего не говорил, но слезы его и весь вид показывали, что он сильно скорбит из-за того, что разлучается с монастырем и братией. Заметив это, игумен смягчил гнев, тронутый великим смиренномудрием божественного Луки, однако сказал ему: “В настоящее время невозможно тебе не вернуться к матери. После же того, как это исполнишь, уже никто не сможет воспрепятствовать тебе заботиться о спасении твоей души в любом месте. По всему видно, что молитва твоей матери весьма богоугодна и победила твою собственную”. Как только божественный Лука услышал это, то не стал возражать, так как был очень застенчивым и по своему благоговению всех почитал. Положив поклон и испросив молитв игумена, он нехотя вышел из обители и отправился домой к матери.

Когда он вошел в дом, мать его сидела на пепле в сильной печали. Увидев сына, она исполнилась удивления и одновременно радости и поднялась со своего места. Размысли о добродетели женщины, ибо именно такому дереву – матери – соответственно было принести и такой же плод – сына. Ведь эта благословенная, внезапно увидев сына, не бросилась сразу же обнимать его или рассматривать, почитая это вторым делом, а обратила сначала очи свои к Богу и, воздвигнув руки, исповедала Ему это благодеяние, благодаря которому снова обрела потерянного сына. Она обняла любимого ею со словами: “Благословен Бог, Который не отвратился моей молитвы и не удалил милости Своей от меня”.

Возвращенный матери таким образом, блаженный Лука служил ей и оказывал честь и послушание, приличествующие матери от сына, но через четыре месяца им снова овладела непреодолимая любовь к Богу и безмолвию, заставив его обо всем позабыть и сделаться своим лишь Богу. Тогда и мать не стала препятствовать ему, не считая это презрением к себе, потому что знала, что хотя любой сын и

должен всему прочему предпочитать родителей, но Бога — даже самим родителям. Взяв благословение матери, он пошел на гору Иоаннитра. Обходя ту ее часть, что спускается к морю, он нашел храм святых безсребреников Космы и Дамиана и соорудил там отшельническую келью. Сколько браней и битв выдержал там преподобный, борясь с голодом, сном и безчеловечными демонами, которые воюют на нас через эти страсти, никто не может ни проверить, ни поведать, по причине превосходства сего предмета. Но если и должно на немногих примерах показать подвиги преподобного, как можно описать льва по когтям, а качество воды источника по вкусу небольшого количества воды, то не будет грехом к повествованиям о его добродетелях добавить и следующие рассказы.

Один ученик преподобного не верил ему и подозревал, что преподобный лишь притворяется, что предается молитве и бдению, а на самом деле большую часть ночи тратит на сон. А подозрение это возникло у ученика потому, что преподобный не предавался по ночам изучению наук и не читал книг Священного Писания, но был якобы весьма невежествен. Так говорил тот ученик о преподобном. Желая проверить, так ли все на самом деле, однажды, когда дверь в келью святого была закрыта, ученик близко подошел к ней и прислонил голову, чтобы послушать, что говорит преподобный. Простояв так до утра, он вернулся в свою келью, исполненный удивления и свободный от прежних помыслов неверия, которые искушали его. А узнал он, когда находился у двери преподобного, следующее, как сам об этом рассказывал после кончины Луки: «Я услышал, что преподобный, совершая коленопреклонения и касаясь лицом земли, каждый раз говорил: *Боже, милостив буди мне грешнику* (Лк. 18: 13). Чем больше разогревался преподобный, тем больше поклонов полагал, до тех пор, пока не истощал все свои телесные силы и не мог уже следовать желанию духа. Тогда он падал на землю, и долгое время лежал без движения. Но и на земле он не пребывал в бездействии, не лежал просто так и не

спал, но поднимал руки и воздвигал мысленные очи свои к небу, усердно возглашая: «Господи, помилуй». Дав немного отдохнуть телу, он снова вставал и молился, пока не рассветало». Таковы доказательства тайных подвигов преподобного и горячий его любви к безмолвию.

Однажды преподобный пришел к одному своему святой жизни другу, игумену монастыря. Пробыв у него три дня, он почувствовал сильное желание снова вернуться на безмолвие в свою келью. Лука стал проситься уйти, но игумен не отпускал его, потому что любил преподобного и не мог вынести разлуки с ним, ибо любовь друзей в Боге сильнее любви природной. Поскольку преподобный не соглашался остаться, желая вернуться в свою каливу, игумен, под предлогом, что скоро большой праздник, сказал: «До каких пор ты будешь вот так, по-мужицки, противиться и более предпочитать пустыню церковному собранию, да к тому же скоро всеобщий праздник, и если ты не услышишь священные слова и песнопения, то нанесешь себе величайший вред». На это богоносный Лука с обычной ему блаженной простотой отвечал: «Учитель благой, пастырь благословенный, хорошо ты повелеваешь, однако, какую пользу приносят человеку каноны, чтения и Церковное богослужение? Какова их цель?» Услышав вопрос, игумен не знал, что и отвечать. Преподобный же, заметив его недоумение, снова с присущей ему простотой отвечал: «Учитель благой, пастырь благословенный, псалмопения, чтения и любая служба приводят добродетельных в страх Божий, как ты учишь. А тому, кто усердно заботится стяжать в сердце этот страх Божий, разве нужно все то, о чем ты говоришь?» Настоятель монастыря сильно удивился услышав это, и более уже не стал удерживать преподобного, но позволил ему возвратиться в келью.

Вблизи своей каливы преподобный разбил небольшой садик, чтобы утруждать свое тело и раздавать братиям необходимое на потребу. В садике были разные деревья, он выращивал и овощи, которые каждый день раздавал приходящим к нему. Иногда, собрав плоды своего сада и

нагрузив ими мула, он отвозил их в близлежащие селения. Тайно сгрузив, он оставлял плоды посередине селения и возвращался в келью. Так преподобный щедро раздавал другим плоды своих трудов.

Однако в этот садик преподобного повадились приходить олени с гор, вытаптывая копытами растения. Преподобный прогонял их иногда камнями, иногда криком, но те продолжали приходить и вредить растениям. Однажды, увидев одного оленя, бывшего крупнее прочих, преподобный стал тихо говорить ему, как будто беседовал с человеком: “Зачем вы обижаете меня и портите плоды трудов моих, хотя я вас ничем не обидел? И я, и вы рабы одного Хозяина и Творца Бога, но я, созданный по образу Божию, имею власть над всеми Его творениями. Итак, Бог повелевает тебе, да не сойдешь ты с этого места, где стоишь, но воспримешь достойное от Него осуждение”. И в тот же миг олень упал и остался без движения. Бывшие поблизости охотники, увидев лежавшего без движения оленя, сбежались и хотели его зарезать. Это не понравилось преподобному. Он пожалел несчастного оленя и, подойдя к охотникам, кротко сказал: “Братия, вы не имеете права убивать этого оленя, потому что вы не гонялись за ним и не трудились. Ясно, что это животное, которое упало, нуждается больше в милости и помощи”. Этими словами он убедил охотников, и те не только оставили оленя, но и помогли преподобному поднять его, после чего отпустили его на волю. Охотники же только удивлялись великому состраданию и кротости преподобного.

Нельзя не рассказать и о следующем случае. Хотя преподобный подвергал свое тело мучениям столькими трудами, постоянными бдениями, безчисленными коленопреклонениями, скудной пищей, потому что вкушал только ячменный хлеб и воду, и то воздержанно, иногда ел овощи и попадавшиеся бобы, мерз зимой от холода, а летом сгорал от жары, страдал от множества вшей (я оставляю все прочие злострадания, им испытанные: ночные стояния, непрестанную молитву, одиночество, пустыню, которая обычно делает

человека грубым и ожесточает его душу), он, тем не менее, никогда никого не оскорбил, но всегда был приветлив, весел и кроток с приходившими к нему. Он предлагал им и телесную, и духовную пищу, вкушая вместе с ними до тех пор, пока не насытятся, ничего не утаивая из еды, и не оставляя про запас, потому что знал, что Бог, питающий скотов и птиц, не оставит без Своего попечения тех, кто непрестанно в истине призывают Его божественное имя.

Поскольку преподобный весьма желал принять великую ангельскую монашескую схиму, то удостоился этого Божественным Промышлением таким образом. Двое благолепно-го вида и святой жизни престарелых монахов, по дороге в Рим проходили через те места, где жил преподобный, как будто их кто-то послал. Приняв их с большим дружелюбием, преподобный открыл им свое сильное желание стать великосхимником и горячо просил их постричь его. Видя, что преподобный был достойным для схимы сосудом, монахи не стали медлить, но, исполнив положенные священнодействия, облачили его в этот ангельский образ с новыми, строжайшими обетами самоотвержения на узком и скорбном пути, ведущем в жизнь. Все этому возрадовались: и Бог, и Ангелы, и люди. Весьма скорбел и был напуган только диавол, потому что видел нового воина Христова и истинного подвижника, облаченного в оружие Святаго Духа и дышащего мужеством и благородством, готовящегося воевать против него еще с большим пылом, чем прежде.

Для угощения монахов, которые стали для него причиной великого добра, у преподобного не было ничего, кроме обычной скудной пищи. Из-за этого преподобный был весьма опечален. Но Бог, отверзающий щедрую Свою десницу и насыщающий всякое животное от Своих щедрот, и здесь сотворил чудо. Когда на рассвете монахи сидели на берегу и любовались тихо плещущими волнами и видом яркого солнца, вдруг из воды выпрыгнула огромная рыба и упала прямо к их ногам, она тихо билась, как бы прося взять ее. Увидев это, монахи подивились Промыслу Божию и

поблагодарили Господа, но Тот, Щедрый, как бы не довольствуясь одной рыбой, послал им еще одну. И тотчас же другая рыба, такая же как первая, выпрыгнула из воды на землю, как бы прося взять и ее, и еще больше возблагодарить Бога. Вот таким образом Бог открыл монахам, насколько велик был Лука, и они, получив от него больше пользы, чем доставили ему сами, ушли.

Восприяв духовное оружие великого ангельского образа и размыслив, что теперь он впервые записан воином Христа и должен сражаться с диаволом, а для этого требуется совершить еще больше подвигов, чем прежде, преподобный присоединял пост к посту, слезы к слезам, жил еще в большем безмолвии и проводил время в еще более теплой и протяженной молитве. За это он получил от Бога большую помощь, благодать исцелений, ведение прошедшего и будущего, и того, что происходит втайне в настоящем. Так, болгар, которые пленили почти весь Эпир, своими молитвами к Богу он предал погибели, но за много дней предсказал, что они причинят много зла. Говорил он это неясно, чтобы люди не стали прославлять его за прозорливость, ибо некоторые слышали, что он говорил: “Эллада будет захвачена, а на Пелопоннес пойдут войной”.

Калива преподобного была построена безыскусно, но не для того, чтобы защищать его и что-то хранить в ней, потому что ничего, кроме собственного тела, у него не было, а для того, чтобы скрывать его подвижнические труды, о которых он не хотел, чтобы знал кто-либо, кроме Бога. Для того, чтобы всегда помнить о смерти, он выкопал в каливе глубокую яму и входил в нее, как в могилу. Улучив немного сна, он вставал и произносил слова Давида: *Предварих в безгодии и воззвах*, а потом: *Очи мои предваряют утреннюю стражу, чтобы мне углубляться в слово Твое* (Пс. 118: 147-148).

Какими словами возможно поведать о великом сострадании и доброте преподобного? Хотя в предыдущих рассказах мы и говорили об этих его качествах, ибо он миловал и был благодетелем не только для людей, но и для скотов, птиц, и

даже ядовитых гадов. Этот присноблаженный долгое время кормил двух змей, помня о заповеди Господней, в которой говорится: *любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас* (Лк. 6: 27), и эти змеи не причиняли ему никакого вреда. Много раз кормил он и малых птиц полевых, будучи милосердным, как говорит божественный Давид: *он всякий день милует и займы дает* (Пс. 36: 26).

Поскольку слава о святом разошлась повсюду, однажды к нему пришли два брата. После того, как преподобный принял их и они насладились беседой, братья рассказали, что отец их перед смертью закопал в землю деньги, но они не знали, где именно, поэтому и просили преподобного открыть им это место. Они были нищими, лишенными самого необходимого, и что самое худшее, из-за этих денег боролись друг с другом, обвиняя один другого в том, что это брат украл деньги. Услышав все это, преподобный, по своему смиренномудрию, размыслил, что на их слова не требуется даже и давать ответа, поэтому сразу же ушел. Они же, надеясь все же с его помощью отыскать деньги, пошли к нему во второй раз, и снова стали просить. Преподобный отказывался, говоря, что не имеет такой Божественной благодати. Но так как они просили его долгое время, обещая, что не уйдут, пока он не удовлетворит их просьбу, он с трудом согласился им помочь, но сделал это искусным способом. Подобно тому, как поступает желающий скрыть то, что он знает, он сказал им: “Вы знаете то место, где отец ваш спрятал деньги (по такому-то и такому признаку). Зачем же напрасно приходите и беспокоите меня?”. Услышав ответ, они тотчас же пошли на место, указанное преподобным. Там они нашли подтверждение его слов, и, взяв деньги, разделили их между собой, а о чуде разгласили всем бывшим там людям.

Однажды пришли к преподобному некие люди. Вслух он сказал: “К нам идет человек с тяжелым грузом”. После этих слов преподобный оставил всех и ушел в гору. Слышавшие же его слова стали размышлять, кем бы мог быть тот, который идет с тяжелым грузом, и что это за груз. И вот, как и

предсказывал преподобный, к ним пришел человек, но без груза. Он стал спрашивать о преподобном, говоря, что ему требуется его помощь. Люди предложили ему подождать, так как незадолго перед этим святой ушел. Человек стал ждать, говоря, что не уйдет отсюда, пока не встретится с преподобным. Так прошло семь дней, и едва преподобный вышел из своего тайного убежища на горе и увидел человека, как суровым и непривычным для его кротости голосом сказал: “Человек, чего ты пришел искать в пустыне? Для чего оставил города и пришел сюда, в горы? Зачем ты оставил архиереев, учителей, духовников и ищешь неграмотных отшельников? Как ты не боишься Божественного осуждения, будучи виновен в стольких грехах?” Услышав такие слова, человек тот задрожал, и от страха связался его язык так, что он не мог говорить, а только плакал. Святой продолжил: “До каких пор ты будешь молчать и не исповедуешь перед всеми свой грех, открыв незаконное убийство, тобой совершенное, и хотя бы немного не умилившись Богом, ненавидящего зло?” А тот, как выяснилось убийца, понуждая себя, с прерывающимся дыханием, произнес: “Человек Божий, что ты еще хочешь узнать от меня, ибо ты уже все узнал от обитающей в тебе благодати, даже прежде чем я поведал тебе обо всем? Однако я подчиняюсь твоему повелению и перед всеми исповедаю сотворенное мною зло, и все присутствующие будут свидетелями тайного моего греха”.

С этими словами он открыто исповедал свой грех, в деталях указав место, способ и причину убийства своего товарища, обличая и себя, и сеятеля греха – виновника всякого зла. Затем он припал к ногам преподобного и стал просить его об исправлении и избавлении от сетей вражиих. Сострадая ему, преподобный поднял его с земли, утешил, дал совет и правило, чтобы совершал, где будет возможно. Вместе с этим он велел ему идти на могилу убитого, проливать потоки слез и сделать три тысячи поклонов, щедро совершая положенные поминовения. Всю жизнь он должен был оплакивать свой грех, и постоянно помнить о нем. После этого, еще

немного наставив его, преподобный вложил ему в ум осуждение греха и заповедал отныне показать сильное покаяние и исповедать перед духовным отцом грехи, чтобы получить прощение.

Как-то раз владелец корабля по имени Димитрий, бывший другом преподобного, ловил рыбу вблизи того места, где жил Лука, и решил послать ему рыбу. Он много трудился, но ничего не поймал. Наконец он бросил сети в море, призвав на помощь имя преподобного, и – о чудо! – тотчас же на крючок, как будто кто-то ее притянул, попалась большая рыба. Увидев такое, Димитрий удивился, но снова попробовал забросить крючок во имя преподобного; с такой же легкостью, как и в первый раз, попалась другая рыба, только немного меньше первой. Но здесь отец зависти, диавол, сотворил с владельцем корабля то же, что некогда и с Каином. Он убедил его оставить для себя большую рыбу, а преподобному отдать меньшую, которую тот с благодарностью и благопожеланиями взял, притворившись, что не знал о хитрости. Однако, чтобы владелец корабля не остался без исправления, и впредь предлагал Богу дары с рассуждением (ибо то, что он дал святому, он думал, что дает Богу), преподобный тихо сказал ему: “Зачем мы, люди, согрешаем по собственной воле и неразумно гневим Бога, как поступил некогда Каин, а затем Анания и его жена? Каин предпочел Богу собственное наслаждение, а Анания и его жена украли деньги, посвященные ими Богу. Возможно, подобное произошло и с этой рыбой, ибо человеку было оказано большее предпочтение, чем Богу”. Из этих слов владелец судна понял, что преподобный имел дар прозорливости и узнал о совершенном им грехе. Немедленно раскаявшись в недостойном поступке и попросив прощения, Димитрий пообещал впредь так не поступать. Получив прощение преподобного, он вернулся домой.

Приготовив рыбу, ученик преподобного предложил ее учителю, как нечто весьма желанное. Но Бог, знающий, что

для преподобного наслаждение и нега – забота о ближнем, послал в тот час нескольких христиан. Увидев их, святой сказал ученику: “Рыбу эту Бог велел дать в пищу братьям, а не мне, так что подай ее им на стол”. Так те христиане ели рыбу, а преподобный питался своей к ним любовью.

Проведя на горе Иоаннитре семь лет, преподобный вынужден был покинуть ее, потому что князь болгарский Симеон, в нарушении договора с царями ромеев, начал войну в Эпире: у одних жителей он отнял жизнь, у других – свободу. Из страха перед болгарами одни укрывались в городах, другие уходили в Эврипос и Морею. Крестьяне, соседствовавшие с преподобным, отплыли на близлежащие острова. Но и там завистливый враг подверг их опасности: болгары заметили их, плывущих в лодке, и, внезапно напав, всех почти убили; спаслись только те немногие, которые умели плавать. Среди них был и преподобный Лука. Позже с родными и знакомыми он отплыл в Коринф. Там он пожелал выучиться читать и записался в школу, однако это принесло ему мало пользы, потому что, видя, что дети шалят, он ушел оттуда, предпочтя лучше остаться неграмотным, чем научиться недоброму. Услышав, что в Патрах Ахайских был тогда один преподобный столпник высокой жизни, он захотел с ним встретиться.

В это же самое время, тот столпник, находившийся в Земене, послал к Луке человека с просьбой прийти к нему, быть ему сожителем, и послужить ему, если для него это не будет тяжело. С большой радостью приняв это слово, потому что преподобный любил больше подчиняться, чем подчинять, ибо молодым это полезнее, и знал, какое великое приобретение происходит от подчинения и смирения, он пошел к столпнику в услужение. И с той поры треблаженный старался исполнять для него всякую службу, потому что почитал для себя великим безчестием и вредом, если кто-либо делал это вместо него. Он носил дрова, воду, заботился о трапезе и кухне, чинил сети, ловил рыбу, причем делал все это не один, не два и не три года, но целых десять лет, подражая смирению Иисуса Христа, Который, как Он Сам об этом го-

ворит, не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить (Мф. 20: 28). Преподобный оказывал столпнику не только послушание, но и проявлял любовь, которая превосходит любовь плотского сына к отцу. Однажды он услышал как один из тех, кто любит осуждать других, поносил и осуждал его старца; это показалось ему очень обидным и он разжегся такой ревностью, что забыл о присущей ему кротости и стыде, и вынужден был против того безстыдного сказать жесткие слова. Однако тот, будучи безчеловечным и жестоким, имея немалые и трудноисцелимые страсти, нуждался в большем вразумлении. Не в силах вынести обличений преподобного, он ударил мерзкой своей рукой святого, но одновременно получил удар и от беса, упал на землю, стал трястись и испускать пену. Но самое-то страшное и достойное слез то, что он до конца жизни остался одержимым бесом, наказуемый сатаной *во измождение плоти, чтобы дух был спасен*, как говорит Павел (1 Кор. 5: 5). Об этом должны помнить все, кто не сдерживает свой язык. Вот так тот, кто должен был быть учителем и наставником других, потому что был священником, и давать советы другим и словом и своей жизнью, оказался настолько неразумным, что стал примером душевного вреда и явным позором священнического достоинства.

Но, ненавистник добра, не в силах вынести того, что божественный Лука до конца пребывал в подчинении у столпника и приобретал от этого многую пользу для своей души, приложил все силы, чтобы вывести его оттуда. Начальник портов той местности не позволял судам плавать в Центральную Грецию из-за нашествия врагов. И случилось так, что в одной из лодок он встретил преподобного, который как раз и хотел плыть туда. За это начальник очень сильно избил его. С той поры преподобный решил жить один и пошел в монастырь святого Прокопия, где и стал безмолвствовать. Но однажды случился сильный дождь, который разрушил небольшую келью, где жил преподобный, и он вынужден был уйти оттуда. Возможно, так устроил Бог, чтобы, пребывая

в Морее, он не лишался родины надолго, потому что прошло немного времени, как умер нечестивый болгарин Симеон и власть досталась его сыну Петру. Ненавидя войны и кровопролития, новый царь заключил с ромеями мир, и все беженцы вернулись на родину. Вернулся к желанному безмолвию на гору Иоанниту и божественный Лука, продолжая свои подвиги и подъяв еще большие труды добродетели, заботясь о разрешении трудов путников, по человеколюбию оказывая им гостеприимство.

Однажды, направляясь в Константинополь, недалеко от этого места остановился на отдых епископ Коринфа. Преподобный пришел к нему, принеся самые лучшие из овощей, что были в его маленьком саду. Узнав, кто он, где живет, и какова его жизнь, епископ захотел сам пойти и посмотреть его каливу. Увидев вольную и небывалую нищету преподобного, он удивился и велел самому близкому из своих людей дать ему золота. Преподобный же не хотел брать золото, говоря, что “молитв и поучений желаю приять, Владыка, а не золота, ибо что мне, который так бедно живет, в нем пользы? Дай мне то, чего я весьма жажду и то, в чем так нуждаюсь, научая меня, грубого и необразованного, спасению”. Тогда архиерей опечалился, подумав, что преподобный презрел его и не взял дар не потому, что он был не нужен, а потому, что не понравился. С болью в сердце епископ произнес: “Почему ты отвернулся от моего дара? И я христианин, хотя и грешный, и епископ, пусть и недостойный. Как же ты, который во всем подражаешь Христу, не стал подражать Ему в этом? Ибо он принимал произволение и дары тех, которые желали принять Его в своем доме, свидетель тому ковчежец*. Если же тебе не нужен мой дар, дай его тому, кто нуждается в нем. А сейчас мне кажется, что заповедь о милости для тебя тщетная и бессмысленная вещь, ибо ты вредишь своему боголюбивому и человеколюбивому устроению. Короче го-

* Имеется в виду ковчежец, который носил Иуда, и куда опускали свои приношения Христу верующие иудеи (Ин. 12: 6). – Пер.

воря, ты ниспровергаешь то, что может утешить бедных и стать для многих путем ко спасению”.

Как только преподобный услышал это, то не стал уже более противиться, чтобы не выглядеть гордым и не огорчать архиерея. Он принял дар и за него воздал богатством своих молитв. Затем с великим смиренномудрием произнес: “Скажи мне, Владыка, как нам причащаться Божественных Тайн, потому что, по грехам нашим, мы находимся в горах и пустынях. Мы лишены не только Божественного священнодействия, но и священника”. Похвалив преподобного за его вопрос, архиерей ответил так: “Отче, хорошо, что ради добра о доброй вещи ты спрашиваешь. Ибо добро не будет добром, если совершается недобрым образом. Должен быть священник, чтобы преподать тебе Пречистые Тайны. Если же нет священника, тогда, по необходимости, поставь на Святую Трапезу Дароносицу с Преждеосвященными Тайнами – это если в церкви. А если в келье, то расстели на чистой скамье малый плат и на него положи частицы Пречистых Тайн, затем покади, произнеси обычные псалмы, Трисвятое, Символ веры, сделай три поклона и, сложив руки, причастись Божественных Тайн, говоря “Аминь”. Вместо воды выпей чашу вина, но эта чаша не должна быть использована для чего-то другого. Прочие же частицы собери в плат и положи в Дароносицу, следя при этом, чтобы ни одна частичка не упала на землю и не была бы попраана”. Выслушав это, преподобный премного благодарил архиерея.

Был у преподобного обычай на Праздник ваий брать в руки божественное оружие Честного Креста и подниматься утром на вершину горы, восклицая всю дорогу: “Господи, помилуй”. Когда он так восходил однажды, ненавистник добра позавидовал ему и, желая помешать, заставил выползти из гнезда гадюку, которая ужалила Луку в палец ноги. По своей благости и любви к Богу преподобный тотчас же наклонился и, взяв гадюку, сказал: “Ни ты меня не обижай, ни я тебя, но каждый пойдем своим путем, потому что мы творения одного Творца, Который, если чего не захочет, того мы сами

сделать не сможем". После этого гадюка уползла в гнездо, а преподобный не потерпел никакого вреда от ее укуса.

Однажды отправлен был от царя в пределы Галльские специальный чиновник, но когда он достиг Коринфа, у него похитили деньги, выданные на служебные расходы. Он послал людей повсюду искать вора; всех подозрительных, кого поймали, он подвергал допросу и наказанию. Однако все было напрасно и не осталось никакой надежды, что деньги найдутся. Посланник так горевал, что захотел от скорби умереть. Князья утешали его различным образом, говоря, чтобы он надеялся на Бога, Который часто являет выход из безвыходного положения. Этим они старались привести в чувство того, кому от скорби угрожала смерть. И один из князей, встав посреди всех, сказал: "Никто не сможет открыть эту кражу кроме божественного Луки, сияющего в наши времена множеством чудес". Все коринфяне подтвердили его слова и премного хвалили преподобного. Услышав о преподобном, царский посланец ободрился и несколько успокоился. В тот же час он послал за ним, но тот, убегая славы человеческой, не хотел идти, однако, узнав о чрезмерной скорби несчастного и сострадая ему, пошел вместе с посланными. Когда он вошел в дом, навстречу ему вышел сам царский чиновник и, оказав подобающую честь, сказал, что ему самому надо было бы отправиться к преподобному, но из-за сильной скорби он не смог. Затем он поведал святому о краже. Чтобы немного успокоить его и положить доброе начало радости, преподобный сказал: "На данный момент воздадим должное чреву и будем радоваться вместе. Силен Бог, напоивший нас вином умиления и скорби, Он же напоит и чашей радости". Чиновник с радостью воспринял слово преподобного и повелел своим рабам приготовить *трапезу в виду врагов* его, согласно божественному Давиду (Пс. 22: 5). После того как они достаточно вкусили и насладились воспоминаниями о Боге, преподобный неожиданно поднял глаза и, посмотрев на одного из стоявших здесь рабов, подозвал его к себе, назвав по имени. Когда тот подошел, преподобный спросил

его: “Зачем ты захотел навлечь смерть на себя и опасность на своего господина, дерзнув похитить царевы деньги? Ступай же скорее и принеси их сюда, если хочешь получить милость и прощение”. Услышав это, тот онемел, потому что его обличала и собственная совесть. Немедленно припав к ногам преподобного, он исповедал свой грех, прося прощения. Получив его, он тотчас же вышел и принес деньги, положив их на виду у всех.

А сейчас ты, возлюбленный, задумайся, сколько благ последовало от одного этого чуда преподобного: скорбящий возрадовался, согрешивший исправился, темное деяние было обличено и от этого прекратилось зло. Виновник всякого зла диавол был постыжен, а Христос был прославлен через Своего служителя.

Однажды пошел преподобный к боголюбивому Антонию, который был игуменом монастыря, что перед городом Фивы (у преподобного был обычай ходить к богобоязненным и благочестивым мужам). Случилось тогда, что смертельно заболел сын первого вельможи той страны, и уже не было надежды, что он выживет. Вокруг него стояли в печали родители, все родные и друзья, ожидая скорой смерти. Один из них рассказал им о преподобном и предложил позвать его, ибо если он посетит больного, то сможет избавить его от болезни. Отец больного сейчас же побежал к преподобному, находившемуся в монастыре, упал к его ногам и с горячими слезами просил его навестить больного. Но поскольку он один не мог убедить преподобного, то сделал знак игумену, чтобы и он поспособствовал ему в этом. Игумен горячо просил преподобного навестить больного, однако тот не соглашался, говоря: “Кто я такой, и что доброго обретается во мне, что вы имеете ко мне такое уважение? Обманываетесь вы, один только Бог силен избавить от смерти, человек же тленный и подверженный греху не может сотворить такого чуда”. После таких слов отец больного в печали и отчаянии вернулся назад. Когда же наступил вечер, то, беседуя с преподобным, Антоний сказал: “Я думаю, отче честный, что

мы поступили худо и вопреки заповедям Божиим, не посетив больного, особенно же после того, как нас просили об этом со многими слезами. Поэтому мы по праву услышим: *болен... был... и не посетили Меня* (Мф. 25: 43). Вообрази, в какую скорбь впали родители и родные больного? По моему мнению, наш отказ – весьма безжалостен и далек от человеколюбия”.

На это божественный Лука отвечал: “Исцелять больных – свойственно только Богу и Его благодати, утешать скорбящих – свойственно тем, кто имеет дар слова и разум, я же лишен и того, и другого. Какую пользу принесу я тому, кто просил меня прийти? Но если ты, отче, считаешь этот поступок хорошим и приятным Богу, то сначала иди ты, а я последую за тобой”. После этого они встали и, когда вошли в дом больного, был уже поздний вечер. Они нашли больного безгласным, безчувственным, слышалось только его дыхание, показывавшее, что он еще жив. Присутствовавшие там тихо плакали, только отец больного сказал преподобному, который сел рядом с ложем: “Помолись, отче честный, за раба Божия, моего сына, и сотвори на нем знамение во благо, только бы мне увидеть его здоровым силой твоих молитв к Богу”. На это преподобный отвечал, что не может творить такие чудеса. Но отец больного снова стал его просить, к его просьбам присоединился и игумен. С большим трудом они смогли убедить преподобного. Встав, он поднял руки и в слух всех стал молить Бога о больном, а после молитвы вместе с игуменом ушел в монастырь. Наутро преподобный отошел на гору, убегая славы человеческой, ибо знал, что совершила его молитва. Игумен же, желая узнать, принесла ли молитва преподобного пользу больному, послал своего человека спросить об этом. Посланный вернулся назад и поведал то, что и сказать-то страшно, но и замалчивать худо, ибо того, кого недавно причисляли к мертвым, он увидел верхом на коне; тот в полном здравии ехал в баню.

В другой раз, когда преподобный пел утреню вместе с обретавшимися с ним братьями и служба приближалась уже

к концу, он сказал трапезному: “Позаботься, чадо, приготовить еду и подать ее для братьев, которые к нам идут”. Трапезный разжег огонь, но впал в недоумение, кто же к ним придет, о чем и спросил преподобного: “Ты велел мне приготовить трапезу, а никого нет. Кто же пришел и сказал тебе, что идут братия?” Тогда, притворяясь, что не знает, преподобный ответил ему: “Прости меня, чадо, бесы прельстили меня, вот я и сказал так”. Услышав такой ответ, монах не стал ничего готовить, но когда рассвело, пришли те братья, о которых сказал ему ранее преподобный. Увидев их, монах стал осуждать себя за неверие и подивился дару прозорливости преподобного. Он приготовил еду для гостей, однако тайно оставил и для себя некую часть, что, впрочем, не укрылось от преподобного. Отослав его за водой, преподобный забрал эту часть и положил на стол вместе с остальной едой. Братья все съели и ушли. Когда же трапезный захотел съесть спрятанное, то не нашел ничего и, расстроенный, обвинял святого, что тот его обидел. При этом трапезный говорил: “Разве я не достоин того, чтобы и обо мне позаботились, как о гостях? И если ты не нуждаешься в еде, то зачем же нас лишаешь необходимого?” На это святой тихо ответил ему: “Брат, эту пищу Бог приготовил для братии, пришедшей к нам в гости, а не для нас. Конечно, если бы это было к нашей пользе, то Бог наплатил бы и нас этой едой”. Услышав это, трапезный раскаялся в своих словах и, припав к ногам преподобного, просил прощения.

Поскольку в том месте, где обитал преподобный, его сильно беспокоили постоянно приходившие к нему люди, возмущая его безмолвие, он решил уйти в другое, более пустынное место. Однако, не желая делать это по собственной воле, послал своего ученика Германа в Коринф к знаменитому тогда в добродетели и премудрому учителю Феофилакту спросить, что ему делать. Тот велел передать ему, чтобы он следовал примеру святого Арсения Великого, которому Бог сказал: “Арсений, бегай и спасайся”. И снова: “Арсений, бегай, молчи, безмолвствуй”. Услышав эти слова, божественный

Лука покинул гору Иоаннитру и пошел в другое, спокойное и здоровое, место Каламион, подвизаясь так, как он желал, в полном безмолвии, духовно веселился и радовался.

Прошло три года с тех пор, как преподобный поселился там, и поднялся народ Агарянский, и стал разорять Грецию набегами. Поэтому преподобный вместе с другими местными жителями переправился на ближайший остров Амбелон, лишенный воды и покрытый высохшей растительностью. Пребывание на острове стало для него училищем добродетели и причиной добрых плодов. Преподобный на лодочке развозил воду, раздавал ее народу, а когда у него были вино и еда, то раздавал и их. Иногда он ловил рыбу, и также раздавал ее. Жители же, надеясь, что Греция уже освободилась от турок, просили его переправить их в Морею, но он препятствовал им, говоря: “Братия, эта весенняя туча скоро рассеется, и для нас снова воссияет мир”, как и случилось позднее. Греция стала свободной от агарян, и люди вернулись к себе на родину. Преподобный провел на острове три года и часто не имел ни хлеба, ни воды, потому что когда дули сильные ветры, он не мог на лодочке переправляться на материк, и оставался на острове, сгорая от жажды. Кроме того, враг принес ему болезнь: у него возник невыносимый и страшный зуд в детородных органах, так что он уже готов был отсечь их. Преподобный стал просить Бога и святого, чьи мощи пребывали на острове, исцелить его. Однажды во сне ему явился тот святой и указал на растение, сказав: “С ним найдешь исцеление, однако знай, что при этом лишишься награды за терпение”. Проснувшись, преподобный предпочел лучше временно пострадать от своей болезни, чем потерять вечную награду. Так что, увидев крайнее его терпение, Бог исцелил его.

Сестра преподобного, монахиня, однажды привезла ему, испытывающему страдания на острове, хлебы. Взяв их, преподобный похвалил ее за доброе произволение, однако сказал: “Я не должен съесть ни одного из них, потому что Бог уготовил их не для меня, а для других братьев, и через не-

которое время ты их увидишь и удивишься, как необходимы будут эти хлеба”. Та же недоумевала и ожидала увидеть братьев, о которых он ей сказал. Сам же преподобный через некоторое время стал тревожиться и, казалось, страдал каким-то братям, которым угрожала опасность. Потом показалось, что он напрягает слух, чтобы услышать голос, обращавшийся к нему из какого-то места. И, наконец, стало заметно, что он приободрился, весьма возрадовался и благодарит Бога.

А причина такого поведения преподобного была в следующем. С Запада шел корабль, который настигла буря и ему угрожала опасность утонуть, от чего он избавился заступничеством преподобного и, приплыв к острову, бросил якорь. А поскольку моряки знали, где искать преподобного, они пришли к нему и рассказали о постигшей их опасности, и о том, что уже отчаялись в спасении, не ведая, что говорят это тому, кто знал об их опасности, и своими молитвами к Богу избавил от нее. По своему человеколюбию преподобный предложил им хлеба, принесенные сестрой, и всячески проявлял заботу о моряках, утешая их словом и делом. Он имел такую ревность, что если бы было возможно, то отверз бы свое сердце и поместил их туда, так необычайна была его любовь к людям. Это и есть наказ: давать с веселостью и иметь душу Авраама, то есть принимать гостей без всякой печали и с большим желанием отдавать, чем получать.

Настало время сказать и о том, как преподобный покинул остров и поселился в горе Стерийской, где и ныне пребывают его святые мощи. Христиане, которые нашли убежище на острове вместе со святым, после того как вернулись на родину, вспомнили о его благодеяниях и, зная, насколько он велик в добродетелях, пожелали, чтобы преподобный поселился с ними по соседству. Покидая остров, они склонили его пойти с ними, чтобы только посмотреть местность и, если не понравится, то снова вернуться на остров. Когда преподобный увидел, что место то спокойное, с умеренным климатом, радует глаз, свободно от людей и изобилует водой, то решил

там поселиться. Очистив подступы к воде от леса, росшего вокруг, и возделав землю, святой устроил прекрасный сад, насадив разные деревья. Келью же свою он выстроил не рядом, но поодаль, чтобы ее не было видно. Целью его было – всегда отсекал всякое тщеславие, чтобы люди считали его как бы мертвецом.

Однако завистливый диавол не прекращал воевать на преподобного: иногда в помыслах, иногда искушениями от злых людей, иногда представляясь ему в виде призраков чувственным образом. Однажды он появился у двери в его келью в виде черного мерзкого человечка и сказал: “Ты сжег меня, монах, но подожди немного, и узнаешь, кто жжет сильнее”. Сотворив знамение Честного Креста, преподобный ответил: “Да уничтожит тебя Господь”. И в тот же момент тот стал невидим. После этого пришел к преподобному его знакомый монах и друг Григорий, которому тот сказал: “Тебе встретился по дороге Конидариос?” (этим именем преподобный обычно в насмешку называл диавола). Григорий, недоумевая, спросил: “А кто этот Конидариос?”

– Пришел низкого роста арап и устрасал меня, что скоро сожжет, после чего ушел.

Тогда Григорий понял, о ком говорил преподобный, и сказал ему:

– Отче, да избавит нас Бог от его сетей твоими святыми молитвами. Он ничего не сможет сделать тебе, потому что тебя хранит Бог.

Проводя святые дни Четыредесятницы с преподобным, сей Григорий не переставал просить избавить его от болезни (он весьма страдал желудком). И хотя преподобный уверял, что это выше его сил, Григорий с болью и дерзновением (ибо знал какое дерзновение имеет к Богу святой) все просил его, до тех пор, пока преподобный уже более не мог ему сопротивляться. И тогда он сказал: “Смиранный Григорий, из-за тебя этой ночью надо мной посмеялись бесы, не знаю, что и сказать тебе”. Веря в то, что видение преподобному было от Бога, Григорий стал просить открыть ему, что он видел.

Преподобный Лука поведал тогда следующее: “Мне показалось, что я видел мужа, страшного видом, который стоял рядом со мной и был украшен золотыми и светлыми одеждами. Рядом стоял ты и смотрел на меня. Показывая на тебя, я спросил явившегося: «Зачем он меня беспокоит? Смилуйся над ним, прошу тебя, или избавь меня от беспокойства, которое он мне доставляет». Явившийся отвечал: «Оставь его, потому что он хочет стать монахом». Я же сказал: «Он, как ты и сам видишь, уже стал монахом», и одновременно показал пальцем на твою схиму. Явившийся возразил: “Я говорю тебе о мере монашеского совершенства, а не о схиме, ибо истинного монаха видно не по одежде, но больше по поступкам и по преуспеянию в добродетели. Если настоящий признак совершенства в добродетели есть распятие и умерщвление себя для мира, ясно, что и телесная немощ также приводит человек к совершенству и есть главное училище добродетели. Телесная немощ весьма полезна тому, кто хочет стать истинным монахом». Вот что имел в виду явившийся, когда сказал: «Оставь его, потому что он хочет стать монахом». После этого Григорий ничего не сказал, а только запел тридцать девятый псалом: *Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой* (Пс. 39: 2). Однако святой не презрел его до конца, но явился ему во сне в образе врача и притворился, что дает ему лекарство от желудка, а затем сказал: “Ступай, смиренный Григорий, в здравии, и больше у тебя не будет болеть желудок от пищи”. Так и случилось на самом деле, потому что он жив до сих пор и свидетельствует об этом случае.

В то время замышлялось восстание против царя Константина Багрянородного, и поэтому в Константинополе задерживали всех, кто состоял в крамольной организации или был под подозрением. Но жена главного военачальника Греции Пофоса в письме попросила генерала поскорее вернуться в столицу, ибо царь весьма желал его присутствия там, и, кроме того, смертельная опасность угрожала их ребенку. Генерал очень опечалился и не знал, что делать, потому что

опасность, грозившая ребенку, вынуждала его отправиться в Константинополь, но волнения, бывшие там, устрашали его, и он не хотел идти. Особенно его смущало то, что написал письмо не царь, а его жена. Пока генерал пребывал в сомнениях, один князь посоветовал ему: “Если ты расскажешь о своем деле божественному Луке, то у тебя не останется никаких сомнений по поводу того, что делать, и ты ясно узнаешь, что послужит к твоей пользе”. Услышав это, генерал тотчас же позаботился о встрече с преподобным, который сказал ему: “Ступай, господин военачальник, в Константинополь без печали и без страха, а все неровности и трудности Бог исправит и соделает легкими, ибо царь хочет видеть тебя, к тому же он воздаст тебе большие почести. А ребенка твоего ты увидишь здоровым”. Нисколько не колеблясь после этих слов преподобного, генерал отправился в Константинополь, и все свершилось именно так, как предсказал святой, о чем он с удивлением и стал возвещать всем.

Другой знаменитый архонт Кринит отправился управлять Грецией и достиг Лариссы. Услышав о подвигах преподобного, он пожелал его увидеть и побеседовать с ним. Придя в Фивы, он послал людей за преподобным и тот немедленно последовал за посланными. Архонта он застал за столом, ибо время было обеденное. Преподобный тоже сел за стол, а когда все встали из-за стола, вместе с ними встал и преподобный, не удостоившийся услышать ни одного слова от архонта, который так звал его прийти. Преподобный опечалился, но не из-за себя, потому что никто другой так не любил безчестия, как он, а за архонта, презревшего достойный монашеский образ и его имя. Святой Лука собрался уходить, но при выходе обратился к слуге: “Без всякого смущения передай от меня своему хозяину следующие слова: «Зачем ты заставил меня оставить свою келью и прийти сюда, для чего я подъял из-за тебя столько напрасных трудов? Для чего ты вынудил любителя пустыни прийти в город, не удостоив меня ни одним словом, и не поприветствовав меня? Ты поступил не как благочестивый человек, который любит

добродетель. Неужели ты позвал меня только отобедать, думая, что для меня это удовольствие? Какими духовными речами, или какими полезными чтениями ты порадовал нас за своей трапезой, исполненной смеха и непотребных слов? Каким ты сам себя выставил перед теми, кого угощал? Почему ты восседал не на троне или на чем-либо другом, благообразно и благочинно, но лежал на ковре непрепоясанный, далеко отбросив пояс, ничем не отличаясь от язычника? Или у христиан и тех, кто не имеет в уме Бога и не желает спасения, все одинаково?» Уйдя с трапезы, преподобный пошел в монастырь к преподобному Антонию, который находился чуть дальше в той же стране. Слуга же обо всем поведал стратегу, и тот сразу же понял, что не по достоинству обошелся с преподобным и стал винить себя в небрежности там, где требовалось усердие. А поскольку он на самом деле был смиренным и кротким, то вскочил на коня и, не взяв с собой слуг, поскакал к преподобному. Вначале он с горячностью и болью в сердце исповедал свой грех, а потом, получив прощение, велел всем находившимся здесь выйти, после чего беседовал с преподобным до самого вечера. Святой стал ему настолько близким, что душа его прилепилась к нему, по слову Давида, и он не хотел разлучаться с ним даже на малое время. Посему в любой нужде, которая возникала у святого, архонт с готовностью помогал, содействуя ему и потратив средства на строительство храма Святой Варвары. Когда же закончилось время пребывания Кринита у власти, он пришел к преподобному, испросил у него молитв и просил никогда не забывать. Преподобный, по Божию откровению, предсказал ему, что в настоящее время он не увидит царствующий град, потому что Бог хочет, чтобы он был правителем Западных областей, что позже и произошло. Когда архонт возвращался в Константинополь и достиг Лариссы, предсказание преподобного сбылось. Криниту пришлось повернуть обратно, так как он получил царское письмо и был поставлен правителем Морей.

Все предсказания преподобного достойны удивления, но предсказание о Крите кажется почти невероятным, тем более что оказалось истиннейшим. За двадцать лет до того, как предсказание сбылось, Лука, по Божию откровению, предсказал, что остров будет освобожден во времена некоего царя. Он ясно сказал, что возьмет Крит царь Роман. Поскольку в это время царствовал престарелый Роман Лекапен, кто-то спросил преподобного, не этот ли Роман, что царствует сейчас. Святой отвечал, что не этот, но другой, внук престарелого Романа.

Одна богатая и знатная женщина из Фив тяжело заболела, а ее муж, истратив много денег на врачей, не смог ей ничем помочь. Последней их надеждой был божественный Лука, который помолился Господу, и, сострадая ее мужу и утешая его, позвал своего ученика по имени Панкратий, сказав ему: “Возьми этот сосуд с елеем и ступай к больной, помажь ей все тело”. Монах без рассуждения, потому что был простым и украшен благими нравами своего старца, отправился к женщине. Сначала она посчитала это неприличным и не соглашалась, чтобы ее помазали. Но потом, рассудив вместе с мужем, каковым великим был тот святой, кто его послал, и понуждаемые необходимостью, они согласились. Панкратий, как сын послушания, повинувшись заповеди старца, помазал ее с головы до ног. Размысли, какой плод он получил от своего послушания, потому что даже скверным помыслом не повредил себе от прикосновения к телу женщины. Размысли и о силе веры тех, кто попросили преподобного о помощи, потому что как только больную помазали, она сразу же получила здравие и прославила Бога.

Сей Панкратий рассказывал мне: “В то время, когда на те места напали язычники, мы с моим духовным отцом спрятались вдвоем в пещере, а на закате солнца к нам пришли укрыться также две женщины. Жалея замерзших беженков, преподобный принял их и проявил всевозможную заботу. Когда настало время сна, он повелел мне спать на одном краю, сам лег на другом, а их устроил посередине. И подобно тому, как ребенок касается своей матери, или как кто-либо

касается камня или дерева, и к нему не приходит никакой плотский помысел, так и преподобный объят был простотой и безстрастием”.

У другого ученика преподобного, Феодосия, был брат-мирянин по имени Филипп, спафарий*, который часто приходил к преподобному. Однажды, когда Филипп хотел прийти, святой сказал Феодосию: “Приготовь все для встречи, потому что идет твой брат обедать с нами”. Услышав это, Феодосий обрадовался и одновременно подивился прозорливости преподобного. Ожидая брата, он смотрел на дорогу. С наступлением вечера пришел и Филипп, неся с собой все самое необходимое. Была приготовлена трапеза, и вместе с преподобным все сели и ради общей любви одинаково вкусили от нее. После того как они закончили трапезу и прочли малое повечерие, то отправились спать. Однако, через малое время преподобный разбудил их на утреню, и они стали читать утреню, а Феодосий, зная, что брат его был непривычен к бдениям и стояниям, дал ему поспать до окончания песнопений утрени. Филипп же в это время не спал из-за помыслов, так как начал считать преподобного обжорой и пьяницей, только притворяющимся благочестивым, а на самом деле обманывающим людей. Эти помыслы были, конечно, от содействия диавола, который всевает лукавые семена в наши души, а также от малодушного его ума, который обо всем судит только по виду, не в силах помыслить о более великом и высоком, ибо принятие пищи не было признаком чревоугодия, но величайшей экономии. С одной стороны, по чрезмерной любви преподобный презрел малое ради того, чтобы приобрести более великое, ибо что такое воздержание от пищи рядом с любовью? Естественно, оно ничтожно. А с другой стороны, преподобный еще более показал людям свое крайнее смиренномудрие. Филипп же был сбит с толку своими помыслами, погрешив против истины, как об этом было показано свидетельством с Небес. Пока он ворочался в кровати, чтобы уснуть, то был восхищен и увидел двух

* В Византии спафарий – телохранитель императора. – Пер.

прекрасных и светлейших света юношей, которые, взглянув на него суровым и враждебным взглядом, произнесли: “Зачем ты смущаешь себя такими помыслами, для чего осуждаешь невинного? Возведи очи свои вверх, ты, который видит только внизу, и увидишь, какой славы удостоился от Бога тот, кого ты считаешь обольстителем, лицемером и хулителем монашеского образа”. Подняв глаза вверх, он увидел разостланную на земле драгоценную порфиру, а на ней стоял преподобный. Лицо его и одежды испускали дивный и неизреченный свет, и сам он был поистине светом. Филипп в страхе проснулся и пошел туда, где отцы в собрании славословили Бога. Рассказав обо всем преподобному, – и о своих помыслах против него, и о том, что сверхъестественным образом увидел во сне, Филипп попросил прощения и получил его.

Пробыв на горе Стирийской семь лет, преподобный Божиим откровением предугадал, что близится его кончина, однако никому не сообщил об этом. Выйдя из кельи, он обошел всех друзей и соседей и попрощался с ними, лобызая каждого и говоря: “Молитесь, братия, за меня, молитесь, потому что не знаем, увидимся ли еще друг с другом”. Затем, вернувшись в келью, он прожил еще три месяца: сначала он немного приболел, после чего последовал более сильный приступ, а через восемь дней все узнали, что он отходит к Богу, Которого так возлюбил.

Как только об этом узнали все христиане, жившие в округе, они, хотя и была зима, и выпало столько снега, что были перекрыты дороги, все пришли к преподобному. Они пребывали рядом с ним до девятого часа, не вспоминали даже про еду и не шли домой, но все смотрели на веселое лицо святого, слушали его сладчайший голос и его последние слова, не желая с ним разлучаться. Из глаз их реками текли слезы, что свидетельствовало о той скорби, которая овладела ими из-за разлуки с преподобным. После того, как он попрощался со всеми и пожелал им всех благ, они ушли. Тогда преподобный спросил у стоявшего рядом пресвитера Григория,

сколько сейчас времени, и, услышав, что скоро зайдет солнце, понял, что и он, как светлая звезда, сейчас зайдет. Преподобный попросил Григория поскорее читать вечерню, после чего Григорий спросил его, где он хочет, чтобы его погребли. Преподобный сказал: “Не стыдно тебе спрашивать меня об этом, разве ты не знаешь, что меня должно связать по ногам веревкой и бросить в ров на съедение зверям”. Григорий же, не стесняясь слез, стал горячо просить его сказать, где он хочет быть погребенным, поскольку ничего не хотел делать вопреки его воле. Тогда преподобный сказал: “Копай в сем месте, где я лежу, и найдешь камень. Подними его и предай прах мой земле. Затем положи камень сверху, потому что Бог, имиже веси судьбами, будет прославлять место сие до скончания этого мира. Соберутся сюда множество христиан и прославят имя Его святое”. С этими словами, облобызав пресвитера и бывших с ним, он возвел очи к небу и сказал: “В руце Твои, Господи, предаю дух мой”. И так он предал блаженную свою душу Богу. Наутро, позвав христиан из близлежащих селений, Григорий попросил их выкопать могилу. Подготовив тело святого к погребению и прочитав положенное Последование, он похоронил святые мощи преподобного. Затем, закрыв могилу камнем, он ушел.

По прошествии шести месяцев некий монах, евнух из селения Пафлагонцев, по имени Козьма, решил пойти в Западные страны. Путь его пролегал вблизи Стирийской горы и вот, во время короткой остановки, он увидел странный сон, о котором и рассказал местным жителями. Обитатели этого места объяснили, что воля Божия повелевает ему остаться здесь, и из-за этого Господь и привел его сюда. Нисколько не колеблясь, монах пришел в келью преподобного, как будто ведомый кем-то за руку. Увидев, что местность спокойная и приятная, он пообещал Богу здесь поселиться. Сразу же монах начал ухаживать за могилой преподобного, поднял ее из земли, обложил плитами, а вокруг поставил ограду, чтобы никто не заходил сюда, кроме тех, кто приходит ради благочестия. Затем, через два года, ученики преподобного,

наблюдая исцеления и чудеса, постоянно происходившие при гробе преподобного, рассудили, что будут недобрыми детьми доброго отца, если не воздадут до конца долг своему духовному отцу, и с ревностью приступили к постройке храма и келий. Сначала они завершили строительство церкви святой Варвары, украсили ее, а затем построили в достаточном количестве кельи и разные здания, необходимые для нужд общины и приема гостей. Потом они придали совершенно другой вид келье, где была гробница преподобного, построив прекрасную церковь в форме креста. Так что предсказание преподобного о прославлении места сего сбылось: и о христианах, приходящих к нему, и о ежедневно совершающихся чудесах. О нескольких из этих чудес мы должны рассказать во славу Бога и преподобного.

У одной женщины были совершенно обездвижены руки и ноги и она не могла ими пошевелить. Самое же тяжелое заключалось в том, что сын ее, который должен был бы утешать ее в болезни, сам был одержимым, и бес часто швырял его о землю. Из сострадания родные водрузили ее на осла и в таком положении привезли к могиле преподобного, оставили ее там вместе с сыном, а сами ушли. Но дивны суды Господни! Преподобный оставлял ее неисцеленной в течение долгого времени. Женщина ослабела от долгого ожидания и совсем отчаялась в своем исцелении. Но – о неизъяснимая Твоя благодать, Господи! – незадолго до этого из гроба преподобного истекло благоуханное миро. Пришел алтарник, и налил его в лампадку, повесив прямо над гробом преподобного. Сын же парализованной, улучив время, когда никого не было рядом, сказал матери: “Я хочу выпить миро из лампадки”. Мать же не разрешала ему, говоря: “Чадо, не делай этого, потому что алтарник гневлив и может нас выгнать отсюда”. Однако сын повторил: “Я хочу выпить”. Тотчас же он взял лампадку и выпил миро. В ту же минуту он упал на землю, начал кататься и пускать пену. Мать, пожалев сына и желая помочь, вдруг – о чудо! – сама, собственными ногами, подбежала к сыну, взяла его за руки

и подняла. В тот же миг сын пришел в разум и освободился от бесовского действия. Удивившись двойному чудотворению, женщина прославила Бога и преподобного и, припав к его могиле, благоговейно и со слезами стала лобызать ее, воспевая благодарственные песнопения и возвещая всем о двойном явленном чуде святого.

У другой женщины было двое детей: мальчик и девочка. Они не могли ходить, так как были хромыми. Из-за этого мать постоянно сокрушалась и плакала, не зная, что делать. Услышав о чудесах преподобного, она с детьми пришла к его гробнице. С теплыми слезами мать стала умолять Бога и преподобного о помощи, ожидая, что Он уврачует ее детей. Прошло восемь дней, исцеления не наступало, и женщина в отчаянии решила вернуться домой, говоря от великого смирения: “За многие мои грехи я оказалась недостойной, чтобы меня услышал преподобный и чтобы Бог исцелил моих чад”. За это смирение она удивительным образом и получила благоденствие, ибо в ту же минуту, как вошла в дом, случилось чудо. Она увидела, что оба ее чада здоровы и идут на собственных ногах. Это вызвало удивление у других, а мать наполнило безмерной радостью. Она с горячими слезами благодарила Бога и святого, потом созвала друзей и родных, и все вместе славословиями и похвалами они воспели Господа.

Еще у одной женщины была неисцелимая язва на лице, причинявшая ей сильнейшие боли и стыд. Ей пытались помочь врачи, но у них ничего не вышло и она только потратила на них свое время и богатство. Отчаявшись, она пришла к гробнице преподобного и, омывая ее слезами, и молясь ко Господу, просила исцелить ее. Помазав больное место елеем из лампадки над гробницей преподобного, она полностью исцелилась от своей болезни, да так, что на лице не осталось ни малейшего следа.

Жила в Беотии престарелая женщина, богатая и знатная. У нее сильно болел глаз, причиняя не только страшные боли, но из него, как из злого источника, постоянно истекала

жидкость. Женщина перепробовала множество лекарств, но они не принесли ей никакой пользы. Испытав все средства, женщина пошла в обитель преподобного Луки. Припав к его гробу с теплой верой, она горячо помолилась Богу и помазала глаз елеем из лампадки, смешанным с миром из гроба, и через несколько дней прозрела – глаз совершенно очистился, и от болезни не осталось даже следа.

Некий человек по имени Николай страдал от проказы, будучи поражен ею с головы до ног. Из ран его постоянно вытекал смердящий гной, поэтому все от него отвращались. Отчаявшись получить помощь от людей, он с верой пришел к священному гробу преподобного, помолился Господу, и помазался как лекарством елеем из лампадки святого и миром из гроба. Однажды, сидя у сосуда, наполненного божественным миром, и с радостью наблюдая, как вытекает из гробницы благословенное миро, он, сам того не желая (однако не без Божественной воли), упал в этот сосуд и, как только упал, произошло чудо. Кто не порадуется, или кто не подивится этому новому чуду? Больной так же легко очистился от проказы, как от обычной телесной нечистоты.

Другой человек, много лет страдавший от бесов и тяжело мучимый ими, поскольку они часто швыряли его на землю, пришел ко гробу преподобного и оставался там несколько дней. Поняв, что Бог не торопится подать ему исцеление, что замыслил этот боголюбец, почитавший Бога? Он вернулся домой, но снова и снова приходил и просил Господа и преподобного об исцелении. Проводя в ожидании по трое или более суток, он снова возвращался домой. Так, однажды, когда он снова просил преподобного вместе с отцами монастыря, ему во сне явился святой и, позвав по имени, сказал: “Отверзи свои уста”. Когда тот открыл уста, святой дунул в них и произнес: “Ступай в здравии и рассказывай всем о чудесах Божиих”. Проснувшись, больной понял, что сон был истинным, и он избавился от беса. Рассказывая о чуде, он подвигал всех прославлять Бога и Его служителя.

Некий Иоанн много лет страдал от темного демона. Он также пришел к гробнице божественного Луки за исцелением и использовал то же самое лекарство – елей из лампадки и миро, вытекавшее из гроба преподобного, которыми его помазал монах Панкратий (он сострадал страждущим и помазывал их). Между тем прошло много дней, а больной все не исцелялся, однако, проявляя великое терпение, молился Господу и нисколько не колебался, но приходил ко гробу без помыслов неверия и малодушия. Он ждал шесть месяцев, пока ему во сне не явился преподобный и не изгнал из него нечистого и лукавого духа. Кроме того, преподобный открыл ему нечто такое, о чем повелел не говорить никому до самой смерти.

Другой человек, также именем Иоанн, тоже много лет страдал от действия бесов. Он пришел к гробнице преподобного и призывал его со слезами. Ночью во сне ему явился преподобный, коснулся головы, открыл ему рот и поместил туда крючок, который спускался до самого горла. Он дернул за крючок и вытащил беса, после чего сказал: “Вот, ты получил исцеление по своей вере. Избавившись от лукавого духа, ступай в мире”. И тотчас слово стало делом, потому что, как только больной проснулся, он обнаружил, что свободен. Благодаря Бога и святого, он с радостью вернулся домой.

Некий христолюбец был слеп на оба глаза. Он пришел к святому и, войдя в храм, стал горячо просить, говоря: “Святый Божий, разреши тьму очей моих. Наследник Истинного Света, избавь меня от темной ночи, да увижу святую Твою икону и священную гробницу преподобного, позволь мне насладиться красотой божественного храма, и наполни радостью и весельем уста мои и язык. Буду проповедовать всем чудеса Твои”. Он долго молился, но не получив тотчас же исцеления, человек тот смалодушествовал и пошел домой. Однако божественный Лука не презрел его, и на обратном пути даровал ему свет очей, причем не сразу, а постепенно, свет для него становился все ярче, а тьма отступала. Поэтому слепец вначале не поверил, что это происходит на самом

деле, но потом, когда стал видеть так же ясно, как и другие, он исполнился одновременно радостью и удивлением, и очень благодарил Бога и преподобного.

Иоанн с острова Тервении из-за сильных болей в ногах был прикован к постели. Улышав о чудотворениях великого Луки, он пожелал посетить его гробницу, чтобы припасть к нему, однако для этого все не было никакой возможности. Что же он сделал? Он мысленно пошел в монастырь, мысленно же пришел к чудотворному гробу и призвал преподобного, воскликнув: *Да придет моление мое пред лице Твое; по слову Твоему избавь меня* (Пс. 118: 170). Если исцелишь меня силой, полученной от Бога, то я приду поблагодарить тебя и поклониться твоему святому гробу на своих ногах". Вот с такой просьбой обратился больной к преподобному, и тот скоро исцелил его, освободив от расслабления ног и сделав здоровым, так что тот через некоторое время на собственных ногах пришел в обитель и припал к чудотворному гробу преподобного со словами: "Благодарю тебя, святой Божий, что избавил *очи мои от слез и ноги мои от преткновения* (Пс. 114: 8). Затем, рассказав отцам монастыря о своей болезни и о том, что преподобный быстро исцелил его, он с радостью вернулся домой, прославляя Бога и преподобного.

Димитрий Калонас, молодой человек сильный телом, копал яму в своем доме для хранения зерна. Яма была уже глубокой, когда ему встретился огромный камень. Решив вытащить его, Димитрий взялся за камень обеими руками. Но поскольку вес камня превышал его силы, у него образовалась грыжа в паху, такая большая, что он не смог двигаться. Родные с большим трудом вытащили его из ямы и положили изнывающего от боли на кровать. Никто из людей не мог помочь ему, но Бог послал ему милость в виде сострадания преподобного Луки. Как раз в это время к Димитрию пришел один знакомый со Стирийской горы, у которого было миро с гробницы преподобного. Он дал его больному, который помазал им грыжу и через три дня полностью исцелил-

ся. Когда к нему вернулось здоровье, он стал прославлять Бога и преподобного и проповедовать всем Его чудеса.

Константина, родом из Фермопил, беспокоил бес, который не только бросал его о землю и сотрясал, но и душу его наполнил тьмой и страхом, всячески донимая страдальца. Что же тогда сделал Константин? Презрев помощь от людей, он прибег к Богу и божественному Луке, служителю Божию. Придя в его храм, он припал к гробнице и стал омыwać ее горячими слезами, а затем помазался миром — лекарством от всякой болезни. День и ночь он молился постоянно, клал поклоны, плакал и в ожидании человеколюбия Божия помазывался миром, смешанным с горячими слезами. Но Человеколюбец Бог медлил и не совершал благодеяния, видимо ради какой-то пользы для его души и спасения, ибо Бог все делает для нас для нашей же пользы. Но добрый Константин все это время не колебался, не угашал теплоты своей души, не отчаивался в вере надежде, не помышлял вернуться домой, что было бы понятно, но недостойно удивления. Исцеление Константина затянулось на целых шесть месяцев, настолько же, сколько терпения было в его сердце, чтобы он избавился не только от беса, но и сподобился спасения души. Через полгода Константин избавился от бесовской тирании, а награду за терпение и веру он получит в будущем веке.

С другим человеком, родом из Еврипа, случилось то же самое: его беспокоил жесточайший бес, поэтому он также пришел к чудотворному гробу преподобного. Один из государственных служащих по имени Христофор из благоговения пришел в храм преподобного и, приложившись к честной гробнице его, попросил отцов позволить ему ночевать у гроба. Отцы позволили ему, но сказали, что здесь будет спать и одержимый бесом. Христофор возразил: “Пусть бесноватый в эту ночь спит в другом месте, потому что я хочу спать у гробницы один”. Отцы позволили и это, и Христофор остался у гроба один. А страдалец, которому назначили другое место для сна, очень опечалился, что не получит благодати святого, и посчитал это для себя безчестием. Но Господь,

утешающий скорбящих, не только утешил, но и чудесным образом избавил его от лукавого демона. Окруженный сияющим светом преподобный явился ему во сне, посмотрел на него веселым взглядом и, позвав по имени, велел открыть рот. Когда он вложил в рот пальцы, то показалось, что вынул оттуда черный волос, на котором висел жук-скарабей. Прогнав его, преподобный спросил страдальца: “Видишь ли ты своего врага? Вот, ты освободился от того, кто мучил тебя”. Таким образом святой показал ему и свое человеколюбие, и демона представил подходящим образом в виде жука-скарабея, а в виде волоса показал его безсилие. К человеку вернулось здоровье, и он с радостью отправился домой, возвещая всем о чудесах Бога и преподобного.

Один клирик из Диавлии, по имени Николай, заболел водянкой и истратил множество денег на врачей, однако исцеления не получил, а болезнь все усиливалась, так что ему грозила смерть. Оставив врачей и лекарства, он обратился с просьбой к общему благодетелю Греции, к безмездному и истинному врачеванию – чудотворному гробу преподобного Луки. Монах Панкратий, бывший там, увидел, что Николай сидит у гроба, и сжалился над ним, решив оказать ему какую-нибудь помощь. Он намочил водой губку и протер ей священную гробницу, а затем ей же помазал больного от головы до ног и – о чудо! – тот стал здоров.

Кроме того, у другого Николая, что происходил из одного селения в Коронии, называемой всеми Растамиты, неизвестно по какой причине, по всему лицу пошли пузыри, напоминавшие тлеющие угли. От гноя, вытекавшего из них, лицо было не только грязным, но и горело, как в огне. Николай потратил множество денег на врачей, не получив никакой пользы, потому что до тех пор, пока он давал им деньги, они говорили, что он выздоровеет. Если же давал еще, то слышал от них, что совсем скоро болезнь его исчезнет, и к нему полностью вернется здоровье. Когда же у него закончились почти все деньги, и он перестал тратить их на врачей, тогда и сказали ему правду. Те, кто ранее из-за выгоды убеждали

его в выздоровлении, теперь, наконец, сказали, что болезнь его неизлечима земными врачами, и что требуется помощь Божественная, превышающая всякое человеческое искусство, ибо только Богу возможно то, что невозможно людям. Услышав это, несчастный Николай стал обвинять себя в безумии и сильно печалился, потому что вместе с деньгами потерял и надежду на выздоровление. Неожиданно, будучи в такой скорби и недоумении, он встретил одного знакомого, у которого был елей из лампадки святого Луки. Зная о Божественной силе, что заключалась в елее, он поведал больному о людях, которые исцелились с его помощью от болезней. Знакомый побежал домой, принес елей и с молитвой и сильной верой в исцеление помазал лицо больного, а также и свое. Во время этого помазания оба призывали на помощь Бога и божественного Луку. Что же за этим последовало? Через несколько дней ослабла сила этих пузырей, и истечение гноя из ран совершенно исчезло, а вскоре от ран на лице не осталось и малейшего следа.

Как невозможно исчислить песок морской, так невозможно и точно сосчитать с точностью безчисленные чудеса преподобного, который и доныне не перестает и не перестанет совершать чудеса. Посему мы привели лишь некоторые в доказательство святости и дерзновения, которые имел святой к Богу. Преподобный Лука прожил всегобыло пятьдесят шесть лет: в четырнадцатилетнем возрасте он оставил мир и стал монахом. Первые семь лет и все время после возвращения из Мореи, то есть двенадцать лет, он обитал на горе Иоаннитре, десять лет служил столпнику Земены, три года провел в Каламе, еще три на острове и семь лет в Стирийской горе. Кончину своей временной жизни принял седьмого числа февраля месяца и отошел к Желанному Богу, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Написано Симеоном Метафрастом

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО ЕВФИМИЯ НОВОГО,
ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В X ВЕКЕ

Сей преподобный отец наш Евфимий был родом из Иверии, из города Тао, сын благочестивых, знаменитых и богатых родителей. Когда отец Евфимия отрекся от временной и преходящей знатности и славы мира сего, предпочтя обогащающую во Христе нищету и облекшись в ангельский монашеский образ (с именем Иоанн), он отправился в Константинополь. Евфимий же, будучи еще весьма малым, остался со своим дедом, мужем знаменитым в славе и добродетели. Дед и воспитывал его в *учении и наставлении Господнем* (Еф. 6: 4). Прошло немного времени и дед, взяв с собой Евфимия, пришел в Константинополь, чтобы найти сына своего Иоанна. Найдя его, дед, плача, уговаривал сына вернуться на родину, но тот не только не послушался, но всячески пытался удержать с собой сына Евфимия, что заставило отца сильно опечалиться.

Поскольку между ними вышел спор: Иоанн хотел оставить сына у себя, а дед не позволял этого, царь Никифор, узнавший о распре, приказал обоим прийти к нему и привести с собой Евфимия. Когда они втроем предстали перед царем, и он услышал всю историю, то велел не тянуть дитя силой, каждый к себе, а оставить суд об этом Богу. К кому ребенок захочет пойти сам, к тому пусть и идет. Как только ребенка отпустили, он тотчас же подбежал к своему отцу, которого никогда не видел и до того часа не знал. Поступок ребенка у присутствующих вызвал изумление и слезы.

Приняв как бы из рук Божиих своего сына, блаженный Иоанн немедленно облек его в монашеский образ и отдал

учиться. Добрый Евфимий обладал не только острым умом, но имел большую горячность и прилежание, так что в скором времени изучил и внешнюю премудрость и внутреннее богомудрие, вмести в себя учения духовные. Вскоре он тяжело и сильно заболел, но попечением и помощью Пресвятой Владычицы нашей Богородицы через некоторое время избавился от болезни. Он продолжал преуспевать в добродетели, премудрости, благодати и во многом другом, достойном удивления, из чего всем становилось понятно, каким дивным мужем он будет. Поэтому мы расскажем об одном из чудес Евфимия во уверение истинности многих других.

Однажды пришел к Евфимию один еврей, чтобы побеседовать с ним о вере. Блаженный же Евфимий никак не хотел говорить с ним, так как был убежден, что с евреями напрасно беседовать. Однако, поддавшись на уговоры отца, он все же согласился и вынужден был опровергать слова еврея доказательствами из Ветхого Завета. Не в силах вынести поражения, мерзкий еврей стал хулить Господа нашего Иисуса Христа, а блаженный Евфимий воспылил божественной ревностью и сказал: “Да заградятся уста, яже глаголют хулы на Господа и Бога нашего”. И – о чудо! – тотчас еврей онемел, упал на землю, испуская из богохульных уст пену, и так лежал, представляя собой жалкое зрелище. На другой день он изверг мерзкую свою душу. Это чудо вызвало у всех страх и удивление, сделав дивного Евфимия знаменитым во всем Константинополе.

Ненавидя славу человеческую, как противную славе Божией, блаженный тотчас же ушел из столицы и отправился вместе со своим отцом на Святую Афонскую Гору. Встретив там преподобного Афанасия, они хотели все вместе поселиться с ним в Священной Лавре, но божественный Афанасий, провидя прозорливыми душевными очами по Божию откровению благодать Святаго Духа, обитавшую в Евфимие, убедил его принять священнический сан. Тот поначалу не хотел, ссылаясь на свое недостойнство, но позже послушался преподобного и был рукоположен во священника.

После этого святой прилагал подвиги к подвигам, воздержание к воздержанию и умножил в себе все те блага, что имел, став божественным сосудом Пресвятаго Духа. Он перевел Священное Писание на язык иберов*, написал много книг учительных, построил множество храмов и больниц и всю Святую Гору украсил обителями. Кто сможет достойно поведать о его благородном отношении к людям, о его несравненном смирении, благодаря которому он четырнадцать лет обихаживал своего немощного отца и помогал великому Афанасию? Когда оба они отошли ко Господу, блаженный Евфимий заботился о Священной Лавре, и не только о ней, но и о всех монастырях Святой Горы. Он был ревностен и скор в заботах о душах и телах братьев, а божественные его уста всегда источали реки премудрости и учение во славу Божию. Однако, любовь к крайнему безмолвию возобладала, и он поставил игуменом Лавры своего родственника Георгия, а сам стал подвизаться в одиночестве, угождая Богу день и ночь. И никто не знал о его духовных подвигах и плодах, потому что преподобный старался совершать их втайне, чтобы о них знал только Бог, Который и сделал его подвиги известными, о чем будет рассказано далее.

Однажды преподобный пришел в Салоники и был с большой любезностью принят местным архиереем, который был дивен в добродетели, но и сам, в свою очередь, поражался жизни преподобного. Архиерей дружил с одним евреем, который служил ему, поэтому архиерей, в награду за дружбу, всегда советовал и убеждал его многими поучениями уверовать во Христа. Однако тот никак не слушался. Все то время, что преподобный был с архиереем, и еврей тоже приходил к нему. Епископ давал ему спасительные советы, которые не убеждали еврея, и, во время бесед о вере, он употреблял слова, полные безстыдства, уничижая и вменяя ни во что слова архиерея. Однажды архиерей попросил преподобного опровергнуть высокомерного еврея мудрыми своими речами, однако истинный ученик кроткого и смиренного Иису-

* Древнегрузинский язык. – Пер.

са Христа сказал, что он земля и пепел, и что уговаривать еврея подобает архиерею, а не ему, но епископ просил его снова и снова, и преподобный вынужден был согласиться. Блаженный Евфимий опроверг слова еврея доказательствами из пророков, заставив того умолкнуть, ясно проповедал о домостроительстве Господа нашего, так что еврей, не в силах вынести стыда, начал говорить хульные слова на Христа. Посмотрев на него, святой произнес: “Да заградятся твои нечестивые уста, глаголющие ложь и хулу против Творца и Владыки всего Христа”. В тот же миг еврей онемел и упал на землю, при этом глаза его окосели, а рот свернулся набок. Увидев такое, все бывшие там евреи и христиане изумились и очень испугались. Припав с мольбой к преподобному, они стали просить его сжалиться над евреем и исцелить его. Услышав их мольбы, святой Евфимий пожалел еврея и, осенив его знамением Животворящего Креста, исцелил, сделав здоровым, как и прежде. После этого еврей стал громогласно возвещать, что Иисус Христос есть Истинный Бог и Творец всего, Хранитель и Промыслитель всех живых существ, а затем крестился не только сам вместе со своими домочадцами, но и все бывшие там евреи, которые присутствовали при этом чуде, а многие другие евреи уверовали во Христа. В благодарность исцелившийся принес преподобному много денег, но тот не принял их и велел раздать нищим.

Случилось однажды на Святой Горе сильное бездожие, и все отцы по причине засухи были объаты скорбью. Они стали просить преподобного помолиться Богу и лишь с большим трудом смогли убедить его. Преподобный Евфимий поднялся в Часовню пророка Илии, что вблизи Иверского монастыря, и со слезами стал молиться Всемилоستивому Богу, принося Ему Словесную и Безкровную Жертву. И – о чудо! – тотчас же полил такой сильный дождь, что досыта напоил землю, и все прославили Бога, прославляющего прославляющих Его.

Издrevле у Святогорских монахов повелось в светлый праздник Преображения Спасителя подниматься на

вершину Горы Афон, служить Всенощное бдение, а на следующий день, после совершения Божественной литургии, спускаться вниз. Однажды, в этот праздник, поднялся на вершину и божественный Евфимий вместе со многими другими братьями. Когда же они захотели совершить Божественную литургию, то стали единодушно просить об этом преподобного. Евфимий с великим смирением послушался и начал служить. Когда же он произнес: “Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще”, а братья ответили: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”, внезапно всех объял невыносимый свет, и затряслась земля. Все братья тут же попадали на землю вниз лицом, только блаженный Евфимий стоял без движения, похожий на столп огня. Это чудо сделало его еще более известным повсюду.

Поэтому, когда отошел ко Господу архиепископ Кипрский, тогдашний царь ромеев послал к святому людей с письмом, горячо прося его принять попечение над архиепископией. Преподобный же не хотел об этом и слышать, говоря, что недостойн такового попечения, и что заслуживает он только, чтобы его окормляли, а не он должен окормлять других, ибо в сердце его укоренена была мать всех добродетелей – смиренномуудрие.

Диавол-отступник, который всегда завидует и воюет на добрые и богоугодные дела, не мог спокойно взирать на богоугодные подвиги святого, которые он совершал всякий день, во славу Христа, Бога нашего, и от зависти и злобы сгорал еще больше. Найдя монаха, который только по внешнему виду был таковым, а в сердце – прескверным и нечистым, достойным жилища диавола, он вошел в него и внушил убить преподобного, нашептывая монаху, как некогда в древности нашептал Еве: “Если убьешь преподобного, то получишь великую награду”. И тот несчастный с ревностью взялся за дело, приготовив нож и поднявшись в башню, где была келья преподобного. Ученик святого, заметив, что тот полностью покорен демону и держит в руке нож, закрыл дверь кельи, не дав ему войти. Не найдя преподобного, чтобы утолить бе-

шенство, которое он в нем вызывал, убийца вонзил нож в его блаженного ученика. Убежав оттуда с безчинными криками и шумом, он встретил другого ученика преподобного, на которого напал тем же образом. Затем, пробежав небольшое расстояние, монах упал лицом на землю, и с бесовскими речами на устах изверг гнусную свою душу. А святой, благодатью Духа Святого узнав о случившемся с учениками по действию диавола, спешно спустился с башни и постриг обоих своих учеников в великую схиму, после чего оба они скоро отошли ко Господу.

Безстыдный же и грязный пес диавол не мог взирать на подвиги преподобного во славу Божию, и снова подговорил некоего садовника зарезать святого. Тот приготовил нож, подошел к святому и ударил его в живот. Но – о чудо! – святой не потерпел никакого вреда, конец ножа стал как воск, а рука, ударившая преподобного, высохла и осталась без движения. Тогда садовник, со слезами припав к ногам преподобного, исповедал ему диавольский замысел и просил о прощении и исцелении. Сжалившись, святой помолился о нем Богу, и его душе и телу было даровано здоровье.

Какими словами можно достойно поведать о добродетелях преподобного? Он был сострадательным, веселым, безгневным, смиренным, проводил все ночи в непрестанной молитве и стоянии пред Богом, соблюдал скудость и в пище, и в одежде, сурово обращался с телом, ибо носил тяжелые вериги. Проще говоря, он был ангелом в земном теле и светильником в мире, имеющим слово жизни.

Но поскольку повсюду нас преследуют соблазны, ведь земля по преимуществу есть место соблазнов, случались некоторые и на Святой Горе. По этой причине отцы попросили святого пойти в царствующий град, чтобы царским указом искоренить из их среды соблазны и обезпечить в этом месте прочный мир. Послушавшись их, преподобный отправился в Константинополь. Царь со всем синклитом архонтов с благоговением приняли его, дружелюбно приветствовали и тотчас же исполнили его просьбу.

Находясь в столице, преподобный однажды поехал с одним монахом на муле по какой-то нужде в ту часть города, которая называлась Платия. По дороге им встретился нищий, просивший милостыню. Увидев его, святой сжалился и хотел ему что-нибудь дать, но вдруг мул испугался, расвирепел и, сильно дернув преподобного, побежал, безчинно стуча копытами, и не останавливался до тех пор, пока не сбросил святого Евфимия на землю, отчего тот сильно разбился. Подбежали христиане, подняли его и отвели туда, где он жил. Через несколько дней преподобный предал святую душу свою в руки Божии тринадцатого числа мая месяца. При погребении его случилось множество исцелений и чудес в доказательство святости и дерзновения преподобного к Богу.

Впоследствии святые мощи преподобного Евфимия перенесли на Святую Гору и положили в обители Честного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, которую построил он сам, и которая была названа Иверской во славу Отца, Сына, и Святаго Духа, Единого Божества же и Царства, Которому подобает слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

**ЖИТИЕ, ПОДВИГИ
И ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧУДЕСАХ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО ЛАЗАРЯ,**

**НА ГАЛЛИСИЙСКОЙ ГОРЕ
ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В XII ВЕКЕ**

Сей преподобный Лазарь происходил из одного селения в Азии, что близ Магнезии. Его знатных, богобоязненных и добродетельных родителей звали Никита и Ирина. В момент рождения преподобного в доме появилось необычайно светлое облако, которое указывало на то, что младенцу суждено было стать сыном света и сосудом божественного освещения. Женщины, что пришли посетить роженицу, при виде странного зрелища так испугались, что выбежали из дома. Позже случилось еще одно чудо. По прошествии достаточно долгого времени, когда облако уже поднялось и женщины снова вошли в дом, они увидели, что младенец со скрещенными на груди руками стоял на собственных ногах, обратившись на восток. С той пор все стали говорить, что младенец тот будет во всем весьма известен и знаменит.

Когда преподобный подрост, родители отдали его учиться священным наукам, которые он постигал с легкостью. Однако нрава своего учителя мальчик отвращался всей душой, потому что наставник был поработен страстью сребролюбия. По этой причине любую принадлежавшую учителю вещь, которая попадала ему в руки, или деньги, Лазарь отдавал нищим. И хотя учитель постоянно ругал его за это и бил, преподобный продолжал одаривать нищих, ибо переносить оскорбления и побои его заставляли милосердие к нищим и ненависть к сребролюбию. Несмотря на поношения и побои, которыми учитель награждал ученика за то, что тот брал у

него вещи и деньги для раздачи нищим, он восхищался его милосердием и хвалил перед всеми.

Придя в более зрелый возраст и достигнув более совершенного знания, Лазарь возжелал покинуть родину и пойти на поклонение к Святому Гробу Господню и прочим святым местам Иерусалима. Однако, сколько бы попыток он не предпринимал, всякий раз родные препятствовали ему. Чтобы он не сбежал тайком, родители отправили его в близлежащий Оровоский монастырь, где он мог предаваться священным наукам и упражняться в добродетели, но более всего из-за того, что там он находился под присмотром. Распаляемый любовью к Богу, блаженный Лазарь не успокаивался, но всегда помышлял о побеге. Улучив однажды такую возможность, он с одним из монахов, незаметно от родителей и родных, со всей ревностью устремился в Иерусалим.

Проходя через Хони, местечко, где совершилось чудо Архистратига Михаила, он вошел в храм, посвященный Архангелу, и попросил у него помощи в пути. Затем путники направились в Аггалию. Однако монах, сопровождавший его в пути, замышлял продать Лазаря в рабство сарацинам. Когда монах (если такового можно назвать монахом) уже торговался с сарацинами по-армянски о цене, случилось проходить там одному христианину, знавшему этот язык, что было не иначе как действием Божественного Промысла. Христианин понял намерение монаха и сообщил о нем Лазарю, который тотчас же ушел отсюда. Неподалеку был монастырь, и Лазарь нашел там одного почтенного иеромонаха, старца возрастом и умом, которому и рассказал о своей родине, о родителях, о желании поклониться святым местам Иерусалима, о замысле сопровождавшего его монаха, и обо всем, что случилось с ним по дороге. После этого иеромонах поинтересовался, думает ли Лазарь все еще идти в Иерусалим. Узнав, что преподобный весьма желает этого, почтенный старец сказал, что юноше, которого легко может одолеть диавол, не должно идти куда захочется, поскольку следовать своим помыс-

лам – большое зло, ибо своевольник становится жертвой врага, повсюду расставившего свои погибельные сети. Если же ради пользы своей души юноша послушается его совета, то должен остаться в этом монастыре, где старец был игуменом, стать монахом, прожить долгое время, пока не придет в зрелый возраст, и только тогда ему можно будет без опаски выходить.

Услышав добрый совет, божественный Лазарь принял его с большой радостью и остался в монастыре. Совлекшись вместе с мирскими одеждами ветхого человека, он облекся в нового, во Христа, надев монашеское, и с той поры предался аскетическим подвигам.

Пост, утончающий тело и успокаивающий страсти, встающие на душу, блаженный возлюбил так, как плотолюбцы не любят наслаждение и многоедение. Усердно подвизаясь, Лазарь стяжал послушание – основу монашеского жития, и смирение – высочайшую из всех добродетелей, став для всех образцом и примером этих двух добродетелей. А что сказать о бдении, об иссушении тела и прочих суровых подвигах, предпринимаемых им для утончения плоти? Скажем лишь, что, будучи здоровым по природе*, он стяжал и добрый подвиг, потому и имел в себе всякую добродетель, как будто был не земным, а Небесным, ибо доброе естество дает силу душе, а добрый подвиг приводит душевную силу к доброму завершению.

Не было никого, кто бы не удивлялся подвигам божественного Лазаря, не хвалил бы его и не рассказывал о нем другим. Но более всех ставил его в пример другим его духовный отец, игумен монастыря, которому служил преподобный, и который обучал его духовному подвигу. Преподобный Лазарь провел в монастыре уже достаточно долгое время, когда однажды старец сказал ему: “Чадо, я через малое время отойду в землю, общую для всех мать, а тебя посвящаю общему всех Владыке Христу, Он и позаботится о тебе”.

* Буквально – имея “доброе естество”. – Пер.

При этих словах преподобный застонал из глубины души и горько заплакал, потому что не хотел и слышать о разлуке со старцем. Но прошло немного времени, и старец его отошел ко Господу. Оплавав его смерть, божественный Лазарь через три дня покинул обитель и, придя к одной пещере, что располагалась в труднодоступном месте, остался там, чтобы одному беседовать с единым Богом.

Человеческим языком трудно передать, скольким подвигам и утеснениям тела предала себя эта терпеливая душа. Но чем более он старался скрывать свои добродетели от людей, тем более становился известен всем, потому что того, кто работает добродетели, она открывает взорам людей, как бы тщательно тот не скрывался. Увидеть преподобного, чтобы получить от него благословение, ежедневно приходили толпы людей. Ни дальность пути, ни труднопроходимая местность, ни иные причины не останавливали людей. Чтобы облечить путь к его пещере, они даже построили дорогу: собрали в большом количестве хворост и дрова, разожгли на каменистой дороге костер, затем полили уксусом, чтобы размягчить жесткие камни, и разбили их металлическими орудиями. После этого дорога, ведущая к преподобному, сделалась легкой, ибо желание добра в Боге подвигает людей предпринимать почти невозможное.

Вот такую любовь испытывали к преподобному множество людей, а местный епископ, услышав о нем, возжелал подняться к Лазарю в пещеру, чтобы побеседовать с преподобным. Из-за многочисленности приходивших к нему, святой решил построить в этом месте храм во имя Пресвятой Богородицы и кельи для братьев, которые желали принять монашество, ибо многие отрекались от мира и хотели жить с преподобным. И поскольку многие с готовностью откликнулись и всеми силами стали помогать этому богоугодному делу, преподобный Лазарь построил там замечательный монастырь, и каждый из тамошних христиан испытывал великую радость при мысли о том, что исполняет повеление преподобного.

Как-то раз один человек пришел к нему и сказал, что хочет пойти на отвесную скалу, чтобы собрать там дикий мед. Преподобный, по благодати Святаго Духа, мог предвидеть будущее и понял, что человек тот может погибнуть (а место было и вправду обрывистое), и он сказал ему: “Чадо, для твоей же пользы не нужно тебе и видеть этого места, потому что нависла над тобой великая опасность, и ты можешь погибнуть, если не удалишься от него. Если хочешь избежать опасности, оставь свое намерение”. Однако тот человек не послушал совета преподобного и вместе со спутниками пошел на скалу. Обвязавшись веревкой, он с помощью друзей начал спускаться. Подумайте, как плохо не слушать советов тех, кто дает их для нашей пользы. Не успел тот несчастный и наполовину спуститься, как веревка оборвалась, и он упал вниз, испустив дух еще до того, как коснулся земли, от множества ударов о выступавшие камни. Так он пожал смертоносный плод своего же безумного помысла. С того времени все стали внимать словам преподобного, как словам пророка, нисколько им не противореча.

Однажды пришел к преподобному человек, который исповедал свои грехи, а в конце сказал, что зарабатывает себе на жизнь удобным и разумным способом, не требующим знания ремесла. Он по ночам заходил в чужие дома, брал все, что находил, и прятал в укромном месте. Когда хозяева начинали искать пропажу, он говорил им, что святые, открывая ему многие тайны, открыли и то место, где вору спрятали их вещи. Водрузив на плечи Честной Крест или икону какого-нибудь святого, он шел вместе с хозяевами, и показывал, где копать. Так все находили свои вещи, а его почитали как друга Божия, достойного зреть Божественные откровения, и в качестве награды отдавали ему часть найденных вещей. Выслушав это, преподобный сказал: “И употребляя такое дурное ремесло, ты, чадо, говоришь, что зарабатываешь себе на жизнь разумным и искусным способом? Горе тебе, помраченному умом, потому что ты обольщен и

осмеян диаволом, считая разумным его учение, которое ты выучил на погибель своей души, принимая тьму за свет. Если не престанешь от этого греха, то – горе тебе, как говорит пророк Исаия (Ис. 3: 11), принимающему горькое за сладкое, потому что скоро найдут на тебя наказание и гнев Божий”. Услышав все это, тот упал в ноги к преподобному и со слезами стал просить прощения грехов, обещая впредь, что не будет верить диавольской лести, но престанет от греха и всеми силами будет работать добродетели. Получив от преподобного прощение, он, с помощью Божией и молитвами святого, сдержал данное обещание.

И хотя своими наставлениями и поступками святой приносил многим великую пользу, поднимая впадших в грех, а стоявших укрепляя в добродетели, он очень хотел уйти оттуда в Иерусалим, чтобы избежать славы человеческой (преподобный знал, каким великим препятствием является она для тех, кто идет по вышнему и Небесному пути), и исполняя, таким образом, бывшее у него с молодых лет желание поклониться святым местам Иерусалима. Объявив монастырской братии о своем намерении и, сколько было возможно, утешив их (ибо они очень печалились при разлуке с ним), он повелел им соблюдать обеты монашеского звания, а также всеми силами заботиться о своем спасении, после чего ушел в Иерусалим.

Поклонившись тамошним дивным святыням и Гробу Господню, преподобный через несколько дней пришел в Лавру святого Саввы, где рассудил остаться на долгое время, чтобы подвизаться в подвигах вместе с жившими там преподобными отцами и получить от них великую пользу. Ничто так не подвигает людей на добродетель, как доброе соперничество с теми, кто живет в добродетели. Подобно тому как камень трется о камень и в результате становится гладким и блестящим, так и добродетельный соперничая с добродетельным приходит в большее преуспеяние, становится “более светлым”. С радостью принятый братией, преподобный

остался в Лавре и получил послушание парекклисиарха*. Это послушание он исполнял шесть лет, подвизаясь наравне с первыми и избранными монахами той обители, которые постоянно стремились достичь состояния безплотных ангелов. Но божественный Лазарь подвизался не только наравне с ними, но и превосходил их во всем, а подвиги его вызывали удивление. Он был признан достойным сана священника, и игумен монастыря уговаривал его принять сан. Вначале преподобный отказывался, говоря, что недостойн такого сана, но поскольку игумен продолжал уговаривать его (ибо знал, каков Лазарь в добродетели и какого звания достоин), то и преподобный, чтобы не показаться дерзким, рассудил, что неразумно более противиться. Он послушался и был рукоположен во священника тогдашним патриархом Иерусалимским, после чего провел в монастыре еще шесть лет. Затем, видя, что наиболее преуспевшие в добродетели монахи в первую седмицу Великого поста по старому обычаю выходят из монастыря в пустыню, а в Неделю ваий возвращаются обратно в обитель, неся добрые плоды подвига, и он возжелал также уйти в пустыню. Не открыв своего желания игумену, он тайно покинул монастырь, и не потому, что пренебрег игуменом (ибо кто другой показал большее к старшим послушание, чем блаженный Лазарь?), но потому, что был побежден сладостью безмолвия, которого желал уже много лет, и ради достижения которого употреблял столько способов. Проведя в пустыне положенные дни Четыредесятницы, он вернулся в обитель вместе с другими братьями. Но если всех других приняли и позаботились о них, потому что монахи были утомлены от долгих пустынных трудов, то божественного Лазаря, единственного, по повелению игумена выгнали из монастыря, не позволив ему даже переступить порог. Лазарь долго плакал у дверей монастыря, прося

* Парекклисиарх (греч.) – дословно, состоящий при еkkлисиархе, один из низших церковных чинов в степени пономаря, исполнявший распоряжения еkkлисиарха. Еkkлисиарх (греч.) – церковноначальник.

о прощении, но, не получив его, отправился в Иерусалим к эконому великой Иерусалимской Церкви, который был его старым другом, чтобы тот попросил за него игумена. Как только эконом выслушал его, он сразу же пошел в Лавру и долго просил игумена простить его друга Лазаря, после чего преподобный получил от игумена прощение и был снова причислен к лаврским братьям.

Когда наступил следующий Великий пост, то, увидев, как другие монахи снова уходят в пустыню, преподобный не подумал ни о гневе игумена, ни о возможном изгнании из монастыря, ни о прочих последствиях, но тоже пошел, ибо для того, кто хотя бы раз вкусил сладость и мед безмолвия, оно становится навсегда желанными, заставляя презирать все прочее, и к нему одному (безмолвию) стремиться. Вкусив этого меда однажды, преподобный был не в силах оставаться в монастыре и лишиться столь великого блага. Поэтому, придя в безмолвное место, он не захотел более возвращаться в Лавру и полностью предался безмолвию. На весьма высоком месте он построил столп и, совершенно отрекшись от всего вещественного и земного, взошел на него, как воин, свободный от всяких тягот, чтобы вести великую *брань не против крови и плоти... но... против духов злобы поднебесных* (Еф. 6: 12). Он много лет провел на столпе, мужественно подвизаясь против демонов, и добился великих побед над ними.

Однажды, сойдя со столпа и идя по равнине, преподобный услышал глас, говоривший ему: “Лазарь, ты должен вернуться на родину”. Удивившись, он осмотрелся кругом и, никого не увидев, подумал, что это сказал бес. Но и в следующий раз, когда ему случилось проходить это место, он услышал тот же голос и подумал, что это может быть Божественный Промысл. Чтобы в точности убедиться в этом, он остался там еще на некоторое время, и еще раз услышал голос. Тогда преподобный пошел к обитавшим поблизости подвижникам, которые провели в пустынях всю свою жизнь, с юных лет до старости, и поведал им о голосе, который слышал, и спросил, что ему делать. Когда же они сказали ему, что голос

тот был от Бога, он ушел в Иерусалим и, взяв в спутники монаха добродетельной жизни по имени Павел, пришел в Севастию. Там они разделились: Павел отправился в Трапезунд, а преподобный Лазарь – в Рим, куда уже давно желал пойти поклониться двум верховным апостолам.

Проходя по дороге через какие-то заросли, он встретил двух огромных медведей. Очень испугавшись и не зная, куда бежать от опасности, он прибег к помощи Бога. Воздев очи и руки к Небу, он произнес слова из псалма Давида: *“Боже мой... не удайся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет* (Пс. 21: 12). Спаси меня, Господи, от уст кровожадных зверей и от смерти исторгни душу мою”. Как только он произнес эти слова, то (о чудо!) увидел, что медведи склонили головы и, смиренно свернув на одну сторону дороги, уступили место преподобному, как своему хозяину, ибо добродетель даже зверям внушает уважение.

Хотя человек Божий остался невредимым от чувственных зверей, мысленный зверь, диавол, не в силах этого вынести, превратился в огромного черного пса и побежал за преподобным. Иногда он забегал вперед и грозил растерзать его зубами, а иногда бежал позади и злобно лаял, делая вид, что сейчас схватит за ноги. Так поступал треклятый в течение трех дней. Когда же понадобилось преподобному зайти в селение, чтобы купить еды на дорогу (у него не было с собой хлеба, ибо он никогда не заботился о завтрашнем дне), пес стал мешать ему. Долгим лаем он привлек деревенских собак, и раззадоривая их, первым бросался на святого, а за ним бросались на него и все остальные. Преподобный вынужден был оставаться голодным весь день и всю ночь, потому что не мог подойти к селению из-за донимавших его бесов. Однако, с помощью Божией, преподобный избавился от этого искушения; враг устал противиться великой душе и, пристыженный в своей немощи, был прогнан, как бы бичом.

Промыслом Божиим став выше искушений врага, преподобный достиг Ефеса, где пришел к местному епископу и в беседе с ним открыл свое намерение идти в Рим.

Подивившись кротости преподобного, его простоте, сладости слов и благодати Святаго Духа, сиявшей чрез него, архiereй был пленен любовью к нему и стал возражать против его путешествия в Рим. Тогда преподобный, по совету ефесского епископа, отказался от своего намерения, но отказатьcя от безмолвия и жить у архiereя никак не соглашался. Уйдя от епископа, он пришел в монастырь Оровос, откуда когда-то отправился в Иерусалим. В начале своего там пребывания преподобный скрыл, кто он такой, но потом братья стали просить его рассказать о себе, ибо сами не узнали его. Тогда преподобный сказал, что он и есть тот Лазарь, который некоторое время назад ушел от них. Тотчас же весть о том, что Лазарь снова вернулся в обитель, разошлась по окрестностям, и все устремились в монастырь, чтобы посмотреть на него, особенно же его мать, уже оплакавшая смерть его отца.

Кроткое лицо преподобного и его душеполезные слова вызывали в людях душевный восторг, ибо наряду с прочими добродетелями слово его, по апостолу (Кол. 4: 6), было *всегда с благодатию, приправлено солью*. Говорил же благословенный ласково, с большой добротой, так что мог умягчить и жесткую как камень душу. Потому многие из тех, кто слушал божественные речи дивного Лазаря, плакали от радости. Однако людские толпы нарушали его покой, и Лазарь решил уйти из монастыря в тихое место. Пробыв на родине еще немного дней в благодарность матери за ее любовь (ибо он видел, как она печалилась от разлуки с ним), он ушел в поисках тихого места. Узнав, что напротив Галлисийской горы есть небольшой монастырь с храмом святой мученицы Марины, он отправился туда. Место было весьма тихое, а в монастыре он обнаружил двух своих родных братьев. Ефесский епископ очень обрадовался, когда узнал о том, что любимый им Лазарь пришел туда, так как всегда желал общаться с ним. Придя в монастырь, он радостно приветствовал Лазаря и назначил его игуменом, а братьям заповедал

слушаться преподобного, как отца, и никогда, даже в самом малом, ему не противиться.

На безмолвии божественный Лазарь стал предаваться еще более суровым подвигам и с еще большей ревностью заботился о стяжании всех добродетелей. Ему нравилось, чтобы о его подвигах никто не знал, ибо он справедливо рассуждал, что совершать подвиги добродетели напоказ и ради человекоугодия то же самое, что и вовсе не совершать их. Он говорил, что творящие добродетель ради стяжания славы человеческой не получают никакой награды, как говорит Святое Евангелие: *не будет вам награды от Отца вашего Небесного* (Мф. 6: 1). Многие люди, если бы не было хвалящих их, конечно, не стали бы даже и пытаться быть добродетельными, но те, кто творят добродетель втайне от людей и известны лишь Богу, такие примут многократную славу. Итак, насколько выше слава Божия славы человеческой (потому что первая – вечна и нетленна, а другая – временна и тленна и не сопутствует человеку постоянно, ибо прежде кончины таких людей их лицемерие обнаруживается), настолько выше и тот, кто творит добродетель втайне. И хотя преподобный именно поэтому и скрывал свои добродетели, показывая себя нижайшим всех в речах и поступках, все выходило как раз наоборот. Подобно тому, как некто, стоя на базарном помосте, созывает всех трубными звуками и потому становится заметным, так и божественный Лазарь, хотя и скрывался, все равно был виден всем, но не из-за трубных звуков, а из-за подвигов добродетели.

И в монастыре к преподобному постоянно приходили бесчисленные толпы народа. И всегда первым его делом было наплатить спасительным словом души приходивших к нему, а затем уже и пищей телесной. И так он поступал всегда, даже если не хватало еды для себя и для братии, даже если на всех был только один хлебец, и это у каждого вызывало изумление. Преподобный отличался таким человеколюбием, что превосходил в этой добродетели самых знаменитых мужей. Те творили милостыню от избытков, или уделяли немного

от своих нужд и раздавали неимущим, но ровно столько, сколько надо было дать, чтобы самим не зависеть от других. И только преподобный великодушно отдавал другим пищу, в которой нуждался сам для подкрепления ослабевшего от поста и уставшего от трудов тела, не заботясь о себе и считая своей пищей то, что он питал нуждающихся. Это и есть, в собственном смысле слова, милостыня. Ибо человеколюбивое расположение заключается не в том, чтобы давать от избытков, но чтобы отдавать то, что необходимо тебе самому, и добровольно раздавать нищим то, в чем сам испытываешь недостаток.

Такого человеколюбия преподобного не смогли вынести двое братьев, которые сильно скорбели и постоянно ворчали, считая, что преподобный отдает посетителям ту еду, которая предназначена для них. Они пытались переубедить Лазаря, но, ничего не добившись, ушли из монастыря, оставив преподобного с несколькими учениками. Ученики, с согласия преподобного, посеяли недалеко от дороги бобы, а поскольку земля была хорошей и плодородной, бобы принесли обильные плоды, однако все проходившие мимо поля срывали плоды, если их, и даже набирали домой. Заметив, что плоды их трудов поедают путники, ученики преподобного сильно огорчились, сам же святой не скорбел, но утешал учеников, пытаясь развеселить их радостными словами. Когда же пришло время сбора урожая, он отправил их собирать бобы, они же не хотели идти и трудиться напрасно, потому что хорошо знали, что плодов там почти совсем не осталось, ибо проверяли стручки наощупь. Преподобный же, отчасти силой, отчасти просьбами, все же убедил их пойти на поле. Они собрали оставшиеся плоды и принесли на гумно, но когда прочли положенную при веянии зерна молитву, случилось чудо. В веялке оказалось столько бобов, что можно было подумать, что все стебли превратились в бобы. Весьма обрадовавшись этому и вспомнив слова преподобного, которые он говорил им в утешение, они побежали к нему рассказать о чуде, одновременно прося прощение за то, что

выказали противление, не желая собирать бобы. Преподобный сразу же простил их, потому что знал, что они сделали это не по злобе, но потому что не ведали того, что может произойти по молитвам к Богу.

Через некоторое время преподобный, поняв, что не получает пользы, но только вред от постоянных беспокойств, пошел к одному добродетельной жизни старцу, жившему напротив Галлисийской горы, который рассказал ему, что на вершине горы есть весьма удобная для подвигов пещера, поскольку местность та была пустынной из-за неприступности горы, лишена всякого утешения, и на всех, кто приходил туда, жестоко ополчались бесы. В той пещере совершал подвижнические труды великий в добродетели Пафнутий. Тогда божественный Лазарь решил поселиться в той пещере. Но едва он начал подниматься туда, бесы, поняв, что идет их губитель и воин, задумали напугать его и стали возмущать местность непонятными и ужасными звуками. Преподобный же безстрашно воспевал псалмы и шагал с еще большим дерзновением, зная, что все бесовские предприятия – лишь призраки, которых на самом деле нет. Когда он, наконец, поднялся на гору, то обнаружил пещеру. Он закончил петь псалмы, осенил себя крестным знамением и перекрестил также и камень, который был перед пещерой. И – о чудо! – на камне тотчас же отобразился крест, который был выбит так глубоко и красиво, словно его высек какой-нибудь искусный камнетес. Из этого чуда преподобный заключил, что его приход сюда был промыслительным, и что за благим началом должен последовать благой конец. Он поблагодарил Бога и вошел в пещеру. Увидев, что она была удобной, как ему и хотелось, а с одного камня сверху даже капала вода, которой можно было утолить жажду, преподобный решил остаться здесь на безмолвие, чтобы постоянно беседовать с Богом.

Кто может описать невыносимые искушения, что претерпел преподобный от бесов, находясь в пустыне без братьев? Все дни, что преподобный был в пещере, проклятые разными

способами не переставали его искушать, устрашая разными призраками, чтобы только заставить уйти. Но святой мужественно принимал бой, не уставая побеждать их искушения. Так он провел в безмолвии много лет, беседуя наедине с единым Богом. После этого шесть монахов (никто не знал, откуда они узнали о преподобном, потому что никто, кроме того старца, не знал, где он подвизается, а старец тот, по просьбе преподобного, никому этого не открывал) пришли к нему и со слезами просили позволить остаться жить вместе с ним. Видя их сильное желание, преподобный принял их и дал им правила монашеской жизни. Уже давно он хотел построить рядом со входом в пещеру небольшую церковь во имя Владыки Христа, но не мог этого сделать один, а теперь, найдя помощников, решил осуществить задуманное. У преподобного не было средств на постройку, но Божественным Промыслом нашлась в Ефесе одна богатая женщина добродетельной жизни, которая оплатила расходы, и храм во имя Христа Спасителя был построен.

После этого пришли еще шесть братьев, и всего их стало двенадцать. Место же было узким, что не позволяло построить ни дом, ни даже просто навес или иное что, так что жили они под открытым небом. Тогда преподобный поднялся с братьями на вершину Галлисийской горы и построил там храм во имя Богородицы, а вокруг достаточно келий для братьев. Затем он выстроил кельи за монастырем, на большом расстоянии одна от другой, чтобы братья могли наслаждаться в них безмолвием. Однажды в летнее время, когда стояла сильная жара, а преподобный был в одной из этих келий, читая последование шестого часа, он так сильно захотел пить, что чуть не умер от жажды. Не найдя воды, благословенный Лазарь в обмороке упал на землю и лежал с воздетыми к Богу руками, прося у Него помощи. Скорый на утешение и быстрый на помощь Человеколюбец Бог не презрел Своего раба, находившегося в опасности, но послал Своего Ангела к жившему там ученику преподобно-

го с сосудом, наполненным водой, велел ему бежать к старцу. Прибежав, ученик оживил своего духовного отца водой, избавив его тем самым от смерти. Но враг наш диавол не успокоился на этом, но, приняв образ огромного черного змея, заполз преподобному в одежду, чтобы его напугать. Зная уловки сатаны и имея опыт борьбы с ним, он нисколько не испугался, но перекрестил его Честным Крестом, и тот немедленно исчез.

С той поры монахи стали умножаться числом, монастырь же уже не вмещал всех (когда преподобный строил его, то не думал, что их соберется так много, ибо место было суровое, лишенное воды и всего прочего, необходимого для жизни). По этой причине преподобный однажды много дней подряд со слезами молил Бога открыть ему, есть ли Его святая воля на то, чтобы построить больший по размерам храм и монастырь, способный вместить всю приходившую братию, и где заложить фундамент для будущего храма. Когда он так молился, то как-то ночью услышал голос, повелевавший ему выйти из кельи. Преподобный вышел, и увидел огненный столп, достигавший Небес, и Ангелов Божиих, сходявших на землю и сладко певших: *Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его* (Пс. 67: 2). Он сразу же понял, что Богу было угодно, чтобы он строил храм в том месте, где явился столп. Преподобный с великой ревностью приступил к строительству, возведя вокруг храма и монастырь, не хуже чем любой другой, как по размерам, так и по красоте постройки.

Хорошо бы рассказать, откуда преподобный, не имея и обола* за душой, нашел средства на дорогостоящее строительство, за короткое время завершив столь необычайное и великое дело. Тогдашний царь ромеев Роман враждовал с Константином Мономахом, одним из первых архонтов Константинополя. По разным причинам, а более всего потому,

* Обол (греч.) – монета, шестая часть драхмы; употреблялся у греков как единица веса и как единица стоимости. – *Словарь Брокгауза и Эфрона.*

что подозревал его в намерении захватить царство, Роман сильно разгневался на Константина и сослал его на остров Митилену. Услышав об этом, божественный Лазарь от сострадания к Константину очень опечалился, потому что наказание постигло того, кто не сотворил никакого зла. Преподобный послал к Константину людей, чтобы утешить его в страданиях и подать благие надежды на то, что он станет преемником царства ромеев, ибо Лазарь провидел это Божественной благодатью. Спустя короткое время Роман скончался и, по предсказанию преподобного, царем стал Константин. Тогда он послал Лазарю много денег, драгоценных сосудов, святынь, даров, чтобы он смог полностью достроить обитель. На эти средства преподобный возвел храм Воскресения и огромный знаменитый монастырь. Строительство монастыря началось после Божественного видения, и Божественным же Промыслом обрелись средства. Благодаря славе преподобного, монахи постоянно умножались, и скоро их стало уже больше семисот человек. Один из них был родным братом божественного Лазаря, который, научившись от него монашескому жителству, настолько преуспел в добродетели, что стал превосходить всех прочих, кроме своего брата. После кончины преподобного, по решению всей братии, именно он принял управление монастырем, похвально преуспев в должности настоятеля.

По завершении строительства святой построил близ храма, позади его, столп без кровли, неудобовосходимый и очень тесный, потому что ширина его была всего три пяди*. Он поднялся на него в кожаной одежде, с непокрытой головой, с босыми ногами и с тяжелыми веригами на теле. Там преподобный терпел все напасти зимы: сильные дожди, снега, холода, жестокие морозы, от которых приснопамятный стал почти прозрачным. Подобно этому он переносил жару и невыносимый зной, проводя жизнь на столпе как безплотный.

* Пядь – мера длины, равная 231, 2 мм. – *Пер.*

Однажды случился такой сильный дождь, что вода увлекла за собой огромные камни, погубив много животных и повредив плоды. Один козопас, находившийся недалеко от монастыря, не в силах вынести такого потопа, побежал в обитель, спасаясь от опасности. Подойдя к святому и попросив у него помощи (о, кто может по достоинству поведать о величии чудес Твоих, Христе Боже!), он увидел Пресвятую Богородицу, стоявшую в воздухе над столпом, оберегая преподобного от дождя. Кто видел или слышал когда о таком чуде? Хотя авву Макария Египетского охранял Херувим, а Паисия Великого – Ангел Господень, но такого чуда, думаю, никто не видел и не слышал, чтобы Лазаря, как облаком, покрывала Сама Царица Ангелов, сохраняя Своего слугу и раба невредимым.

Послушайте и о другом чуде, подобным этому. По всем окрестностям разошелся слух, что столпа святого не касается ни дождь, ни град, ни снег, и капризы погоды не причиняют ему никакого вреда. Если одни уверовали в это чудо без всякого сомнения, то правитель той местности не верил до тех пор, пока не увидел его собственными глазами. В зимнее время, когда снег падал хлопьями и бил ему в лицо, так что он не мог даже свободно дышать, сильно понуждая себя, правитель с большим трудом поднялся в монастырь и, подойдя к столпу, увидел удивительное чудо. Снег, который валил с такой силой, приближаясь к столпу, разделялся надвое и падал на землю, так что ни одна снежинка не касалась столпа. Удивляясь этому чуду, правитель попросил у преподобного прощения за прежние свои сомнения. Получив прощение, он вернулся домой, рассказывая всем об увиденном чуде, и все верили тому, что говорилось о святом.

Ученик святого по какой-то необходимости пошел как-то раз в близлежащее селение, и увязалась за ним блудница, которая пыталась разными способами совратить его. Он же – о легкосокрушаемое естество человеческое! – помыслил пасть с ней в грех. И в тот момент, когда он был уже готов совершить его, он услышал голос преподобного, который

устрашал его вечными муками. Ученик так испугался этого голоса, что задрожал и отвернулся от блудницы, тем самым избавившись от греха. Об этом чуде преподобный ничего не знал до тех пор, пока ученик ему сам не рассказал. Бог, прославляющий рабов Своих, воззвал к ученику голосом преподобного Лазаря, избавив его от опасности.

Во время войны ромеев с персами в плен попал старый друг преподобного, Филиппик. Вместе с другими его отвели в рабство в варварскую землю и бросили закованным в железо в темницу. Сильно мучаясь от голода и прочих бед, он просил у Бога послать ему смерть, чтобы избавиться от такой несчастной жизни. Страдая и не получая помощи ниоткуда, несчастный провел в темнице много лет. Но однажды ночью, вспомнив о великом Лазаре и совершенных им чудесах, он с теплыми слезами стал просить преподобного избавить его от уз и несчастья. И – о чудо! – среди ночи явился ему преподобный, и как только дотронулся до его цепей, они сами упали с ног, после чего велел следовать за собой. Так, вместе, они тронулись в путь и шли оставшуюся часть ночи. Когда же рассвело, оказалось, что оба они поднимались на гору. Преподобный тут же стал невидим, и Филиппик остался один. Когда он пришел в себя и понял, что это была Галлисийская гора, он прославил Бога за полученную свободу. Придя в монастырь и поведав о чуде, он долго благодарил преподобного. Не желая более возвращаться к родным, Филиппик стал монахом и оставшуюся жизнь провел, угождая Богу.

Однажды, поссорившись с преподобным, эконоом монастыря построил на монастырские деньги обитель в другой местности, приятной и здоровой: зимой здесь было нехолодно, а летом нежарко, в изобилии была вода. Эконом хотел привлечь монахов красотами места и увести их из монастыря Лазаря, чтобы лишить обитель святого людей, а самому прославиться. Это деяние не могло укрыться от преподобного, хотя эконом прилагал все усилия, чтобы скрыть свой поступок. Узнав о постройке, преподобный позвал эконо-

ма, попросил его прекратить строительство и не ссориться с ним. Эконом же не только не захотел послушаться своего духовного отца, но и грубо отвечал ему, продолжив дело с еще большим рвением, или, лучше сказать, неведением. После того как преподобный и дважды, и трижды просил его, а тот все стоял на своем, Лазарь сказал: “Чадо, Бог Сам позаботится о том, чтобы исправить тебя”. И тотчас же, по слову преподобного, Бог вразумил ослушника. Прежде чем тот дошел до своей кельи, он жалким образом изверг свою душу, пожав, таким образом, от своего дурного непослушания самые худшие плоды. Нет худшей страсти, чем непослушание, поскольку за ним следует смерть. Доказательство этого – преслушание Адама и Евы, породившее смерть.

В другой раз некие братья везли на мулах в монастырь вино. Приехав на постоялый двор, они разгрузили животных и сели обедать. Когда пришло время пить, один из них, поднимая сосуд, сказал: “Благослови, отче”. И – о чудо! – он тотчас же услышал голос преподобного, отвечавшего ему: “Бог благословит тебя, чадо”. Этот же голос услышал и другой брат, сидевший рядом. На другой день, когда они привезли в монастырь вино, святой велел им выпить его немного. Тот же самый брат поднял сосуд и сказал преподобному: “Благослови, отче”. Преподобный ему ответил: “Чадо, ты и вчера получил благословение, а твой товарищ нет”. И в тот же момент они поняли, что слышанный ими вчера голос в действительности принадлежал преподобному. Так, благодаря душевным своим очам, святой знал все, и ничего не могло от него укрыться, ибо те, у кого душевные очи чисты от страстей, могут взирать на Мысленное Солнце – Христа, и от Него освещаться ведением тайн, сокрытых от прочих.

Как-то один старый друг преподобного послал ему со своим рабом два сосуда с хорошим вином. Раб спрятал один сосуд по дороге, а другой принес преподобному. Зная о краже, преподобный сказал ему: “Берегись, чадо, не приближайся к тому сосуду, что ты спрятал на дороге, чтобы не подвергнуться тебе опасности”. Тот же не придал значения словам

преподобного, но с радостью пошел, чтобы взять спрятанный сосуд. В тот же момент из сосуда выпрыгнула огромная и страшная змея и набросилась на него. Если бы он не призвал на помощь святого, то не спасся бы от опасности.

Однажды случилась в тех местах сильная засуха: высохла земля, пересохли источники и реки, завяли растения, погибли плоды, и все, что произрастало на земле. В монастыре же преподобного засуха была еще сильнее, потому что в силу своего месторасположения на вершине горы обитель была лишена воды не только во время засухи, но и во время дождя. Когда преподобный увидел насколько сильна засуха, у него не высохали глаза от изливаемых потоков слез, так сильно он опечалился из-за постигшей всех беды. Он горячо просил Бога помиловать Свое создание и напоить высохшую от бездождия землю. И что же сделал все устрояющий ко благу Бог? Он не презрел моления святого, но и полностью на его просьбу не снизошел, потому что тот просил дождя для всей земли, а Бог на всю землю дождь изливать не хотел, может быть, для того, чтобы этим наказанием привести грешников к покаянию. Он пролил дождь только на монастырь, причем весьма удивительным образом. Когда прошла ночь и засияло солнце, внезапно показалась с одной стороны неба туча, которая встала над монастырем и пролила дождь только на обитель; вся же земля вокруг по-прежнему изнывала без дождя. Только братия монастыря насладились водой и наполнили ею цистерны; потом же небо опять стало безоблачным.

Увидев это чудо, жители близлежащих селений в печали прибежали к преподобному и с теплыми слезами просили его пожалеть их и выпросить у Бога помилование. Сострада им, преподобный стал просить Господа сильнее, чем в первый раз, и Господь услышал Своего раба и прекратил засуху, поля же после дождя вновь стали зелень. По молитве преподобного ко Господу однажды прекратился и сильнейший ливень.

Был случай, когда монастырь испытывал сильный недостаток в хлебе. Преподобный благословил всего лишь три маленьких хлебца, что у него оставались и насытил ими более семисот монахов, ибо для чистого верой преподобного все было возможно, и не было для него ничего невозможного.

Случилась после этого у преподобного, мертвого телом, сильная и страшная болезнь. Тяжко страдая, он с радостью ожидал смерти, потому что давно уже был готов к ней, и сам, по апостолу, желал *разрешиться* от уз тела и *быть со Христом* (Флп. 1: 23). Вокруг него собралось множество учеников, скорбевших и оплакивавших смерть духовного своего отца, и готовых ради него отдать и свою жизнь. Их стенания и плач могли вызвать слезы и у самых жестокосердных. Поэтому божественный их отец, хотя и был уже при последнем издыхании, сам заплакал от жалости к своим чадам. Печалась по причине их будущего сиротства, он просил о них Божию Матерь, обычную свою Помощницу, Покров и Прибежище. Преподобный молился Ей, чтобы ему была дарована жизнь, но не для себя (как мог для себя просить тот, кто умер для мира и всегда желал умереть, чтобы быть со Христом?), а для духовных своих сыновей. И Матерь Дева, родившая Саму Жизнь, Общее Спасение человеческого рода, хранившая преподобного от всех бед, и в конце его жизни стала ему Помощницей и воспрепятствовала смерти. Она попросила у Своего Сына, имеющего власть над жизнью и смертью, добавить к жизни преподобного еще пятнадцать лет. Пребывая в исступлении во время болезни, преподобный видел Богородицу, просившую об этом Своего Сына, что и было исполнено, потому что преподобный жил еще пятнадцать лет.

После этого случая прошло четырнадцать лет, в течение которых преподобный еще более усиленно подвизался и утеснял себя, чем когда был молод и силен телом. Семь дней подряд он мог ничего не вкушать, а потом употреблял только овощи. Измучив себя такими трудами, он уже не мог стоять на ногах и сидел на своем столпе, ибо уже не владел

ногами, которые болели и были покрыты ужасными язвами. Хотя он и сидел на столпе, и ноги его ничего не касались, он испытывал еще более сильные боли, чем прежде. Из ног его вытекал гной и заливал поверхность столпа. Преподобный промучился так целый год. Таким образом прошли те пятнадцать лет, что Бог, предстательством Богородицы, ему даровал. Он узнал о своей кончине от Господа, но не открыл о ней ни одному монаху (они бы стали сильно плакать и рыдать). Собственными руками преподобный составил завещание и спрятал у себя за пазухой. Так в конце жизни, сбросив с себя перстного человека и расставшись с нижней темницей и страданиями, он преселился к Богу, будучи семидесяти двух лет.

По его кончине последовали удивительные явления: как только его божественная душа разлучилась с телом и возшла на Небеса, вниз спустилось светлое облако, подобное тому, какое явилось при его рождении, указывая на кончину преблаженного и странным своим светом созывая всех к столпу преподобного. Оно позвало и ученика святого, Григория, который безмолвствовал тогда в том храме Богородицы, который построил святой для двенадцати монахов. Все, кто видел облако, прибежали к столпу. При виде мертвого тела преподобного они стали безутешно плакать и рыдать, называя его отцом, оплакивали свое сиротство и, не в силах вынести разлуки с ним, желали умереть вместе с ним. Горько плакали они, думая, что он скончался, не оставив духовного завещания. Однако более всех печалился Григорий, который, благодаря своей близости к преподобному, обратился к нему, как к живому: “Отче, почему ты нас так безутешно опечалил? Зачем вызвал у нас скорбь, которую мы не в силах перенести? Почему не захотел составить завещание с повелением, что нам должно делать, но от всех скрыл свою смерть? Разве тебе не жалко нас, своих чад, разве ты не видишь, что с нами сделала скорбь по тебе?” Так, рыдая, говорил Григорий, обращаясь к преподобному, – и случилось чудо. Бездыханный мертвец, как живой, поднял

руку, опустил ее себе за пазуху и, взяв завещание, отдал его Григорию, после чего снова стал бездыханен. Григорий начал внимательно читать завещание и увидел, что оно не было подписано, по обычаю, именем святого. Тогда он снова обратился к мертвецу: “Отче, если своей подписью ты не заверишь написанное, то мы, твои чада, не сможем похоронить тебя как должно”. Тогда преподобный – о страшное чудо! – снова встал и перед всеми подписал завещание своим именем, удостоверяя написанное, а затем почил сладким сном. Тело его было погребено близ столпа, где он совершал свои сверхъестественные подвиги, чтобы это место и могила подвижника были ясным свидетельством и доказательством его подвига во имя Господа. Таким образом, преподобный как бы разделился надвое. Нижним и земным были оставлены его святые мощи – как неистощимый источник исцелений, врачевство от различных болезней, убежище от демонов, щедрый дар спасительных благ и от всякого вреда избавление. Божественная же его душа в сопровождении Ангелов полетела на Небеса, туда, где Церковь первородных, где чины Ангельские, лики апостолов и пророков, полки мучеников, соборы учителей, сонмы подвижников, собрание преподобных и песнь непрестанная Святой Троице, Которой подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*Написано Григорием,
святейшим Патриархом
Константинопольским*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
**ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
КИРИЛЛА ФИЛЕОТА,**

ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В XI ВЕКЕ

Сей блаженный Кирилл происходил из областей Фракии, из местечка, называемого Филеа, в Дерконской епархии. Он был рожден от благородных родителей и в Святом Крещении назван Кириаком*. С детства изучив священную грамоту, он превзошел всех своих сверстников в остроте ума и сообразительности, ибо это дитя было просвещено Самим Богом. Когда Кириаком подрос, то был поставлен местным архиереем во чтеца, и с той поры, будучи посвящен Богу, день и ночь поучался в законе Господни (Пс. 1: 2). Он постоянно читал священные книги, воспевал псалмы, молился Богу, совершая при этом множество коленопреклонений. Юноша избегал общения с безпутными сверстниками и своим молчанием врачевал и исправлял многословие, а безмолвием исправлял смятение, которое испытывает душа после бесполезного общения. Во время Божественной литургии он с необыкновенным благоговением стоял, устремив взор свой долу, а в мыслях обращался к Богу, с верой и надеждой прося у Него помощи. И, горячо веруя, получал от Господа помощь.

Юношу этого, умом подобного старцу, видели проливающим потоки слез, соблюдающим молчание по Богу, которое есть мать премудрости, ибо скорбь не только способствует преуспеянию, но с помощью смирения сохраняет достигнутое. Скорбь – это печаль по Богу, которую порождает покая-

* “Господский, господень” (греч.); воскресение, как день недели, по-гречески кириаки – *Пер*.

ние. Поэтому, видя юношу, который проводил такую жизнь, добродетельные радовались и безмерно его почитали, называя юным старцем, как некогда и святого Савву. Слыша такие отзывы, юноша говорил: “Убегай, Кириак, похвал и стыдись осуждений, тогда не будешь помышлять о суете, ища похвал человеческих, ибо таковой пусть не надеется на награду от Господа”. А дурные обвиняли его, пытаясь своими обвинениями охладить его ревность, но блаженный взирал только на Бога, не радуясь почестям, и не обижаясь на причиняемое безчестие. Как мертвый не чувствует ни чести, ни безчестия, так и христианин не должен воспринимать ни славы, ни похвалы, ни презрения, ни оскорбления. Невозможно не гневаться, когда тебя оскорбляют и обвиняют, или долготерпением побеждать искушение, бывающее в скорби, если не будешь считать себя ниже всех и не станешь обладать крайним смирением. Прося Бога даровать ему терпение, когда его осуждают, юноша говорил: *Положи, Господи, охрану устам моим, и ограда двери уст моих; не дай уклониться сердцу моему к словам лукавым для извинения дел греховных* (Пс. 140: 3). Видя его доброе произволение, Господь Сердцеведец прибавлял ему желание к желанию, и ревность к ревности, так что был преподобный *как зеленеющая маслина, в доме Божиим* (Пс. 51: 10), уповая на милость Божию.

Был у благословенного обычай приходить на службы церковные раньше всех, а уходить позже всех. Он читал и пел таким приятным голосом, и так истово служил Богу, что все боголюбцы просили его стать священником, потому что от Всевидающего не может укрыться ни благоухание добродетели, ни зловоние греховное. Так и епископ Дерконский часто просил его принять сан, ибо ему хотелось иметь такого трезвенного клирика, целомудренного, учительного, знающего Священное Писание, сосредоточенного, несребролюбивого, спокойного, тихого, боголюбивого, нищелюбца, негневливого, незлопамятного, нетщеславного, недоступного для лести, стойкого и усердного в наставлении ближнего. Но смиренномудрый Кириак, хотя совесть ни в чем и не осуждала его,

посчитал себя недостойным высокого священнического сана и продолжал оставаться в степени чтеца, к которой и был призван. Он так говорил: “Хорошо протягивать руку помощи тому, кто падает, если ты сам сможешь не пасть вместе с ним. Если же потом будет страдать тот, кто сострадал другому, тогда пусть предпочтет выгоде другого собственную выгоду, потому что нет ближе у человека никого, кроме его самого. Тот, кто может исправлять других, пусть общается со злыми и исправляет их. А тот, кто, как я, немощен, пусть убегает злых, чтобы не быть ему общником злобы и вреда для других. Святитель Василий Великий говорит, что тот, кто хочет поднять павшего, сам должен быть сильнее его. Если же и он падет, тогда нужен кто-то другой, чтобы поднять его. Один отец сказал, что если у тебя нет дел, не говори о добродетели, потому что как Иисус начал творить и учить (см. Ин. 7: 14-17), так и мы должны, преуспевая в словах, иметь и жизнь соответствующую. Поскольку мы страстны, то должны подчиняться другим и просить Бога очистить нас от страстей, ибо только с помощью Божией мы сможем предвосхищать страсти. *Мудрость бедняка пренебрегается, и слов его не слушают*, – говорит Екклесиаст (Еккл. 9: 16). Как может править другими в согласии с Божественными установлениями тот, кто не может властвовать над самим собой? Не все из нас должны спасать других, но точно все должны спасать самих себя”.

Когда Кирилл достиг двадцатилетнего возраста, он взял себе законную жену, но не для наслаждения, а для деторождения. Она была ему помощницей и ревностной, мужественной соотрудницей на пути к добродетели. И были они оба едины, как в мыслях, так и в образе действий, подвигая друг друга к исполнению заповедей Божиих. После того как у них родился сын, блаженный стал говорить ей о целомудрии: “Несправедливо нам оказаться более неразумными, чем бессловесные животные, потому что те сходятся с особями женского пола один раз в году в определенное время, а мы, будучи разумными, часто делаем это ради сластолюбия, ко-

торое я называю распутством. Если не сможем вести жизнь целомудренную, тогда пусть это будет два, три или четыре раза в году. Хотя воздержникам и этого не подобает, но Бог, надеюсь, простит нас как немощных и не осудит за распутство. Целомудренным называется не тот, кто воздерживается от удовольствий запрещенных, но от разрешенных. Поскольку мы ожили посредством Святого Крещения, то делаем члены наши оружием правды и освящения, потому что Бог Сам свят и во святых почивает. Не должно нам бояться высоты воздержания, но более опасаться глубины и бездны невоздержания. Воздержание чувственное – это когда человек воздерживается от всех неразумных поступков, что действуют через тело. Воздержание мысленное – это когда ум устраняется от наслаждения страстными помыслами. Но нельзя достичь воздержания чувств, не помышляя и не храня воздержание в мыслях, которое должно быть неразрывно связано с душой”. Выслушав его доводы, супруга согласилась с ним и с той поры пребывала в воздержании и целомудрии, более уже не соблазняя его своим внешним видом, ибо начало плотской любви – зрение. Надежда на удовольствие увеличивает страсть, воспоминание питает ее, а привычка сохраняет. Так от зрения рождается страстная любовь, от нее происходит согласие, за которым следует сам грех*.

Зная, что тому, кто сам побежден чревоугодием, невозможно победить плотские** страсти, преподобный, согласно Божественным канонам, начал с сухоядения по средам и пятницам, вкушал пищу поздно и пил только воду. Затем, по прошествии времени, он стал также вкушать сухую пищу по понедельникам, вторникам и четвергам, а в субботу и воскресенье ел всякую пищу и пил немного вина. Причем как пищу, так и вино преподобный употреблял в меру и в

* В греческом языке слова “зрение” и “любовь” выражены инфинитивными формами соответствующих глаголов, которые различаются лишь начальной буквой. – Пер.

** В оригинале буквально: находящиеся в нижней части живота. – Пер.

определенное время, соблюдая подвижническое правило и в Господские праздники. Потом преподобный стал совершенно воздерживаться от вина, потому что вино, по Григорию Богослову, никогда не делает естество целомудренным, но склоняет его к наслаждению. Избегал он насыщения чрева, ибо невозможно стяжать безстрастие тому, кто насыщает себя пищей. Безстрастием называется не то состояние, когда кто-то воздерживается от совершения греха делом (это называется воздержанием, а не безстрастием), а когда кто-то искоренит из своего сердца страстные помыслы. Это называется еще и чистотой сердца. Все свое время, а особенно в праздники, преподобный старался проводить в бдениях, псалмопениях, молитве, чтении, ибо знал, что бдение утончает ум, который становится способным созерцать душеполезное, в то время как долгий сон утучняет его. Семь раз в день святой воспевал псалмы Давида со многими коленопреклонениями и часто говорил: “Увы”, “горе”, качая головой, сильно бия себя по щекам и дергая за волосы, потому что сердце его от благодати Божией возжигалось. Потому сей отважный не чувствовал боли при совершаемых им подвигах, но в своих по Богу скорбях веселился более, чем подверженные страстям радуются плотским наслаждениям.

Целомудренная его супруга по мере сил своих старалась следовать ему в подвигах, а присноблаженный побуждал ее продвигаться вперед и не оглядываться назад, размышляя о пройденном пути добродетели, но до конца претерпевать подвиги ради Господа. Видя, что она с ревностью следует за ним, преподобный благодарил Бога.

Слыша о подвигах и добродетелях истинных монахов, он необычайно возлюбил монашество и весьма желал отречься мира и того, что в мире, чтобы в монашеском житии в безмолвии работать Богу. Поскольку же начало и основание монашеской жизни есть послушание, Кириак захотел испытать, сможет ли он соблюсти его и отсесть собственную волю. Ради этого он на три года предал себя в полное послушание

некому хозяину корабля, чтобы, без ропота и ревностно исполняя приказания корабельщика и его сотоварищей, самым делом узнать, сможет ли он слушаться духовного отца и соблюдать правила монашеского жития. Лучше подчиниться ученику, чем жить как тебе хочется, пожиная негодные плоды собственной воли. Блаженный Кириак служил корабельщику и его товарищам как ангелам Божиим, исполняя все, что ему приказывали, почетное или безчестное, будучи для всех как раб, который не противоречит, не спорит, не оказывает непослушание. И хотя безумные издевались над ним и часто поносили его, он с радостью все претерпевал, и наоборот, когда его не поносили, печалился, как если бы терял сокровище, потому что с надеждой взирал на будущее воздаяние. Полагая, что поношения и безчестия есть лекарство от гордости, он просил Бога за безчестящих его, как будто они в действительности были его врачами. И хотя неразумные осуждали его за лицемерие, ложное благочестие и пост, он никогда не нарушал его. Те вкушали жирное мясо и рыбу, наслаждаясь всеми видами пищи, а преподобный, смотря на них, испытывал радость вкушая лук с хлебом или чесноком, или дикими травами. Довольствуясь этим, он говорил: “Я, братия, немощен и не могу уцеломудрить плоть свою жирной пищей, потому что она разжигает во мне пламень страстей”.

Всякий раз, когда корабль приставал к земле, блаженный выходил на сушу собрать дров или набрать воды, или еще по какой-нибудь надобности, а затем шел туда, где его никто не видел, и молился Богу, совершая множество поклонов. Потом он немилосердно бил себя по бедрам, по плечам, иногда веревкой, либо палкой, а иногда и колючим терновником. После таких побоев кровь из рассеченных бедер заливала даже лодыжки, как он сам рассказывал автору жития, однако, по благодати Божией, раны его не воспалялись. Когда он бил себя, то жалобно плакал, призывая на помощь Бога. А поступал он так в тот момент, когда его донимал какой-нибудь страстный помысел похоти или гнева.

Однажды, когда они возвращались из придунайских городов, куда плавали по каким-то торговым делам, святой сидел в углу корабля. Размышляя о своих грехах, он мысленно говорил: “До каких пор ты будешь медлить угождать Богу, несчастный? Какого возраста ты ждешь? Ты не юноша двадцати лет, а совершенный муж, и если будешь пренебрегать этим сейчас, откладывая со дня на день, то никогда не преуспеешь. Таким образом ты будешь обольщать себя до тех пор, пока не придет твой конец. Потщись в подвиге, потому что подвиг здесь и сейчас, и медлить нельзя”. Рассуждая таким образом, он уже не мог более сдерживать себя, но начал громко плакать, бить себя по лицу и немилосердно царапать, потому что сердце его сгорало, как от огня. Моряки стали спрашивать, что с ним происходит, и о чем он думает, если так плачет. Будучи не в силах заставить их замолчать, он сказал: “Если бы у вас было столько грехов, сколько у меня, и вы бы оставались в нераскаянии, то плакали бы еще больше, чем я”. Те отвечали ему: “И мы тоже грешники, но никто из нас так не плачет, поэтому мы решили, что ты скорбишь о чем-то другом”. Восстенав из глубины сердца, преподобный сказал: “Сия река, которую вы видите, выходит, как я слышал, из рая, и окружает всю землю. Я представил себе ее в виде бумаги, на которой записаны все мои грехи, что наполняют и оскверняют вселенную. Вот почему я плачу”. Когда неразумные услышали это, то стали надсмехаться над ним, а разумные со стоном говорили: “Горе нам! Если ты, который постится, бдит и безпрестанно молится Богу, служа нам, недостойным, как раб, пребываешь в таком злострадании оттого, что имеешь грехи, и так плачешь, то мы, жестокосердные и нераскаянные, которые каждый день прилагаем грех ко греху, как будем страдать в Страшный день Судный? Горе нашему безчувствию, потому что проводим дни наши в суе!”

Однажды блаженному было велено подняться на мачту. Будучи утомлен постом и холодом (ибо носил только легкую одежду и был босиком), исстрадавшийся от невыносимых

побоев и ран, он попытался забраться, но не смог. Положив поклон сотоварищам, преподобный сказал: “Простите меня, братья, ради Господа, потому что если я и заставлю себя подняться на мачту, то, не удержавшись, упаду в море, потому что я болен и лишился последних сил”. Моряки пожалели его и предложили: “Отойди от нас, человек Божий, мы боимся, как бы Бог не потопил нас в море, видя твое смирение. Если же не уйдешь с палубы, то хотя бы сиди спокойно и молись о нас Богу. Он даст нам силы исполнить твою работу”. Им удалось уговорить его не работать, пока корабль не прибыл в родной порт. Там Кириах пошел домой и, рассказав супруге о случившемся, сказал: “Я должен сделать одно из двух: либо пойти в монастырь, либо остаться здесь, но тогда я буду бесполезным из-за телесной болезни”. Супруга отвечала ему со слезами: “Оставайся здесь, с нами, господин мой, а я прокормлю детей с помощью того немногого, что у нас есть. Верю, что Бог не попустит нам лишиться необходимого для жизни”.

Кириах устроил себе в доме крошечную келью, в которой он совершал поклоны и молился, и много лет провел в ней в безмолвии, предаваясь посту, псалмопению и молитве. Он занимался рукоделием, плетя для соседей сети, но не брал за них платы. При этом преподобный говорил: “Если руки твои заняты работой, язык твой должен воспевать песнопения, а ум – молиться, потому что Бог требует от нас в качестве долга, чтобы наши ум и помышления всегда были заняты Им. Если же хочешь, чтобы творения рук твоих были угодны Богу, а не земле, то отдавай их нищим”. Преподобный носил на теле железные вериги, которые сдавливали его так, что от ран исходило невыносимое зловоние. Однако он все сносил с радостью, говоря: “Для тех, кто любит труд и воистину хочет покаяться, это ничтожно и легко, хотя кажется тяжелым и вызывает смех у любящих плоть и беззаботных, ибо апостол говорит, что *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (Рим. 8: 18). Чтобы утешить его в трудах, Господь дал

преподобному дар слез, через который он получал отдых и утешение.

Поскольку он весьма любил безмолвие, то выходил ночью из своей кельи и шел в пустынное место близ озера, где пребывал в посте два или три дня, а иногда и по целой неделе, совсем ничего не вкушая, голод же он иногда утолял травой. От чрезмерного поста, крайнего безмолвия и многих лез, он умертвил в себе телесные чувства, пробудив внутренние силы души. Поскольку же ум его сиял от непрестанного поминования Бога и постоянной молитвы, то восхищался в созерцание Бога, отчего преподобный испытывал наслаждение.

Часто оставляя мысленные созерцания, он говорил себе: “Оставь вышняя, нечистый, потому что всякий беззаконник и гордец – нечист пред Богом. Сойди умом во ад, чтобы созерцать там подобных тебе, к которым скоро будешь сопричислен и ты, несчастный, и к их страшным мучениям. Вот при дверях посланный от Бога Ангел, что же ты сидишь? О, как сможешь ты вынести червя неусыпающего и претерпевать огонь неугасимый? Как окутает тебя тьма осязаемая, как разлучит тебя Бог от праведников и как поместит с демонами, дела которых ты сотворил? Бога не боялся, людей не стыдился, самого себя не помиловал, кто же помилует тебя? Праведен Бог, и праведны суды Его, потому Он воздаст по делам твоим”. И снова, и снова, скорбя, со слезами и рыданием он произносил такую молитву: “Помилуй, помилуй, помилуй, Христе мой Сердцеведец, согрешил я, не осуди меня. Приими рыдание мое от горести души моей, Страстями Своими исцели страсти души моей, ранами Твоими излечи раны ума моего, Кровью Своею очисти меня, якоже веси, и сотвори причастника мя Божественного Тела Твоего. Желчи же горечи, еюже от врагов напоен был еси, Христе мой, избави мя скоро. Телом Своим, распростертым на Древе Креста Твоего, прости ум мой к Твоему созерцанию. Главой, еяже приклонил еси на Кресте, сия моя глава да превознесется над противниками моими. Пригвожденные Твои пречистые руки да возведут меня к Тебе из рова погибельного. Заушен-

ный и оплеванный проклятыми, сие мое лицо, оскверненное беззаконием, да озарит лик Твой святой. Душа, еяже на Кресте предал еси Отцу Своему, сия да приведет меня к Тебе Твоею благодатью, да избавлюся от пищи радостно-печальной. Да будет пищей мне, о Христе мой, воля Твоя святая всегда, ныне и во веки веков". Молясь так, жалуясь и укоряя себя, он не хотел взирать на горня, но день и ночь размышлял о своих грехах. Когда не было зимы, он часто уходил в пустыню и подвизался как мы уже сказали, а затем снова возвращался домой, к жене и детям.

Был у преподобного обычай заботиться о больных. Однажды, придя к одной прикованной к постели старице и найдя ее в сильной печали, он спросил ее о причине такого состояния. Та же ответила, что в другой деревне, отстоявшей за восемнадцать миль, у нее была дочь, которая заболела и находится при смерти. Старица решила отправить к ней ее сестру, но поскольку та была еще юна, она боялась отпустить ее одну, чтобы кто-либо не причинил ей вреда. Услышав это, преподобный тоже опечалился и сказал старице: "Хочешь, я отведу твою дочь к ее сестре". Та отвечала: "Да, хочу, потому что я передаю ее не человеку, но ангелу Божию". Кириак вместе с отроковицей пришли к сестре, которая была еще жива. Радостно поприветствовав сестру и преподобного, больная предала душу свою в руки Божии. Через три дня Кириак вернулся с девушкой к ее матери. Вот таким сострадательным и человеколюбивым был благословенный. А в ту ночь, когда он привел девушку назад к матери, он увидел во сне прекрасную деву, одетую в светлые одежды. Плащ ее покрывал почти все небо. В удивлении он спросил ее: "Кто ты, госпожа, и для чего пришла сюда?". Та отвечала ему: "Называюсь я благодатью Божией и пришла к тебе". Дева обняла его и покрыла своим плащом. Почувствовав исходившее от нее неизреченное благоухание, преподобный исполнился радости и веселья, ибо понял, что Бог так прославляет прославляющих Его.

Преподобный был настолько милостив к братьям, что даже самые необходимые инструменты отдавал испытывавшим в них нужду, причем с такой радостью, как будто получал их. О хлебе же и прочей пище излишне и говорить, настолько щедро он их раздавал, особенно, когда в них испытывали нужду больные. Супруга же его радовалась этому так, как будто раздавала сама. Говорил при этом преподобный, что миловать должно с рассуждением, и только тех, кто достоин милости, но нельзя давать то, что приобретено неправдою. Если же кто не творит милости, то должен хотя бы сносить несправедливость обижающих его, умоляя за них Бога. Милостивым должен быть и сам помилованный. А если увидит или услышит что-то, что печалит брата его, и сердце его тоже опечалится, то Бог вменяет это за милость. Если кто-то обругает или заушит кого, а тот, устыдившись, не обратится против него и не опечалит его, но отнесется к нему с кротостью и долготерпением, то это то же самое, что и истинная милость.

Своей же супруге преподобный говорил так: “Благотворящий другим уподобляет себя Богу. Любовь к ближнему познается не только в раздаче денег, но намного более в слове утешительном и служении телесном. Хорошо благотворить всем, но более всего тем, кто не может воздать. Авраам, сидя перед своей скинией, приглашал путников без всякого различия и оказывал им гостеприимство. Потому он сподобился принять не только Ангелов, но и их Владыку. Если кто может оказать кому-то благодеяние и не оказывает, то обижает его, а себя подводит под осуждение Владыки. Итак, мы должны с ревностью благотворить всем”.

Случилась однажды непогода: сверкали молнии, гремел гром, лил сильный дождь, а преподобный в это время сидел перед домом. Подошел к нему один путник, уставший от дороги и холода и, глядя на него, спросил: “Господин, где здесь дом Кириака Милостивого?” Удивившись его словам, он сказал: “Я Кириак, но кто милостивый, я не знаю. Ответь мне ради Господа, почему ты так сказал?” И благочестивый

тот муж отвечал: «Поскольку я неожиданно впал во многие искушения и в безумии погрузился во глубину от помыслов себялюбия, то просил Бога презреть мои грехи и показать мне образ защиты и спасения. Тотчас же явился мне воин, прекрасный видом, на коне, и сказал: “Не печалься, потому что Бог позаботится о тебе. Ступай в селение и спроси дом Кириака Милостивого, он даст тебе покой”. Вот что сказал мне воин, а больше я ничего не знаю, потому, господин мой, я и спросил тебя». Преподобный вошел в дом, налил в умывальницу воды, чтобы омыть гостю ноги, но тот, поняв его замысел, не дал. Преподобный же на это заметил: “Подумай, брат, Кто умыл ноги Своим ученикам, и какие страшные слова были сказаны Петру, из благочестия не дававшему Господу сделать это”. После этих слов гость послушался, и преподобный умыл ему ноги, как привык поступать с гостями. Он также дал ему смену одежды и, накрыв стол, угощал гостя и радовался со всей своей семьей, прославляя Бога.

Однажды преподобный безмолвствовал в своей келье, а дочь его играла с подругой. Не без наущения диавола девочка бросила камень и выбила дочери правый глаз. Мать ее, сильно испугавшись, стала возмущаться и ругать девочку и ее родителей. Выйдя из кельи, преподобный не произнес ни одного плохого слова, но благодарил Бога с теплыми слезами, считая себя самого виновником такого несчастья. Супруга называла его жестокосердным, а дивный Кириак стал наставлять ее, приводя множество изречений из Священного Писания и житий святых. Так, с помощью Божией, ему удалось смягчить гнев жены и привести ее в мирное устройство. Он убедил ее примириться с родителями той, которая ослепила их дочь, и простить девочку, которая сделала это не нарочно.

Любил преподобный посещать церкви. В течение всего года каждую пятницу он пешком ходил в Константинополь, чтобы поклониться Влахернскому храму Пресвятой Богородицы и облобызать Ее святую икону, а по окончании ночного славословия снова возвращался домой, проходя

примерно тридцать или сорок миль. «Преподобный рассказывал мне, – говорит автор жития, – как радовался он ходить по той дороге весной и осенью, и как страдал в зимнее время. Добавлял он и следующее: “Горе тому, кто страдает от двух зим, от холода и голода. Если же его теснят вериги и он утешает себя бдениями, то беда эта становится в три раза горшей».

Однажды в стране, где жил преподобный, начался сильный голод, от которого многие умерли. Вскоре и он лишился самого необходимого, осталось лишь немного хлеба для жены и детей, и Кириак голодным отправился в Константинополь. Пройдя восемнадцать миль, он ослабел от предыдущего поста и трудностей пути. Тогда преподобный стал просить Бога дать ему силы жить не только хлебом, но и словом Божиим духовным. И человеколюбивый Господь, сказавший: “Се, работающие мне, ядят, и пьют, и возвеселятся”, указал преподобному на свежий хлеб, лежавший на камне, и сосуд воды. Сотворив молитву, он сел, вкусил хлеба и попил воды, после чего встал и поблагодарил Бога. Придя во Влахернский храм Богородицы, он возблагодарил Ее и Сына со слезами и радостью духовною.

У преподобного был обычай принимать облик Христа ради юродивого. Однажды, возвращаясь из храма Богородицы, он пришел в город Неаполь. На вопрос правителя, кто он и откуда идет, преподобный молчал, притворяясь немым. Вопрос был повторен и дважды, и трижды, и правитель, не получив никакого ответа, ударил Кириака со словами: “Скажешь кто ты?” Преподобный головой и руками указывал на небо. Разгневавшись, властитель снова ударил его, а затем, решив что он шпион, бросил в темницу, приказав надеть на него деревянные колодки. Через двое суток, проведенных святым в темнице, по устроению Божию случилось проходить там его другу. Посетив преподобного в темнице, он с удивлением спросил: “Человек Божий, какое зло ты сотворил, что пребываешь в таком месте?” На это преподобный отвечал: “Не место возвеличивает добродетель, но добродетель

тель место, ибо Бог не стыдится искать горячий дух и душу целомудренную. Я не совершил никакого зла, но, по воле Христа и правителя, сижу здесь. Когда же захочет Христос мой, тогда и выведет меня отсюда". Услышав это, правитель упал на колени перед преподобным, прося прощения, после чего отпустил его с миром.

В другой раз, услышав, что в Константинополе живет один добродетельной жизни и рассудительный монах по имени Иларион, преподобный пришел к нему, чтобы спросить его, не напрасно ли он следует по пути добродетели. Иларион с радостью принял его и, выслушав его рассказ, похвалил за все его дела, кроме ношения вериг, о которых сказал, что если некоторые из отцов и носили вериги ради смирения плоти, то они были столпниками, пустынноиками, отшельниками, но не теми, кто живет в городах и весях. Хотя такие и пытаются скрыть ношение вериг от людей, но долго этого делать не могут, поэтому их и называют "верижниками". И в действительности, преподобного до самой смерти так все и называли. Сказал также авва Иларион ему, что добродетельные весьма почитают тех, кто носит вериги, но от этой чести рождается тщеславие, похищающее добродетель. Нерадивые, в свою очередь, осуждают носящих вериги, и из-за этого осуждения тех, кто не имеет самоукорения, рождаются другие осуждения, и все, что за этим следует. Мужественные же душой претерпевают все осуждения и взирают только на Бога, избегая любого обвинения или похвалы человеческой. Однако многие, будучи не в силах вынести безчестия от людей, обольстились и пали, потому что не каждому свойственно не обращать внимание на поносящих его и насмехающихся над ним.

Услышав от аввы Илариона такие премудрые слова, смиренномудрый Кириак в ту же минуту припал к его ногам и просил повелеть ему снять вериги, говоря: "Ненавижу труд, который приносит ущерб". Сняв вериги и бросив к ногам аввы, преподобный снова сказал: "Вот, разрешился пес от своих уз. Помолись, отче, да обрету защиту от дьявольского

лукавства, чтобы не повредить ни себе, ни моим братьям. Если же ты найдешь справедливым, то позволь мне связать себя вервием, чтобы не оставлять плоть свободной”. С согласия аввы Илариона он так и поступил. Старец же, видя невыносимые раны на теле подвижника, удивился смирению, которое даровал ему Бог, ибо смиренномудрие не есть обличение совести и самоукорение, но познание благодати Божией. Размышляя о ревности этого святого мужа и его безхитростном нраве и простоте, авва Иларион сказал ему: “Бог смиренным дает благодать. Да увидит Он смирение твое, твои труды и возвысит тебя над плотскими помышлениями и приведет в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова (Еф. 4: 13) ради свободы души твоей, и даст тебе Духа Святаго все претерпевать с благодарностью”. После этого он попросил Кириака пойти с письмом к одной знаменитейшей жене из рода Комнинов, которая в то время не была еще царицей, потому что царствовал тогда благочестивый Михаил Дука.

И отправился блаженный с этим письмом к адресату. Женщина, прочитав письмо, узнала Кириака по одежде, походке, взгляду, желтизне и сухости лица. Упав к ногам преподобного, она просила его благословения, но и преподобный упал на колени, испрашивая ее благословения. Женщина настаивала, и преподобный благословил ее словами: “Господь Бог да сподобит тебя видеть сынов сыновей твоих, и дети твои да обладают городами и народами, а имя их да станет знаменитым и страшным для всех врагов их”. И благословение это потом исполнилось. А Комнина обратилась к нему с такими словами: “Скажи мне, раб Божий, слово спасительное”. И отвечал преподобный: “Пока кто-то поработен страстями, он не считается рабом Божиим, потому что и пророк говорит, что все *будут научены Господом* (Ис. 54: 13). Послушай, что сказал Даниил Навуходоносору: *царь, да будет благоугоден тебе совет мой: искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным* (Дан. 4: 24), и Давид говорит: *расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки* (Пс.

111: 9), и Соломон: *Благотворящий бедному дает займы Богу* (Притч. 19: 17). И святитель Василий Великий учит: “Если ты не миловал, то и сам не будешь помилован, не открыл дверь дома, – будешь выслан из Царства, не дал хлеба, – не получишь вечную жизнь”. Затем Комнина сказала ему:

– Хочу открыть твоей святости мои помыслы, но боюсь, что не исполню твои слова и согрешу пред Богом.

– Невозможно, чтобы испытывал страх тот, кто поистине боится Бога. Как пишет Соломон: “Кроме Него (Бога), никого другого не бойся”. Если кто открывает свои помыслы мужам духовным, то это признак, что такой хочет исправить свою жизнь. Соккрытие помыслов означает, что человек подвержен страстям, ибо тот, кто общается с ворами, никогда их не выдаст, потому что любит страсть. Тот же, кто спрашивает, слушает, и когда выказывает преслушание, но при этом осуждает себя за это, такой смиряется и от смирения обретает немного милости. А тот, кто не спрашивает, не слушает и не оказывает преслушание, тот не смиряется и не обретает милости. Подобно тому как больной отвращается от приносимой ему пищи, однако потом находится такая еда, которую он принимает с удовольствием, ест ее и поправляется, так и боязливая душа, хотя много раз и слушает, и оказывает преслушание, однако, по прошествии определенного времени, приходит в стыд. Таким образом, выслушав доброе слово, которое ей нравится, она поступает согласно ему, и спасается.

Выслушав это, Комнина сказала:

– Это в действительности так. Но да будет тебе известно, что грехов, которые кажутся малыми, то есть пустословия, злословия, насмешек и им подобных, я боюсь больше, чем больших.

– Не верь, что тот, кто не радит о малых грехах, радит о больших. Большим называется тот грех, который побеждает человека, а малым – который побеждает сам человек. Если диавол будет пренебрегать малыми грехами, то не сможет свергнуть человека в другой бóльший грех, так как бóльшие

грехи рождаются от меньших. А почему рождаются большие грехи? Да потому, что должным образом не исправляли малые. Ты же храни себя от малых грехов и, по благодати Христовой, не впадешь в большие.

Услышав это, Комнина пришла в умиление и исповедала ему большинство самых насущных своих помыслов, испросив совета, как, когда и какому помыслу следует отдавать предпочтение перед другими. Поскольку же блаженный Кириак подобающим образом ответил ей на все вопросы, она весьма обрадовалась, что нашла такого богомудрого советника. Любя монахов, она дала ему немного денег, которые преподобный не хотел принимать. Однако она заклала его именем Божиим, он послушался и взял, потому что очень боялся имени Божия. Благословив ее и ее чад, преподобный оставил их, а большую часть денег по пути домой раздал нищим.

Однажды преподобный Кириак захотел пойти в Хони, где совершил чудо Архистратиг Михаил, чтобы поклониться святой его иконе. В пути Кириак остановился переночевать на постоялом дворе. Гостинник же оказался вором, и стал задавать ему много вопросов:

– Кто ты, и откуда идешь, ибо глаза твои похожи на глаза вора, да и речь твоя выдает тебя? А что у тебя в сумке?

– Я, по благодати Христовой, не вор и иду в Хони, поклониться Архистратигу Михаилу. В сумке у меня необходимые на дорогу средства из дома, чтобы не просить милостыню.

Будучи вором, гостинник забрал сумку и начал снимать с него одежды. Призвав на помощь Бога, преподобный сказал ему:

– Человек, побойся Бога, не раздевай меня на виду у этих женщин, но если хочешь, раздень в углу твоего дома, чтобы не открывать мой срам.

Тот же звероподобный и жестокий все-таки раздел Кириака, но когда увидел раны от веревки, которой тот был туго обвязан, и почувствовал сильное зловоние, исходившее от ран, сжалился, снова одел его и отпустил.

Преподобный же говорил сам себе: “Если ты, Кириак, потерпишь этот грабеж с благодарностью, то получишь такую же награду, какую бы получил, если бы отдал эти средства нищим”. Когда он уже немного отошел, то гостинник стал кричать ему вслед. Услышав крик, преподобный остановился. Гостинник подошел и отдал ему отнятые деньги. Испросив у преподобного прощение и благословение, он сказал: “Теперь я узнал, что ты человек Божий”. Взяв у гостинника деньги и простив его, преподобный так наставил его:

– Брат, разве ты не христианин и не слышал слова Господа: *был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня?* (Мф. 25: 35-36) И снова: *Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный...ибо... Я был... странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня?* (Мф. 25: 41-43) Ты же, раздевая одетых, как войдешь в храм Божий, как облобызаешь сию святую икону Христа, разве ты не собираешься умирать, разве не воздаст тебе Господь по делам твоим? Послушай меня, покайся и исповедуй грехи своему духовнику. Исполни правило, которое он тебе даст, и воздерживайся от грехов своих.

Дав ему еще и другие многие советы и благословив, преподобный двинулся в путь, радуясь и благодаря Бога за неожиданное изменение в гостиннике. Придя в храм Архангела Михаила и поклонившись его святой иконе, он попросил и далее сохранять его невредимым от видимых и невидимых врагов, и так вернулся снова в свой дом.

Как-то раз захотел он осмотреть те немногие виноградники, что у него были, и работников, которые тогда там работали. Увидев издали, что они не работали, но лежали на земле, он тоже пал на землю и лежал так три часа. Затем его стал беспокоить помысел устыдить их как-нибудь, но преподобный сопротивлялся ему, говоря: “Если веришь, что Бог промышляет о тебе, зачем же ты сам заботишься о себе, ведь *одно только нужно* (Лк. 10: 42). Несчастный, ты радеешь о том, чтобы стал плодоносить виноградник, но не заботишься о том, как бы не осталась без плода твоя душа.

Зачем же тогда ты живешь и занимаешь землю?” (см. Лк. 13: 8) *Возвѣрзи на Господа печаль твою, и Той тя препитает* (Пс. 54: 23), *уповай на Господа и делай добро* (Пс. 36: 3). Но поскольку помысел снова напоминал ему, что с его имения кормятся приходящие в его в дом странники, и если он будет пребывать в небрежении, то лишит их пищи и крова, он так говорил себе: “Пусть нас утешит апостол, который сказал: *Я ищу не вашего, а вас* (2 Кор. 12: 14). Если мы не можем оказывать благодеяния братии телесно, будем тогда благотворить им духовно. Тогда Бог точно вменит нам это в добродетель, ибо Сам говорит: *Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6: 27). Истинная пища, пребывающая в жизнь вечную, есть кротость, смирение, безпопечительность, незлобие, братолюбие, и им подобные”. Так говоря себе, преподобный не поднимался с земли до тех пор, пока не увидел, что рабочие сами встали и пошли работать. Блаженный так поступил потому, что не хотел их стыдить, обвиняя в лености. Для того и я привел этот рассказ, чтобы показать самоукорение, кротость, безпопечительность и любовь преподобного к ближним еще до того, как он стал монахом.

Был у преподобного младший брат, совсем неграмотный, но просвещенный Богом, ревностный, братолюбивый, любитель безмолвия, боголюбивый, целомудренный и более чистый, чем кто-либо другой. Он хотел пойти в Рим поклониться честным мощам святых апостолов. С ним пошел и преподобный. Оба брата пошли вместе босиком, не взяв с собой ни посоха, ни сумки, ни смены одежды. Ели они по вечерам, да и то лишь хлеб да траву. По дороге они рассудили не приветствовать других путников, но безмолвствовать. От сильных трудов в пути преподобный заболел и слег недалеко от одного селения, под деревом, пережидая дневной жар и зной и не имея иного утешения, кроме Бога, на Которого он возложил все свои надежды. Брат со слезами просил его согласиться на посещение врача, который бы позаботился о нем, умолял его съесть что-нибудь вареное, или выпить не-

много вина. Но треблаженный ни на что не соглашался, говоря: “Брат, если хочешь, помажь меня елеем из лампадки от иконы Христа моего, ведь не попустит нам Господь искушения больше того, которое можем понести, как говорит божественный Павел” (ср. 1 Кор. 10: 13). Через несколько дней после того, как он помазал его святым елеем, преподобный, по благодати Христовой, укрепился, и они снова тронулись в путь. Придя в Рим, они поклонились гробницам святых апостолов и, принеся многим большую пользу своими беседами, снова вернулись в свое селение. И была близ их селения одна древняя церковь, ветхая и заброшенная, освященная во имя Спасителя нашего Иисуса Христа. Приняв в ней монашеский постриг и из Михаила переименованный в Матфея, брат преподобного, с помощью Божией и своими трудами, превратил ее в монастырь и собрал здесь братию. Приходил в этот монастырь навестить братию и преподобный, который устроил их образ жизни и привел в порядок псалмопение с молитвой. Кириак и сам имел открытый нрав, употреблял над собой усилие во всем и имел совесть, не осуждавшую его, и советовал такими же быть и братьям. Из монастыря он возвращался домой, где безмолвствовал в келье вместе с женой и детьми, что было, по правде говоря, весьма странно и чуждо для монахов.

Как-то раз напали на те края язычники, причинявшие зло христианам. Из страха перед ними все укрылись в городах. Так же поступил и брат преподобного, который вместе с монахами своей обители укрылся в городе Деркос. Блаженный же Кириак не захотел уйти вместе со всеми, потому что избегал беспокойства, причиняемого ему множеством народа. Он отправился в пустынное место близ озера и, построив там небольшую каливу, оставался там до тех пор, пока Бог не прогнал тех варваров. С той поры он не хотел более возвращаться в свой дом, но направился в упоминавшийся ранее монастырь Христа Спасителя и там принял монашество, получив имя Кирилла. Местность, где преподобный захотел построить себе келью, поросла терновником, но между

кустами он увидел колонну. Он спросил, что это за колонна, но братья отвечали, что ничего не видят, и очень удивлялись. Так как это повторялось и дважды, и трижды, то преподобный понял, что то был знак от Бога. Он охотно построил себе келью и, войдя в нее, произнес: *Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его* (Пс. 131: 14). В начале он воспевал песнопения и молился вместе с братьями. С ними же преподобный ходил на трапезу, но ничего не вкушал, а читал жития святых. По прошествии трех лет он стал приходить в церковь только по субботам, воскресениям и Владычным праздникам. Вблизи кельи преподобный отгородил небольшое место, чтобы выращивать овощи, и кроме кельи перестал выходить куда-либо, потому что весьма любил безмолвие и одиночество. Одиночество есть мать безмолвия, а безмолвие, в свою очередь, – мать помышлений о Боге и созерцаний, посредством которых ум соединяется с Богом.

Три года преподобный пребывал в молчании, не разговаривая ни с кем, кроме служившего ему монаха, ибо мысленно беседовал с Богом. Святой постоянно укорял себя за одиночество, говоря: “А сейчас, кому тебе служить, кому омыwać ноги, кого ты должен стать ниже? Кому оказывать милосердие, как упражняться в терпении, когда никто не противится твоей воле? Горе тому, кто впадет в нерадение, беспечность или иное что, потому что не будет никого, кто его поднимет. По этой причине прежде, чем будешь осужден праведным судом Божиим, осуди самого себя и свои помыслы на судище сердца своего, исследуя их, какие из них твои собственные, а какие от врагов. Свои помыслы, добрые, сохраняй как сокровище в глубине сердца, а противные секи розгой ума своего и изгоняй их из сердца, совершенно не оставляя им там места или прибежища. Лучше сказать, руби их мечом молитвы и размышлением о Божественном, чтобы первый вор – диавол – убоялся, когда увидит, что другие его товарищи, воры и лукавые помыслы, преданы смерти. Наш судья – совесть, потому не пренебрегай ею, потому что, когда она тебя не обличает, то научает познанию Божественно-

го. Если же ты будешь пренебрегать ею, тогда наполнишься тьмой". Так размышлял преподобный в своей келье, оплакивая себя день и ночь.

Работал преподобный Кирилл и руками, плетя шерстяные камилавки*, некоторые из которых он продавал, другие дарил, а третьи просто отдавал в монастырь братьям, чтобы не быть им в тягость. Иногда он работал и для того, чтобы прогнать нерадение и беспечность, ибо нерадение рождается тогда, когда ум повсюду рассеивается. Рассеяние же ума происходит от праздности рук, от суетных разговоров, от оставления чтения, от многоядения и от великого по Богу подвига и трудов. Проявляемое в трудах терпение прогоняет нерадение.

А если кто-нибудь хотел прийти к нему ради пользы, то преподобный давал ему свое рукоделие и говорил, что покой и праздность есть погибель для души и могут причинить вред больший, чем бесы. Монастырской братии он советовал, по заповеди Божией, с веселостью принимать приходящих к ним странников, не считая препятствием для своего безмолвия причиняемое ими беспокойство, чтобы не нарушать закон любви. Обязательно нужно ухаживать за ними, насколько это возможно, и причем так, как будто это мы принимаем от них милость, а не сами ее оказываем. Однако не нужно выставлять гостям разные яства или говорить им изысканные слова, но заботиться о них скудостью пищи и слов. Если те окажутся более мудрыми, то братьям следует промолчать, если же равны им, говорить в меру. Однако самое лучшее – всех считать большими себя. Тех же, кто переходит с места на место, не принимать вообще, но не из-за ненависти к ним (да не будет!), ибо всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца (1 Ин. 3: 15), а для того, чтобы избежать вреда от их присутствия. *Худые сообщества развращают добрые нравы* (1 Кор. 15: 33). Не нужно быть с ними дерзкими, поскольку такие вредят не только себе, но и

* Головной убор лиц священного сана. – Пер.

более простым братьям. Есть, однако, и те, кто странствует ради Господа или по какой-то духовной причине, или ради желания паломничества к святым. Тот, кто принимает таких, принимает Самого Христа, ибо *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне* (Мф. 25: 40).

Однажды преподобный дал некоему торговцу из Анхиа-лоса одиннадцать камилавок, чтобы тот продал их и принес ему пшеницы. Торговец забыл о просьбе и не продал их, но в печали принес обратно, прося прощения. Преподобный же сказал ему, что это случилось не из-за него, но так захотел Христос: «Ибо я видел во сне человека в светлой одежде страшного видом, который сказал мне: “Авва, почему ты отдал свои камилавки не мне, но торговцу? Если бы ты давал их мне, то я бы без труда питал тебя”. Я его спросил: “Кто ты, господин?” И он отвечал: “Зовут меня Эльпидий”. Тогда я снова сказал ему: “Надеюсь на Бога, что если ты примешь их, то отныне я буду давать их тебе, а не кому-либо другому». С тех пор так и повелось: все изготовленные им камилавки преподобный дарил нищим, говоря самому себе: “Дай, чтобы принять”. Если же он делал камилавку, но не имел, кому ее отдать, тогда бросал ее за забор монастыря, чтобы брали прохожие, ибо желание святого ничего не иметь было настолько же велико, как у других – обладать.

Однажды он повесил свою одежду вне кельи и увидел, как один нищий тайно взял ее. Преподобный же спрятался, чтобы не вводить брата в стыд, говоря себе в это же время: “Должно было мне самому отдать одежду какому-нибудь нищему ради Сказавшего: *у кого две одежды, тот дай неимущему* (Лк. 3: 11), но поскольку я не исполнил заповедь, то Бог послал нищего, чтобы помочь мне исполнить другую заповедь: *от взявшего твое не требуй назад* (Лк. 6: 30). Но и сейчас я не исполнил заповедь, потому что одежда-то была не моя, но того христианина, который мне ее дал”. Вот таким смиренным был преподобный, ибо всегда считал свою волю ошибочной и заблудшей.

Когда святой был еще в миру, то вычитывал тот Часослов, какой читают монахи на горе Олимп. Когда же пришел в монастырь, то усердно старался выучить наизусть Псалтирь. Выучив наизусть половину, он отдал книгу нищему, который просил о помощи. В ту ночь, пропев половину Псалтири и сотворив пятьсот поклонов, как имел обыкновение делать каждую ночь, сдавленный вервием и страдающий из-за этого от невыносимых ран преподобный прилег на подстилку. Однако печалился он только оттого, что не успел выучить всю Псалтирь. Ему показалось, что он заснул и видит сон, что является к нему некий в белых одеждах и говорит:

– Авва, почему ты не поешь?

На что преподобный ответил:

– Знает Бог, что все псалмы и молитвы, какие знал, все пропел.

– А почему ты не поешь Псалтирь?

– У меня нет Псалтири.

– Поднимайся, будем вместе петь Псалтирь.

И так они пропели всю Псалтирь дважды. Затем явившийся исчез. Наяву ли было то видение, или в сновидении, и кто был научивший преподобного Псалтири, точно он сказать не мог, но с той поры он так хорошо знал Псалтирь, что мог объяснять многие псалмы некоторым братьям.

Когда преподобный принял монашеский постриг, сыну его было четырнадцать лет. Однажды тот пришел в обитель. Увидев его, преподобный сказал:

– Я с Богом, я монах. Если и ты, чадо, хочешь стать монахом, хорошо, если же нет, тогда в следующий раз ты меня уже не увидишь.

Тогда сын спросил его:

– Если я стану монахом, то буду видеть тебя?

– Да. И с того времени ты будешь вместе со мной и со Христом.

– Но мою мать и сестру я уже больше не увижу?

– Ты будешь видеть их за воротами обители, когда они будут приходить в монастырь. Если же исполнишь мое слово,

то будешь со Христом и в этой жизни, и по смерти, ибо Он Сам сказал: *пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19: 14).

И тогда сын его согласился стать монахом. В ту ночь преподобный увидел сон: пришел к нему муж в белых одеждах, с сияющим лицом, и просил у него жертву, которую тот держал в руках. И преподобный дал ему. Придя в себя, он понял, что означал тот сон, и захотел испытать своего сына и дважды, и трижды, чтобы узнать, насколько он привязан к родным. Мать и сестра звали его вернуться вместе с ними домой, но он не пошел, говоря: “Я хочу быть с моим Христом и с отцом, а не с вами”. Преподобный оставил сына в монастыре еще на сорок дней, и тот, по истечении срока, опять не захотел вернуться к матери. Только после этого святой велел постричь его в монахи; отрок стал вместе с другими братьями вкушать сухую пищу без масла по понедельникам, средам и пятницам, и никуда не выходил из монастыря. Через восемнадцать месяцев отрок, немного поболевав, предал блаженную свою душу в руки Божии. Преподобный же прославил Творца за то, что сын его отошел ко Господу монахом.

Случилось однажды преподобному беседовать с одним армянином; своими богомудрыми словами он старался убедить его отречься от своей ереси и соединиться с Соборной и Апостольской Церковью. Он говорил ему, что “человек должен иметь не только веру, но и добродетель, избегать всякого зла, побеждать страсти и следовать заповедям Христа. Ибо только такой и есть настоящий человек”. Укрепив его таким образом в православной вере и дав ему множество наставлений, преподобный отпустил новообращенного в мире. Через некоторое время случилось так, что дети армянина вместе с женой, попущением Божиим, были проданы в рабство. Армянин, придя к старцу, поведал ему о своем несчастье. Сжалившись над ним, преподобный попросил у некоторых христолюбцев денег для выкупа поработенных. Взяв деньги, армянин хотел поскорее вернуться к себе на родину по суше,

но преподобный посоветовал ему плыть морем со знакомыми верующими корабельщиками, чтобы не попасть по дороге в руки к разбойникам, которые не только отберут деньги, но и самого его умертвят. Но армянин утверждал, что плыть придется долго, так как нет попутного ветра, и заторопился вернуться домой по суше. Преподобный не хотел отпускать его, уберегая от опасности, открытой ему Божиим Промыслом, но армянин сказал:

– Помолись обо мне, отче, и да будет воля Господня.

– Воля Господня есть Его повеления. Воля же разумного естества – творить волю Божию. Воля плотская есть нарушение закона Божия. Воля же Божия называется и волей Его рабов, от которой ты уклонился, я же да буду в этом неповинен. Если хочешь, иди, а Бог все устроит на пользу наших душ. Однако я знаю, что всякое суждение и проявление собственной воли человека ненадежны.

Спустившись в деревню, армянин тот случайно встретил двух воинов, которые собирались идти тем же путем. По дороге они стали расспрашивать его, кто он такой, откуда и почему так торопится. Он же рассказал им всю правду. Узнав, что у него с собой деньги, солдаты убили его, а деньги забрали себе. Таковы плоды преслушания. Если же кто скажет, что преподобный изрек пророчество, то не погрешит нисколько.

В то время племя скифов нападало и разоряло фракийские земли, а поэтому все жители этих земель укрывались от опасности в городах. Преподобный же не хотел укрываться в городе Деркисе из-за беспокойства от народа, и отправился в монастырь, расположенный у Черного моря, где его с радостью приняли братия, а особенно игумен, отличавшийся добродетельной жизнью; к этому игумену ради пользы душевной приходили многие из ближних и дальних селений, и даже константинопольская знать. Игумен выделил преподобному келью, где тот мог бы безмолвствовать. Однако, слава о преподобном распространилась повсюду, и те, кто приходили к игумену, шли также и к преподобному

Кириллу. После беседы с ним каждый начинал относиться к нему с великим благоговением и любовью. Но всезлбный диавол вызвал у игумена зависть против святого (ибо нет праведника без греха, как и нет грешника без какой-нибудь добродетели). Не в силах побороть в себе эту зависть, игумен пошел к святому и, как бы заботясь о соблюдении заповедей Божиих, сказал ему: “Мне кажется, отче, что ты делаешь все в своей жизни ради человекоугодия. Для чего ты носишь рубище, ходишь босой, ешь сухую пищу без масла, пьешь только воду, не хочешь есть вареное и называешься “верижником”? Не знаю, носишь ли ты вериги, но имя твое настолько знаменито, что множество невежественных монахов считает, что ты лучше меня, меня, который столько лет трудился для Бога. Странно, что ты не соглашаешься есть вместе со мной, хотя я звал тебя столько раз, исполняя заповедь Господню. Разве ты не знаешь, что своей жизнью ты отличаешься от нас, и это свидетельствует о твоём высокомерии? Итак, прими мой совет, стань как все братья, потому что, как говорят отцы, высокое от демонов. Держись среднего пути, не ищи ни вышних, ни нижних, и тогда избавишься от безчувствия своего, которое рождается от небоязни Бога, от крайнего невнимания и греха. Это не я так говорю, но божественные отцы. Прошу же тебя, приди в себя, чтобы жить блаженной жизнью, потому что знать, что не знаешь, уже есть знание. Если же хочешь познать Бога, сначала познай самого себя. Тот, кто считает, что он ничто, знает себя больше других. Разве ты не знаешь, что тот, кто не обличает грех брата своего, жесток? Ибо говорит Бог: “Обличением обличай ближнего своего, и не примешь за него грех”. Обличение бывает двоякое: то, которое со злобой и местью, и то, которое со страхом Божиим и истиною. Я же, да не будет того, обличаю тебя не со злобой. Видя, как ты томишь свое тело и не получаешь от Бога награды, мне так жалко тебя из-за твоей несговорчивости, что я буду молить Бога, – да приведет тебя в познание истины. Но ты не сможешь прийти в познание истины, если не оставишь своеволия и не перестанешь дове-

рять самому себе. Потому что кто тверд в своей воле, тот поражен гордыней, а *Бог гордым противится* (Иак. 4: 6). Лучше называться учеником ученика, чем жить по своей воле и пожинать ее негодные плоды”.

Выслушав такие слова, преподобный со смирением бросился к ногам игумена и сказал: “Благодарю Бога и твою святыню, что ты не только познал нечистоту моей души, но и отечески обличил меня, и как должно наставил. Ибо слова твои я слушал, как слова Божии, а не человека. Кроме того, ты сказал, что будешь молить Бога, чтобы привел меня в познание истины. Прошу тебя, исполни это, по заповеди Господа, Который даст тебе стократную награду за твою любовь, ибо Он говорит, что “кто исторгает достойного из недостойного, тот как уста Мои будет”. То есть тот, кто обращает человека от заблуждения к истине, и от греха к добродетели, тот подражает Ему. Ты же, отче, исполнил весь свой долг, оставив меня безответным”. Увидев, что преподобный не возмущился его поучением, но с самоукорением и смирением припал к нему, прося его молитв, чтобы прийти в познание истины, игумен умилился и замолчал. Похвалив богоданное терпение преподобного, он вернулся в свою келью, обвиняя самого себя и говоря: “Горе мне, лицемеру, имея бревно в своих очах, я наставляю раба Божия в малом и сужу его, будучи сам осужден! Я не задумываюсь над тем, что тот, кто судит и сурово исследует поступки других, тот не получит прощения за собственные прегрешения, потому что Бог нас будет судить тем же судом, каким мы судим других. Горе мне, безчувственному!” Размыслив обо всем, что произошло, игумен пошел к преподобному и поклонился ему, прося у него прощения. Преподобный так же говорил себе: “Быть осужденным многими злыми людьми – это неправда, которая не приносит вреда, а быть осужденным праведным – это правда, которая приносит пользу. Горе тебе, что тьма дел твоих помрачает сердца святых”. Молясь Богу, преподобный говорил: “Боже мой, не оставляй меня. Я не совершил никакого добра пред Тобой, но дай мне, по благости Твоей,

положить начало, потому что спасение мое зиждится на Твоем милосердии и человеколюбии, яко Твоя есть слава во веки веков. Аминь”.

В ту ночь преподобный увидел во сне, что стоит он на высокой башне, а под ним расстилается равнина без конца и края, и на него нападает огромный дракон, со свистом и раскрытой пастью, желая проглотить. Не зная, что делать, преподобный посмотрел вокруг и увидел под ногами палку. Он взял ее и ударил дракона. Тотчас же тот упал и сдох. Падая, дракон разделился надвое, и от него пошло такое зловоение, что, не в силах его переносить, преподобный пришел в себя. Размышляя, он понял, что дракон – это бес гордости, палка – смирение, а поскольку он потерпел игумена и перенес его обличение с самоукорением, то заповедью Христа избавился от глотки дракона. Преподобный прославил Бога, потому что если бы стал противоречить игумену, то был бы поглощен гордыней. С тех пор все то время, что преподобный провел в монастыре, он падал игумену в ноги с великим смирением и, насколько было возможно, наблюдал за собой, чтобы не дать повод к соблазну. Через некоторое время, положив перед игуменом поклон, он покинул монастырь. Вернувшись в свою келью, преподобный Кирилл продолжал безмолвствовать, подвизаясь в подвигах молитвы, чтобы совесть не осуждала его, ибо подвиги поста, бдения и терпения очищают ее.

Рядом с кельей преподобного находился один источник с чуть теплой и грязноватой водой, которая была не очень хороша на вкус, однако он пил именно ее. Многие приходили на источник за водой, и вот, преподобный как-то раз перекрестил источник, помолился, и все, пившие ту воду, стали исцеляться от различных болезней. «Эту воду или, лучше сказать, святыню и Божественный дар вкусил однажды и я, – говорит автор жития, – потому что от случившегося со мной приступа я семь суток не мог ни есть, ни говорить от сильных болей в животе. На седьмой день я послал к преподобному сказать о своей болезни и попросил прислать мне

воды в качестве благословения от него. К исходу дня мне принесли воду, и как только я выпил ее, в тот же час, Бог свидетель, избавился от своей болезни.

В другой раз, когда я был вместе с преподобным в его келье, пришел один монах, его друг, и рассказал: “Авва, когда я в своей келье печалился о множестве собственных грехов и об отсутствии у меня покаяния, вдруг неожиданно, без труда, были даны мне плач и слезы непрестанные, так что двое суток я не вспоминал о хлебе, но с горячим сердцем, со сладостью и удовольствием неизреченным, с печалью и радостью горько скорбел о своих грехах. Иногда я исповедовался Богу, иногда молил Его, благодарил или славил. Пребывая в таком состоянии и постоянно думая о своих грехах, я обратился к своему Ангелу Хранителю: “Пресвятый Ангеле, заклинаю тебя Творцом нашим Богом, и молю тебя, огради меня, ибо ты видишь, какая опасность мне угрожает. Я прожил жизнь свою в суете, и ты, наверное, напрасно меня оберегаешь”. Так я произнес трижды, и от усталости присел; ум мой находился в это время в глубокой тишине, мире и в памятовании о Боге. Поэтому не могу сказать точно, был ли я восхищен сном, или нет, но вдруг я увидел тонкую, белую как снег руку, которая не сильно, но и не слабо ударила меня по правой щеке. Благоухание этой руки сохранялось на моем лице в течение семи дней, и эти семь дней мне не хотелось вкушать никакой телесной пищи. Прошу же тебя, авва, скажи, как понять то, что со мной случилось, от Бога это, или от бесов?”

Со вниманием выслушав рассказ, преподобный Кирилл так отвечал ему: “Обычно добрый и чадолюбивый отец, имеющих двух детей: совершенного, храброго и отцелюбивого мужа и шепелявящего младенца, если вынужден отлучиться, поручает младшего брата заботам старшего, чтобы тот оберегал малыша от любой опасности до его возвращения. И старший брат из почтительности и любви к отцу, из своего доброго произволения и из-за любви к брату охраняет его всеми своими силами. Младший же брат бежит повсюду,

спотыкается и разбивает ноги до крови. Однако старший старается оберегать его от падений и следит, чтобы на него не напали звери. Не желая связывать волю своего брата, он лишь дает советы, позволяя ему ходить по своей воле, надеясь, что с возрастом тот образумится. Младший же брат, не осознавая своего невежества и не признавая мудрости и знаний старшего брата, с помощью которых тот старается сохранить его невредимым, ни его любви к нему, говорит: “Заклинаю тебя родившим нас отцом, хорошо меня оберегай, потому что видишь, какие мне угрожают опасности”, и при этом показывает ему те немногие раны, которые имеет. Добрый же брат, который честно оберегал его, любя и желая вразумить, бьет его по щеке и говорит: “Себя заклинай и сам себе прикажи не ходить по крутым местам, я же в том невиновен”. Такая же история случилась и с тобой, брат, и рука, явившаяся тебе, была не бесовской. Это ясно из того, что она была белее снега и благоухала, и что ты изменился и не хотел есть в течение семи дней. Изменения, случающиеся по действию бесовскому, не приносят мира душевным и телесным чувствам, не могут они вызвать и сверхъестественных чувств”. Вот таким рассуждением по Богу обладал божественный Кирилл, что мог и немощных наставлять в добродетели.

Однажды, когда преподобный молился, то почувствовал запах, как бы исходящий от курящегося фимиама. Размышляя об этом благоухании, он вдруг услышал, как некто поет приятным и нежным гласом: *Яко пройду в место селения дивна, даже до дому Божия, во гласе радования и исповедания шума празднующаго* (Пс. 41: 5). Он сразу же ударил в било, потому что привык, когда звал, вместо голоса использовать деревянное било, и пришел ученик его, которого преподобный спросил: “Как наш болящий брат? Мне кажется, он отошел ко Господу, потому что я слышал такой глас. Пойди скорее и посмотри”. Ученик пошел и обнаружил, что брат скончался именно в тот час. При этом известии преподобный произнес: *Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову*

Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое (Лк. 26 29-30); как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро (Пс.103: 24). Тот усопший о Господе брат три года назад пришел в монастырь и с кротостью и нелицемерным смирением служил братии, а преподобного слушался во всем. Однажды пришли к этому брату в монастырь родственники, чтобы посоветоваться по одному житейскому делу, но тот благословенный отвечал им: “Не могу я одновременно быть мертвецом и управлять живыми”. Поистине, кто не поступает по своей воле, тот умер для всего мирского, а душа его, освободившись от привязанности к миру, вопиет вместе с Давидом: *снял с меня вретнице и препоясал меня веселием* (Пс. 29: 12). Вот таким был божественный Кирилл, ибо мог и за малое время сделать из плотских людей духовных, что и произошло с этим братом.

В другой раз, когда преподобный сидел на подстилке, он услышал голос: *когда богатство умножается, не прилагайте [к нему] сердца* (Пс. 61: 11). Размышляя утром над этими словами, он увидел, что к нему идет Константин, мясник, который имел большое благоговение к преподобному. После приветствия они поговорили немного о спасении души, и тот сказал преподобному:

– Мои земли, которые находятся рядом с монастырем, я передаю твоей святине вместе со всеми животными. Пусть все принадлежит обители. Если ты сам не хочешь обладать ими, то продай, и раздай деньги нищим ради спасения несчастной моей души.

Преподобный же так отвечал ему:

– Мы обещали Богу быть свободными не только от своих имений, но и от самих наших тел, чтобы стяжать чистоту душевную. Потому не должно нам принимать чужое и связывать себя тяжелыми вещественными узами, потому что те невещественные, которые охотятся на нас, легче орлов. Если мы обременим себя мирскими вещами, то будем передвигаться медленнее, и, следовательно, враг легко нас поймает.

Услышав эти и прочие богомудрые слова, христолюбивый Константин удивился и прославил Бога, Который покрывает и умудряет Своих рабов, после чего сказал преподобному: “И вправду ты не нуждаешься в моих богатствах, потому что тот, кто приобрел истинное богатство, ненавидит и отвращается от этих ложных и обманчивых благ”. Испросив благословение, он ушел.

Когда благочестивый царь Алексей Комнин пошел войной на гордого латинянина Боэмунда, то одни говорили, что победит царь, другие, что Боэмунд. Автор жития, который все это время находился со святым, спросил у него: “Кто и вправду достоин победить в этой войне?” Преподобный ответил: “Достойного и правду знает только Бог, а то, что я видел несколько дней назад, не знаю, от Бога ли или от демонов, но сейчас тебе поведаю. Как только я, недостойный, завершил свое ночное славословие, то, следуя своему обычаю в молитве поминать царя, стал со слезами молить о нем Бога (кто же не будет молиться за такого христолюбивого мужа?). Я произнес Трисвятое, последующие молитвы, затем вслух сказал: *Господи! силою Твоею веселится царь и о спасении Твоем безмерно радуется* (Пс. 20: 2) и, размышляя, присел на подстилку. Вскоре я уснул, и увидел, что во сне иду по светлой равнине. Посмотрев вокруг, справа я увидел царский шатер, который имел вид церкви. Вокруг шатра стояло великое множество воинов, а внутри, на высоком троне, сидел сам царь. По левую сторону от него было огромное море, и в нем плавало множество небольших кораблей. Море разбивало их и выбрасывало на берег. Там же находился огромный черный пес с кровавыми глазами, смотревший в сторону царя. Его держал на цепи некий светлый воин. Немного погодя, он насильно подтащил его и бросил под ноги царя. Я думаю, что царь покорит Боэмунда”. Так, с Божией помощью, и произошло на самом деле.

Как-то раз пришел к преподобному монах из общежительного монастыря и сказал: “Авва, что мне делать с моими грехами, как исцелиться, как избавиться от зла, и что мне

делать, чтобы стать достойным Бога?” И преподобный ответил ему: “Господин мой (ибо так он привык называть всех), ты должен пройти сквозь злые дни и ночи, и даже после этого, не знаю, достигнет ли твой корабль спасительной пристани. Если ты ищешь лекарство, позаботься о своей совести и делай то, что она тебе советует, вот тогда ты обрешь пользу. Знай же, что злоба или страсть не присуща природе человека, потому что Господь сотворил в нас не страсти, но множество добродетелей, к которым принадлежат следующие: **милосердие**, ибо и еллины оказывают милость и любовь, как и неразумные животные часто плачут при разлуке друг с другом; **вера**, поскольку словами своими мы внушаем доверие и верим в те слова, которые слышим; **надежда**, потому что когда даем взаймы, или путешествуем, или сеем, надеемся на то, что получим. Итак, **любовь** для нас есть естественная добродетель, *любовь есть исполнение закона*. (Рим. 13: 10). Добродетели присущи нашему естеству, и пусть устыдятся те, кто говорит, что у них нет сил совершать добродетели. Помимо этих, естественных добродетелей есть еще – девство, безгневие, смиренномудрие, молитва, бдение, пост и всегдашнее сокрушение сердца. Ты же, если хочешь избавиться от зла, борись с врагами, чтобы отсечь страсти, а затем потщись стяжать добродетели и сохраняй их. В этом и есть смысл изречения: *блажен бдяй и блюдый ризы своя* (Откр. 16: 15). Если же хочешь стать достойным Бога, не совершай ничего, недостойного Его”.

Услышав эти и многие другие наставления от преподобного, но не придя в чувство, брат через некоторое время оставил общежитие, потому что не хотел подчиняться и отсекал свою волю. Он пришел в пустыню и поселился в небольшом молитвенном доме, как будто бы для работы по Богу. Спустя еще некоторое время он подружился с разбойниками и, став у них предводителем, совершил убийство. Вот таким именно образом бесы платят тем, кто творит свою волю.

Однажды, когда я как-то раз был у преподобного, между игуменом и братией возникло некое раздражение, так что

все стали громко кричать. Подозвав их, преподобный сказал игумену: “Так-то ты учишь своих чад? Отец потому и называется отцом, что оберегает своих детей. Тот же, кто поступает наоборот, должен и называться по-другому. Если ты приобретешь все добродетели, но будешь пренебрегать душами тех, кто дан тебе от Бога, то не будет тебе никакой пользы от твоих добродетелей, но будешь осужден за пренебрежение, с которым ты относишься к братии. Не будь суровым в прещениях, потому что ни строгое порицание, ни совершенная безнаказанность не приносят пользы. Не будь скор на обличения и не делай этого со страстью, ибо это есть безстыдство. Не суди строго братьев в малых прегрешениях, а согрешивших отечески исправляй, как говорит апостол: *Братия! если и впадет человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушенным* (Гал. 6: 1). Понуждай безчинных не нарушать подобающий порядок и определенные законы”.

Игумен же отвечал:

– Я грешник, грешнику же говорит Бог: “что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои?” (Пс. 49: 16) Для того Бог и дал нам тебя, чтобы ты нас направлял, потому что если бы не было тебя, то я бы точно не смог создать сей малый монастырь. Согласно воле Божией и твоей святости, веди нас, потому что знаешь, что мы слушаемся твоих слов.

– Брат, ты сказал, что ты грешник, однако в делах своих ты себя таковым не считаешь. Тот, кто считает себя грешником и виновным в грехах, ни с кем не спорит, не борется, не гневается ни на кого, но почитает всех лучшими и мудрейшими себя. Если же помыслы смеются над тобой, как же ты можешь считать себя грешником? Как они могут подвигать сердце твое против тех, кто лучше тебя? Внимай себе, брат, ибо то, что ты говоришь – неправда. Мы еще не достигли той меры, чтобы считать себя грешниками. Если бы ты был грешником, как бы ты стал обвинять своего брата? Ты гово-

ришь, что из-за него у тебя скорбь, но разве ты не знаешь, что каждый искушается от своей собственной совести, и именно она вызывает скорбь? Оставь свои оправдания, а если что и скажешь, не говори: “хорошо я сказал”. Если что придумаешь, не говори: “как хорошо я придумал”. Хорошо-то хорошо, но где оно, это хорошо? Надо думать над тем, чтобы никого не опечалить ни словом, ни делом, а Бог нам поможет в этом. Как наши братья, которые служат ради Бога, так и мы должны носить *бремена друг друга*, чтобы исполнить закон *Христов* (Гал. 6: 2). Когда кто-то смущается, скорбит и гневается на брата своего по якобы благовидной и душеполезной причине, уже понятно, что это не от Бога. Все, что от Бога, несет мир и приводит человека в смирение и осуждение самого себя, а не брата, возбуждая против него гнев.

Это и многое другое преподобный говорил игумену, а затем обратился к братьям и сказал: “Монах, который имеет послушание, подражает Иисусу Христу, а тот, кто подчиняется, подражает Ангелам. Тот же, кто прекословит и противится, делает себя чуждым Иисусу, и становится другом диавола. Прошу вас, дети мои, стяжите безпрекословное послушание, ибо послушание – мать вечной жизни, как преслушание – мать гибели. Пусть никто из вас не будет пустословом, или болтуном, или клеветником, или ругателем, или ропотником, потому что все это и подобное этому – плоды диавола. Если вы хотите нравиться Богу, то должны отсечь всякое своеволие и подчиниться поставленному над вами от Бога начальнику как Самому Христу. И да не будет среди вас Иуды, но будьте как апостолы, что подчинялись Христу. Те же, кто противятся, навлекут на себя великое осуждение. Не осуждайте друг друга и тем паче вашего духовного отца, потому что тот, кто осуждает, пойдет в погибель. Возлюбите старца как своего отца, но и бойтесь, как имеющего над вами власть. Вы не должны от большой любви относиться к нему без внимания или бояться его, как и от большого страха не любить его. Кто истинный ученик, тот любит своего старца и слушается его до смерти,

назидается во всем, что бы ни делал, не дерзая рассуждать о том, что делает, не задавая вопросов, почему и зачем. Если вы так спрашиваете, то тогда вы не ученики, но судии своему старцу. Все зло происходит от проклятой собственной воли. Не заблуждайтесь, братия, творя свою волю, ибо своя воля никогда не доводит до добра. Когда же вы оставляете свою волю Богу, тогда Бог творит так, как хочет". Этими и прочими советами игумену и братии, преподобный, с Божией помощью, привел их к согласию и примирил.

В другой раз, когда я беседовал с преподобным, к нему пришел некий брат из общежительного монастыря и сказал:

– Отче, я слышал от врача, что смоквы полезно есть с утра и потому ем их.

– Горе тому врачу, который подвиг тебя на это, и вряд ли ты получишь пользу. Если ты не победишь свое чрево, брат, то для чего ты тогда занимаешь место (ср. Лк. 13: 7) и ослабляешь подвижников? Разве ты не слышал, что заповедует святитель Василий Великий монахам: из двадцати четырех часов в сутки они должны на еду тратить один час, а в остальное время заниматься умным деланием. Ибо то, что даешь телу, сразу теряешь, а то, что дашь душе, будешь иметь всегда. Итак, без телесной необходимости не ешь, и не пей, и пусть эта заповедь тебе не покажется тяжелой, ведь на самом деле это не так. Оставь свою волю, и твори волю предстоятеля. Отсеки пристрастие и привяжи себя к любви Божией – истинному врачу душ и телес. Кто следует своему собственному врачу, не только будет порабощен чревоугодием и будет есть как свинья, с утра до утра, но вместе с чревоугодием впадет и во все нечистые страсти.

Затем, так как была пятница, преподобный спросил монаха:

– А сегодня, что вы ели?

– Сегодня мы ели "святую" похлебку.

– А что это за "святая" похлебка?

– Лук и прочие овощи с ароматами кладут в воду, это и называется "святой" похлебкой.

Тогда, застонав, преподобный произнес:

– Горе, брат, не заметил ты, что это не просто “святая” похлебка, а “святая” похлебка для чревоугодников. Разве ты не слышал повесть из Отечника? Некий старец пришел к одному брату и увидел, что тот ест. Когда ядущий брат увидел старца, то спрятал за дверь то, что ел. На вопрос старца, что он ел, тот ответил: “Прости меня, отче, я срезал финики, и от жары у меня пересохло горло. Поэтому я положил немного соли в воду и смочил хлеб, ибо не мог его есть сухим”. Услышав это, старец закричал: “Идите посмотреть на Исаию, который ест похлебку”. Брату же он сказал: “Если хочешь есть похлебку, ступай в Египет”. Видишь, брат, какую “святую” похлебку ел тот монах, да и то со стыдом. Я думаю, что брат тот был новоначальным. Нам же, чревоугодникам и сластолюбцам, горе, а думаем, что удержали жителство древних отцов. Прошу тебя, брат, если вы не можете прекратить этот обычай, то не называйте, по крайней мере, эту похлебку “святой”, потому что тем самым вы поносите святых. Если же мы поносим самих себя, то не чувствуем этого. Обилие яств рождает множество помыслов и скверных сновидений.

Таковы были слова преподобного, и неудивительно, что он так говорил, ибо сам более пятидесяти лет не вкушал пищу, приготовленную на огне, ни винограда, ни других каких фруктов, ни вина не пил, и лишь иногда ел айву. Я спросил его: “Авва, почему ты даже в Господские праздники не разрешаешь себе вкушать пищу с маслом?” Он же отвечал мне: “Я немощен, и если разрешу себе, то не смогу более удержаться. Те, кто может разрешать и связывать себя, те свободны от страстей и работы чреву”. Вот так со смиренномудрием говорил преподобный.

Еще он говорил: “Насыщение хлебом и водой вызывает у человека желание разнообразных яств. Кому хлеб кажется сладким на вкус, и кто пьет воду с воздержанием, тот никогда не захочет разных яств и напитков, ибо от голода и жажды вкус забывается. Меня же не столько беспокоит голод, сколько жажда”. Преподобный не только испытывал голод и

жажду, но и ноги, и лицо не умывал, не имел и двух одежд, даже когда находился в миру. На ногах он носил только башмаки, да и то зимой. Спал, оперевшись на правый бок, а иногда забывался немного сном там, где сидел. Вместо матра-са у него была тонкая подстилка и мягкая медвежья шкура. Когда преподобный шел спать, то говорил: “Боже мой, не оставляй меня, но избавь меня от смертного тела сего”. И повторял наставления Василия Великого: “Спишь, а время тебя опережает, бодрствуешь, а ум твой блуждает в суете, жизнь сокращается, хотя ты того не понимаешь. Конечно, больше всего нам не хватает времени, потому что жизнь наша мала, а искусство спасения надо изучать долго и много, конец же жизни нашей близок. Бодрствуй же, о беспечный, не ложись спать, прежде чем не исследуешь соделанное тобою за день: какие заповеди Божии преступил, какие дела, угодные Богу, сотворил, а какие исполнил не как должно. Если же ты поступил плохо, то скорби и мучай себя стенаниями, слезами и горьким раскаянием. Если же поступил хорошо, то радуйся и благодари Бога, Который тебе помог. Если хочешь убежать зла, то должен сначала возненавидеть все, что в мире, потому что невозможно одновременно любить мир и не участвовать во зле, происходящем от вещей мирских”.

Он каждый день произносил и такие прекрасные слова:

— Прошу вас, ноги мои, не теките на зло, но до тех пор, когда уже не сможете стоять и двигаться, и прежде чем будете связаны и станете неподвижны, стойте с ревностью на молитве к Богу. Вы, руки мои, не наполняйтесь кровью и беззакониями, но простирайтесь к Богу в преподобии и правде, потому что придет час, и вы будете неподвижны, связаны одна с другой. Вы, очи мои, не смотрите на зло, но прежде чем закроются веки ваши, смотрите на творения Божии во славу Его. Вы, уши мои, не слушайте суетное, но только все спасительное и полезное. Вы, уста мои, не произносите лукавое и ядовитое, но поучайтесь в законе Господнем день и ночь, чтобы излилась на вас благодать Божия, и возрадовались вы, когда поете Богу. Ты, язык мой, не становись ост-

рым ножом, но тростью книжника-сорописца, поучаясь в правде Божией. И ты, тело мое, прежде чем мы будем разлучены и удалимся друг от друга, ибо я пойду во ад, а ты распадешься во прах и зловоние, стой мужественно и поклоняйся Богу. Прежде чем тебя, мертвое, понесут другие, понеси меня, – да прославлю Бога и исповедуюсь Ему. Как бы, желая лежать, блаженствовать на кровати и спать, ты не осудило меня на вечные муки, ибо придет время, когда нынешний сладкий сон превратиться в вечную горечь. Если ты, тело мое, слушаешь то, что я тебе говорю, тогда мы вместе унаследуем вечную жизнь. Если же нет, тогда для чего ты соединилось со мной? Горе мне, потому что моя душа надолго соединилась с тобой. Горе мне, ибо из-за тебя душа моя, несчастная, будет осуждена! Если ты слушаешь меня, то станешь храмом Бога, и Бог даст нам большее знание и поведет нас ко всякой истине. Если же не слушаешь меня и не подчинишься мне, правду тебе говорю, тогда знай, что не перестану враждовать с тобой и всеми способами буду подвергать тебя мукам до тех пор, пока, с помощью Божией, не умерщвлю мертвотворящие твои деяния и болью не воскрешу себя от страстей. Хотя Бог и воскресит нас во время второго Своего пришествия, однако Он требует от нас и другого воскресения – нового жительства в настоящей жизни, которого можно достичь переменой нашего поведения и нрава. Когда нерадивый и сонливый станет ревностным и бодрым, и из делателя беззакония и зла станет делателем правды и добродетели, то уже здесь воскреснет и получит воскресение, которое послужит для него преддверием вечного воскресения. А как может произойти это воскресение? Через умерщвление греха и воскрешение добродетели, когда ветхая жизнь рушится и начинается новая, ангельская.

Но не можешь ты, тело, бодрствовать всю ночь, воспевая псалмы. Бодрствуй, воспевая тропари, совершая коленопреклонения, творя молитвы. Бодрствуй, скорбя и оплакивая свои грехи. Бодрствуй, славословя Бога и проводя время в чтении Священных Писаний. Не можешь бдеть всю ночь,

бди половину, но только не расслабляйся и не помрачай меня долгим сном, не утучняй мой ум: *Призри, услышь меня, Господи Боже мой! Просвети очи мои, да не усну я [сном] смертным* (Пс. 12: 4), чтобы и я мог дерзновенно сказать как Давид: *Ложусь я, сплю и встаю, ибо Господь защищает меня* (Пс. 3: 6); *Тебе предает себя бедный; сироте Ты помощник* (Пс. 9: 35); я воспою и препрославлю пресвятое имя Твое, ныне и во веки веков. Аминь.

Затем он говорил сну:

– Приди, злой раб раба.

Улучив немного сна, преподобный тотчас же вставал и славословил многопетое имя Отца и Сына и Святаго Духа. Говорил он мне также:

– С тех пор, как я стал монахом, не помню, чтобы провел хотя бы один день без псалмопения, молитвы, рукоделия и слез, которые есть дар Божий.

На это я спросил:

– А что, ты можешь иметь их, когда захочешь?

– Да, однако знай, что слезы вызываются ревностью, желанием, умерщвлением тела и чистым, ничем не развлекаемым умным размышлением. Слезы очищают душу от страстей. Вот уже восемнадцать лет, как Бог дал мне их, по реченному: *слезы мои были для меня хлебом день и ночь* (Пс. 41: 4), потому что по завершении повечерия, полунощницы и утрени я плачу. Днем, с помощью Божией, я плачу сколько хочу.

– Прости меня, отче, а что ты вспоминаешь, когда плачешь?

– Иногда я вспоминаю свои грехи, иногда – скорби нищих и сирых, иногда – Страсти Христовы, а очень часто вспоминаю о скорбях, претерпеваемых безсловесными животными, потому что и у них есть неразумная душа и потому им больно. Разве ты не знаешь, что чем больше сердце того, кто скорбит и плачет, разгорячается от слез, тем более очищается от страстей и просветляется? Тогда такой человек начинает жалеть и печалиться о всех разумных и неразумных творениях,

и даже растениях. Но как можно передать словами сладость меда тому, кто его не пробовал? Бывают рабские слезы и одновременно слезы благодарности от страха перед ранами и мучениями, бывают слезы от любви, а бывают от бесовского действия. И эти, последние, я называю не слезами благодарности, но только рабскими, – да упразднит их Господь. Сначала приходят слезы от страха, как говорят отцы. Они разжигают сердце иногда умеренно, а иногда чрезмерно, и иссушают тело. Если человек сохраняет благорасположение (которое есть жизнь по разуму и знанию, ведь именно это порождает и сохраняет скорбное состояние), будет усиленно подвизаться в безмолвии и трудиться по Богу, тогда, независимо от того, имеет ли он эти слезы или нет, открывается ему от Бога дверь тайн Его любви. То, что от Бога, будет приходить к нему само по себе; такому человеку не нужно будет предварительно помышлять об этом, если сердце его чисто.

От любви происходят слезы молебные и утешительные: *Блаженны плачущие, ибо они утешатся* (Мф. 5: 4). Утешение есть благодать Божия, которая приходит в сердца плачущих от божественного осияния Святаго Духа. Лицо такого человека распалется от радости, как от опьянения (так однажды некто подумал про меня, ничтожного, что я пьян), потому что вместе с сердцем распалется и тело. Таковой тогда уже не имеет страха, но любовь. *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4: 18).

– А как можно узнать, достиг ли ты этой любви?

– Когда человек вспоминает о Боге, тотчас же сердце проникается любовью к Нему, а из глаз его обильно текут слезы (ибо при любви свойственно проливать слезы от воспоминания о любимом). Тот, кто любит Бога, всегда имеет слезы, потому что у него есть причина, которая заставляет его постоянно вспоминать о Боге, так что даже во сне он беседует с Ним (ведь и тот, кто любит, так же поступает с любимым: он желает облобызать его святым лобзанием и готов за своего друга пожертвовать и самой жизнью). Он желает пребывать в одиночестве, чтобы наедине беседовать с Богом, и тогда

поднимается в нем сила, которая собирает его ум, и приводит его как бы в исступление. И хотя человек помышляет о Небесном, но сладостное созерцание и частое делание неизреченной той беседы у него не пресекаются. Внешние же его чувства пребывают вне этого мира, потому что он опьянен божественной любовью и даже самую страшную смерть вменяет ни во что. *Вкусите, и увидите, как благ Господь! Блажен человек, который уповает на Него* (Пс. 33: 9). Сказано: *вкусите*, а не насыщайтесь, потому что сейчас мы видим истину лишь отчасти, как бы отраженную в зеркале, *гадательно* (Кор. 13: 12), но придет время, когда нынешнее обручение и вкус благодати превратятся в совершенство наслаждения. Это есть плоды безмолвия по Богу и частого воздержания чрева от хлеба и воды, а также многие сознательные скорби, в которых укрепляется терпение. Терпение же, в свою очередь, укрепляется нелицемерным укорением себя, а от самоукорения, как от источника, проистекают слезы по Богу, которые убеждают нас паче снега. Именно те, кто убелен таким образом, вошли в субботу и в покой, ибо истинный покой для христиан – свобода от греховных страстей и как можно более полное и действенное обитание Духа Святого в чистом сердце, потому апостол и говорит: *Итак постарайтесь войти в покой оный* (Евр. 4: 11). Сию благодать плача и слез многие обрели, а потом потеряли, потому что возымели дерзновение в сердце своем, раньше времени приблизились к миру и были побеждены его лестью и удовольствиями, пострадав по справедливости. Все, приобретенное без труда, не ценится, потому и пребывает в поношении, будь то дар деятельный или созерцательный, ибо таковой человек думает, что снова легко приобретет его. Ум же его не наблюдает за чувствами, потому и впадает через них в грехи.

Я снова спросил преподобного:

– Авва, почему ты не рассказал о слезах, происходящих от бесовского действия?

– А разве есть необходимость говорить о бесполезном? Если же хочешь узнать, то я расскажу тебе все, что знаю. Эти

слезы иначе бывают у мирских, а иначе – у монахов. Когда мирские лишаются чего-либо из благ мира сего, то они суют и плачут из-за любви, которую к ним имеют, а иногда плачут от опьянения. Монахи, гордящиеся своими добродетелями (хотя на самом деле они ничто) и неразумно оправдывающие себя, превозносят себя над нерадивыми монахами тем, что якобы имеют ревность по разуму, и порой обличают и запрещают даже святых, плача и печалясь из-за них, хотя сами достойны множества слез. Очень часто они плачут о своих грехах, но не ощущают их, потому что если бы чувствовали, что они тяжелее кантари* свинца, тогда бы не плакали из-за грехов других. Такие думают, что имеют Божественную любовь. Когда же диавол раздувает в них надменность и гордость, приводя в умиление, чтобы умертвить, и умножая их слезы, они готовы плакать, неустанно исполняя свое правило, которое ничуть не мешает бесу, но содействует ему до тех пор, пока он не ввергнет их в какое-либо прегрешение. Счастлив тот, кто не побежден такими слезами, но сподобился насладиться рабскими слезами благодарности, и теми, что происходят от любви.

В другой раз я снова пришел к преподобному и нашел его сильно сокрушающимся и плачущим. На мой вопрос, что с ним случилось, он ответил:

– Бесы сожгли мне сердце, а я сжег их с помощью своего тела. Я чуть было не сжег себе жилы, скрепляющие члены, и не стал ползать по земле, подобно змее, как мне и подобает, если бы Бог не защитил меня.

– Ради Господа, скажи мне причину всего этого?

– Ты знаешь, что у меня есть ученик-священник, который принимает исповедь. Однажды он мне поведал, не называя имен, помыслы неких сластолюбцев, и я тотчас же понял, что сердце мое вместе с телом усладились ими. Поэтому я опечалился и, разгневавшись на себя, взял угли и положил их на срамные уды. Как говорит премудрый Нил, “духовник,

* Кантари – старинная единица веса, равная 44 оки, или, около 57 кг. – Пер.

желающий очистить деяния исповедавшихся ему, по необходимости принимает от них некую скверну. Тот, кто беседует о плотских страстях и очищает других от скверны, сам не может остаться неоскверненным, ибо, естественно, что даже воспоминание оскверняет его ум”.

С этими словами он обнажил свои уды, и я увидел страшное зрелище, потому что первое отверстие, которое он сделал, было так велико, что туда вмещалась рука, а другое отверстие было поменьше, поскольку от сильной боли он упал в обморок.

Увидев такое, я спросил:

– Неужели Бог радуется этому?

– Конечно, радуется, потому что, согласно Григорию Богослову, человек ничем иным не может послужить Богу столько, сколько злостраданием, а за человеколюбие Его – воздать слезами. Мученики – не только те, кто принял смерть за веру Христову, но и те, кто умерли, исполняя заповеди Христа. К скорбным помыслам мы должны относиться без злопамятства и вражды, а сластолюбивым противиться и воевать на них. Но никто не сможет победить, если убоится, подобно тому как воин, если испугается смерти, то не сможет совершить подвиг. Как говорит святой Исаак: малая скорбь ради Бога, лучше большого дела без скорби, потому что вольной скорбью испытывается наша вера и любовь. Я же верю, ибо это истина, что мученики по своей воле предавали себя на строгание, сожжение и страдания ради любви ко Христу, сильнее которой нет ничего в этом мире. Да и Христос Сам волею пострадал за нас, потому и мы должны пострадать за себя, чтобы не лишиться Его любви, как говорит апостол: *если терпим, то с Ним и царствовать будем* (2 Тим. 2: 12).

Услышав это, я сказал:

– Горе нам, любящим плоть! Ибо ради любви к телу мы становимся врагами Богу.

Улыбнувшись, преподобный произнес:

– Когда бес сделал так, что я немного усладился, он долго смеялся надо мной и явился в образе упитанной свиньи. Од-

нако сейчас проклятый был постыжен и горько вздыхает, будучи обожжен более меня. Вместе с тем он снова устрашает меня, скрежеща зубами, как высохший и слабый вепрь. Но теперь я смеюсь над ним, и радуюсь, и говорю, что Христос мой разозлил тебя сейчас, и снова да будет воля Его.

– Ты хорошо говоришь, отче, что смеешься над ним и радуешься, потому что тот, кто побеждает страсти, в бешенстве на него нападающие, радуясь победе от радости забывает боль.

В другой раз, когда я снова пришел к божественному Кириллу, то увидел, как он, оперевшись на локоть, собирает траву. Собрав охапку, он постучал посохом и пришел ученик, которому преподобный сказал:

– Господин мой, возьми эту траву и отдай какому-нибудь животному (преподобный привык так поступать иногда).

– Я удивляюсь, что ты милуешь бессловесных животных, а к себе немилостив. Разве ты не испытываешь телесных страданий?

– Сотвори так, и будешь назван праведником, как говорит Священное Писание: “Блажен, иже и скоты милует”.

Однажды случился сильный голод, от которого погибло множество людей. А преподобный половину хлеба, что получал в монастыре, отдавал иногда сироте, иногда кому другому, и многих таким образом спас от голода и смерти, говоря:

– Если у тебя всего один хлеб, и пришел к тебе нищий просить милостыню, возьми хлеб тот в руки и, взглянув на небо, произнеси: “Господи, Ты видишь, что у меня только один хлеб, и я погибаю от голода, но исполнить Твою заповедь я почитаю более важным, чем сохранить свою жизнь. Поэтому, как я отдаю этот хлеб голодному брату моему, так и Ты дай мне. Я знаю Твою благодать и уповаю на Твою силу, ибо Ты не замедлишь в благодати Своей, но щедро раздаешь дары Свои”. Если ты так поступишь с хлебом, который даешь от скудости Своей, то он станет для Тебя как семя, порождающее обильные плоды.

Многие из сирот считали преподобного своим кормильцем, и один из них мне рассказал, что однажды, когда они пришли к нему за милостыней, то нашли его плачущим и бьющим себя по лицу руками, при этом преподобный приговаривал: “Горе мне, горе! Я, который враг Богу, ем каждый день, а чада Божии едят раз в два дня”. После этого рассказа я сказал: «Святой Исаак говорит: “Того считай человеком Божиим, который от многого милосердия к другим отдает им то, что необходимо ему самому чтобы выжить, и по произволению умерщвляет самого себя, отдавая большее предпочтение нужде брата, нежели своей. Таковой имеет Христа, Который заботится о нем». Тот, кто обнищал ради Христа, находит себе сокровище неистощимое. Хотя Бог не испытывает нужды ни в ком, Он радуется, когда кто-либо дает покой Его образу – человеку, и оказывает ему честь ради Него. Ему же слава во веки”.

У преподобного был обычай, когда он хотел вкусить пищи, обращаться с приветствием к Пресвятой Богородице и Честному Кресту такими словами: “Радуйся, Кресте Христа моего, скипетр Царя царствующих. Радуйся, Кресте, освятивший концы вселенной. Радуйся, Кресте, Серафимов и Херувимов Честнейший, потому что не на них был растянут обнаженным мой Господь во время страданий, а на тебе. Радуйся, радуйся, радуйся, потому что восприявший тебя на свои плечи и с искренним сердцем верующий в твою силу не будет ступать во тьме, но будет иметь свет жизни”. А к Богородице он обращался так: “Радуйся, похвала моя, надежда моя, прибежище мое, сила моя, крепкая башня моя, защищающая врагов, обитать буду под кровом Твоим, ибо у Тебя *не... забыт будет нищий* (Пс. 9: 19), и Ты – пение мое всегда! Как страшна Ты врагам, Ты, державная моя помощь, исполни уста мои хваления, яко да воспую славу Твою во все немногие дни жизни моей, яко препрославлено есть Твое пресвятое имя у Отца, Сына и Святого Духа”.

Произнося эти слова, он оставлял пищу, и все продолжал приветствовать и славословить Богородицу. Если же серд-

це его разогревалось еще больше, он тотчас же вставал, делал множество поклонов и долго прославлял Бога. Иногда он взывал громко, потому что не мог более удерживать себя, прославляя пресвятое имя Божие, ибо Дух Божий, живущий в нем, не давал ему молчать. Когда преподобный заканчивал славословие, то иногда садился и вкушал свой хлеб, а иногда забывал о еде от гласа воздыханий своих и довольствовался лишь духовной пищей. И лицо его в тот момент было как лицо Ангела. Преподобный избегал знакомства с людьми, а особенно с архонтами и князьями. Насколько он был велик, настолько и смирял себя, однако Бог, дающий благодать смиренным, так прославил его, что привел к нему и царей.

Благочестивый царь Алексей, любивший монахов, пришел однажды к некоему монаху, который был близким другом преподобного. В беседе с царем инок случайно вспомнил слова преподобного, и тогда царь спросил:

– А кто этот авва Кирилл, о котором ты говоришь, и почему я не знаю его?

И отвечал монах:

– Кто я такой, несмысленный, чтобы говорить тебе о нем. Очи более надежны ушей. Что касается меня, то я верую, и Бог мне свидетель, что Кирилл – истинный Его раб.

Выслушав монаха, царь весьма обрадовался и немедленно послал к преподобному своего шурина Михаила Августа, который тоже отличался любовью к монахам и был богобоязнен. В монастырь, где подвизался преподобный, Михаил пришел поздним вечером. На его стук вратарник открыл двери и тотчас же, взяв за руку, повел за собой, чтобы никто из братии не слышал, что пришел сановник, и не смутился. Придя к келье святого, Михаил постучал в дверь и сказал:

– Благослови, отче.

– Да не благословит тебя Бог.

– Тот снова постучал и сказал:

– Благослови, отче.

– Я сказал тебе, да не благословит тебя Бог.

– Затем Михаил постучал в третий раз:

– Открой, отче.

– Да не будет того, чтобы ты был мне сыном, проклятый. Ступай к своему отцу сатане.

– Авва, я человек, а не бес, и пришел к тебе за благословением.

– Я хорошо знаю, кто ты, и удивляюсь твоему безстыдству, ибо несмотря на мои проклятия, ты продолжаешь лаять.

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас. Авва, я – Михаил Август.

Услышав эти слова, Кирилл немедленно встал и открыл дверь. Сотворив молитву, преподобный произнес:

– Если ты человек, перекрестись и сотвори молитву.

Когда тот все сделал, святой поприветствовал его и, после того как они сели, спросил:

– Кто ты и зачем пришел сюда к человеку-грешнику, который не имеет никакого духовного делания, но поступает по своей воле, чуждой Богу?

– Если бы и я, авва, мог иметь такое же делание, как и ты, и “чуждую” Богу волю, и не был бы знатного рода и не имел бы власти, званий и прочей суеты мира сего.

– Я не достоин неба и земли, а тебе да даст Господь по сердцу твоему, и по вере твоей да будет тебе. Если хочешь спастись, позаботься всегда о вечной славе, потому что слава мира сего – ложна, и многих сбила с толку. Поскольку ты человек, вспоминай общее несчастье всех людей, что нет ничего надежного в роде человеческом, никто из людей не живет той жизнью, какой хочет, и потщись всегда помнить о конце своем. Поистине знатен тот, кто презирует наслаждение, богатство, славу, жизнь и любит противоположное этому: боль, нищету, безславление и смерть. Тот поистине богат, кто имеет много друзей – святых Ангелов и всех святых, и тот поистине нищий, кто оставляет друга – своего Ангела Хранителя. Самое величайшее звание не то, при котором имеешь много почестей, но – быть достойным почестей. А архонт и властитель тот, кто властвует над самим собой и подчиняет разуму душу и тело. Если же над архонтом возобладает какая-ли-

бо страсть, то он не сможет выносить правый суд. Знай же, что не должен властвовать над другими тот, кто хуже своих подданных. А ты, если хочешь быть другом Божиим, не побеждайся дарами, дружбой, враждой или чем другим, когда выносишь суд, который есть суд Божий, но суди правильно и по законам. Потому и говорит Давид, что зело честни быша друзи твои, Боже. Благочестивый не тот, кто милует многих, но тот, кто никого не обижает, а тот, кто не наказывает злых, несправедлив к добрым. Те, кто наказывают чинящих насилие, не дают другим поступать несправедливо. Ты же будь судьей тем, кто чинит насилие над другими. К тем же, кто чинит насилие тебе, будь сострадателен. У первых ты приобретешь имя, как соблюдающий законы, а вторым явишь свое человеколюбие и сострадание. Сегодня же мы видим, что происходит все наоборот. Если ты хочешь иметь ту, “чуждую” волю, о которой я говорил вначале, и если захочет Бог, то сделает тебя монахом – для Него нет ничего невозможного. А сейчас работай Богу со страхом, по силе своей, которую всегда понуждай творить добро. Если это увидит мой Христос, то придет к тебе, как к Закхею, и скажет: *сойди скорее* (Лк. 19: 5), и так ты оставишь смоковницу и последуешь за Ним. Если же, к твоей большой радости, Он остановится в твоём доме, тогда отдашь нищим половину своих имений, а если кого обидел, воздашь вчетверо. Тогда и ты услышишь: *ныне пришло спасение дому сему* (Лк. 19: 9) и сможешь возненавидеть сей мир.

Услышав эти и многие другие душеполезные слова святого, Михаил захотел разглядеть его лицо и сказал: “Авва, вели принести свет”. Преподобный постучал посохом, и пришел ученик, которому он велел принести свет. Ученик же на это заметил:

– Сорок лет ты не вносил свет в свою келью, а теперь говоришь мне принести?

– Видишь, какой ты ослушник? Пойди и принеси свет.

Удивившись тому, что преподобный воздерживается и от света, Михаил спросил:

– Почему ты не зажигаешь свет, разве он не помогает при чтении и псалмопении?

– Церковь для каждого – его ум и сердце, там мы и должны совершать богослужения. Точно так же и ты, где бы ни был, если бывает служба в церкви, иди, а если нет, читай псалмы, Апостол, или Евангелие. Если бы у меня был свет, то я стал бы считать бревна на крыше своей кельи. Более того, свет – это признак тех, кто имеет светлую жизнь, а я потому и сижу во тьме, моля Бога о своих грехах, так как творил и продолжаю совершать дела, достойные тьмы. Если же вместо временного света, который я не вижу, сподоблюсь в будущем веке узреть луч того неувечернего света, на что надеюсь, – да будет слава Святому Богу. Если же нет, все равно, – да будет слава праведному Его суду. Для меня уже много – видеть солнечный свет, потому я и не перестаю благодарить Бога, Который *повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми* (Мф. 5: 45).

После того как принесли свет и Август увидел преподобного, то стал вопрошать его о многих вещах, которых не знал. Преподобный же отвечал на все со знанием и премудростью Божией, наставив его за ночь множеством душеспасительных советов. Когда стало рассветать, Михаил поднялся, облобызал руки и уста преподобного и, прияв его святые молитвы, покинул его. Спросив братьев, есть ли у преподобного родные, которые еще живы, Михаил узнал, что живы его дочь и мать. Он тотчас же распорядился послать им все необходимое, после чего с радостью ушел, благодаря Бога, Который сподобил его побеседовать с таким дивным мужем.

Когда Михаил Август пришел к царю, то сказал ему так:

– Поистине, святой царь, все то, о чем мы слышали, то и видели. Преподобный – священнолепный старец, муж добрый, мирный нравом и уравновешенный. Да к чему многословить? Он украшен всеми благами и исполнен божественной любви. Обликом похож на пророка Илию.

Такие и многие другие похвалы расточал Михаил Август о преподобном благочестивому царю, который, как только

выслушал все, исполнился великой радости и вскоре со всем своим домом пришел к преподобному. После того, как они обменялись лобзанием во Христе, преподобный спросил:

– Зачем ты пришел сюда, благочестивейший царь, к нечестивому старику, который ничего доброго не имеет за собой? Неужели до твоего величества дошел слух о моих лицемерных словах и делах, что и привело тебя к моей худости? А ты, по Божественному смирению своему, считаешь меня, недостойного, как святых отцов наших. Жалкий я лицемер, чем оправдаюсь перед Всеблагим Богом, чем воздам твоему царству за такой труд?

Царь отвечал ему на это:

– Авва, *меньший благословляется бóльшим* (Евр. 7: 7). Поскольку мне доверена от Бога такая власть, хотя и незаслуженно, я постоянно предаюсь заботам о ней и пребываю в таком смущении, что не помню Бога. Как же мне тогда не почитать боящихся Его, не ходить к ним за святыми их молитвами для просвещения помраченной моей души и благополучного исхода военного похода? Ты знаешь, что *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5: 16), а я, по своему нерадению, хотя и не поступаю по вашим святым молитвам, однако верю, что они способствуют моему укреплению. Я уверен, что те, кто живут отшельнической и монашеской жизнью предпочтительнее тех, кто живут в миру со многими людьми, пусть даже они и скромнее прочих. Монахи безмолвием умирят те страсти, которые у мирских от постоянных зрелищ разжигаются и делают их хуже, хотя они и не чувствуют их вреда, потому что за долгое время уже к ним привыкли, как к многолетней теплоте, тайно их (людей) пожирающей.

– И я согласен с твоими словами, однако знай, что, как говорит святой Иоанн Лествичник, невозможно всем стать безстрастными, но спастись и примириться с Богом возможно всем. Как говорит божественный Иоанн Златоуст: “Я обещаю и уверяю, что если грешник оставит прошлые грехи и от всего сердца пообещает Богу более не согрешать, то Бог

ничего другого не потребует от него в ответ, потому что Он человеколюбив. Подобно тому, как жена, испытывающая боли при родах, желает родить, так и Бог желает излить на всех Свою милость". Как говорит Григорий Богослов: "Тот, кто пребывает в миру и достиг малых добродетелей, намного превзошел того, кто свободен, но не достиг всех. Более странно видеть человека, скованного цепями, который проходит малое расстояние, чем того, кто, не имея никакого груза, проходит большое; и удивительнее видеть того, кто упорно идет по грязи и немного испачкан ею, чем того, кто чист и идет по чистой дороге. Доказательство этого – блудница Раав, которую оправдало одно гостеприимство, хотя за все остальные дела она не удостоилась похвалы; мытаря возвысило только смирение, и нет свидетельств, были ли у него другие добродетели. А почему? А чтобы мы научились не отчаиваться. Ты сказал, мой господин, что от мирских попечений не помнишь Бога, а я говорю тебе, что, по благодати Христа моего, ты всегда помнишь Его.

– Откуда ты можешь знать это, авва?

– Память Божия есть боль сердечная, происходящая от благочестия, как говорит святой Марк, потому и попечение, которое ты имеешь об укреплении нашей веры, церковей, монастырей и мира, который тебе доверен Богом, есть боль сердечная, происходящая от благочестия.

– Хорошо ты говоришь, отче, и я, с помощью Божией, забочусь о царстве по мере сил, но не знаю, есть ли у меня память Божия, потому что я поработен сластолюбием, славолюбием, сребролюбием. Как можно избавиться от них и угодить Господу моему?

– И вправду это три первородные дочери сатаны и супруги его, злобы, которые рождают в нас всякое лукавство. Ими думал сатана искусить Господа нашего после Его Крещения, но Господь наш победил их и стал примером и образом для нас, согласно Его же словам: *Ибо Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам* (Ин.13: 15); *научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем* (Мф. 11: 29). Кро-

тость успокаивает гневающуюся часть нашей души, а смирение освобождает от тщеславия. Кто имеет эти добродетели, не будет поработен ни сластолюбием, ни сребролюбием. Истинный царь познается не по порфире, поясу и венцу на голове, а по царской добродетели. А тот, кем повелевают страсти и кто раб греха, тот недостойн властвовать над другими. Истинный царь тот, кто побеждает страсти и управляет по законам Божиим, и блюдет свободу своей души. Признаки же свободной души есть безхитрость, кротость, человеколюбие, мужество, справедливость, целомудрие, снисхождение, великодушие судить не по благодати, а по праву. Такой царь не скажет просящему: “Уходи сейчас, и приди потом, тогда я тебе дам”, но дает каждому по его потребности. Так и ты, по благодати Божией, поступал и поступаешь, особенно же с сиротским приютом святого Павла. Алчущих питаешь, жаждущих поишь, даешь кров странникам, одеваешь нагих, посещаешь больных, выкупаешь пленных, и не только у чувственных язычников, а и у мысленных – демонов. Потому что многие, поработенные язычниками, предали на вечную смерть вместе с телами и свои души, потому что смешались с язычниками и научились совершать дела их. А выкупающий этих пленников не только видимо исполняет заповеди Христа, но и мысленным образом, ибо они поистине алчущие и жаждущие слушатели слова Божия. Они есть странники, лишены христианского жительства, которых Бог хочет, чтобы мы одели и обогрели. Именно они больные, которым грозит опасность потерять живительную их веру. Они сидят в мрачной темнице безбожия и желают выйти из нее и увидеть свет Солнца Правды. Тот, кто исполнит это, по благодати Божией, есть равноапостольный.

Если же я вспомню тех, кого ты привел к Богу от каждого народа богомудрым своим языком, то мне не хватит времени рассказывать. Особенно же о скифах, потому что содействием Божиим и победой над ними ты сделал овцами тех, кто прежде были волками, и через Святое Крещение причислил к стаду Христову. И одна приобретенная душа, как говорит

святитель Иоанн Златоуст, часто может истребить груз грехов и стать для нас средством спасения в Судный день. А если милостыню подают деньгами, то это служит причиной стольких венцов, стольких наград, что как же не будут все эти блага там, где душам приносится польза? Ибо такой человек будет устами Божиими, согласно изречению Священного Писания. Поступая так, хриstopодражательный царь, ты еще и говоришь, что не помнишь Бога? А вообще ты хорошо поступаешь, что так говоришь, чтобы научить нас, худых, не помышлять о себе высоко, за что также получишь награду в день Судный.

Об этом и еще много о спасении души беседовал всеблаженный царь с преподобным. Обрадовавшись такой приятной и искренней беседе, царь сказал:

– Как того, кто несет ароматы, даже если он и не захочет, узнают по их благоуханию, так и того, кто имеет Духа Господня, узнают по словам и смирению. Чей это монастырь, авва?

– Эту церковь мы унаследовали от наших предков, прежде меня здесь жил вот этот монах, – произнес святой, показывая на своего брата, – который, с помощью Божией и собственными трудами, составил малый сей монастырь, где сейчас обитаем мы, недостойные, моля Бога о собственном спасении и о державе святого царствия твоего, и о всем мире.

– Кому принадлежит место, где находится монастырь?

– И, услышав, что это место государственное, сказал:

– От сего часа дарую его монастырю, за святые твои молитвы, а какие долги, если числятся за монастырем, прощаю и выдам свой хрисовул*, чтобы место это оставалось свободным.

Это и случилось позднее. Затем, получив благословение преподобного, царь дал ему пять литр золота для раздачи

* Так назывались двусторонняя золотая печать, выбитая в форме медали, которая привешивалась в средние века, начиная с IX века, к наиболее важным грамотам, особенно императорским, а затем и самые эти грамоты или акты. - *Словарь Брокгауза и Эфрона.*

нищим, и одну литру для монастыря, и так, в радости, что сподобился увидеть такого святого мужа и побеседовать с ним, ушел.

Царь сей весьма любил монахов и почитал их, поэтому очень часто, когда восседал на троне и ему говорили, что пришел некий добродетельный монах, он тотчас же просил себе пояс, препоясывался и выходил навстречу иноку. Поклонившись, он лобызал его и оставался стоять со скрещенными руками. И если монах не садился, то и он тоже не садился на трон. Если же ему случалось есть, когда приходил инок, то он говорил: “Уберите, уберите стол”, после чего, умывшись, вставал и лобызал инока. А во время болезни, если у ног его сидел монах, царь старался сильно их не вытягивать, чтобы не задеть инока, как будто тот был святой иконой. Если же иной раз, забывшись, он касался ногами монаха, то тотчас же отдергивал их, как бы обожженный огнем. Царь говорил: “Я верую, что все блага, которые даровал мне Бог, дарованы мне по молитвам святых моих старцев, и за мою любовь к ним, как я в том неоднократно убеждался”. Но вернемся к нашему рассказу.

После того как царь с благочестивой царицей и детьми попрощались с преподобным, они испытали такую радость, что все свои одежды отдали нищим, и не только они, но и все, кто их сопровождал. Нищие же эти одежды снова продали им самим, ибо кто мог купить такие дорогие одежды? И была в той стране великая радость, потому что в то время случился сильный голод, и по стране разошелся слух, что авва Кирилл раздает деньги. В монастырь сейчас же собралось множество нищих, и после того как было роздано пять литр золота, толпа нищих, которым ничего не досталось, стала кричать, прося денег у монахов. Преподобный велел отдать и ту литру, что царь дал для обители, но другие нищие продолжали кричать. Тогда преподобный спросил братьев:

– Нет ли у кого денег, вырученных от продажи рукоде-
лия?

И те отвечали:

– У нас есть восемьдесят монет.

– Отдайте нищим сорок.

Но и когда отдали эти сорок монет, другие нищие продолжали кричать. Преподобный велел отдать еще двадцать монет, но нищие все кричали, затем десять, но другие нищие все равно кричали. Тогда преподобный обратился к братьям:

– Если хотите, примите мои грешные молитвы, и отдайте остальные десять монет, может, Христос нас искушает.

Но монахи не хотели отдавать деньги, потому что они были нужны для покупки церковного масла. Преподобный же на это заметил:

– Страсть сребролюбия проявляется тогда, когда берут с радостью, а отдают с печалью. Божественный Максим говорит, что “для любви к деньгам существуют три причины: сластолюбие, тщеславие и неверие, которое хуже двух других. Сластолюбивый любит деньги, чтобы оплачивать ими дурные свои похоти, тщеславный – чтобы прославиться, а неверующий, чтобы приберечь их в страхе перед бедностью, или старостью, или болезнью, или странничеством, и более надеется на них, чем на Бога, Промыслителя даже самых малых животных. Есть еще четвертый, который экономит деньги, чтобы раздавать испытывающим нужду. Кто считает нужду другого своей собственной, тот никогда не лишится денег”. Так что прошу вас, будьте экономны, чтобы избавиться от сластолюбия, тщеславия и неверия. Разве вы не знаете, что Бог, по домостроительству Своему, привел сюда царей и их свиту, чтобы даже они отдали нищим свои одежды? Мы же, хотя видели царей, которые так поступили, не хотим отдать нищим то, что нам не принадлежит. Мы ничего не принесли в этот мир, поэтому ничего не сможем из него вынести. Как я уже сказал вам, отдайте остальные десять монет, и Бог даст вам стократную милостыню.

После того как братья отдали и эти монеты, другие нищие все еще продолжали кричать. Тогда преподобный позвал нескольких из них и сказал: “Поверьте мне, братья, что

у монахов больше нет денег, ибо они раздали и то, что имели от проданного рукоделия”. Так нищие и ушли, благодаря святого Божия. Через несколько дней монахи стали испытывать нужду. Они пришли к преподобному и сказали:

– Где же, авва, стократная милостыня, о которой ты говорил?

– Зачем вы говорите как безумные? Я верую Христу моему, что Он пошлет нам все, что необходимо.

Через некоторое время пришел к преподобному родственник царя и дал ему большой мешок с деньгами. Тогда, позвав монахов, преподобный сказал:

– Видите, малoverные, зря вы поколебались! Возьмите, перстные, то, что принадлежит земле, и, удовлетворив свои потребности, раздайте остальное нищим, чтобы и вы были помилованы, и получили благодать Господа нашего, Которому слава во веки.

В селении преподобного жил один благочестивый и добродетельный человек по имени Мелимаврас, его друг. Однажды он пошел в другую местность и заночевал на постоялом дворе. Как только жена гостинника узнала, что он с родины преподобного Кирилла, да еще и его друг, то начала восклицать: “Слава Богу, что я обрела возможность поведать о чуде, что произошло в моем доме по праведному суду Божию, ибо если я умолчу, то не будет мне части с истиной и с Богом. Несколько дней назад ночевал здесь один воин, молодой возрастом и помышлением, который не переставал поносить преподобного Кирилла. А причиной этого было, по его словам, то, что он пошел поклониться преподобному, а тот не захотел его видеть. Я и мой муж долго просили его прекратить поносить святого, но тот не слушался, злился еще больше и ругался. Видя его полное безстыдство и дерзость, не знаю как, но я сказала ему: “Человек, прекрати оскорблять авву Кирилла, потому что ты поносишь не его, а Бога, Которому он служит. Весь мир провозглашает его истинным рабом Божиим, смотри, не потерпит тебя Бог и поразит через Ангела Своего”. Через некоторое время у воина началась страшная

боль в желудке, он кричал, и не прошло и часа, как (о чудо!) все его внутренности выпали, и воин умер”. Мелимаврас рассказал об этом случае мне, а я посчитал достойным записать его ради Сказавшего: *Что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях* (Мф. 10: 27).

В возрасте девяносто лет преподобный заболел, и хотя он был измучен старостью и устал от болезни, но прежний свой подвиг не оставлял, но лежал, как адамант, как будто страдал кто-то другой, или как будто он был безплотным. Преподобный победил господствующее чрево и достиг крайнего безстрастия, шестьдесят лет питаюсь хлебом, травой, водой, да и этим понемногу. Он сам говорил: “С тех пор, как я стал монахом, то не пил воды досыта. А поскольку язык мой прилипал к гортани, то прежде чем положить хлеб в рот, я края губ смачивал одной или двумя каплями воды, чтобы можно было его проглотить”. Когда царь услышал о его болезни, то пришел к нему со всей семьей. Увидев его мучения, царица собственными руками стала кормить его, (еду она принесла со собой) и дала попить немного вина. Поскольку же преподобный был уже несколько туговат на ухо, то царь велел своему слуге спросить, правильно ли он поступит, если сейчас пойдет на восток, чтобы воевать с безбожными турками. Немного подумав, преподобный сказал: “Ты примешь мой совет, и сейчас не пойдешь на восток, но, когда благоволит Бог, пойдешь, и Он Сам уготовит путь твой” (ср. Мк. 1: 2). Услышав это, царь встал и, поклонившись Богу, сказал: “Аминь, да будет мне по слову твоему” (ср. Лк. 1: 38). Затем, получив его святые молитвы, царь вышел из кельи преподобного. Увидев, что монастырская церковь разваливается, он приказал разрушить ее до основания и выстроить заново, что и было исполнено. А пророчество преподобного Бог исполнил, когда царь спустя некоторое время пошел на восток и подчинил так называемый Солимопалос.

После того, как церковь была построена, как того и хотел преподобный, он велел отдать строителям овцу. Один из них, когда ее ел, стал жаловаться, что якобы она не очень жир-

ная, и оттолкнул кусок. Прочие же строители сказали ему, что таким образом он отвергает благословение преподобного. Но та неблагодарная душа была недовольна. И тогда случилось чудо: под воздействием демона он повернулся лицом назад, упал на землю, забился в припадке, стал скрежетать зубами и испускать пену. Видя это, товарищи его прибежали к преподобному и рассказали, как было дело. Преподобный им отвечал: “Господа мои, все человеческие грехи несет Бог, но грехи ропотника и неблагодарного Он не несет и наказывает его”. Затем он наполнил водой стакан и дал им со словами: “Пойдите и вылейте ему на голову, или напоите его, и тогда, во имя Господа моего Иисуса Христа, он исцелится”. Как сказал преподобный, так они и сделали. Когда ропотник пришел в себя, он упал в ноги преподобному, благодарил его и просил прощения. Дав ему наставление, преподобный напоследок сказал: *Не грешь больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5: 14), и так от того часа, благодатью Божией, он исцелился.

Жил в монастыре молодой монах, племянник преподобного. Поскольку же у молодых в начале много ревности, он тоже захотел подражать преподобному не только в еде и одежде, но и превзойти его; Кирилл часто советовал ему воздерживаться от всего чрезмерного и не пытаться поставить ногу на более высокую ступеньку духовной лестницы добродетелей, а начинать с первой, ибо так, понемногу, можно восходить к вершине, которая есть любовь Божия, а то, что сверх меры, – от бесов. После множества наставлений преподобный велел юному иноку следовать средним путем и вкушать один раз в день, чтобы потом не начать есть по многу раз в день, и так отсекал волю. Однако юноша отвечал преподобному Кириллу:

– Отче, мне приличествует поститься всю неделю, а есть через день – для меня ничто.

– Брат, кто хочет сохранить истинное смирение, не должен полагаться на себя ни в чем, ибо это и есть истинное смирение. Тот же, кто не желает отсекал свою волю и

постится неделю, затем, смалодушествовав от содействия бесов, доходит до того, что ест много раз в день без разбору. Это происходит с теми, кто не хочет хранить терпение и смирение, но уповают на самих себя.

А теперь настало время рассказать и о кончине преподобного. Преподобному Кириллу было тридцать лет, когда он начал подвиг, в котором провел более шестидесяти лет, причем до девяноста трех лет у него ни разу не болели ни глаза, ни зубы, ни какие-либо другие члены. В последние же три года своей жизни он иногда немного заболел. В свои девяносто три года преподобный был согбен от глубокой старости и многолетнего подвига, из-за чего редко поднимался. Видя его в таком состоянии, враг наш диавол позавидовал, как бы он не окончил свою жизнь в старости благой. Потому послушайте, что задумал этот скверный.

Племянник царя, Иоанн Август, часто приходил к преподобному за благословением. Зная это и видя, что преподобный прикован к постели, диавол показал ему в видении, что в монастыре рядом с его кельей поставлен шатер, в нем стоит кровать, застеленная красными коврами, на ней сидит Иоанн Август, а вокруг него множество слуг. После этого, как бы в продолжение видения, Август вошел в келью к преподобному и завел с ним беседу. И как только он заговорил, помрачился помысел преподобного, и чем больше говорил проклятый Август, тем больше помрачался ум преподобного, до тех пор, пока преподобный почти не сошел с ума. Ядовитые слова диавола по попущению Божию не только это, но и большее могут сделать. Затем бес сказал преподобному: “Ты знаешь, какое благоговение я имею к тебе, поэтому хочу, чтобы в твой келье совершили литургию, и ты причастился”. Преподобный, не понимая что говорит, произнес: “Вот келья, и поступай, как хочешь”. Тотчас же в келье преподобного как бы видимым образом возникла Святая Трапеза, жертвенник, дискос с потиром, покровцы, и внутрь вошли как бы священники, которые начали совершать литургию. Преподобный стоял в другом углу кельи и прислушивался

к тому, что произносят служащие, однако не мог понять, что они говорят. Они прочли и Апостол, и Евангелие, но из ответов, преподобный ничего не слышал, кроме “Аминь”, “Аминь”. Затем, когда эти нечестивые “священники” произнесли: “Приступите”, Август из видения подошел и причастился от безстыдства и нечестия их. Подобным же образом поступили и все, кто был с ним. Преподобный же задумался, не пойти ли и ему причаститься. Однако он не пошел, говоря самому себе: “Если есть на то воля Божия, то Август скажет мне, а если нет, то кто я такой, недостойный, чтобы причаститься”. Всемиловитый Бог не презрел его смирения, но избавил от врагов и не попустил причаститься, ибо если бы он причастился, то полностью бы сошел с ума. Когда завершилась скверная их литургия, Август (который на самом деле был бес) вышел и пошел в шатер.

Преподобный, устав от бессмысленного стояния, сел с сильно смущенным и помраченным видом. Он постучал, и на стук пришел ученик, которого он спросил:

– Разве вы не христиане и вам не нужно умирать, почему вы не жалеете мою старость и не видите моих мучений? Разве можно, чтобы меня так беспокоили мирские и устраивали литургию в моей келье?

Ученик на это отвечал:

- Прости меня, авва, я не знаю, о чем ты говоришь.
- Если ты не веришь моим словами, то поверь делам.
- Каким делам?
- Разве ты не видел Августа с его людьми и шатер? – и он рассказал ученику обо всем произошедшем.
- Из того, о чем ты говоришь, я ничего не видел.
- Преподобный показал рукой в угол кельи:
- Ты даже не видишь этот дискос с потиром и покровцами?

Подняв стакан, ученик спросил:

- Разве это не тот стакан, из которого ты пьешь?
- Да.

Тогда ученик начал бить его по лицу, говоря:

- Горе, ты потерял ум свой, авва.
- Это ты потерял свой ум, а я в порядке.
- Да нет.

Так они препирались долгое время, и иногда преподобный приходил в себя. В один из таких моментов братья предложили преподобному:

– Хочешь, приведем к тебе того монаха*, чтобы он помог тебе?

– Да, приведите.

Пришел тот монах и, положив поклон, спросил преподобного:

- Как ты, отче?
- Как говорят собратья мои, плохо.

Когда преподобный рассказал обо всем случившемся, монах произнес:

– Слава Господу, Который помог тебе, потому что, если бы ты причастился от их скверны, тогда бы совершенно потерял разум.

– А это точно, что то, что я видел, было лестью и видением? Не могу в это поверить.

– С помощью Божией поверишь, и не говори нет. Если же не поверишь, то я приведу тебе настоящего Иоанна Августа, и он подтвердит тебе мои слова. Разве ты не помнишь, отче, сколько в Отечниках рассказов о людях, которые были обольщены сатаной тем или иным способом.

– Да, помню, а что мне сейчас делать?

– Ты должен только поверить в наше свидетельство, потому что нас, свидетелей, много, и мы точно знаем, что Август в это время сюда не приходил, и ничего, из того что ты видел в видении, не случилось. Будучи не в силах обольстить твои мысленные очи, как бес обольщает очи мои и подобных мне, он обманул твои чувства, а это доказательство его слабости. Поверь, что ты видел все это при содействии бесов. Иногда и

* Я думаю, что это был Николай Катаскепинос, автор настоящего жития. – *Авт.*

у хорошего капитана гибнет корабль, и очень редко идущий по дороге не спотыкается. Ты же знаешь, отче, что добродетельные, если иногда и впадают в грех, то могут снова встать и не малодушествовать.

Услышав это и многое другое, преподобный пришел в себя и начал плакать повторяя:

– Горе, горе мне, ибо вселилась бы душа моя во ад, если бы Господь не стал мне Помощником. Горе мне, ибо я мог бы все потерять, ничего не приобретя. Христе мой, Христе мой, не оставляй меня. Ты знаешь, что меня не страшат муки ада, но страшно мне быть разлученным от Твоего Сладчайшего Лица и от братьев, и нельзя будет поклониться Честному Твоему Кресту и святой Твоей иконе, нельзя причащаться Пречистого Тела и Крови Твоей. Все это для меня хуже любой смерти и вечного мучения. Все это я испытал бы в настоящей жизни, если бы был оставлен Тобой в обществе бесов, а в будущей был бы осужден с ними на темный и неугасимый огонь и разлуку с Тобой, Христе мой. Остави мне, Господи, прегрешения мои, да успокоюсь я извещением от Тебя, прежде чем отойду отсюда. Помилуй, Христе мой, старость мою, сжался над мучением моим, пожалей меня, заблудшего, и освободи меня от многообразных козней врага, ибо Ты есть Бог кающихся и на мне покажи всякую благодать Твою. Недостойного меня спаси, по великой милости Твоей, и буду восхвалять Тебя всегда во все немногие дни жизни моей.

Исповедавшись так Богу со слезами, преподобный встал и положил перед братией поклон со словами: “Простите меня, заблудшего”. Братья же, умилившись и прослезившись, угораривали его назавтра причаститься Божественных Тайн, потому что он не причащался уже давно. Я сказал ему, что это Таинство потому и называется Причастием, что соединяет нас со Христом и делает участниками Его Царствия. Один еврейский маг по имени Даниил, когда его хотели сжечь, закричал: “Вот, Ангел Господень меня мучит, чтобы я сказал христианам то, чего не хотел говорить. Клянусь этим смертным моим часом, что магическое мое искусство

никогда не действовало на христианина, который причащается каждый день”.

Услышав это, преподобный сказал Богу: «Благодарю тебя, мой Господи, что Ты *приготовил предо мною трапезу в виду врагов моих; умастил елеем голову мою; чаша моя преисполнена* (Пс. 22: 5). Помолившись так, преподобный причастился Божественных Тайн, и лицо его стало подобно пламени. Немного погодя, с улыбкой и радостью душевной он произнес: *вечером водворяется плач, а на утро радость* (Пс. 29: 6). Поистине Господь смиряет, и возносит, и *восстанавливает всех низверженных* (Пс. 144: 14). Горе мне, пока я имею общение с врагами Божиими, какое мне общение с Богом? Во осуждение себе я причащаюсь, потому и произносит священник: “Святая святым”*, а не “нечистым”. Если же я свят, то кто тогда эти враги, которые трудятся над моей гибелью. Блажен тот, кто приближается к Божественным Тайнам со страхом и трепетом, помышляя, что принимает жизнь вечную. Удивляюсь я, как, по попущению Божию, бесы могут выдавать людям одно за другое, и думаю, что если бы не было над людьми покрова Божия, тогда бы от сильной ярости, что имеют бесы к нам, они всех нас сбросили бы в море, как стадо свиней».

Через некоторое время бес в образе Августа снова пришел к преподобному, который, посмотрев на него, сразу узнал беса и хотел ударить его, но бес стал невидим. Преподобный же ударил рукой о стену, и потом показывал всем руку, почерневшую от удара. Совершенно избавившись от этого искушения, с помощью Божией, преподобный получил на время и телесное здравие. Потом он снова заболел, и я пришел навестить его. Увидев, что он лежит на голой подстилке, я попросил его подложить хоть немного травы, чтобы иметь малое утешение. Он послушался и положил вниз траву, а сверху мы накрыли ее власяным покрывалом. Преподобный лег и со стоном произнес: “О, Кирилл, до чего ты дошел, ле-

* Возглас священника на литургии верных. – Пер.

жишь на мягкой постели и ешь изысканную пищу”, называя “мягкой постелью” траву, а “изысканной пищей” вареную свеклу. Когда он достиг возраста девяносто пяти лет, он стал еще более слабым и болезненным. Мы едва уговорили его поесть рыбы и выпить вина, потому что только в девяносто лет он начал на Господские праздники вкушать вареную пищу, но без масла. В девяносто два года начал вкушать и масло. В девяносто шесть лет преподобный был совершенно немощен, и от болезней, и от глубокой старости. Предузнав о скором конце своей жизни, он велел нам не хоронить его в храме Господнем, считая себя недостойным, но похоронить его в могиле брата. На главу его мы должны были положить камень, а тело покрыть землей. Подвизаясь еще много дней в посте, он предал свою блаженную душу в руки Божиини, а святые его мощи мы с честью и благоговением погребли в год тысяча сто одиннадцатый от Рождества Христова, во второй день декабря месяца.

Через одиннадцать лет после кончины преподобного, из великого к нему благоговения и желания облобызать его святые мощи, я дерзнул открыть гробницу и, с помощью Божией, обрел святую его главу, исполненную божественного благоухания. Положив ее в ларец, я поставил его в монастырском храме во исцеление души и тела тех, кто с верою лобызает ее, во славу Господа нашего Иисуса Христа. Мелимаврас, о котором рассказывалось ранее, услышав о кончине преподобного, пришел в монастырь и, увидев святую главу его, с сильной верой лобызал и обнимал с большой любовью. Радуюсь и веселясь, он говорил:

– Где мне, недостойному, я не мог и надеяться увидеть святую главу доброго моего отца, все благодеяния которого ко мне не могу и перечислить, причем не только при жизни, но и по смерти.

Затем он сказал, обращаясь ко мне:

– Авва, ты слышал о чуде, которое он сотворил мне?

И он стал рассказывать:

– Поднял я как-то большой якорь от своей лодки, чтобы положить его внутри, и вышла у меня грыжа. Я едва добрел до дома и от сильной боли и безмерной печали желал себе смерти. Вспомнив о преподобном, я пришел в монастырь и припал к его могиле, с верой прося помиловать меня. Я взял земли с его могилы и положил на больное место, как вдруг случилось чудо. Через день я был здоров по его святым молитвам, так что не осталось и следа от болезни. Потому я и прославил Бога, прославляющего Своих служителей.

Однажды произошел такой случай. Некая овдовевшая жена по имени Фока плакала день и ночь по причине своего вдовства, сиротства детей и сильной бедности, и от слез потеряла зрение. Продолжая плакать день и ночь, она призывала смерть, чтобы избавиться от всех этих мук. Фока обратилась к врачу, но желанное зрение к ней не вернулось, она очень страдала. Но однажды ночью Фока увидела во сне женщину, скромную видом, которая ей сказала, что она сможет исцелиться только от главы преподобного. Фока тут же пришла в монастырь, и как только священник начал совершать литургию (о неизреченные суды Твои, Христе Царю!), святая глава преподобного Божественной благодатью пристала к глазам женщины (до этого главу положили на ее глаза сверху) и до конца литургии держалась на глазах к удивлению всех, видевших это чудо. После этого слепая стала понемногу прозревать, пока к ней полностью не вернулось зрение, после чего она прославила Бога и преподобного.

Внук вышеупомянутого Мелимавраса, восемнадцати лет, однажды увидел, как к нему в нос залетела муха, и в него тотчас же вошел бес. Юноша упал на землю, стал кататься, испускать пену и скрежетать зубами. Так он мучился целый год, призывая на помощь множество святых. Не находя исцеления, он обратился за помощью к преподобному Кириллу. Его святую главу он сразу положил себе на лоб. И – о чудо! – она пристала ко лбу, а затем, под воздействием обитавшей в ней Божественной благодати, сама опустилась на грудь страдальца, который с того часа исцелился.

Одного из жителей ближайшего селения к Деркису вместе с женой и детьми разбил паралич из-за действия волшебства некоего злонравного человека (попущением Божиим бесы могут делать и это). Помолившись Богу, они прибегли к помощи преподобного и, получив священное масло от его главы, помазались этим маслом, после чего паралич прошел и они прославили многопетое имя Божие и данную Им преподобному благодать. Многие говорят, что чудеса бывают не для верующих, но для неверующих, и что нынешние христиане не могут стать святыми и совершенными, из-за чего и оскудела благодать чудес. И тому находится явное доказательство, ибо нет у нас христианских дел, поскольку мы нерадивы, помышляем о мирском, и потому благодать Божия не действует. Благодать же есть Дух Святой, Который не безсилен, но всемогущ. Он не удаляется от нас, но присутствует везде, и проявляется, и действует по нашей вере, и по тому, как мы соблюдаем заповеди Христа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом, и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

*Написано преподобным
Николаем Катаскепиносом*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
**ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ,
ЕПИСКОПА АССОССКОГО,**
ПРОСИЯВШЕГО В XII ВЕКЕ

Сей иже во святых отец наш Георгий происходил с острова Мителена из одного селения, называемого Акорни. Его благочестивые родители Георгий и Мария долго со слезами просили Бога дать им ребенка. Господь услышал их моление и дал им божественного сего Григория, которого во Святом Крещении, как и отца, назвали Георгием. Ребенка воспитывали с большим усердием, обучая его священной грамоте.

В то время царь издал указ, чтобы детей знатных родителей отправляли во дворец, где их воспитывали в течение трех лет, а затем возвращали на родину, откуда им на смену привозили других. Потому в возрасте четырнадцати лет сей добрый Георгий был послан вместе с другими детьми во дворец. Царем был тогда Мануил Багрянородный. В продолжение трехлетнего своего обучения во дворце, благословенный Георгий не предавался, подобно прочим детям, ни суете, ни непристойным играм, ни плотским душевредным похотям, но старался не давать покоя своему телу, умерщвляя и мучая его постами и суровым обращением. Весьма прилежно предаваясь изучению наук, он достаточно преуспел в них, имея учителем великого Агафона. Однако преподобный был старателен не только в науках, но изо всех сил старался приобрести необходимые добродетели. Даже получаемое им еженедельное пропитание он раздавал нищим, оставляя себе для еды ровно столько, сколько было необходимо для поддержания жизни в теле.

Когда детям пришло время возвращаться на родину, достохвальный Георгий, пока другие готовились к встрече с родителями, стал размышлять о непостоянстве мира и суете всего временного, и о связанных с этим смущении и заботе. Постоянно думая об этом, он мудро решил избрать тихую и безмятежную жизнь, чтобы быть свободным от попечений мира и всем существом внимать вечным и непреходящим Небесным благам, о них лишь помышлять каждый день и стараться их вкусить. Этого Небесного жительство достигнуть можно не иначе, как тесным и скорбным монашеским путем. Отрекшись от родины, родителей, богатства, мирской суеты и всяких плотских утех, он ушел из Константинополя вместе со своим учителем, дивным Агафоном, и пошел на восток, в построенный его аввой монастырь. Став в нем послушником, согласно правилам монашеского жития, преподобный поселился на близлежащей к монастырю горе, где провел три года, со всей строгостью подвизаясь во всех добродетелях. Затем, поскольку сердце его сгорало от божественной любви, он замыслил пойти в Иерусалим, чтобы поклониться святым местам и насладиться беседами с духовными и добродетельными мужами, научиться от них строгому монашескому житию и облечься в святую ангельскую схиму.

Объявив о своем намерении святому Агафону, преподобный понял, что тот с ним согласен. И тогда он с большим желанием отправился в Иерусалим. С Божией помощью придя туда, он с благоговением поклонился Святому Гробу Господню и прочим святыням, а затем пошел в Иорданскую пустыню. Найдя там дивных подвижников, он достаточно долго беседовал с ними на духовные темы, общался с ними, и видел их сверхчеловеческие подвиги. Удивившись, Георгий устранился и подумывал уже о том, чтобы совсем не пытаться жить такой жизнью. Тогда он пошел к одному из самых добродетельных и опытных старцев и открыл ему свои помыслы. Выслушав, в свою очередь, от него все, что было необходимо, преподобный изгнал из сердца всякий страх

и с надеждой на Господа предал себя этому старцу, став его послушником. Юноша был облечен им в ангельскую схиму, переименован в Григория и оставался с ним, питаясь травой той пустыни. Кто же сможет рассказать о подвижнических трудах и подвигах, которые предпринял там блаженный? Видя его подвиги, ненавистники добра, завистливые бесы, разными способами начали вести против него жестокую брань. Но все трудились они, ибо, еще больше усилив подвиг и непрестанно с верой и слезами умоляя Господа, божественный Григорий, благодатью Божией, отбил все бесовские нападения. Став победителем злобных демонов, преподобный облекся в хитон радости и возвысился духом, стяжав плоды Пресвятаго Духа, как говорит божественный Павел.

Пятнадцать лет проведя в пустыне, Григорий снова вспомнил о божественном Агафоне. Уйдя оттуда, он пришел в упоминавшийся ранее монастырь и поселился в своей старой келье на горе, упражняясь в сверхчеловеческих подвигах, через которые он сиял для всех как пресветлая звезда, освещающая все своими деяниями и видом. Потому и монахи, и мирские – все приходили к нему, чтобы послушать спасительные и душеполезные его учения. А божественный Агафон, видя и слыша о подвигах священного Григория, радовался духом, прославляя Начальника и Совершителя всех благ – Бога, и свидетельствовал пред всеми, что Григорий пришел уже *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4: 13) и стал совершенным в добродетели.

В то время овдовела одна епископская кафедра на востоке, называемая Ассосской, и клирики вместе с архонтами этой епископии просили у священноначалия Великой Церкви достойного пастыря. Когда патриарх и архиереи стали искать кого-либо достойного служения на этой кафедре, в столице как раз оказался великий Агафон. Будучи знакомым патриарха и всего Священного Синода, он рассказал им о подвигах божественного Григория. И тогда царь и патриарх направили великому Григорию грамоты, приглашая прийти в Константинополь. Не зная, для чего его зовут в столицу, Григо-

рий пришел туда и против собственной воли был рукоположен во епископа Ассосского митрополитом Ефесским*, после чего он с великими почестями от царя и Великой Церкви был отослан на свой трон.

Приняв великое бремя архиерейства, преподобный стал еще больше предаваться подвигам. Как истинный пастырь, он богоугодно окормлял свою паству, считая необходимым постоянно учить ее слову Божию, одновременно заповедуя всем хранить заповеди Божии и воздерживаться от всякого зла. Из чрева его как бы истекали реки живой воды, потому что была у него только одна забота и одно попечение: как приобрести души человеческие и принести их Богу. Иногда он употреблял суровость с духовной рассудительностью, исполняя заповедь апостола, который говорит, что домостроитель духовный должен знать расположение каждого: одного утешить, другого упрекнуть и обличить *во время и не во время* (2 Тим. 4: 2). Он весьма прилежал духовному управлению и никого не рукополагал без тщательного испытания, чтобы не быть причастником чужих грехов. Таким образом почитая Таинство Священства и показывая, сколь велико его достоинство и каким должен быть священник, святитель умножал талант, данный ему от Бога. Учил он не только словом, но и делами, став для всех образцом и добрым примером всех добродетелей.

Но, видя таковые подвиги преподобного, ненавистник добра диавол уже не мог выносить их. Он воздвиг против Григория беспокойных и бездеятельных клириков и священников. Протопоп епископии имел сына по имени Лев, которого он отдал божественному Григорию. Святой, взяв его под свою опеку, постоянно поучал страху Божию. А поскольку тот оказался разумным, верным, испытанным во всем и жил добродетельно, то святитель доверил ему управление церковным имуществом. Движимые завистью упомянутые клирики написали полную лжи и клеветы бумагу

* Ассосская епископия относилась к Ефесской митрополии. – Авт.

с обвинениями на святого и направили ее на Собор святых архиереев. Но никто не поверил в эти обвинения, потому что все знали о добродетельном житии преподобного. Между тем пришел на Собор и божественный Григорий. Как только завистники его увидели, то все обвинения рассеялись, как паучьи сети. Обличаемые собственной совестью, обвинители раскаялись и припали к ногам святого, прося прощения за несправедливые обвинения. Как истинный ученик Христа, праведник простил их и в мире вернулся в свою епархию вместе с порочившими его противниками, которые, следуя его наставлениям, некоторое время слушались его. Но лукавый бес, который вышел из них при их покаянии, скитаясь по безводным местам и не находя себе покоя, снова вернулся к ним. Обнаружив их безпечными, он вошел в них вместе с семьей еще более злобными духами, и снова воздвиг на святого с помощью этих клириков еще большую брань. Полностью предавшись сатане, эти люди снова написали бумагу против святого с обвинениями, большими прежних. Эту бумагу они принесли в Великую Церковь и, отдав ее, кричали против святого. Патриарх же и архиереи прогнали их, обружав за явную ложь и клевету.

Но что сделал добрый подвижник, божественный Григорий, который умел сражаться только с бесами, а не с людьми? Он велел своему ученику Льву взять его рясу, книгу и следовать за ним. Выйдя ночью из епископии, они сели на корабль и приплыли в Тенедос, где был прекраснейший и со многими иноками монастырь. Там преподобный некоторое время оставался на безмолвии, и там же постриг своего ученика в монахи, переименовав его из Льва в Леонтия. Затем они перебрались на Митилену и поднялись на гору. Желая повидать своих родителей, преподобный пошел в свою деревню в Акорни. Там случайно он встретился со своей матерью, которая направлялась в баню. Не узнав его, она поздоровалась и попросила благословения. Святой отвечал ей: "Бог благословит тебя и сподобит увидеть того, кто у тебя на чужбине". Исполнив свое желание, он тотчас же ушел оттуда

и, поднявшись на гору Приант, безмолвствовал там вместе с Леонтием. Найдя труднодоступное и лесистое место, называемое Малым Левкопеди, по Божественному внушению, преподобный пришел к владельцам той местности и попросил разрешения очистить ее от леса и устроить там монастырь. Хозяева обрадовались такому предложению и отдали ему эти земли, приложив письменный документ о передаче. Местность эта была для них совершенно бесполезной, потому что была наполнена бесами.

Святой сотворил молитву, и как только приступил к делу, бесы поднялись против него, произведя сильное возмущение и шум: “Ты обижаешь нас, Григорий, уходи из нашего жилища”. Возведя мысленные очи свои к небу, святой молил Вышнего Бога избавить его от злобных духов. Получив от Него помощь, преподобный прогнал их молитвой. Но эти проклятые пришли к владельцам той местности и привели их в смятение, ибо увидев, что место тщательно расчищено и прибрано, те раскаялись, что отдали его с документом. Они прогнали оттуда святого, хотя он столько трудился и терпел, пока расчистил это место. Некоторые из них, будучи злобными еретиками, услышав, что святой проповедовал православную веру, отнеслись к нему с враждой и, набросившись на него с палками и камнями, избили до полусмерти. Взяв за ноги, они бросили его у подножия горы. И на этом месте (о чудеса Твои, Господи!), куда бросили преподобного, до сих пор ничего не выросло, но оно выглядит сожженным.

Божественный Григорий чудесным образом был исцелен Господом и прославил Бога. Однажды, войдя в один сад вместе с учеником, он воткнул в землю свой посох из орешника, на который опирался двенадцать лет, и произнес: “Брат Леонтий, если Бог дарует нам Царство Небесное, то пусть посох прорастет и станет деревом, и принесет плоды, как и прочие деревья”. И случилось чудо! Был сентябрь месяц, когда он посадил посох, и всю зиму он был сухой. Когда же пришел март, посох пророс и заплодоносил, причем плод его исцелял от всех болезней, во славу Христа и в честь святого. Некий

безумец Михаил говорил, что это все волшебство, а не чудо. Прибежав к дереву, он безстыдно обрезал все ветви посоха, но его собственные члены тут же омертвели. Он упал на землю и представлял собой жалкое зрелище. Родные подняли несчастного и принесли в дом, где, наказанный болезнью за свое неверие и безстыдство, он лежал, прикованный к постели, пока был жив святой. После его кончины и погребения многие больные с верой приходили к гробнице святителя, источавшей благословенную воду, и, выпив ее, исцелялись. Был принесен туда своими родственниками и Михаил, который с верой и теплыми слезами молился Богу и призывал святого на помощь. И случилось чудо! Как только больной выпил той святой воды, то сразу же стал здоров, прославляя и благословляя Бога и святого, и возвещая всем о чудесах, которые с ним случились.

Но вернемся к нашему рассказу. Узнав о чудесном исцелении Григория от Господа и его великом терпении, хозяева той местности переменили свою жестокость на кротость и (о Боже чудный!) изменили свой нрав и раскаялись в содеянном. Они припали к ногам святого, прося прощения, которое тотчас же и получили. Отныне они позволили святому спокойно делать с той местностью все, что захочет. Задумав построить церковь, но не имея животных для доставки всего необходимого для строительства, святой однажды в ущелье встретил женщину, вдову. Поведав ей о своей нужде, он дал ей в благословение три золотых. И тогда она с почтением сказала ему: “Отче, у меня много животных, но они все дикие. Если сможешь, собери все стадо, и я подарю их твоей святыне”. Сотворив молитву, святой велел слуге подняться на гору, где паслись животные, и выбрать двух самых лучших, которые, подчинившись слову святого, тут же успокоились и последовали за слугой. С их помощью святой привез лес и выстроил прекраснейшую церковь во имя Пресвятой Богородицы, а затем построил кельи и основал монастырь. Узнавшие о подвигах святого люди, во множестве собравшиеся здесь, потом приняли монашество и пошли в послуша-

ние к святому Григорию, ибо был он пастырем неусыпным и во всем мудрым управителем. Однако в той местности не было воды, и монахи сильно скорбели. Тогда, воздвигнув руки и воздведя ум к Небесам, святой с верой и слезами долго молился Вышнему Богу, чтобы Тот дал воду. С неба сошел к нему Ангел Господень и открыл о предстоящем преселении на Небеса. Показав святому место его погребения, Ангел сказал, что из него истечет сладчайшая вода. Произнеся эти слова, Ангел поднялся на Небеса. Позвав своего ученика Леонтия и прочих братьев, божественный Григорий возвестил им то, что слышал от Ангела. Достаточно наставив их, он повелел им творить все, что подобает монашескому жительству, после чего предался молитве и так отошел ко Господу. Его священные и всечестные останки были преданы погребению там, где назначил Ангел Божий, и где позднее был построен храм во имя святого. Посреди храма находится его гробница, откуда истекает источник сладчайшей воды, которая доныне исцеляет всякую болезнь у тех, кто приходит с верою, во славу Бога и святого, предстательством которого и мы да избавимся от всякого зла и сподобимся Царствия Небесного. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ

**ОТЦА НАШЕГО ЛЕОНТИЯ,
ПАТРИАРХА ИЕРУСАЛИМСКОГО,**

ПРОСИЯВШЕГО В XII ВЕКЕ

Родиной преподобного и богоносного отца нашего Леонтия был город, называемый всеми Струмница (раньше его называли Тивериуполь). Родился он у богатых и благочестивых родителей и, возрожденный в Божественном Крещении, был назван Львом. Когда преподобный подрос, то был отдан в школу изучать священную грамоту. Читая жития святых, он сильно возжелал отречься от мира и стать монахом, чтобы работать для Господа. Когда умер его отец, он покинул родину и, придя в небольшое селение, нашел там одного благочестивого священника, друга своего отца. Хорошо зная Льва и любя юношу за его добродетель, он принял его в своем доме. Увидев в доме священника святые иконы, Лев подошел к ним и стал беседовать с ними, как с живыми, прося устроить его путь и привести ко спасению.

Затем он лег спать, чтобы отдохнуть от трудов пути. Проснувшись ночью, Лев взял небольшую икону, на которой был изображен Господь в виде младенца, и, никем не замеченный, ушел на гору. Поставив перед собой икону, он преклонил колена и стал молиться: *“Укажи мне, Господи, путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу я душу мою* (Пс. 142: 8). *Насади меня в горе святой Своей, в готовом жилище Твоем. Покрый меня кровом крыл Твоих, се бо удалился, бегая, и не вем, идеже вселюся, но на Тебя надеялся я от утробы матери моея, не оставь меня до конца”.* Молясь этими и другими словами и беседуя со святой иконой, словно

с живой, он стоял так до вечера, ничего не вкусив. Когда же стемнело, и он захотел спать, то собрал множество терновника и обнаженный лег на него сверху. Колючки впились в его нежное тело, которое стало кровоточить, что причиняло ему сильные боли. Мучаясь без еды, а на время сна ложась обнаженным на колючки и проливая теплые слезы, Лев провел так три дня. Затем он спустился с горы и пришел в дом священника. Попрощавшись с ним, он отправился в Константинополь без единого обола или куска хлеба.

Подойдя к Константинополю, Лев зашел в монастырь Божией Матери, называемый Птелидийским, и там принял монашество. И так, будучи монахом и внешне и по внутреннему человеку, преподобный пришел в столицу, никем не знаемый и чужой и для города, и для жителей. Он никогда не хотел приветствовать, ни с кем не хотел знакомиться, ни с малым, ни с великим, но тотчас же начал подвизаться против властей тьмы. Притворившись юродивым, он явился пред жителями города. И одни его били по щекам, другие кулаками, а третьи издевались.

Желая проверить, не приобрел ли он какую пользу от своего юродства, он взял в руки горящие угли и, бегая по базарам, кадил всех, кого встречал на дороге, особенно же святые иконы Христа и Божией Матери, которые были на перекрестках. И свершилось чудо, потому что эти угли совершенно не обжигали ему руки. Желая испытать, не было ли это дьявольскими кознями для соблазна людей, он повторил то же самое и когда остался один. Но и тогда угли не вредили ему. Он решил еще раз попробовать и, подобрав подол своей рясы, положил туда голыми руками множество горящих углей. Но ни одежда его не сгорела, ни руки свои он не обжег. На углях лежал фимиам, который, сгорая, давал благоухание. Преподобный очень удивился этому и подумал, что, наверное, уже достиг великой меры святости. Но тотчас же Лев прогнал эти помыслы, назвав себя землей и пеплом, таская себя за волосы, проливая множество слез, посыпая голову землей и призывая на помощь Бога.

Но преподобный не остановился на этом испытании и, будучи в бане, снял с плечей накидку и бросил ее в банную печь, но случилось то же самое чудо: одежда совсем не пострадала от огня. Тогда, думая, что над ним издевается бес гордости, он стал еще более плакать и биться головой об стену, боясь, что возгордится и потеряет все, что приобрел от своего юродства. Преподобный продолжал юродствовать все то время, пока находился в Константинополе. У некоторых он вызывал изумление, и они свидетельствовали, что он раб Божий, а некоторые били его, почитая за сумасшедшего.

Позже пришел в Константинополь знаменитый в добродетелях епископ Тивериадский, и божественный Леонтий сразу прилепился к нему, подчиняясь во всем. И он тоже понравился духовному своему отцу, который радовался и ублажал Леонтия за его благоразумие и послушание, ибо в таком юном возрасте он всей душой подъял на плечи иго Христово. Его послушание проявилось в следующем чуде.

Надо сказать, что его старец проживал не в Константинополе, а в одном горном местечке, в суровом и удобном для безмолвия месте, где обучал учеников своим всему, что служит к пользе душевной. Как-то раз старец послал Леонтия с поручением в столицу, велел по его исполнению в тот же день вернуться обратно, чтобы избежать искушений, случающихся в городах. Епископ также прибавил к этому и изречение, что даже рыбам вредно пребывать на суше долгое время. Выслушав это наставление, Леонтий отправился в Константинополь. Там он постарался как можно скорее завершить порученное ему дело. Закончив все, когда еще был день, юноша спустился к берегу, но обнаружил, что корабля, которой должен был отвезти его туда, где жил старец, нет. Долго он бегал по берегу, как-будто кто-то гнался за ним, ища подходящий корабль. Но, поскольку солнце уже зашло, на берегу не было никого, кто мог бы перевезти его к старцу. Встретив одного священника, друга старца, он попросил его побыстрее отвезти его к нему, потому что не имел благословения ночевать вне своей кельи. Священник же отвечал, что

время уже позднее, все разошлись по домам, и уговорил его пойти к нему домой, поужинать и спать. Но благословенный Леонтий, узнав, что у священника две красивые дочери, и размыслив об опасности, которой могла бы подвергнуться его душа, предпочел лучше исполнить благословение старца и утонуть в море, чем нарушить благословение и впасть в искушение. Полностью уповая на Бога и на молитвы своего старца, он бросился в море. И – о чудо! – Бог, Который помог некогда Петру ступать по водам, помог сейчас и своему рабу, избавив его от морского течения, ибо, находясь в воде, преподобный стал шагать как бы по суше. Поняв, что может шагать по воде, он пошел вперед, но не понимал, как это происходит, ибо воды полностью покрывали его и некоторые были даже выше его головы на одну пядь*. Так он шел, пока не достиг противоположного берега.

Какими словами можно передать ту великую веру в Бога, что имел юноша, или чудо, сотворенное с ним Богом? Если же кто спросит, почему Бог не попустил преподобному ступать по морю, как по суше, или по морскому дну, как Израиль в древности, но погрузил его в воду, мы ответим так. Поскольку преподобный был еще молод и неутвержден в добродетели, то с ним и случилось это, чтобы он не возносился, что достиг совершенства в святости, и чтобы понял, что ступать по морю как по суше может только тот, кто пролил множество пота и много подвизался в добродетели. Преподобный пришел к старцу глубокой ночью, весь мокрый. Увидев его и узнав о чуде, сотворенном Богом, духовный его отец возрадовался, удивляясь ученику, и восславил его за любовь и веру в Бога, и совершенное послушание своему учителю. А ученику, в свою очередь, было приятно, что у него такой учитель, который может избавлять учеников от смерти.

Надумав вернуться в епархию, учитель взял с собой и Леонтия. Но из-за бури, что случилась на море, они попали на остров Патмос. Поднявшись в монастырь святителя Иоанна Богослова, они отдохнули там несколько дней, а затем снова

* Пядь, пядень, – мера длины, равная 231,2 мм. – *Пер.*

взошли на корабль и прибыли на Кипр, чтобы провести там зиму, а весной пойти в Иерусалим и в Тивериаду, епархию старца. Но Бог, Который заранее знал о будущих подвигах Леонтия на Патмосе, не дал ему пойти в Иерусалим с Кипра. Зная, что ему бесполезно оставаться на Кипре, юноша просил старца позволить ему вернуться обратно на Патмос в монастырь Иоанна Богослова, потому что ему очень понравилось то место и жизнь тамошних отцов. Бог, подвигнувший на это ученика, подвигнул и душу учителя, который дал ему разрешение. Так преподобный со всяким усердием вернулся на Патмос, не имея с собой ничего, кроме старой одежды, которая была на нем.

Придя в монастырь, он был принят тогдашним игуменом по имени Феоктист, который был воистину человеком духовным и служителем Божиим, способным узнавать то, что кроется внутри человека, судя по внешнему и кажущемуся. Приняв Леонтия, игумен велел преподобному не общаться с братьями, не ходить на общие церковные службы, но безмолвствовать в своей келье и совершать правило, которое он сам ему назначил, потому что Леонтий был еще безбородым юнцом и мог вызвать соблазн. Пребывая в келье, юноша со всей строгостью проходил монашеское житие: он непрестанно молился, читал Священное Писание, воспевал псалмы, имел ревность к добродетелям, из глаз его ручьем текли слезы, а когда другие братья спали, и ему было трудно извлечь слезы, то он брал приготовленный для этого ремень и бил себя по обнаженному телу. От сильной боли преподобный плакал и не желая того. На ремне было закреплено множество гвоздей, поэтому когда он бил себя, то, глубоко вонзаясь в тело, гвозди сдирали плоть, из ран текла кровь, а жестокие боли вызывали обильные горячие слезы. Из-за ран лежать на земле преподобному было еще больнее. Тем же кто его видел, он казался сухим и худым от побоев и ран, но никто не знал истинную причину этого.

Чтобы всегда иметь память смертную, очень часто на рассвете Леонтий тайно выходил из кельи и шел на братское кладбище. Там он снимал одежду и, без всякого страха

с дерзновением входил в какую-нибудь гробницу, где были останки умерших. Он падал на землю, как мертвый, по своей воле, и лежал там целый день, плача и рыдая так сильно, что заливал слезами тела усопших, причем никто не знал, что он там. Леонтий поступал так ни один, ни два, ни десять раз, но многие годы, как потом поняли братья, позже узнавшие о том.

Игумен поставил преподобного помогать еkkлесиарху, и он, выполняя послушание, не прекращал тайных трудов непрестанной молитвы, размышления, сокрушения сердечного, слез, бдений и стояний, так что тело его от многих утеснений ослабло, и он стал подвергаться непредосудительным телесным страстям, особенно же сну. Видя, что Леонтий дремлет во время службы и прислоняется к стене храма головой, игумен подходил и толкал его в грудь, преподобный головой стучался о стену, просыпался, а другие братья делались более внимательными. Так поступал игумен до тех пор, пока не узнал о тайном делании преподобного, и тогда уже перестал его трогать. Узнав о подвижнической жизни Леонтия, игумен решил проверить его и другими способами, чтобы узнать, не бывает ли чем побежден этот адамант. Иногда он возводил его в достоинство настоятеля и еkkлесиарха, иногда низводил из этого достоинства, делая смиренным слугой, но блаженный нисколько не задумывался об этих изменениях, никогда не выходило из уст его и слова недовольства, как будто он был совсем бездушным. И хотя преподобный всегда был смиренным и почитал себя хуже пса, он никогда не переставал наносить себе побои, делая это иногда ночью, когда другие братья спали, а иногда днем, уходя далеко от монастыря, в тихое место, чтобы его никто не видел. Когда же он бил себя, то при этом говорил: *“Отверзи мне очи сердца, Господи, и просвети их светом знания Твоего, ибо у Тебя источник жизни; во свете Твоем мы видим свет”* (Пс. 35: 10). Говоря так, он с теплыми слезами умолял Бога и однажды ночью увидел руку до локтя, которая держала хлеб, и услышал голос: *“Возьми этот хлеб, и съешь его”*.

А хлеб этот напоминал питу*, которую готовят из муки с пряностями и медом. Как только преподобный съел тот хлеб он пришел в себя, и с тех пор начал легко познавать смысл Священного Писания. Не было ни одной духовной книги, которая бы ни казалась ему сладостной и приятной, или которую бы он не понимал. Язык его стал острее языка риторов, и он красноречиво излагал все, о чем говорил ему благой Дух Божий. Леонтий легко выучивал наизусть целые книги, и не только те, которые содержат жития преподобных и мучеников или творения божественных отцов с нравственными поучениями, но и те, в которых излагались высокие догматы веры и которые немногие понимали из-за содержащихся в них богословских понятий. Леонтий так хорошо их помнил и цитировал, когда говорил, что некоторые подумали, что он читает по книге; Леонтий полностью изучил богословскую книгу, называемую “Догматическое всеоружие”. Просвещенный таким образом в высоком знании богословских догматов, преподобный стал светочем знания и умом боговдохновеннейшим, но чем более изобиловали в нем дары Святого Духа, тем более преумножал треблаженный и свои труды. К ежедневным побоям он решил присоединить еще большее смирение и совершенно воздерживаться от всякой пищи. Но поскольку он находился в монастыре общежительном и ходил на трапезу вместе со всеми, полностью отказаться от пищи было затруднительно и, чтобы братья не узнали и не соблазнились, он замыслил следующее. Преподобный сидел за трапезу вместе со всеми, брал еду, клал ее в рот, но не проглатывал, а тайно выплевывал в рукав одежды. Там он держал ее до окончания трапезы, а затем отдавал птицам. Таким образом, он уходил от трапезы голодным.

Размыслив обо всем этом, игумен счел Леонтия достойным принять священство. Но когда он сообщил ему об этом, тот в начале не хотел даже и слушать, но потом, сильно нуждаемый настоятелем и чтобы не оказаться ослушником,

* Разновидность хлеба в виде лепешки, распространенной на Востоке и в Греции. – *Пер.*

нехотя дал себя уговорить и принял великую и полную монашескую схиму и священнический сан. И хотя через Таинство Священства преподобный стал учителем и просветителем другим, он не стал вести себя как учитель и презирать меньших братьев, но был для всех образцом смирения, трудясь вместе с трудящимися, утешая скорбящих, исправляя падающих и исцеляя соблаздившихся. После этого под нажимом игумена и по решению всей братии Леонтий сделался экономом монастыря. Будучи связанным заботами и трудами сверх своих сил, он, тем не менее, не оставлял тайного своего делания и привычных своих побоев, которые мужественно переносил в келье. Всю ночь преподобный проводил в чтении слова Божия, молитвах, псалмопениях, очистительных слезах, и лишь один последний час ночи, на рассвете, спал. Посему и Господь посетил его Своей благодатью, что ясно видно из дальнейшего рассказа.

На праздник святого Иоанна Богослова, после бдения, преподобный пошел немного отдохнуть в келью. Там он взял в руки книгу, и... случилось чудо! Под видом игумена ему явился апостол Христов Иоанн Богослов и сказал: “Чадо Леонтие, ступай скорее и начни служить раньше обычного времени, потому что я хочу пойти в Ефес”. Не в силах противоречить повелению игумена, он пошел к нему в келью, размышляя по дороге, почему он заранее не сказал ему, что хочет пойти в Ефес, и почему не берет его с собой. Положив обычный поклон, преподобный попросил благословение на начало Божественной литургии. Игумен же его спросил:

– Что с тобой, брат? Ты хочешь служить сейчас?

– Отче, разве не ты сам мне повелел скорее совершать Божественную литургию, потому что хочешь пойти в Ефес?

Услышав это, игумен понял, что то был Иоанн Богослов, поэтому сказал:

– Ступай, чадо, и сделай, что тебе было велено, ибо возлюбленный Иоанн невидимо спразднует и нам, и ефесянам.

Так преподобный сподобился увидеть Иоанна Богослова и услышать его голос. Монастырь Иоанна Богослова ежегодно получал царское довольствие, которое поступало с острова

Крит. В то время на Крите этими средствами распоряжался Иоанн Стравороманос. Будучи вторым настоятелем обители, преподобный вместе с другими братьями отправился к нему за довольствием и чтобы приобрести все необходимое для братии. Когда он находился на Крите, однажды вечером некий Константин Сканфис, который прикидывался сумасшедшим, хотя имелись свидетельства, что он предвидел и предсказывал будущее и исцелял душевные и телесные страсти некоторых, стал громко взывать: “Господи, помилуй!”, причем делал это неоднократно. Думая, что таким необычным криком он предупреждает о том, что на Крит идет великое зло, многие прибежали к нему разузнать, в чем дело. Однако на вопрос, почему он кричит и что случилось, он ничего не отвечал, но только продолжал взывать: “Господи, помилуй!”. Захотел пойти к нему и божественный Леонтий, чтобы выяснить причину его криков. Как только Леонтий тронулся в путь, Сканфис перестал говорить: “Господи, помилуй!”, но стал кричать еще громче: “Дорогу, дорогу, идет, идет! Горе вам, благочестивые, в этот час. Если бы он не пришел, что случилось бы с вами?” Когда же преподобный подошел к нему, Сканфис сказал: “Добро пожаловать, добро пожаловать, мой Златоуст”. Он припал к его ногам, стал их целовать и еще усерднее кричать: “Добро пожаловать!”. Но почему Сканфис так говорил и так поступил, никто не узнал, а он сам никому не рассказал, кроме того что своими поступками и словами показал, что Леонтий велик у Бога и свят.

В другой раз страшной смертельной болезнью заболел игумен и слег в постель. Преподобный очень опечалился из-за болезни своего духовного отца. После литургии Леонтий пошел с братией в общую трапезу и поинтересовался у служителя что будет есть игумен, и есть ли у него аппетит. Узнав, что у старца не только нет аппетита, но он тяжело страдает от страшного приступа, преподобный сильно опечалился и, вздохнув от всего сердца, стал молиться. Встав из-за стола, он отправился в келью игумена. Положив обычный поклон и испросив благословения, он понял, что старец его страда-

ет так сильно, что даже не может говорить. Тогда преподобный нашел небольшую тыкву с вином, наполнил им стакан и хотел дать выпить больному. Больной отказывался и едва слышным голосом произнес, что как только выпьет это вино, тотчас же умрет. Но преподобный все равно уговаривал его выпить, сказав, что это благословил Христос и как только он выпьет, то сразу выздоровеет. При этих словах преподобный перекрестил стакан, тайно призвав на помощь Господа. Видя, что старец не хочет пить, Леонтий вслух призвал Господа, говоря такие простые слова: “Христе мой возлюбленный, желанный Владыка. Если Ты любишь Свою Мать, мою Госпожу, услыши меня, убогого раба Твоего, и подаждь исцеление духовному моему отцу”. Услышав это и умилившись от этой простой молитвы, старец послушался и выпил вино. И – о чудо! – болезнь его в тот же миг прошла и из него вышло столько желчи, что ей наполнили целый сосуд. Это и подтверждает необычность чуда, ибо несомненно, что с таким количеством губительного вещества игумен жить бы не смог.

Узнав, какое сильное дерзновение имеет к Богу Леонтий, старец с той поры понуждал его стать игуменом и сам с радостью подчинялся тому, кто своей молитвой к Богу даровал ему жизнь. Но преподобный не хотел об этом и слышать, но пребывал в прежнем послушании, подчиняясь своему духовному отцу. Он по-прежнему прилежно исцелял больных и целовал сгнившие члены увечных.

Придя однажды в Константинополь по делам монастыря, преподобный, будучи вторым лицом после игумена, выполнил все, что ему поручили, а затем поднялся в монастырь преподобного Даниила Столпника. Видя, что местность эта пустынна и спокойна, он весьма возжелал в безмолвии провести там остаток своей жизни. Поделившись этими мыслями с подвизавшимися там братьями и получив их согласие, он пообещал сначала сходить на Патмос, чтобы отчитаться в делах перед братией, а затем вернуться сюда. Но Бог, Который все устрояет, в это время забрал в вечные селения игумена монастыря на Патмосе, повелев ему назначить

игуменом Леонтия, о чем игумен оставил письменное распоряжение.

Вернувшись на остров и увидев, что обитель в таком бедственном положении, преподобный не знал, что и делать. Он помнил об обещании, которое дал Богу и преподобному Даниилу – стать преемником его добродетели и более склонялся к тому, чтобы пойти в обитель Столпника. Однако, слезы братии, которые осиротели как овцы без пастыря, письменное решение игумена или, лучше сказать, не писанное, от Бога, победили его и он нехотя принял предложение братии остаться. Тогда он стал прилагать труды к трудам, бдения к бдениям, объясняя всем, что бдение и попечение начальников о подчиненных заставляет подчиненных уважать и слушаться начальников: “Если я бодрствую, то не только за себя, но и за подчиняющихся мне, чтобы заставить их слушаться моих повелений”. Поэтому каждый, кто не ослушался указаний преподобного, получал соответствующее вразумление, но не от людей, а от жестоких бесов, как станет понятно из дальнейшего рассказа.

Напротив Патмоса расположен небольшой необитаемый остров Липсо, на котором у монахов паслись животные. Летом монахи забивали лишних животных, мясо высушивали на солнце и продавали, выручая средства для обители. На это послушание был отправлен монах по имени Прохор, злобный и безчеловечный. Прохор постоянно надоедал преподобному просьбами о новых башмаках. Узнав у монастырского сапожника, что башмаки еще неготовы, преподобный кротко сказал Прохору, что он получит башмаки когда вернется с Липсо. Но строптивый Прохор, не стыдясь преподобного, вел себя нагло и требовал башмаки сейчас же. Преподобный кротко сказал ему: “Ступай с миром и исполняй послушание, чтобы не постигло тебя то, чего ты не хочешь”. Но тот не слушался и все не уходил. Тогда преподобный решил, что он достоин вразумления, как непослушная овца, и сказал: “Ступай, и пусть путь твой будет тьмой и преткновением, и Ангел Господень пусть преследует тебя”. Не успел

святой произнести эти слова, как Бог запечатлел его слова делом. Как только непокорный Прохор сел в лодку, чтобы отправиться на Липсо, на него вдруг посыпались камни, да так густо, как будто это был град. Но самым удивительным было то, что камни падали только на Прохора, не задевая никого другого из плывущих, при этом все слышали голоса: “За упрямство, за упрямство”. Тут-то несчастный и понял, что это были бесовские силы, посланные для того, чтобы его наказать и научить, какое зло представляет собой непослушание и пренебрежение к просьбам своего духовного отца. В печали выйдя из лодки и немного освободившись от камней, он пришел в себя и стал размышлять, отчего с ним случилось такое зло. Если бы камни продолжали падать, то он бы совершенно изнемог или сошел с ума. Когда же Прохор приготовился обедать, то на него снова посыпались камни, миска разбилась, еда пролилась, сосуд с вином тоже разбился, а бесы, швырявшие в него камни, звали его по имени и приговаривали: “За упрямство, за упрямство”.

Несчастный Прохор обезумел из-за случившейся с ним необычайной беды и не знал, что делать. Он позабыл о пище и питии и вернулся с Липсо с ранами на теле от камней. Показывая их преподобному, он рассказал о постигшем его несчастье. Один из монахов, выслушав его рассказ, набрался смелости и гордо сказал братьям: “Этот монах пострадал оттого, что не знает грамоты, чтобы ей прогнать бесов. А вот я всегда полагаюсь на Бога и на знание грамоты, поэтому не терплю от бесов никакого беспокойства”. Взяв Псалтирь, он положил обычный поклон преподобному и отправился на Липсо. Однако и с ним случилось то же самое: неведомо откуда на него стали падать камни, и тот, кто прежде считал себя смелым и надеялся на знание грамоты, вдруг оказался трусливым и прибежал обратно в монастырь. Тогда, рассудив, что эти двое монахов уже достаточно наказаны праведным вразумлением, великий Леонтий взял с собой нескольких благочестивых братьев и отправился на Липсо. Там он помолился Богу и прогнал бесов, а те, кто были праведно

наказаны, один за непослушание, а другой за превозношение, перестали бояться.

Однажды пришли в монастырь пираты, которых преподобный принял со всяким дружелюбием. Но поскольку они были варварами, то и запросили ту пищу, что была обычной для них: хлеба, вина, мяса овец и другого. Преподобный распорядился дать им все то, что было в обители, но пираты требовали еще больше. Преподобный сначала спокойно уговаривал пиратов, чтобы они взяли предлагаемое, потому что у монастыря больше ничего не было. Однако те не хотели брать постную пищу, но, оскорбляя игумена и устрашая братию, спустились к берегу и сожгли монастырский корабль, о чем монахи, видевшие это, доложили преподобному. Опечалившись всем сердцем, преподобный взял в руки икону Иоанна Богослова и сказал громко всей братии: “О, возлюбленный Богослов, если ты не отомстишь этим злодеям за тот ущерб, который они нанесли нам, твоим рабам, то знай, что я больше здесь не останусь и не буду игуменом, если ты меня не услышишь”. Как только преподобный произнес это, слова его немедленно стали делом. Когда пираты покидали Патмос, море было спокойным. Но едва они бросили якорь в Икарии, как налетел сильный ветер и поднял огромные волны, которые потопили корабль вместе с пиратами. Те же, кто смог выбраться на сушу полуживыми, были убиты икарийцами. Спаслась лишь одна женщина, которая и поведала людям о чуде. Узнав об этом случае, другие пираты с тех пор стали почитать и уважать великого Леонтия. А то, что преподобному были известны и тайны сердца, ясно будет из следующего рассказа.

Преподобный взял с Крита ученика по имени Антоний, которому велел каждый вечер исповедовать помыслы, пришедшие к нему за день. Тот так и поступал. Но однажды к нему пришел помысел, который он не открыл святому, посчитав ничтожным. Положив поклон, Антоний хотел уйти из кельи преподобного, но благословение духовного отца понуждало его исповедать и этот помысел. В нем боролось

двойное чувство: с одной стороны, ему хотелось исповедать помысел, а с другой стороны, хотелось пойти в свою келью. Тогда преподобный сказал ему: “Говори, чадо, и этот помысел, который пришел к тебе, и не пренебрегай им, считая ничтожным и безвредным. Тот, кто презирает малое, как мы знаем, потом будет презирать и великое”. Услышав эти слова неожиданно для себя, Антоний пришел в страх оттого, что преподобный открыл ему и то, какой это был помысел, и его силу. Припав к ногам преподобного и обвиняя себя в пренебрежении, ученик просил прощения, которое и получил.

Преподобный был осведомлен и о тех делах, что происходили далеко от монастыря, о чем свидетельствует дальнейший рассказ. Жил на Крите монах Афанасий родом из Константинополя. Желая принести покаяние Богу за совершенные грехи, он пришел в монастырь на Патмос и принял великую схиму, сделав в пользу монастыря и крупные пожертвования. Однако зависть ненавистника добра не давала ему спокойно подвизаться в обители, но заставила снова пойти на Крит и там остаться. Когда Леонтий пришел на Крит, Афанасий пообещал ему, что если в будущем году он пришлет сюда Антония, то и он вернется вместе с ним в монастырь. Вернувшись в обитель, в один из дней, когда Антоний пришел к нему в келью, преподобный сказал ему:

- Знай, чадо, что на Крите умер Афанасий.
- Откуда ты знаешь об этом, отче святой?
- Сегодня с Крита пришел корабль, и бывшие на нем общили некоторым жителям острова эту новость, а те передали ее мне.

В том, что Афанасий умер, не было никакого сомнения, но, как выяснилось после расспросов, никакой корабль с Крита ни тогда, ни позже к острову не приставал. Один лишь Антоний услышал от преподобного это известие и рассказал другим.

Как-то раз Антония стал бороться бес богохульства, причем брань была страшной, ибо хула была направлена против Господи Богородицы. Антоний очень смущался и исповедал

свое богохульство преподобному, попросив его о помощи, а в ответ услышал:

– Дерзай, чадо, и не бойся, пусть пес лает, а ты скажи ему: “Замолчи, проклятый, и не шуми”. Потому что невозможно ругать и хулить Ту, на Которую только и надежда моего спасения, и Которую не могу не прославлять и не почитать по достоинству – Владычицу мою и Госпожу.

Вот таким оружием вооружил преподобный Антония на беса богохульства, но нечестивый бес стал беспокоить его еще больше. Когда Антоний ходил с братьями на службу, он получал передышку и избавление от брани, но как только входил в келью, снова подвергался жесточайшим нападкам от врага. И не было у него другого прибежища, кроме преподобного и его советов. Поскольку брань эта продолжалась много лет, и враг не отступал, то Антоний был, в конце концов, побежден страхом и однажды, выйдя из церкви, не дерзнул войти в келью, испугавшись брани от богохульных помыслов. Прибежав в келью преподобного, он снова рассказал ему об искушении, и тот снова велел ему не беспокоиться об этих помыслах, но отгонять их словами презрения. Одержимый страхом Антоний сказал:

– Отче, я не выйду из твоей кельи, если ты не избавишь меня от этого вражеского искушения. Как я могу пойти в свою келью? Ведь она для меня прибежище искушения.

После этого преподобный поднялся со скамьи, на которой сидел, и, встав перед аналоем, попросил Бога и Госпожу Богородицу, Которую хулил бес, помочь брату. Затем, взяв Антония за руку, он положил ее к себе на шею и сказал:

– Сей грех, брат, пусть будет на мне, на моей вые. Если же тебя опять будет бороться враг, то ты скажи ему: “Молитвами смиренного и грешного Леонтия считаю я тебя, враг истинны, черным и нечистым псом”.

Наученный так преподобным и вооруженный им на брань, Антоний положил поклон и вышел из его кельи. После этих слов брань тотчас же прекратилась, а хульные помыслы совершенно исчезли, как будто их никогда и не было.

Той же ночью Антоний слышал какие-то голоса, которые ругали преподобного, а его устрашали: “Повезло тебе, что ты обратился к Леонтию и понадеялся на него, а если бы не сделал этого, то узнал бы, что с тобой должно было случиться”.

Далее мы расскажем как Великий Леонтий покорял страсть гнева. В Патмосском монастыре было много монахов из разных народов и разного нрава. По человеческой немощи они порой ссорились друг на друга, не слушались, и с небрежением относились к монастырским послушаниям. Поэтому преподобный часто сурово вразумлял их и ругал за пренебрежение долгом, но говорил и поступал он так лишь внешне, в сердце же своем нисколько не смущался, но пребывал невозмутимым. Когда же приходило время, он безпрепятственно приступал к Божественным Тайнам, как будто бы ничего не случилось, невозмутимо входил в святой алтарь и совершал Божественную литургию. Однажды, когда Антоний спросил его, не смущают ли его раздоры с братьями, и можно ли после этого служить литургию, преподобный ответил так, что простым людям это может показаться сверхъестественным и трудно приемлемым: “Поверь мне, чадо, что гнев мой притворный и весь только на словах, ибо как можно исправить согрешающих, если не показать, что гневаешься на них?”

Однажды святой отправился в Константинополь, но на море случилась буря, и его корабль пристал к какому-то островку, где жил богач по имени Мавр. Узнав, что на корабле находится божественный Леонтий, Мавр очень обрадовался (ибо он уже слышал о нем), желая побеседовать с этим удивительным человеком. Поэтому Мавр попросил преподобного прийти в город и благословить его дом. Взяв с собой двух учеников – Антония и Андроника, преподобный пришел в дом к Мавру. Помолившись о нем и его супруге, он благословил их дом и наставил душеполезными поучениями. Когда же он собрался уходить, супруги пали к его ногам и попросили помолиться, чтобы Господь дал им дитя, ибо они были бездетными, из-за чего сильно скорбели. Преподобный

ответил: “Я грешник и нуждаюсь, как и вы, в помощи Божией. Но по вере вашей, да будет вам. Пусть Господь даст вам чадо в следующем году”, что и произошло, согласно предсказанию преподобного. На следующий год жена Мавра родила ему дочь, которую называли Леонто в честь преподобного.

В другой раз преподобный снова собрался отправиться в столицу по делам монастыря. Однако сильный ветер заставил корабль вернуться в порт. Ожидая на корабле пока утихнет буря, Леонтий сильно заболел и его, тяжело страждущего, перенесли на одре в монастырь. В продолжение четырнадцати дней болезни он не мог ни есть, ни пить, ни говорить. Лишь легкое дыхание показывало, что преподобный еще жив. Телесные силы его иссякали, он приближался к смерти, а потому уже все приготовили к погребению. Однако Исцеляющий и Сокрушающий Господь даровал ему еще тринадцать с половиной лет жизни, то есть по числу дней его болезни, и в конце четырнадцатого дня ему было откровение от Бога о продлении жизни. После этого Леонтий начал приходить в себя и понемногу вкушать пищу.

За это время шторм на море утих, и моряки решились плыть. Поднявшись в монастырь, они спросили преподобного, кого он пошлет вместо себя. Слабым голосом тот ответил, что назначает Антония. Но тот принял эти слова, как стрелу в сердце, сказав: “Чем я согрешил пред тобой, отче, что лишушь твоих последних молитв, ибо ты скоро умрешь и оставишь нас сиротами. Разлука с тобой для меня невыносима, равно как я не могу и остаться без твоих последних молитв, посему не желаю ни слушать, ни думать об этом”.

Когда удрученный Антоний все это высказал преподобному, тот подозвал его к себе и проговорил: “Ты и вправду думал, Антоний, что время моей жизни завершилось?.. Нет, мой Христос продлил его по Своему неизреченному чело-веколюбию, как Он обычно поступает со мной, и прибавил мне четырнадцать с половиной лет жизни. Отправляйся же с радостью и помни, что я буду беседовать с тобой еще четырнадцать с половиной лет”. Как сказал преподобный, так

и случилось. А в течение времени, которое было даровано ему Богом, он сотворил и другие дивные дела, стал патриархом Иерусалимским, о чем мы расскажем далее.

На другой год Господь благоволил, чтобы святой Леонтий с Антонием снова поплыли на Крит за обычным довольствием для монастыря. Но сборщик податей на Крите не выдал им назначенного довольствия, и преподобный вернулся на Патмос ни с чем. Испытывая нужду, братья стали просить преподобного пойти в столицу и возвестить об этом деле царю, чтобы получить обычное довольствие. Преподобный же ничего не отвечал, надеясь, что Святый Дух возвестит ему о том, нужно ли идти в Константинополь. Поскольку же братья настаивали, то, как бы с раздражением, чтобы все слышали, он сказал: “Оставьте меня и не невольте, ибо если я поеду в столицу, то на Патмосе потом буду только проездом”. Но никто не понял, что он имел в виду, до тех пор, пока пророчество преподобного не сбылось. Подготовившись к поездке, преподобный отправился в Константинополь. Там он встретился и побеседовал с одним мужем, умудренным не только в делах Божественных, но и в человеческих, который был близким другом царя и занимал должность друнгария*. Этот человек уважал преподобного как отца и чтил как человека Божия. Он так представил его царю Мануилу Комнину: “Царь, вот человек Божий, который может быть молитвенником о твоём царстве; я полагаю, что он, когда пожелает, может умолить Человеколюбивого Бога”. Поверив, что божественный Леонтий именно таков, как о нем говорил друнгарий, ибо об этом свидетельствовала сухость и желтизна его лица, простота речи, готовность отвечать на вопросы и разрешать недоумения Священного Писания, царь понял, что обрел великое сокровище, потому замыслил сделать его архиереем и пастырем народа.

В то время у русских умер патриарх, и царь решил поставить его патриархом у русских вместо покойного. Он передал

* Административная должность при дворе Византийского императора. – *Пер.*

преподобному это известие через друнгария, но Леонтий не хотел становиться пастырем русских. Позже овдовел остров Кипр, и снова царь попытался через друнгария узнать, не желает ли преподобный стать епископом Кипра. Но тот снова отказался, ибо, по благодати Пресвятаго Духа, знал, что должен стать архиереем. Ученики же его уговаривали согласиться, и особенно Антоний, говоря: “Нам кажется, отче, что ты не хочешь ни себе оказать благодеяние, ни нам, которые после Бога и Богородицы надеются только на тебя, ни своему монастырю. Разве царь выслушает твою просьбу о монастыре, если ты сам дважды отказал ему в просьбе. Если бы ты стал епископом Кипра, то был бы и нам помощником в течение всей жизни, и монастырь наш возвеличился бы и расцвел”. Выслушав, преподобный ответил:

– Чадо, зачем ты понуждаешь меня открыть тебе то, что Бог пожелал открыть одному мне, смиренному? Этого не знает ни царь, ни ты.

– Что это, честный отче?

– Если Небесный Царь хочет, чтобы я был патриархом, то как земной царь может сделать меня епископом?

– На какой же престол, отче святой, Бог поставит тебя патриархом?

– То что я стану патриархом, я в точности узнал от Господа, но на каком престоле я буду патриаршествовать, Он мне не открыл.

Через некоторое время, согласно этому пророчеству, божественный Леонтий стал патриархом Иерусалимским. Движимый Духом Святым, он поставил экономом монастыря на Патмосе Антония, сказав ему, что он станет игуменом после того, кого он назначил теперь, что потом и случилось. Став патриархом Иерусалимским, великий Леонтий по дороге в Иерусалим заехал на Патмос. Преподобный поднялся в монастырь и, благословив назначенного им игумена, через два дня отплыл. Тогда братья и вспомнили о пророчестве преподобного, которое он произнес, когда они уговаривали его поехать в столицу, а он говорил, что после этого на Патмосе будет только проездом.

Прибыв на Родос в начале зимы, преподобный решил остаться там до весны. Он послал в монастырь к эконому Антонию человека сообщить, что у него закончились необходимые запасы пищи, а взять их неоткуда, если только Антоний не позаботится о нем и не пришлет еду. Сохраняя послушание старцу, Антоний закупил все необходимое и собрался плыть на Родос, однако подул сильный встречный ветер и отнес корабль в другое место. Все, вместе с Антонием, просили у Бога помощи за молитвы преподобного Леонтия, – и случилось чудо. Ветер прекратился, и через некоторое время корабль вошел в Родосский порт. Просвещенный благодатью Святаго Духа преподобный в это время как раз велел своим спутникам спуститься к берегу, сказав, что прибыл эконом монастыря с запасами провизии. Поверив ему, они с Патриархом пошли в порт, и очень удивились, найдя Антония и бывших с ним с запасами еды; такова была прозорливость святого.

Когда наступила весна, преподобный поплыл на Кипр, где был монастырь, находившийся в ведении Иерусалимского патриархата и где можно было остановиться для краткого отдыха. Однако обитель эта оказалась в сильном запустении, поскольку в ней было только два монаха немонашеского поведения. Эти иноки сожительствовали с женами и занимались только тем, что предавались распутству. Сильно опечалившись, преподобный посоветовал им воздержаться в дальнейшем от грехов, а теперь покаяться, чтобы не нашла на них внезапная смерть, и они не пошли во ад. Но иноки продолжали пребывать во грехе, оправдываясь тем, что привычка победила в них и закон, и каноны. Восстенав из глубины сердца, святой Леонтий сказал: “Чада, я исполнил свой долг и посоветовал вам доброе, но поскольку вы презрели и меня, и мои слова, то судить вас будет уже Бог”. Спустя день этих несчастных наказал Божий суд и, будучи совершенно здоровыми, оба они внезапно умерли. Вот так Бог наказывает Своим судом нераскаянных грешников.

Один монах-киприот по имени Иоанн решил стать учеником преподобного, однако впал в блуд, и, думая, что святой

не знает об этом, пребывал нераскаянным. Духовный его отец открыл ему этот грех и, дав епитимию, склонял к покаянию и исправлению, но тот не хотел покаяться, из-за чего и принял от Бога двойное наказание. Когда святой поднял в воздух руку, чтобы перекрестить согрешившего монаха, несчастный тотчас же ослеп, и не прошло и шести дней, как он умер. Вот такая несчастная постигла его телесная и духовная кончина.

С того времени как преставился прежний патриарх Иерусалимский, царский сборщик податей по имени Кириак, назначенный на Кипр, присваивал себе все доходы, в том числе и подворий Иерусалимского патриархата, поэтому преподобный не нашел ничего для содержания себя и своих людей. Такой великий архиерей, патриарх Иерусалимский, находясь в центре страны ромеев, не имел не только излишков пропитания, но и самого необходимого для жизни. Однако святой Леонтий мужественно перенес все напасти. Дьявол, желая испытать преподобного, не падет ли он духом в нашедших на него искушениях, воздвиг на него слугу сборщика податей по имени Триандафилос. Придя в дом патриарха, тот гневно потребовал отдать все доходы от недвижимого имущества Иерусалимского патриархата на Кипре, устрашая тем, что если не получит их сейчас же, то бросит в тюрьму патриарха и его людей. Святой просил его немного подождать, но тот с гневом встал и вышел. Однако его настиг Божественный гнев; помрачившись умом, он стал ударяться головой о стены. Решив, что это случайность, он велел своим слугам забрать патриаршего мула, а сам верхом на коне поехал следом. Неожиданно его лошадь встала на дыбы, он упал с нее и, ударившись о землю, ослеп. Тогда только он понял, что совершил грех, и велел своим людям отвести его к святому. Припав к его ногам, он исповедал свой грех и попросил прощения. Сострадательный преподобный перекрестил его и поцеловал святым лобзанием. В тот же момент несчастный прозрел и стал видеть лучше прежнего.

Однажды Леонтий пошел на подворье Святого Гроба Господня навестить находившихся там братьев. А поскольку он был известен в тех местах, туда пришло множество христиан, чтобы поклониться святому и получить его благословение. Пришел туда и некий монах, живший вопреки своим обетам и одержимый блудным бесом. Хотя несчастный знал о своей страсти и скорбел, но постоянно побеждался дурной привычкой. Смотря ему в лицо, преподобный сказал перед всеми: “Брат, ты страдаешь от душевной болезни, которая приведет тебя к смерти”. Пораженный словами преподобного, монах припал к его ногам, прося исцеления. Преподобный помолился Богу, возложил на него руки и благословил, после чего монах исцелился и стал воздерживаться от греха. Отвечая на вопросы своих соотечественников, интересовавшихся в чем его обличил патриарх, инок дерзновенно признался, что страдал от блудной страсти, и что впал в грех накануне ночью. Как этот монах, так и все те, кто исповедовали свои грехи и искренно раскаивались, получали исцеление.

Эконом, отвечавший за имущество Святого Гроба на Кипре, доложил патриарху, что епископ Амафунтский заклеил своей печатью овец, быков, коней и почти всех принадлежавших подворью Святого Гроба животных, и присвоил их. Святой Леонтий позвал этого епископа к себе, но гордый епископ не хотел подчиняться. Только после того, как патриарх позвал его в третий раз, он через силу пришел. Преподобный принял его и попросил не клеймить своей печатью животных, принадлежавших подворьям Иерусалимской Церкви, чтобы не испытать на себе гнев Божий. Совершенно не обратив внимания на слова патриарха, епископ в гневе встал и ушел, не вернув присвоенных животных. Но через несколько дней Бог отомстил ему за ложь. Когда епископ переправлялся верхом на коне через небольшую речку, он упал с лошади, разбился и умер, явив собой зрелище, достойное плача.

Блаженнейший архиепископ Кипра Варнава, весьма почитая великого Леонтия, однажды пришел к нему с просьбой

отслужить литургию с ним и его епископами, сказав: “Мы хотим освятиться твоим присутствием, святой Владыка”. Леонтий откликнулся на просьбу Варнавы. Когда совершалась Божественная литургия, и весь священнический чин стоял по порядку (о великая чистота рабов Твоих, Господи!), святой Леонтий заметил, что лица архиепископа Кипрского и епископа Тримифунтского сияли паче солнца, от призыва обитавшей в них Божественной благодати, у других архиереев лица были чуть темнее, у третьих еще темнее, а у некоторых – одновременно и светлые, и черные. Среди этих последних был и епископ Лапифский, двоюродный брат Антония, ученика святого Леонтия, которому патриарх рассказал о видении, когда, встретив его в столице, Антоний спросил о своем двоюродном брате.

Затем преподобный покинул Кипр и прибыл в Акру. Узнав о его приезде, к нему пришло множество народа. Одних он благословлял, других окроплял святой водой, и по молитвам преподобного многие исцелялись от болезней. Слава о святом Леонтии разошлась по всей Сирии и Финикии. И каждый старался опередить другого, чтобы поклониться преподобному и получить его благословение. Поскольку тогда в Палестине главными были латиняне, они не позволили преподобному пойти в Иерусалим и он пребывал в Акре.

Некий диакон, будучи женат три года, не мог познать свою жену, потому что был связан бесом. Придя к преподобному, он рассказал ему о своем несчастье и просил помочь ему. Помолившись и освятив воду во имя Святой Троицы, преподобный дал ее выпить обоим супругам, после чего диакон разрешился от бесовских уз.

Однажды, проходя через Назарет, в полдень, святой велел сделать небольшой привал, чтобы отдохнуть от жары и дорожных трудов и вкусить хлеба в саду, что встретился им на пути. Когда они стали искать садовника, чтобы тот дал им фруктов из сада, вышла какая-то женщина. На вопрос святого, есть ли у нее муж, она с горечью отвечала, что муж ее уже много лет прикован к постели, и ложе его сделалось гробом

и для него, и для нее, несчастной, которая мучается вместе с ним. Выслушав ее рассказ, святой пожалел ее и вздохнул из глубины души. Перед уходом он зашел к больному и, обратившись на восток, призвал на помощь страждущему Врача душ и телес. Затем, коснувшись головы больного, благословил его и ушел. И – о чудо! – через некоторое время больной поднялся с постели в полном здравии, как будто никогда не болел. Когда же преподобный возвращался в Акру, ему принесли из этого сада множество овощей и разных фруктов в качестве небольшой благодарности за оказанную им безценную помощь.

Однажды, преподобный тайно ночью пришел в Иерусалим и зашел в храм Святого Воскресения, чтобы поклониться Животворящему Гробу Господню. И хотя он все делал втайне, случившиеся от его присутствия чудеса явили его пребывание. В то время в Иерусалиме была страшная засуха, и христиане призывали пророка Илию, чтобы разрешил эту напасть, Бог и послал им великого Леонтия. По его молитвам пролился сильный дождь, который наполнил водой все колодцы, напоил поля, и те, кто незадолго до этого испытывали сильнейшую жажду, в преизбытке получили воду и обрели надежду на то, что урожай будет спасен и они получают в изобилии хлеб и плоды. Все только и говорили о дивном Леонтии: “Пришествием своим и молитвами великий святой архиерей Божий избавил нас от опасности умереть от жажды. Пойдемте, припадем же к нему, чтобы он и далее был нам помощником”.

Узнав, что Леонтий в Иерусалиме и его прославляет народ, латиняне, а особенно их епископ, из зависти задумали убить святого, который не сделал им никакого зла. Латинский епископ ночью подослал в дом, где находился Леонтий, вооруженных людей, но Бог сохранил его от убийц, наказав их слепотой. Они увидели, что в доме преподобного зажгли свет, и, подбежав к дому, хотели войти внутрь, но не нашли двери. Они искали дверь всю ночь, думая, что смогут войти в дом по свету, который видели, но нечестивцы

были посрамлены. Вернувшись ни с чем к тому, кто их послал, они сказали: “Праведного Леонтия хранит Бог, и никто не может причинить ему вред”. Об этом чуде стало известно повсюду, и многие удивлялись. Слух об этом случае дошел даже до столицы, и царь Мануил Комнин, узнав о нем, пригласил святого прийти к себе. Об этом чуде услышал и правитель Дамаска, который, хотя и был агарянином, но почитал добродетель преподобного. Он послал ему письмо, в котором приглашал к себе, обещая, что выдаст ему хрисовулла, назначит достаточное пропитание для него и его людей, и передаст христианам церковь Божией Матери, которая находилась под властью агарян. Святой направил ему ответное письмо с благодарностью за его доброе расположение и объяснил, что не сможет прийти в Дамаск, так как царь пригласил его в Константинополь. Преподобный лишь попросил правителя прислать ему грамоту, в которой бы повелевалось пиратам, плавающим по морю на его кораблях, не причинять вреда ни ему, ни его спутникам. Правитель тотчас же прислал охранную грамоту, посчитав, что это преподобный оказал ему благодеяние. Эту грамоту Леонтий привез в Константинополь и показал царю во обличение латинян, которые, называясь христианами, не выказали ему такого расположения, какое выказал нечестивый правитель Дамаска.

Божественный Леонтий приложил множество усилий, чтобы получить позволение служить на Живоносном Гробе Господнем, но так ничего и не смог добиться. Ему дозволили лишь заходить внутрь и поклоняться, как любому из паломников, поэтому преподобный решил удалиться из Иерусалима. На обратном пути на Родос в море началась сильнейшая буря, так что кораблю грозила опасность пойти ко дну. Все пассажиры кричали и рыдали в ожидании смерти, а когда канат, на котором была закреплена спасательная шлюпка, оборвался, и лодка упала в море вместе с людьми, они стали плакать еще сильнее. Увидев такую скорбь, святой сжалился над ними, и, закрывшись в каюте на носу корабля, стал

молить Бога о помощи. Господь услышал его молитвы и даровал спасение и ему, и людям, бывшим на корабле и в лодке. Когда святой Леонтий, утомившись от продолжительной молитвы, задремал, Бог открыл ему Свое благодеяние. Тотчас же стряхнув сон, преподобный сказал плачущим людям: “Дерзайте, и не бойтесь, никто из нас не утонет, но благодатью Божией мы все спасемся, даже люди в лодке, о которых вы думаете, что они погибли. Завтра мы найдем ее со всеми людьми, которые в ней находились”. Все те, кто знал Леонтия как человека святого, поверили его словам, но многие и не поверили, среди них был и капитан. Преподобный утешал его, говоря: “Не бойся, человек, благодатью Божией мы спасемся все, с кораблем и лодкой”. Однако, подумав, что слова преподобного были лишь утешением, капитан продолжал оплакивать свое несчастье, ибо, судя по силе ветра и расстоянию в две мили, которое отделяло их от суши, кораблекрушения нельзя было избежать. И все-таки корабль, подгоняемый сильнейшим ветром, приблизился к суше, где и произошло все, что предсказывал преподобный. Буря прекратилась, настал штиль, корабль избавился от опасности, лодка оказалась у берега невредимой; все удивлялись и прославляли Бога и патриарха, называя его мужем святым и прозорливым, а себя считая счастливыми, так как удостоились чести путешествовать с таким святым человеком. После этого случая они стали воспринимать Леонтия, как Ангела Божия.

Когда путешественники прибыли в Константинополь, царь, узнав о случившемся, всячески ублажал святого, лобызал его руки, возлагал их себе на очи, и весьма радовался той милости, что Царь всех Господь одарил его радостью общения с таким великим святым. Но прошло немного времени, и царь Мануил отошел ко Господу. Как раз в это время эконо́м Патмосского монастыря Антоний, прийдя в столицу, попросил патриарха походатайствовать перед царем, чтобы ему выдали хрисову́ллу, и монастырь не платил налог за владение кораблем. Патриарх сурово ответил Антонию:

– О чем ты говоришь, Антоний? То, что я приобретал с детства до самой старости, я должен потерять в одну минуту, презреть Бога и Его заповедь ради твоего монастыря? Отойди от меня, человек, я никогда не предпочту тленного царя моему Безсмертному.

Услышав это, Антоний очень опечалился, но преподобный, ободряя его, сказал:

– Что ты печалишься, Антоний, и помрачнел лицом? Знай, что после моей смерти и смерти нынешнего царя, которая вскоре последует, ты получишь то, о чем просишь сейчас.

– Когда ты умрешь, этого не случится.

– Неужели ты мне не веришь, Антоний? Благодатью Святаго Духа заверяю тебя, что ты своими средствами решишь этот вопрос, просто заплатив за хрисовулу.

Все это случилось, как и предсказывал преподобный, в царствование Исаака Ангела.

Этого же Антония святой Леонтий исцелил от болезни языка, ибо у него образовался на языке нарост величиной с горошину, из-за чего Антоний не мог нормально говорить, и с трудом ел. Проконсультировавшись у врачей, Антоний узнал, что исцелиться можно только удалив нарост. Патриарх же сказал Антонию:

– Давай, побудь мне канонархом, а я спою Богу моему, и после этого посмотрю твой нарост.

Взяв книгу, Антоний, преодолевая боль, стал канонархати шепелявым голосом, а преподобный пел. Когда закончилась служба, святой, обратившись к нему с улыбкой и веселым лицом, сказал: “А сейчас покажи мне, что у тебя за болезнь”. Открыв рот, чтобы показать нарост, Антоний – о чудо! – обнаружил, что от болезни не осталось и следа, и казалось, что нарост кто-то вырезал, пока святой пел. Этому Антонию преподобный предсказал многое из того, что должно было случиться в будущем. Кроме всего прочего, он рассказал и о двух монахах, что пребывали в Патмосском монастыре. Внешне казалось, что они вели жизнь, как и все прочие монахи, но на самом деле своими грехами они погрузили себя в погибель.

Застонав из глубины души и заплакав, Антоний спросил у преподобного, кто они, познают ли они свои согрешения и покаются ли. Святой назвал имена монахов и сказал:

— О, если бы они покаялись, иначе горе им.

Услышав это, Антоний сильно плакал, плачу с ним и я, автор этих строк, потому что поистине достойно плача поведение, когда кто-то всю жизнь грешит и не кается.

Великий Леонтий имел от Бога власть запрещать и Ангелам, о чем будет рассказано далее, так что истинно писал апостол Павел к Коринфянам: *Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?* (1 Кор. 6: 3) Патриарх Антиохийский Кирилл крайне тяжело заболел. Он был прикован к постели, и в лице его уже не оставалось и следа жизни. Навестить его и попрощаться с ним пришло множество архиереев и архонтов, среди которых были и патриарх Константинопольский Феодосий, человек, исполненный добродетелей, дышащий более благом, чем воздухом, и великий Леонтий. Все стояли вокруг кровати Кирилла, но ничем не могли ему помочь, не могли даже поговорить с ним, потому что, находясь при последнем издыхании, он был без чувств. Что же тогда решили сделать два патриарха? Они решили приблизить его смерть, чтобы уберечь от страданий по причине медленного разлучения души от тела. Один склонял другого повелеть Ангелу как можно быстрее забрать душу Кирилла. Божественный Леонтий говорил патриарху Константинопольскому, что он должен приказать Ангелу, потому что его сан, согласно канонам, более высок, чем у Иерусалимского патриарха. Константинопольский патриарх отвечал, что величие уступает добродетели, ибо добродетель более ценит Господь. Наконец, чтобы не тянуть время и не мучить больного, великий Леонтий послушался, прочитал молитву, подняв руки, сотворил в воздухе знамение Животворящего Креста и сказал Ангелу: «Страшным именем Единосущной и Живоначальной Троицы повелеваю тебе, Ангел Господень, такой же, как и мы, смиренные, раб, не откладывая разлучить душу брата нашего от тела и представить ее Владыке Богу,

и не исполняй никаких других повелений, пока не закончишь этого". И Ангел Божий, повинуясь повелению, которое исходило от великого и саном, и добродетелями мужа, тотчас же отделил душу патриарха Антиохийского от тела и отнес ее в место, ей предназначенное.

Однажды божественный Леонтий, заболев, решил посетить баню. После бани ему полегчало, и он, сидя на скамейке, в шутку сказал своему слуге Евлогию: "Ну что, Евлогий, не поехать ли нам на Кипр, чтобы проверить имущество подворья Святого Гроба?" Евлогий ничего не ответил, однако про себя подумал: "Однако, Евлогий, этот престарелый и полуживой еще и на Кипр захотел поехать". И в ту же минуту преподобный сказал: "Евлогий, ты думаешь, что я, больной и полуживой старик, не смогу поехать на Кипр? Нет, Евлогий, и не надейся, что от меня сокрыты помышления твоего сердца". После этих слов Евлогий обомлел и долгое время молчал, удивляясь, как Леонтий узнал о его помыслах, и больше уже ничего не говорил и отгонял скверные мысли, чтобы святой снова не стал его обличать. Еще о множестве других подобных случаях, случившихся с великим Леонтием, мы не станем рассказывать, чтобы не утомить слушающих, и перейдем к описанию кончины преподобного.

Когда завершились тринадцать с половиной лет, дарованных Богом святому, он заболел и слег. Зная, что пришло время его кончины, он спешно простился со всеми, как будто быстрее торопился уйти к Желанному Господу. Окружавшие же скорбели о его отшествии, потому что им не суждено уже было видеть его. В четырнадцатый день месяца мая он предал блаженную свою душу в руки Божии, не оставив указаний о похоронах. Бывшие с ним положили священные останки в деревянную раку и оставили в храме Архангела Михаила до тех пор, пока не поступят указания от царя.

Все священство Константинополя воспевало надгробные песнопения, а ученики преподобного, особенно Евлогий, поручили искусному живописцу написать на доске образ святого. Встав напротив ложа, где возлежали священные остан-

ки, художник с любопытством вглядывался в божественный лик, чтобы запечатлеть его. Он заходил и справа, и слева, отходил и подальше, и поближе, но все трудился, потому что написать ничего не смог. Даже после смерти святой не хотел, чтобы с него писали икону. Потому божественный его лик казался живописцу неодинаковым – о чудо! – и постоянно менялся. Даже после смерти преподобный строго хранил свое смирение, чтобы научить нас тому, как мы должны подвизаться, чтобы избежать сетей завистливого диавола. Но то, что случилось после погребения преподобного, есть поистине чудо из чудес.

Под раку с мощами преподобного положили множество измельченной черепицы, чтобы впитать трупную жидкость, если она потечет из раки. По прошествии четырех дней подошедшие к раке обоняли неизреченное благоухание, исходившее от святых мощей. Но самым удивительным и ужасным было то, что из святых мощей текла кровь, как будто от свежего пореза ножом. Кровь была и на мраморных плитах, покрывавших пол, и, казалось, сверкала на белизне мрамора. Удивительно и то, что деревянная рака с мощами преподобного была вложена в другую раку, но крови было столько, что она переполнила обе и стекала на пол. Из этого чуда можно заключить, что святой был, как бы живой среди мертвых, причислен к мученикам за вольное свое страдание, которое претерпел, когда избивал себя ремнем, истыканным гвоздями.

Узнав о необычном чуде, царь Андроник соорудил величественную раку и с честью положил в нее всечестные мощи преподобного. Так праведный приложился к праведным, преподобный к преподобным, вольный мученик к мученикам, великий архиерей к архиереям. Сейчас он пребывает там где Бог, и приемлет достойные награды за свои труды во славу Отца и Сына и Святаго Духа, единого Божества и Царства, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Написано монахом Феодосием Константинопольским

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНЫХ ОТЦОВ НАШИХ
СИМЕОНА И САВВЫ,

ПРИСНОПАМЯТНЫХ КТИТОРОВ
СВЯЩЕННОЙ ХИЛАНДАРСКОЙ ОБИТЕЛИ,
ПРОСИЯВШИХ В XII ВЕКЕ

Эти святые были родом из Сербии. Симеон был отцом Саввы и царем Сербии, а его жену, мать Саввы, звали Анной. Оба они были православными и благочестивыми христианами царского рода. У них родились двое детей: сын и дочь, потом царица заболела, и детей они больше не имели. Будучи властителями царства и обладая множеством богатств, они молились со слезами Богу, чтобы Тот дал им еще ребенка. Услышав их мольбы, Господь даровал им и третье чадо — приснопамятного Савву, которого родители с малых лет отдали учиться священной грамоте. Вскоре он изучил все церковные книги на сербском языке, и выказывал такой разум, смирение, благопорядочность и кроткий нрав, что все, кто общался с ним, любили его и уважали. Чем больше он возрастал телесно, тем более возгоралась в нем любовь к Богу. Полностью отдавшись этой Божественной любви, Савва ни о чем другом более не помышлял, как о том, чтобы угодить Творцу и Создателю своему Богу. Будучи семнадцати лет от роду, он непрестанно, день и ночь, молился, подвизался в постах, бдениях и прочих злостраданиях, прося Бога сподобить его жизни по Христу, ибо весьма возлюбил девство. И Человеколюбивый Бог дал ему просимое следующим образом.

Узнав о добродетелях Симеона, отца Саввы, который был весьма милостив к нищим, некие отцы со Святой Горы пришли в Сербию за милостыней. Был среди них и один рус-

ский, из русского монастыря, муж святой жизни. Беседуя с ним, блаженный Савва спрашивал его о святогорских обителях, о порядках в них, о том, как живут в них отцы, и обо всем, что было полезно для достижения его цели. Узнав все, что хотел, Савва залился слезами, а потом сказал: “Вижу я, отче, что Бог, ведающий глубины моего сердца и мою цель, послал тебя ко мне, грешному, чтобы ты наставил меня на путь Божий. Весьма возрадовалась душа моя от Божественных словес твоих, и не могу я более оставаться в этом обманчивом мире и видеть ложную его славу и блеск. Прошу же тебя, научи меня, как избежать мирской суеты и сподобиться той жизни, которой живет ваша святыня? Родители хотят меня поскорее женить, поэтому я решил уйти на Святую Гору и прошу твоего совета”. Старец же отвечал ему: “Вижу я, чадо, что намерение твое угодно Богу, и что любовь Божия обладает твоей душой. Поэтому то, что замыслил, делай скорее. Я же буду тебе спутником и проводником до тех пор, пока не приведу тебя на Гору”. После этого блаженный Савва придумал способ, как ему убежать. Он послал старца вперед, чтобы тот поджидал его в условленном месте, а сам пошел к отцу и сказал: “Слышал я, что вблизи этой горы хорошая охота, и потому прошу вас благословить меня немного поохотиться и погулять. Если же я задержусь, то прошу не гневаться на меня”. Отец дал ему разрешение, предоставил, сколько тот хотел, рабов, и благословил. Уйдя с большой радостью, Савва пришел туда, где ждал его старец, и приказал рабам ждать его там. Сам же вместе со старцем пошел в ближайшее селение и, сменив царские одежды на одежды бедняка, в дом которого они зашли, отправился на Святую Гору в русский монастырь. Там Савва стал учиться у старца монашеской жизни, которую проходил с великой ревностью и послушанием, необыкновенно почитая своего старца. Родители же Саввы безутешно плакали и рассылали повсюду людей, чтобы те усердно его искали, ибо не могли спокойно перенести исчезновение такого прекрасного и благоразумного сына, которого отец хотел сделать наследником

царства. Посланные царя искали повсюду, даже и на Святую Гору пришли три архонта. Тщательно все обыскав, они обнаружили Савву в русском монастыре, и хотели забрать его с собой. Но Савва тайно ночью забрался на монастырскую башню и вынудил своего старца облечь его в ангельский монашеский образ. Затем, написав письмо о суете мира, о кончине века, о блаженстве святых и нескончаемых муках грешников, он отослал его родителям. От письма Саввы родители пришли в такое умиление, что оба решили принять монашество. Уйдя в женский монастырь, мать его облеклась в ангельский образ и в богоугодном подвиге отошла ко Господу. А отец, отрeksiсь от всего что в мире, и оставив наследником царства своего сына Стефана, пришел на Святую Гору. Встретившись со своим возлюбленным сыном Саввой и возрадовавшись духом, он остался там, прося облечь его в ангельский образ, чтобы жить со своим сыном, что и случилось. После обычного искуса сын стал восприемником отца в Божественной и ангельской схиме и, сын по плоти, Савва стал отцом по духу своему плотскому отцу Симеону. Оба они долго жили в Ватопедском монастыре (ибо там обнаружил Савву его отец, поскольку прот* Афонской Горы заранее направил его туда, чтобы отец не нашел его), подвизаясь добрым подвигом в ежедневном посте, всенощных стояниях и молитвах. В скором времени они достигли высшей ступени добродетели, полностью избавившись от плотских страстей и стали достойными сосудами Пресвятаго Духа.

Поскольку слух об их добродетели подвигнул прийти к ним многих других сербов, принявших затем монашество,

* Прот – представитель первого по порядку монастыря, стоящего во главе каждой четверицы монастырей Святой Горы Афон (все двадцать Афонских монастырей объединены в пять групп по четыре монастыря), которые составляют Священную Эпистасию. Правом избрания прота или протоэпистата обладают только первые пять монастырей в Афонской иерархии: Великая Лавра, Ватопедский, Иверский, Хиландарский и Дионисиат. Священная Эпистасия – исполнительный орган Святой Горы Афон. – *Пер.*

подвижники вынуждены были начать строить свой монастырь, потому что приходивших к ним с каждым днем становилось все больше и больше. Наложив на себя многодневный пост и совершая бдения, они горячо молили Госпожу Богородицу указать угодное Ей место для будущей обители. Вдохновленные откровением и видением от Бога и движимые Им, отец и сын на собственные средства выстроили прекраснейшую обитель во имя Пресвятой Богородицы, названную Хиландарской, в честь Введения Богородицы во храм. Преподобнически и богоугодно послужив в этом монастыре, Симеон упокоился о Господе 13 февраля. Через некоторое время, когда подошел день памяти его кончины, блаженный Савва позвал прота и благочестивых отцов, чтобы совершить бдение за упокой блаженной души его отца. Во время славословия от гробницы святого распространилось неизреченное благоухание, наполнившее всю обитель. Подойдя к гробнице, все увидели, что оттуда истекало миро, и прославили Бога, прославляющего прославляющих Его.

Убедившись в блаженном упокоении души своего отца и святости его мощей, блаженный Савва весьма возрадовался душой. С той поры он усилил пост, бдение и прочие подвиги, которых невозможно описать. Добродетель святого Саввы скрыть было невозможно, о ней стало известно всем, и к нему в поисках учения и духовного наставления каждый день стали приходиться многочисленные паломники. Даже для самого прота, мужа добродетельного и духоносного, блаженный Савва был первым советником, а другие настоятели монастырей никакое дело не начинали без его благословения, потому что обитавшая в нем благодать Святого Духа просвещала его, и он произносил удивительные душеполезные и спасительные слова. Прот и братья очень полюбили его и уговаривали принять священство. Но смиренномудрый Савва говорил, что не достоин сана и поэтому, когда его продолжали уговаривать, часто скрывался.

Наконец, чтобы не оказаться ослушником и провидя, что есть на то воля Святого Бога, он сказал: “Да будет воля

Господня”, после чего был рукоположен тогдашним епископом Иериссоса Николаем в диакона, а затем в священника. Узнав о добродетелях святого, митрополит Салоникийский Константин, после долгих уговоров, смог привести Савву в свой город. Константин долго беседовал с преподобным Саввой, а епископы с клириками и весь народ получили огромную пользу от его душеполезных наставлений, и в одно из воскресений митрополит, по согласию с епископами и всем клиром, внезапно, против воли Саввы, возвел его в сан архимандрита. Из-за чрезмерности оказанных ему почестей святой тайно удалился из Салоник и вернулся в свой монастырь.

Во времена царя Феодора Ласкариса блаженный Савва вместе с настоятелями других монастырей был отправлен протом к царю по делам Святой Горы. Царь с синклитом и патриарх со священством находились тогда в Никее, потому что Константинополь забрали у ромеев латиняне. В этом городе святой Савва и встретился с царем, которому он приходился к тому же и родственником, ибо племянник святого женился на дочери царя. Царь давно уже хотел увидеть святого не столько из-за родственных связей, сколько из-за его добродетели. Наконец увидев его, властитель весьма обрадовался и принял с большой любезностью. Побеседовав с ним, царь был поражен его добродетелью и с тех пор испытывал к святому великое почтение. Савва же рассказал царю о своей родине, Сербии, о том, что там нет архиерея, и просил царя убедить патриарха назначить кого-либо епископом Сербии. Позвав патриарха, царь долго говорил с ним о святом Савве и о Сербии, а затем патриарх долго расспрашивал Савву. Убедившись в его добродетельном житии, патриарх решил, что Савва достоин принять апостольское звание архиерея. После соответствующей встречи и беседы патриарха с царем, решено было рукоположить святого Савву против его воли в архиепископа Печского и всей Сербии. Много дней подряд они оба уговаривали его принять сан, пока, наконец, патриарх не рукоположил его; в тот день царь возрадовался радостью великой. Святой же после хиротонии предался еще

большим подвигам и направился в свою епархию, где каждый день поучал паству слову Евангельскому и жителству по Христу. Православных он укреплял в благочестии и добродетели, а еретиков благодатью и сладостью своего учения обращал ко Христу. Через малое время всех неверных и еретиков, бывших в его епархии, он сделал православными. Для всех он был не только пастырем и учителем, но избавителем и спасителем.

Приведя в порядок дела своей епархии, святитель снова прибыл на Святую Гору, где наслаждался общением с отцами своего монастыря. Через несколько дней после прихода туда, он собрал всех братьев и открыл им давнее желание пойти поклониться Святому Гробу Господню. Испросив молитв братьев, он отплыл в Иерусалим, где был принят патриархом Иерусалимским Афанасием, который служил со святым литургию в воскресенье. Патриарх просил его благословить народ и произнести проповедь. Патриарх, клирики и весь народ так полюбили святого Савву, что не хотели разлучаться с ним, но приходили каждый день, чтобы послушать его душеполезные поучения. С великим благоговением и умилением поклонившись святым местам и пролив реки слез на Святом Гробе, Савва покинул город и через несколько дней прибыл к царю Иоанну Вататжису, который приходился ему родственником. Тот принял его с великим уважением и почестями, прославляя Бога за то, что удостоил его получить благословение святого. Подобным же образом отнеслась к нему и царица, так что они оба избрали его своим духовным отцом. Пробыв там много дней, святой решил снова отправиться на Святую Гору. Поскольку же он был родственником и духовником царя, тот подарил ему частицу Древа Честного Креста, частицы мощей святых и драгоценные сосуды, после чего отправил на царском корабле в монастырь. Прибыв туда с Божией помощью, святой пожертвовал в свою обитель все дары царя. Пробыв там долгое время и наставив отцов должным образом, он назначил им в игумены добродетельного мужа, а затем снова вернулся в свою епархию.

Богородно окормляя свою паству, он просветил всю Сербию, благодаря своей добродетели и знанию божественных учений и, сохранив ее невредимой от мысленных волков, мудро привел в Небесный загон*.

Поскольку в тех краях возникало тогда много ересей, святой отправился посетить и другие епархии. Объезжая разные места, он, в подражание апостолам, продолжал учить паству Божественным законам и многих еретиков и нечестивых привел к благочестию. Позже он во второй раз поехал поклониться Святому Гробу. На святой земле он снова ходил по городам, учил и совершал множество чудес, о которых мы, ради краткости, не будем распространяться. Скажем лишь то, что однажды, вместе с тремя своими спутниками он пришел в Великое Тырново, где его с почестями принял тогдашний царь Асан, приходившийся ему родственником. Когда святой служил на празднике Богоявления, то во время освящения воды произошло чудо. Как только святой погрузил Честной Крест в воду, она разделилась надвое и стала стеной. Видевшие это прославили Бога. Царь, весьма почитая святого, просил его остаться в Тырново до Пасхи, потому что ему необходимо было отлучиться по делам. Святой остался и через несколько дней заболел. Предугадывая по Божественному откровению о своей смерти, он призвал учеников и стал учить их, как спасти душу, а потом передал им частицы святых мощей и все церковные святыни, что были у него. Услышав о болезни святого, его пришел навестить епископ Тырновский. Видя, что Савва очень болен, он решил сообщить о его болезни царю. Святой же, с присущим ему смирением, говорил: “Брат, прошу тебя, не сообщай царю, и твоя святыня пусть не предпринимает более труд приходить сюда. Ступай с миром и помолись за меня, а Милостивый Бог встретит нас в Вышнем Иерусалиме”. В субботу вечером, до наступления воскресения, святой причастился Пречис-

* По-гречески *μάνδρα* – загон, стойло, ограда. Отсюда архимандрит, то есть “начальник загона”. – *Пер.*

тых Тайн. Лицо его просияло, он исполнился радости и веселия и, трижды произнеся: “Слава Тебе, Боже”, предал святую душу свою в руки Божии. После его упокоения епископ с клиром и всем народом пришли, чтобы предать погребению его святые останки, от которых исходило неизреченное благоухание. Все были удивлены и не знали, где же похоронить святого. Послали сказать об этом царю и он повелел похоронить святого в монастыре Сорока Мучеников, что с честью и было исполнено. Несколько дней спустя царь пришел на могилу святого и со слезами просил его простить за то, что не был с ним в момент смерти. Царь приказал обложить могилу мрамором и зажег над ней неугасимую лампаду. С тех пор каждый болящий, с благоговением приходивший сюда, получал исцеление.

Были у святого два племянника: Ростислав, зять царя Феоаора Ласкириса, и Владислав, правивший тогда Сербией и бывший зятем Болгарского царя. Владислав и архиепископ Сербский Аресений, которого святой рукоположил до этого себе в преемники, узнав о смерти святого, сильно опечалились. Услышав о чудесах, совершающихся у гроба святого Саввы, они решили испросить его святые мощи в Сербию. Сербский царь Владислав написал своему тестю и послал к нему нескольких вельмож, прося отдать святые мощи. Но Болгарский царь отказал. Тогда зять написал ему во второй раз, усиленно прося вернуть мощи, и послал с вельможами дорогие подарки. Но и тогда Болгарский царь не отдал мощи, ответив так: “Поскольку Бог устроил, что святой представился здесь, то Он и даровал нам это сокровище. Кто я такой, чтобы противиться воле Господней?”. Так вельможи снова вернулись к Владиславу ни с чем. Тогда Владислав сам с избранными вельможами пошел просить вернуть мощи святого. Придя к месту погребения, он сначала подошел к гробнице преподобного и с горячими слезами произнес: “Святой Божий и отче наш честнейший, для чего ты оставил нас, грешных, и не хочешь прийти на родину, для которой ты не только пастырь, но и спаситель? Ты освободил нас от

лести диавольской и привел к истине, ты избавил болящую паству свою от ересей, исцелил ее, подвергавшихся опасности духовной смерти воскресил, украсил богослужениями, священными чинами, законоположениями душеспасительными. Почему же сейчас, святой, ты лишаешь нас освящения твоими божественными мощами? Почему ты лишаешь свою родину неистощимого источника божественной твоей благодати и твоих чудес? Отче милосерднейший, пожалей меня, призри на грехи мои и народа моего, которыми мы согрешили против тебя. Прииди к нам, хотя мы и недостойные грешники, но не оставляй нас без твоего присутствия и покровительства”. Владислав долго и сокрушенно молился, затем пошел к своему тестю. Той же ночью тесть увидел во сне святого Савву в образе блистающего ангела, который повелел отдать его мощи зятю, чтобы он доставил их на родину. Собрав народ и клир во главе с митрополитом, царь рассказал им обо всем, а затем с пением, свечами и фимиамом оба царя открыли гробницу святого. Сразу же – Христе Царю, о чудеса Твои! – все место это наполнилось неизреченным благоуханием, лицо святого просияло как солнце, и все в удивлении молились: “Господи, помилуй!”. После этого с великой процессией и крестным ходом оба царя (тесть и зять) пешими вынесли святые мощи из Тырново, и царь Владислав с великой радостью перенес их на родину. Кто может описать, какая радость была в тот день? Подобны же этому и чудеса, что произошли во славу Отца и Сына и Святаго Духа, Пресвятой Троицы, Которой подобает держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО
ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ,

**ПОДВИЗАВШЕГОСЯ БЛИЗ ЗАЛИВА
НИКОМИДИЙСКОГО В XIII ВЕКЕ**

Сей богоносный отец наш Григорий происходил из областей Вифинских. Родители его были благочестивы и знамениты, благородны происхождением, а еще более известны нравом и добродетелью. Будучи воспитан такими родителями, преподобный не внимал детским играм, которым так радуется юность, но всякий час поучался в словах Божественного Писания. Не остановившись на этом, он захотел изучить и еллинские науки, выбрав из них те, что чисты от греха. Благодаря естественной остроте ума, постоянному чтению и упражнению, вскоре он изучил все добрые и полезные науки, с помощью которых мог избежать сетей и ухищрений противников Православия, воюя с ними или издалека, крылатыми своими словесами, или нанося им удары оружием замечательного своего языка, если люди эти приходили побеседовать с ним.

Постепенно, изучив все возможные внешние науки, преподобный подошел к познанию Бога. Он начал искать учителей и наставников в подвигах добродетели, зная, что жить добродетельно самому, не имея перед собой примера, опасно, ибо такого подстерегает множество сетей и наветов вражеских, а жизнь с опытными в добродетели и их пример склоняет на подвиги совершенствования, зажигая внутри человека огонь ревности, что увеличивает желание познания Бога и возводит всегда от малого к великому и еще большему. По этой причине преподобный пришел в один из лучших

монастырей. Облекшись в монашеский образ, он предался духовным подвигам, учась вести тайную невидимую брань с диаволом, но так, чтобы не от него получать удары и принимать раны, но самому их наносить. Подвижник изучал и прилоги лукавых помыслов, которые воюют против несчастного человеческого рода. Так он узнал, что такое мирный ум, хранение помыслов, какие из помыслов принадлежат собственно человеку, а какие всеваются от врага, какие возбуждают и смущают твердые помыслы и с какими помыслами должно бороться постоянно, а на какие нужно не обращать внимания, какие должно презирать, а на какие отвечать внешней притворной дружбой.

В монастыре он научился отвергать чувственное вместе с чувствами, красивые цвета, нежность телесную и все наслаждения, посредством которых низвергается, обольщается и отравляется владычествующий ум. Преподобный обучился песнопению, молитве, хранению ума, посту и воздержанию, которые только тогда и находятся в надлежащем соотношении, когда имеется между ними смиренномудрие. Приняв все это, божественный Григорий принес плод и в тридцать, и шестьдесят, и во сто крат больший (ср. Мк. 4: 20). Никто другой не мог состязаться с ним в этих делах, которые он исполнял с кротостью и смиренномудрием, без всякого понуждения себя. Его нестяжание, смирение, кротость, неумывание*, лежание на голой земле достойны всяческой похвалы. Каких только подвигов не совершал сей преподобный со всякой подобающей ревностью, какую из добродетелей он не стяжал, и кто мог победить его в этих подвигах? Но даже и то, что приобрел, святой почитал ни за что, а то, что еще не стяжал, старался приобрести. Так на нем исполнялось апостольское изречение: *я не почитаю себя достигшим, а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь*

* Неумывание – вид подвига, при котором аскет совершенно не моется, лишь иногда протирая лицо и руки влажной тряпочкой; более суровые подвижники не позволяют себе даже и этого. – *Пер.*

к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (Флп. 3: 13-14).

Поскольку же зависть всегда следует за тем, кто обладает добродетелью, то диавол, не в силах видеть такого юного святого, украшенного знанием, целомудрием, мужеством, неуязвимого для его козней, да и вообще служившего для всех образцом и полезным примером, замыслил следующее: найдя нескольких развращенных, негодных и лживых людишек, он заставил их заявить, что сей божественный Григорий похитил священные сосуды, которые и на самом деле пропали на тот момент. Эти люди оклеветали человека Божия; бродя повсюду и божась, они уверяли, что могут подтвердить свое лжесвидетельство. Простецы и безумцы думали, что бес уже победил преподобного, разумные же и рассудительные посчитали достойной смеха эту игру. Однако, провидя намерения и уловки диавола, божественный Григорий ушел отсюда в другой монастырь, чтобы не стать причиной большего наказания для клеветников. Через несколько дней обнаружили настоящего вора, и бес, который пытался посмеяться над святым, сам стал посмешищем. Стараясь обольстить других, он сам был обольщен, а грех, таким образом, стал явен всем. Как бы мог преподобный научить других не красть и не совершать святотатств, если бы сам был святотатцем? Такое просто невозможно.

Но вернемся к нашей теме. Придя в другой монастырь, где в послушании и подвиге пребывал его родной брат, Григорий снова начал свои подвиги. Подчиняясь игумену, уважая подвизавшихся вместе с ним братьев, он продолжил пост, бдения, воспевание псалмов, коленопреклоненно молился, служил и смирялся перед каждым. Все братия полюбили преподобного, ибо смиренномудрие, простота нрава, невзыскательность в пище порождают любовь к тому, кто обладает этими качествами, а гордость и строптивый нрав бывают причиной гнева и ненависти. Прожив в этой обители довольно долгое время, преподобный был облечен в великий ангельский образ, став великосхимником. После этого

игумен и вся братия настойчиво уговаривали его принять священство, но преподобный не соглашался, потому что знал, какая чистая и высоконравственная жизнь должна быть у священника. Однако, когда его стали уговаривать снова, и снова, он рассудил, что благопокорность и послушание являются основой всех добродетелей и согласился принять сан, который рассматривал не как нечто приличествующее ему, ибо всегда сокрушал в себе этот тщеславный помысел, но как служение людям и Богу.

Через три года преподобный удалился из обители, решив проводить жизнь в безмолвии, потому что знал, что тот, кто пребывает в безмолвии и предается молитве, может через обнажение чувств войти в созерцание мысленного мира, а посредством этого созерцания пребывает в человеке любовь к Богу, он проникается ею и через любовь Божию наслаждается и радуется славе и красоте Божией. Он возрастает в любви к Богу и через любовь созерцает славу Божию. Так что любовь и слава Божия есть друг для друга как мать и дочь. Оставив монастырь и своего брата, Григорий пошел в одно селение, которое было удобно для безмолвия. Прожив там достаточно времени и немного освободив чувства от смущения и волнения мирского, преподобный решил взыскать еще большего безмолвия, поскольку ум, по природе, имеет привычку, освободившись от внешних, возвратиться в себя и искать большего безмолвия и свободы. Посредством этой свободы он более чисто уразумевает чаемые блага будущего века и чем больше освободится от земного, тем более восходит к Богу по лестнице, которой становятся для него эти свобода и безмолвие. И напротив, смущение и попечение есть удаление* от Бога. Для этого преподобный взошел на гору, что находилась близ селения, называемого Ильинским, где и нашел место, весьма пригодное для безмолвия. Григорий громко сказал: *Это покой Мой на веки: здесь вселюсь, ибо Я возжелал его...* (Пс. 131: 14).

* Буквально – схождение. – Пер.

Он поставил на горе свою бедную каливу и поселился там. Освобождая свой ум от внешних чувств, а чувства — от блуждания по земным предметам, преподобный стремился еще теснее соединиться с Богом, с Которым и так никогда не разлучался. Очистившись от всяких внешних помыслов, он становился другом Божиим, вторым Моисеем, забывающим *заднее* и простираясь вперед, к почести великого звания Божия, поучаясь, что есть *заднее*, и что можно просить, а чего нельзя (Флп. 3: 13-15). Всякому, кто очистился или еще очищается позволительно взыскивать тайны Божии, то есть узнавать о Божественном Промысле, о том, как управляется мир, о премудрости и благодати Божией, о Его силе и безграничности. Ибо очищенным или очищаемым позволительно это исследовать. Но не позволительно им исследовать Сущность Бога, поскольку это совершенно неодолимо, непонятно и неизреченно для человека. Говоря о Своей сущности, Бог потому и сказал Моисею: *человек не может увидеть Меня и остаться в живых* (Исх. 33: 20).

Григорий соединился с Богом, стал Его другом, и Бог приобщил Своего друга, божественного Григория, к Своим тайнам. Так он стал созерцателем Божественных тайн, поучаясь в темных и тайных словах, получая откровения о будущем как дар, достойный и Бога, подавшего его из-за Своей благодати, и преподобного, получившего его за чистоту своего ума и любовь к Богу. Григорий не только получил дар предвидения будущего, как награду за свою добродетель, но и стал совершать странные чудеса. Подобно тому как цари и князья доверяют свои сокровища верным друзьям, назначая их хранителями и распорядителями своего имущества, так поступает и Божий Промысл, необъяснимым образом устрояя все. Поскольку сей преподобный возлюбил Бога так, как подобает, изо всех своих сил, и он был возлюблен Богом, Который обещает в Евангелии: *Кто... соблюдает... заповеди Мои, тот любит Меня; а кто любит Меня, того и Я возлюблю* (Ин. 14: 21). Поэтому достойным и доверены духовные тайны Божии за обильный пот и многие подвиги, а не даром и без

труда. Преподобный как бы на богатую трапезу поставлял ту духовную пищу, какая требовалась каждому, и тем, кому нужен был совет, премудро подавал его. Если же была необходимость в слове пророческом, он со смиренномудрием и сдержанностью открывал будущее тем, кто в этом нуждался. Больных и увечных он, воздвигнув очи к небу и возлагая на них руки, с великим смирением, исцелял. По этой причине преподобный стал широко известен, его называли предсказателем будущего и учителем, исправителем нравов и врачом болезней. За любовь к Богу он удостоился получить от Него великие и богатые дары, о некоторых из них, дабы усладить читателей, пришло время поведать.

Есть обычай у лукавого диавола часто воевать и беспокоить людей. Если ему что-либо удастся, тогда он достигает своей цели, если же нет, то вызывает смех у тех, кто испытал на себе его брань. Желая отнять пророческий дар преподобного, гнусный бес убедил каких-то людишек, достойных лишь таскать телеги, пахать и копать землю, что святой предугадывает будущее не по благодати Святаго Духа, но по действию диавола, с помощью волшебного искусства. Искушая преподобного, они притащили к нему воров, святотатцев, злодеев и спрашивали о каждом, что это за человек. Зная об их дурных намерениях, преподобный не стал молчать, чтобы не дать им повод обвинить себя и насмеяться над божественным даром, но рассказал о каждом, кто он такой, и с каким намерением тот пришел к нему. Так, он рассказал про одного человека, потерпевшего кораблекрушение, что он выбрался на берег в том месте, где был виноградник, и вследствие перенесенных страданий и страшного голода, сорвал и съел чужой виноград. Святой рассказал это не для того, чтобы люди прославили его за дар предвидения, но чтобы обличить их неверие и посрамить обвинявших его в волшебстве.

Однако злоба этих людей не уменьшилась и они наняли некую блудницу, чтобы она склонила преподобного на похоть, и этим осквернила его. Эта блудница пришла к пре-

подобному и стала его искушать, безстыдно изгибаясь и смеясь, заигрывая и говоря блудные слова. Преподобный же старался наставлениями и советами привести ее к целомудрию, чтобы она устыдилась своего поведения и слов. Однако блудница не внимала словам святого: неожиданно она подверглась нападению беса, который бросил ее на землю, изо рта ее текли слюни, она стала скрежетать зубами и вести себя так, как обычно ведут себя одержимые бесом. Увидев то, что случилось с женщиной, те, которые подослали ее, раскаялись и попросили преподобного пожалеть ее и исцелить. Тотчас же святой, не став ждать, чтобы его попросили вторично, воздвиг руки свои к небу и, горячо помолившись Богу, исцелил женщину, наказав ей в будущем хранить целомудрие, чтобы не испытать худшего зла, ибо человек должен очищать душу, сотворенную по образу Божию, постами и молитвами, стремясь ко всевозможным добродетелям. Наставив ее на путь покаяния, преподобный отпустил женщину с миром. Таким образом, блудница стала целомудренной и, раскаявшись в прежнем нечестии, провела оставшуюся часть жизни в чистоте и добром покаянии.

Но поведаем и о других кознях, сотворенных диаволом преподобному. Желая потревожить святого и причинить ему зло, гнусный бес склонил некоторых клириков к зависти против преподобного. Они пришли к епископу Никомидийскому и возвели на божественного Григория множество обвинений и клевет, используя при этом все, чтобы вызвать гнев епископа. Будучи прост характером (ибо муж незлобивый верит всякому слову), епископ поверил словам клириков и, весьма разгневавшись, послал к святому людей, чтобы те как можно скорее привели его к архиерею. Преподобный догадался о хитрости диавола и о возведенной им клевете. Он предложил посланным отобедать, а после этого поскорее возвращаться к епископу, заверив, что будет у епископа раньше их. Будучи почти мертв телом от многочисленных подвигов и мучений, преподобный сел на коня и направился

к епископу прямо по морю. И – о чудо! – вода стала твердой, как суша, и преподобный смог переправиться на противоположный берег, туда, где находилась Никомидия, даже не замочив ног. Увидев, что преподобный верхом на коне скачет по морю, как по суше, епископ вспомнил апостола Петра, ступавшего по волнам, и, упав на землю, поклонился Богу, говоря: “Благословен еси, Господи, и преславен, яко днесь показал нам другого Петра. Как дивны дела Твои, сколько у Тебя рабов, о которых мы не знаем, но о которых Ты знаешь прежде их рождения”. Как только преподобный приблизился к епископу, тот с благоговением упал ему в ноги. Оказав многочисленные почести преподобному, епископ был чуть ли не благодарен клеветникам за то, что увидел такого святого мужа, чудотворца. Позже епископ попросил преподобного простить этих клеветников. Видя это чудо, они сами раскаялись, и со слезами просили у преподобного прощения. С той поры они стали почитать его, как Небесного человека, как служителя и друга Божия. Все же, слышавшие об этом небывалом чуде, изумлялись и удивлялись, а преподобный снова вернулся в свою келью и продолжил обычные труды.

Как-то раз одна супружеская пара плыла на корабле при попутном ветре, но внезапно налетел такой сильный ветер, что корабль потерпел крушение. Те добрые супруги, оказавшись в воде, призвали на помощь преподобного. Скорый на помощь, он явился им, простерев руки и избавив от гибели в морской пучине. Спасенные вознесли великое благодарение Богу и Его слуге Григорию.

И рыбакам преподобный оказывал благодеяния. Много раз, забрасывая сети в море, они вынимали их пустыми. Наконец, вспомнив о преподобном, они с верой призвали его, и снова закинули сети. И – о чудо! – в сети попало столько рыбы, что рыбаки не смогли вытащить сети, пока не пришли их товарищи и не помогли им. Прославляя Бога и преподобного, они повсюду рассказывали о чудесах этого друга Божия.

Послушайте же и о другом чуде. Одной знатной и богатой женщине, весьма милостивой и добродетельной, уж и не знаю каким образом, попала в живот змея. Проходили дни, и живот у нее все увеличивался, видимо из-за того, что змея также увеличивалась в размерах. Потеряв всякую надежду на искусство врачей, она пришла к преподобному и со слезами припала к его ногам, с верою прося избавить ее от случившейся беды. Сжалившись над ней, преподобный воздвиг руки к Небу и с великим смирением и сокрушением сердца просил Бога, молясь долгое время. И – о чудо! – змея погибла и вышла наружу, женщина же, избавившись от опасности, благодарила Бога и преподобного.

В то время некая медведица в окрестностях селения, близ которого подвизался преподобный, стала причинять вред сельчанам. Запретив ей, преподобный прогнал ее из тех мест. На эту медведицу похожи и все те, кто нарушает законы Божии и вредит своему ближнему. Таких преподобный вразумлял наставлениями и заставлял воздерживаться от беззаконий.

Завершив подвижнические свои труды, преподобный, согласно Священному Писанию, *достигнув совершенства в короткое время... исполнил долгие лета* (Прем. 4: 13). Когда ему исполнилось пятьдесят лет, он возжелал уйти из этого мира и пойти ко Христу. Больной, лежа на одре, он заповедал ученикам постоянно хранить заветы веры, никогда не оставлять подвига распинания с умерщвлением плоти, ибо они обещали это Богу в настоящей жизни. Преподая им эти и многие другие духовные наставления и попрощавшись с ними, душа его покинула тело, которое уже и раньше было мертво, и отошла к желанному Христу, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Написано честнейшим в монахах
Иосифом Калофетом

ЖИТИЕ,
ПОДВИГИ, И ПОВЕСТВОВАНИЕ
О НЕКОТОРЫХ ЧУДЕСАХ

**ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО
ИСПОВЕДНИКА МЕЛЕТИЯ
ГАЙЛИКОТСКОГО,
ЖИВШЕГО В XIII ВЕКЕ**

Сей преподобный отец наш Мелетий* происходил из областей причерноморских, из селения Феодоту. Родителей его звали Георгий и Мария. Людьями они были богобоязненными, добродетельными и весьма милостивыми и гостеприимными. Чем с большей щедростью они раздавали свои богатства нищим, тем больше Бог их увеличивал, помимо богатства сделав их весьма известными. Так, отец святого был военачальником немалой части царских войск, а мать, весьма добродетельная и благочестивая, всю свою жизнь проводила в молитвах и славословии Бога. От добродетелей своих они и пожали добрый плод, родив дивного сего Мелетия, которого в Крещении назвали Михаилом. Мелетием он был назван позднее, в монашестве, когда вместе с именем изменил и жизнь, которая вся была духовным обучением, поэтому он, по справедливости, и принял такое имя, согласующееся с жизнью и делами.

После Крещения младенца отец увидел пророческий сон, в котором Бог предвозвестил то, кем станет дитя в будущем. Во сне пришел к нему некий священнолепный муж, посланец царя, и попросил золотую брошь. Проснувшись, Георгий понял, что сон был про сына, который станет золотым украшением, избранным сосудом Небесного Царя, поэтому

* «Мелети», в переводе с греческого, означает обучение, упражнение, наставление, чтение, забота.

его и попросили у отца, ибо Бог возлюбил его сына более, чем родной отец. Но и отец сделал все необходимое, чтобы ребенок получил хорошее воспитание. Он поручил его образование добродетельной жизни учителю; мальчик не только учился священным наукам, но и добродетели, но поскольку наставлять своих детей все же долг родителей, то Георгий и сам наставлял сына, чтобы тот творил угодное Богу, и старался водить его дважды в день в церковь: на утреню и на вечерню, чтобы тот слушал поучения из Священного Писания и возрастал в страхе Божиим. Благоразумный и скромный юноша исполнял больше того, что повелевал ему отец, а потому превзошел в добродетели и науках всех своих сверстников. Однажды этому преуспевающему в добрых делах юноше было видение, в котором ему, как в древности Аврааму, повелевалось покинуть свою страну, родных, и идти туда, куда поведет его Бог.

Не теряя времени, Михаил отрекся от всего: родины, родных, сверстников, богатства и с ревностью последовал за Богом, позвавшим его. Подъяв на плечи крест Христов, он пошел в Иерусалим поклониться святым местам, где пребывал Сын и Слово Бога и Отца, где Он вочеловечился, претерпел крест, смерть и погребение, воскрес в третий день и вознесся на Небеса. Когда преподобный отправился в путь, на дворе был январь, самый разгар зимы. Но добрый Михаил пошел пешком, без вычного животного, без спутников, без плаща и иного, необходимого в дороге. Он мужественно переносил дожди, снег, грязь, разливы рек, которые встречались на пути, и, горя сильной любовью ко Христу, не считал их помехой. Случилось Михаилу проходить через Лидию в том месте, где протекает река Пактолос. Быстрый и труднопреодолимый в любое время года поток, зимой разливался еще больше, поднимая волны, как на море. Не видя ни брода, ни людей, чтобы спросить как переправиться через реку, человек Божий поступил следующим образом. Он обратился за помощью к Тому, Кому возможно все. Подняв руки и горячо помолившись Ему, преподобный вздохнул из

глубины души и попросил послать ему помощь свыше. И – о чудо! – юноша тотчас же был поднят в воздух и перенесен на противоположный берег. Прославляя Бога, Который помог ему таким чудесным образом, он с еще большей ревностью продолжил путь. Придя в Иерусалим и с великим благоговением поклонившись всем святыням, Михаил возжелал побеседовать с преподобными отцами, которые подвизались в тех пустынях, чтобы перенять у них образцы и правила подвижнического жития.

Придя на гору Синай, он увидел замечательных преподобных отцов, некоторые из которых пребывали в подвиге свыше восьмидесяти лет, а другие – всю жизнь. Подивившись их сверхъестественному жительству, он со слезами просил их принять его. Принятый ими, он сразу же сошел с себя мирские одежды, а вместе с ними и мирское свое имя, став Мелетием. Облекшись в монашеские власяные одежды, преподобный сразу же приступил к суровому подвижническому труду, упражняясь во всяческих добродетелях. Днем он служил братии, а ночь проводил в молитвах, славословии и чтении Священного Писания. Иногда он целые недели совершенно проводил без сна, а иногда, уступая необходимости, немного спал стоя, держась за вервь, или прямо на голой земле, потому что не имел ни постели, ни подстилки, ни второй одежды. Так было в Страстную седмицу Святых спасительных Страстей Господа и в другие великие праздники Господни.

Проведя достаточно времени с божественными отцами в подвигах добродетели, преподобный сподобился созерцания горнего мира и получил духовные дарования. Каждого, кто знал святого, удивляли его духовные подвиги, о добродетелях его стало известно и в далеких краях, а имя его было у всех на устах. Опечалившись (ибо Мелетий боялся, как бы из-за похвалы человеческой не лишиться награды от Бога за свои труды), преподобный захотел уйти с горы Синай. Покинув ночью обитель, Мелетий пришел в Иерусалим, чтобы еще некоторое время побыть у Гроба Господня и

самому увидеть чудо схождения “благодатного Огня”. Сподобившись увидеть огонь, как того и желал, он пошел в Мисирю, в Александрию, а оттуда, вернувшись в Сирию, пришел в Дамаск, чтобы, подобно трудолюбивой пчеле, собрать от разных отцов мед добродетели. Покинув Дамаск (ибо не мог находиться там в среде нечестивцев*), преподобный пришел на гору Латру. Прожив там достаточное время, он пришел на Галлисийскую гору, что в Малой Азии, чуть дальше старого Ефеса, где находился весьма большой монастырь. Основал его великий Лазарь Галлисиотский, а Бог необычайно расширил и прославил обитель, ибо из этого монастыря выходили преподобные мужи, которые, сияя как светильники, освещали всю вселенную.

Придя в этот монастырь и побеседовав с пребывавшими там отцами, преподобный Мелетий подивился строгости их жития и возжелал поселиться вместе с ними. Его приняли в число братии и постригли в великую схиму, после чего Мелетий и предал себя в послушание старцу по имени Марк (по прозвищу Амиселлис). Кто же сможет поведать о его крайнем терпении, о его ревности в исполнении послушаний, кто опишет его неутомимый нрав? Мелетий мало говорил, но много делал, слушался во всем своего духовного отца и не превышал обычного своего подвига. Ночами бдел на молитвах, а днем проливал слезы в покаянии, и не было ни одной минуты, когда бы он не помышлял в сердце своем об Иисусе Христе, и не было мгновения, чтобы он не упомянул вслух имя Иисуса Христа, но всегда он молился так: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”.

Все то долгое время, пока преподобный жил со старцем и находился в непрекословном послушании, и сам старец, и все, кто общался с ним, хвалили Мелетия и удивлялись его подвигам. Рассказывая о добродетелях божественного Мелетия, старец призывал всех находившихся там братьев брать с него пример, ибо Мелетий был образцом жизни по Богу.

* Городом владели мусульмане. – *Пер.*

Я чуть было не забыл поведать о дивном подвиге преподобного, истинность которого никто не подвергает сомнению. Божественный Мелетий имел обыкновение закрываться в келье и, подражая Моисею и Илии, а особенно примеру нашего общего Спасителя и Учителя Христа, сорок дней проводил в посте. Служители монастыря ставили ему в келью сосуд с водой и инжир, но по прошествии сорока дней находили их нетронутыми. Вся Галлисийская гора дивилась ему, со всей Азии стекались толпы народа, чтобы посмотреть на такого дивного подвижника, что нарушало безмолвие и подвиг Мелетия. Из-за этого преподобный сильно печалился и усиленно размышлял о том, как бы избежать человеческой славы и похвал. День и ночь он молил Бога указать ему способ достигнуть желаемого. И однажды, когда он среди ночи горячо молился Богу, келья его внезапно озарилась Небесным светом. Облаченный в дивные и сияющие одежды Ему явился Сам Христос в окружении прекрасных юношей в белых одеждах со скипетрами в руках. Увидев все это явление, преподобный застыл от изумления и упал на землю. Один из юношей, взяв его за руку, поднял, а Владыка Христос сказал: “Мелетий, чего ты боишься, ведь ты звал Меня, вот Я и пришел”. Преподобный, еще испытывая страх, не только ничего не отвечал, но и не смел посмотреть на Господа. Тогда Господь сказал ему: “Ступай в Константинополь, поможешь отстаивать истину, на которую воздвигнута брань”. С этими словами Христос вознесся на Небо вместе с юношами. Исполненный неизреченной радости Мелетий решил выполнить повеление Божие, однако рассудил, что прежде нужно посоветоваться со старцем. Он открыл ему свое желание, но о видении не рассказал, и попросил разрешения уйти. Старец же, зная какого дивного мужа лишается, не хотел его отпускать и разными способами пытался отговорить его, напоминая, что в городах суeta и искушения, противные монашескому званию.

Что же произошло потом? Божественный Мелетий опечалился, и снова стал горячо молиться Богу. Моление его бы-

ло услышано и старцу был Божественный глас: “Не препятствуй, но отпусти Моего раба в Константинополь, ибо он принесет пользу многим душам”. После того как Марк услышал этот Божественный глас, он благословил Мелетия и отослал его в Константинополь. Так преподобный пришел в столицу, где более всего заботился о том, чтобы никто не узнал о нем во избежании славы человеческой. Однако сделать этого ему не удалось, ибо он был истинным светильником добродетели. Как невозможно укрыться тому, кто среди ночи идет с зажженным светильником, так невозможно остаться неузнанным тому, кто является образцом добродетели, даже если человек этот живет в пустыне, в горах, в пещерах и пропастях земных. Так и божественный Мелетий, хотя и сделал все возможное, чтобы остаться безвестным и безславным, не смог укрыться от первых лиц города и о нем стало известно царям, архонтам, сенаторам и всем прочим.

Многочисленные жители Константинополя ежедневно приходили к преподобному, чтобы получить великую пользу от его наставлений. И действительно, трудно перечислить все добродетели преподобного, ибо нрава он был смиренного, одежду имел худую, голова была немытая и нестриженная, ноги босые, слова плодоносные, ум внимательный, но удивительно, что его поведение и даже движения приносили видевшим его великую пользу. Трудно сказать, сколько человек приходило к нему каждый день, ибо у константинопольцев, среди прочих, есть одно хорошее достоинство. Они выясняют, нет ли где мудрых и добродетельных мужей, и, узнав о таковых, идут к ним, записывают их слова на скрижалях сердечных, а некоторые из слушателей и на бумаге, чтобы всегда получать от них пользу. Так и до сего дня в воспоминание о преподобном у многих сохранились записанными его слова.

Божественного же Мелетия такая известность опечалила больше прежнего, ибо он любил безмолвствовать, а не быть прославляемым людьми. Только посредством безмолвия очищаемый человеческий ум приемлет Бога, иным путем

достигнуть сей Божественной благодати нельзя. Преподобный ушел из Константинополя на гору Авксентия Великого и, найдя там небольшую природную пещеру, поселился в ней и прожил там долгое время, не имея другого крова, без одежды и без света. Затем, построив небольшую каливу перед входом в пещеру, он стал подвизаться с такой ревностью, будто только начал свой духовный подвиг. Он по многу дней подряд постился, совершал бдения, множество поклонов, и так удручал свое тело, что один монах, увидев, как святой подвизается таким образом, сказал ему, что не нужно так явно умерщвлять себя непосильными трудами. На это святой отвечал: “Чадо, разве ты не слышал, что и Авраам раскается в том, что не подвизался больше, когда в день Судный увидит чрезвычайные дары Божии?”* Услышав эти слова, монах удивился и, с почтением приняв ответ святого, замолчал. Уйдя оттуда, он стал возвещать всем монахам и мирским о дивной жизни преподобного.

И снова множество людей стало стекаться к преподобному, нарушая желанное его безмолвие. Снова опечалась, преподобный воззвал к Богу. После молитвы он открыл книгу пророка Исаии, чтобы узнать, по какому пути поведет его Господь, и прочитал следующее изречение: *поставлю Тебя... во свет для язычников* (Ис. 42: 6). Преподобный понял, что означали эти слова, и остался на прежнем месте, принимая приходящих к нему, исцеляя больных, разрешая недоумения вопрошавших его, предлагая душеполезные поучения и всячески помогая нуждающимся.

Снова слово преподобного приобрело значительные размеры, и не было ни одного христианина, который бы не просил святых его молитв. Его призывали в равной степени и моряки, и путники, и немощные, и здоровые: больные – чтобы исцелиться от болезней, а здоровые – чтобы сохранить здо-

* Так сказал один авва, как это видно из Отечника. Подобным же образом выразился и Василий Великий: “Тогда и Авраам обезпокоится, но не из-за того, что будет осужден, но из-за того, в какой чин будет определен”. – *Авт.*

ровье. Святой не оставлял без помощи ни солдат, ни земледельцев, оказывал благодеяния пастухам, а охотникам подавал необходимое. Да и рыбаки свидетельствовали о добре, которое делал им преподобный, ибо как только они произносили имя Мелетия, сразу же в их сети попадалось бесчисленное количество рыбы. Даже домашние животные и дикие звери выражали признательность преподобному за благодеяния, ибо и к ним он имел сочувствие и сострадание.

Однако, преподобный не только совершал чудеса, но и был гостеприимным хозяином. От того скудного хлеба, что имел, он насыщал всех к нему приходивших, а все, что ему приносили, щедро раздавал нуждающимся, оказывая при этом и духовную милостыню, ибо щедро питал их души богосудным своим учением.

Оставшуюся часть повествования без слез невозможно рассказывать. Как туча с градом, которая грозит принести многочисленные бедствия, так ополчилось на Православную Церковь Христову латинство. Начальник злобы, диавол, после многочисленных браней, воздвигаемых им на паству Христову, воздвиг в конце концов и брань на Церковь. Он изменил Символ веры и пленил первую Церковь во вселенной – Церковь древнего Рима, поэтому все прочие Церкви плакали и стонали о том, что лишились первой своей сестры – Рима. Плакали с ними Ангелы Хранители Церквей: *глас в Раме слышен, плач и рыдание*, как говорит Писание (Мф. 2: 18), а общий враг радовался и веселился, наблюдая разделение Церквей и разобщение христиан. Учили латиняне и другим злостивым измышлениям, например, что Дух Святый исходит от Отца и Сына, и во время литургии возглашали: “Слава Отцу, и Сыну, и от Них Обоих Исходящему Святому Духу”, а в Символе веры добавили: “иже от Отца и Сына Исходящаго”. Это новое учение началось в древности и завладело старым Римом и западными странами. Во времена царя Михаила, называемого Опресночником*, это

* Михаил VIII Палеолог (1261 – 1282).

еретическое учение дошло и до восточных земель, и долго терзало Восточную Церковь. Но и тогда были воины Христовы, боровшиеся за истину, ибо на это злочестивое учение ополчились и другие отцы и богословы, пастырем и учителем которых стал Иосиф, столп Православия. Они укрепили Церковь Христову, насколько это было возможно, предавая себя даже на смерть гонителям-латинянам и латиномудрствующим, и показали себя строгими хранителями Божественных учений. Одним из таких отцов и был великий Мелетий, который, оставив безмолвие, прошел с проповедью по всей Вифинии, укрепляя христиан в Православии и заповедуя им хранить веру и тщательно воздерживаться от принятия нового извращенного учения, имея в виду латинство.

Однажды, когда преподобный провел весь день в пути, солнце уже садилось, а ночлега поблизости не было, спутник его сказал: “Отче, время уже вечернее, давай останемся здесь, поскольку до деревни еще далеко, и дойти до нее мы не успеем”. Но преподобный возвел очи к Небу, и так помолился Господу: “Боже Спасе мой, Ты, Иже еси Свет мира, остановивший в древности солнце ради народа Израильского, останови его и сегодня ради нас, чтобы мы успели дойти до селения”. И – неисчислимые чудеса Твои, Христе Царю! – солнце не заходило за горизонт до тех пор, пока этого не захотел святой Мелетий. Пусть же никто в этом не сомневается, потому что если слово произносится с верой, то оно способно передвинуть неподвижные и огромные горы (ср. Мф. 17: 20). Если же мы знаем, что верующие во Христа могут совершать и бóльшие чудеса, что странного в том, что преподобный сотворил подобное чудо, разве можно в этом сомневаться? В этом случае должно только удивляться тому дерзновению, которое имел к Богу великий Мелетий, и прославлять Бога, Который не перестает совершать древние чудеса и в эти, последние времена. Этим чудом Бог показал, что если кто-нибудь жизнью своей уподобится Моисею или Иисусу Навину, то сможет, при необходимости, и море осушить, и солнце остановить и совершить все те чудеса, что и они совершали.

Но вернемся к нашему рассказу. Недалеко от горы великого Авксентия Великого был островок святого Андрея, небольшой по размеру, но очень красивый. На этом островке преподобный Мелетий выстроил монастырь с прекрасной церковью, вокруг обители были расположены жилища отшельников и прочие здания. В этом монастыре Мелетий вновь предался постам и чрезмерным трудам всеобщего стояния, бдения, молитвы, поста и слез, но Бог продолжал и здесь являть чудеса. Свидетелями их было множество людей, приходивших сюда и испытавших на себе их действие. Из-за многочисленных толп христиан покой преподобного снова нарушился, и он решил опять уйти на гору Авксентия Великого. Но после этого решения произошло удивительное событие! Когда преподобный уже приготовился уйти, днем ему воочию явился Авксентий Великий и, поприветствовав его и поблагодарив за построенный храм, поведал, что воздаст ему за труды великой наградой, подобной той, что получил преподобномученик Стефан Новый, подвизавшийся на той же горе. Что предсказал святой, то и случилось, ибо божественный Мелетий получил венец исповеднический, о чем далее будет рассказано.

Когда царь Михаил Опресночник открыто начал проповедовать латинское учение во Вселенской Церкви и потребовал соединить Церковь Восточную с Западной, тогдашний Православный патриарх был изгнан с престола, а на престол возвели защитника лжи Иоанна Векка. Православных после этого стали заключать в темницы, творя над ними насилие, и мучить различными наказаниями. Тогда святой Мелетий, по совету божественного Галактиона, пришел вместе с ним в Константинополь. Подвизаясь на Галлисийской горе вместе с преподобным Мелетием, иеромонах Галактион весьма преуспел в слове и добродетели, за что его и почитали. В столице оба они предстали перед латинумудрствующим царем Михаилом и с дерзновением заявили: “Мы – защитники Православия и не приобщимся латинской ереси, которая, еще прежде чем появилась, была обличена божественными

отцами Вселенских Соборов, которые постановили в Символе веры, что Святой Дух исходит от Отца, а тех, кто дерзнет прибавить или убавить что-либо, хотя бы самое малое, следует предавать анафеме. Так почему же ты, царь, презрел и слова Самого Христа, с которыми Он обращается в Святом Евангелии к Своим апостолам, и свидетельства божественных отцов, и священные каноны Кафолической Церкви, предавшись этому заблуждению? Мало этого, ты хочешь, чтобы и мы последовали ереси и отвергли предания апостолов? Этому не бывать, не пытайся сдвинуть то, что нельзя сдвинуть, потому что мы скорее предпочтем сойти с ума, чем утратить свою православную веру”.

Сочтя эти слова личным оскорблением, царь заключил их в тюрьму, где эти мужественные воины Христовы с радостью претерпели множество других страданий. Через несколько дней заключения царь приказал привести их из темницы, надеясь, что после мучений святые станут более сговорчивыми. Однако святые, которые от мучений не стали более мягкими, подобно воску, но как железо закалились, и с еще более горячей верой и еще острее стали обличать злоречие царя. Поскольку они выказали еще большее дерзновение, то разожгли гнев царя еще сильнее. Он приказал сослать их на Скирос, остров, находившийся в подчинении Афинской митрополии. Со Скироса божественного Мелетия отправили в Рим для бесед о вере с мудрецами папы Римского, там его снова заключили в темницу и держали в оковах семь лет. Затем, по приказу царя, его отослали обратно на Скирос и поместили в одной темнице с Галактионом.

Конечно, тюремное заключение таит в себе множество опасностей и зол, которые возрастают еще более, если жители того места злы нравом. Темница, в которой пребывали святые, была весьма суровой и мрачной, как сень смертная, а голод, на который обрекли преподобных, продолжался много дней, ибо властитель Скироса решил уморить их голодной смертью. Преподобные же, а особенно божественный Мелетий, вспомнили о древней и привычной стезе многодневно-

го поста и насильное мучение голодом заменили добровольным делом, рассматривая его как лестницу к Богу, и сорок дней пребывали без пищи. Темничный страж был так удивлен, что повторил своей жене слова, сказанные в древности Маноем: *“Верно мы умрем, ибо видели мы Бога (Суд. 13: 22)**. Заключенные настолько святы, что кажется, они не люди, а намного выше людей”. После этого он рассказал жене об их многодневном посте, о частых молитвах с коленопреклонением, о всенощных бдениях, приведя тем самым свою жену в изумление. На рассвете женщина со своей единственной дочерью посетила святых в тюрьме, и, припав к их ногам, обе получили благословение.

Испытывая тяжелейшие страдания, святые радовались и постоянно славилы Бога, царь же прилагал множество усилий, чтобы распространить латинство, стараясь привлечь одних запугиванием и мучениями, других – чинами и званиями, третьих – другими всевозможными способами, которые позволяли скрыть правду и истину. Многие стали его друзьями, приняв латинство, а тех православных, кого царь не уговорил, он подвергал опале, отбирал имения, ссылал и предавал смерти. Искореняя таким тираническим способом всех, несогласных с латинством, монарх был уверен, что уже победил всех православных. Однажды, беседуя со своими вельможами, он со смехом произнес: “Как мне кажется, великий мир настал сейчас в Церкви, и Патриарх обязан этим мне, поскольку нет больше тех, кто возмущает народ”. Эти слова царя многие одобрили, но один из вельмож заметил:

– Ссылные на острове Скиросе еще продолжают спорить, утверждая, что они самые знающие из всех, и тем самым противятся твоей власти.

– Кто же это такие?

– Мелетий и Галактион Галлисиотские.

Слова эти ранили царя в самое сердце, потому что мужи эти были известны и знамениты своей добродетелью. Тотчас

* Буквальный перевод звучит, как “воюем с Самим Богом”. – Пер.

же было подготовлено судно, для царского гонца. Святых привезли в Константинополь и поместили в тюрьму, называемую Номерной. Прошло много дней, но царь, ссылаясь на другие срочные дела, все отказывался рассмотреть дело святых. Все это время архиереи и особенно патриарх (о суд и долготерпение Божие!) усердно клеветали на святых перед царем, и старались изо всех сил заставить их принять или латинство, или смерть. Наконец мужественные преподобные предстали перед царем, но исповедали свою веру с еще большим дерзновением и мужеством, за что были подвергнуты и большим наказаниям. Их били в течение многих часов, до тех пор, пока бездыханные тела их не остались лежать на земле. Как только они немного пришли в себя, Галактиона бросили в темницу, а божественного Мелетия веревками подвесили на высоком столбе. И – о чудо! – этот сухой столб тотчас же ожил и покрылся листьями.

Услышав о таком чуде, царь переменял мысли и через посредничество других стал беседовать с преподобным снова и снова, уговаривая его принять латинство. Святой, презрев просьбу царя, был подобен орлу, парящему в облаках, по выражению притчи, неуловимый и непобедимый никаким искусством и средствами человеческими. Не зная, что делать дальше, так как не смог переубедить их, царь решил победить их тела с помощью мучений. Священного Галактиона он жестоко ослепил, а святому Мелетию вырвал язык, чтобы Галактион не мог больше служить, а божественный Мелетий богословствовать о Святой Троице. Однако все вышло не так, как хотел царь. Ибо после того, как царем ромеев стал Андроник*, дерзновенно проповедавший православную веру, божественный Мелетий ясно говорил и без языка, а добрый Галактион по-прежнему приносил Безкровную Жертву.

Как только царь был возведен на трон, он сразу же укрепил Православие, потому что считал, что нет ничего, более

* Византийский император Андроник II Палеолог (1282–1328).

необходимого. Первым его делом было восстановление на Патриаршем престоле Иосифа, непоколебимого столпа Православия, и изгнание блудника и узурпатора Иоанна Века, растлителя словесных овец Христовых. Затем царь с великой честью призвал из заключения святых. Тогда многие из тех, кто не приняли латинство, получили высокие звания. Преподобного же Мелетия, ни царь, пламенный ревнитель благочестия, ни архонты, не смогли убедить принять священство, потому что он оберегал себя от славы человеческой, считая, что она приносит вред.

Уже в глубокой старости преподобный заболел, болел он три года, и все это время ел только овощи, да и то с крайним воздержанием и строгостью. Когда же пришло ему время отойти ко Господу, он созвал всю братию и в последний раз сказал им слова утешения, и каждому дал наставление относительно духовной жизни. Затем он вместе со всеми прославил Бога и, подняв к небу руки и устремив вверх очи, произнес: "Господи, в руке Твои предаю дух мой". И в тот же час уснул сном праведника, отойдя к возлюбленному им Господу.

Монах, которого звали Герасим, спал в своей келье, и увидел во сне божественного Мелетия с воздвигнутыми вверх руками, который с радостью восходил на Небеса. Когда он пришел к келье преподобного, святой уже умер, а лицо его светилось небесным светом.

Другой иеромонах Феопит, который очень уважал и любил преподобного, со дня его кончины служил сорок дней литургию. Этот срок заканчивался в Неделю Торжества Православия. После службы Феопит стал просить Бога открыть ему, в каких обителях упокоилась душа божественного Мелетия. Уснув после молитвы, он во сне увидел, что находится в большом и прекрасном храме, обращенном на восток и достигавшем до неба. Храм этот светился неизреченным светом. Внутри его святые отцы пели Богу дивную ангельскую песнь. Был там и проповедник, поведавший, что

Мелетий еще при жизни построил этот храм в честь Святой Троицы. Весьма обрадовался Феолитт тому, что услышал там и увидел. Затем, во сне же, он подошел ко гробу святого и увидел, что он открыт, а внутри его стоят двое одетых в белое мужей, которые держат в руках кадила удивительной красоты и кадят ими. Затем Феолитт заметил и самого Мелетия, который стал укорять: “Ты, любезный Феолитт, оставил гроб мой без попечения, и Бог послал ко мне тех, кого ты видишь”. И пока Феолитт удивлялся, как это святой Мелетий говорит, если он мертв, он вдруг услышал глас с Неба: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11: 25). Об этом все.

А сейчас я хочу поведать во славу святого о некоторых чудесах, совершенных им при жизни. Однажды, когда святой шел по берегу, он встретил нескольких рыбаков, которые расстелили свои сети на песке. Поинтересовавшись, поймали ли они чего, те ответили, что ловили всю ночь, но ничего не поймали. Пожалев их, святой с дерзновением произнес: “Дети, забросьте снова сети во имя Спасителя нашего Бога”. Послушавшись преподобного, они вошли в лодку и, немного отплыв, прочитали молитву и забросили сети. О неопиcуемая милость Твоя, Христе мой! Столько много рыб попалоcь в их сети, что рыбаки с большим трудом смогли вытащить их в лодку. Удивляясь дерзновению, что имел к Богу преподобный, они прославили Бога и поблагодарили Мелетия.

После того, как святой выстроил на островке храм Андрея Первозванного, как мы уже говорили, келарь* однажды сказал ему, что строителей нечем кормить. Тогда, взяв свой посох, святой велел ему следовать за ним. Они спустились к морю и преподобный тихонько стукнул жезлом по воде, сказав: “Во имя Владыки Христа, дай нам сегодня то, в чем мы нуждаемся!” И – о чудо! – в тот же час из воды на землю выпрыгнула большая рыба. Когда келарь подошел, что-

* Келарь – хранитель монастырских припасов. – *Ред.*

бы взять ее, из воды выпрыгнула вторая, не меньше первой. Взяв обеих, келарь приготовил обед и накормил рабочих.

Когда царствовал православный царь Андроник, он пригласил великого Мелетия как-то раз к себе во дворец, чтобы посоветоваться с ним по одному церковному вопросу, и принял преподобного с великой честью. Один из архонтов по имени Сирмури, протовестиарий* должностью, стал мысленно укорять святого в том, что он любит временную славу, поэтому и сказал одному из сидевших с ним рядом: “Этот монах, кажется, оставил небесную славу, которую должен был взysкать, ищет сейчас славы человеческой и радуется ей”. Вернувшись вечером домой, Сирмури прилег на кровать и увидел сон. Он оказался в царском дворце, где восседал грозный Царь, облаченный одновременно в царские и архиерейские одежды, а вокруг Него стояли безчисленные войска. Весьма разгневавшись на Сирмурина за то, что тот оскорбил Его раба, Царь приказал Своим телохранителям отомстить ему. Его хотели связать по рукам и ногам и бросить в место осуждения богохульников, но великий Мелетий заступился за него перед Царем и избавил несчастного вельможу от наказания. Испугавшись этого страшного сна, Сирмури, как только проснулся, отправился к святому. Припав к его ногам, он исповедал свое осуждение, а затем рассказал о своем сне. Испросив с теплыми слезами прощения, которое тотчас же и получил от преподобного, он ушел с радостью и впредь отзывался о подвигах святого со многими похвалами.

Таковым было, возлюбленная моя братия, житие преподобного Мелетия, таковой была его незаурядная ревность о Православии, и таковыми были явленные им чудеса. Прожив семьдесят семь лет, он оставил все это, временное, и отошел к Богу, где о всех нас молит Пресвятую Троицу, Которой подобает слава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

*Написано Макарием Филадельфийским
Хрисокефалосом*

* Титул первого хранителя гардероба при Византийских императорах. – Пер.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГООБОЖАЕМОГО
ОТЦА НАШЕГО КОСМА,

ПОДВИЗАВШЕГОСЯ
В ЧЕСТНОМ МОНАСТЫРЕ ЗОГРАФЕ
В XIII ВЕКЕ

Сей преподобный отец наш Косма был болгарин, и родился по обету, от родителей благочестивых и знатных. Он получил хорошее воспитание, а в школе изучил греческую и болгарскую грамоту. После школы родители решили его женить, однако юноша, имея сильное желание стать монахом, тайно оставил родину и пришел на Святую Гору. По дороге на Святую Гору он подвергся искушению от ненавистника добра, завистливого диавола, который, желая не допустить его до Святой Горы, в видении показал ему Святую Гору как остров, находящийся посреди океана. Задумавшись о том, как же монахи попадают на Гору, используют ли они лестницы или лодки, блаженный Косма, не имея, кого спросить, обратился к Богу с такой молитвой: “Господи, Иисусе Христе, молитвами Всепречистой Матери покажи мне путь, которым монахи приходят на Святую Гору”. Тотчас же прозрачное море исчезло, а юноша, догадавшись, что это были козни диавольские, поблагодарил Бога и Божию Матерь.

Безпрепятственно вступив на Святую Гору, Косма пришел в честной монастырь Зограф. С радостью принятый игуменом и всеми братьями, юноша провел там достаточное время, после чего был облачен в монашеский образ тогдашним игуменом, который назначил его вместе с другими служить в церкви.

Когда приблизился праздник Благовещения, юноша получил разрешение от настоятеля, и вместе с другими братьями

отправился в Ватопедский монастырь, чтобы поклониться Честному Поясу Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и мощам обретавшихся там святых. Войдя в церковь, Косма увидел некую жену, которая прислуживала в церкви, на трапезе и участвовала во всех монастырских послушаниях. Не зная, что это была Пресвятая Дева, преподобный весьма опечалился тому, что монахи пускают в обитель женщин, ибо это опасно.

Когда он снова вернулся в Зографскую обитель, игумен, видя его печаль, спросил, в чем дело. Преподобный обо всем рассказал ему, а игумен сказал: “Знай, чадо, что Той Женой, Которую ты видел, была Пресвятая Богородица, покровительница того монастыря и всей этой Горы”. Узнав все, Косма возблагодарил Пресвятую Деву, Которая соблаговолила ему явиться. По прошествии некоторого времени преподобный был рукоположен в диакона, а затем в пресвитера, и с той поры подвизался еще больше, безропотно и с большой ревностью исполняя все монастырские послушания.

Однажды, когда Косма один находился в церкви, он обратился к Богородице на иконе с такими словами: “Пресвятая Богородица, умоли Сына Своего и Бога нашего, да наставит меня на путь спасения”. И в тот же момент он услышал голос от иконы: “Сыне Мой и Боже Мой, наставь раба Своего на путь спасения”. Христос же отвечал Богородице: “Пусть оставит монастырь и идет на безмолвие”. Выйдя из церкви, преподобный обо всем, что слышал, поведал игумену, и тот поселил его в тихой келье рядом с обителью. Безмолвствуя там в течение нескольких лет, преподобный, с помощью Божией, достиг всех добродетелей, и даже сподобился получить дар прозорливости, так что многие приходили к нему на исповедь.

Однажды пришли к нему из Хиландарского монастыря двое иеромонахов, которые спрятали по дороге тыкву с вином, чтобы на обратном пути забрать ее. Получив от преподобного благословение, они уже собирались уходить, как

прозорливый старец сказал им: “Тыкву, что спрятали вблизи дороги разбейте, потому что в нее вползла змея; и не пейте это вино, иначе отравитесь”. Иеромонахи так и поступили: разбив тыкву, они обнаружили внутри змею и прославили Бога, Который избавил их от смерти, при этом благодарили и преподобного Косму.

Был некий монах добродетельной жизни по имени Дамиан. Он подвизался близ монастыря Эсфигмен в месте, называемом Самария, и имел благословение не ночевать в чужой келье. Однажды Дамиан по какому-то срочному делу пришел к одному знакомому, а поскольку того не было дома, он вынужден был подождать его до самого вечера. Сделав дела, Дамиан собрался вернуться в свою келью, но друг уговаривал его остаться, потому что уже сильно стемнело и пошел дождь. Но Дамиан из-за благословения, которое имел, не остался у друга. Поскольку же было очень темно и лил сильный дождь, он, в конце концов, заблудился. Не зная, что же делать, он воззвал ко Господу: “Господи, спаси меня, погибаю”. После этой просьбы, он тотчас же оказался в своей келье. Позже, придя к преподобному, он поведал ему о том, что с ним случилось, чтобы узнать, почему это произошло и не согрешил ли он невольно в чем пред Богом. Святой же ответил ему: “Брат, ты исполнил заповедь, и Бог сохранил тебя от смерти”. Утешенный таким образом, Дамиан вернулся в свою келью, прославляя Бога.

Однажды преподобный заболел и, как простой человек, захотел рыбы. В тот же момент (о чудо!) орел принес ему рыбу. А рядом подвизался один духовный старец Христофор, который тоже заболел и попросил одного человека прислать ему рыбу. Когда Христофор уже мыл эту рыбу, прилетел орел и выхватил ее из рук старца. Эту-то рыбу он и положил перед Космой. Поблагодарив Бога, Косма пожарил рыбу и уже приготовился ее съесть, когда услышал голос: “Оставь часть Христофору, чтобы и он мог отведать ее”. Вскоре к преподобному пришел Христофор и постучал в дверь кельи. Преподобный ответил: “Входи, потому что я жду тебя, чтобы ты

съел свою часть рыбы”. Христофор с удивлением спросил святого, как он узнал о том, чья была рыба. И тот подробно поведал ему обо всем, после чего оба возрадовались, и Христофор вернулся в свою келью.

Однажды в Великий Четверг преподобный увидев в воздухе душу, мучимую бесами. Узнав, что то была душа Хиландарского игумена, он послал своего ученика в обитель передать братьям, чтобы те молились Богу об этой душе. Ученик пришел и возвестил братьям о видении преподобного, но те не поверили, и сказали: “Игумен только что вышел из церкви и пошел к себе в келью, чтобы принести все необходимое для литургии, а тот, обольщенный, велит нам молиться за него”. Все же они пошли в келью настоятеля, где обнаружили, что игумен действительно умер.

В другой раз тот же Христофор пришел к преподобному побеседовать о слове Божиим. Постучав в дверь, он услышал голоса и подумал, что в келье кто-то исповедуется. Он долго ждал, пока не окончился разговор, а после этого постучал в дверь. Преподобный встретил его, облобызал, они вошли внутрь, сотворили молитву и сели. Поскольку же Христофор никого не увидел, он спросил у святого, с кем тот разговаривал. Старец же не мог этого скрыть и ответил, что он разговаривал со Христом: “Он поведал мне, что вскоре со мной сделают бесы, и о том, что через несколько дней я представлюсь и перейду в Его Царство. Ты же ступай с миром, но в (такой-то) день обязательно приходи сюда снова”. Христофор ушел и в назначенный день снова пришел к преподобному, которого обнаружил лежащим в постели и умирающим. Спросив о причине, он услышал в ответ:

– Начальник бесов приходил сегодня вечером со многими демонами, плакал и говорил: “О бессильные и нерадивые, никто из вас не смог убить этого моего страшного врага, который так опечалил меня, что, в конце концов, отнял у меня и мой трон”. С этими словами злобный бес взял жезл и сильно избил меня, как ты видишь.

Христофор остался там и ухаживал за больным. Через два дня преподобный попросил причаститься Пречистых Тайн и, с благоговением приняв их и поблагодарив Бога, предал дух свой в Его руки в сентябре месяце 22 дня 1233 года от Рождества Христова.

Узнав о его кончине, отцы священники и монахи пришли похоронить священные останки преподобного. Бог же, прославляющий прославляющих Его, прославил и этого святого после смерти следующим образом. Когда братия пела Последование на погребение, собрались все животные пустыни и тихо стояли до тех пор, пока его не погребли, после чего каждый громко закричал по-своему, и все снова разбежались. Через сорок дней братия пришли в келью преподобного и отслужили Всенощное бдение, после чего открыли гробницу, чтобы забрать его честные мощи в обитель, но (о неизреченные чудеса Твои, Христе Царю!) не обнаружили там его тела, причем до сего дня никто не знает где оно, только один Бог, Которому подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ
СИННИТА,

ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В XIV ВЕКЕ

Сей божественный Григорий был родом из малоазийского селения Кукулос, близ Клазомен*, и происходил от родителей богатых и знатных, и в то же время богобоязненных и добродетельных. Прилежно ими воспитанный, он был отдан учителям, от которых обучился божественным и священным наукам. В то время (тогда царствовал великий Андроник Палеолог)** агарянский род напал на Азию, разграбил ее и обратил в рабство почти всех тамошних христиан. Вместе с ними был обращен в рабство и божественный Григорий с родителями и братьями. Их привели в Лаодикию и Промыслом Божиим варвары дозволили им ходить в церковь. Во время обычного псалмопения и славословия местные христиане, увидев, что те стояли с великим благоговением, прекрасно пели и были обучены музыке, удивились их благочестию и пению; тотчас же по отпуске они пришли к агарянам и, дав им много денег, выкупили Григория с семьей из рабства. После этого божественный Григорий отправился на Кипр. Он прожил там немного времени, но все полюбили его добродетель и природные дарования. Его приятное лицо указывало на внутреннее состояние божественной его

* Клазомены – прибрежный город, один из ионийских городов западного побережья Малой Азии, при Гермейском или Смирнском заливе, где ныне местечко Вурла.

** См. сноску на с. 520.

души, а его скромность, благочестие и благоговение к Богу удивляло всех, и народ весьма почитал Григория.

В то время, когда почтенный Григорий жил на острове, Бог, Который знал о его сильной любви к добродетели, живущей в его сердце, указал ему одного добродетельного монаха, подвизавшегося в безмолвии. Григорий тотчас же с радостью пришел к монаху, был облачен им в монашеские одежды и стал послушником. Проведя со старцем некоторое время, он неоднократно беседовал с ним на духовные темы, а потом ушел на гору Синай, где и был пострижен в монахи. Вместе с пострижением волос Григорий отсекал все желания и движения плоти и с большим душевным мужеством продолжил свои подвижнические труды. Прошло немного времени, и тамошние отцы были изумлены его почти невещественной безтелесной жизнью в посте, бдении, всенощном стоянии, непрестанном псалмопении и молитве, еще немного, и они стали бы думать, что он и в самом деле безплотный.

В послушании – корне и матери добродетелей – и в возводящем ввысь смирении он был настолько искусен, что трудно описать их по отдельности, иначе ленивым может показаться, что я ради преувеличения говорю о невероятном. Вместе с тем именно из-за ленивцев я не собираюсь замалчивать истину и напишу о том, что слышал от его ближайшего ученика, святого Герасима. Сей блаженный рассказывал мне, что божественный Григорий исполнял с трудолюбием и всяческой ревностью послушание, назначенное ему настоятелем, так, как если бы его видел Вышний Бог, и никогда не опускал и обычного братского правила. Вечером, положив по обычаю поклон настоятелю и получив от него благословение, преподобный входил в свою келью. Затворив дверь, он возводил к Богу руки и ум и, полностью удалившись от вещественного сего мира и стараясь приблизиться к Богу, с необычайной ревностью начинал правило. Всю ночь он воспевал Богу псалмы и молился с сильным сердечным желанием и коленопреклонениями, до тех пор, пока не заканчивал все псалмы Давида, пение которых доставляло ему

радость. Затем утром, когда стучали в било*, преподобный, по обычаю, первым оказывался у дверей церкви. Он всегда был настолько строг к себе, что никогда не выходил из храма до окончания службы. Таким образом, Григорий входил в храм первым, а уходил последним. Пищей его были только хлеб и вода, да и то в таком количестве, чтобы только поддерживать жизнь в теле. Григорий три с лишним года исполнял послушание повара и хлебопека, и ни разу даже не подумал о том, что служит людям; напротив, он был уверен, что служит чинам Ангельским, а место своего послушания считал истинным алтарем Божиим и жертвенником. Кроме того, почти каждый день он восходил на вершину горы Синай, чтобы поклониться тому месту, где совершались известные великие чудеса. Преподобный был весьма искусен в каллиграфии, а чтению предавался так много, что день и ночь усердно выбирал изречения из Ветхого и Нового Завета, и старался их заполнить. Не знаю, был ли еще такой отец, который так же изучил Священное Писание, как он, и который бы знаниями превосходил всех тамошних отцов. Однако злобный диавол не мог спокойно наблюдать за подвигами преподобного. Он тайно ввел монахов в страсть зависти и, будучи сеятелем плевелов, посеял в них сильное смущение и волнение. Ученик кроткого и миролюбивого Иисуса Григорий, поняв, что монахи ему завидуют, тайно покинул монастырь, взяв с собой Герасима, бывшего родом с острова Эврип и приходившегося родственником правителю острова – Риге. Презрев богатство, славу и благородное происхождение, отрекшись мира и того, что в мире, Герасим пришел на гору Синай, где и познакомился с божественным Григорием. Поразившись его крайней добродетели, Герасим стал одним из его учеников и, с помощью Божией, достиг высокого уровня

* Используемое до сих пор в Афонских монастырях било (деревянное или металлическое) представляет собой длинную доску или пластину, по которой стучат деревянным или железным молотком, чтобы разбудить братию и созвать на молитву. – *Пер.*

деятельности и созерцательности, став после великого Григория примером для других.

Покинув Синай, они пришли в Иерусалим поклониться Живоносному Гробу. Посетив святые места, подвижники взошли на корабль и приплыли на Крит в место, называемое Добрые Пристани, где преподобный с большой ревностью начал искать спокойное и тихое место для жительства. После долгих поисков они наконец нашли тихие пещеры, и с радостью поселились там. Тотчас же тот добрый делатель стал прилагать труды к трудам, подвиги к подвигам, неким образом борясь с собой с еще большим мужеством. Пищей ему служил хлеб и вода один раз в день, другого же ничего не было, хотя и была опасность погибнуть от жажды. Лицо преподобного приобрело желтый оттенок от сухоядения, члены тела высохли и были измучены многими трудами, ослаблены от физического напряжения и неспособны на какое-либо другое действие. Кроме того, блаженный старался отыскать такого духовного мужа, который бы мог наставить его в том, чего он сам не мог понять в Священном Писании и чему не был научен духоносными божественными отцами.

Бог, в ответ на его мольбы, послал ему такого мужа. В божественном откровении Он показал божественного Григория и открыл его желание одному отшельнику по имени Арсений, который безмолвствовал в тех краях и был украшен благочестивыми деяниями и Божественным созерцанием. Движимый Духом Божиим, Арсений пришел в келью к преподобному, постучал в дверь и был принят им с большой радостью. После обычной молитвы и приветствия, Арсений начал беседу как бы из какой божественной книги, говоря о хранении ума, о трезвении, о молитве, об умной молитве и о том, как очищается ум через исполнение заповедей и становится подобен свету. Сказав об этом и многом другом, старец, обращаясь к преподобному, спросил: “А ты, чадо, какое делание совершаешь?” Тогда божественный Григорий с самого начала рассказал ему все о себе: об отшествии из мира, о любви к пустынножительству, и о всех своих поступках.

Божественный Арсений, прекрасно зная путь, который возводит человека на высоту добродетели, с улыбкой заметил: “Чадо, все то, о чем ты мне рассказал, у богоносных отцов называется деланием, но не видением”. Услышав эти слова, блаженный Григорий в ту же минуту припал к его ногам и стал горячо просить, заклиная Богом, научить, что есть умная молитва, безмолвие и хранение ума. Божественный тот отец, приняв просьбу преподобного как некую находку, не медля, научил его всему, ничего не опуская из того, что сам щедро получил с помощью Божественной благодати. Кроме того, старец открыл ему, что происходит с теми, кто подвизается в подвиге добродетели, ибо они справа и слева подвергаются нападкам ненавистников добра, бесов, и завистливых людей, которых использует в качестве орудия своей злобы лукавый. Обо всем этом Арсений подробно рассказал Григорию.

После этой беседы Григорий тотчас же решил плыть на Святую Гору. Обойдя все монастыри, кельи, скиты и даже труднодоступные кельи отшельников, он посчитал справедливым встретиться со всеми отцами и воздать им должное поклонение ради молитвы и благословения. И, как сам рассказывал, на Афоне Григорий встретил множество подвижников, украшенных благоразумием, скромностью и прочими многими добродетелями. Все они прилагали все свое усердие на делание подвига добродетели. Когда же он спрашивал, занимаются ли они умной молитвой, предаются ли трезвению и хранению ума, они отвечали, что даже не знают, что такое умная молитва, хранение ума и трезвение.

Обойдя всю Святую Гору, преподобный пришел наконец в скит Магула, напротив честной обители Филофей. Там он встретил трех монахов: Исаию, Корнилия и Макария, которые занимались не только деятельными добродетелями, но немного и созерцательными. Много потрудившись вместе со своими учениками, он построил там кельи. На небольшом расстоянии от них он выстроил для себя исихастирий, чтобы наедине беседовать с Единым Богом посредством умной

молитвы и умилоствлять Его деятельными добродетелями. Вот тогда-то преподобный и вспомнил о наставлении честного Арсения, и о том, что тот говорил ему о хранении ума, трезвении и об умной молитве. Подчинив в себе все чувства, соединив ум с духом и пригвоздив себя ко Кресту Христову, он часто-часто повторял: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного”. Молясь так с умилением и сокрушением сердечным, с воздыханием из глубины души, он постоянно плакал и слезы текли из глаз его, подобно реке. За эти слезы Господь не презрел его молитвы: *Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже* (Пс. 50: 19), ибо: *взывают праведные, и Господь слышит* (Пс. 33: 18). Под действием Святаго Духа распалилась его душа и сердце и, изменившись добрым и дивным изменением, просветленный Божественной благодатью, преподобный увидел, что келья его наполнилась светом. Исполнившись радости и неизреченного веселья, проливая снова потоки слез, он был уязвлен Божественной любовью, ибо поистине на нем исполнились слова сказавшего: “Деяние есть путь к созерцанию”. Ведь преподобный оставил плоть и этот мир, и весь исполнился Божественной любви. С той поры свет непрестанно освещал праведника, по сказанному: *Свет праведным всегда* (Притч. 13: 9)*. Когда я** и другие ученики спрашивали приснопамятного о смысле этих слов, он отвечал: “Тот, кто по благодати Святаго Духа возвышается в Боге, зрит как в зеркале всю тварь на свете, *в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю*, как говорит апостол Павел (2 Кор. 12: 2), до тех пор, пока кто-либо не воспрепятствует этому, заставив прийти в себя”.

Просто и совершенно без всякого любопытства я задавал ему разные вопросы, когда Григорий выходил из кельи

* Так в переводе семидесяти. В русском переводе: *Свет праведных весело горит.* – Пер.

** Имеется в виду блаженный Каллист, автор сего жития преподобного Григория. – Пер.

с веселым лицом и кротко смотрел на меня. Вы, духовные отцы, знаете, насколько больше вы любите последних своих духовных чад, в сравнении с первыми. Подобно этому и мой присноблаженный духовный отец выказывал ко мне больше любви, как к последнему своему духовному чаду, а я шептал ему, как любящему отцу. Он же отвечал мне так:

– Душа, которая прилепится к Богу и уязвится Его любовью, поднимется выше всякой твари, будет жить над всем видимым миром и соединится с желанием Бога. Она не сможет укрыться, как и Сам Господь обещал ей, говоря: *Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно* (Мф. 6: 4). И еще: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5: 16). Ибо сердце трепещет и веселится, ум изливается, лицо становится веселым и радостным, как и сказал мудрец: *Веселое сердце делает лице веселым* (Притч. 15: 13).

Я же снова попросил его:

– Божественный отче, научи меня ради любви к истине, что есть душа, и что об этом говорят святые.

С присущей ему кротостью он отвечал:

– Возлюбленное мое духовное чадо, не ищи того, что выше тебя, и не исследуй того, что глубже, ибо чтобы понять то, о чем ты меня спросил, ты должен перестать быть младенцем несовершенным, который не может переварить твердой пищи. Уразуметь высокие понятия тебе не по силам, подобно тому, как пища совершенных мужей не приносит пользы нежным младенцам, которым требуется только молоко.

Припав к его ногам и крепко ухватившись за них, я горячо просил его ответить. Снизойдя к моей усиленной просьбе, Григорий сказал: “Тот, кто не увидит воскресение своей души, не сможет в точности узнать, что такое душа умная”.

– Скажи мне, отче, достиг ли ты меры сего восхождения, то есть, узнал ли ты, что такое умная душа?

– Да.

Тогда я попросил его, ради любви ко Господу, научить и меня тому, что могло бы принести великую пользу моей

душе. Божественный и всечестный Григорий, похвалив мою ревность, преподал мне такое учение.

– Когда душа употребит всю свою ревность и с разумом и рассуждением будет подвизаться в деятельных добродетелях, тогда, оттесняя все страсти, она подчиняет их себе. А когда она покорит страсти, ее будут окружать только природные добродетели, которые следуют за ней, как тень следует за телом. Эти-то добродетели не только последуют за ней, но и научат и наставят ее на то, что сверхъестественно, подобно восхождению по духовной лестнице. И когда ум, по благодати Христовой, взойдет в вышеестественное состояние, тогда, просвещаемый сиянием Святаго Духа, он светло прострется и в созерцание. Став выше себя, согласно мере благодати, данной Богом, он ясно и чисто зрит природу сущего, ее связи и порядок, но не так, как болтают внешние мудрецы, прибегающие только к тени вещей и не старающиеся следовать, как должно, существенной энергии естества, потому что, как говорит Писание, *омрачилось несмысленное их сердце; называя себя мудрыми, обезумели* (Рим. 1: 21). Затем та душа, которая приняла обручение и благодать Святаго Духа, мало-помалу, в силу множества созерцаний, которые имеет, оставляет прежнее и восходит в высшее и Божественное, как говорит апостол Павел: *забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3: 13). Душа, поистине очищенная таким образом, отлагает всякий страх и робость и, прилепившись любовью к Жениху Христу, видит, что естественные ее помыслы полностью прекращаются и отпадают, как и велят святые отцы. Достигнув невиданной и неизреченной красоты, она наедине беседует с Единым Богом, светло освещаемая светлостью и благодатью Святаго Духа. Просвещенная таким образом безконечным светом, она движется только к Самому Богу, и через дивное это и новое изменение более не ощущает низкого, земного и вещественного тела, потому что душа кажется прозрачной и светлой, без всяких добавлений и земной привязанности, естеством по преимуществу умным, каким был до преступления своего наш родоначальник Адам. Вна-

чале он был покрыт благодатью того безконечного света, а потом за ненавистное преступление (о горе!) лишен светлой славы и освящения. Так это драгоценное животное, человек, оказалось нагим.

– Преподобный поведал мне и то, что человек, который достиг такой высоты посредством утомительного занятия умной молитвой, и чисто видел и познал собственное свое состояние, в которое пришел по благодати Христовой, – видел воскресение души раньше общего воскресения, на которое все мы надеемся. Душа, очищенная таким образом, может вместе с божественным Павлом сказать: *в теле ли – не знаю, вне ли тела – не знаю* (2 Кор. 12: 2), но и сама недоумевает и изумляется этому и с удивлением вопиет: *О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!* (Рим. 11: 33). Вот что поведал мне божественный тот отец.

Об учениках же его, которые водительством преподобного взошли на высоту добродетели, не знаю как достойно рассказать и как поведать об их бранях и подвигах. Первым из них был святой Герасим, происходивший из Эврипа, как я уже говорил. Впоследствии он стал учеником святейшего патриарха Исидора*, принес огромную пользу и заслужил его похвалу, ибо с самого начала был хорошо научен божественным Григорием добродетели и житию, подобающему монаху. Сей дивный муж подражал бывшему в древности преподобному Герасиму**, и как тот прошел апостольским путем и укротил пустыню Иорданскую, воздвигнув в ней честные обители, так и сей новый Герасим, исполненный Божественной благодати и просвещенный Богом, пришел в Грецию. Подобно апостолам, он обошел ее и всех алчущих и жаждущих слова Божия насыщал сладчайшим учением добродетели, обогащая, сколько было возможно, богатством освящения и благочестия. Но и сам Герасим, благодаря

* Исидор, патриарх Константинопольский (1347-1349).

** Имеется в виду преподобный Герасим Иорданский.

своему старанию и прилежанию, собрал вокруг себя множество учеников и, с помощью Божией, основал небесное жилище и обитель монашескую, передав братьям правила строгого ангельского жития, учил их, являясь образцом добродетели, как в древности преподобный Герасим. Подобно тому и этот новый Герасим сподобился зреть в безмолвии Божественные видения, и провел жизнь в духовных подвигах, достойных удивления, после чего преставился о Господе.

Вторым учеником преподобного был Иосиф, соотечественник и товарищ Герасима, который с мужеством подвизался за Православие, противясь латинянам, и многих извлек из этого злочестия, по благодати Христовой приведя их в Православие. Мало кто из известных и преуспевших во внешней премудрости смог столько сделать для Православия, сколько сделал Иосиф, ибо он имел внутреннюю и истинную премудрость – благодать Святаго Духа, с помощью Которого и те рыбаки, божественные апостолы, прославились и постыдили внешних мудрецов. Так и дивный Иосиф был прославлен у Бога и посрамил латинян. О прочих же его добродетелях и знаменитом и скромном жительстве кто может по достоинству поведать? Умолчу об этом и я.

Ты же, о слушатель, размысли о другом ученике святого – дивном авве Николае, старце восьмидесяти лет от роду, из Афин, который был достоин почитания не только за внушающий уважение возраст, но и за благоразумие и скромность нравов. Он мужественно претерпел за Православие многочисленные преследования от латиномудрствующего Михаила Палеолога: его ссылали, расхитили имения и множество раз заключали в мрачные темницы. В то время, когда божественный Николай проповедовал у себя на родине слово Божие и учил народ хранить православную веру, не принимая порочного учения латинян, царь послал жестоких и безчеловечных латинствующих своих слуг, чтобы наказать его. Повинуясь приказу царя, они крепко связали Николая веревками, на шею и руки надели цепи; чтобы устыдить, – обрили бороду и, жестоко избив палками и ногами, водили

по дорогам повсюду напоказ. Не знали суемудренные, что этим они только свою злобу выставляли напоказ, а для Николая были причиной большей славы. Но поскольку, по милости Божией, в Церкви Христовой в это время настал мир, и гонения на православных прекратились, вселенский патриарх, святейший Иосиф, испробовал разные способы, чтобы рукоположить божественного Николая во епископа. Тот же, смиренномудрый, никак не соглашался стать епископом, и, желая безмолвия, пришел на Святую Гору. Тогдашний прот Святой Горы весьма возлюбил Николая, украшенного всеми добродетелями и благочестием и назначил, вопреки его воле, епископом в честной монастырь Кареев. Через некоторое время Николай встретился с дивным Григорием и, услышав его сладчайшие поучения, всей душой захотел стать его учеником.

Как магнит своей огромной естественной силой притягивает к себе твердеее железо, так и божественный наш учитель Григорий душеполезными своими словами (которые каждый благоразумный справедливо назвал бы словами жизни вечной, и поистине Божественным гласом) привлекал к себе всех, кто видел его или беседовал с ним. Как однажды Андрей, который увидел Христа и тотчас же оставил Иоанна Предтечу, после чего неразлучно следовал за Иисусом, так и ученики божественного Григория постоянно сопровождали его, наблюдая, какого необычайного благоговения он достиг, в какую невозмутимость и душевный мир пришел, потому что кроткое и радостное его лицо указывало на внутреннее осияние и благодать его души; многие добродетельные монахи оставляли своих старцев и, стремясь услышать его наставления и присоединиться к его братству, чтобы получить пользу для себя, шли к нему в послушание. Так поступил и авва Николай, который не только оставил почести и славу человеческую, как суетное и излишнее бремя, но презрел и собственную старость, бросившись к ногам преподобного. Он с радостью принял подвиг и труд послушания, как если бы приобрел некое великое сокровище. Внимая сладким

словесам преподобного, впитывая его наставления, он стал искушен во всякой добродетели, а особенно в смирении, превзойдя в этом всех своих собратьев.

Следует подивиться и тому, как поступал со своими послушниками божественный отец. Когда он хотел исправить согрешившего ученика, то, размыслив прозорливыми душевными очами о том, как бы принести пользу послушнику, вдруг начинал поносить его, называя злым и порочным, говоря, что он состарился во зле, а ничего доброго не сотворил. Преподобный называл его лентяем, который небрежет о спасении своей души и часто приказывал какому-нибудь монаху, чтобы тот с суровым видом прогонял согрешившего из трапезной. При всем этом преподобный всячески заботился о спасении души брата. Услышав обо всем этом, подвижник Христов авва Николай припал с великим смиренномудрием к ногам святого и стал плакать. Да и у меня самого, который рассказывает это, сжимается сердце и текут обильные слезы от удивления, когда я представляю почтенного старца, распростертого у ног учителя. Ты же, слушатель, поразмысли и подивись этой истории. Отругав таким образом согрешившего ученика, Григорий наставлял его и, простив, отпускал с великой для того душевной пользой. То, о чем я сейчас рассказал, лишь крошечная частица, поскольку нет возможности поведать подробно обо всех подвигах преподобного.

Ты же, возлюбленный, взгляни на другого ученика божественного Григория, досточудного Марка, который был родом из Клазомен. Придя в Салоники, он был пострижен в монаха в обители, называемой монастырем господина Исаака. Попав на Святую Гору, он подвизался с великой ревностью и прилежанием, стяжав умную молитву, трезвение, и крайне любил непрестанную молитву. Хотя Марк стал драгоценным хранилищем всех добродетелей, он настолько возлюбил смирение и послушание, что хотел ревностно служить, насколько это было возможно, не только настоятелю, но и всей во Христе братии. Он был очень недоволен, если не удавалось послужить, подобно рабу, всем приходившим туда монахам.

Поистине своими делами он нелицемерно исполнял заповедь Христа: *кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом* (Мф. 20: 27). Не было никого, кто бы не удивлялся и не восхвалял божественного Марка, и не ощущал его духовного благоухания. Увидев его всего лишь однажды, любой человек принимал от него в душу свою освящение и брал с него пример смиренномудрия. Божественный же этот подвижник, придя в глубокую старость, с великой радостью хотел совершать такие же подвиги, как и в молодости, совсем не задумываясь ни о старости, ни о безсилии, ни о чем другом, что могло бы ему помешать. Он ревностно исполнял послушания на поварне и ни разу не пренебрег своими обязанностями, под каким-либо предлогом. Посему и Бог, Который ублажает смиренных сердцем, видя такое его смиренномудрие, возвел его в такую славу, что, сияя от Божественной благодати, он стал светлейшим орудием Святаго Духа. Достигнув безмятежной и тихой пристани, он соединился стремлением своим с Богом, беседуя с Ним наедине и неизреченно радуясь Его светлости, многим доставляя душевную пользу от своих поучений и святости. Таким узнал его и я, и имел возможность испытать в течение долгого времени, потому что стал жить вместе с ним, имея одно помышление и одно желание во всем, по благодати Святаго Духа. С самого начала, когда я только с ним познакомился, то полюбил всей душой, необычайно высоко почитая его дружбу. И хотя он велел мне не разглашать о тех добродетелях, которые даровал ему Бог, но поскольку похвала святым относится к Богу, то я рассудил справедливым несколько не замалчивать его подвиги, о которых с радостью и благодарностью говорят и слушают, и которые склоняют слушателей подражать подвижнику. Решив вернуться в честную Лавру, божественный отец наш Григорий так соединил нас, одного с другим, своими учениями и наставлениями, что, казалось, у нас была одна душа в двух телах. Повелев нам пребывать неразлучными до конца, движимый благодатью Святаго Духа, он о многом добром рассказал нам, в том числе и о том, что если

мы будем пребывать в единении, то сподобимся Царствия Небесного. Мы же, положив обычный поклон и приняв благословение молитвы, остались вместе и были неразлучны, думая и делая все одинаково. Мы не знали, что такое “мое” и “твое”, но прожили вместе целых двадцать восемь лет. Если кто-то звал Каллиста, то вместе с ним был и Марк. Если же кто звал Марка, то приходил и Каллист. Все отцы, жившие с нами в скиту, видели в нас похвальный пример из-за доброго согласия, бывшего между нами, по благодати Христовой. А если иногда и случались, по диавольской зависти, у некоторых братьев разногласия и споры, они часто вспоминали о нашем богоугодном примере.

Затем, не знаю как, случилась у Марка телесная болезнь. По сей причине пришли мы ради исцеления в священную Лавру. Познав великую его добродетель, тамошние отцы не захотели его отпустить, ибо для них это было бы невыносимо. Я же, движимый Богом, пришел в честной Иверский монастырь, и хотя некоторым казалось, что мы разлучились друг от друга телесно, пребывая в разных местах, но душой, по благодати Божией, соединяющей и удерживающей доброе, мы продолжали быть вместе. Где бы ни находились, мы всегда были соединены друг с другом, и каждый из нас сохранял воспоминание о другом с большой любовью. Блаженный же Марк был прославлен Богом, каждый день приемля вящую славу с дарами и просвещением, которым удостаивался от Него.

А сейчас расскажем и о другом ученике святого, достойном Иакове. С помощью поучений и наставлений божественного Григория он взошел на такую высоту добродетелей, что сподобился принять и архиерейское достоинство, став епископом Сервийским.

Немного позже пришел на Святую Гору Аарон, и был принят преподобным Григорием, который очень жалел его, потому что тот был слеп. Святой говорил ему, что по Своей крайней благодати Бог стал Человеком, чтобы воззвать протца нашего Адама, который пал через преслушание, осво-

бодить его от тирании диавола, привести в первое начальное состояние благородства и воздвигнуть от тли смертной. Слепота же телесная не только очищает очи души, но и дарует вечный свет тем, кто переносит ее с благодарением и несомненно надеется на Бога. Когда мы, с помощью Божией и Его благодатью, очистим горячей молитвой и непрестанным молением наши сердца, тогда просвещаются ум наш и помышление, которые есть как бы два ока душевных. Когда же просветятся и отверзнутся душевные наши очи, тогда человек, в Боге ставший духовным, видит естественно, как видел и Адам до преступления.

Услышав такие наставления и познав их умом, Аарон стал с сердечным сокрушением просить Бога: “Господи Боже мой, к земле приклонившуюся восставивый, единым словом ослабленного исцеливый, очи слепому отверзый, воззри на меня неописуемым Твоим благоутробием и приклоненную тиной греха и на земле лежащую несчастную мою душу не презри отчаянием. Яко Человеколюбец, отверзи очи сердца моего, да вселится страх Твой в него, чтобы разумети заповеди Твоя и творити волю Твою”. Молясь так Богу из глубины души, Аарон был услышан и отверзлись душевные его очи, так что ему больше не только не требовался поводырь, но, сидя в келье, он иногда предсказывал, что должно произойти, например: “Выйдем на улицу, потому что идет к нам (такой-то) старец или (такой-то) брат”. Удивительно, но именно так, как он предсказывал, и случалось. Когда же должен был настать день памяти какого-нибудь великого святого или Владычний праздник, он задолго говорил об этом, никем не наученный и ни от кого не получавший подобных сведений. На вопрос, как он об этом узнавал, Аарон отвечал, что перед праздником сходит в его душу от Бога великое освящение и слава, и от Бога все его знания. Так, однажды, когда они шли вместе с Иаковом к одному монаху и находились от его кельи на расстоянии двух миль, просвещенный Богом, Аарон сказал Иакову: “Монах, к которому мы идем, держит в руках Священное Четвероевангелие и

читает из него вот этот стих". Придя в келью и расспросив монаха, они обнаружили, что тот действительно читал тот стих, о котором говорил Аарон.

Должно рассказать и о других учениках преподобного: Моисее, Лонгине, Корнилие, Исаии и Клименте. Они начали житительство по Богу с великой ревностью и много подвизались в поте и трудах, чтобы стяжать все добродетели. Непрестанно упражняясь в спасительном делании умной молитвы и приобретя множество учеников, они мирно скончались, предав души свои в руки Божии. Поскольку я вспомнил о дивном Клименте, справедливо будет немного рассказать о том, что даровал ему Бог.

Сей Климент был пастухом овец, родом из Болгарии. Однажды ночью, когда он стерег овец, то увидел странный сильный свет, осветивший все стадо. Весьма обрадовавшись, он начал размышлять, откуда мог возникнуть такой свет: может быть, внезапно рассвело и взошло солнце, пока он немного вздремнул, оперевшись на посох. Пока он так размышлял, свет начал понемногу отступать и взошел на Небеса. И снова сделалась ночь и тьма. Очень этому удивившись, Климент пришел на Святую Гору и, найдя в скиту Морфина, монаха-простеца, но благочестивого и добродетельного, стал у него послушником, но научился у него только молитве: "Господи, помилуй". Через некоторое время тот свет стал опять понемногу появляться и наполнил душу Климента Божественной благодатью. Был же Климент человеком весьма простым и безыскусным и внимал только Богу. Поскольку старец велел исповедовать ему все помыслы, он рассказал о бывшем ему видении, прося открыть, что бы это значило. Неспособный к этому старец вместе с Климентом пошел к божественному Григорию, которому они обо всем и рассказали, горячо прося принять их и зачислить в свое братство. Подражая Христу и желая всем спасения, преподобный принял их с веселостью и, отделив от всех, научил всему, что необходимо для спасения души, заповедав иметь терпение, смирение, всегдашнюю надежду на Бога, от Кото-

рого всякое благо людям, никогда не пренебрегать данным ему правилом и непрестанно помышлять о смерти. Приняв с великим смиренномудрием заповеданное божественным отцом, Климент обещал неустанно все исполнять. Он стал подвизаться в делании по Богу с такой ревностью и прилежанием, что скоро ум его просветился светом Божественной благодати, и он взошел не только в созерцание сущего, но, восходя от созерцания к созерцанию, достиг состояния сверхъестественного. Если простая по естеству своему душа истинно приступит работать Богу и ревностно посвятит Ему себя, она становится богоподобной, получает отдохновение и входит в состояние вышеестественное. Климент рассказывал, что когда божественный Григорий посылал его в Священную Лавру, то всякий раз, когда подвизавшиеся там отцы благоговейно начинали петь “Честнейшую Херувим...”, с Небес спускалось светлое облако и дивным образом покрывало Лавру до тех пор, пока не заканчивалось песнопение, после чего облако снова поднималось в Небо.

Климент получил большую душевную пользу от поучений преподобного, и не только он, но и все те, кто слышали божественные его слова и принимали их с любовью и благоговением. Почти все монахи приходили к нему, будучи совершенно не в силах пребывать без его поучений, ибо преподобный сподобился приять от Бога великую духовную премудрость и благодать, доставлявшие пользу слушателям, как о том мне рассказывали те, кто испытал это на себе. Богоносный тот отец предлагал ученикам духовные и боголюбые беседы, которые сопровождала Божественная благодать. Когда он начинал говорить об очищении души и о том, что человек становится богом по благодати, тогда в души наши приходила дивная и чрезмерная Божественная любовь. Подобно тому, как когда великий Петр учил в доме Корнилия сотника, и сошел на них Дух Святой, так произошло и с теми, кого учил божественный Григорий, по свидетельству самих учеников его. Присноблаженный прилагал множество

усилий, чтобы склонить всех отцов-отшельников и общежительных заниматься умной молитвой и хранением ума.

Однако ненавистник добра диавол не успокоился, но воздвиг против преподобного наиболее образованных монахов, которые, как и обычные люди, подверглись страсти. Они позавидовали божественному Григорию и положили своей целью изгнать его со Святой Горы. По неведению с ними согласились и другие, которые, спутав упрямство с гордыней и возношением, говорили преподобному: “Не учи нас этому пути, о котором мы ничего не знаем”, имея в виду умную молитву и хранение ума. Видя, что вместо мира разгорается зависть, а добро уступает место злобе, преподобный с одним из своих учеников и неким подвижником по имени Исаия, который первым из всех построил себе келью в скиту Магула, ушли оттуда в Протат. Скажем несколько слов об Исаии. Этот блаженный много пострадал от латинумудрствующего царя Михаила Палеолога, потому что не хотел общаться с тогдашним патриархом Иоанном Векком из-за его нововведений в православное вероучение. Движимый ревностью по Богу, Исаия много подвизался за Православие, неустанно учил, прилагал все свое старание и усердие, чтобы еще теснее соединить всех с Православной Церковью Христовой. Вместе с этим дивным учеником преподобный и пришел в Протат, но тогдашний прот, хотя и принял их с радостью, но начал, якобы по-дружески, язвить божественного Григория. Делал он это не потому, что тот учил о трезвении и умной молитве, ибо как можно противиться истине и преподобному, который был духоносным мужем и явно для общей пользы проповедовал о Боге, а потому, что тот учил без его разрешения. Узнав же о необычайной добродетели этого святого мужа и высоте его Божественного учения, прот оставил все свои насмешки и, примирившись с ним, приобрел большую пользу для себя. Беседуя с Григорием и Исаией, прот говорил: “Сегодня я беседую как бы с первоверховными апостолами Петром и Павлом”. Увидев, с какой заботой прот Святой Горы принял их, а также узнав о его похвалах, и про-

чие отцы познали истину и с той поры все – и отшельники, и общежительные – приняли с большой душевной радостью божественного Григория, как общего учителя. Однако, из-за множества приходивших к нему людей обрести покой преподобному было нелегко. Поэтому, любя безмолвие, он много раз менял свое местопребывание. Иногда шел к честному монастырю святого Симона* и оставался на безмолвие в его окрестностях, ибо дорога туда была труднопроходимой, а иногда безмолвствовал в глубоком лесистом ущелье, называемом Джегрея. И в этих пустынных местах он выстроил кельи, подальше от дороги, и в них часто скрывался от приходивших к нему, потому что весьма любил отшельничество и даже на один час не хотел прерывать своего духовного созерцания.

Но что же случилось дальше? Однажды внезапно напало на Святую Гору варварское племя агарян и, схватив всех подвизавшихся там монахов, обратили их в рабство. Размышляя, с одной стороны, о том великом зле, что постигло его, когда он был обращен в рабство этими варварами, о чем я уже говорил вначале, а с другой, о том, что произведенный шум рассеял его ум, а варвары нарушили его безмолвие, преподобный решил снова отправиться на Синай, чтобы безмолвствовать там на вершине горы. Вместе с несколькими учениками мы пошли в Салоники, а потом, через два месяца, тайно от всех, только со мной и другим монахом, взошли на корабль и приплыли на Хиос. Там мы встретили монаха, направлявшегося в Иерусалим. Не знаю, что он сказал преподобному, но это помешало нам идти на Синай. Мы отправились на Митилену, откуда, пробыв немного времени на горе Ливан и не в силах обрести безмолвие, пришли в Константинополь. По причине суровой зимы мы провели там шесть месяцев, таясь, как странники. Царь же Андроник Палеолог, ревнитель и поборник Православия, узнав, что в Константинополе Григорий, милостиво пригласил его

* Имеется в виду монастырь Симонопетра. – Пер.

прийти к нему. Царь уже давно желал увидеть подвижника, ибо он знал о громкой славе преподобного. Андроник даже пообещал дать ему богатые дары, но святой, избегая славы человеческой, никак не соглашался прийти к царю. Покинув Константинополь, мы морем отправились в Созополь, где пробыли недолго, ибо о нас узнал некий монах Амиралис, который обитал в глубокой пустыне Парорийской, и пригласил преподобного Григория к себе. Посетив Амиралиса, преподобный подумал, что место здесь тихое и будет способствовать исполнению его богоугодной цели, и решил поселиться там. Преподобный и его ученики своими руками построили небольшие кельи, находившиеся на расстоянии одной мили и от того места, где подвизался Амиралис, тоже имевший своих учеников, и друг от друга. Среди них был и один монах по имени Лука, который в самом начале был учеником божественного Григория на Святой Горе. Сейчас же на него напала страсть зависти, и он совершенно не мог себя сдерживать, по причине затаившейся в нем злобы. Однажды, сильно оскорбив святого Григория, он с великим безстыдством бросился на него с ножом. Если бы другие ученики Амиралиса не помешали, то несчастный совершил бы убийство. Преподобный Григорий, как истинный ученик кроткого и миролюбивого Христа, стал и в этом случае образцом для подражания и не только не проникся ненавистью, но и ничуть не смутился и не стал замышлять против Луки никакого зла. Он выказал ему огромную любовь и даже поблагодарил. Ради душевной пользы Луки преподобный написал сто пятьдесят деятельных и созерцательных глав о трезвении*.

Спустя некоторое время и сам Амиралис, под воздействием началозлобного врага, позавидовал святому и, разгоревшись гневом, безчинно кричал на него и пугал, что если тот

* Трезвение – состояние духовной трезвости, которого достигают преуспевшие в добродетелях подвижники. Отцы, писавшие о трезвении и сами имевшие его опыт, называются трезвенными отцами. – Пер.

как можно скорее не уйдет отсюда, то он подкупит множество разбойников, которые придут и убьют всех, что потом он и сделал. Вот такую награду божественному Григорию воздал притворявшийся монахом, однако напрасно трудился безумный, ибо Бог, по молитвам преподобного, сохранил нас всех невредимыми. Уйдя оттуда вместе со всеми монахами, что собрались ради него, божественный отец Григорий пришел на гору, называемую Катакекримени. Через несколько дней тот завистливый Амиралис подослал разбойников, которые, напав на нас как львы, всех схватили, а преподобного (о горе!) связали платком и стали искать деньги у того, который еще с юного возраста не желал иметь ни одного обола. Ничего не обнаружив, они нас отпустили.

Поскольку зависть полностью овладела душой Амиралиса, а страсть эта не проходит легко, мы ушли оттуда и пришли снова в Созополь, откуда в декабре вернулись в Константинополь. Пробыв там до весны, мы пришли вместе с преподобным на Святую Гору. Лаврские монахи приняли его с большой радостью, почитая приход его за духовное торжество. Близ Священной Лавры, в разных местах, святой выстроил несколько келий. Он попросил у Лавры разрешения занять и некоторые кафизмы*, пригодные для безмолвия, и, подвизаясь там, наедине беседовал с Единым Богом. По попущению Божию, варварское племя опять ворвалось на Святую Гору. Стало невозможно безмолвствовать за пределами монастыря и божественный отец вошел в Лавру, но беседы с монастырскими отвлекали его от безмолвия. Сильно печалась по этому поводу и желая уединения, восхождения и созерцания, совершенно не имея покоя, он, никому не сообщив, взял ученика и на корабле отплыл в Адрианополь. Затем сушей пришел в Парорию, где, собрав множество монахов, поселился на горе Катакекрименской. Там жили также и разбойники. При этом любой благоразумный сразу

* Кафизма – небольшое строение близ монастыря, которому оно и принадлежит. В ней обычно проживает один монах. – *Пер.*

подумает, что это было от лукавого, который завидовал добру и боялся, чтобы преподобный не сделал эту пустыню обителью монахов для непрестанного воспевания Бога, что, как мы видим сегодня, по благодати Христовой, и произошло. Он не только основал Великую Лавру, но и способствовал заселению пустыни монахами. Кроме того, по благоволению Святого Бога, прославляющего божественного мужа, из-за множества собравшихся монахов были построены три другие Лавры в пещере Месомильской и в месте, называемом Пэзува. Человек Божий, уповая на Бога, нисколько не утратил искушения от разбойников, но замыслил доброе. Через монахов, которые стали его учениками, он сообщил болгарскому царю Александру, что ушел со Святой Горы из-за частых набегов варварского племени агарян и, придя в эту пустыню ради безмолвия, снова обрел искушение в виде разбойников. Зная, что царь боголюбив, благочестив, милостив и во всем помогает находящимся в нуждах, преподобный попросил его с помощью дарованных ему от Бога мудрости и силы помешать нападениям разбойников.

И тот дивный царь, весьма почитая добродетель и добродетельных мужей, с радостью воспринял слова преподобного, тотчас же послал людей, которые построили крепкую высокую башню, церковь, кельи и стойла для животных. Царь позаботился и обо всем другом, что было необходимо монахам, ибо это утверждают все те, кто ходит туда ради пользы душевной и на поклонение. Александр послал много денег и продуктов для находившихся там монахов, пожертвовал монастырю деревни, озеро с садком для разведения рыб, быков, безчисленное количество овец и множество мулов. Таковы были удивительные и щедрые дары Болгарского царя.

Желанным делом для божественного Григория всегда было по-апостольски обходить вселенную и своим учением привлекать всех христиан к восхождению к Богу посредством деятельной добродетели и возводя их на высоту созерцания частым повторением умной молитвы. О великом Григории можно сказать словами Писания: *По всей земле проходит*

звук их, и до пределов вселенной словá их (Пс. 18: 5), потому что он всем сердцем желал просветить всех светом Пресвятаго Духа и не оставил почти ни одного места, не только у ромеев и болгар, но даже и у сербов, да и у других, куда бы ни распространилось через него и его учеников доброе учение о безмолвии и умной молитве. И как на Святой Горе он привел отцов к строгому и чистому безмолвию и умной молитве, так и везде, куда бы ни доходил он сам или его ученик, они передавали всем христианам сие богоугодное дело умной молитвы. Даже из Парории, глубокой пустыни, куда пришел преподобный, он сделал духовную мастерскую, изменяя приходивших к нему к лучшему. Так, например, случилось с теми дикими разбойниками и убийцами, злобный нрав которых он переменил на кроткий одним лишь своим видом, сделав их пастухами овец. Те, кто были раньше жестокими и кровавыми, совершенно изменялись по молитвам преподобного, и, припав к его ногам, катались по земле в горячем сокрушении и покаянии. Что они только при этом ни говорили и ни делали, выставляя на обозрение свою прошлую жизнь, что свидетельствовало об их душевном исправлении. Большинство из них, просветившись умом с помощью поучений божественного отца, истинно поработали Богу и стяжали спасение для своей души.

Таковы лишь немногие из многочисленных подвигов святого Григория. Таковой была его жизнь и подвиги по Богу блаженной его души, в которых он пребыл до последнего своего вдоха. Немного поболев, он предал блаженную свою душу в руки Божии и взошел на Небеса, чтобы в совершенстве насладиться Желанным Христом, Которому слава, и честь, и поклонение со Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

*Написано Каллистом,
святейшим патриархом
Константинопольским*

ЖИТИЕ,
СЛАВНЫЕ ПОДВИГИ И ЧУДЕСА

**ПРЕПОДОБНОГО
И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО
МАКСИМА КАВСОКАПИВИТА,**

НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН
ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В XIV ВЕКЕ

Сей преподобный наш отец Максим происходил из Лампсака*, от родителей благородных, благочестивых и добродетельных. Будучи бездетными, они со слезами просили Бога даровать им дитя. Бог услышал их моление и дал им сего блаженного Максима, которого они назвали в Святом Крещении Мануилом. Приняв его как дар от Бога, как и было в действительности, родители воспитывали его с большой любовью и заботой, научив его и священной грамоте. Когда ребенок стал старше, они принесли его в храм Пресвятой Богородицы и посвятили Богу. Пребывая в храме Богородицы, Мануил с любовью к Богу воспевал песнопения и всегда с сильным умилением молился Божией Матери о своем спасении. Становясь старше и преуспевая в благодати, он поистине был подобен Самуилу. Его все хвалили и любили за то, что он мыслил не как дитя, но с самого начала имел ум старческий и часто посещал преподобных отцов, безмолвствовавших поблизости, чтобы послушать их душеполезные наставления. Общаясь с ними и прислуживая им, когда была

* Довольно большой город в Мизии, на северо-восточном берегу Геллеспонта, основанный фокейцами. Окрестности города славятся хорошими виноградниками. Лампсак был подарен Ксерксом Фемистоклу. Здесь жил Эпикур. В 364 году по Р. Х. в Лампсаке был Собор против ариан.

такая возможность (потому что он пребывал еще в подчинении родителям), Мануил был наставлен ими на богоугодное жительство. Его сердце зажглось божественной любовью, которая понуждала его уйти от мира на безмолвие и облечься в святую монашескую схиму. Поэтому преподобный часто снимал свои мирские одежды и одевал одежды бедных, замерзая и дрожа от холода. Он тайно с щедростью раздавал хлеб голодным и, чтобы скрыть свою добродетель, прикидывался перед родителями и прочими безумным. Однако добродетель его не укрылась от них. Забыв о том, что они посвятили его Богу, родители стали готовить его к свадьбе, чтобы связать мирскими узами и, пока живы, иметь любимого сына при себе.

Но добрый Мануил, поддерживая в уме своем помыслы о Боге, в семнадцать лет оставил родителей, родину и мир, и ушел на гору, называемую Ганской. Он надел монашескую одежду, получил имя Максим, и пошел в послушание к искусному и деятельному старцу по имени Марк, чтобы научиться от него монашескому жительству. Поскольку же он и сам был привычен к монашеской жизни, то оказался монахом преуспевающим и достойным во всем: посте, бдении, молитве, лежании на голой земле, презрении всего суетного и самого своего тела. Его полюбили все, а собственный старец даже поносил его за чрезмерный телесный подвиг.

Но прошло немного времени и старец его, просиявший своей добродетелью по всей Македонии, отошел в вечные обители. Божественный Максим после этого ушел оттуда, прошел Македонию и близлежащие горы в поисках такого же добродетельного старца. Бог исполнил его желание. Придя на Папикийскую гору, он нашел святых мужей, подобных древним, которые обитали на горе, в пещерах, в пустынных местах и ничего не имели, кроме старой одежды, что была на них. Находясь с ними долгое время он усвоил все вышечеловеческие добродетели, подобно тому как воск принимает форму печати. Затем преподобный пришел в Константинополь, посетил его прекрасные храмы и поклонился святым,

пребывающим в них как многоценное сокровище, а затем пришел в храм Пресвятой Госпожи нашей Богородицы, называемой Путеводительница. Поклонившись святыням храма, преподобный стал размышлять о той славе, которую имеет на Небесах Божия Матерь. Пребывая в исступлении, он остался в храме на ночь. И не было у него ни обуви, ни головного убора, а одна только старая одежда. А от того, что он пребывал в исступлении, то всем казался безумным. Тогда он и сам стал притворяться безумным, как тот великий Андрей, Христа ради юродивый. Поэтому все удивлялись и считали его юродивым ради Христа, а не настоящему безумным.

Узнав о Максиме, великий царь Андроник Палеолог пригласил преподобного к себе во дворец для беседы. Божественный Максим отвечал царю словами из сочинений Григория Богослова, как у него было в обычае, и из Священного Писания, так что все риторы удивлялись, откуда он мог знать об учении Григория. Максим иногда выговаривал слова неправильно, вопреки грамматическому искусству, и великий логофет* Каниклиос, однажды обратившись к присутствующим, сказал: *голос, голос Иакова; а руки, руки Исавовы* (Быт. 27: 22). Услышав эти слова, преподобный тотчас же ушел, назвав их суемудрыми и безумными, и более не ходил во дворец. К тогдашнему же патриарху, святому Афанасию, он приходил часто и с радостью слушал его сладчайшие слова, называя его новым Златоустом. Зная о его добродетели, патриарх пытался оставить преподобного в общежительном монастыре в Константинополе, но тот не хотел уходить из Влахернского храма Божией Матери, во дворе которого проводил все ночи, подвизаясь в голоде, жажде, бдениях, стояниях, молитве, слезах и постоянных воздыханиях. Днем же притворялся безумным, будучи поистине премудрым, чтобы ветер человекоугодия не сорвал плод его добродетели.

* Великий логофет – канцлер великой, то есть Константинопольской Церкви Христовой.

Проведя там достаточно времени, он пришел в Салоники, чтобы поклониться великому Димитрию Мироточивому*. Исполнив свое желание, он отправился на Святую Афонскую Гору. Обойдя все монастыри и поклонившись их святыням, он наконец пришел в Лавру святого Афанасия. Размышляя о подвигах святых Афанасия и Петра Афонского, удивляясь подвигу безмолвия Петра и общежительной жизни Афанасия, много думая о ревности и прилежании обоих в хранении заповедей Божиих, Максим возжелал остаться на Святой Горе и подражать житию их обоих. Однако, прежде чем богомудрый начал свой подвиг, он спросил совета у подвизавшихся там святых отцов. Ему посоветовали для начала войти в подчинение старцу и, как должно, упражняться в подвигах блаженного терпения. Уже после того, как он положит на камень Христов доброе основание в виде божественного терпения, которое есть начало и корень всех добродетелей, то сможет подвизаться один в безмолвии.

Выслушав все советы, преподобный стал послушником у игумена и поселился вместе с прочими братьями. Сначала он был испытан в простейших послушаниях, как это заведено, затем был назначен петь в церкви во славу Бога, ибо в юности его обучили музыке. Он пел разумно, понимая смысл слов, при этом возвышал ум свой к Воспеваемому Богу и от умиления проливал обильные слезы. То же самое он испытывал и при чтении стихов Священного Писания. Молясь в исступлении, он удивлялся безграничному чело-веколюбию Бога, Который через Святаго Духа даровал нам, находящимся еще в теле, благодать разумений Священного Писания. Сердце преподобного светилось божественным огнем, а внутренности сгорали от обитавшей в нем Божественной благодати, и хотя он и был вместе со всеми, но как бы находился один, в пустыне, и ничто не препятствовало ему в совершении умной молитвы: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя". Он произносил ее постоянно, ибо она

* Имеется в виду великомученик Димитрий Солунский.

возникала при каждой его мысли, что очень редко и трудно найти у подвижников. Но сей блаженный Максим за свою добродетель и благоговение к Пресвятой Богородице с детства был награжден даром молитвы. Пребывая в послушании монастырскому начальству и с ревностью исполняя все, повеленное ему, он проводил жизнь так же, как и раньше, так же утесняя тело, как и во Влахернском храме. В Лавре у него не было ни кельи, и никакого уголка, где бы он мог отдохнуть телесно, а на трапезе он брал еду с воздержанием, чтобы только не умереть от голода. Вместо жилища у него были стасиди* в притворе церкви, где он всегда, по своему обычаю, подвизался во всенощном стоянии и бдении.

Но подобно тому, как Синайская гора позвала Моисея, гора Кармил – Илию, а пустыня – Иоанна Крестителя, так позвал преподобного Максима цвет гор – Афон, чтобы праведник расцвел здесь и принес плоды Святаго Духа. Однажды, в праздник Всех святых явилась ему Богородица, с Господом на руках, и сказала: “Следуй за Мной, верный Максим, и взойди на вершину Горы Афон, чтобы приять благодать Святаго Духа, как ты сам того желаешь”. Это видение повторилось три раза, после чего он оставил Великую Лавру и через семь дней поднялся на вершину Горы в субботу, накануне Пятидесятницы. Там он провел ночь в бдении вместе с другими монахами, которые после Божественной литургии ушли. Божественный же Максим остался один и трое суток непрестанно молился умной молитвой Богу и Божией Матери. Кто может поведать об искушениях, которым подвергал его враг, чтобы прогнать оттуда святого? Ему казалось, что гремит гром, сверкают молнии, сама Великая Гора Афон трясется, что на него сыплются камни. Все это в ту ночь происходило как бы призрачно, по наваждению бесовскому, чтобы напугать святого. Днем же слыша-

* Особые деревянные кресла с откидывающимися сидениями, стоящие вдоль стен храма, которые и сейчас есть еще во всех Афонских монастырях, в некоторых русских, и в большинстве приходов в Греции. – *Пер.*

лись ужасные голоса, сильный шум, как бы от множества находившегося поблизости народа, появлялись страшные видом люди, которые со всех сторон Горы поднимались на вершину. Бросаясь на преподобного с копьями и пращами, они хотели сбросить его с вершины, потому что проклятые не хотели, чтобы он жил там. Божественный же Максим, имея в себе благодать Святаго Духа, нисколько не утрашился и не придавал этим явлениям никакого значения, но предавался умной молитве и славил Бога и Богородицу, его Восприемницу и Покровительницу.

И вот явилась ему в великой славе, окруженная множеством молодых архонтов, в образе царицы, Богородица, Которая снова держала на руках Сына, Творца всей твари. Святой узнал Ее по исходившему от Владычицы нестерпимому Божественному свету, который освещал все вокруг. Преподобный понял, что это было не бесовское обольщение, но Божественное видение и подлинное явление Богородицы. Максим радостно произнес: “Радуйся, Обрадованная, Господь с Тобою”. Затем он пал и поклонился Господу вместе с Госпожой Богородицей, принял благословение от Господа и услышал от Богородицы следующие слова: “Прими благодать на бесов, священный победитель, и поселись у подножия Горы Афон. Такова воля Сына Моего, чтобы ты поднялся на высоту добродетели и стал учителем и водителем для многих, которых спасешь”. Для отдохновения телесного ему был дан небесный хлеб, ибо он уже много дней пребывал в посте. Как только подвижник положил хлеб в рот, его окружил Божественный свет, ниспосланный свыше, и он слышал Ангельскую песнь, после чего Богородица вознеслась на Небеса. Божественный свет и благоухание все еще продолжали оставаться на вершине, и святой, находясь в исступлении, не хотел спускаться к подножию, чтобы не лишиться их.

Спустя три дня Максим сошел с Горы, согласно повелению Богородицы, и пришел в Ее храм, называемый Панагия. Пробыв там несколько дней, он снова взошел на вершину

Горы и стал лобызать то место, где в славе стояла Богородица. Он со слезами просил повторить видение, но наблюдал только свет и ненасытно обонял благоухание, весь исполнившись радости и веселья неизреченного. Преподобный еще трижды поднимался на вершину, однако Богородицы более не видел.

Позже он отправился к храму Пророка Илии и, найдя там старца-отшельника, рассказал ему о своем видении на вершине Горы. Однако, старец подумал, что божественный Максим впал в прелесть, и видение это было бесовское. Поэтому того, кто был светильником и учителем заблудших, он назвал прельщенным. С тех пор все уже стали называть Максима прельщенным и, отворачиваясь, прогоняли. Но этот на самом-то деле непрельстившийся светильник с великой радостью принял наименование “прельщенный”, а не святой, и всегда притворялся прельщенным, а если говорил, то притворялся безумным, чтобы тем самым уничтожить человекоугодие и возношение, и принести плод смиреномудрия, которое сохраняет в человеке благодать Святаго Духа. Поэтому преподобный не оставался на одном месте, как другие, но переходил с места на место*. И куда бы он ни приходил, везде сооружал из веток небольшую каливу**, чтобы внутри нее помещалось его подвижническое тело, а через некоторое время сжигал каливу и уходил в другое место, где строил другую. Таковым было его вышечеловеческое нестяжательство, ибо никогда не имел он ни мотыги, ни граблей, ни сумы, ни скамьи, ни стола, ни горшка, ни муки, ни соли, ни вина, ни хлеба, практически ничего из того, что необхо-

* Греческое слово *πλανημένος* можно перевести не только как “заблудший” или “прельщенный”, но и как “скитающийся”, “блуждающий”. – *Пер.*

** Каливы – самостоятельные небольшие постройки, по размерам меньше келий, но с храмом. Если храм отсутствует, то называются такие каливы “ксеракаливами”. Если калив много, то вместе они могут составлять скит, а могут и вообще не иметь никакой организации или связи между собой. – *Пер.*

димо человеку для жизни. Он почти как невещественный проводил жизнь в пустынях и неприступных местах, сооружая небольшие каливы, которые через некоторое время сжигал. Поэтому преподобного и называли “скитальцем” и кавсокаливитом*, ибо люди не знали, что его покрывала Божественная благодать, подавала прохладу надежда, и услаждала постоянная молитва. Кто может описать голод и жажду, что претерпевал преподобный, как мог он переносить наготу, холод, стужу зимнюю и летний зной, не имея ни крыши над головой, ни второй одежды, ни обуви? Очень редко он уступал естественным потребностям, и приходил к какому-нибудь брату, чтобы вкусить немного хлеба с солью и выпить чуть-чуть вина. Можно утверждать, что именно о таких говорил Иисус Христос в Евангелии: *Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их* (Мф. 6: 26), ибо сей святой и был как птица небесная или, лучше сказать, обитал в той пустыне как безплотный. Поистине приснопамятный Максим, по слову апостола Павла, распял *плоть со страстями и похотями* (Гал. 5: 24).

Кто не подивится этой ангельской жизни, кто не изумится, услышав о его сверхъестественных подвигах: его великом терпении, всенощных стояниях, постоянных слезах, непрестанной молитве, покаянии, биении головой о камень, безмолвии, кротости, смирении? Он стал обителем Святого Духа, другим Петром Афонским, новым Афанасием Великим, жизни которых всеми силами старался подражать. Можно сказать, что он взял в пример начальников монашеских: Павла Фивейского и Антония Великого, достигнув высоты их добродетелей. Поэтому и ум его, как и у тех, был восхищаем созерцаниями, и видел преподобный откровение тайн. Когда же обо всем этом узнали другие? А тогда, когда он познакомился и стал общаться с другими святыми старцами и великими подвижниками, которые и прежде восхищались

* Кавсокаливис – буквально означает: тот, кто сжигает каливу. – *Пер.*

божественным Максимом за его великие подвиги, но думали, что он обольстился, ибо так слышали о нем. Пообщавшись же с ним лично, они познали обитавшую в нем Божественную благодать, и перестали называть его “прельщенным”, но “честным Максимом” и “свотильником пресветлым”.

В это же время пришел на Святую Гору преподобный Григорий Синайский и поселился в скиту Магула. Его полюбили все святогорцы, а особенно исихасты, ибо он был дивным учителем безмолвия и умной молитвы и хорошо знал козни бесовские, что бывает очень редко. Всех исихастов обучили тайнам умной молитвы, а также способам распознавания истинной благодати и вражеской прелести. Некоторые из отцов упомянули и о преподобном Максиме, рассказав о его вышеестественном житии и притворном безумии. Божественный Григорий удивился и пожелал увидеть Максима и побеседовать с ним. Он послал к священному Максиму своих учеников и пригласил прийти к нему. Но посланные не обнаружили его в каливе, и поискав в течение двух дней в окрестностях, тоже не нашли. Время было зимнее, и Максим жил в пещерах, а не в лесу. Проведя в поисках много времени и измучившись от холода, посланные укрылись в келье святого Маманта. И вдруг к ним пришел, совершенно неожиданно, божественный Максим, которого они так долго искали, поздоровался со всеми по имени, и поведал о желании преподобного Григория покинуть Святую Гору и уйти в Парорию. Посланные передали Максиму приглашение своего старца, преподобный сразу же тронулся вместе с ними в путь, воспевая по дороге: *Возвожу очи мои к горам, откуда придет помощь моя* (Пс. 120: 1). Когда они подошли к келье Григория, божественный Максим сказал: “Старец сейчас отдыхает, потому что много трудился на молитве. Вы пойдите тоже немного отдохните, и я пойду на отдых”. Сам же Максим пошел в лес и стал молиться со слезами, воспевая: *Господи... буду я наблюдать за путями моими... от всех беззаконий моих избавь меня* (Пс. 38: 1, 9). Когда он завершил псалом, его позвал божественный Григорий, и он тотчас же

вошел в его келью. Они облобызались, после чего Григорий попросил всех выйти наружу, оставив одного богоносного Максима, желая узнать от него самого то, что слышал о нем от других раньше.

И Максим отвечал:

– Прости меня, отче, я человек заблудший.

– Оставь это, и Расскажи мне, ради Господа, о твоей добродетели, и просвети меня. Если же нет, хотя бы наставим друг друга в добродетели и получим взаимную пользу. Ибо я не такой, как другие, которые уловляют ближнего своими словами, но я люблю каждого, как самого себя.

Тогда божественный Максим рассказал ему о себе все, от юности: о ревности по Богу, о бегстве из мира, о том, как был в послушании, о притворном безумии, о подвижнических трудах, о страшном видении Богородицы, о свете, который его тогда окружил и иногда окружает теперь, о бесовских искушениях. Прервав его на слове, Григорий сказал:

– Прощу тебя, скажи мне, честный отче, держишь ли ты умную молитву?

И тот с улыбкой отвечал:

– Не хочу скрывать от тебя, отче, то чудо Божией Матери, что со мной произошло. С юности я имел сильную веру к Госпоже моей Богородице и со слезами просил Ее даровать мне благодать умной молитвы. В один из дней, по обычаю придя в Ее храм, я стал просить Ее с необычайной горячностью в сердце. И когда с любовью лобызал святую Ее икону, то немедленно почувствовал в груди и сердце некую теплоту и огонь, вошедшие в меня из святой иконы. Этот огонь жег меня и одновременно прохлаждал, давал сладость и вызывал в душе сильное умиление. С тех пор, отче, сердце мое само по себе произносит эту молитву, а ум услаждается воспоминанием видения Иисуса моего и Богоматери, и всегда соединен с этим воспоминанием о Них. С той поры молитва эта ни на секунду не прекращалась в моем сердце. Прости меня.

– Скажи мне, святой, испытывал ли ты после молитвы: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя

грешного», божественное изменение, или, может быть, входил в исступление, или имел какой-либо другой плод Святаго Духа?

– Отче, для того и ходил я в пустынные места и всегда желал безмолвия, чтобы еще больше наслаждаться плодом молитвы, который есть чрезмерная любовь к Богу и восхищение ума ко Господу.

– Прошу тебя, отче, скажи мне, а ты обладаешь даром, о котором говоришь?

Снова улыбнувшись, божественный Максим ответил ему:

– Дай мне поесть и не допытывайся о моем заблуждении.

– Ах, если бы и я был таким же заблудшим. Прошу тебя, скажи мне, когда ум твой восхищается в видении, что ты видишь умными очами? Может ли ум вместе с сердцем совершать молитву?

– Нет, не может, потому что когда через молитву приходит к человеку благодать Святаго Духа, тогда молитва прекращается, ибо ум уже весь заполнен благодатью. Не может он более приводить в действие свои силы, но пребывает празден, починяясь Святому Духу, Который ведет его, куда хочет. Либо к невестественному Божественному свету, либо к другому неизреченному созерцанию, а часто к беседе с Богом. Короче говоря, как хочет Дух Святой, так Он и утешает Своих рабов. Какая кому нужна благодать, такую Он и дает каждому. То, о чем я говорю, было у пророков и апостолов, сподобившихся зреть многие видения, хотя люди и смеялись над ними, считая их обольщенными и пьяными. Пророк Исаия видел Господа на престоле высоком и превознесенном, окруженного Серафимами (Ис. 6: 1). Первомученик Стефан видел небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (Деян. 7: 56). Так же и сейчас рабы Христовы сподобляются зреть различные видения, которым некоторые не верят и совершенно отвергают их истинность, считая их прелестью, а самих созерцателей прельщенными. Я весьма этому удивляюсь и недоумеваю, насколько очерствели эти люди, слепые душой, не верящие тому, что истинно обещал

Бог устами пророка Иоилы: *И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения* (Иоил 2: 28). Эту благодать давал нам Господь, даст и сейчас, и будет давать до скончания века, согласно Своему обетованию всем верным рабам Его. Когда эта благодать приходит к кому-то, то он видит не обычные вещи, не чувственные предметы мира сего, но то, чего он никогда не видел и даже не представлял. Тогда ум того человека научается от Духа Святого высоким тайнам, по словам апостола Павла: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2: 9). А чтобы ты понял, как это видит наш ум, поразмысли над тем, что я тебе скажу. Когда свеча находится далеко от огня, тогда она тверда, и ее можно взять в руки, но когда ты зажжешь ее, она тает, горит и вся становится светом, и невозможно, чтобы она не растаяла и не стала, как вода. Так же и ум человека, когда пребывает без Бога, постигает только то, что в его силах. Но когда приблизится к огню Божества и Духу Святому, тогда весь попадает во власть Божественного огня и становится светом, горит в огне Святого Духа и тает от Божественных смыслов, и не может в огне Божества мыслить только о своем, и о том, что хочет.

– Есть и другое, подобное этому, но является признаком прелести.

– Признаки прелести одни, а благодати другие. Лукавый дух прелести, когда приступает к человеку, смущает его ум и озлобляет его, ожесточает и помрачает сердце, вызывает трусость, страх, гордость, заставляет дрожать всем телом, перед глазами возникает свет, не сияющий и чистый, но красный. Ум приходит в исступление и становится подобным бесу, уста произносят постыдные и хульные слова, и тот, кто видит этого духа прелести, исполняется гневом, совершенно не зная ни смирения, ни истинного плача, ни слез. Такой человек всегда хвастает своими подвигами, прославляет себя

безудержно и без страха Божия. В конце концов, он сходит с ума и приходит в совершенную погибель, от которой твоими молитвами да избавит нас Господь. Признаки же благодати следующие. Когда приходит к человеку благодать Святаго Духа, она сосредоточивает его ум, он становится внимательным, смиряется, благодать приносит ему воспоминание о смерти, грехах, будущем Суде, вечных муках и легко приводит душу в умиление, плач и скорбь. День и ночь глаза такого человека наполнены слезами, и чем больше приближается к человеку благодать, тем он становится более кротким душой. Святыми Страстями Господа нашего Иисуса Христа и безграничным Его человеколюбием благодать доставляет человеку утешение. Благодать – виновница высоких истинных созерцаний: о непостижимой силе Божией, о том, как Бог единым словом привел все из небытия в бытие, о безграничной силе, удерживающей и управляющей всем и о всем имеющей попечение, о непостижимой тайне Пресвятой Троицы и неисповедимом море Божественного Существа, и другом. Когда ум человека будет восхищен Божественным светом и просвещен Божественным знанием, тогда сердце его делается в высшей степени спокойным и кротким и источает плоды Святаго Духа: радость, мир, долготерпение, благость, сострадание, любовь, смирение. Душа же наслаждается неизреченным веселием.

Выслушав это, святой Григорий пришел в изумление и удивлялся всему, что говорил ему Максим, и более уже не называл его человеком, но земным ангелом. Он долго просил его: “Перестань, пожалуйста, отныне сжигать свою келью, и останься в одном месте, как говорит премудрый Исаак, чтобы принести бóльший плод и оказать пользу многим другим, как опытейший в добродетели, потому что ты достиг старости, да и смерть часто приходит не вовремя. Передай свой талант и дар, который получил, и Божественное семя твоего учения народу Божию, прежде чем постигнет тебя кончина, тогда ты получишь на Небесах большую награду за то, что доставил пользу другим. Ведь и Господь, Который дал апос-

толам благодать Святаго Духа, не заповедал им проводить жизнь в горах, но послал к людям, чтобы и те прикоснулись к их благодати и из грешников, через их святость, тоже стали святыми. Поэтому Он и сказал своим апостолам: *Так да светит свет ваш пред людьми* (Мф. 5: 16), а не “пред горами”. Итак, пусть да светит и твой свет перед людьми, *чтобы они видели твои добрые дела и прославляли Отца нашего Небесного* (Мф. 5: 16). Перестань притворяться юродивым, ибо это служит соблазном для тех, кто знает о твоих подвигах. Послушай моего совета и сделай как я, лучший друг твой и брат, говорю тебе, поскольку, как говорит Священное Писание, брат, получающий помощь от брата, неприступнее крепкого города*”.

Об этих советах божественного Григория узнали и другие великие старцы, которые тоже присоединились к просьбам и сумели убедить преподобного Максима осесть на одном месте. И вот, божественный Максим нашел пещеру, которая находилась на расстоянии трех миль от пещеры Исаии, сделал в ней перегородку шириной и длиной в одну оргию** из веток и травы, по своему обыкновению, совершенно не используя при этом ни камней, ни дерева, ни досок, ни гвоздей, так что вышло что-то вроде кельи. Сжигать кельи он отныне перестал, и прожил в этой пещере почти до конца жизни в обычном своем нестяжании и сверхъестественном подвиге, подобно безплотным. Затем, рядом с кельей, преподобный выкопал себе могилу и постоянно плакал возле нее и воспевал ексапостиларии (тропари) на исход души: “Небо звездами красивый, яко Бог”, которые сам же и составил.

Когда он так подвизался, демоны, собравшись, воздвигали на святого ежедневную брань, пытаясь изгнать его с того места. Но преподобный прогонял их умной молитвой, и они, подобно дыму, рассеивались. К тому же святого покрывала

* Так значится в переводе семидесяти толковников, а в синодальном переводе: *Озlobившийся брат неприступнее крепкого города, и ссоры подобны запорам замка* (Притч. 18: 20). – Пер.

** Одна оргия равна 1,83 м. – Пер.

и хранила непобедимая и неодолимая сила Божия, являвшаяся в виде огня достойным такового видения, которая и пополяла его врагов. Насколько нам известно, преподобный Максим исцелил множество больных, изгонял бесов из одержимых и, отправляя исцеленных домой, заповедовал им, чтобы были всегда здоровыми, воздерживались от злопамятства, несправедливости, клятвопреступления, пьянства, блуда, от мяса, по силе подавали милостыню, очищали себя покаянием от всякого греха и в большие праздники обязательно причащались Пречистых Тайн.

Однажды преподобный побудил некоего монаха по имени Меркурий изгнать беса из одержимого, и тот в присутствии преподобного запретил лукавому духу именем Иисуса Христа и чудесным образом исцелил бесноватого.

В другой раз, встретив на дороге послушника одного старца, которого жестоко мучил бес, преподобный велел ему пребывать в послушании своему старцу, воздерживаться от сыра, вина, всякой скверны, и тогда он, во имя Иисуса Христа, исцелится. Тотчас же случилось чудо, и по слову преподобного послушник тот обрел исцеление.

Один раз пришли к преподобному для духовной беседы монахи из Лавры, а вместе с ними был один мирянин. Как только преподобный увидел его, еще издали, то не подпустил к себе, сказав, что это неверующий Акиндитат, хотя никто из его спутников не подозревал об этом. Святой много рассказал об этом человеке, называя его “опасным”, “подобным бесу”, “причастником всякой ереси и слугой антихриста”. Таких еретиков преподобный Максим при всех прогонял и предавал анафеме.

Однажды некие монахи прибыли на Святую Гору, но, когда преподобный увидел их, то громко закричал: “Прогоните сначала от себя Массалиана (так звали одного из них), и тогда уже приходите ко мне”. Услышав такое, монахи испугались и, прогнав того Массалиана, пришли к святому.

Некий монах захотел отплыть на корабле по какому-то делу в Константинополь из Салоник, но преподобный не от-

пускал его, предсказывая гибель корабля, и действительно, через три дня корабль со всеми пассажирами утонул.

Был случай, когда к Лаврской пристани причалил корабль и его пассажиры привели к преподобному бесноватого, одержимого бесом ненасытности. Ежедневно этот человек съедал пищу, достаточную для пятерых мужей, и не насыщался. Бросившись к ногам преподобного, они вместе с одержимым просили святого избавить его от беса. Взяв сухарь, преподобный подал его страждущему со словами: “Во имя Господа нашего Иисуса Христа, ешь ровно столько, насыщайся и успокойся”. Человек тот избавился от беса ненасытности и с тех пор съедал не больше того сухаря, что дал ему преподобный. Отрекшись от мира и того, что в мире, он стал монахом. Руководимый святым, этот брат с помощью Божественной благодати преуспел в добродетели и стал искуснейшим монахом.

Как-то раз преподобный бранил одного монаха по имени Варлаам за его непослушание своему духовному отцу, и сказал, что за грехи последует для него плохой конец, и он умрет от холода и стужи, что и случилось впоследствии, во исполнение пророчества преподобного Максима.

Другому монаху по имени Афанасий преподобный предсказал смерть от измаильтян, и это тоже исполнилось. Сей блаженный настолько был богат благодатью Святаго Духа, что, как вблизи, видел происходящее на далеком расстоянии, а будущее предсказывал так, словно это было настоящее.

Предсказал преподобный и приход царей, сказав: “Придут ко мне цари ромеев, чтобы послушать пророчества и узнать будущее, а не для собственной пользы”. Прошло немного времени, и к святому пришел Иоанн Кантакузин с Иоанном Палеологом, царствовавшие тогда, и он предсказал, что с ними случится, и все беды, которые произойдут. Затем, желая научить их, многое сказал для пользы души и подобающее для царей. Когда цари уже собрались уходить, святой сказал Кантакузину: “Вот, игумен монастыря”,

а другому Иоанну: “Держи неукротимое и не прельщайся, ибо царствование твое будет долгим, но непрочным, и принесет тебе много волнений”. После этого преподобный отпустил их, сказав: “До свидания, ступайте в мире”. Прошло немного времени, и святой послал в Константинополь Кантакузину сухарь, луковицу и чеснок, предсказывая, что он станет монахом и будет питаться такой пищей. Все это вскоре и случилось. Принуждаемый Иоанном Палеологом он против своей воли стал монахом, и, когда ему дали для еды сухарь, он вспомнил о пророчестве преподобного и удивился. Так же поразился и Иоанн Палеолог, вспомнив о пророчестве преподобного тогда, когда все стало складываться по его предсказанию.

Направляясь вместе с клиром в Сербию ради единства и мира Церковного и проходя вблизи Святой Горы, патриарх Каллист зашел навестить преподобного Максима в его каливе. Выйдя ему навстречу, преподобный принял патриаршее благословение и после приветствия шутя сказал присутствующим: “Сей старец потерял свою старицу”. Побеседовав некоторое время, преподобный встал и пошел перед патриархом и его спутниками, воспевая: *Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем* (Пс. 118: 1), тем самым предвозвещающая их смерть и погребение. Придя в Сербию, патриарх вместе с клириками вскоре преставились, будучи отравлены, как говорили многие; их похоронили в Сербии, в церкви. Так исполнились пророчества преподобного о царях и патриархе.

Некий подвижник Мефодий, придя однажды к преподобному, увидел Божественный свет, сиявший в его каливе. Мефодий не дерзнул приблизиться к Максиму, пока преподобный сам не подозвал его.

Рассказывали о преподобном и необычайное, например, что он питался небесным хлебом. Так, однажды зимой его пришли навестить Лаврский больничник Григорий с другим братом. Место, где жил преподобный, занесло снегом от обильных снегопадов, и человеческих следов нигде

не было видно. С трудом отыскав дорогу, они принесли в келью преподобного хлеб, вино и прочую снедь, что служит к утешению естества. Однако, зайдя в каливу подвижника, братья увидели там горячий и чистый хлеб, от которого исходило столь дивное и сильное благоухание, что оно наполнило собой все жилище. Внимательно осмотревшись и не найдя в каливе признаков огня, они упали в ноги к святому и попросили дать им хотя бы частицу того хлеба. Сжалившись над ними, Максим отрезал им половину и протянул со словами: “Возьмите, ешьте, но не рассказывайте об этом никому, пока я жив”. Преподобный дал им также испить воды, приятной на вкус. Обо всем этом, приводя в свидетели Бога, эти братья рассказали нам уже после кончины преподобного. А другие монахи рассказывали, что соленую морскую воду преподобный превращал в пресную и пил сам, а затем давал пить и им.

Однажды, во время сбора урожая, пришли к преподобному два монаха. Побеседовав с ними, Максим дал им сухарь и сказал: “Скорее идите в монастырь Дорофея, чтобы в дороге вам не подвергнуться опасности от непогоды”. Надо сказать, что погода в это время была ясная, и совсем не было туч. Однако, прежде чем они дошли до монастыря Дорофея, подул сильный ветер, засверкали молнии, раздался гром, и полил такой сильный дождь с градом, что побил весь урожай. Неубранный виноград весь погиб, ибо урожай этот “собрал” град. Увидев это, те двое монахов воскликнули: “Господи, помилуй!” и рассказали всем о пророчестве преподобного.

Как-то раз пришел к нему один ученый книжник из Константинополя. Как только преподобный увидел его, то узнал о его лукавых помыслах и начал увещавать его: “Разве ты видел подвиги и борения святых и благодать, данную им Богом, что хулишь их, говоря, что святые мало подвизались, а те, кто пишут их жития, оказывают им милость и добавляют много ложного, которого они не совершали; а данную им благодать чудотворений считаешь ложной? Престань

от этих сатанинских помыслов и не гневи Бога, чтобы Он не попалил тебя огнем, ибо святые, посвятив себя полностью Богу, посредством своих помыслов и дел угодили Ему. Скажи мне, кто сможет описать жизнь святых такой, какая она была, кто знает ее в деталях? Потому и пишут лишь о малом из многочисленных свидетельств их святости, и ты должен знать, что благодать Святаго Духа, данная святым, не только та, о которой узнают люди, но гораздо более богата и непостижима. Она превосходит всякий ум и помышление. Если ты хочешь быть поистине мудрым, оставь еллинские глупости и успокойся, как говорит Давид, чтобы познать Бога. С помощью этого знания и духовного безмолвия ты станешь своим Богу, насколько это возможно, и тогда познаешь благодать Святаго Духа, непостижимые чудеса Божии и будешь обвинять себя, узнав, в какой тьме ты раньше находился. Без света невозможно познать тьму. Выйди на свет безмолвия и молитвы, и убежит от тебя первая тьма, ты увидишь благодать и силу святых, которой возжелаешь сам". Услышав это, книжник испугался, ибо преподобный открыл его потаенные мысли, и, получив большую пользу от этих слов, отстал от своих хульных помыслов, начав отныне исправлять и других премудрым учением святого.

“Да и я сам, – говорит писатель сего жития, – Бог мне свидетель, не буду скрывать того, что видел у преподобного, ибо был с ним знаком и имел общение. Однажды я с одним монахом вышел из Ватопедского монастыря и пошел к преподобному. Не найдя его в каливе, я опечалился и стал оглядываться вокруг. Обойдя каливу сзади и поднявшись чуть выше, я посмотрел на дорогу Илии. И вдруг увидел его в ложбине Агелариу, на расстоянии около двух миль. Путь до этого места был труднопроходимым и каменистым, ровной дороги не было совсем. Но – о чудо! – я вдруг увидел, как святой поднялся высоко над землей и, как орел легкокрылый, полетел над лесом и скалами, приближаясь ко мне. Увидев его, летящим таким образом, я испугался и воскликнул: “Велик Ты еси, Господи!” От страха я подался

чуть назад и во мгновение ока святой с пением опустился там, где я только что стоял. Но что он пел, из-за чуда я не помню. Упав к его ногам, я обнял его. Он же спросил меня, сколько времени я провел в этом месте, а затем, взяв меня за руку, провел в каливу. После того как преподобный долго поучал и наставлял меня, он напоследок сказал: “Смотри, никому не говори о том, что видел, до тех пор, пока я жив. Знай же, что ты станешь игуменом, а потом митрополитом Ахридским и много пострадаешь. Однако ты терпи, подражая на древе повешенному Христу, ибо Он будет тебе Помощником в искушениях, которые случатся в свидетельство твоего подвига”. Все это, согласно пророчеству святого, и исполнилось на мне.

Но я не могу умолчать и о другом, что сам видел. Некий монах из Лавры по имени Иаков пришел просить святого, чтобы тот написал ему письмо, с которым он мог бы собирать милостыню на выкуп своего брата из рабства. Выждав немного, преподобный сурово ответил ему: “Ступай, вынь шестьдесят золотых, что спрятал в стене башни, и отдай их для выкупа брата. Не будь корыстолюбив и лжив, чтобы не попасть и тебе в рабство”. Услышав это, Иаков рассказал правду и попросил у преподобного прощение за свою дерзость.

В другой раз некий мирянин пришел к преподобному и со слезами говорил ему: “Помоги мне, святой Божий, ибо меня отлучил от Причастия один священник, который умер, теперь я, несчастный, не знаю, что и делать”. Сжалившись над ним, святой отвечал: “Ступай к митрополиту Веррии, который был архиереем умершего священника, и он тебя разрешит по закону”. И тут же преподобный сказал одному монаху, бывшему с ним: “Ступай и ты к отцу Иоанну, чтобы он разрешил и тебя, пока жив, ибо он отлучил тебя от Причастия с того времени, как ты обругал его и ударил”. Удивившись, что преподобный рассказал ему о грехе, о котором он и сам не знал, монах и мирской пошли в Веррию и получили прощение.

Однажды митрополит Траянопольский и его диакон решили проверить преподобного, правда ли он прозорлив. По дороге епископ надел рясу диакона, а архиерейскую мантию отдал диакону. Архиерей под видом диакона первым подошел к святому и сказал: “Благослови, отче”, после чего остался стоять перед каливой в ожидании приглашения зайти. Святой же ответил: “Ты архиерей, ты и благослови меня, и не обманывай, потому что я был наверху оврага, когда вы поменялись одеждой”. С этими словами святой положил поклон, а архиерей, удивившись, благословил его и обнял.

Святой рассказывал о преподобном и богоносном Нифоне Афонском, что над его каливой была небольшая пещера. Однажды Нифон вошел в эту пещеру и заснул. Пробудившись, он увидел перед пещерой одетую в красивые одежды женщину. Поняв, что это была хитрость лукавого беса, он трижды перекрестился, и она исчезла.

О себе преподобный говорил, что однажды в понедельник к нему пришел монах, которого он никогда не видел, и сел перед его каливой. “Монах этот высох от крайнего воздержания. Во вторник утром он подошел ко мне и мы беседовали. Поскольку у нас обоих не было ни хлеба, ни чего другого съестного, он вышел и сел повыше моей каливы, а в четверг утром снова вошел ко мне и мы беседовали. Затем он снова вышел и сидел на прежнем месте до утра субботы. Когда я вышел из каливы по нужде, то больше его уже не видел”.

Прожив в этой пещере четырнадцать лет, преподобный Максим вышел из нее и поселился близ священной Лавры, чтобы слышать ее колокола. Здесь он соорудил небольшую келью и оставался в ней до конца жизни.

Можно еще многое рассказать о божественном Максиме: о его прозорливости, великих чудотворениях, богомудрых наставлениях, которые он давал и мирским, и монахам, и людям любого звания. Однако, по причине множества этих рассказов, невозможно все их привести в этой книге. А то, о чем мы написали, это все равно что из целого моря набрать стакан воды. Но и этого вполне достаточно, чтобы христиане

узнали, что Бог не только в древности прославлял святых Своих, но прославляет и сейчас, и всегда тех, кто прославляет Его добрыми делам. Бог возвеличивает их знамениями и чудесами, которые свидетельствуют о той вечной славе, которой будут наслаждаться в Царствии Небесном. Опуская многое, я расскажу о священной кончине святого.

Некий монах по имени Никодим пришел за советом к святому, и Максим сказал ему: “Брат Никодим, скоро я умру”. Он открыл ему день своего успения и назвал поименно тех, кто будет присутствовать на погребении. Именно в предсказанный день преподобный Максим и преставился, ему было девяносто пять лет. Случилось это тринадцатого января. Погребли его в могиле, которую он сам же ископал рядом с каливой, при погребении присутствовали только те, кого он назвал, ибо он не хотел, чтобы о его предсказании стало известно множеству народа. Преподобный наказал, чтобы его останки не переносили в другое место, и никто не брал бы от них какую-либо часть, но оставил в целости. Так он поступил для того, чтобы не быть прославляемым людьми.

Когда все отцы Святой Горы узнали о кончине преподобного, они сильно опечалились и много плакали, так как осиротели и лишились богомудрого учителя монашеского жития и светлейшего светильника. Всегда рассказывая о его подвигах и божественных дарованиях, они каждый год с почестями благоговейно совершают службу в память святого. Так прославили и прославляют на земле преподобного Максима люди, а на Небесах, прияв его чистейшую и святую душу, Святая Троица вселила его в скинии святых и прославила неизреченным и непостижимым светом божества. Он предстоит ныне Христу, Которого возжелал от юности своей, и радуется вместе с Ангелами и святыми, и непрестанно молится о нас.

Непрекращающиеся у его могилы чудеса показали, что благодать Святаго Духа неразлучно пребывает с божественными его мощами. Некий монах Дионисий, прозываемый Кондостефанос, сильно мучился от головных болей. Он

пришел к гробнице преподобного, и с верой и слезами просил Бога и святого дать ему здоровье. Немного задремав, он, когда проснулся, почувствовал, что здоров. Прославив Бога и святого, монах взял земли с могилы, которая оказалась как миро дивное, наполнив неизреченным благоуханием все вокруг.

“Да и я сам, – говорит автор жития, – который видел святого, парящего в воздухе, когда сильно заболел и приблизился к смерти, со слезами призвал святого. Он явился ко мне во сне, исцелил меня, и я поправился, прославляя и благодаря Бога и святого за то, что уже был мертв, но воскрес”.

Некий иеромонах святой жизни по имени Нифон вместе с другим подвижником пришли на могилу к святому и, раскопав, взяли часть из его святых мощей. При этом разлилось такое благоухание, что они не смогли его вынести. Вытерев губкой, смоченной в воде, взятую ими частичку мощей, они с верой помазали себя этой губкой, после чего снова положили мощи на место, исполнив заповедь преподобного, велевшего оставить его мощи целыми. Они снова засыпали могилу землей, как и было прежде, и прославили Бога, так прославляющего святых Его. В великой радости они каждый день посещали могилу святого Максима и обоняли исходившее благоухание. Точно так же поступали и все те, кто подвизались рядом с местом его погребения, наслаждаясь благоуханием во славу Христа, Бога нашего, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

*Написано Феофаном Перифеориу,
бывшим игуменом Ватопедского монастыря*

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГООБОЖАЕМОГО
ОТЦА НАШЕГО НИФОНА
АФОНСКОГО,

ПРОСИЯВШЕГО В XIV ВЕКЕ

Сей преподобный отец наш был родом из Аргирокастро, из селения Лукови. Отец его был священником, человеком весьма благочестивым и боявшимся Бога. Когда преподобному исполнилось десять лет, его дядя забрал его с собой в монастырь святого Николая, где был еkkлисиархом. Эту обитель построил приснопамятный царь Константин Мономах на месте, которое до сих пор называется Междуречье*.

Сначала дядя обучил его священной грамоте, а затем облек в монашескую схиму. Поскольку Нифон преуспел как в учении, так и в послушании монастырском, то был поставлен во чтеца, а когда пришел в возраст и еще более преуспел духовно, его рукоположили во священника. Будучи весьма одаренным и прилежным, преподобный читал Священное Писание и жития святых, благодаря чему стал многоучным. Любовь же к Богу уязвляла его в самое сердце, а желание безмолвия так разгорелось в нем, что сжигало ум и мышление. Поэтому он оставил обитель святого Николая и пришел к одному добродетельному подвижнику на гору Геромерион, у которого научился строгому монашескому жителству. Усладившись медом безмолвия, он более не смог находиться в миру, но, презрев родину, сродников, друзей и всякое имение, он с усердием устремляется на Святую Гору, а там, водительством Божиим, приходит в район Великой

* По-гречески – Месопотамон. – Пер.

Лавры в кафизму* святого Петра Афонского. Найдя там одного удивительной жизни подвижника по имени Феогност, он предал ему себя в полное послушание. Через три года, узнав, что Нифон – священник, и увидев его многочисленные и великие добродетели, старец уже более не захотел, чтобы Нифон был его послушником, но братом, равным ему. Преподобный же, в свою очередь, возражал и говорил: “Нельзя монаху безмолвствовать одному, если он вначале не смирит себя послушанием”, и просил по-прежнему оставить его в послушниках. Но из-за своего необычайного смирения Феогност не соглашался и божественный Нифон, обогащенный даром слез, вынужден был удалиться оттуда. Он перешел в находившуюся рядом кафизму Василия Великого, где в крайнем безмолвии пребывал четырнадцать лет, вкушая все это время лишь немного сухого хлеба, да и то один раз в неделю.

В это время в Великой Лавре случилась эпидемия чумы, от которой умерли многие из братии. Поскольку в обители осталось мало священников, игумен позвал святого, но тот из любви к безмолвию отказался, сказав ему: “Прости меня, отче, ибо я некнижен и невежествен”. Тогда игумен попросил его служить хотя бы в кафизмах за пределами Лавры, и тот, по своему смиренномудрию, подчинился, проведя в этом послушании три года. Поскольку же в сердце преподобного, продолжало гореть желание безмолвия, он ушел оттуда и пришел в Вулевтирии, где сейчас находится скит святой Анны. Вкушая лишь траву земную, он провел там в безмолвии много лет, не имея никакого крова над головой, даже каливы.

Однако нашлись некоторые братья, которые не смогли взирать на такое высокое житие преподобного. Подвигнутые на зависть ненавистником добра – дьяволом, они обвинили

* Кафизма – обычно небольшое по размеру строение близ монастыря, которому и принадлежит, и где живет обычно один монах; исключением является кафизма святого Евстафия близ Великой Лавры. – *Пер.*

подвижника в прелести перед игуменом Лавры, якобы тот ест траву, потому что гнушается хлебом. Игумен вызвал Нифона в монастырь и спросил: “Брате мой и чадо, зачем ты подвизаешься такой суровой и высокой жизнью, от которой рождается возношение и прелесть, а не идешь средним и непрелестным путем, который легче и не таит в себе бездн прелести? Древние отцы питались травой в пустынях, потому что у них не было хлеба, а здесь есть и хлеб, и другая еда. Ты должен все это есть с воздержанием, и тогда прогонишь бесовское превозношение и прелесть”. По своему крайнему смирению преподобный послушался игумена, и, покинув Вулевтирии, пришел в кафизму Преображения, где прожил много лет подряд, совершая там Божественную литургию. Узнав о нем, у кафизмы собралось множество братьев, которые хотели стать его послушниками и иметь преподобного своим наставником и учителем монашеского жития. Но множество народа доставляло подвижнику сильное беспокойство, и он ушел оттуда к преподобному Максиму Кавсокаливиту, вместе с которым и безмолвствовал много лет. И такую они испытывали любовь друг к другу, что, казалось, была у них одна душа в двух телах. Святой Максим подарил свою каливу святому Нифону, а сам соорудил для себя дру-гую, рядом.

Поскольку многие приходили к святому Максиму из-за совершаемых им чудес и пророчеств, через некоторое время святой Нифон, будучи не в силах выносить это беспокойство, ушел оттуда в пещеру, что находилась напротив кафизмы святого Христофора, где и остался на безмолвие. Позже пришел с его родины некий монах по имени Марк, и просил взять его в послушники, чтобы научиться монашескому житию. Преподобный принял его, но велел построить рядом с его каливой другую, для его брата. Изумившись от слов святого, Марк отвечал: “Отче, разве возможно, чтобы мой брат пришел сюда, он же мирянин и имеет семью?” Тогда с присущим ему великим смиренномудрием святой

сказал: “Брат, я выжил из ума, поэтому и не знаю, что говорю. Ты же поступай как хочешь”. На праздник святого Афанасия преподобный послал Марка по какой-то необходимости в Лавру, сказав: “Возвращаясь с праздника, приведи с собой и своего брата, посмотрим на него”. Марк же, снова удивившись, отвечал ему теми же самыми словами. Однако, придя в Лавру, он обнаружил, что брат его сидит у дверей. Поняв прозорливость святого, он с радостью обнял брата, хотя и испытывал угрызения совести от того, что не поверил своему старцу. Позвав брата с собой, Марк привел его к святому и, припав к его ногам, просил прощения за свое неверие. Через некоторое время Марка разбил сильный паралич, он не мог ни ходить, ни пошевелить рукой или ногой. Он попросил святого сжалиться над ним и исцелить, но тот, желая чтобы Марк познал свой грех неверия и преслушания, сказал: “Исцелить тебя, чадо, могут лишь святые чудотворцы и безсребренники, а меня, грешного и недостойного, Бог не слышит”. Брат же Марка, из сострадания к нему, очень просил святого простить его. Нифон взял елей из лампадки и помазал тело больного, и – о чудо! – Марк тотчас же исцелился и встал с одра, на котором лежал. Тогда святой сказал ему: *Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже* (Ин. 5: 14). Но Марк снова впал в преслушание. Он просил благословения старца пойти ловить рыбу, но, не получив его, все равно спустился к берегу, чтобы якобы постирать одежду, а на самом деле стал ловить рыбу. И когда он занимался этим, вдруг из воды выпрыгнула огромная акула с раскрытой пастью, чтобы проглотить его. Испуганный Марк призвал в молитвах старца и, чуть отпрянув назад, едва-едва смог избавиться от чудовища. Он тотчас же прибежал к святому, держа в руках свой улов. Святой же, взглянув на него, сказал: “Не будь неверен, ослушник, ибо тот, кто преобразился в змия перед прародителями и научил их преслушанию, тот же самый и превратился в акулу за твое преслушание, которому научил тебя прежде, желая ввергнуть

в погибельный ров и духовно, и телесно. Но Христос, пришедший в мир, чтобы мы имели жизнь, помог тебе сегодня, ожидая, по безграничной Своей благодати, твоего покаяния. Я же никогда не стану есть рыбу преслушания”. Услышав это, Марк далеко отбросил рыбу и, припав к ногам святого, с горячими слезами просил прощения. По необычайному своему состраданию святой простил его. С тех пор Марк всегда пребывал в полном послушании своему наставнику, до тех пор, пока не окончилась его земная жизнь, и он не перешел в мир иной с благими надеждами на тысячекратную награду за послушание. Преемником своего послушания, чтобы служить святому, Марк назвал своего племянника Гавриила, отца которого звали Досифей. Этот Досифей однажды попросил святого послать Гавриила по какой-то нужде в Ватопедский монастырь, и тот отправил его, назначив, однако, точный день его возвращения. Пришел назначенный день, а Гавриила не было. Досифей начал плакать, думая, что сын его попал в рабство, ибо он слышал, что те места подвергались пиратским нападениям агарян. Святой же, прозревший духовными очами, узнал о том, что случилось, и сказал: “Не плачь, старец Досифей, о своем сыне, потому что он на свободе”. И действительно, Гавриил, с которым не случилось ничего дурного, пришел до захода солнца.

Зная, что через шесть месяцев святой Максим заснет последним сном, святой сказал своим сподвижникам: “Пойдемте к святому Максиму, насладимся его обществом, ибо уже не увидим его в настоящей жизни”. Когда они пришли к нему и дали последнее целование, святой Максим сказал: “Радуйтесь о Христе, возлюбленные братья. Сие есть наше последнее приветствие, потому что более мы не увидимся”. И это было истинное пророчество святых.

Прошло много лет, и на Святой Горе опять началась эпидемия чумы. Эта болезнь поразила и Гавриила, которому угрожала смерть. Отец его безутешно плакал, а святой так утешал его: “Не плачь, брат, ибо сын твой сейчас не умрет,

потому что так хочет Бог, ибо он послужил мне. Повернувшись на восток, святой стал тайно молиться о больном Всемилостивому Богу, и молитва эта длилась довольно долго, после чего произошло чудо и больной поднялся здоровым, прославляя Бога. Тогда, обратившись к Гавриилу, святой произнес: “Вот, брат наш, с помощью Божией, обрел здоровье, а я во время Петрова поста умру”.

Наступил Петров пост. В первую субботу поста святой встал, помолился, причастился Пречистых Тайн, а затем сказал братии: “Чада мои, возлюбленные о Господе. Вот, пришло мне время пойти ко Господу, Которого от юности желала душа моя”. Видя, что все смутились, он сжалился над ними, и сказал: “Чада, не должно вам жалеть меня, ибо отныне я буду ходатаем о вас к Богу, моля Его о вашем спасении. Вы же только соблюдайте Его заповеди”.

В воскресенье он велел братиям сначала поставить трапезу, а затем ископать и подготовить ему могилу, чтобы, как он сказал, *возвратиться в землю, из которой был взят* (Быт. 3: 19). После того как все было сделано, святой встал, поднял очи свои к Небу, долго молился с поднятыми руками. Затем, благословив и простив братьев, и получив от них прощение, он скрестил на груди руки и предал святую душу свою в руки Божии. При этом лицо его просияло как солнце, показав тем самым его дерзновение к Богу. Преставился сей приснопамятный отец четырнадцатого июня, в возрасте девяноста шести лет, совершив при жизни множество чудес, о некоторых из которых мы расскажем.

Некий духовный и добродетельный старец по имени Феодул захотел однажды пойти к святому ради пользы душевной. По дороге, вблизи обрыва, он поскользнулся и ударился ногой о большой камень. От сильного кровотечения и боли он чуть не умер. Провидя, что старец находится в таком плачевном состоянии, Нифон из глубины души воззвал: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, если раб Твой Нифон имеет к Тебе дерзновение, то пусть остановится кровотечение и пре-

кратятся боли Феодула, чтобы, по его молитвам, я пришел в себя, и меня не сожрали здесь дикие звери”. Как только он произнес эту молитву, случилось чудо: кровь остановилась, боли прекратились, полуживой до этого старец встал и снова зашагал по дороге, славя Бога.

Некий Лаврский монах, относившийся с большим благоговением к святому Нифону, послал ему с другом сосуд масла. Друг же тот, идя по дороге, оступился и упал. Все, что он дал, разбилось, кроме сосуда с маслом, который остался целым, и когда брат отдавал его святому, тот с улыбкой, опережая его, сказал: “Видишь, какую силу имеет вера брата, пославшего масло, она и тебя избавила от опасности, и сосуд, в отличие от всего остального, не разбился”. Принесший масло брат удивился прозорливости святого и прославил Бога.

Другой монах, много лет страдая от головных болей, истратил большие средства на врачей, не получив однако никакого исцеления. Придя к святому и припав к его ногам, он горячо молил исцелить его, говоря: “Я знаю, святейший отче, что все, что бы ты ни попросил у Бога, Он даст тебе, ибо ради любви к Нему ты и избрал себе эту пустыню”. Святой по смиренномудрию своему отвечал: “Отче, я грешен, а грешников Бог не слушает”. Больной же не переставал со слезами припадать к нему и просить об исцелении. Победенный естественной своей добротой и состраданием, блаженный Нифон прочел молитву над головой больного, после чего слышался шум, как от сильного ветра, и – о чудо! – больной исцелился, поблагодарил святого и прославил Бога.

Другой монах-келлиот понадеялся на себя и на свои знания, поэтому и не стал открывать свои помыслы более опытному духовному отцу. Так он и жил, как подсказывал ему помысел. Вследствие этого несчастный впал в прелесть и принял ангела тьмы за Ангела света. Наученный им множеству непристойностей, монах впал в гордыню и думал, что своими добродетелями превосходит всех. Однажды он пришел к святому Нифону. На вопрос, зачем он пришел, тот отвечал:

– Посмотреть на тебя, который знаменит добродетелью. Святой на это заметил:

– Как это ты, такой великий и дивный, снизошел до того, что пришел ко мне, ничтожному и убогому?

– Бог оказал мне благодеяние, и дар, который я имею, – от Бога.

– Брат, дар Божий есть смиренномудрие. Помысел от Бога – думать о себе, что ты самый последний из всех, помысел от Бога – достичь великих добродетелей и думать, что ты хуже всех. А то, что ты возомнил о себе, это прелесть от сатаны, который тебя и научил всему.

После каких слов святого монах как бы пришел в себя и сказал:

– Отче, если гордыня моя от лукавого, то прогони ее, прощу тебя, своей молитвой и избавь меня от высокомерия.

Возвысив душевные свои очи к небесам, блаженный Нифон сказал:

– Господи, Иисусе Христе, взыскавший и обретший заблудшую овцу и сопричисливший ее прочим незаблудшим, прогнавший мысленного волка, искавшего погубить ее, и показавший нам путь спасения. Ты, Владыко, раба Твоего сего, который по простоте своей и по коварству диавола-обольстителя впал в прелесть, избавь от высокомерия бесовского, – да познает Тебя, Истинного Бога, ради нас крест и смерть претерпевшего, и да прославит имя Твое святое во веки. Аминь.

Так молился преподобный, и тотчас же с очей брата спала как бы пелена, и он ясно познал, в какое зло он, несчастный, впал. С тех пор, избавившись от сатанинского высокомерия, он с благоразумием и смирением стал проводить богоугодную жизнь.

Из святой Лавры за какое-то согрешение был изгнан некий монах, который пришел к святому Нифону и пожаловался, что его выгнали несправедливо. Этот брат просил, если возможно, позволить остаться у него послушником. Однако святой, провидя будущее, велел ему вернуться в мо-

настырь, припасть к ногам игумена с покаянием и смиренномудрием, чтобы тот снова принял его. “Если же ты не вернешься, – сказал святой, – то и здесь не сможешь вынести все тяготы, и лишишься того доброго, что мог бы получить в монастыре. Ибо если ты вернешься, то через некоторое время станешь еkkлисиархом, а затем игуменом. Однако тебе более всего должно иметь смиренномудрие”. С улыбкой святой продолжил: “Когда с помощью Божией ты станешь игуменом, вспомни о нас, и уделяй нам средства от части общежительной”. Когда монах вернулся в обитель, то действительно, через некоторое время, согласно проречению преподобного, стал еkkлисиархом, а затем игуменом, и посылал святому все необходимое для жизни.

Трое монахов захотели навестить преподобного, но поскольку один из них был безбородый, они оставили его на дороге, далеко от кафизмы преподобного. Когда эти два монаха пришли к святому, тот спросил их: “Почему вы не привели с собой и того юношу, который станет обителью Святого Духа”. Удивившись словам святого, они пошли и привели юношу. Получив большую пользу от беседы с преподобным и приняв от него благословение, все трое ушли, прославляя Бога. Юноша же тот, преуспев в добродетели, согласно слову святого, просиял в монашеском житии.

Досифей, отец Гавриила, о котором мы уже говорили, просил святого позволить Гавриилу пойти по какому-то делу в Иверский монастырь. Провидя открытую ему Божиим Промыслом опасность, которая должна была с ним случиться, он возражал. Однако Досифей утверждал, что никакой опасности нет, и что на следующий день он пойдет в Амальфинский монастырь, называемый ныне Морфинским. Нифон возразил: “А если Гавриил попадет в рабство в Амальфинском монастыре, что тогда будет? Пусть идет, моей вины не будет в том, что с ним случится”. Досифей поверил словам святого и более уже не противоречил. В тот же вечер пришел к ним некий брат и возвестил, что от Морфинского

монастыря отошел корабль с пиратами, которые захватили трех монахов, случайно оказавшихся на той дороге.

Однажды, пришел к преподобному один Лаврский монах и возвестил, что иеромонах Иоанникий послан игуменом вместе с другими братьями на остров Скирру, но в море на монастырский корабль напали пираты и всех взяли в плен. Лаврские отцы собрали деньги для их выкупа, и этот монах дал от себя одну золотую монету. В это время Нифон сказал ему: “Лучше бы ты, чадо, отдал этот золотой нищим, потому что Иоанникий и прочие уже освобождены, и с ними все в порядке. Ах, если бы и мы могли поучаствовать в том утешении, какое имеют они сейчас”. Услышав эти слова, монах запомнил день, когда святой Нифон это сказал, и по возвращении Иоанникия в Лавру, рассказал ему о пророчестве преподобного. Нужно отметить, что именно в тот день Иоанникий с братьями поймали много рыбы, поэтому они и получили великое утешение во славу Бога, прославляющего прославляющих Его. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ИЖЕ ВО СВЯТЫХ
**ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ ПАПАИИ,
АРХИЕПИСКОПА СОЛУНСКОГО,
ЧУДОТВОРЦА,**

ПРОСИЯВШЕГО В XIV ВЕКЕ

Сей божественный отец наш Григорий произошел от родителей знатных и добродетельных. Отец его был настолько достойным человеком, что когда Андроник II воссел на царском престоле, то назначил его одним из членов синклита*. Но не только земной царь оказывал ему почести, но и Небесный Царь, Который еще при жизни прославил его чудесами. Предвидя свою кончину, он принял монашескую схиму и из Константина стал Констанцием. Оставив все земное, он наконец переселился к небесным. После смерти отца Григорий начал изучать внешнюю премудрость. Он был еще в малом возрасте, ему трудно давалось запоминание, поэтому он решил, что не будет приступать к учению, пока не положит перед иконой Госпожи Богородицы три земных поклона с молитвой. И так, с молитвой, ему стало легче даваться учение. Богородица помогла ему и в том, что склонила к нему душу царя, и тот щедро давал Григорию все потребное для жизни. Прошло немного времени, и Григорий показал такое преуспеяние, что все удивлялись его премудрости, которую он проявлял в государственных делах. По сей причине царь весьма радовался и замыслил дать ему значительную должность. Однако ум преподобного помышлял о более великом и высоком: о Небесном Царе и Его Царстве, а о земном Григорий совершенно не заботился. Преподобный постоянно общался с монахами Святой Горы, приходившими

* Государственный Совет в Византии. — Пер.

в Константинополь, и подвижники советовали ему удалиться из города и пойти на Афон. Они также советовали ему немного поупражняться в добродетелях, прежде чем оставить город, и преподобный, ко всеобщему удивлению, стал проявлять такое безразличие к одеждам, предпочитая самые убогие из них, и настолько изменил жизнь и нравы, что некоторые подумали, что он сошел с ума. Но мужественный Григорий нисколько не задумывался о безчестии и стыде, и с ревностью предавался воздержанию и посту, удовлетворяя телесные потребности в пище и питии лишь хлебом и водой, никогда не наедаясь досыта. Так же, сверх меры, подвизался он и в прочих добродетелях. Григорию было двадцать лет, когда он начал так жить, не поддаваясь ни на уговоры царя, ни на обещания больших почестей. Убедив домашних, близких родственников и некоторых рабов, которые были настроены благонамеренно, принять ангельскую схиму, он разместил их в монастырях, а сам вместе со своими братьями удалился из Константинополя. Придя на Святую Гору, он поселился в Ватопедской Лавре и стал послушником божественного Никодима, который был дивным безмолвником, сиявшим и в подвигах созерцания, и в деятельных подвигах. От него преподобный принял ангельский образ. А теперь будьте внимательны и поймете, какое преуспеяние выказал Григорий в тех же самых подвигах, деятельных и созерцательных.

Прошло два года с тех пор, как он посвятил себя Богу – постами, бдением, сосредоточением помыслов, непрестанной молитвой, имея Водительницей, Заступницей и Ходатаицей Божию Матерь, и каждую минуту в молитвах обращался к Ее помощи. В один из дней, когда он так безмолвствовал наедине, а все его помыслы были обращены внутрь себя и к Богу, внезапно явился ему величавый муж (это был святой Иоанн Богослов) и, с кротостью смотря на него, сказал:

– Чадо, меня прислала Святейшая Царица всех спросить тебя, почему ты все время взываешь к Богу со словами: “Просвети мою тьму, просвети мою тьму?”

На это Григорий отвечал так:

– А чего другого я, страстный и исполненный грехов, должен просить, если не милости и просвещения, чтобы знать и творить Его святую волю.

– Владычица всех через меня, Ее раба, обещает быть тебе Помощницей.

– А где Матерь Господа моего будет мне помогать, здесь или в будущей жизни?

– И в настоящей, и в будущей.

Сказав это и наполнив сердце Григория неизреченным весельем от обещаний Богородицы, святой Иоанн Богослов исчез.

С тех пор как божественный Григорий стал послушником старца, прошло три года. Когда старец отошел ко Господу, преподобный ушел оттуда и прибыл в Лавру святого Афанасия. Тамошние отцы приняли его с большими почестями, потому что были наслышаны о его добродетелях. Он провел в Лавре три года, и все это время братия дивились его житию и премудрости. Игумен благословил преподобного вместе с прочими монахами служить на братской трапезе и петь на клиросе с другими певчими. Своей ревностью к послушаниям Григорий приводил всех в изумление, он необычайно стремился стяжать все добродетели, а душа его истинно была обителью духовных благ. Отныне все видели в нем пример добродетели, ибо сей дивный Григорий покорил не только неразумные страсти и похоти, но и естественные потребности. Будучи в теле, он подвизался, чтобы стать безплотным. Григорий покорил сон, и целых три месяца не спал, как безтелесный, позволяя себе лишь небольшой отдых после еды, чтобы не повредиться умом. Однако любовь к безмолвию не позволила ему остаться в Лавре до конца жизни, и он ушел оттуда в любимую им пустыню вместе с единомышленниками, обладавшими такими же добродетелями.

Тот скит, где обитали многие другие анахореты, назывался Глоссией. Их предстоятелем был другой Григорий, и тоже из Константинополя, великий в то время и знаменитый делатель безмолвия, трезвения и созерцания. От него

и научился преподобный высочайшим тайнам умного действия и боговидения. Безмолвствуя наедине, святой сподобился приять от Бога многие тайные дарования, о которых невозможно рассказать словами. Он всегда приходил в такое умиление, что из глаз его непрестанно текли слезы. Этот дар преподобный имел всю жизнь. Однако этим добрым безмолвием в Глоссии нельзя было наслаждаться все время по причине нападений агарян на монахов, подвизавшихся вне стен монастырей. Избегая опасности, Григорий и его братство, в количестве двенадцати человек, вынуждены были перейти в Салоники. Посовещавшись между собой, они решили пойти в Иерусалим, чтобы поклониться святым местам и остаться там на безмолвие до конца жизни. Однако божественный Григорий, желая узнать, угодно ли это Богу, стал молиться наедине. Немного задремав, он тотчас же увидел такое видение: «Мне показалось, что я и братья очутились перед дворцом. Там на троне величественно восседал царь в окружении телохранителей, вельмож и прочих чиновников. От них отделился некий архонт, который подошел к нам и, обняв меня, как бы повлек за собой. Обратившись к моим собратьям, он сказал: “Я удержу этого с собой, ибо так повелел царь, а вы идите, куда желаете, никто вам не помешает”». Просвещенный Богом, великий Григорий поведал братьям о бывшем ему видении, и все подумали, что этот вельможа, который удержал божественного Григория, был великий Димитрий*, поэтому они решили остаться в Салониках, на родине великомученика Димитрия. Находясь в Салониках, братья просили божественного Григория принять священный сан. Но сначала он не соглашался, пока не познал, что на это есть воля Божия.

После его рукоположения они пришли в Верию**, в один скит, и выстроили небольшой монастырь, где божествен-

* Имеется в виду святой великомученик Димитрий Солунский, чудотворец. – *Пер.*

** Город, в восточной части Македонии. – *Пер.*

ный Григорий, поистине исполненный всяких благ, вместе со своими сподвижниками снова стал подвизаться и упражняться в совершенстве по Богу. Пять дней в неделю он никуда не выходил из обители, и никого не принимал в своей келье. Только по субботам и воскресеньям он выходил, чтобы совершить литургию и вести духовные беседы с братьями для их пользы. Было ему тогда тридцать лет, здоровье и телесные силы его были в совершенном порядке, поэтому он начал более суровые подвиги и житие. Преподобный иссушал тело постами, долгими бдениями, утончал и непрестанно очищал мысленные очи своей души совершенным воздержанием и собиранием помыслов, обычным источником слез, возводил всегда ум к Богу в непрестанной молитве, стараясь полностью подчинить плоть духу.

От такого богоподобного жительства родились и плоды Святаго Духа, как говорит апостол. Все его сподвижники, монахи той горы, даже жители Верии, видели в нем образец добродетели: удивление и изумление вызывала не только его ангельская жизнь, но и его поучения, и преестественная мудрость по Богу. Иногда он был весь внимание, прилепляясь лишь к Богу и омываясь дивными слезами, а иногда лик его был вышеестественно светел, просвещен и прославлен огнем Пресвятаго Духа, особенно когда выходил из церкви по окончании богослужения, или из кельи, где безмолвствовал. В это время отошла ко Господу мать Григория, Каллиста, обладавшая великими добродетелями. Ее дочери и сподвижницы тотчас же направили письмо великому Григорию с извещением о кончине матери, прося прийти к ним ради духовного их наставления. Он пришел в Константинополь к сестрам и, достаточно просветив их, захотел вернуться в Верию. Сестры последовали за ним. Поместив их в женском монастыре, он велел им проводить обычное подвижническое житие, после чего вернулся к себе в келью на гору, что находилась близ Верии. Там преподобный познакомился с одним престарелым подвижником по имени Иов, весьма простым нравом. Слушая однажды божественного

Григория, который говорил, что “не только подвижники, но и все простые христиане должны непрестанно молиться, по апостолу”, он не соглашался, утверждая, что это долг только монахов, но не мирских. Святой молчал, потому что ненавидел многословие, однако Бог Сам показал справедливость его слов, потому что когда Иов вернулся к себе в келью и стал молиться, он увидел светлого Ангела Божия, который сказал ему: “О старец, не сомневайся в том, о чем тебе только что сказал священный Григорий. И ты должен так мыслить и исповедовать”.

В течение пяти лет премудрый Григорий безмолвствовал на той горе, но из-за частых набегов гнуснейшего албанского рода он вынужден был снова вернуться на Святую Гору, в Лавру святого Афанасия, где с большой радостью встретился с друзьями, отцами и братьями. Он поселился вне стен монастыря, в исихастирии* святого Саввы, и выходил из него только в субботы и воскресенья, если его просили отслужить в Лавре; он не желал никого видеть, ни с кем беседовать, не хотел чтобы его видели и другие. Целью его жизни было созерцание по Богу.

Однажды вечером в Страстную неделю, по древнему обычаю, в Лавре совершалось величественное Всенощное бдение, на котором присутствовал и святой. Поскольку же некоторые из певчих предавались суетным беседам и не желали их прекращать, человек Божий опечалился, но сделать им замечание находил неразумным. Поэтому преподобный отвлекся умом от их болтовни, а также и от песнопений, и обратился в себя и к Богу, как уже привык, и в это время душу его осиял Божественный свет, которым просветились его душевные и телесные очи, и он ясно увидел то, что должно было случиться через много лет. А увидел он в архиерейском облачении игумена Лавры Макария, который через десять

* Исихастирий или аскитирий – жилище монахов, которые предаются более суровому подвигу. Это небольшие по размеру каливы или пещеры, в труднодоступных или недоступных местах, рассчитанные лишь на то, чтобы удовлетворять самые элементарные нужды подвижника. – *Пер.*

лет стал митрополитом города Салоники, где и окончил свою жизнь.

В другой раз святой молился в своей келье Богородице о себе и своем братстве, прося ее облегчить восхождение к Богу и сделать безпрепятственным их духовную жизнь, чтобы они легко и без труда находили все потребное для жизни, не тратя время на поиски и тем самым отвлекаясь от духовных дел. И Владычица всех явилась ему при свете дня в скромном виде Девы, как мы видим Ее, изображенной на иконах, и обратилась к тем, кто Ее сопровождал (а их было много, и все в светлых одеждах), со словами: “Отныне вы будете заботиться обо всем необходимом, и давать это Григорию и его братству”. Отдав повеление, Божия Матерь стала невидима. Святой Григорий говорил, что с тех пор они всегда без труда получали необходимое, где бы ни находились.

На третий год своего пребывания в исихастирии святого Саввы, в один из дней, когда святой восходил умом к Богу посредством священной молитвы, ему показалось, что он пребывает в тонком сне и видит следующую картину. Будто держит он в руках сосуд с молоком и оно внезапно стало переливаться через край. Потом вдруг оказалось, что молоко превратилось в отличное вино с дивным запахом, которое обильно текло по рукам и омочило его одежды, напитав их благоуханием. И когда он наслаждался этим благоуханием, ему показалось, что некий человек в военной форме, исполненный света, внезапно явился ему и сказал: “Григорий, почему ты не напоишь других этим дивным напитком, который так обильно изливается, и он пропадает напрасно? Разве ты не знаешь, что это дар Божий, и поток никогда не прекратится?” Григорий ответил, что невозможно напоить других этим напитком, так как нет тех, кто действительно в нем нуждается. Но явившийся заявил, что хотя в настоящее время действительно нет тех, кто страстно его ищет, он все равно должен исполнять свой долг и раздавать его. А отыщет тех, кто хочет напиться, Владыка Иисус Христос. Затем тот светлый воин исчез, а святой, стряхнув сон, долгое время

был окружен Божественным светом. Превращение молока в вино означало, что от нравственного и простейшего учения он должен перейти к учению догматическому и Небесному.

Следуя божественному видению и ведомый Святым Духом, в нем обитавшим, Григорий начал не только давать братьям устные наставления, но и писать тростью* дивные сочинения. Поскольку же было несправедливым, чтобы такой великий в добродетелях и словах брат был сокрыт, произошло следующее. Его назначили игуменом монастыря Есфигмену, в котором жило двести монахов. Как он управлял монастырем и всем священным братством, нет необходимости рассказывать словами, ибо все показало дело. В той обители жил некий добродетельный монах по имени Евдоким, которого диавол прельстил лживыми видениями и заставил возомнить о себе, что он в добродетели выше Григория. Предузнав, что Евдоким подвергся диавольскому нападению, преподобный иногда учительным словом, иногда собственными тайными молитвами со слезами, и иногда общими всего братства молениями положил преграду этому диавольскому действию и благодатью Пресвятаго Духа соделал его воистину Евдокимом**.

Как-то раз в монастыре закончилось масло, а поскольку в нем была большая потребность, святой с братьями пришел в кладовую и, с верой помолившись Богу, благословил сосуд, который тотчас же наполнился маслом, и этого масла хватило на весь тот год, хотя его обильно расходовали. Узнав, что масла не было потому, что монастырские масличные деревья не плодоносили, преподобный пришел вместе с братьями к деревьям. Когда он их освятил во имя Отца, Сына и Святаго Духа, они начали плодоносить. В доказательство свершившегося чуда, любое дерево, к которому прикасался святой, сразу же покрывалось множеством плодов.

* Тростниковая палочка для письма. – *Пер.*

** Евдоким (греч.) – пользующийся доброй славой, славный, окруженный почетом или уважением. – *Пер.*

Прошло немного времени, и преподобный, оставив игуменство, снова вернулся в Лавру к любимому им безмолвию. Как раз в это время пришел из Калаврии всескверный Варлаам, который из всех сил доказывал, что он согласен с Восточной Церковью и хочет стать монахом. В удостоверение этого он сочинял речи против единоплеменных ему латинян. Однако, выслушав его доводы, божественный Григорий понял, что Варлаамовы обличения латинян притворны и обманчивы, и на самом деле направлены против истины. Это послужило причиной того, что Варлаам стал его врагом. Придя в Константинополь, Варлаам начал общаться с какими-то монахами-простецами, делателями умной молитвы и трезвения, притворяясь, что хочет быть их учеником и другом. Узнав от них чего должны беречься начинающие монахи при умной молитве, он гнусно обозвал их “еретиками” и написал статьи, направленные против священной молитвы и богомыслия. Прежде чем эти его богохульства стали известны, он был посрамлен перед Вселенским Патриархом за другие постыдные и нечестивые свои деяния и с позором покинул Константинополь, вернувшись в Салоники. Но и там он продолжал повторять свои обвинения против монахов и, что еще хуже, не довольствовался только клеветой на монахов своего времени, но силился доказать, что причиной монашеского заблуждения стали богоносные отцы и учителя Церкви.

По этой причине Солунские иноки написали святому Григорию письмо, горячо прося его прийти и защитить истину от Варлаама. Святой тотчас же отправился в Салоники, и попробовал разными средствами исправить Варлаама. Он много раз наедине убеждал его, желая привести в согласие с Православной Церковью. Поскольку же тот не переставал и в беседах, и в сочинениях безстыдно выступать против Церкви и не исправлялся, святой вынужден был полемизировать с ним и в сочинениях, защищая православную веру от Варлаамовой лжи. Варлаам же, как только узнал, что его писания опровергнуты дивными сочинениями святого

о священнобезмолвии и об истинности Православия, перестал писать трактаты против монахов и набросился на божественного Григория. Но он не мог спорить с ним лицом к лицу, и снова из Салоник вернулся в Константинополь.

Святой Григорий пробыл в Салониках три года и все это время произносил поучения, писал дивные сочинения об истинной славе Божией. Свободное же время проводил в привычном плаче, в совершенном одиночестве и безмолвных молитвах. Поскольку рядом не было возлюбленной им пустыни, он построил небольшую келью в задней части дома, в котором жил, и, когда была возможность, безмолвствовал там. Однажды, в день празднования памяти Антония Великого, ученики и сподвижники святого вместе с дивным Исидором совершали бдение божественному Антонию. И – о чудо! – Антоний Великий явился в этот день святому Григорию. Когда божественный Григорий молился, внезапно его окружил Божественный свет, как это случалось уже много раз, а вместе со светом появился Антоний Великий и сказал: “Хороша молитва в умном безмолвии, потому что она очищает умные очи души и сподобляет человека неизреченных откровений Божиих. Однако иногда монаху требуется общение и встреча с единоклубными братьями, чтобы вы вместе молились и пели. Итак, ты должен сейчас пойти к братьям, которые служат бдение, ибо они весьма нуждаются в твоих заботах”. После этого Антоний стал невидим. Божественный же Григорий в тот же час отправился к братьям, которые приняли его с радостью и всю ту ночь они провели в праздничном бдении. Вернувшись на Святую Гору, он показал исихастам и избранным от монастырей свои сочинения, написанные в защиту Православия от заблуждений Варлаама. Монахи удивились, похвалили их и единодушно все одобрили.

Произошел и такой случай. Когда Григорий еще только собирался отправиться на Святую Гору, он узнал, что его сестра Феодота находится при смерти. Ученики и друзья спросили у святого, как быть с погребением. Святой же, Божиим Промыслом провидя будущее, ответил: “Не нуж-

но меня спрашивать сейчас об этом, поскольку, если будет угодно Богу, я к тому времени вернусь и буду здесь прежде ее кончины”. Как он сказал, так и случилось. Когда настал последний час Феодоты, она стала звать божественного Григория, доброго ее брата и духовного наставника. Услышав, что он на Святой Горе, она всем сердцем опечалилась и пожаловалась, что не удостоилась в последний раз увидеть его и побеседовать с ним. Вскоре она замолчала и совершенно успокоилась, как будто погрузилась в себя. Присутствующие уже готовили все к погребению, но случилось чудо! Прошло восемь дней, в течение которых Феодота лежала без пищи, без сна, не разговаривая, не испытывая болей и лишь слабое дыхание и движение глаз указывало на то, что она еще жива и ждет брата. В вечер восьмого дня пришел со Святой Горы долгожданный брат и, приблизившись к сестре, заговорил. Она услышала сладчайший голос своего брата, отверзла телесные свои очи, а вместе с ними и душевные и, поскольку не могла говорить, немного приподняла руки к Богу, чтобы возблагодарить Его, и через несколько мгновений, славя Бога, предала дух свой в руки Божии.

После погребения сестры великий Григорий снова предался безмолвию, трезвению, молитве и непрестанному богосмыслию. Но враг безмолвия и богосозерцания, мерзкий Варлаам, приехал в Константинополь, как мы уже сказали, и выставил в качестве приманки для тех, кто разевал рот на подобное, внешнюю премудрость, приведя в течение малого времени в свое злочестие весь город и, прежде всего, Патриарха. Он почти убедил всех отречься от Православия, а божественных его проповедников – святого Григория и его единомышленников вызвали патриаршим письмом на суд Церкви. Взяв Исидора, Марка, Феодора, своих друзей, святой прибыл в Константинополь. Убедившись в том, что почти все именитые мужи, за исключением одного или двух, поверили Варлаамовой болтовне, Григорий своими беседами, с помощью благодати Святаго Духа, вернул их всех, и самого Патриарха, в лоно Православной Церкви. Прочитав дивные

сочинения Григория, написанные против учения Варлаама и его богохульств, его провозгласили учителем благочестия, согласным с божественными отцами Церкви. Сам Патриарх премного благодарил святого.

Чтобы искоренить Варлаамово заблуждение, решили созвать общий Собор, как только возвратится царь. Божественным мановением на Собор в столицу пришли все единомысленные Григорию подвижники из разных областей: преподобный Давид со своими сподвижниками, Дионисий, который предсказал посредством Божественного видения победу дивному Григорию над еретиками, и другие. Последним прибыл царь. Собор состоялся в храме святой Софии и осудил Варлаама и его богохульные сочинения, угрожая ему отлучением. И если бы он не притворился, что покаялся, принял и истинно исповедует Православие и осуждает свои ложные еретические сочинения, то из-за народного гнева не смог бы остаться в живых. Посрамленный таким образом, Варлаам вернулся к любимым своим латинянам. Но тот же лукавый сделал преемником и наследником Варлаамова заблуждения другого Григория, по прозвищу Акиндин. Снова был собран Церковный Собор, не меньший предыдущего (против Варлаама), и снова Григорий, великий подвижник и знаменитый защитник Православия, разрушил все заблуждения доказательствами из Священного Писания и учения Православной Церкви. Едва прошло два месяца после Собора, как началась гражданская война, которую развязал патриарх Иоанн, по прозвищу Калека. Поскольку божественный Григорий был против войны и советовал заключить мир, Патриарх искал всевозможные способы, чтобы наказать Григория. Забыв обо всех почестях и похвалах, которые сам же ему ранее оказывал, не в силах выдумать против Григория какую-нибудь клевету, Патриарх обратился против Православия, обрушив на Церковь и ее божественные догматы ужасную брань, и все для того, чтобы наказать преподобного, якобы защищающего

еретическое учение. Патриарх привел в Православную Церковь Акиндина, хранителя ереси, рукоположив его в диаконы и готовясь посвятить во священника и учителя Церкви. Святого же Григория, проповедника истины, оклеветанного в разжигании войны, он осудил на заключение в темницу.

Тогдашняя царица Анна, услышав, что Акиндин, преданный анафеме на двух Святых Соборах, рукоположен в диаконы, изгнала его из Церкви. Божественный же Григорий оставался в темнице четыре года, хотя был весьма болен и нуждался в ежедневном лечении. Григорий, с Божией помощью, стойко переносил все тяготы тюрьмы. В конце концов Патриарх, оклеветавший его, стал ненавистен царям и его осудили на заключение; Соборным решением он был лишен священного сана за ересь и отлучен от Церкви. Его гибель стала гибелью для ереси и свидетельством истинности Православия. Тотчас же прекратилась и гражданская война. Великий Григорий вышел из тюрьмы и торжественно, с венцом исповедника, вернулся к любимым и любящим его братьям. Чтобы опустить лишнее, скажу, что позже его рукоположили в митрополита Солунского, причем и царь, и патриарх Исидор усиленно просили его принять сан. Поскольку и в Салониках была какая-то междоусобица, архиерея Божия Григория снова изгнали из Церкви, и он снова вернулся на Святую Гору, как раз в праздник Рождества Богородицы. Один благочестивый священник, отвечавший за призрение сирот, уговорил священников, служивших литургию, помолиться Богу, чтобы Тот показал им с помощью знамения, какое дерзновение имеет Григорий пред Богом и в каком чине будет пребывать на Небесах. Этот благочестивый священник тайно молился Богу, чтобы Он явил знамение на его расслабленной дочери, и чтобы та исцелилась (надо сказать, что члены тела ее были сухими и неподвижными в течение трех лет). И Бог, прославляющий своего служителя, ради которого и было моление, внезапно поднял девушку с постели, она начала свободно ходить, и, не вспоминая о прежней болезни, здоровая бегала по всему дому.

На Святой Горе, куда удалился святитель, его навестил правитель Болгарии Стефан, который долго уговаривал его пойти с ним в его царство, но ничего не добился. Весьма по-нуждаемый этим Стефаном, святой Григорий был направлен послом в Константинополь к царям. Через некоторое время Григорий снова вернулся в свою епархию, так как и царь, и Патриарх думали, что распри в христианстве уже закончились. Однако разногласия обострились, архиерей не смог попасть в свою митрополию в Салоники, и определением Великой Церкви отправился на Лимнос*, где был примерным архипастырем и явил многочисленные чудеса. Когда Григорий пребывал на Лимносе, в одном небольшом городке случилась чума. Совершив вместе с народом крестный ход и горячо помолившись Богу, святитель сумел остановить смертельную болезнь.

В конце концов солуняне решили вернуть любимого архипастыря. На государственные средства они снарядили корабль, и церковное священноначалие прибыло на Лимнос. Через несколько дней они привезли пастыря к его пастве. В тот день, когда святой прибыл в Салоники, повсюду была великая радость, как в светоносный день Воскресения. Обычные псалмопения при архиерейском входе были оставлены и по вдохновению от Бога все запели: “Воскресения день...Очистим чувства и узрим...Светися, светися”**. Чудо же заключалось в том, что не было того, кто посоветовал певчим петь эти тропари, не было и того, кто первым начал их петь. Через три дня святитель назначил общее собрание и крестный ход со святыми иконами, а после него преподал поучение о согласии и мире. Он отслужил литургию и принес Безкровную Жертву, чтобы освятить народ, тут-то Бог и прославил его чудом. Тот священник, орфанотроф***, имел

* Один из самых крупных островов в Эгейском море, площадью около 477 квадратных километров.

** Песнопения Пасхального канона. – *Пер.*

*** Орфанотроф – буквально переводится как сиротопитатель, то есть ответственный за призрение сирот. – *Пер.*

сына, страдавшего лунатизмом, и болезнь все более и более прогрессировала. На литургии отец сослужил святителю, и попросил его причастить ребенка. После Причастия болезнь немедленно ушла, а дитя, славя Бога, выздоровело. После литургии святитель собрал все священство и долго рассказывал им о высоте священнического сана, да и всю жизнь он не переставал учить и в церквах, и в беседах наедине, и в проповедях для всех, особенно же учил собственным примером, стараясь всех привести к спасению.

Поскольку единомышленники Варлаама и Акиндина не прекратили возмущать Православную Церковь, царь вместе с Патриархом решили снова собрать Собор в столице, чтобы тщательно изучить то, о чем они говорили, ибо они постоянно этого просили. Прежде всего в Константинополь вызвали достойнейшего божественного Григория. После того как собрался торжественный и великий Собор, по усиленной просьбе царя и Синода, святой встал и изложил перед Собором православное вероучение. По окончании работы Собора святитель хотел как можно скорее вернуться к своей пастве, но ему снова помешали вернуться в Салоники, причем уже не жители его митрополии, а Иоанн Палеолог, проживавший там. Из-за этого преподобный снова вернулся на Святую Гору, и только через три месяца, по просьбе этого Иоанна, смог снова вернуться в свою епархию, чтобы окормлять паству и приносить ей духовную и телесную пользу. Однажды, когда Григорий пришел в один из женских монастырей на праздник Рождества Богородицы, во время литургии пришла монахиня Элеодора, несколько дней тому назад ослепшая на один глаз, и тайком, как Евангельская кровоточивая, ухватившись за архиерейское облачение, поднесла его к больному глазу, в тот же миг дивным образом получив исцеление.

Пробыв в своей епархии один год, святитель тяжело заболел, тело его было измучено нестерпимыми болями и многими искушениями, так что все думали, что он умрет. Однако Бог неожиданно снова даровал ему жизнь, ибо, как мужественного подвижника, готовил его к дальнейшим

подвигам. И хотя болезнь еще полностью не отступила, он был вынужден по многочисленным неотступным просьбам Иоанна Палеолога пойти в Константинополь и ходатайствовать за него перед его тестем, царем Иоанном Кантакузеном, чтобы помирить их, так как именно из-за ссоры Палеолог и проживал в Салониках. Однако Вышний Бог, Царь царствующих, направил святителя Григория на другую службу, ибо по пути в Константинополь он попал в плен к ахеменидам. Под видом раба его привели в Азию, и как истинный благовестник и проповедник веры он помогал находившимся в порабощении христианам, и укреплял их своими поучениями. Сколько и каких только собеседований он не провел в Пруссе и Никее с турками о православной вере, как только не заграждал им уста, какими только поучениями не укреплял тамошних христиан – кто интересуется, может узнать об этом из пространного жития святого. Через год Бог подвиг некоторых добропорядочных болгар, которые охотно дали туркам много денег и освободили святого.

И снова случилось удивительное чудо. Когда святой плыл на корабле и приближался к Константинопольским гаваням, в воздухе слышались звон и дивные песнопения, как будто бы исходившие с корабля, но слышавшие понимали, что это были не человеческие, но Ангельские мелодии, ибо святого невидимо сопровождали Ангелы. Пробыв некоторое время в столице, Григорий направился в свою епархию, которая страдала от засухи и отсутствия Божественного слова. Григорий дивно напоил своих чад и духовно, и телесно. У святого был друг, благочестивый иеромонах Порфирий. Однажды ночью, на праздник Преображения Господня, у него так сильно заболел бок, что даже когда он прилег, боль не отпускала его. Поскольку святой служил литургию, Порфирий подошел к нему и попросил его исцелить. Перекрестив больной бок, Григорий с умилением и сокрушением сердечным произнес тропарь: “Распятый Владыка ... да исцелит тя Христос”. О чудо! Страждущий тотчас же избавился от нестерпимой боли и здоровым вернулся в келью.

В другой раз у Порфирия так болело горло, что он не мог проглотить даже малого количества воды. Он страдал восемь суток, и ему уже грозила смерть, но великий Григорий перекрестил больное место священной своей десницей и со слезами произнес, обращаясь ко Христу, тропарь: “Страстей непричастен Ты пребыл еси...”. После этого странным образом больной исцелился.

У одного золотошвея был пятилетний ребенок, который уже пятнадцать месяцев страдал от страшного кровотечения, и никто не мог его исцелить. Дитя было обречено. Однако святой с молитвой перекрестил его и здоровым передал на руки родителям.

Однако святой Григорий все же был человеком, подверженным человеческим немощам. Через три года после того, как он в последний раз посетил столицу, Григорий заболел и слег. Уже лежа на смертном одре, он продолжал наставлять своих чад, предсказал свою кончину, назвав и ее день. Он сказал друзьям, что кончина его случится после праздника святителя Иоанна Златоуста, то есть после четырнадцатого дня ноября месяца. Во сне ему явился этот святитель и позвал как единообразного и возлюбленного к себе. Всего дивный Григорий прожил шестьдесят три года, из них полтора года он в архиерейском сане окормлял Церковь Божию. Когда блаженная его душа разлучилась от тела, благодать Пресвятаго Духа дивным образом явила предстоящим внутреннюю светлость его души, поскольку ту келью, в которой лежали священные его мощи, наполнил удивительно яркий свет. Его лицо, которое высохло еще задолго до кончины, сияло. Свидетелями этой сверхъестественной светлости его лица были почти все жители города, которые пришли на погребение священных останков святителя. Благодать Пресвятаго Духа неразлучно пребывала и со святителем, и с его мощами, и отныне, показав святой гроб его как обитель божественного света, сделала его источником чудес, священных дарований и общим врачом всех. Из-за этого святителя и назвали “чудотворцем”. Он поистине чудотворец, и как

бы я хотел, если бы позволило время, поведать о многих его чудесах, но вынужден пропустить те из них, которые совершились по смерти. Они описаны в пространном его житии и желающие могут узнать о них. Я же вкратце расскажу только об одном чуде, которое свидетельствовало о том, что Григорий поистине прославлен Богом.

Латиняне часто обвиняют святую нашу Восточную Церковь в том, что после ее отделения от Западной у нас не было святых, и не было чудес, которые бы они совершали. Священный Нектарий, ставший патриархом Иерусалимским в 1660 году*, желая по своей пламенной ревности к истине заградить сквернословные уста латинян и доказать, что они лжецы и клеветники, перечислил множество новых святых Восточной Церкви, которые просияли после разделения. Он свидетельствовал о многочисленных удивительных чудесах, в том числе и о чудесах святителя Григория. На острове Санторин, в день памяти святителя, во второе воскресенье Великого Поста, некие латиняне отдыхали, катаясь на лодке, или, как говорит патриарх Иерусалимский Досифей**, франки посадили в лодку детей, которые катались по воде, хлопали в ладоши и кричали: “Анафема Паламе, если он святой, пусть сделает так, чтобы мы утонули”. Так они хулили святителя, но случилось чудо. В это время, без всякого шторма, при полном штиле, лодка вместе со всеми пассажирами перевернулась и утонула. Тела богохульников погрузились в море, а скверные их души пошли в вечный адский огонь. Так была удостоверена святость божественного Григория, а Богу, дивному во святых Своих, все удивлялись. Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

*Написано Филофеем, святейшим патриархом
Константинопольским*

* Небольшая неточность: Нектарий стал Патриархом в 1661 году и святительствовал до 1669 года.

** Досифей Нотара – патриарх Иерусалимский (1669–1707). Родился в 1641 году, участвовал в Иерусалимском Соборе 1672 года, на котором был установлен Символ веры.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО НИФОНА, АРХИЕПИСКОПА
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО,

ПОДВИЗАВШЕГОСЯ НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН
В МОНАСТЫРЕ ДИОНИСИАТ В XV ВЕКЕ

Сей божественный отец наш Нифон был родом из Мореи и происходил от родителей знатных и благородных, но более известных своим благочестием. Звали их Мануил и Мария. В Крещении младенец был назван Николаем. Когда мальчик несколько подрос, его отдали учиться священной грамоте. С юного возраста имея старческий ум, он не увлекался, подобно прочим детям, их играми. Посещая премудрых и добродетельных учителей, он как пчела собирал мед добродетели, слушая и подражая всему доброму – душеполезным урокам и примерам. У него был такой острый ум, что мальчик скоро обогнал в науках всех своих сверстников. Николай часто читал жития святых отцов, отчего душа его радовалась, и он старался, по возможности, подражать им в добродетелях. Отличался преподобный удивительным целомудрием, и был настолько ревностным в воздержании, что телесные потребности в пище и питии удовлетворял лишь хлебом и водой. Так же подвизался он и во всех прочих добродетелях.

В те дни в школу зашел некий иеромонах по имени Иосиф, превосходный учитель и муж весьма добродетельный. Пообщавшись и поговорив с ним в достаточной степени, сей добрый Николай попросил монаха взять его с собой, но так, чтобы никто об этом не узнал, потому что боялся, что ему могут помешать. С радостью приняв его, Иосиф тайно ушел с ним и стал учить его философии. Придя в Эпидавр,

они слышали, что в этой местности подвизается некий отшельник Антоний, весьма добродетельный и подражатель во всем Антонию Великому, и пошли к нему за благословением. Побеседовав с ним некоторое время и приняв его божественные наставления, они возрадовались душой. Затем Иосиф, испросив у старца благословение, ушел, а Николай, бросившись к ногам Антония, со слезами просил разрешения остаться с ним. Ссылаясь на труды подвижника, тесноту и, особенно, юный возраст Николая, Антоний пытался его отговорить, но тот, сгорая от любви к Богу, еще более настаивал и просил: “Отче, все, что мне повелишь, с радостью буду исполнять, только не лишай меня общения с собою”. Видя его сильную ревность, старец принял его, дал ему келью и подвижническое правило. И добрый Николай предался подвижническим трудам, во всем подражая старцу, которого скоро попросил облечь его в монашеские одежды. Божественный Антоний отвечал ему: “Поскольку ты, чадо, хочешь приять монашеский образ, знай, что должен будешь предаваться большим подвигам и трудам, чтобы враг не нашел тебя спящим и не растерзал, ибо он коварен и завистлив по отношению к нам, монахам. Потому мы должны много подвизаться, чтобы узким и скорбным путем прийти к наслаждению вечной жизнью”. После этого старец облек Николая в монашеские одежды, переименовав его в Нифона.

С той поры блаженный Нифон стал еще больше подвизаться в подвигах монашеского жительства. Когда приходил к нему помысел о богатстве, или о родителях, ибо враг постоянно заставлял его вспоминать о них, чтобы обольстить, он тотчас же бежал к старцу, припадал к его ногам и со слезами исповедовался, а укрепившись и получив утешение, с молитвой и благословением возвращался к себе в келью. На хлеб Нифон зарабатывал переписыванием книг, ибо был прекрасным переписчиком. Кроме того, он никогда не празднословил, в скиту никогда не смеялся, никакую церковную книгу без слез не прочитывал и никогда не заговаривал без благословения старца. Через некоторое время стал он совер-

шенным во всех чинах монашеского жительства, но вскоре присноблаженный Антоний упокоился о Господе. Нифон безутешно плакал, потому что лишился духовного отца.

Похоронив старца, он довольно долгое время провел в одиночестве, но однажды услышал, что в городе Нарда есть премудрый, весьма добродетельный учитель по имени Захария, который недавно пришел со Святой Горы. Желая получить от него плод премудрости и изучить Святогорские порядки, Нифон пришел к нему и, исповедавшись, попросил остаться у него, и Захария начал учить юношу тому, чего тот так желал.

В то время в Церквах было сильное возмущение по причине Флорентийского лжесобора, состоявшегося при Иоанне Палеологе. Восточные Церкви никак не хотели согласиться с его решениями. Поэтому премудрый Захария вместе со священным Нифоном пошли в Аскалон, уча христиан твердо стоять в Православии, следовать учению святых апостолов и соблюдать постановления Вселенских Соборов. Уйдя из Аскалона, они пришли в один город, правителем которого был Георгий Скандер. Он принял их с большими почестями и благоговением, потому что ранее слышал о них. Оказав им гостеприимство, правитель удержал их во дворце, а премудрого Захарию сделал своим духовником. В то время в Константинополе умер царь Иоанн Палеолог и вместо него на престол взошел его брат Константин. Созвав Собор, он объявил решения Флорентийского собора недействительными. Через некоторое время, видимо судами Божиими, в 1453 году турки взяли Константинополь. Повсюду было великое кровопролитие, и христиане метались с места на место, ища укрытия. Захария и Нифон, пока не утихла эта бойня, скрывались некоторое время на горе, а потом пошли в Охриду, в монастырь Пресвятой Богородицы. Там они и остались, а Нифон продолжал прилежно учиться от учителя своего Захарии.

В то время упокоился о Господе епископ Охридский Николай. Для назначения нового епископа собралось

священноначалие, клирики и множество народа, прося Захарию принять архиерейский сан, ибо он всем был известен своей добродетелью и премудростью. Он же уничижал себя, говоря, что недостойн принять на себя тяжесть спасения стольких душ, так как едва может спасти и собственную. Но те не переставали просить и умолять его до тех пор, пока он не согласился.

Через несколько дней священный Захария был рукоположен во епископа и блаженный Нифон попросил у него благословения, чтобы пойти безмолвствовать на Святую Гору. Епископ на это сказал ему: “Ты мне очень нужен сейчас, чадо, чтобы я утешился и та тяжесть, которую я принял на плечи вопреки своей воле, хоть немного уменьшилась. Неужели ты сейчас меня оставишь? В случае необходимости друзья и дети нужны, чтобы помочь родителям, подвергающимся опасности. Чадо мое, Нифоне, не лишай меня счастья видеть тебя”. Пока епископ со слезами говорил все это, из глаз божественного Нифона рекой текли слезы и он ничего не мог ответить. В ту ночь они оба пребыли в бдении, а на рассвете архиерей увидел сон. Святой Ангел велел ему отпустить Нифона, потому что тот был сосудом избранным святого Бога. Наутро сотворив молитву, архиерей отпустил божественного Нифона со словами: “Ступай, чадо, куда тебя поведет Господь, Которого я, недостойный, прошу позволить снова увидеть тебя в этой жизни, если это будет угодно Его Божественному Промыслу”.

С архиерейским благословением блаженный Нифон, как легкокрылый орел, поспешил на Святую Гору. Придя в Ватопедский монастырь и поклонившись дивным святыням Пресвятой Богородицы, он обрел множество добродетельных мужей, которым охотно последовал во всем. Придя в Кареи, он встретил прота Святой Горы по имени Даниил, мужа весьма добродетельного и рассудительного, который, увидев его, обрадовался и, облобызав, сказал: “О, премудрейший Нифон, от многих я слышал о тебе, и молил Бога сподобить меня увидеть тебя прежде моей смерти. Вот, Преплагий Бог

услышал смиренное мое моление. Прошу тебя, преподай поучение братьям, которые собрались, чтобы послушать тебя”. Смирennemудрый Нифон возразил: “Преподобнейшие отцы, недостойн я давать лекарства здоровым и опытным врачам, но сам нуждаюсь в их лечении”. Тогда божественный Даниил произнес: “Ты не должен сохранять слова Божии только для себя, отче, но должен передавать их другим, чтобы и им принести пользу”.

Тогда, склонив главу и сотворив обычный поклон, святой начал говорить премудрые слова и все дивились их разумности. Так приятно было его слушать, что невозможно было оторваться, а от сладости слов забывалось и о телесной пище. Обходя скиты Кареи, преподобный находил множество добродетельных мужей и душа его радовалась. Затем он пришел в священный монастырь Пантократор. Пробыв там достаточное время, он направился в пещеру Крит, в которой обитали дивные подвижники, проводившие свою жизнь в великой тесноте. Подивившись их необычайному терпению, Нифон провел вместе с ними некоторое время, уча и учась, и зарабатывал на хлеб переписыванием книг.

Вскоре игумен Великой Лавры святой Афанасий пригласил его прийти в обитель, чтобы братья получили пользу от его медоточивых речей. Чтобы не оказаться ослушником, он с большой радостью принял приглашение, с готовностью подражая Владыке, и учил их достаточное время. Тогда же узнал он и об обители Честного Предтечи, называемой Дионисийской, где подвизались многие добродетельные мужи, которые истинно проводили равноангельную жизнь и соблюдали все установления монашеского жития, ибо все у них было общее, согласно правилам Василия Великого. Преподобный ушел из Лавры и пришел в этот монастырь. Увидев, что место было труднодоступным и суровым, блаженный так возрадовался, что ему показалось, будто он видит самого божественного Предтечу, живущего в горах и пещерах и ядущего акриды и дикий мед. Всю ночь Нифон провел в бдении, моля Честного Предтечу сподобить его остаться

в этом месте. Наутро игумен облек его в божественную и ангельскую схиму. Когда же братья стали просить его принять священнический сан, преподобный со смирением отвечал, что недостойн. Его снова и снова просили, наконец он послушался и был поставлен по порядку во чтеца, иподиакона, диакона и священника. Приняв сан, Нифон стал подвизаться еще больше в духовных своих подвигах, в бдениях, постах, молитвах и в непорочной ко всем любви. Короче говоря, был трблаженный великим светильником, светящим не только обители Дионисиат, но и всей Святой Горе. Как свидетельствует один добродетельный старец по имени Петроний, который провел одну ночь вместе с божественным Нифоном за пределами монастыря, ночью он встал помолиться и увидел, что святой Нифон стоит с воздетыми к Небу руками и поднятыми очами, весь исполненный Божественного света, который доставал до Неба и разливался повсюду. Не перенеся такого света, Петроний замертво упал на землю. Изумившись, святой поднял его. Когда тот пришел в себя, он упал к ногам Нифона, но блаженный захотел скрыть от него божественное видение. Однако Петроний тайно рассказал игумену о видении, на что настоятель сказал: “Это, отче Петроние, обнаруживает необыкновенную чистоту мужа, ибо от него просветятся многие. Берегись, не говори об этом никому, чтобы он не услышал и не ушел от нас, избегая похвалы. Иначе мы лишимся такого человека, которого нам Святый Бог даровал как прибежище и укрепление в наши дни”.

В то время пришел два архонта из Фессалоник поклониться честным монастырям Святой Горы. Оказавшись в монастыре Дионисиат в тот день, когда святой служил в соборе литургию, и услышав его медоточивые поучения, они удивились, хотя и сами были образованными. По окончании службы побеседовав со святым, они возрадовались его душеполезным наставлениям. Вернувшись домой в Салоники, архонты всем рассказали о божественном Нифоне.

В те дни представился митрополит Солунский Парфений. Собрались епископы и весь клир Солунский и единогласно

постановили, что пастырем у них будет премудрый Нифон. За ним послали двух епископов и нескольких клириков, которые пришли в монастырь Дионисиат и, наедине побеседовав с первыми старцами монастыря, просили их убедить святого принять митрополию. Тяжело вздохнув, те отвечали: “Архиереи святые, кто же отдает своего учителя другим? Мы сами алчем и жаждем, как же мы можем отдать нашу пищу и питье? Неужели знаменитые Салоники дошли до того, что нет у вас другого достойного и вы пришли к нам, смиренным, чтобы лишить нас света очей, сами видите, что мы лишены самого необходимого и обитаем в гибельных и непроходимых местах. Господь послал нам утешителя в скорбях наших, так неужели мы, несчастные, должны лишиться его? Нам кажется, что поистине великая опасность нас ожидает, если лишимся такого светильника, да и вся братия испытает непомерную скорбь”. С этими словами старцы ушли.

Убедившись, что у них ничего не вышло, епископы и клирики стали со слезами горячо просить о помощи святого Бога и Честного Предтечу помочь им. Когда же святой Нифон спросил о них игумена, тот от сильной скорби ничего не ответил. Просвещенный благодатью Святаго Духа святой все понял и сказал: “Отче, не печалься, ибо я снова буду с вами и в этом месте отдам наш общий долг, о чем просил божественного Предтечу, когда пришел в этот монастырь, и он слышал мои молитвы”. Тогда игумен ответил ему: “Да будет тебе, возлюбленный, как ты сам просил у божественного Предтечи. Видишь тех, о которых ты меня спрашивал? Это епископы из Салоник. Они посланы от клира и народа, чтобы поставить тебя своим пастырем. Мы же останемся сиротами, и я больше никогда тебя не увижу”. Он сказал так, будучи просвещенным Богом, потому что когда блаженный Нифон пришел в монастырь во второй раз, игумен уже скончался и, согласно своему предсказанию, больше его не увидел.

После слов игумена смиренномудрый Нифон упал на землю и, обливаясь слезами, говорил: “Кто я такой,

зловонный грешник, чтобы принять на израненную свою выю такое тяжкое иго?” Услышав плач святого, вся братия прибежала в церковь посмотреть, кто так тяжело скорбит. Когда в храме собрались все братья, игумен возвестил о том, зачем пришли епископы и клирики. Как только братья услышали об этом, они окружили святого с таким плачем и рыданиями, что и епископы, и клирики вошли в церковь, и передали святому грамоту от всего Солунского клира. Святой же с плачем говорил: “Архиереи святые, я, уязвленный множеством моих грехов, пришел в это место, чтобы безмолвствовать и здесь же умереть. Как могу я сейчас уйти с пути покаяния и воспринять заботу о стольких душах, когда едва могу спасти собственную грешную душу?” На это епископы отвечали: “Отче, не противься Божественному решению, потому что все единомысленно и единогласно хотят, чтобы ты стал их пастырем”. Тогда, просвещенный Духом Святым, игумен сказал: “Ступай, отче честный, ибо такова воля Божия, ибо ты возрастил талант, и тобою спаслись многие. Но всегда вспоминай сию священную обитель, любовь нашу и братьев, и помогай нам частыми твоими молитвами, а также в наших земных потребностях. Мы же всегда будем помнить о тебе, как о насельнике и чаде нашей святой обители, потому что Господь в эту ночь повелел мне, недостойному, не полагать препятствия на твоем пути”. С этими словами он облобызал блаженного Нифона, то же сделали со слезами и прочие братья. Наконец преподобный сказал: “Отцы и братья мои, да совершится воля Господня, как вы желаете, однако поджидает меня, недостойного, великая опасность, потому молитесь о мне ко Господу”.

Когда епископы, клир и святой Нифон пришли в Салоники, то их встретило множество народа, который хотел увидеть преподобного и получить его благословение, и тут один спешил опередить другого. С наступлением воскресенья его рукоположили во архиерея – пасти народ Божий. Через несколько дней Нифон понял, что христиане испытывают смущение от латиномудренных нововведений Флорентийского

псевдособора, и начал постоянно учить народ Божественным заповедям апостолов, основываясь на постановлениях Соборов, полностью опровергая софистические доказательства латинян и заповедуя твердо хранить Православие. Утешал он свою паству и во время безчиний и искушений, происходивших от только что воцарившихся агарян, побуждая ради надежды на обетованные блага безропотно переносить скорби и мучения плена.

Своими премудрыми поучениями он подвигал немилосердных и жестоких богачей на милость к нищим, ибо сам был настолько милостив и нищелюбив, что неоднократно по ночам ходил один, чтобы подать все необходимое больным и немощным. Кротостью своих слов он привлекал всех к Божественной воле. Премудрый привел в христианскую веру даже многих неверных, обратив их от заблуждения. Слух о нем прошел повсюду, так что к нему приходили многие. Узнали о нем и в Великой Церкви, и захотели его увидеть.

Через два года Собор архиереев Константинопольской Церкви вызвал его по неотложным Церковным делам в столицу. Это случилось устроением Божиим, так как светильник, поставленный на более высоком месте, светит всем. Когда святой прибыл в Константинополь, то патриарх, архиереи, весь клир и народ приняли его со всеми почестями за его добродетель и премудрое руководство паствой. Там же был и Захария, они облобызались и радовались безмерно. При этом исполнилось пророчество божественного Захарии о том, что они встретятся еще в этой жизни. Однако через несколько дней святейший Захария, заболев, отошел ко Господу, божественный же Нифон со всеми почестями благоговейно предал погребению его честные останки.

Спустя немного времени преставился о Господе и Константинопольский патриарх, и тут же, без промедления, все архиереи и клирики царской властью возвели на Вселенский престол премудрого Нифона, против его воли. Имея в святой своей душе ревность по Богу, он громогласно стал проповедовать, как новый апостол, Божественное учение,

вразумляя, в меру запрещая, всячески стараясь отогнать волков от стада Христова и укрепить Православие. Божественными своими и премудрыми словами он спас многих неверных, которые принимали от него Божественное Крещение и, укрепляемые его молитвами, возвращались к себе на родину. После Крещения они старались держаться в стороне, чтобы избежать опасности от нечестивых.

Радовалась Церковь Христова, имея такого светильника, сияющего во всей вселенной, и не было в те времена другого, подобного ему. Однако ненавистник добра диавол не смог вынести известности преподобного, но подвиг некоторых клириков-скандалистов разлучить святого с его паствой. Сговорившись против доброго пастыря, они указом султана изгнали его из Патриархии.

Не понимая, за что его с таким бессмысленным гневом изгоняют, святой недоумевал и печалился, но не оттого, что лишился престола, но из-за того, что христиане лишаются спасения. Зная, что все это козни лукавого, он молил Господа простить грехи тем скандалистам, обратить их и дать возможность покаяться. Сам же он радовался, что избавился от забот, и может насладиться желанным безмолвием. Он вернулся в Созополь, в обитель Честного Предтечи, и стал безмолвствовать. Проводил он жизнь в высшей степени удивительную, и слух о нем распространился по многим областям, так что христиане приходили, чтобы увидеть святого и послушать его душеполезное учение.

После того как он прожил в монастыре два года, его снова пригласили в Константинополь, и Нифон во второй раз занял Вселенский престол. Он снова стал сиять, как светильник на подсвечнике, просвещая всю вселенную своими удивительными поучениями. Но диавол снова не смог вынести дерзновения святого, поэтому замыслил изгнать его другим способом. Однажды, когда преподобный возвращался в Патриархию из той церкви, где служил, он внезапно встретил на дороге султана. Посторонившись, Патриарх приветствовал его по достоинству, однако гордый султан,

желавший, чтобы ему оказывали почести как Богу, оскорбил святого, заявив, что он не умеет почитать царей как подобает. Ничего не ответив, смиренномудрый Нифон ушел, подумав про себя: “И это твои проделки, лукавый бес”. Когда султан вернулся во дворец, он приказал сослать святого в Адрианополь, в сопровождении двух воинов. По дороге в Адрианополь солдаты причинили ему много зла, но Бог сохранил его невредимым. Придя на место, ему позволили жить в церкви святого Стефана под строгой охраной. Благодаря Бога, Который позволил ему в утешение жить и служить при церкви первомученика, святой Нифон радовался и прославлял Господа, ибо был предан Ему всей душой и не надеялся на помощь людей.

Поскольку слух о святом распространился и в Валахии, то Валашский господарь Радул захотел навестить святого. Направляясь в Константинополь для уплаты царского налога, он проходил через Адрианополь. Используя все возможное, он получил разрешение от людей султана навестить святого. Придя к Нифону, он приклонил главу, поклонился ему с великим благоговением и, облобызав с любовью десницу святого, сказал: “Владыко святой, весьма желал я видеть тебеблаженный твой лик, удостоиться твоих молитв и приять от тебя благословение. Да будет благословен Бог, Который сподобил меня ныне насладиться видением тебя. Однако я очень скорблю по причине тех искушений, которым ты подвергаешься”. Святой ответил: “Светлейший повелитель, многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян. 14: 22), – говорит Господь. А божественный Павел пишет, что *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8: 18). Так и мы должны терпеть превратности нынешней жизни с радостью, как их сносили божественные апостолы, которые радовались, когда их избивали иудеи, ибо их безчестили за имя Господне, как описывает божественный Лука в Деяниях святых апостолов (ср. Деян. 5: 41). Блаженный Павел пишет в своих посланиях: *Ныне радуюсь в страданиях*

моих (Кол. 1: 24). Радовались треблаженные в скорбях, с благодарностью терпя их, потому что ожидали блаженную надежду, но мы малодушны и что мы можем понести?”

Услышав это, господарь пришел в умиление и сказал: “Прошу твое архиерейство прийти в Валахию научить нас, потому что лишены мы духовного учения и пастыря духовного. Там ты обрешь покой, и все примут тебя с радостью. Только позволь мне попросить у нечестивых разрешения для тебя”. Святой согласился и Радул попросил турок за него, после чего вместе с преподобным вернулся в Валахию, где все приняли Нифона как апостола Господня. Господарь же сказал ему: “Отныне, отче, ты будешь нашим водителем и пастырем, который поведет нас по пути спасения. Ты будешь иметь власть в Церковных делах и как повелишь, так все и будет”.

Божественный же Нифон ответил ему: “Хвалю тебя за добрый твой нрав, сохрани же его до конца. Но прошу тебя с благодарностью принимать все, что я буду предпринимать для вашего исправления. Даже если и сам ты согрешишь, то примешь духовное вразумление, ибо, когда простой народ видит, что властитель приемлет через покаяние исправление, то и они исправляются с легкостью. И напротив, когда властитель попирает закон и нарушает священные каноны, тогда происходит великое падение, потому что люди легко преклоняются на зло”. Господарь на это сказал святому: “Все, что ты сделаешь, отче, ради пользы наших душ, мы примем с радостью”. И тогда премудрый Нифон повелел собрать Поместный Собор. Съехались все священники, игумены монастырей, архонты во главе с господарем, и блаженный начал проповедовать Божественное учение, увещавать их блюсти добрые нравы, приводя доказательства из Священного Писания и творений святых отцов, убеждая отвращаться от злых обычаев. Приняв медоточивые его поучения и послушавшись божественных его словес, они стали стараться исправлять всякое безчиние и нравы. Рукоположил святой Нифон и двух епископов, заповедав прилежно заботиться о пастве

Христовой, ибо о вверенных им дадут они отчет Страшному Судии. Затем, обратившись к господарю, святой громко сказал: “Ты же, чадо Радул, имеющий в руках власть, должен вразумлять своих граждан, наказывать безчинников, невзирая на лица, будь то великий или малый, но творить праведный суд, потому что, как говорит Священное Писание, суд принадлежит Святому Богу”.

Преподав с великим смирением свои поучения, святой распустил Собор, задержав на некоторое время священников и монахов из дальних мест, чтобы они исправились. Все прославляли Бога, пославшего им такого светильника, который наставил их на путь истинный, и называли его “новым Златоустом”. Служил Нифон каждое воскресенье и в праздники, чтобы все приходящие в церковь могли услышать его учение. И старался дивный Нифон любым способом отвлечь их от дурного обычая пьянства, потому что почти все в чрезвычайной степени были преданы этой страсти, от которой происходят все смертные грехи, а особенно блуд и мерзкое мужеложество, ибо многие были ему подвержены. Поэтому премудрый старался погасить пламень пьянства и непрестанными своими поучениями обратил к покаянию великое множество народа. Однако ненавистник добра диавол снова замыслил козни на святого, чтобы помешать Божественной его проповеди.

Один знатный архонт из Богдании, злой нравом и творивший много зла, покинул родину, чтобы уйти из-под власти своего правителя. Он оставил дом, жену, детей и прибыл в Валахию. Подружившись с господарем Радулом, он захотел поселиться в его государстве и жениться на другой. Зная о том, что у Богдана есть жена на родине, господарь презрел отеческие законы и каноны и выдал за него собственную сестру. Узнав об этом, законная жена Богдана в слезах написала святому Нифону письмо, сообщив, что он женат и имеет детей. Получив письмо, святой позвал архонта и с кротостью и смирением начал вразумлять его, чтобы тот оставил беззаконие и вернулся к законной жене. Однако злонравный и

нераскайавшийся Богдан с угрозами ушел от святого и, придя к господарю, склонил того на гнев, требуя изгнать святителя из Валахии. Нисколько не убоявшись угроз, божественный Нифон наутро пришел во дворец к господарю и вначале дал ему письмо, присланное женой архонта, а затем, открыв книгу с законами Божиими, умолял его не презирать решения Божии и каноны нашей Церкви. Сбросив маску прежнего благочестия, Радул разозлился на святого и сказал: “Владыка, ты не должен быть таким суровым, но следует тебе иметь стыд и страх перед господарем. Я и раньше хотел тебе указать, что как только я привел тебя сюда, ты поправил и отменил все наши обычаи и порядки, изменив их по своему усмотрению. Отныне мы более не желаем, чтобы ты учил нас, нам не нужны твои обычаи и твои порядки, потому что мы люди мирские и не можем следовать за тобой”.

Не ожидая такого отпора, святой отвечал ему: “Светлейший господарь, думал ли я, что ты мне скажешь такое? Разве твоя светлость вместе со своими архонтами не приходили ко мне и дважды, и трижды, и не просили меня прийти сюда ради душевной вашей пользы? Покажи мне, какой дурной обычай и порядок я завел у вас, а ваш собственный отменил? О горе! Ныне я ясно вижу, что найдет на вас великий гнев, потому и печалюсь о ваших душах. О себе самом я совершенно не забочусь, потому что все дерзновение свое возлагаю на Того, Кого от юности моей возжелал и желаю. Ради любви к Нему я с радостью пролью, если будет необходимо, и собственную кровь. Знай же, господарь, что вся моя сила – закон Церкви, за которую Господь мой пролил Пречистую Свою Кровь, чтобы очистить ее от всякого греха и освятить. Он хочет, чтобы она была чиста и свята в делании заповедей Божиих, которые я желаю исполнять до конца своей жизни”.

С этими словами Нифон вышел из дворца и, придя в церковь, повелел собрать народ. Сказав им длинную проповедь, он надел архиерейское облачение и отлучил от Христовых Тайн беззаконного архонта и помогавших ему в беззаконии вместе с той прелюбодеицей, за нарушение закона. Затем,

еще наставив народ, он предсказал, что произойдет в Валахии, что Радул и архонт умрут злой смертью и погибнут вместе с их беззаконием. После этого святитель положил на престол архиерейское облачение и, облобызав святые иконы, ушел.

Узнав об этом, Радул издал указ по всему государству – не называть святого более архиереем, не оказывать никакой чести и заботы, а если станет известно, что кто-то дал ему хлеб или иное что, или принял его в своем доме, то такой потеряет жизнь, а имущество его отойдет государству. Святой, чтобы не вызвать еще большего гнева, ушел как можно дальше от столицы, где и поселился в маленьком домике на окраине, возлагая всю свою надежду на Бога. И Он, Многомилостивый, посылал ему все необходимое, как в древности пророку Илии посылал пищу через ворона, и Даниилу через Аввакума. Один знатный юноша из рода Бессарабов по имени Неанг, духовное чадо святого, видя, что святой Нифон в таком утеснении, весьма печалился и из благоговения сам тайно, боясь гнева властителя, приносил ему все необходимое.

Через некоторое время Радул, размышляя о проклятии святого и боясь, чтобы гнев Божий не нашел на него внезапно (ибо хотя он и был настроен против святого, но знал, что тот был праведен во всем и богобоязнен), вернул Нифона во дворец с почестями, надеясь, что лестью сможет получить прощение. Он сказал ему: “Отче божественный и премудрейший, прости нас, которые согрешили против тебя как люди, а твое всесвятейшество получит прощение от нас в том, что ты сказал и сделал против нас. Просим тебя, не сердись на нас за наши грехи, а мы дадим тебе столько денег и одежд, сколько нужно, и пошлем тебя с честью, куда бы ты ни захотел. А туда, где будешь жить, мы вышлем все необходимое. О сожительстве же архонта не беспокойся, потому что он получил прощение от всего Архиерейского Синода Константинопольской Церкви, пусть и твое Всесвятейшество даст прощение, как и подобает”. Вздохнув из глубины души, божественный Нифон отвечал: “Радул, не нужно мне

ни твоих денег, ни одежд, ни почестей, да не будет того. Ты помнишь, как ты уговаривал меня прийти в Валахию, чтобы я научил вас слову Божию. Если я поступил с вами незаконно, свидетельствуй о том. Я же поставлен от Господа моего обличать беззакония, а к этому беззаконию я не хочу быть причастным никогда, потому что оно не позволено никаким законом. Ты сам привел меня сюда, ты сам же меня и прогоняешь. Я иду туда, куда меня приведет Господь. Вы же умрете в беззаконии, во многих скорбях и болезнях, и многие беды произойдут в вашей стране. Тогда вы будете искать меня, *и не найдете*” (Ин. 7: 34).

С этими словами святой ушел и, найдя духовное свое чадо Неанга, сказал ему наедине: “Вижу я, чадо мое, что великий гнев грядет на эту страну. Ты вместе со своим родом подвергнешься опасности, но Всемиловитый Бог сохранит тебя от всякого зла. Если ты исполнишь заповеди, которые я тебе дал, ты не только избавишься от всякой опасности, но и будешь в большом почете, и имя твое будет слышно во всех концах страны. Вспоминай же меня, духовного твоего отца, а я, если обрету дерзновение у Человеколюбивого Бога, упрошу Его за тебя”. Святой благословил свое чадо и облобызал, а Неанг рыдал, оплакивая предстоящее сиротство. Со своими учениками Макарием и Иоасафом Нифон отправился в Македонию, а оттуда в Петолии, уча и укрепляя православных христиан. Затем он пришел на Святую Гору, в священную Ватопедскую обитель, где тамошние отцы приняли его со всяким благоговением и радостью, прославляя Бога, сподобившего их увидеть такого светильника Божия и учителя. Узнав о его приходе, Святгорские подвижники постоянно приходили к нему за благословением и внимали его душеполезным поучениям.

Ученик его Макарий, во всем подражая добродетелям святого и подвизаясь во многих трудах, взошел на такую высоту Божественной любви, что сердце его возгорелось желанием окончить жизнь в мученичестве. Нифон, которому он рассказал о своем желании, знал, что цель Макария согласна с

Божественной волей, и сказал: “Ступай, чадо, путем мученичества, ибо, согласно твоей ревности, ты сподобишься принять мученический венец, и будешь вечно радоваться с мучениками и преподобными”. С этими словами он благословил его и перекрестил. Все случилось согласно пророчеству святого. Придя в Салоники, истинно блаженный* дерзновенно предстал перед османами и за проповедь Христа был подвержен немилосердным мучениям. В конце ему отрубили голову, и так он принял мученический венец. Божественному Нифону это было открыто Святым Духом, и он сказал другому своему ученику, Иоасафу: “Знай, чадо, сегодня брат твой Макарий скончался, и в радости пошел на Небеса”.

Через некоторое время Нифон вместе с Иоасафом тайно ушли из Ватопедского монастыря и, никем не узнанные, пришли в монастырь Дионисиат, в котором, как говорят, ктито-ром был установлен следующий обычай. Желаящий стать монахом в обители должен был поработать погонщиком мулов, или носить дрова, или исполнять другие послушания столько времени, сколько назначит настоятель. Только тогда его принимали в монастырь и постригали. Если же желающий уже был монахом, то его сразу записывали в число братии. Итак, никем не узнанный Нифон пришел в монастырь под видом бедного монаха. Когда настоятель спросил, согласен ли он исполнять все послушания, Нифон положил поклон и согласился. Как раз в это время, пока он еще оставался неузнанным, в монастырь пришли посланцы из Великой Церкви Христовой, которые искали Нифона, чтобы снова возвести его на Вселенский Престол по указу султана. Не найдя его, они ушли.

Однажды святого Нифона назначили быть на наблюдательном пункте на высокой горе напротив монастыря, ибо в то время на Святую Гору внезапно нападали пираты, обращали многих в рабство и похищали все, что могли. Посреди ночи, когда святой стоял на молитве на этом наблюдательном

* Макарий (греч.) – блаженный, счастливый. – Пер.

пункте, некоторые добродетельные монахи, бдевшие ночью, увидели столп огня, восходивший от земли на небо. Один же из братьев, несший послушание вместе со святым, проснувшись, увидел, что святой был весь в огне. Испугавшись, он прибежал в монастырь и рассказал о своем страшном видении первым старцам обители. То же самое рассказали и другие монахи. Тогда, собравшись в церкви, они стали молиться Святому Богу, чтобы Он открыл им, кто же этот человек, которого сопровождают такие знамения. И услышал Господь их моление, открыв тайну следующим образом. Игумен монастыря увидел во сне, что он стоит посреди храма и видит божественного Иоанна Предтечу, который сказал: “Собери всю братию, и выходите встречать патриарха Нифона. Достаточно и того смирения, которое он показал, став погонщиком мулов, иначе потеряете великого иерея”. Проснувшись, игумен оцепенел в изумлении. Придя в себя через некоторое время, он стал стучать в било и, созвав всех братьев, поведал им о сне, который видел. Только тогда они узнали, что бедный монах был патриархом Нифоном. Когда же блаженный, погоняя мулов, вечером возвращался в монастырь, ему навстречу вышли все братья со свечами и фиамом, и встретили его с большой торжественностью. Как только дивный Нифон увидел эту процессию, он бросился на землю и стал обливаться слезами. Сотворив поклон, игумен облобызал его святые руки и сказал: “Хватит, о вселенский светильниче, испытывать твоё терпение, хватит переносить крайние мучения, которые ты терпишь по своей воле. Достаточно того смирения, которое ты уже показал, а мы, убогие, и не подозревали о том”. И все братья плакали, а особенно те, кто по неведению опечалили его; они припадали к его священным ногам и просили прощения.

Тогда со многими слезами святой сказал: “Отцы и братья мои, для того Господь скрыл меня в этом душеспасительном месте, как я просил Его, чтобы избавиться мне от забот мирских, и получить милость на Страшном Суде, ибо если мы не отречемся от родителей, родных и любой человеческой сла-

вы и привязанностей мира сего, как Сам Он нам заповедует, то будем недостойны следовать за Ним. Если мы приобретем весь мир, а душе нашей повредим, какая от этого польза?” Тем же, кто просил прощения, он сказал: “О чада мои и братья! Те, которые подвизаются в добродетели, должны иметь кротость и любовь к ближнему, не гневаться на них, если и тысячу зол от них потерпят, ибо все мы люди, и никто из нас не чист”. Наставив их так, чтобы они не делали зло другим, но без гнева и ропота исполняли каждый свое послушание, посильно помогая друг другу, он благословил их и облобызал.

Затем святой вернулся в монастырь и невозможно описать, какие подвиги и труды понес блаженный. Хотя Нифон был уже стар и крайне утомлен опасностями и ссылками, он служил обители во всех нуждах, как один из последних монахов. С его помощью в обители было возведено множество построек, он посещал больных, утешал скорбящих и много раз, когда я* приходил к нему ради его душеполезных поучений, видел, как он копался в саду, помогал на мельнице, спускался к монастырской пристани, когда приходили корабли, и трудился вместе с прочими послушниками, чтобы они не роптали и не потеряли награды от своих трудов. Но ненавистник добра диавол не переставал воевать на святого, ибо и в монастыре находил некоторых монахов, которые, по его наущению, поднимались против Нифона, осуждали и оскорбляли его, называя лицемером и болтуном. Промыслом Божиим ему были открыты козни сатаны и он просил Бога укрепить его, чтобы вынести все искушения, а обидчиков простить и спасти, по Его человеколюбию. В таком смирении, терпении, тесноте и вольной нищете подвизался присноблаженный, нисколько не обращая внимания на свой архиерейский сан и на то, что был Вселенским Патриархом, но всю эту человеческую славу считал несущественной.

* Говорит писатель сего жития, иеромонах Гавриил, тогдашний прот Святой Горы. – Авт.

Однажды действием Святаго Духа он предузнал, что братьям, везшим на корабле провизию для монастыря с подворий, угрожает опасность от разыгравшейся бури. Святой отправился на корабль, потому что тот находился недалеко от монастыря, и тотчас же буря прекратилась, и наступил полный штиль. Припав к его священным ногам, братья произнесли:

– Священнейший отче, мы веруем, что все, что бы ты ни попросил у Бога, Он даст тебе. Поэтому просим, помолись ко Господу, как имеющий к Нему дерзновение, дабы мы и далее плыли безопасно, и без потерь доставили провизию в монастырь.

– Если вы будете исполнять молитвенное правило, не будете предаваться празднословию, произносить постыдные и недостойные слова, тогда Господь легко вас услышит и избавит от всех обстоятельств.

Затем, преклонив колена, он поднял очи и руки к Небу и долгое время тайно молился. Поднявшись, он трижды благословил багор, бывший на корабле, и сказал:

– Братья, всегда обязательно ставьте этот багор в чистое место, а когда случится опасность, опускайте его в море, и тогда вы будете плыть в безопасности.

С тех пор это чудо происходило каждый раз, когда им грозила опасность на море. Как только случалась буря, то, благоговейно призывая имя Господа и святого, монахи опускали багор в море, после чего море успокаивалось. Иноки так почитали тот багор, что во время каждения при богослужении кадили и тот багор, представляя, что видят святого. Когда на море поднималась буря, братья кричали:

– Опускайте, опускайте “патриарха” в море, чтобы буря прекратилась.

Как многоценное сокровище этот багор хранился в монастыре больше ста пятидесяти лет.

Достигнув глубокой старости (девяноста лет) и зная из откровения от Господа, что пришло ему время перейти к Желанному Христу, святой созвал всю братию и сказал им

о своем отшествии, заповедав строго исполнять правила монашеского жития и подвизаться всеми силами, чтобы сподобиться Царства Небесного. Все братья горько оплакивали свое сиротство. А два брата, которые по неведению прежде поносили его, безутешно рыдали, прося у него прощения. Наставив и утешив их, святой преподал свое благословение и сказал предстоявшим: “Братья мои, если у вас есть какая духовная просьба, просите, прежде чем я предам дух мой Господу”. И все отвечали: “Всесвятейший отец,* дай нам твои молитвы письменно, мы будем читать их при погребении каждого монаха, чтобы тот получал отпущение грехов”. Послушный до конца, святой не презрел их просьбы, но, помолившись о ней Богу, с горячими слезами сказал своему ученику Иоасафу: “Чадо, запиши на бумаге то, что я говорю, чтобы слова мои остались как постоянное утешение братии”.

Когда Иоасаф записал разрешительные молитвы, святой сказал ему: “Я иду к Желанному Богу, а ты, чадо, ступай в Константинополь и сделай, как я тебе велел. Там ты получишь венец мученический и будешь вечно радоваться на Небесах”. Затем, получив прощение братии, патриарх причастился Пречистых Тайн и предал блаженную душу свою в руки Божии. Это случилось одиннадцатого августа. Все братья плакали о том, что лишились доброго пастыря, а все отцы из монастырей и скитов, которые узнавали о кончине Нифона, устремились в монастырь, чтобы облобызать священные мощи. На похороны собралось множество народа, служили Всенощное бдение, а наутро, с большим торжеством, светлого светильника вселенной, адаманта терпения, мужественного в опасностях и испытаниях, искушенного, как злато в горниле, и претерпевшего все ради любви ко Господу, предали земле.

Вот так прожил присноблаженный Нифон свою жизнь и в таких подвигах, борениях и добродетелях просиял во

* Официальное обращение к Вселенскому Патриарху: “Ваше Всесвятейшество”. – *Пер.*

вселенной. Он, будучи Патриархом, возродил в Божественном Крещении множество армян, евреев и турок, а божественными и медоточивыми поучениями привел ко Господу безчисленное количество спасенных. Отсылал он к Богу своих учеников и в мученических венцах. Так, блаженный Иоасаф после кончины святого пришел в Константинополь и, согласно заповеди святого, дерзновенно проповедал перед агарянами Святую Троицу, за что был предан ими на страшные мучения, и, по пророчеству святого, он получил мученический венец.

А сейчас пришло время рассказать о том, что произошло в Валахии, как и предсказывал божественный Нифон. Как только святой ушел оттуда, в Валашской Церкви возникло сильное смущение и большие соблазны от самих церковников и от архонтов. От сильных ветров в стране начались засуха и страшный голод, и только тогда все поняли, что это наказание от Бога за то, что прогнали святого. Тогда господарь Радул послал искать его во все концы земли, но не нашел, как Нифон и предсказывал.

После кончины святого Радул заболел какой-то страшной неизлечимой болезнью: все тело его было изрыто ямками и издавало невыносимое зловоние, так что никто не мог к нему приблизиться. Так в сильных мучениях он и скончался, и был погребен в монастыре святого Николая, называемого Далским, который сам же и построил. После его погребения, к ужасу присутствовавших, могила тряслась три дня, как и у царицы Евдоксии во времена Иоанна Златоуста. Все были в страхе, ибо вспомнили, что все это случилось согласно пророчеству святого Нифона. Опасности подвергся и добрый Неанг, духовный сын святителя, как тот ему и предсказывал. Ему угрожали тираны господари, правившие после смерти Радула: сначала Михнас, а затем Владул. Но, по пророчеству святителя, Неанг его заступничеством не только избавился от всех опасностей, но, по просьбе народа, стал господарем всей Унгровлахии.

Неанг, который видел, что все пророчества его духовного отца сбылись, размышляя о его Божественных поучениях, воспылал любовью к Богу и пожелал перенести в Валахию святые мощи Нифона, чтобы его страна, наказанная бедствиями от Бога, и он сам получили от них благословение. Особенно он хотел, чтобы получил благословение Радул, которого проклял святой. Так Неанг уподобился Феодосию, который ради матери своей Евдоксии перенес из Кукуза мощи святителя Иоанна Златоуста, ибо для Неанга божественный Нифон был “новым Златоустом”. Господарь отправил игуменов двух монастырей и двух архонтов на Святую Гору, в монастырь Дионисиат, с письмом к священноначалию и многими дарами.

Придя в монастырь, посланники отдали письмо настоятелю. Когда его зачитали вслух, все братья долго молчали. Затем один из старцев обратился к посланцам с такими словами: “Всецестные отцы, настоятели и благочестивые архонты, мы ни повеление господаря не можем презреть, ни простереть руки на гробницу святого. Не сможем мы, несчастные, вынести потерю такого сокровища, которое служит утешением нашей обители. Потому что как при жизни святой Нифон был нашим спасителем и стражем, так и сейчас, после кончины, священные его мощи дают нам великое утешение во всех скорбях и утеснениях, которые мы постоянно испытываем от нечестивых, и в других бедах, которым подвергаемся. Вы видите, в каком труднодоступном и опасном месте мы живем, не имея никакого другого утешения, кроме святых мощей святителя Нифона, подвизавшегося в нашем монастыре. И если сейчас вы их возьмете и унесете в другое место, то это вызовет у всех неслыханную печаль и страдания”.

Посланцы отвечали так:

– Преподобные отцы, послушайте нас и сделайте по слову нашего господаря. Благословите перенос святых мощей и изберите двоих из вас, которые пойдут вместе с нами. Мы

обещаем, что государь пошлет вам большую помощь, окажет вашей обители много благодеяний и немного погодя вернет святые мощи обратно.

— Мы не дерзаем копать, делайте это сами, как хотите.

Тогда один из архонтов, саном великий логофет, взял заступ и, перекрестившись, сказал: “Верой и благочестием моего государя я сделаю это и, надеюсь, предстательством святого не потерплю никакого вреда”. Он начал копать, и когда дошел до святых мощей (о неизреченные чудеса Твои, Христе!), в воздухе разлилось неопишное благоухание. Взяв святые мощи, иноки положили их в раку и внесли в церковь, которая наполнилась дивным ароматом. Собралась вся братия и отслужили Всенощное бдение. Об этом событии слышали в близлежащих кельях, скитах и монастырях, поэтому облобызать с верою и благоговением святые мощи пришли многие отцы.

Желая и после кончины прославить святого за его чрезвычайные подвижнические труды и лишения, Всемогущий Бог явил чудо. Некий глухонемой монах пришел облобызать святые мощи, и как только приблизился к ним, случилось чудо. Он стал беспрепятственно говорить и, благодаря Господа и святого, рассказывал об этом чуде везде. Другой брат, слепой на оба глаза, ведомый поводырем, также пришел облобызать мощи. Протерев глаза близ святых мощей, он прозрел. Святой Нифон совершил и множество других чудес, которые я пропускаю ради краткости. Однако и то малое, что я описал, показывает, какое дерзновение имел к Богу святой.

Через три дня, взяв святые мощи, посланники вместе с несколькими монахами обители отправились в Валахию. Перейдя Дунай, они предупредили государя, и тот тотчас же выслал встречать мощи святого архиереев, иереев, диаконов и монахов. Когда святые мощи достигли Бухареста, встретить их вышел и сам благочестивый государь вместе со множеством народа, со светильниками и фимиамом. Обнимая раку, он с благоговением и слезами лобызал святые

мощи. Подняв на плечи раку с мощами он вместе с другими архонтами принес их в Дальский монастырь и поставил на могилу Радула. Стали служить Всенощное бдение, горячо молясь святому, чтобы он простил беззаконие несчастного Радула. Посреди ночи, в разгар бдения, господарь Неанг уснул и увидел во сне, что отверзлась гробница Радула, из нее показалось совершенно черное его тело, из всех членов которого тек гной и распространялось невыносимое зловоние. Не в силах вытерпеть его, Неанг стал горячо просить Господа и святого Нифона помиловать несчастного Радула. И через некоторое время увидел, что из раки святого потекла вода. Нифон омыл этой водой зловонное тело Радула, и оно сделалось светлым. Потом гробница Радула снова закрылась. Святой Нифон подошел к Неангу и сказал: “Вот, чадо, я услышал твое моление. Только заповедую тебе, будь всегда в мире со своим народом и не забудь отослать назад, в монастырь, мои мощи для утешения братий, которые там подвизаются”. Затем святой снова лег в раку. Проснувшись, боголюбезный Неанг долгое время пребывал в изумлении, размышляя над тем что видел. Когда же он наконец пришел в себя, то громко произнес: “Слава Тебе, Царю Небесный, прославившему раба Своего, возлюбленного святого Нифона, неизреченной славой”. Уже завершились песнопения, и господарь рассказал всем о своем сновидении, и все прославили Бога. Наутро, когда совершалась Божественная литургия, собралось множество народа из сопредельных с Валахией стран, они принесли с собой безчисленное количество больных, которые, со слезами и верой лобызая мощи святого, по молитве к Богу обретали здравие. Хромые начинали ходить, слепые прозревали, мучившиеся от припадков исцелялись, и почти всякая болезнь отгонялась от тех, кто с верою обращался к святому.

Так как от мощей святого постоянно совершались чудеса, господарь собрал Поместный Собор, на котором установили праздновать память святого одиннадцатого августа, в день

его кончины, и составили службу святому. После этого богобоязненный Неанг повелел отлить дорогую золотую раку, инкрустированную драгоценными камнями и украшенную эмалью, на крышке которой поместили изображение святого, а рядом с ним, по повелению господаря, коленопреклоненным Неанга, а в раку положили мощи святого. В Валахии Неанг оставил только святую главу и руку Нифона, и, с согласия отцов, дал им в обмен всечестную главу Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, в золотом ларце, украшенном драгоценными камнями, которую и отослал в монастырь Дионисиат вместе с мощами святого Нифона. Господарь оказал также отцам монастыря и большую материальную помощь, воздвигнув множество построек в обители, где его непрестанно поминают как ктитора. Святую же главу и руку божественного Нифона присноблаженный Неанг при жизни всегда ради освящения и отвращения всякого врага держал при себе, куда бы ни ходил. После его кончины святыню пожертвовали в изумительный по красоте Артзесский монастырь, который построил сам господарь, и где они и теперь пребывают, во славу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

КРАТКОЕ ЖИТИЕ И ПОДВИГИ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО НЕКТАРИЯ,

ПОДВИЗАВШЕГОСЯ В XV ВЕКЕ
НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН, В СКИТУ КАРЕЕВ,
В КЕЛЬЕ АРХАНГЕЛОВ, НАЗЫВАЕМОЙ
ИГАРИЙСКОЙ

Сей божественный Нектарий был родом из местности, ныне называемой Бетолия. Родители его были людьми праведными и благочестивыми. Однажды мать преподобного, находясь на гумне, заснула и увидела во сне Пречистую Богородицу, Которая повелела ей взять мужа и детей и как можно скорее уйти из той страны и укрыться где-нибудь, ибо агаряне хотят напасть на их местность и обратить жителей в рабство. Проснувшись, она тотчас же прибежала домой, рассказала мужу об увиденном во сне и, взяв детей, они ушли, укрывшись, как им показалось, надежно. И действительно, вскоре варвары разграбили их страну и близлежащие области. Спустя некоторое время родители божественного Нектария вышли из укрытия, сохраненные невредимыми покровом и заступничеством Богородицы, Которую они благодарили от всей души, одновременно скорбя и радуясь. Скорбели они из-за нашествия варваров и похищения христиан, что было попущено жителям за грехи их, а радовались из-за необычайного спасения, которого сподобились предстательством Богородицы.

По соглашению с женой, отец преподобного Нектария, будучи уже в преклонном возрасте, взяв с собой Нектария и второго сына, оставил мир и все что в мире, и пришел в монастырь Святых безсребреников Космы и Дамиана,

который был расположен у подножия горы. В монашестве он был назван Пахомием. Он начал там безмолвствовать, молясь Богу, внимая себе и воспитывая сыновей в страхе и наставлении Господнем, как заповедует божественный Павел (см. Еф. 6: 4).

Вот так и жил в монастыре Пахомий, а Бог сотворил во дни его пребывания там такое чудо. У христиан, что жили вблизи монастыря, был обычай отдавать часть плодов, собранных на земле, по усмотрению каждого, в монастырь на содержание монахов, в нем находившихся, чтобы они каждый год могли совершать память святых безсребреников Космы и Дамиана. Когда настал день их памяти, то иноки и христиане ближних селений после службы торжественно отмечали этот праздник, как вдруг у них закончилось вино. Старец Пахомий возжег свечу и вместе с детьми пошел мыть сосуд. Когда же он хотел взять в руки сосуд, то обнаружил, – о чудо! – что он полон благоуханного вина. С радостью и удивлением старец прославил Бога, прославлявшего святых безсребреников, и ради них совершившего такое чудо.

Николай же, сын старца Пахомия, который потом был назван Нектарием, и о котором ныне будет идти речь, с самого детства будучи разумным и просвещенным от Бога, увидев произошедшее чудо и вспомнив о сне, который видела его мать (о спасении от варваров предстательством Богородицы), был уязвлен в сердце любовью к Богу и жаждал насладиться желанным Христом. Он с горячим чувством хотел посвятить себя Богу, а *ищущий находит*, как говорит Господь в Евангелии (Мф. 7: 8). Забыв обо всем плотском, он пошел на Святую Гору, где и познакомился с весьма добродетельным старцем по имени Дионисий, которого все звали Иагарис. Будучи сыном сенатора и первого архонта Константинополя, Дионисий всей душой возлюбил Господа нашего Иисуса Христа. Он оставил богатство, славу, знатность рода и все, что земной человек почитает за счастье, облекся в убогие и нищенские монашеские одежды и пошел в послушание

к старцу Филофею, простецу словом, но весьма искусному в добродетели, и старец повел его по пути добродетели.

К сему-то дивному Дионисию Иагарису и прилепился Николай, горячо прося позволить ему остаться. Что же сделал дивный Дионисий, сострадательнейшая и человеколюбивая душа, неужели он отверг Николая за его невежество или с презрением отнесся к нему из-за его нищеты? Нет, но, сжалившись над ним, старец приклонился на его просьбу и, приведя к своему духовному отцу, старцу Филофею, представил Николая. Украшенный даром прозорливости и предвидения будущего по Промыслу Божию, сотворив молитву, Филофей радушно приветствовал юношу, назвав его по имени:

– Ты, чадо Николай, сын Пахомия, хочешь жить с нами?

– Откуда ты знаешь меня, честный отче?

– Бог, Отец наш, Который послал тебя к нам, Он открыл мне о тебе.

Услышав это, Николай пришел в умиление и с большим благоговением и готовностью пошел в послушание старцу.

Вскоре старец облек его в монашеские одежды и с пострижением волос Николай отсек все мирские помышления. Сняв с себя мирские одежды, он снял вместе с ними и *одежды кожаные* (Быт. 3: 21), полученные нами в результате преслушания, и стал монахом Нектарием. Но преподобный не остановился на этом, как поступают сегодня большинство монахов, которые думают, что монашество заключается только в том, чтобы надеть схиму и черные одежды и не заботятся о добродетелях, которые должны творить монахи. Не задумываются они и о том, что, надевая ангельскую монашескую схиму, необходимо соблюдать каноны и строгость монашеской жизни, подражая жизни Ангелов. Но не так поступил божественный Нектарий. Приняв ангельскую схиму, он тотчас же всеми силами стал подвизаться в исполнении монашеских дел, подражая ангельскому жительству, подчиняя плоть духу послушанием, отсечением воли, смирением, постом, непрестанной молитвой, бдением и всеми прочими добродетелями, подобающими монахам.

Однако завистливый диавол не мог этого вынести; наблюдая, как Нектарий преуспевает в добродетелях, он стал воевать на него помыслами. Он постарался лишить его общения с таким добродетельным старцем, чтобы потом, как юного и лишенного помощи старца, ввергнуть в сети греха. Знал скверный, что пока юноша пребывает со старцем, он не сможет его уловить, потому что тот опирается на молитвы и отеческие наставления старца. Но бес все же не смог уловить Нектария этой мысленной бранью, потому что Бог хранил юношу. И что же тогда придумал всезлойный? Он разжег сердце собрата и послушника того же старца завистью, и настроил его против Нектария настолько, что уже в открытую кричал: “Либо прогоните Нектария, либо один из двух должен быть убит”. Услышав это, старец вместе с Дионисием Иагарисом сильно испугались и стали убеждать его словами из Священного Писания и творений святых отцов, чтобы он прекратил зависть и злобу против Нектария. Иногда они успокаивали страсть гнева мирными и кроткими словами, иногда устрашали послушника неугасимым огнем мучения, которому подвергнуться завистливые и братоненавистники, но ничего не добились и попросили Нектария на некоторое время удалиться из их общины, надеясь, что это приведет в чувство завистливого брата. Благословив Нектария, старцы отослали его к тогдашнему проту Святой Горы Даниилу, у которого он должен был провести некоторое время, пока Господь все устроит. Так божественный Нектарий пришел к проту и был принят с радостью, ибо был добродетельным и имел опыт монашеской жизни. Прот очень полюбил его и продолжил учить правилам монашеского жития.

В то время, когда Нектарий находился у прота, представился Филофей, который был уже глубоким стариком, и отошел к Желанному Господу. Дивный же Дионисий Иагирис, не в силах выносить братоненавистничества того брата, захотел жить вместе с Нектарием. Он пригласил его еще и потому, что они оба были чадами одного и того же духовного отца

и старца. И подвизались они вместе в течение долгого времени, как мы уже говорили ранее. Найдя небольшой монастырь, который был освящен в честь Небесных Сил безплотных или Кофу, они получили разрешение от прота Святой Горы Даниила поселиться там. Подвижники стали жить в этом монастыре, угождая Богу, добывая хлеб рукоделием и по силе помогая всем нуждающимся. А тот братоненавистник, оставшись нераскаянным, как сумасшедший скитался по Святой Горе, а потом вышел в мир. Там он проводил жизнь распущенную и невоздержную и закончил ее тем, что изверг свою душу на дороге, не имея ни дома, ни крыши над головой, и даже без последней молитвы, которую читают над всеми христианами.

Видите, братья, каким злом является ненависть и преслушание? Ненависть и зависть ослепляют око душевное, то есть ум того, кто одержим ими. Преслушание отлучает человека от рабов и друзей Божиих, лишает его их помощи и защиты, и как слепого ввергает в глубину погибельную. Возненавидим преслушание и ненависть всеми силами, если кто из нас не хочет разлучаться от славы Божией. Полюбим послушание и любовь к братьям нашим, чтобы через них смогли мы насладиться Царствием Божиим. Об этом все.

Блаженный Дионисий Иагарис, прожив достохвальную и преподобническую жизнь во всех добродетелях и особенно в смиренномудрии, в глубокой старости отошел к Желанному Богу. Божественный Нектарий с благоговением и почестями похоронил его останки. С той поры он пребывал в глубокой печали, ибо не имел более общения с присноблаженным Дионисием, и жалел, что сам не отошел к Желанному Христу вместе с дивным Филофеем и блаженным Дионисием, и, находясь на земле, лишен возможности наслаждаться общением с ними. Нектарий, по апостолу, *забывая заднее и простираясь вперед* (Флп. 3: 13), не считал совершенными собственные подвиги и добродетели, но старался добиться большего. Подвижник постоянно восходил от силы в силу,

прибавляя желание к желанию и подвиги к подвигам. Поэтому, видя его намерения, Бог не презрел преподобного, но, желая дать ему больший венец на Небесах, попустил впасть во многие страшные телесные болезни, которые блаженный переносил с крайним великодушием и благодарением. Прожив жизнь поистине преподобническую и достойную святых, он сподобился мирной и богоугодной кончины, предав в руки Божии блаженную свою душу в 1500 году от Рождества Христова в пятый день декабря месяца, и был сопричислен на Небесах с любимым им преподобным отцом Филофеем и Дионисием. Ученики похоронили его со всяческим благоговением, а через четыре года были обретены его святые мощи, от которых исходило неизреченное благоухание. В северной части храма в прекрасную гробницу с благоговением и почестями положили его всечестные мощи. Святой его лик был изображен на иконе, которую поместили над мощами. Многие, приходившие сюда с благоговением, ощущали духовное благоухание от святых мощей, и получали освящение души и тела, во славу Христа и Господа нашего и в доказательство богоугодной жизни преподобного Нектария, молитвами которого и мы да сподобимся Царствия Небесного. Аминь.

МУЧЕНИЧЕСТВО
СВЯТЫХ НОВОМУЧЕНИКОВ
ГАВРИИЛА И КИРМИДОЛА,
СОВЕРШИВШИХ СВОЙ ПОДВИГ
В ЕГИПТЕ В 1522 ГОДУ

Эти святые новомученики родились в Египте, родители их были христианами и дали им хорошее воспитание. Гавриил и Кирмидол были замучены у себя на родине во времена султана Сулеймана, сына Османа. Вот как это случилось.

В те дни правителем Египта был некий эмир Хаер Мек. К нему пришли нечестивые и оклеветали святых мучеников, сообщив: “Здесь есть двое христианских юношей, мало того, что они иноверцы, так еще делают нам много плохого; поскольку дома их находятся рядом с мечетью, они швыряют в нее мусор, выливают грязную воду и другие нечистоты. Никто из нас не может сделать им замечания, потому что они секретари больших начальников. Они поступают подобным образом каждый день и мы, не в силах перенести этот позор, пришли к тебе с жалобой, а ты делай, как тебе угодно”. Эти скверные и нечестивые говорили так из зависти, потому что юноши были знатны родом, преуспели во многих делах и были достойными секретарями. Они были способными от природы, хорошо образованы, и воспитаны родителями в добрых нравах, поэтому им и позавидовали, оклеветав перед страшным правителем.

Услышав жалобу, эмир сразу же послал воинов, которые арестовали юношей и привели к нему. Увидев, насколько юноши красивы и молоды, эмир начал льстить им кроткими словами и расспрашивать о вере. Юноши свободно и с большим дерзновением рассказали ему, что они христиане

и веруют в Господа нашего Иисуса Христа. Обнаружив, что они не поддаются на уговоры сменить веру, эмир приказал воинам отвести их к судьям. Поташив их, как злодеев, жестоко оскорбляя и безчеловечно избивая, воины привели их к судьям. Те снова спросили их о вере, и они без страха, с веселыми лицами, твердо отвечали им то же самое, что и эмиру. Агаряне, которые собрались на суд в великом множестве, ибо хотели узнать исход дела, услышав их речи, разгневались и все как один закричали, чтобы мученики отреклись от веры во Христа и приняли мусульманство. Но юноши с великим безстрашием отвечали: “Мы приняли нашу христианскую веру от предков, и не отречемся от нее, но останемся с ней до конца. Вашу же веру мы презираем и гнушаемся ей, ибо она ложная и суетная”. Услышав это, судьи разгневались и сказали: “Если вы сделаете то, что вам прикажут, тогда избежите многих мук и спасете свою жизнь, вас же почтят великими почестями и славой. Если же не примите нашу веру, вас предадут мучительной смерти”. Во время этого судилища, когда судьи разговаривали, пришла мать святого Кирмидола, чтобы увидеть и утешить своего сына, который подвергнулся такой опасности, но как только агаряне увидели ее, они набросились на нее, подобно диким зверям, жестоко избили, порвали одежды и выгнали из судилища.

Увидев это, блаженный Гавриил встал посреди них и произнес: “О несправедливые и незаконные судьи! Ничто нас не отлучит от любви и веры Христовой – ни богатство, ни слава, ни любовь к родителям, ни муки, ни даже страшная и мучительная смерть. Вот наша вяя, и что хотите, то и делайте с нами”. Подобным же образом отвечал и Кирмидол: “И я согласен с моим товарищем, и готов умереть за Христа моего”. Тогда один из предстоявших агарян, разгневавшись на мученика за эти слова, ударил его мечом в грудь и опрокинул на землю. Другой арап, устремившись на него с яростью, ударил со всей силой в грудь ногами, от чего юноша сделался полумертвым. Третий, взяв в руки огромный камень,

ударил мученика по голове, расколов ее на две части. Но даже и этим не насытились безчеловечные. Один из них подбежал и вырвал пальцами глаза юноши. Так приснопамятный Кирмидол сподобился блаженной кончины и получил от Венцеподателя Христа мученический венец. Блаженного же Гавриила швырнул на землю один из воинов и, ударив мечом, отсек правое плечо, а затем и честную его главу. Так и присноблаженный Гавриил приял мученический венец.

После того как мучеников так жестоко и безчеловечно умертвили, к их ногам привязали веревки и тела, по приказу судей, протащили до места, называемого Химет Илгуман, то есть до воинских палаток. Разложив большой костер, тела мучеников бросили туда. Прошло два дня, но тела не сгорали. Тогда беззаконные разожгли еще больший костер, подбросили дров, подлили масла и снова положили в костер мощи святых мучеников. После того как погас огонь и остыл пепел, агарянские рабы собрали то, что осталось от костей святых мучеников, и продали христианам. Святую главу мученика Гавриила сначала тайно взял один из воинов и продал некоему христианину Илию, золотых дел мастеру, сыну Муфры. Взяв главу, Илия отдал ее Иоакиму, блаженнейшему патриарху Александрийскому. Каждый, кто покупал частицу святых мощей мучеников, отдавал их Патриарху. Собрал с благоговением все частицы мощей, он помазал их благоуханными ароматами и положил в раку, сохранив ее в своей келье. Спустя много дней Патриарх взял раку и со многими свечами, гимнами и песнопениями перенес ее и положил в храме иже во святых отца нашего Николая. Там мощи находятся и до сего дня, совершая Божественной благодатью удивительные чудеса тем, кто приходит к ним с верой, благоговением и лобызает их. Этим святым было примерно по двадцать лет, когда они претерпели мучения. Этот добрый подвиг во имя Христа они совершили в восемнадцатый день октября месяца. Ихже молитвами Бог да помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО ИЕРОФЕЯ

Сей блаженный Иерофей, воссиявший в подвиге как другой Илия, родился в 1686 году от Рождества Христова в одном из селений Каламаты, в области Мореи, от благочестивых и богатых родителей Димоса и Асимины. Когда он был еще в утробе матери, она спросила одного добродетельного подвижника, обретавшегося тогда в их селении, которого все почитали за святого и пророка: “Кто у меня родится?”. Он ответил: “Ступай домой, ты родишь доброго сына, угодного Богу”.

Когда мальчик вышел уже из младенческого возраста и ему исполнилось семь лет, родители отдали его учиться. Через короткое время, к удивлению окружающих, он изучил весь цикл общецерковных наук, так что читал и понимал любую книгу, которая ему попадалась в руки. Имея от начала старческий ум и твердую волю, он не предавался детским забавам, подобно прочим детям. Сердце его горело любовью к наукам, только о них он и помышлял денно и нощно, полагая, что с их помощью легко поймет Священное Писание. Он слышал, что святые отцы нашей Церкви, особенно Василий Великий и Григорий Богослов, призывают юношей обучаться наукам.

Находясь еще в Каламате, он в достаточной степени выучил древнегреческий и латинский языки, потому что и латинский не менее полезен для всякого знания, чем греческий*. В учебе ему очень помогали, наряду с ревностью и

* Преподобный Никодим говорит о XVIII веке, когда латинский язык находил широкое применение во многих областях знаний. – *Пер.*

горячностью, острота ума, память, способность к рассуждению, то есть те природные дарования, которые в сочетании с прилежанием способствуют большему преуспеянию того, кто ими обладает.

Преподобный преуспевал в учебе, но родители хотели его женить, желая видеть его счастливым в этой жизни. Многие, когда женят своих детей, думают, что они будут счастливы, имея жену, детей и прочие мирские блага, но не знают суетные, что лучше побуждать их к девству, которое есть свобода и большее счастье, чем брак, который есть узы. Как говорит апостол, женатые *будут иметь скорби по плоти*, то есть печали и несчастья (1 Кор. 7: 28).

Пребывая в этих заботах, родители через обручение готовили брак. Блаженный же Иерофей печалился и негодовал, потому что помолвка состоялась помимо его воли. Однако он подчинился повелению родительскому, по заповеди Писания: *Дети, будьте послушны родителям вашим во всем, ибо это благоугодно Господу* (Кол. 3: 20), но вместе с тем не переставал от всего сердца просить Бога и Его Промысл воспрепятствовать браку, чтобы остаться девственником на всю жизнь и иметь время, чтобы свободно упражняться в науках.

Видя благочестие, которое божественный Иерофей имел к Богу от юности, Господь исполнил его желание, ибо *желание боящихся Его Он исполняет* (Пс. 144: 19). По прошествии шестнадцати дней после помолвки Господь забрал обоих родителей в другую жизнь, не потому, что желал им смерти, но таковое решение было справедливым для неисповедимых Его судов. Именно таким образом святой смог сохранить девство и преуспеть в науках. Чтобы не дать повода для подозрений родителям обрученной с ним девушки, что он хочет уйти, и чтобы они не стали препятствовать ему, преподобный оставил двери своего дома открытыми и отправился на остров Закинф, не взяв с собой ничего из имущества. Он пробыл там недолго, посвящая все свое время наукам, а затем богатые родственники, проживавшие на этом же острове, предложили ему отправиться за их счет на Запад,

чтобы изучать философию. Но присноблаженный Иерофей, узнав, что на Святой Горе есть мужи, которые подобно пчелам производят мед добродетелей, предпочел отправиться туда, чтобы попробовать этого меда, благоразумно размыслив, что если потом на Западе ему встретится некая горечь — либо в отношении догматов, либо в отношении нравов, он сможет победить ее сладостью добродетелей.

Придя на Святую Гору, Иерофей поселился с одним отшельником в келье святого Артемия, где в безмолвии с усердием предавался чтению Священного Писания и житий преподобных. Убедившись из них, что отшельники и после двадцати, и после сорока, и даже после шестидесяти лет, проведенных в пустынном подвиге, бывают прельщены диаволом, он стал искать другой путь спасения души, более короткий и безопасный, но ничего не смог придумать, кроме мученичества за Христа. Но мученичество тоже должно быть по чину и по закону, нельзя просто бездумно пойти и отдать свою жизнь, как будто бы понося нечестивых, испросив себе, таким образом, смерть. Такому мученичеству и божественный Павел препятствует, говоря: *Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться* (2 Тим. 2: 5). Причиной мученичества должны стать сами нечестивые, вот тогда оно будет законным мучением за Христа. После этих размышлений блаженный пришел в Иверский монастырь, облекся там в рясу и, сопровождая настоятеля монастыря, пришел с ним в столицу. Были среди спутников и другие братья. Преподобный думал, что, увидев христианского монаха в городе, иноверные найдут предлог и побьют его, обругав, а он воспротивится разумно, чтобы довести мучение до конца. Он часто молился об этом, желая узнать, есть ли на то воля Господня, чтобы цель его увенчалась благим результатом. Иерофей пробыл среди нечестивых достаточно долго. Но если других его сотоварищей противники веры поносили и били, то его совсем не трогали, хотя он часто давал некоторый повод к издевательствам. По всей видимости, Божественный Промысл хранил его ради

пользы многих других. Видя, что желание его не исполняется, Иерофей однажды с сильной печалью на сердце вышел из города и направился вместе со своими спутниками в северные пределы страны. Оттуда он возвратил в Валахию и начал учиться у Марка Кипрского, учителя тамошней школы, где и был рукоположен в диакона митрополитом Софийским Авксением. Некоторое время спустя Иерофей вернулся в Константинополь и был научен философским наукам Иакумисом из Аргоса, учителем местной школы. Однако преподобный не довольствовался этими науками и отправился в Венецию, узнав, что там преподают больше того, чему он уже научился, и с помощью изучения новых наук он сможет принести большой плод. Потом Иерофей снова вернулся на Святую Гору, уже познавший многие науки и философию, и поселился в Иверском монастыре, в келье Хаги, первой стадии начальных его подвигов. Преподобный оставляет внешнюю школу и приходит в духовную, где можно легко научиться истинному искусству искусств и науке наук – преуспеянию по Богу, всежеланной добродетели. И тотчас же с помощью духовного рассуждения, которому он постоянно поучался из Священных Писаний, преподобный стал проверять то, чему научился, отбрасывая бесполезное, и собирая полезное в духовные свои житницы. Так он стал с радостью предаваться размышлениям о Боге.

Зная, что для очищения ума таковыми размышлениями и возвышения его до Небесных созерцаний необходимо упражняться и в других добродетелях, как телесных, так и духовных, преподобный стал подвизаться с великим усердием в строжайшем посте, бдении, молитве, за которые сподобился и божественного дара священства в возрасте тридцати лет от Неокесарийского митрополита Иакова, который подвизался тогда в том же самом Иверском монастыре. После этого преподобный продолжал прилагать подвиги к подвигам, а пот к поту, стараясь стать образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте (1 Тим 4: 12). Зная, что пост есть основание всех добродетелей и что

Господь ублажает алчущих ныне, ибо насытятся (ср. Лк. 6: 21), то есть добровольный голод, либо невольный, но переносимый с благодарностью, святой иногда ел свой ячменный хлеб, да и тот без соли, один раз в два – три, а иногда и в четыре дня. Иной раз он вместо хлеба вкушал фасоль, протухшую настолько, что с большим трудом понуждал себя ее проглатывать. Обличаемый как-то раз своим учеником Мелетием, который считал его самоубийцей, он сказал: “Нет, самоубийца – это тот, который ничего не ест и умирает от голода, но я даю ему (то есть чреву) пищу независимо от того, нравится она ему или нет”. Преподобный всегда собирал со стола крошки, смачивал их водой или вином, клал в сумку и выдерживал до тех пор, пока они не засыхали и не начинали издавать неприятный запах. Только после этого он их съедал. Очень часто он ел то, чем обычно смазывают печную утварь, а потом выбрасывают. Этим он и утешал себя после многодневного поста. Во время Великого поста он ел один раз в неделю, пытаясь превзойти самих древних подвижников, и дошел до того, что в течение пятнадцати дней не ел вообще ничего. Если ему приходилось есть вместе с другими, то он ел все, что позволено есть монаху, чтобы другие не видели его добродетель, и чтобы смирить гордыню, согласно преподобному Иоанну Лествичнику. Но даже и в этих редких случаях Иерофей вкушал очень умеренно. Так же умеренно он и спал, следуя словам Арсения Великого: “Монаху достаточно спать один час в сутки. Если он подвижник, то пусть упражняется в этих двух добродетелях, чтобы легко, как на крыльях, взойти к другим, более высоким добродетелям”. Когда сон уж очень сильно одолевал подвижника, он ходил по монастырю и со слезами и воздыханиями молился: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя”. Вот такое занятие имел присноблаженный и старался, если было возможно, и не было препятствий от людей, не оставлять эту молитву ни умом, ни устами.

От своих чрезмерных подвижнических трудов Иерофей пришел в такую немощь, что расстояние от берега до мона-

стыря проходил с двумя-тремя остановками, хотя путь был небольшой и дорога ровная. Благодаря своим трудам преподобный дошел и до блаженного плача, и до радостотворных слез, которые возводят на высоту смирения и презрения к самому себе. В конце жизни он познал и богоподражательную любовь и уже не боялся лишиться ее, по апостолу: *любовь никогда не перестает* (1 Кор. 13: 8). Поэтому, если какой-нибудь нищий просил у Иерофея милостыню, то он, не имея ни золота, ни серебра, снимал свою одежду и отдавал. Иногда он отдавал нищему и ночное одеяло. В монастыре, узнав об этом, выдавали ему другое, но он и его снова отдавал. Из-за этой любви он согласился на неотступные просьбы скопелитов, на остров которых он переправился со многими другими монахами из-за эпидемии страшной чумы. Прожив на острове восемь лет, он преподавал в школах различные предметы, проповедовал в церквах, принимал исповедь, и так исполнял на деле пророческое изречение: *Уста праведнаго поучатся премудрости, и язык его возглаголет суд* (Пс. 36: 30).

От телесных и духовных добродетелей он возвысился до созерцания Небесного, нисколько не желая знать о земном. Постоянно осияваемый невестественными явлениями, преподобный радовался радостью неизреченной и, созерцая божественную красоту, становился Божественным по благодати, хотя он и был еще в теле. Умное созерцание Бога и молитва Иисусова сменялись у него изучением Священного Писания. Когда преподобный прекращал заниматься и этим, то давал уроки или преподавал нравственное поучение, приправленное солью. Однако, через некоторое время, желая насладиться глубоким безмолвием и предаться Божественным созерцаниям, чтобы более полно соединиться с Богом (а может быть предвидя свою близкую кончину) и избежать людской славы, преподобный с одним из любимых своих учеников, иеромонахом Мелетием, который и сам был весьма добродетелен и как бы отражал подвиги блаженного, святой Иерофей отправляется на совершенно пустынный

остров Юрский. Этот остров всегда служил для царей удобным местом ссылки. Пробыв здесь недолго в подвиге вместе с другими двумя братьями, преподобный заболел и через несколько дней, тринадцатого сентября 1745 года, оставил эту временную жизнь и переселился в вечную, прожив на земле пятьдесят девять лет. Он направился к той радостной Славе и Свету, ради Которых подъял здесь чрезмерные труды и подвиги, а братьев, бывших с ним, и особенно упомянутого Мелетия, оставил в безмерной печали. После того как Мелетий похоронил преподобного, он снова вернулся в Иверский монастырь, и вновь появился на острове только для перенесения мощей преподобного. Святые мощи Иерофея источали Божественную благодать. Мелетий взял честную главу с челюстью и принес их в Иверскую обитель, где их хранят до сего дня и почитают. Святой не только при жизни сподобился приять от Христа силу чудотворений, но и по смерти от его мощей исходит неизреченное благоухание и бывают чудеса, свидетелями некоторых из них были два иеродиакона и один мирянин. Они пришли в Иверский монастырь к достопочтенному Мелетию, ученику преподобного, и просили его вынести им для поклонения честную главу присноблаженного старца. Когда Мелетий вынул главу из ларца, произошло дивное чудо: вся келья наполнилась таким тонким и приятным благоуханием, что стало понятно, что это дар Небес. Пришедшие изумились, потому что никогда ранее они не ощущали такого дивного аромата и рассказывали об этом повсюду. Далее я приведу лишь небольшое свидетельство о благодати, которую получил преподобный.

В юности, когда преподобный подвизался добрым подвигом, один любящий осуждение монах, завидуя его целомудрию, осудил его, и тотчас же испытал на себе Божественный гнев. Судами Божиими и тело, и губы его опухли, – вот так наказываются *уста лживые, которые против праведника говорят злое!* (Пс. 30: 19) Причем губы распухли так сильно, что знакомые не могли ни вложить ему в рот пищи, ни влить никакого питья. Разжав рот с помощью ножа, они вливали

ему в рот немного сока, этим он и жил до тех пор, пока незлобивый преподобный, которого никто не позвал, сам явился к нему и, помолившись Господу, исцелил. То же самое случилось и с другим монахом, который так же оклеветал святого, и его постигло наказание, и он получил такое же исцеление по молитвам преподобного.

После кончины святого некий Каллиник, монах Иверского монастыря, находился в Константинополе; у него при себе была часть святых мощей преподобного; в это время одна женщина заболела: у нее налились желчью глаза, зрение ее ухудшилось и несчастная испытывала жуткие боли. Монах исцелил ее дивным образом с помощью этих мощей, по молитвам ко Господу, и она стала прославлять Бога и благодарить преподобного, ибо до этого без всякой пользы истратила много средств на врачей.

Другая жена три года лежала, прикованная к постели и мучаясь от боли. Тот же самый Каллиник с помощью мощей избавил ее от этих болей и поднял с постели.

Некий младенец непрестанно плакал и скрежетал зубами целый год. Он так же получил исцеление от мощей, по молитвам ко Господу.

И на Святой Горе Афон с помощью святых мощей некоторые исцелились от телесных болезней, а другие избавились от зубной боли. Вот такую силу имеет молитва праведного, и особенно после смерти, ибо он с большим дерзновением молится ко Господу за тех, кто с верою его призывает.

Таково, братия, житие преподобного отца нашего Иерофея. Вот так он подвизался, так трудился и победил, так что и он может вместе с апостолом Павлом дерзновенно сказать: *Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный* (2 Тим. 4: 7-8). Ибо и он, собственным произволением, стал безкровным мучеником, который предал себя за Христа, и как преподобный претерпел многие злострадания и утеснения, поистине став образцом для подражания в добродетели для

всех, как и повелевает Господь: *Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного* (Мф. 5: 16). Преподобный Иерофей поистине почтил в свои времена Самого Бога, православный народ, родину и свой монастырь. Не могут сейчас нерадивые плотолюбцы сказать, что прошли уже те времена, когда были святые, которым Бог давал Свою благодать, и которые благочестиво, до крови, подвизались против греха.

Отче божественнейший, подобно тому, как всю свою жизнь ты более заботился о пользе братий, нежели о своей собственной, так и ныне, предстоя Престолу Божию, ходатайствуй, молим, ко Господу о нас, грешных, которые еще путешествуют по этому бурному житейскому морю, еще земным этим торжищем озабочены, еще противоборствуем на опасном этом мысленном поприще. Ходатайствуй ко Господу – да причалим в тихую пристань, да завершится торжище это успехом, прибылью, да победим невидимых врагов наших и достойно примем венец победы от Подвигоположника Христа, и да будем прославлять тебя ежегодным празднеством в день твоей памяти, а в Троице Единому Богу будем приносить непрестанно службы и благодарения, Ему же подобает всякая слава, держава и похвала во веки. Аминь.

ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОЕ
ПОВЕСТВОВАНИЕ

**О ЧУДЕ, СОВЕРШЕННОМ
СВЯТЫМ ГЕОРГИЕМ,
И О САРАЦИНЕ,**

ЗРЕВШЕМ ВИДЕНИЕ В ЕГО ХРАМЕ

Однажды эмир Сирии послал своего племянника по делам в город Диосполь, который сарадины называют Ребли. А в этом городе есть изумительный по красоте храм святого Георгия. Увидев храм издалека, сарацин повелел слугам отнести его вещи в притвор храма, где он решил остановиться, и туда же завести его двенадцать верблюдов. Священники, служившие в этом храме, просили его не совершать этот гнусный поступок. Однако посланный угрозами приказал ввести животных внутрь, но как только верблюдов ввели в храм, они тотчас же упали и сдохли. Увидев такое знамение, племянник эмира подивился великой силе святого Георгия и повелел вынести тела верблюдов из храма.

На другой день, когда священник пришел в храм служить, сарацин из притвора захотел понаблюдать, что тот будет делать. Человеколюбец же Бог наш отверз сарацину умные очи и показал страшное видение. В тот момент, когда священник совершал проскомидию, сарацин увидел, что тот “заколол” малое дитя, кровь влил во святой Потир, а тело разрезал на куски и положил на святом дискосе. А потом, во время Причастия, неверный увидел, как священник давал народу плоть и кровь младенца, и удивлялся. По завершении Божественной литургии священник лучшие просфоры принес в дар сарацину. Тот спросил, что это такое, и священник отвечал: “Мой господин, это просфоры, на которых мы

служим в нашей церкви”. Тогда сарацин с гневом воскликнул: “Разве на них ты служил сегодня? Разве я не видел, как ты зарезал дитя, кровь его вылил в чашу, а тело разрезал на куски и положил на дискос, а потом давал народу? Разве я не видел все, что ты делал, скверный убийца?”

Услышав эти слова, священник задрожал и, упав в ноги сарацину, произнес:

– Да прославится Господь, Который сподобил тебя, мой господин, увидеть это страшное Таинство. Верую Богу моему, что ты великий человек, и ты у Него в числе спасенных.

Изумившись словам священника, сарацин отвечал:

– Разве все было не так, как я видел?

– Да, мой господин, это так, и мы веруем, что хлеб и вино, которые мы приготавливаем на литургии, есть Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. Но зреть это видение я никогда не сподоблялся, потому что я грешник, и вижу перед собой лишь хлеб и вино. Поскольку же Господь и Бог мой сподобил тебя, мой господин, увидеть это Таинство, верую, что ты великий человек, ибо только великие отцы нашей Церкви, будучи в высочайшей степени достойными, видели это дивное Таинство.

Услышав это и весьма удивившись, сарацин долгое время размышлял, а потом, как бы восстав ото сна, пришел в себя и повелел слугам выйти, сказав священнику:

– Как я вижу и удостоверяюсь, вера христианская истинна. Горе мне, который провел свою жизнь во лживой и суетной вере сарацинской, воистину нечистой. Но поскольку Бог желает, чтобы я спасся, окрести меня, чтобы отныне я служил Богу с чистой совестью.

– Мой господин, я не дерзаю крестить тебя, потому что твой дядя – царь, и если он узнает, что я крестил тебя, то убьет меня, а церкви наши разрушит. Если хочешь, тайно выйди отсюда и ступай так, чтобы тебя никто не узнал, к Иерусалимскому патриарху, он и крестит тебя”.

После этих слов, сарацин нашел власяницу, надел ее и тайно ночью ушел. Придя к Иерусалимскому патриарху, он

упал к нему в ноги и просил его крестить. После Крещения, на восьмой день, бывший сарацин снова пришел к Патриарху и сказал:

– Вот, благодатью Божией я стал христианином, что мне делать, чтобы спастись?

– Если хочешь спастись, ступай на гору Синай, где обретаются благочестивые и добродетельные иноки, стань монахом и соблюдай заповеди Божии.

Придя на Синай и приняв постриг, он прожил там три года, достигнув великой меры добродетелей, после чего стал проситься у игумена отпустить его в Ребли. Получив разрешение, он пришел в город, в храм святого Георгия, и встретился с тем богобоязненным священником, о котором мы упоминали ранее. Он открыл ему, кто он такой и сказал:

– Вот, Божественной благодатью и благоприятными твоими молитвами я стал христианином и монахом, однако имею сильное желание увидеть Господа Иисуса Христа, поэтому горячо прошу тебя, исполни мое желание.

Прославив Бога, священник отвечал:

– Ступай к своему дяде-эмиру и перед ним и всеми сарацинами исповедуй, что Господь наш Иисус Христос, Сын Божий и Бог, Создатель всей Твари, что Он вочеловечился и сотворил удивительные чудеса, был распят, и погребен, и воскрес в третий день, и со славою вознесся на Небеса. Сделав так, ты с дерзновением сможешь узреть Господа.

После этого присноблаженный тот инок, послушавшись божественных слов благочестивого священника, отправился в ту страну, где жил его дядя. Ночью он поднялся на минарет мечети и начал громким голосом звать: “Бегите сюда, сарацины, я хочу вам кое-что сказать”. Услышав зов, те бежали со свечами и, обнаружив монаха, спросили, что тот хочет им сказать. Монах же отвечал им: “Что вы мне дадите, если я вам сообщу, где находится племянник эмира, который тайно ушел?” Те пообещали ему столько денег, сколько он сам захочет. И тогда монах сказал: “Отведите меня к эмиру, я

сам ему скажу". Они с радостью отвели его к эмиру, пояснив: "Этот монах знает, где находится твой племянник". Эмир спросил его, правда ли, что он знает место, где находится его племянник, и монах отвечал: "Да, знаю, потому что я и есть ваш племянник, но теперь я христианин, и верую во Отца и Сына и Святаго Духа, Единое Божество, и исповедую, что Сын Божий воплотился от Приснодевы Марии и сотворил в мире великие чудеса, и был распят, и в третий день воскрес, и вознесся на Небеса, и сел одесную Бога и Отца, и снова придет судить живых и мертвых".

Услышав эти слова, его дядя эмир с удивлением спросил: "Что с тобой случилось, несчастный, почему ты оставил свой дом, богатства, славу, и презренно скитаешься, как нищий? Почему ты не хочешь вернуться в свою веру и исповедать Мухаммеда пророком, и прийти в прежнее свое состояние?" Монах на это отвечал: "Все, что у меня было тогда, когда я был сарацином, все было от диавола. А эта власяница, которую я сейчас ношу, моя похвала, и богатство, и предобручение славы, которой я буду наслаждаться за истинную веру во Христа моего. Мухаммеда же, который вас обольстил, и веру его, проклиная и отвращаюсь". Жалея его, эмир сказал находившимся при нем сарацинам: "Он сошел с ума и не знает, что говорит. Выведите его и прогоните". Но те ему возразили: "Ты хочешь отпустить того, кто проклял нашего пророка и нашу веру, и который достоин тысячи смертей? Что, может быть нам тоже отречься от нашей веры и стать христианами?"

Испугавшись, что они взбунтуются против него, эмир разрешил им делать с племянником, что захотят. Скрежеща зубами, они схватили этого благословенного монаха, вывели за город и побили камнями, он же при этом призывал имя Господа нашего Иисуса Христа. Так присноблаженный скончался в добром исповедании и тотчас же, с дерзновением пойдя ко Господу, Которого так возжелал, приял мученический венец. Но еще долгое время каждую ночь над грудой

тех камней светила светлая звезда, освещающая место мученичества. Видя это, сарацины удивлялись. По прошествии долгого времени эмир, наконец, позволил христианам вынуть святыя мощи мученика из-под камней. И – о чудо! – тело его найдено было совершенно целым и нетленным, и издавало сильное благоухание. С благоговением облобызав его, христиане с гимнами и псалмопениями погребли мученика, прославляя Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки. Аминь.

ИЗБРАННЫЕ
ДВЕНАДЦАТЬ
ДУШЕПОЛЕЗНЫХ ПОВЕСТЕЙ
ИЗ "ЛУГА ДУХОВНОГО"

ПОВЕСТЬ ПЕРВАЯ

Чудо Пресвятой Богородицы
над Гаианом комедиантом

В одном из городов ливанской Финикии жил актер по имени Гаиан, произносивший принародно хулы на Пресвятую Владычицу Богородицу. Однажды во сне Богородица явилась ему и сказала: "Какое зло Я сделала тебе, за что ты Меня хулишь?" Проснувшись, Гаиан не исправился, но по-прежнему продолжал хулить Ее. Госпожа Богородица являлась ему трижды и говорила те же слова, увещавая прекратить брань. Но поскольку актер не исправлялся, то однажды днем, когда он спал, ему явилась во сне Богородица и, ничего не сказав, перстом провела черту по его рукам и ногам. Проснувшись, актер обнаружил, что руки и ноги у него отсечены, а тело лежит само по себе. Тогда он перед всеми признался, какое воздаяние получил за свою брань, чтобы вразумить остальных и прекратить богохульства.

ПОВЕСТЬ ВТОРАЯ

В монастыре святого Феодосия в Скопеле, что между Селевкийей и Киликийей, был добрый обычай, заповеданный еще основателем обители святым Феодосием. Каждый год в Великий Четверток всем нищим, обретавшимся в тех краях, монастырь давал по полмодия пшеницы, по пяти благосло-

венных хлебов, по секстарию вина и по полсекстарию меда*. Однажды, когда плоды не уродились, а пшеница продавалась по очень высокой цене, некоторые из монастырской братии сказали игумену: "Господин авва, не будем давать в этом году, по обычаю, пшеницу нищим, чтобы не утеснить братьев, ибо нигде нет пшеницы". Игумен же на это отвечал: "Не станем, чада, нарушать благословение отца нашего Феодосия, ведь это его заповедь, и мы не должны преступать ее. Он сам позаботится о нас и не оставит в утеснении". Но братия продолжала настаивать на своем, игумена все это сильно печалило и он ответил: "Делайте, что хотите". Когда наступил Великий Четверток, то пшеницу, вопреки обычаю, не стали выдавать. А в Великую Пятницу, когда келарь пришел в кладовую, то, открыв дверь, увидел, что вся пшеница проросла и ее пришлось выбросить в море. Тогда игумен сказал братии: "Так происходит с теми, кто нарушает заповедь отца своего. Пожинайте теперь плоды преслушания. Всего только пятьсот модий пшеницы мы должны были раздать – и угодили бы послушанием отцу нашему Феодосию, и бедных братий своих утешили бы. А теперь что? Вы видите, что погибло у нас пять тысяч модий пшеницы. Какую пользу мы получили от этого? И справедливо мы получили это утеснение, ибо совершили два греха: нарушили заповедь отца нашего, и надежду возложили не на Бога, а на закрома. Итак, братья, научимся на этом примере, ибо всем управляет Бог, а подобный Феодосий невидимо заботится о нас, детях своих, если мы соблюдаем его заповеди".

ПОВЕСТЬ ТРЕТЬЯ

Авва Иоанн, игумен обители Гигантов, что в Великой Антиохии, рассказывал:

– Один раз ко мне пришел некий юноша и, обливаясь слезами, сказал: "Бога ради, прими меня, я хочу исповедаться".

* Секстарий – мера жидкостей и сыпучих тел, равная 0,547 литра. – Пер.

Увидев, что он пребывает в сильной печали и сокрушении, я спросил его: "Чадо, как ты пришел в такое сокрушение?" На что он мне отвечал: "Истинно говорю, отче, я великий грешник, потому и плачу". Тогда я снова сказал ему: "Поверь мне, чадо, что, подобно тому как есть много разных грехов, так есть много разных лекарств. Если хочешь исцелиться, расскажи мне о своем грехе всю правду, чтобы я дал тебе подходящую епитимию, ибо одним способом врачуются убийца, другим – блудник, третьим – чародей, а у корыстолюбца иное лекарство". Вздохнув из глубины сердца и бия себя в грудь, юноша горько плакал. От сильного волнения, он не мог свободно говорить. Видя, что он не может поведать о своей беде, я сказал ему: "Послушай меня, чадо, и понуди себя немного. Расскажи о своих грехах, ибо силен Господь наш подать тебе Свою помощь, по безграничному Своему милосердию. Он претерпел столько страданий ради нашего спасения, общался и вкушал пищу с мытарями, не отвернулся блудницы, принял разбойника и, наконец, взошел на крест. Если ты раскаешься и обратишься к Нему, то Он с раскрытыми объятиями с радостью примет и тебя, потому что не желает смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был (Иез. 33: 11).

Тогда, понуждая себя и престав немного от слез, юноша сказал: "Отче, я великий грешник и недостойн неба и земли. Два дня назад я услышал, что умерла одна девица, дочь первого архонта этого города, и ее похоронили в драгоценных одеждах в гробнице за городом. Будучи привычен к этому незаконному делу – похищать одежды мертвецов – ночью я пришел к могиле, раскопал ее и стал снимать с мертвой одежды. Когда я снял все, что на ней было, вплоть до сорочки, оставив мертвую обнаженной, и уже собрался уходить, она встала, протянула левую руку и, схватив меня за правую, сказала: "Человек, зачем ты обнажил меня? Разве ты не боишься Бога? Не страшишься грядущего Суда и воздаяния? Разве не должен был сжалиться надо мной, мертвой?

Как же ты, будучи христианином, допустил, чтобы я нагой предстала пред Христом, и не устыдился раздеть женщину? Разве не женщина родила тебя? Разве во мне ты не оскорбил мать свою? Какой ответ, несчастнейший из людей, ты дашь за меня на грозном Суде Христовом? Пока я была жива, никто чужой не видел лица моего, а ты с меня, мертвой и погребенной, совлек одежды и увидел мое обнаженное тело. О человеческая природа, в какую бездну зла ты низверглась! С каким сердцем и с какими руками ты приступишь к святому Телу и Крови Господа нашего Иисуса Христа?"

Увидев и услышав все это, я безумно испугался и, дрожа от страха, едва смог вымолвить: "Прошу тебя, отпусти меня, я больше не буду так поступать". Но девица отвечала: "Ты пришел сюда по своей воле, но по своей воле отсюда не уйдешь, потому что эта могила станет общей для нас двоих. И не думай, что ты сразу же умрешь, нет. Ты будешь мучиться много дней, и только после этого извергнешь несчастную свою душу". Я снова стал со слезами просить ее отпустить меня, и поклялся Богом, что перестану творить беззаконные дела. Я долго умолял ее и проливал рекой слезы, наконец она сказала: "Если хочешь, чтобы я тебя отпустила, пообещай, что не только прекратишь свои скверные деяния, но тотчас же пойдешь в монастырь и станешь монахом, и всю жизнь будешь каяться в своих грехах и работать Христу. Только тогда я отпущу тебя". Я дал ей обещание, что сделаю все, как она сказала, и что сразу же пойду в монастырь. Затем девушка приказала: "Одень меня так, как нашел". Я сразу же одел ее, она легла во гроб и умерла. Я же, несчастный и грешный, как только вышел из гробницы, сразу пришел сюда, ища спасения". Услышав такой рассказ из уст юноши, я наставил его спасительными словами, дал ему покаянное правило, и он стал с великой ревностью подвизаться. Через некоторое время я облек его в монашескую схиму и по его просьбе поместил в затвор в одной пещере, где он и жил, угождая Богу.

ПОВЕСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Во дни патриарха Александрийского Феофила, епископом Киринским стал Синесий Философ. Придя в свою епархию, он встретил там некоего философа Евагрия, который был его близким другом со школьной скамьи. Однако Евагрий был весьма привержен идолопоклонству. Желая обратить своего друга от идольского заблуждения и сделать христианином, Синесий подъял на себя большой подвиг и заботу, пытаясь любыми способами привести Евагрия к православной вере. Но тот никак не соглашался, и не слушал обращенных к нему слов. Несмотря на это, Синесий, по причине крепкой между ними дружбы, нисколько не смутился и не переставал каждый день увещавать друга, склоняя его к познанию истины Христовой. В один из дней, когда архиерей много рассказывал ему о православной вере, Евагрий сказал: "По правде говоря, господин епископ, мне многое не нравится в вашей вере: не нравится, что вы, христиане, утверждаете, что будет кончина мира, а после нее все люди от века воскреснут в том же самом теле, которое станет нетленным и бессмертным, и что они примут воздаяния за свои дела; не нравится также и то, что вы милуете нищих и при этом говорите, что даете взаймы Богу, и что кто расточает серебро свое на нищих, тот собирает себе богатство на Небесах, чтобы в день всеобщего воскресения получить и его в стократном размере, и жизнь вечную. Все это мне кажется мифом и заблуждением, достойным смеха". Блаженный Синесий стал уверять его, что все, что говорят христиане, истина, и нет в этом никакой лжи, одновременно приводя в доказательство множество примеров. Через некоторое время Синесий крестил своего друга, его детей и всех домашних. После Крещения Евагрий дал Синесию триста литр золота, чтобы раздать нищим, со словами: "Раздай это нищим, и напиши мне собственноручно расписку, что Иисус Христос все это мне отдаст". Приняв золото, епископ охотно написал расписку, о которой его просил Евагрий, и отдал ему. Прошло много времени, Евагрий

смертельно заболел и передал детям расписку епископа с печатью, велев вложить ее ему в руку, когда его будут хоронить, но так, чтобы никто не знал. Дети так и поступили. На третий день после погребения Евагрий явился во сне епископу и сказал: "Приходи ко мне на могилу и получи расписку, потому что я получил свой долг". Позвав детей покойного, Синесий спросил их, что они положили в могилу отца, и те рассказали о том, что он велел им сделать. Тогда епископ, в свою очередь, рассказал свой сон, который видел в ту ночь, а затем вместе с клириками и многими христианами пришел на могилу Евагрия. Открыв гроб, они увидели, что покойный держит в руках расписку епископа. Взяв ее, они обнаружили на ней приписку, сделанную рукой Евагрия: "Да будет тебе, преподобнейшему епископу господину Синесию, благодать и мир от Бога. Я, Евагрий, говорю, что получил от Господа нашего Иисуса Христа долг, заверенный этой распиской, и прославляю Бога, и благодарю твое преподобие, что привел меня к свету". Услышав это, все замерли от изумления, а потом долго молились: "Господи, помилуй", и прославляли Бога, творящего такие чудеса для удостоверения рабов Своих.

ПОВЕСТЬ ПЯТАЯ

Жил в Константинополе один богатый архонт, весьма милостивый, подававший нищим большую милостыню. Однажды он позвал своего единственного сына и, показав ему все богатства, спросил: "Сын мой, что лучше, оставить тебе все эти богатства или поручить тебя Богу?" Богобоязненный и добрый нравом сын, весьма довольный той милостыней, что творил отец, ответил: "Тысячу раз более желаю, чтобы ты поручил меня Богу, чем имел богатства всего мира, ибо сегодня или завтра они могут погибнуть". Услышав такой ответ от сына, отец с тех пор не жалея давал милостыню нищим, так что когда он умер, в доме осталось совсем немного денег. Через некоторое время смиренный сын его стал бедным, но всю свою надежду возложил на Бога, Которому

и поручил его отец. Был в Константинополе и другой богатый и знаменитый архонт, у которого были благочестивая и христолюбивая жена и единственная дочь. Однажды жена сказала ему: "Вот, у нас есть эта дочь и богатство, что нам дал Господь. Давай выдадим ее замуж за какого-нибудь архонта, подобного нам, но не дурного нравом, чтобы он не мучил ее потом всю жизнь, а поищем доброго юношу, богобоязненного и смиренного. За него мы и выдадим нашу дочь, чтобы он о ней заботился". Услышав это, муж сказал: "Хорошо ты это придумала, ступай в церковь и от всей души помолись Богу. Тот, кто войдет в церковь первым после молитвы, того послал Господь, за него мы и выдадим нашу дочь". Женщина так и поступила, и первым после молитвы вошел в храм тот самый юноша, который выбрал Бога своим заступником. Когда женщина спросила его, кто он и откуда, он ответил, что родом из этого города, сын такого-то архонта. Она же спросила: "Это того, милостивого?" И юноша рассказал ей, о чем спрашивал его отец, и что он отвечал. Прославив Бога, пославшего ей хорошего зятя, как она того и желала, женщина сказала: "Вот, Христос, Которого ты выбрал своим покровителем и защитником, послал тебе жену и деньги, чтобы ты обращался с ними со страхом Божиим. Пусть Господь просветит тебя, и ты до конца будешь идти путем отца твоего". Родители женили его на своей дочери и сделали наследником всего имения. Вот такое воздаяние дает Щедрый Бог тем, которые уповают на Него, а не на деньги.

ПОВЕСТЬ ШЕСТАЯ

Во времена Павла, патриарха Александрийского, жила в Александрии девушка-сирота, родители которой оставили ей большое богатство. Однажды днем она спустилась в сад погулять (в домах александрийских архонтов есть сады) и увидела, как некий человек собирается повеситься. Она побежала к нему и закричала:

— Что ты делаешь, человек?

– Женщина, оставь меня, я повешусь, чтобы избавиться от сильной скорби и утеснений.

– Скажи мне, что с тобой случилось, может быть, я смогу тебе помочь?

– Я должен много денег своим кредиторам, которые каждый день приходят ко мне, чтобы я их вернул, а у меня нет денег, поэтому я предпочитаю умереть, чем так жить.

– Человек, прошу тебя, не делай этого зла, я дам тебе денег, ты отдашь их кредиторам, только не убивай себя. Взяв деньги, человек заплатил свой долг и спасся таким образом от смерти. А девушка, отдавшая все отцовские богатства, через некоторое время сама впала в бедность. Не имея родственников, которые могли бы о ней позаботиться, она оказалась в такой нужде, что вынуждена была стать блудницей, чтобы этим скверным занятием заработать немного денег себе на жизнь. Прошло немного времени, она тяжело заболела и это привело ее в чувство. Желая покаяться, она говорила соседям: "Сотворите мне милость, пожалейте мою душу, которой грозит опасность погибнуть. Поговорите с Патриархом, чтобы он сделал меня христианкой", ибо она была тогда некрещеной. Но те презрительно отвечали: "Разве примет Патриарх такую блудницу". Девушка совершенно отчаялась и не было никого, кто бы помог ей в такой нужде. Тогда предстал ей Ангел Господень в образе того человека, который хотел повеситься из-за долгов, а она пожалела его и спасла, отдав все свое богатство, и спросил:

– Что с тобой, почему ты такая печальная?

– Я печалюсь по той причине, что я некрещеная, и никто не хочет поговорить с Патриархом, чтобы он меня окрестил.

– А ты вправду хочешь стать христианкой?

– Да, очень хочу, и прошу тебя, помоги мне ныне в моей нужде.

– Не печалься, сейчас я приведу людей, и они отнесут тебя в церковь, чтобы ты крестилась.

Тотчас же пришли двое Ангелов, тоже в измененном облике двух слуг правителя Александрии, и отнесли ее в

церковь. Пригласив клириков, они стали просить их окрестить девушку. Те же у них спросили:

– А вы можете поручиться за нее?

– Да, мы будем ее поручителями и восприемниками.

Тогда, исполнив все необходимое, священники окрестили ее во имя Отца и Сына и Святаго Духа, одев ее в одежду, необходимую для Крещения. Вот такую, облаченную в белое, Ангелы привели ее обратно в дом, а сами ушли. Увидев, что на ней одежды новокрещеных, соседи поинтересовались, кто же был ее восприемником. Она же отвечала: "Пришли двое, отнесли меня в церковь, и попросили клириков окрестить меня. Эти двое и были моими восприемниками. Но кто они такие, я не знаю".

Придя к Патриарху, соседи поведали ему о случившемся. Пригласив клириков, патриарх спросил, кто были ее восприемниками, и те отвечали, что служители правителя Александрии принесли ее. Они поручились за нее и были ее восприемниками. Так ее и окрестили. Тогда Патриарх послал за теми служителями, на которых указали клирики. Их привели и стали спрашивать, были ли они поручителями и восприемниками той девушки. Они же отвечали: "Ничего об этом не знаем, а также не знаем и тех, кто совершил это". Тогда Патриарх понял, что Крещение было от Бога и все произошло с помощью Ангелов Божиих. Позвав девушку, Патриарх спросил ее:

– Скажи, дочь моя, чего же доброго ты сделала?

– Чего доброго могла сделать я, бедная блудница?

– Что же, ты совсем не знаешь, сделала ли ты когда в жизни какое добро?

– Не могу вспомнить, Владыко, ничего другого, кроме того, что однажды увидела человека, который хотел повеситься из-за долгов. Я отдала ему все свое имение и тем избавила от смерти.

С этими словами она упокоилась о Господе. Так все, бывшие там, узнали, что за милость, которую она оказала ближнему, избавив человека от телесной смерти, и ее саму

Бог помиловал и избавил от душевной смерти, сподобив Небесного Своего Царствия.

ПОВЕСТЬ СЕДЬМАЯ

Содействием диавола возникла однажды между епископами двух соседних епархий ссора. Один из них был богат и могуществен, а другой – беден и слаб. Богатый грозился причинить зло бедному, но тот, услышав об угрозах, сказал своим клирикам: “Благодатью Христовой мы победим его”. Те же ему возразили: “Владыко, как можно победить его?”. Епископ же отвечал: “Потерпите, и увидите”. И что же он сделал? Выждав время, когда у богатого епископа в епархии, при большом стечении народа, торжественно отмечали день памяти святых мучеников, бедный епископ сказал своим клирикам: “Ступайте за мной, и мы победим”. Клирики же недоумевали: “Что он собирается делать, говоря, что мы победим?”. Они пришли в епархию богатого епископа в тот момент, когда шел крестный ход и, как только приблизились к богатому епископу, сам бедный епископ и его клирики упали ему в ноги, говоря: “Прости нас, Владыко, рабов своих”. Видя, что бедный епископ упал ему в ноги и просит прощения, богатый епископ удивился крайнему его смирению и, придя в умиление, сам пал ему в ноги и произнес: “Ты мой владыка, господин и отец”. Так они примирились друг с другом, и с тех пор имели между собой великую дружбу. Позже бедный епископ сказал своим клирикам: “Разве я не говорил вам, что мы благодатью Божией победим? Так и вы, когда имеете с кем-то ссору, поступайте так же, – и победите”.

ПОВЕСТЬ ВОСЬМАЯ

В Низибийской стране, в Месопотамии, жила одна супружеская пара. Муж был идолопоклонником, а жена благочестивой христианкой, любившей нищих. У них было пятьдесят золотых. Однажды муж сказал жене:

– Давай отдадим их (такому-то), а потом получим с процентами и выплатим долги.

Жена ему ответила:

– Если уж ты решил получить с процентами, то отдай деньги Богу христиан, который и отдает с процентами и капитал удваивает.

– А где этот Бог христиан, покажи мне Его, чтобы я мог Ему отдать?

Жена взяла его с собой в церковь и, когда они вошли во двор, показала на нищих, просивших милостыню, сказав:

– Если ты дашь деньги им, Бог христиан возьмет их и вернет тебе с процентами.

Муж тотчас же раздал нищим пятьдесят золотых. Прошло достаточно времени, и муж стал говорить жене:

– Что-то Бог христиан не отдает нам денег с процентами.

– Да нет, отдает, ты только пойди туда, где их дал, и Он отдаст тебе.

Придя в церковь, муж осмотрелся вокруг, но никого, кроме нищих, не увидел. В то время, пока он раздумывал с кого взыскать проценты, он увидел под ногами золотой, лежавший на мраморном полу. Взяв его, он отнес домой и сказал жене:

– Я пошел в вашу церковь, но поверь мне, не увидел там, как ты мне говорила, Бога христиан, и никто мне ничего не отдал. Я нашел там только вот этот золотой, хотя сам отдал пятьдесят.

– Бог христиан положил его туда незаметно, чтобы ты взял его, ибо Он Сам невидим, и невидимой силой управляет всем миром. Ступай, мой господин, купи чего-нибудь нам поесть сегодня. А Бог опять снова вознаградит тебя.

Придя на базар, муж купил хлеба, вина, рыбу, и принес все это жене. Она начала чистить рыбу, разрешила ее и обнаружила в желудке драгоценный камень. Женщина подивилась его блеску, но не знала, что это был за камень. Она сохранила его и, когда пришел муж, показала ему, сказав:

– Этот камень я нашла в рыбе.

– Дай мне его, я пойду и продам, может быть, что-то и дадут за него.

Будучи человеком простым, он и сам не знал, что это за камень. Он принес его к меняле, который знал стоимость камней, и спросил:

– Хочешь купить этот камень?

– А сколько ты хочешь за него?

– Дай мне, сколько сам хочешь.

Меняла сказал, что даст за него пять золотых. Муж же, думая, что тот над ним издевается, переспросил:

– Ты дашь мне за него пять золотых?

Меняла сделал вид, что предложил пять золотых в шутку, и сказал:

– Хорошо, возьми десять.

Простец в удивлении молчал. Подумав, что он не соглашается и на десять, меняла предложил:

– Возьми двадцать, тридцать, пятьдесят.

Тогда-то муж и понял, что камень был драгоценным, раз меняла с такой готовностью предлагает за него пятьдесят золотых, и стал просить больше. Меняла, зная цену камню, предлагал ему все больше и больше. Наконец он предложил триста золотых, и за эту цену хозяин камня продал его меняле. Взяв деньги, муж с радостью пришел домой к жене. Та думала, что он продал камень за пять или десять монет, но муж, отдавая ей триста золотых, сказал: “Вот за сколько монет я продал камень”. Увидев триста золотых, женщина подивилась благодати Человеколюбивого Бога и сказал мужу: “Вот какой Благой, Великодушный и Щедрый Бог христиан. Видишь, Он не только вернул тебе те пятьдесят золотых, которые Ты одолжил Ему, но через некоторое время намного умножил их и вернул тебе! Из этого познай, что нет другого Бога ни на земле, ни на Небесах, кроме Этого Единого”.

Это удивительное происшествие позволило идолопоклоннику понять, что Иисус Христос действительно Бог Истинный. Муж тотчас же стал христианином, прославил Бога и благодарил жену за ее ум, ибо только с ее помощью он

приял благодать познания Истинного Бога, Который вот так воздает тем, кто милует нищих.

ПОВЕСТЬ ДЕВЯТАЯ

Жил в Аскалоне один купец, который, закупив много товара на свои и чужие деньги, поплыл через море, чтобы продать все в другом месте. Но во время плаванья случилась сильная буря, так что сам купец едва спасся от гибели, товар же его весь утонул, и таким образом пропали и его собственные деньги, и чужие. Когда купец вернулся к себе на родину, кредиторы, узнав о кораблекрушении, забрали у него все, что было в доме, оставив только те одежды, в которых был он сам и его жена. Поскольку он все еще оставался должен, купца бросили в темницу. Жена его, жившая в крайней бедности, просила милостыню, чтобы прокормиться самой и что-то отнести мужу. Однажды, когда она вместе со своим мужем ели в темнице, туда пришел один великий архонт, раздававший милостыню заключенным. Увидев женщину, он разгорелся к ней любовью (а она была очень красива) и, подозвав ее, спросил, по какой причине она здесь находится. Когда она рассказала ему все, что случилось с ее мужем, этот архонт сказал: "Я оплачу ваш долг, только ты переспи со мной этой ночью". Услышав такое предложение, женщина пришла в замешательство, потому что была поистине целомудренной, и ответила ему: "Поскольку апостол Павел говорит, что *жена не властна над своим телом, но муж* (1 Кор. 7: 4), я должна спросить у мужа, что он скажет на это". Она тотчас же пошла и все рассказала мужу. Выслушав ее, несчастный застонал из глубины души и со слезами сказал: "Ступай, жена моя, и прогони соблазнителя. Будем уповать на Бога, что Он не оставит нас до конца". Она пошла и все сделала, как советовал муж.

В это же самое время в темнице находился один разбойник, который слышал, о чем они говорили. Застонав, он пробормотал: "Видишь, в каких тяжелых обстоятельствах

находятся эти несчастные, но, тем не менее, они не продали свою честь за деньги, чтобы получить свободу, но целомудрие сочли большим, чем что-либо иное в этом мире, исполнив заповедь Божию. А мне, жалкому, что делать, ведь я никогда не задумывался о том, есть ли Бог? Поэтому и стал причиной многих убийств и прочих зол без числа". Подозвав их, он сказал: "Я был разбойником и сотворил много зла, много убийств, поэтому знаю, что когда сюда придет властитель, меня казнят за убийства. Видя ваше целомудрие, я пожалел вас, несчастных, и открою вам, в каком месте под городской стеной у меня спрятано много денег. Идите туда, откопайте их и возьмите, чтобы выплатить свой долг, но прошу вас, молитесь Богу, чтобы и я у Него обрел милость". Когда через несколько дней в город приехал правитель, он приказал обезглавить разбойника. А на следующий день жена сказала мужу: "Господин, позволь мне сходить на то место, которое указал разбойник, и проверить, правда ли это". И тот отвечал: "Поступай так, как тебе кажется разумным". Вечером жена взяла небольшую мотыжку, стала копать в указанном месте и нашла горшок с деньгами. Она поступила с ними очень мудро, так, чтобы никто не узнал, и стала возвращать кредиторам деньги понемногу, как будто бы занимала у кого-то другого, до тех пор, пока не заплатила всем. После этого муж ее вышел из темницы, и оставшихся денег вполне хватало им на жизнь. И так они стали жить, прославляя Бога, сотворившего милость Свою на них, и молясь за разбойника.

ПОВЕСТЬ ДЕСЯТАЯ

Во дни блаженнейшего патриарха Иерусалимского Аполлинария жил в Александрии некий юноша, сын первых архонтов города. Перед смертью они завещали ему много денег и товаров, которые перевозили на кораблях, ибо занимались торговлей. Прошло немного времени, и с юношей случилось несчастье, но не оттого, что он совершил что-то плохое, ибо

был целомудрен и воздержан, и не тратил денег на пиры и распутства, но оттого, что многие корабли, перевозившие его товары, потерпели крушение на море. Из-за этого юноша впал в крайнюю бедность. Узнав об этом и видя, как печален юноша, одетый в старую, рваную одежду, блаженный Аполлинарий, который знал его родителей, сильно опечалился, ибо был весьма милостив и сострадателен. Он очень хотел помочь ему, но смущался, ибо боялся опечалить его или устыдить. Находясь из-за этого в печали, Патриарх, движимый Богом, однажды замыслил нечто удивительное. Он позвал своего секретаря и наедине спросил его:

– Можешь ли сохранить тайну, которую я тебе открою?

– Надеюсь на Бога, Владыко, что никому не скажу того, что ты доверишь мне, своему рабу.

– Пойди и напиши долговую расписку от лица Святейшей Александрийской Церкви, что как будто бы она должна пятьдесят литр золота покойному отцу этого славного юноши, приложи и подписи свидетелей, а затем принеси ее мне.

Секретарь сделал все, как ему велел Патриарх, а затем принес расписку. Поскольку же отец юноши умер уже больше десяти лет назад, а бумага расписки была новой, Патриарх сказал секретарю:

– Ступай, господин секретарь, и положи расписку в пшеницу или ячмень, а через несколько дней принеси ее мне обратно.

Через несколько дней секретарь принес расписку Патриарху, который сказал ему:

– А сейчас иди к тому сыну архонта и спроси у него: “Что ты мне дашь, если я покажу тебе документ, который принесет тебе великую пользу?” Но берегись, чадо, брат у него больше трех монет, а потом отдай ему расписку.

– Владыко, если повелишь, я и три монеты не возьму.

– Нет, но хочу, чтобы ты обязательно взял три монеты.

Секретарь пошел к юноше и сказал ему:

– Что ты мне дашь, если я покажу тебе документ, от которого тебе будет большая польза?

– Юноша пообещал, что даст столько, сколько он попросит. Тогда секретарь сказал: "Пять или шесть дней назад, перебирая бумаги в своем доме, я нашел вот этот документ. Взглянув на него, я вспомнил, что твой отец, полагаясь на меня, оставил его мне, а через несколько дней умер. Из-за моей забывчивости документ лежал у меня до сих пор, и я только что вспомнил, что надо отдать его тебе."

– Что ты хочешь, чтобы я тебе дал взамен?

– Три монеты.

– Господь знает, что у меня нет их, но если я, благодаря этому документу, их получу, то дам тебе вместе с тремя монетами и то, о чем ты попросишь меня.

Получив документ, юноша прочитал его и пришел к Патриарху. Положив поклон, он отдал расписку блаженнейшему. Прочитав ее, Патриарх притворился что смущен, а потом сказал:

– А где ты был раньше, отец твой уже десять лет как умер, а ты только сейчас пришел?

– Владыко, у меня не было этого документа, я даже не знал о его существовании. Расписка находилась у секретаря Церкви, и он только сейчас мне ее отдал, сказав, что нашел среди своих бумаг.

– Оставь ее у меня, я подумаю над этим и позже отвечу тебе.

Через неделю юноша пришел к Патриарху и тот сказал ему:

– Я не должен был отдавать тебе долг через столько лет, но тем не менее я отдам тебе, чадо, всю сумму, однако, прошу тебя, не взыскивать с Церкви проценты.

Поклонившись, юноша отвечал:

– Как ты велишь, Владыко, так я и сделаю.

– Я даю тебе всю сумму, достаточную, чтобы простить проценты.

Патриарх дал ему пятьдесят литр золота и благословил за то, что тот не взыскал процентов. Таково было тайное дело блаженного Аполлинария, не только совершившего прекрасный поступок, но и показавшего сострадание и милосердие к юноше, который, с помощью Божией и патриаршим благословением, избавился не только от бедности, но и достиг прежнего состояния, в котором пребывали его родители. А вместе с приобретенным богатством он получил для души своей великую пользу.

ПОВЕСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ

Когда авва Аммос был рукоположен в Иерусалимского патриарха, игумены всех монастырей пришли поклониться ему. На встрече с ними Патриарх сказал: «Помолитесь обо мне, отцы, потому что я принял великую и неудобноносимую ношу, и очень боюсь, что пасти словесных овец есть дело Петра, Павла, Моисея и им подобных, но не мое, несчастного и многострастного. Более же всего меня устрашает тяжесть обряда посвящения во священство с рукоположением, потому что я нашел письменное свидетельство того, что блаженный Лев, папа Римский, в течение сорока дней пребывал постоянно у гробницы апостола Петра в постах и молитвах, умоляя апостола ходатайствовать о нем Богу о прощении его грехов. На сороковой же день явился ему божественный Петр и сказал: "Я умолил за тебя Бога, и вот, прощены тебе все твои грехи, кроме грехов поспешных хиротоний. Только за них ты будешь держать ответ перед Господом"».

ПОВЕСТЬ ДВЕНАДЦАТАЯ

Авва Исаак Фивейский рассказывал, что однажды он занимался рукоделием и допустил в процессе работы какую-то ошибку, однако не мог найти, в чем она состояла, а потому недоумевал и провел целый день, не зная, что делать, позже он рассказал:

“Пока я сидел, озадаченный ошибкой, вдруг увидел, как в келью ко мне зашел некий юноша, и сказал:

– Что, старец, ошибся? Дай мне, я исправлю твою ошибку.

– Уходи отсюда, не дам я тебе ничего.

– Ты только себе хуже сделаешь, если все так оставишь.

– Пусть тебя это не беспокоит.

– Жаль мне тебя, что ты теряешь свой труд.

– Себе во зло ты пришел сюда, и те, кто тебя сюда привел.

– Ты сам вынудил меня прийти сюда, потому что ты мой.

– Почему ты говоришь, что я твой?

– Потому что ты уже три воскресенья подряд не причащался, и имеешь вражду со своим соседом.

– Ты говоришь неправду.

– Разве ты не во вражде с ним из-за фасоли? Потому что отныне ты мой, потому что я начальствую над грехом памятозлюбия.

Как только я это услышал, то сразу же отправился к соседу, положил поклон, и мы примирились. Когда я вернулся в свою келью, то обнаружил, что проклятый сжег мое рукоделие и коврик для поклонов, потому что позавидовал той любви, что снова была между нами”.

Святой Герман, патриарх Константинопольский, пишет в одном из своих сочинений о покаянии: некий христианин был побежден бесом блуда, каждый день впадал он в этот грех, но каждый день и каялся, слезами и молитвами умилоствляя Владыку Христа. Совершив грех, он приходил в церковь, падал перед иконой Христа Спасителя на колени и с плачем и рыданием говорил: “Господи, помилуй мя, и отними от меня это искушение, ибо я побежден наслаждением и не могу взирать на пречистый Твой образ и видеть Твой кроткий лик”, но, выйдя из церкви, он снова впадал в тот же грех, но не отчаивался, а опять приходил в церковь и повторял те же самые слова Человеколюбцу Господу. Так прошло много лет, и наконец однажды человек этот сказал Богу: “Господи, Ты будешь моим поручителем, что отныне я больше

не совершу этого греха, только прости мне все те грехи, что я соделал до сего дня". Однако и после этих слов он снова впал в грех. Человеколюбец Бог был долготерпелив и ожидал его покаяния. Так прошли не год, не два или три, но более десяти лет. Однажды, когда человек снова совершил свой грех и пришел в церковь, он упал лицом на пол и, стеная из глубины сердца, стал плакать и рыдать, понуждая Всеблагото Бога нашего на милость и сострадание, чтобы Тот подал ему помощь и помог избавиться от тины греховной. Видя, что он побеждает диавола с помощью покаяния, скверный дерзнул явиться ему воочию перед дверями церкви и, отвернув лицо, закричал: "О сила! Зачем Ты преследуешь меня так, Иисус, Сын Божий, Твое безмерное сострадание меня побеждает. Зачем ты принимаешь этого нечистого блудника, который лжет Тебе каждый день и презирает Тебя, издеваясь над Твоей властью? Почему ты не пожжешь его молнией Своей, но долготерпишь и ожидаешь его исправления? Ты не Праведный Судия, потому что кого хочешь, того судишь неправильно, презирая его согрешения. Меня за малое прегрешение гордыни ты сверг с Неба и нисколько не пожалел, а этого лжеца и блудника, за то, что он кается пред Тобою, Ты прощаешь, сострадаешь ему и милуешь? И после этого Ты зовешься Праведным? Я думаю, что Ты взираешь на лица, и по причине Твоей mnogой любви презираешь правду." Пока он злобно говорил все это, из его ноздрей выходило пламя. И тотчас же из алтаря послышался голос: "О, лукавый и несущий гибель змей, разве не насытился ты еще, проглотив весь мир, почему пытаешься проглотить и этого, припадающего к безконечной Моей милости. Разве ты можешь показать такие его грехи, которые сравнятся с Моей Кровью, пролитой за спасение грешников? Моим заколением и смертью прощены его грехи, потому что ты, змей, когда он только думает совершить грех, не прогоняешь его, но принимаешь с радостью, надеясь приобрести его душу. Как же могу Я, Милостивый и Благой по естеству, Который повелел апостолу Своему Петру прощать согрешившего *до седмижды семидесяти раз*

(Мф. 18: 22), то есть четыреста девяносто раз, безчисленное количество, не простить Его? Конечно прощу, потому что он приходит ко Мне с покаянием, и Я не отвернусь от него до тех пор, пока не приобрету его душу. Я для того и распялся за грешников и распростер руки Мои, чтобы приходил ко Мне любой, кто хочет, и спасался. Никого Я не лишу Своей благодати, даже если он тысячи раз в день будет приходить ко Мне, а потом снова согрешит. *Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9: 13)". Дьявол дрожал и не в силах был уйти. Затем голос слышался снова: "Послушай, льстец и враг истины, о том, ради чего ты Меня вызвал. Я праведен, и потому, в чем застаю человека, в том и сужу. Поскольку Я обрел его сейчас припадающим ко Мне в покаянии и исповедании, и он просил у Меня милости, Я и приму сейчас его душу и увенчаю, как святого. Он столько лет терпел, надеясь на Мою благодать, и не отчаивался в своем спасении. Ты же, несчастный, смотри, какой чести удостоится эта душа". И правда, брат, лежавший на полу храма перед святой иконой Христа Спасителя в плаче и рыдании, предал свой дух. Тотчас же пришли множество сияющих Святых Ангелов, приняли со многим радованием его душу и отнесли на место упокоения. А потом великий гнев Божий, как огонь, упал на сатану, потому что тот дерзнул с великим безстыдством обвинять Господа своего и Бога.

Итак, дорогие мои братья, будем и мы прибегать к Человеколюбивому Богу, и будем умолять Его многими слезами и воздыханиями, чтобы Он простил нам грехи и сподобил Небесного Своего Царствия, которое да получим все мы о Христе Иисусе, Господе нашем, Которому подобает слава и держава во веки веков. Аминь.

ДУШЕПОЛЕЗНЫЕ ПОВЕСТИКОВАНИЯ АВВЫ ЭЛЬПИДИЯ

Некий монах по имени Эльпидий, безмолвствуя в своей келье, был борим грехом нерадения и беспечности. А поскольку брань беспечности одолевала его долгое время, он оставил келью и отправился во внутреннюю пустыню, называемую Элосской. По дороге он встретил весьма престарелого отшельника, совершенно нагого, который, завидев Эльпидия, побежал от него. Монах Эльпидий погнался за отшельником и просил его остановиться. Отшельник встал и, по обычаю, сотворил молитву, а потом спросил Эльпидия:

– Кто ты, брат, и как попал сюда?

– Я был борим грехом беспечности и пошел в пустыню, чтобы грех удалился от меня. Хотел я найти какого-нибудь раба Божия, чтобы он умолил о мне Бога. И вот, Господь презрел мои грехи и послал мне твою святыню. Прошу тебя, отче, ради Господа, умоли Бога о мне, грешном, и позволь мне жить с тобой.

Обняв меня и помолившись обо мне Богу, отшельник сказал:

– Жить со мной в пустыне, чадо, невозможно, ибо тебе не дано это от Бога.

– Скажи мне, отче, ради Господа, как ты пришел сюда, в пустыню, сколько лет живешь, и какой дар дал тебе Бог?

– Я пришел сюда почти семьдесят лет назад, потому что я грешник, и желал спастись, и с тех пор, до сего дня, я не видел здесь человеческого лица. Несколько лет назад, по действию ненавистника добра, я превознесся, думая, что достиг великой меры добродетелей, превзойдя всех отцов-пустынников. Однако Божиим Промыслом пришел мне помысел

попросить Бога открыть мне, с кем сопричислит Он меня в Царствии Своем, и есть ли кто на земле, подобный мне в добродетели. Я всей душой молился Богу семь дней подряд, а на восьмой день был мне голос, сказавший, что я буду сопричислен Сергию из Александрии, содержателю притона. Услышав это, я очень опечалился и подумал: “Горе тебе, смиренный Пирр. Вот, ты работаешь Богу в таких утеснениях столько лет, а будешь сопричислен к содержателю притона”. По своему превозношению я подумал, что этот голос был не от Бога, а от врага, и потому не поверил ему. Я стал молиться Богу еще семь дней, а на восьмой, подобным же образом, услышал голос: “Я причислю тебя Сергию”. Тогда я сказал самому себе: “Поскольку Богу угодно сопричислить меня Сергию, то я не умру, пока не увижу, кто такой этот Сергей”. Тотчас же я отправился в Александрию и стал искать Сергия, которого нашел сидящим в трактире. Он играл с блудницами и пировал, потому что был над ними начальником. Тогда я сказал ему: “Брат, очень я хочу, чтобы ты оказал мне любовь, и мы поели вместе”. Он отвечал: “Как тебе угодно, авва, давай поедим. Садись”. Он тут же велел трактирщику принести обычную для них еду, и я был вынужден съесть все это после стольких лет воздержания в пустыне. После обеда мы вдвоем вышли из трактира и я спросил его, есть ли у него дом. Он отвечал, что есть. Тогда я сказал: “Пойдем к тебе домой, потому что я должен тебе кое-что рассказать”. Когда мы пришли домой, я сотворил молитву и сказал: “Брат, ради Господа, скажи мне, какое добро ты сделал в своей жизни?”. Подивившись вопросу, он ответил: “Человек Божий, ты застал меня в трактире с блудницами, над которыми я хозяин, и все еще хочешь, как ты говоришь, узнать, как я живу? Что доброго я могу сделать?” Поскольку же я еще больше стал просить и заклинять его, рассказав о голосе, бывшем с Неба, то вынудил его поведать о своих добродетелях. Подивившись человеколюбию Божию и глубоко вздохнув от сердца, он начал рассказ: “Помню, как в один из дней, войдя в трактир, я увидел дивной красоты жену, сидевшую за

работой: она шила на продажу. Я сильно возжелал ее и попросил жену трактирщика пойти и сказать ей, что хочу с ней переспать. Жена трактирщика мне отвечала: “Не могу я сказать ей об этом, потому что она весьма знатного рода, а в такое положение пришла из-за того, что правитель этого города посадил в темницу ее мужа, который должен был ему сто монет, а двух его детей забрал в рабство. Вот и работает она день и ночь, как раба, чтобы их освободить”. Я снова предложил жене трактирщика: “Скажи ей, что если она согласится со мной переспать, то я дам ей сто монет”. Жена трактирщика возразила: “Не могу я сказать ей такого, потому что она очень целомудренна и не согласится на грех”. Поскольку я продолжал сильно понуждать ее, она все же рассказала о моем предложении. Застонав из глубины сердца, знатная женщина с плачем отвечала жене трактирщика: “Столько лет я работаю день и ночь, чтобы освободить трех любимых, но не могу. Придется согласиться на то, что ты мне предлагаешь, а Человеколюбец Бог да простит мне сей грех, который я совершаю вопреки своей воле, ибо Он знает, что до сих пор я не знала другого мужа”. Жена трактирщика подошла ко мне и сказала, что красавица согласилась. Тогда я принес сто монет и отдал ей. Со стоном и плачем она вошла со мной в опочивальню, говоря: “Господи, ты знаешь скорбь мою, прости меня”. При этих ее словах я был уязвлен в самое сердце и сказал самому себе: “Если эта несчастная так скорбит об этом грехе, то почему бы мне не возлечь с одной из тех блудниц, над которыми я надзираю, и с блудницей удовлетворить свою похоть, а ее оставить нетронутой, ведь для меня не будет никакой разницы в этом незаконном деянии”. Так я и отпустил ее, она тотчас же пошла к правителю, отдала ему сто монет и освободила мужа и детей.

Услышав этот рассказ от Сергия, я прославил Бога и сказал:

– Брат, истинно по справедливости я сопричислен тебе в Царствии Небесном.

Снова глубоко вздохнув, Сергий ответил:

– Если благому Богу поистине понравилось то, что я сделал, как ты говоришь, и ты, отче, от Бога пришел ко мне, грешнику, узнать, как я живу, то я вспомнил и другое доброе, может быть и лучше этого.

Однажды пришел в наш город один иноверный властитель, распутный и грехолюбивый. Каждый день он брал у меня двух или трех блудниц. Однажды, посетив женский монастырь, он увидел красивых сестер-монахинь. Возжелав их, он приказал воинам окружить обитель и, войдя в нее, пересчитал всех сестер, которых было семьдесят. Передав их мне, он сказал: “Вот, я даю тебе их, делай с ними, что хочешь, но каждый день будешь присылать мне столько девиц, сколько я у тебя попрошу, до тех пор, пока не пересплю со всеми семьюдесятью”. Вздохнув из глубины сердца, я подумал: “Горе мне, грешному, сколько лет эти сестры девствуют ради Бога, изнуряя свои тела постами, бдениями и прочими подвигами, чтобы предстать пред Богом чистыми и неоскверненными, а сейчас из-за меня несчастные будут осквернены этим нечестивым правителем и погубят свой подвиг. Да не будет так, чтобы я решился на такое нечестие и предал столько чистых душ на погибель!” Я стал просить Бога просветить меня и указать способ, с помощью которого можно бы было избавить их от такого осквернения. И Человеколюбивый Бог вложил мне добрый помысел: я пошел к блудницам, над которыми надзирал, отдал им многое из того имущества, что у меня было, долго убеждал их надеть монашеские одежды, а затем привел в тот монастырь. Сестры в это время спрятались в другом месте. И так каждый день я посылал жалкому тому правителю тех блудниц, которые были у меня, пока он не переспал с семьюдесятью. Позже развратный тот правитель покинул город, а я привел сестер в монастырь и хотел вывести оттуда блудниц, но те не хотели выходить оттуда, говоря: “Поскольку Бог сподобил и нас надеть эту святую монашескую схиму, да не будет того, чтобы мы снова вернулись к прежней нечистоте”. Так те блудницы и остались

в монастыре проводить жизнь, угодную Богу, в истинном и совершенном покаянии.

Услышав такой рассказ, я еще больше прославил Бога, и сказал Сергию: “Познал я сейчас, брат, что ты не только равен мне, но выше меня, а потому, прошу тебя, благослови меня в путь”. Сергей отвечал: “О чем ты говоришь? Чтобы я благословил тебя уйти? Поскольку ты сказал, что мы будем в Царствии Небесном вместе, то я уже более не разлучусь с тобой на этой земле, но пойду с тобой, во имя Господа моего Иисуса Христа”. Попросив меня подождать его один день, он раздал оставшееся имущество нищим и последовал за мной. Прожив со мной три года, он жестоко утеснял себя, работая Господу с великой ревностью, а четыре дня назад скончался о Господе. Думаю я, чадо Эльпидие, что ты пришел сюда по устройению Божию, чтобы я рассказал тебе это. А сейчас ступай в свою келью, а через три дня, прошу тебя, приходи сюда снова, потому что я должен тебе кое-что сказать. Вернувшись к себе в келью, я через три дня вернулся, и обнаружил, что авва Пирр скончался. Как мне было велено, я похоронил его рядом с аввой Сергием, и ушел, прославляя и благословляя Бога, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

ДИВНОЕ СЛОВО

ФИЛОСОФА ФЕДОРА ПРОДРОМА

О ТОМ, КАК ЧЕСТНЫЕ ВЕРИГИ СВЯТОГО
ПЕРВОВЕРХОВНОГО АПОСТОЛА ПЕТРА
БЫЛИ ПЕРЕНЕСЕНЫ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ
ИЗ ДРЕВНЕГО РИМА

Велик апостол Петр, да и кем иным может быть верховная глава и оплот всех учеников Христовых? Поистине велик апостол Петр, и трудно по достоинству восхвалить его человеческим языком. Так и я, недостойный и нечистый, никогда бы не смог дерзнуть составить слово похвалы апостолу Петру и его чудесам, если бы он сам не воодушевил меня, явившись в видении. Я был весьма напуган, и колебался, будучи не в силах дерзнуть совершить такой подвиг. Поскольку же от видения того я как бы получил силу, потому ныне и дерзаю рассказать вам о веригах апостола, и о том, как они были перенесены из Ветхого Рима в Новый, то есть в сей царствующий град*. Как говорит Григорий Богослов, хорошо немного выказать свой отказ от составления слова по причине немощи, но потом снова с готовностью прибегнуть к апостолу, позвавшему меня силой Призвавшего.

Итак, кем был по рождению, судьбе и ремеслу сей великий и первоверховный апостол Петр? Он был иудеем, бедным рыбаком, которого призвал стать Своим учеником Иисус Христос. И он тотчас же оставил все и последовал за призвавшим его Иисусом, став, как я полагаю, примером и образцом совершенного отречения от мира для тех, кто переходит от соленого и горького моря грехов и сетей диавольских к сладости и простоте Святого Евангелия.

* Имеется в виду Константинополь. — *Пер.*

Излишне рассказывать какую ревность и какую горячую любовь к учению Христову имел апостол Петр, и какими дарованиями обладал, благодаря чему и был предпочтен прочим апостолам. Вместо прежнего своего имени Кифа, он был назван Петром, сподобившись услышать от Господа, что он является непоколебимым камнем Церкви, и что ему доверены ключи Царства Небесного и духовное попечение о словесных овцах Христовых.

Кто из христиан, читавших Божественное Евангелие и Деяния святых апостолов, не знает о Петре, о том, как некогда вместе со своим Учителем ступал он по волнам моря, как громогласно исповедал Христа Сыном Божиим, как платил дидрахму вместе со Христом, как восходил вместе с Иаковом и Иоанном на гору Фавор и видел свет Преображения Божия, как не соглашался на умывание ног пречистыми руками Своего Учителя, как он сражался за преданного Христа и руками, и мечом, как его окликали по имени на горе Галилейской, и как он бежал вместе с апостолом Иоанном посмотреть на воскресение Господа, и как прежде Иоанна вошел в гробницу. О, сколько можно было бы рассказать об апостоле Петре, но я по собственной воле обхожу эти события по причине краткости. Упомяну лишь о хиротонии, которую совершил апостол Петр над Матфием, двенадцатым апостолом, избранным вместо предателя Иуды, но не могу не вспомнить и о страшном суде над Ананием и Сапфирой, и о Симоне Волхве, который давал ему за хиротонию серебро и которого апостол прогнал и проклял, не могу не сказать и о поучениях, преподаваемых Петром, и о его долгих путешествиях, которые апостол предпринимал ради проповеди, о том, как он исцелял различных больных, для чего иногда достаточно было только тени апостола, о хромом нищем, который исцелился от одного слова Петра и ходил на прямых ногах, об Энее расслабленном из Лиды, которого апостол исцелил от болезни, и о Тавифе из Иопии, которая воскресла по одному слову Петра. Я умалчиваю о прочих чудесах, о которых повествует божественный Климент, ученик и преем-

ник Петра, потому что, если я захочу перечислить все подвиги святого и поведать о них в точности, то мне не хватит не только дня, но и целого века.

Итак, если вам покажется это справедливым, в настоящее время мы все это оставим и расскажем об этом в другом слове. Мы умолчим так же о хождениях первоверховного в Рим, о его поучениях и чудесах, о беседах с Симоном Волхвом и о кресте, на котором он был распят вниз головой, и о его смерти, и перейдем к предмету слова, то есть поговорим, насколько это возможно, о веригах Петра или, лучше сказать, мысленно представим себе апостола, закованного в цепи и заключенного в темницу, мысленно увидим, как он освобождается от вериг, Ангелом Божиим изводится из темницы и ступает свободными ногами. Можно сказать, что мы перенесем эти честные вериги Петра из ветхого Рима в новый, царствующий.

Если после спасительных для мира страданий и смерти Спасителя нашего Иисуса Христа, “нашего ради спасения”, мертвое тело Его испросил у Пилата благообразный Иосиф, благоговейно снявший Его со Креста, который помазал Его миром, завернул в чистый саван и положил во гроб, то тело первоверховного апостола, после его смерти на кресте головою вниз, у правителя Нерона для погребения никто не спрашивал. Несколько благочестивых христиан, увидев, что тело оставлено без присмотра, тайно взяли его и, положив в плетеный короб, похоронили, из-за боязни, как я думаю, дышавших желанием убийства безчеловечных идолопоклонников. Христиане опасались, что они могут бросить останки апостола либо в огонь, либо в море, и верующие христиане лишились бы тогда великого сокровища. До времени земля в своих недрах укрывала мощи апостола сокрытыми, поскольку тот, которого Учитель назвал Петром, был камнем, на котором Он построил Свою Церковь. Следовательно, согласно правилам строительства, основание постройке полагают в земле, и апостолу, как основанию, должно было сначала лечь в землю. Но однажды возникла необходимость, чтобы

этот медоточивый источник потек из земли, и на поверхность ее вышла манна, подобная той древней манне, которая сходила с неба в пустыню во времена Моисея. Рим был почтен апостолом Петром намного более Палестины, потому что эта земля не источала мед, как Палестина, но исторгала манну из сокровенных своих глубин. И вот снова появляется на земле прежде сокрытое, и посредством землетрясения изводит из земли мощи апостола, когда немного успокоилась брань идолопоклонников. И снова засиял миру первопроповедник Евангелия, и совосстал Христу, с Которым был соединен смертью (см. Рим 6: 4-10).

Так как Учитель уподобил его пшенице, как видно из Святого Евангелия, когда Христос говорит: *се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу* (Лк. 22: 31), то апостол и примет свойства пшеницы; так же как зерно, которое, упав в землю и будучи сокрыто в земле, умирает, и таким образом приносит плод в тысячу и много тысяч крат. Подражая Учителю Своему, из страха перед Иродом и идолопоклонниками, он ищет убежища в земле, как бы в некоем Египте, а после гибели гонителей снова идет на горы Галилейские. Как Учитель его из страха перед Иродом ушел в Египет, а после его смерти снова вернулся в Назарет Галилейский, так и апостол из страха перед идолопоклонниками сокрылся в подземных частях земли, а после гибели гонителей снова вернулся на землю. Но перейдем к нашей теме. Когда прекратились гонения и воцарился Константин Великий, верующие вынули из гроба мощи первоверховного апостола и построили во имя его великолепный храм, в верхней части которого возвели сводчатую кафедру, наподобие некоего алтаря, куда нельзя было входить, а внутри поставили трон, на котором и поместили святые мощи, показывая, как я думаю, с помощью трона и кафедры следующее. Во-первых, что сидящий на троне жив во Христе, хотя по законам человеческого естества умер, а во-вторых, что именно он, на будущем всемирном Суде, будет восседать на первом из двенадцати апостольских тронов и судить двенадцать колен Израилевых. Галилеянам, кото-

рые во время Вознесения дивились плотскому восхождению на Небеса Владыки Христа, небесные Ангельские силы говорили: *“Мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо* (Деян. 1: 11), как Иисус восходит? Что вы дивитесь новому и чудному восхождению, видя тело невесомое, поднимающееся ввысь? С этим телом, которое ныне восходит, Он снова придет судить весь мир”. А предстоящим римлянам, которые удивлялись, что на троне находятся мощи апостола, как мне кажется, римские архиереи говорили: “Мужи римляне, что вы стоите, дивясь сей апостольской кафедре? В этом же образе, восседая на троне не сооруженном, не созданном рукою человека, апостол будет судить народ Иудейский”.

Кафедра, принявшая мощи апостола, и престол, на котором, подобно живому, восседали святые мощи в подтверждение слова Господа: *верующий в Меня, если и умрет, оживет* (Ин. 11: 25), не были ограждены льняными или другими завесами, подобно тому как оградил Веселеил* святилище древней скинии, но были надежно закрыты двойными дверями. И если остальная часть храма была открыта для всех, то это святилище открывали только три раза в год для поклонения святым мощам. Все римляне почитали мощи апостола, любовь к ним усилилась из-за редкой возможности их лицезрения, а также из-за того, что святые мощи были украшены всевозможными драгоценностями. Поэтому хранить святые мощи решили за двойными дверями, под замками, чтобы оградить их от воров, святотатцев и расхитителей могил. Ибо подошвы обуви святого были из чистого золота, а сверху обувь украшали светлые жемчуга и драгоценные камни. Одежда апостола была расшита золотом и тоже украшена жемчугами. Бедный рыбак после смерти был одет как царь, и тот, кто не знал, где найти дидрахму, чтобы заплатить сборщику налогов, теперь лежал весь в золоте. Апостол при жизни имел власть только над галькой, что рассыпана

* Один из строителей Скинии Завета. Упоминается в Ветхом Завете (Исх. 31: 2; 35: 30 и другие). – Пер.

по берегу моря, а теперь был облачен в одежду, расшитую жемчугом, и поистине был прекрасен тот, кто благовествовал миру мир и блага, согласно слову пророка Исаии: *Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир* (Ис. 52: 7).

В то время когда мощи апостола, украшенные таким образом, хранились со всевозможными предосторожностями в святилище, божественные вериги апостола обретались вне храма. Они всегда были на виду и им мог поклониться каждый в любое время, и бывали от них различные чудеса тем, кто просил с верою. Премудрость Духа такова, что уловляет софиста злобы, дьявола, в его собственные сети и низвергает его в ров, который сам же он и выкопал, и умерщвляется он своим же мечом, подобно тому, как Давид убил Голиафа. Замыслил сатана Крест как смертоносное орудие против Господа нашего Иисуса Христа, но ошибся несчастный, потому что Крест оказался орудием нашего спасения, а для него самого орудием гибели. То же самое он испытал и когда ковал вериги в качестве орудия мучения для апостола Петра. Но не знал жалкий, что сделал орудие чудотворений, от которого произойдут бесчисленные исцеления верующих.

Много чудес сотворил первоверховный с помощью этих вериг, множество дивных чудес произошло от них. Нам же достаточно поведать только о том чуде, которое более других показывает неизреченную их силу. Эти вериги исцеляют не только телесные болезни, но ими прощаются и разрешаются грехи, что уж совсем невероятно.

В то время пришел к тогдашнему Папе, мужу дивному и премудрому в вещах Божественных, некий христианин, который исповедал ему великие и смертные грехи. Со многими слезами он просил у него прощение. Папа с радостью принял исповедание и покаяние и дал ему правило, которое тот должен был совершать. Разрешение же грехов Папа оставил во власти первоверховного. Потому он повелел связать веригами апостола руки, ноги и все тело раскаявшегося, и так он

должен был семь раз проползти по храму, а в конце подойти к святилищу, где находились святые мощи, и биться головой о закрытые двери. Если двери откроются сами собой, то это чудо и будет признаком прощения его грехов. Если же не откроются, тогда грешник оставался бы под данной ему епитимией. Христианин сделал, как повелел ему папа и стал биться лбом о двери святилища, призывая на помощь апостола. О скорый на сострадание первоверховный апостол Христов Петре! Ты в тот же час сломал печать, открыл замки, открыл двери и ввел внутрь связанного, избавив его от уз верижных, разрешил от грехов и возвратил его в дом в радости и веселии. Если тебе были доверены Христом ключи от Царствия Небесного, и ты открываешь его, когда хочешь и кому хочешь, что странного в том, что двери теперешнего святилища ты по справедливости затворяешь для недостойных и отверзаешь для тех, кто очистил себя подобающим покаянием? И теперь то, что Папа, движимый Богом, велел делать тому христианину, стало нерушимым законом, для Пап – образом действия, а для тех христиан, кто исповедовался, способом узнать, прощены ли им грехи.

Вот так и вы должны хорошенько внимать умом повествованию, потому что далее я расскажу вам приятнейшую историю. Когда весть об этом чуде распространилась по всем странам, что лежат вокруг Рима, другой христианин, бывший некогда богатым купцом и перевозивший товар морем, а потом ставший последним бедняком, потому что море поглотило весь его товар, ибо таково свойство золота – быстро обогащать и так же быстро делать нищим. Итак, тот христианин, о котором я сказал, неоднократно попадавший в бурю на море и едва спасшийся, испытал другую бурю – помышлений, по причине забот о хлебе насущном. Он нигде не мог заработать на хлеб, – ни себе, ни тем более своей семье. Он придумывал разные способы заработка, но у него ничего не получалось. В конце концов, он вспомнил о веригах апостола и о том чуде, которое произошло. Мысленно он представил мощи первоверховного апостола, те драгоценные

одежды, которые были на нем, золотые подошвы обуви и отделку жемчугом верха. Мысленно обращаясь к апостолу и проливая слезы в молитве, он беззвучно беседовал с ним, прося скорее движением сердца, чем звуком губ:

– Ты, о человеце Божий, когда жил в этом мире, выбрал бедность по собственному произволению и, по заповеди своего Учителя, не имел не только золота и серебра, но и меди. По этой причине ты отверг серебро Симона волхва и проклял его вместе с самим Симоном, который тебе его принес. И часто в поучениях своих ты осуждал золото и вместе с Учителем Твоим ублажал нищих, убеждая всех: *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие* (Мк. 10: 25). И если кто-то из верующих предлагал тебе золото или серебро, ты раздавал его нищим, вдовам и сиротам, для себя самого навсегда выбрав бедность, нищету, бич и розги, и все то, что ты испытал ради любви ко Иисусу Христу. Так все и было, пока ты был жив, а сейчас, когда ты мертв, то носишь обувь златую и одежды, которые сияют от многоценных камней и жемчугов. Я же, который вчера и позавчера казался богаче других людей, ныне много страдаю от нищеты и голода. Приходя к богатым, я ищу утешения в своей бедности, но не нашлось ни одного, который бы посмотрел на меня с участием и услышал бы мою просьбу. Все отворачиваются от меня. Я отчаялся получить помощь от людей, и поэтому пришел к священным твоим стопам и, как некогда божественный Моисей, говорю тебе: *“Сними обувь твою с ног твоих* и дай мне, чтобы облекся я в одежду спасения” (Исх. 3: 5). Ты знаешь очень хорошо, божественный апостол, беды тех, кто терпит кораблекрушения. Так и я перевозил товары морем, и часто попадал в бури, и дважды подвергался опасности утонуть. Однажды, когда ты был вместе со своим Учителем Иисусом Христом, Который спал в лодке твоей, ты вместе с другими учениками испугался смерти, поэтому подбежал и разбудил Иисуса, чтобы Он спас вас. А в другой раз, когда ты бросился в море встретить своего Учителя, то чуть не утонул, если бы

Иисус не опередил тебя и не подал руку помощи, избавив от смерти. Я же прошу у тебя сапожок не туне, а займы. Если ты мне отдашь его, то я куплю товары и ныне, уверен, удачно доплыву. И так я избавлюсь от бури нищеты, а ты получишь долг свой с процентами, потому что, с помощью Божией, вернувшись из поездки, я сделаю для тебя великолепную и намного более драгоценную обувь, твоя же нога, которая будет без обуви некоторое время, ни замерзнет, не попадет в нее шип, не запнется она о камень и не испачкается грязью. Место сие, в котором ты обретаешься, сверху имеет крышу, а снизу пол, покрытый блестящими плитками, тем более, что ты давно уже завершил земной путь и ничто не может заставить тебя отправиться в дорогу.

Так говорил тот несчастный купец, а поскольку нужда заставляет такового быть более изобретательным, чем любого другого, купец нашел способ, как войти в святилище. “Если тебе угодно, о первоапостоле, я притворюсь, что смертно согрешил и пойду к Папе ложно исповедоваться в смертном грехе. Он, как я хорошо знаю, предпишет мне, согласно обычаю, обвязаться твоими веригами и обойти храм семь раз, а затем стучаться головой о двери твоего святилища. А дальше все уже будет зависеть от твоего человеколюбия и сострадания – может быть, ты откроешь мне дверь,пустишь меня и согласишься на похищение священного твоего сапожка”. Так, со слезами рассказывая апостолу о своих планах и горестях, купец уснул. Во сне ему явился апостол и одобрил его план. Купец пошел исповедовать притворный грех, получил епитимию, связал себя веригами, обошел семь раз вокруг храма и начал стучаться лбом в двери святилища. А что же было после этого? *Кто изречет могущество апостола, возвестит все хвалы его?* (ср. Пс. 105: 2). Двери святилища открылись сами по себе, и сам апостол позволил совершить кражу. Потому что как только открылись двери, вор был как бы приглашен самим божественным Петром войти внутрь (поистине, братья, у меня встают дыбом волосы при этом страшном повествовании). Тогда, говоря,

апостол слегка протянул ногу и по собственной воле отдал купцу свой сапожок. Купец, с обувью под мышкой, вышел из святилища исполненный радости и благодарности к своему благодетелю.

Знаю, что вы, читатели, удивляетесь странному этому чуду, да я бы и сам удивился крепости и силе вериг апостола, которые совершают такие чудеса, если бы не знал до этого, что одной тенью апостола Петра воскресали мертвецы. А то, что посредством вериг, которые соприкасались с телом Петра и освятились, совершаются такие чудеса, это не так уж и странно. То, что чудеса совершались от тени, следовавшей за Петром, вот это было более странно. Но если то чудо совершилось, и в него уверовали, то несомненно благоразумные уверуют и в это чудо, и всегда будут почитать его.

Итак, как я уже сказал, радуясь и благодаря апостола купец вышел из святилища вместе с сапожком, а сила, прежде открывшая двери, теперь снова их закрыла. Ни римляне, ни даже сам Папа не узнали о краже, пока не пришел день, когда по обычаю отверзают святилище с мощами апостола для поклонения народа. Войдя внутрь, Папа увидел, что на одной ноге у апостола нет обуви. Он удивился и сильно опечалился из-за этого святотатства, ибо не мог понять как оно совершилось – двери были закрыты, а печати оказались не взломаны. Размыслив, что все произошло не без воли Божией, потому что без воли апостола никто бы не посмел такое, Папа повелел сшить другой такой же сапожок для ноги апостола.

А купец, выручив много денег от продажи обуви апостола, закупил много товара, продал его и стал необычайно богат, но вместо того, чтобы поспешить как можно скорее отдать займодавцу долг и поблагодарить своего благодетеля, согласно обещанию (не знаю, может быть, развратилась его душа от большого богатства и ему стало жалко денег, или он услышал, что папа велел сшить другой сапожок), купец подумал, что излишне будет шить третий сапог, рассудив, что три сапога апостолу, у которого только две ноги, не нуж-

ны. Поэтому он не стал воздавать благодарностью за благодеяние, поленившись, так сказать, оплатить свой долг. Но апостол Божий Петр не долго позволил ему пребывать в этом небрежении и лени. Он явился к нему ночью и напомнил о долге, прося обещанного. После этого купец изготовил великолепный сапожок и отправился в Рим. После того, как он снова исповедался папе, его снова связали веригами, и он снова стучался в двери, которые вновь открылись. Купец вошел и тут случилось чудо. Апостол снова вытянул ногу, и купец, сняв изготовленный по повелению папы сапог, надел ему свой, новый. Сапог же папы он со страхом положил между ногами апостола, которые сами по себе были как живые, одна чуть приподнялась над другой, освободив место для третьего сапожка. Исполнив свое обещание, купец вышел в радости и веселии.

Украшенные мощи апостола пребывали так долгое время, а затем, неизвестно, почему так устроил Бог – *ибо кто познал ум Господень? или кто был советником Ему?* (Рим. 11: 34), – целостность мощей нарушилась, и все отделилось: голова, хребет, предплечья, бедра, лопатки, пальцы – возможно для того, чтобы наказать народ Римский за его беззаконие, потому что они убрали из святилища трон, отменили прежние меры предосторожности, сняли украшения и сапожки апостола, а мощи его положили в ковчег и поставили при дворе храма.

Прошло много лет, и некий житель Константинополя высокого звания, богобоязненный, лучший архонт синклита, придя по какой-то необходимости в Рим, сподобился поклониться мощам апостола, и из любви к родине и Богу замыслил совершить дело дерзкое и опасное. Он захотел похитить мощи и перевезти их в Константинополь. Возможно, у него и получилось бы задуманное, если бы он поступил как тот купец, сначала сообщив апостолу о своем намерении и испросив у него разрешения. Но этот архонт приступил к делу с безстыдством. Похитив мощи, он положил их в чистый новый мешок, и отправился на муле в Константинополь. Что

же сделал божественный Петр на этот раз? Уж не знаю, потому ли, что не хотел, чтобы его мощи были в Константинополе, поскольку похищение прошло без его разрешения, потому ли, что хотел навсегда остаться стражем и спасителем Рима, но ночью он явился во сне Папе Римскому и рассказал обо всем: сообщил о краже мощей, назвал имя похитителя и сказал, что он направляется в Константинополь. Весьма смутившись от этого сна, Папа тотчас же собрал множество конников и воинов и отправил их в погоню за вором. Вскоре они догнали вора и вернули мощи апостола в Рим. Архонта с позором бичевали и связанным привели к Папе. Узнав, что архонт знатного рода, имеет высокую должность, а мощи похитил из любви к Богу и апостолу, Папа повелел его развязать и стал говорить с ним кротко, как духовный отец, направляя свои усилия к миру. Мощи апостола надежно положили под Святой Престол, а архонту вместо мощей Папа даровал честные вериги апостола Петра для того, чтобы, с одной стороны, подарком уменьшить сильную печаль архонта из-за причиненного ему безчестья, а с другой стороны, утешить в любви, которую архонт имел к апостолу. Вот таким образом и были перенесены к нам честные вериги – душ некрадомое сокровище, источник неистощимый исцелений, река чудес приснотекущая и дар благочестивым – лучший и драгоценнейший всякого другого дара. Для города Константинополя вериги являются путами, удерживающими и укрепляющими, которые со всех сторон сжимают и охраняют его, для иноплеменных – цепью для удушения, которая угнетает и покоряет их, а для наших душ – цепью, возводящей на Небо, которая соединяет нас с божественным Петром и со Спасителем Христом.

О первоверховный апостол Петр, ты, который был открыт Самим Безначальным Отцом и проповедовал Единородного Сына, ты, который все, что разрешал и связывал на земле, разрешаешь и связываешь на Небе, ты – основание Церкви, ключарь Царствия Небесного, которому доверен рай, но не для того, чтобы охранять двери его, как Херувиму,

и препятствовать тем, кто хочет войти, но для того, чтобы открывать и облегчать вход желающим, ты, который есть изумление Небесных, похвала земных, страх преисподних, великий Петр, тебя просим мы, посети нас свыше кротким взглядом и укрепи Церковь, сотрясаемую кознями диавольскими, Церковь, которую Твой Учитель искупил Своею Кровию и построил на тебе – неподвижном камне. И град сей сохрани и удержи всеобъемлющими веригами мира, благочестивым царям нашим буди споборник и помощник, став для них камнем твердым и пригодным ко отгнанию врагов; иноплеменным будь камнем соблазна и претыкания. Молим тебя, тому благочестивому христианину, который подвиг меня на написание сего слова, щедро воздай за пламенную любовь, которую имеет к тебе, а меня с благосклонностью прими за то, что я, по немощи языка моего, а не от хладности мысли не восхвалил по достоинству преестественные твои величия, но скуден был в том, что подобает тебе. И здесь, в нынешней жизни, молим тебя, исправь грехи мира, исцели немощных телом, а в другой жизни положи груз твоих ходатайств на правую чашу весов, умилоствивляя для нас Судию и Бога нашего, Которому подобает слава во веки. Аминь.

МУЧЕНИЧЕСТВО
СВЯТОГО МУЧЕНИКА ГЕОРГИЯ,
ПОСТРАДАВШЕГО В НОВОМ ЕФЕСЕ
В 1801 ГОДУ

Благословен Бог! Сколько бы враги не восставали с яростью на христианство, столько же Восток ясно проповедует и возвеличивает подвигами Истинного Бога, Спасителя мира и Судию всех, Господа нашего Иисуса Христа. Наряду с тем, что вы, братья мои христиане, прочли в прежде изданном мартирологе, мы добавляем здесь, в Новом Эклогионе, повести и об этих новых подвижниках Христовых, чтобы ваша любовь не была лишена пользы от чтения их житий.

Итак, сообщаем вам, что в 1801 году, в Новом Ефесе, обыкновенно называемом Кусантаси, пострадал за Христа новомученик Георгий. Пострадал же он следующим образом. Был Георгий уроженцем этого города, а отца его звали Николай Ланхус. Было Георгию сорок два года, у него была законная жена и дети. Однако жил он во грехе, распутстве и пьянстве. В июле 1798 года без принуждения или побуждения извне, но от помрачения пьянства он приехал на Крит и в присутствии многих отрекся (о горе!) от веры во Христа. Но прежде чем пройти обряд обрезания, он протрезвел и, сильно опечалившись, выбрал время и переправился на лежащий напротив остров Самос. В те дни на Крите, по разрешению султана, строилась христианская церковь. Противники христианской веры решили из зависти ее разрушить. Они убедили всех, что христиане убили Георгия за то, что тот отрекся от веры, а тело спрятали под фундаментом церкви. По этой причине вокруг церкви собралось великое множество иноплемennых, которые хотели разрушить фундамент и из-

влечь тело. Увидев в какое возбуждение пришла толпа, и что могут быть убиты церковные сторожа и другие христиане, а церковь разрушена, христиане послали своих старейшин к судье и в присутствии местных властей заверили всех, что человек тот находится на Самосе, и предложили послать туда людей, чтобы самим убедиться. Так и сделали. Были посланы люди, которые нашли Георгия и бросили закованным в железо в темницу. Наконец, через три дня он прошел обряд обрезания и его определили служкой в мечеть. Но если Георгий изменил веру, то пьянству изменить не смог, и настолько предался ему, что чуть не обратил мечеть в таверну.

Прослужил он в мечети десять месяцев, а потом ушел оттуда и жил то на Самосе, а то на Патмосе в покаянии и исповедании своего беззакония. Первого марта 1801 года он вернулся на родину, но не распутником и пьяницей, а воздержным и грустным, в сильном сокрушении и со многими слезами. Он часто просил прощения у всех знакомых и друзей и, казалось, только и готовился, чтобы совершить великий подвиг. При чем подготавливался к нему с большим умом. Прежде чем открыто заявить о своем намерении, он позаботился переправить детей в безопасное место, а за три дня до события пошел туда, где был повешен на тутовом дереве мученик Полидор и внимательно смотрел на это дерево. Прежде своего отречения Георгий имел друга-христианина, своего соотечественника, который потом стал избегать его. В тот день, когда Георгий собрался предстать перед иноверными, они встретились в кофейне, и тот христианин, увидев, что ноги Георгия опухли и изранены, со сдавленным сердцем спросил, что у него с ногами. Тот отвечал, что это от болезни. “Что это за болезнь, если она только на ногах, а на остальном теле ничего нет?”, – спросил христианин. Тогда Георгий рассказал ему правду, что, находясь на Самосе, пришел к тамошнему правителю и исповедал себя христианином, тот же приказал его растянуть и дать тысячу ударов по ногам, после чего бросил в темницу. Потом пришли старосты общин Самоса и с помощью денег убедили правителя

вывести его из темницы и прогнать. Так что до того, как этот мужественный предстал в Ефесе, он имел на теле уже достаточно знаков мученичества. Притупив каким-то образом боль от невыносимого избиения, вернувшись на родину, чтобы войти в совершенный подвиг, Георгий решил принять желанный конец за Христа своего Спасителя.

Итак, чтобы дать повод, Георгий попытался подраться с владельцем кофейни, положив, таким образом, доброе начало. Но увидев, что у него не получается задуманное, он отказался от такого долгого способа и третьего апреля, в среду, в три часа дня, пришел и предстал перед судьей. Судья спросил его:

– Чего ты хочешь?

– У меня была заложена отличная вещь, но вы взяли ее у меня и взамен дали другую. Вот, я возвращаю ее вам, а мне дайте мою.

С этими словами он снял с себя шапку и бросил ее на землю.

– Кто ты, – спросил его судья, – и что у тебя за дело?

– Я был христианином и отрекся от моей веры, а сейчас пришел сюда, чтобы перед вами исповедать, что я был и есть, благодатью Божией, христианин.

Тогда судья спросил, как он отрекся от своей веры, и тот ответил, что по своей воле и без всякого принуждения.

– Может ты пьян или сумасшедший?

– Нет, не сумасшедший, я в здравом уме и трезв, но поскольку я познал и убедился, что вера моя свята и непорочна, я и вернулся в святую эту мою веру. Я хочу быть христианином, и говорю это, и заявляю: я был христианином и им остаюсь. Зовут меня Георгий.

Разгневавшись на такое дерзновение, судья приказал тотчас же отвести его связанным в темницу. Тогда мученик обратился к тому, кто должен был вести его в темницу:

– Человек, зачем ты собираешься меня связать, разве я вор или убийца? Я пришел сюда по своей воле, чтобы исповедать веру мою святую, и то, что я христианин.

Но его все равно отвели в темницу и надели на шею большую цепь, а ноги забили в колодки. Каким только мучениям не подвергали его в ту ночь. В четверг же вечером его вывели на суд и убеждали исповедать мусульманскую веру, обещая, что тогда дадут много денег, а потом начали угрожать. Мученик же только и повторял: “Я христианин и христианином хочу умереть”. Тогда эти безчеловечные, видя его непреклонность, от ярости сжали ему яички и разорвали их.

В пятницу все снова собрались на суд и приказали привести мученика. Его привели как осужденного, со связанными за спиной руками. Судья начал говорить ему с кротостью, уговаривая как отец:

– Ну, давай, чадо, покайся, а потом пойдешь куда хочешь и будешь кем хочешь. Хочешь, будешь турком, а хочешь – ромеем.

Мученик же отвечал:

– Я христианин и хочу быть в своей вере.

Тогда один из них сказал:

– Он не виноват, а виноваты их священники, которые учат, что там, где они отреклись от своей веры, там и должны исповедать ее снова.

– Давайте не будем его вешать, а обезглавим его мечом.

Потом обратился к мученику:

– Что больше, девяносто или сто?

– То, что ты меня спрашиваешь, знают и младенцы.

А муфтий спросил его для того, чтобы узнать, в здравом ли он уме, потому что если бы оказалось, что он сумасшедший, то они бы прогнали его. Наконец, поняв его непреклонность, судья произнес приговор: обезглавить через усечение мечом. Мученика схватили палачи и привели на место казни. Они поставили Георгия на колени, и один из палачей взмахнул мечом, чтобы испугать его. В это время подошел турок Осман, который, показывая, что как будто жалеет его, сказал:

– Люди, подождите, что вы хотите делать?

Затем он обратился к мученику:

– Человек, пощади свою жизнь. Скажи только, что согрешил, и освободишься, пойдешь отсюда и будешь жить как хочешь.

– Я христианин Георгий и не нуждаюсь в твоих разъяснениях.

После этого палач спросил его:

– Раскаиваешься?

– Я христианин.

– Склони голову.

Мученик с радостным лицом склонился, и палач отрубил святую его голову в пятницу пятого апреля, в третий час дня. Блаженная же его душа отошла к Желанному Христу и приняла неувядаемый венец. Святые же его мощи осияла Божественная благодать, потому в ночь с пятницы на субботу, на рассвете, многие, не только христиане, но и агаряне, видели, что мощи мученика светились, испуская дивный свет, как светится зеркало, когда в нем отражается солнце. Свет тот исходил от крови мученика, пока она еще была на этом пологом и вымощенном камнями месте. С наступлением субботы о чуде узнал весь народ, и судья приказал поместить святые мощи в гробницу святого великомученика Полидора. Пока мощи несли к гробнице, некоторые из христиан оторвали несколько волосков с головы мученика, другие взяли окровавленную его одежду. Позже они сообщили, что от одежды исцеляются те, кто испытывает сильный жар. Один из иноплемennых взял себе частицу одежды для брата, который лежал в горячке.

Это мученичество послужило к неисцельному стыду супротивных, а для благочестивых стало духовной радостью и весельем неизреченным во славу Господа нашего Иисуса Христа со Отцем и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО

**ОТЦА НАШЕГО ФЕОНЫ,
АРХИЕПИСКОПА СОЛУНСКОГО
И КТИТОРА МОНАСТЫРЯ
СВЯТОЙ АНАСТАСИИ
УЗОРЕШТЕЛЬНИЦЫ**

Тесной шествовав в житии, отче, стезей, ныне ликовствуеши на Небеси. Дух Феоны отсюда послан в славный Град.

Ни письменные документы, ни предания не донесли до нас, где сей преподобный и богоносный отец наш Феона, честной обители святой Анастасии ктитор, наставник и учитель Солуни и всей Фессалии, святейший пастыреначальник, слава подвижников, архиереев украшение и всех христиан превосходная похвала имел земную родину, от каких родителей произошел и как стал епископом Солуни. Может быть, это произошло потому, что из совершенной ненависти ко всему земному святой не открыл никому ни названия своего отечества, ни имен родителей (как это делали и многие другие святые), и считал родиной своей Небесный Иерусалим, как новое отечество, предопределенное для него, родителями – Господа нашего Иисуса Христа и Госпожу Богородицу, а братьями и сродниками – всех от века святых, либо потому, что всепожирающее время стерло все воспоминания и рассказы о жизни святого. Мы знаем о нем лишь то, о чем упоминается в житии преподобномученика Иакова Нового, на Святой Горе Афон подвизавшегося, где ныне скит Честного Иоанна Предтечи. В этом житии говорится, что святой отец Феона, украшенный священным саном, жил сначала

в монастыре Пантократор. Любя безмолвную жизнь больше, чем общежительную, он привык брать просфоры, немного еды и уходить к святому Иакову, известному среди отцов Святой Горы за таинственные откровения и Небесные дары, которые удостоился принять от Бога. Феофан часто посещал Иакова и научался от него высокой науке монашеского жития, а после многократных просьб, наконец, стал его учеником, поступив в его братство. Он радовался тому, что сподобился слышать о божественных видениях старца, и что его учитель и старец такой Небесный человек. Движимый божественным откровением, Иаков вышел в мир и поселился в Навпакте, в обители Честного Предтечи, рядом с селением Тревестика. Его сопровождал святой Феона, который собственными очами узрел Божественный свет, который странным образом появлялся над монастырем Предтечи три вечера подряд перед тем, как туда пришел божественный Иаков. Для своего верного и близкого ученика, святого Феоны, Иаков получил от епископа Арты Акакия письменное разрешение исповедовать приходящих в Арту христиан. Позже, когда святой Иаков уже был осужден на мучение по приказу бея, другие ученики смалодушествовали и вернулись обратно в монастырь Предтечи, а святой Феона ничего не испугался, но, сжигаемый любовью, сопровождал возлюбленного своего учителя, сострадая ему и стараясь облегчить муки, которым тот подвергался. Однажды, с другим учеником старца по имени Маркиан, они спросил святого Иакова, находившегося в темнице с Дионисием и диаконом Иаковым, его учеником: “Скажи нам, отче, что будет после твоей кончины с нашей обителью и с братьями?” И преподобный загадочно отвечал им: “Когда благоволит Бог избавить нас из рук султана, тогда пойдем сначала к Патриарху, затем в Великую Валахию, а когда придем туда, уже не будем бояться искушений. После этого придем мы, с севера, и вы, с юга, соберемся близ Солуни и помощью Божией обретется вам монастырь для жительства, и станем неразлучны и в нынешнем веке, и в будущем”.

Эта загадка, братия моя, было пророчеством святого о том, что будет впоследствии. А объяснение ее таково: “Патриарх – Господь наш Иисус Христос, Великая Валахия – рай, где находятся души праведных. То, что придут они с севера, а другие с юга*, означает, что после мученической кончины святого Иакова с учениками его Иаковом и Дионисем другие ученики Иакова (которые ушли из Превестики, как мы сказали, и находились на Горе Афон в обители Симонопетра), и особенно отец наш Феона, услышав от некоего священника Николая из Арты, что мощи святых погребены близ Адрианополя, послали раскопать их могилы, вынули мощи и ушли со Святой Горы. Не доходя Солуни, то есть здесь, в этом месте, они нашли обитель Честной Анастасии, которая была в то время небольшим древним разрушенным монастырем. Они восстановили его от основания, построили достаточное количество келий для братии, и благодатью Христовой в монастыре собралось до ста пятидесяти иноков, которые проводили жизнь общежительную. Над строениями и всеми братиями игуменом и предстоятелем был святой Феона. А загадка указывала, что ученики святого придут из Навпакта и Святой Горы, а мощи святых из Адрианополя. Так они соберутся в этом монастыре и пребудут неразлучно – и живые, и мертвые. В этой жизни телами, а в другой – душами. Так и случилось.

Сего преподобного Феону божественный Иаков оставил преемником и предстоятелем над прочими своими учениками, что явствует из письма, которое он в конце жизни послал им. В нем преподобный пишет: “Подчиняйтесь отцу Феоне как мне самому, и исповедуйте ему свои помыслы”.

Этих слов вполне достаточно, чтобы показать нам, что в добродетели святой Феона был равен своему учителю, и потому ни кого-то другого, а именно его оставил Иаков начальником и игуменом пастве, велел им почитать его, как

* В греческом тексте стоят слова не “север” и “юг”, а буквально “выше” и “ниже”. – Пер.

самого себя. Имея игуменом Феону, они должны были думать, что это Иаков, как бы его образ и отображение. В житии святого Иакова говорится, что некий иеромонах Варлаам, подвизаясь со своими учениками в монастыре, однажды преслушался игумена, которым был, по всей видимости, святой Феона, за что подвергся беснованию. Бес сильно терзал его, нападая до тридцати раз за день, причем несчастный катался по земле, испуская пену. Увидев это, братья связали его по рукам и ногам и стали ожидать прихода игумена из Солуни. Как только святой Феона узнал о случившемся, он отслужил молебен с водосвятием перед мощами святого Иакова и, напоив святой водой больного, благодатью Божией и предстательством своего учителя исцелил его. Жил же святой Феона в тысячу пятьсот двадцать пятом году от Рождества Христова.

Когда он хорошо утвердил этот общежительный монастырь согласно монашескому уставу Василия Великого, упорядочил жизнь братии и построил аскитирий*, он на некоторое время удалялся из обители и безмолвствовал там, молясь Единому Богу, затем снова вернулся к ученикам, многократно утешая их божественным своим учением и укрепляя их в подвигах монашеского жительства. Святой Феона исполнил обе великие заповеди: *возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим... возлюби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22: 37). И аскитирий, который он построил, и где беседовал с Богом и распалялся Его любовью, есть доказательство того, что он любил Бога всей душой, всем сердцем и всем помышлением своим. Монастырь же сей, который он построил и благодаря которому спас безчисленное количество душ, есть живое доказательство, что он возлюбил ближнего. Исполнив эти две заповеди, на которых утверждается весь закон и пророки, он достиг меры совершенства. Кто может

* Небольшое строение, куда удаляются для совершения подвигов более суровые подвижники. – Пер.

поведать о подвигах, которые подъял блаженный, когда стал епископом Солунским и всей Фессалии? Он прилагал пост к посту, бдение к бдению, *для всех... сделался всем* (1 Кор. 9: 22), по апостолу, чтобы, как истинный пастырь и архипастыря Христа истиннейший ученик, спасти всех вверенных ему христиан и соблюсти стадо свое от нападений чувственных и мысленных волков. Да и что говорить, зачем я оставляю высокое, доказывая святость преподобного отца нашего деятельнейшим аргументом? Если бы у нас, братия христиане, предположим, не было бы другого доказательства или свидетельства, что Феона свят, то было бы достаточно той славы, которой удостоил его Сам Бог, по смерти сохранивший мощи его совершенно нетленными, вопреки законам природы, ибо они светлые, желтоватого цвета, испускают дивное благоухание и совершают чудеса тем, кто обращается к нему с верой. Феона поистине свят, угодил Богу и жил ангельской жизнью. Нет иного способа обрести святые мощи, если ты не очистился от страстей душевных и телесных, если не стал обителью Духа Святаго, и если божественная благодать не соединится с сердцем твоим, с мозгом, костями и суставами. Подобно тому, как по плоду познается древо, так и по святости мощей Феоны познаем, что он равен древним святым и жил жизнью святой и вышечеловеческой. Эта честь и похвала, которые доставил ему Бог, заслуживает всех прочих похвал, которые высказали бы самые удивительные риторы в мире.

Сии священные и честные мощи пребывают и ныне целыми и нетленными в монастыре святой Анастасии, испуская благоухание неизреченное, изливая чудеса и подавая исцеления с верою к ним прибегающим. Память его честные отцы сей обители совершают в четвертое воскресенье поста, творя бдение и торжественное богослужение, на которое сходятся из окрестных селений христиане, в подражание празднуемому во второе воскресенье Великого поста Григорию Паламе, которому не только на престоле, но и в добродетели и святости равным преемником был блаженный Феона.

Ему будем подражать и мы, братия, ревнуя его добродетельной жизни. Чада должны походить на своего отца, ученики – на своего учителя, а овцы должны следовать за своим пастырем. Святой Феона есть наш отец, учитель и пастырь, а мы – его дети, ученики и овцы, потому и должны следовать его жителству, быть подобными ему. Если же мы не будем на него походить, то напрасно нам хвалиться, что он наш ктитор и пастырь. Да и он не признает нас своими чадами и учениками, если мы не сохраним порядок общежительного монастыря и, особенно, церковных служб нерушимым. Возлюбим же нестяжание, возненавидим сребролюбие и проклятые деньги, отвратимся любви наших сродников и больше их возжелаем Христа, Который говорит: *Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня* (Мф. 10: 37). Сохраним девство и целомудрие, держась подальше от тех, кто нас соблазняет, и исполним все наши обещания, которые дали Богу во время пострига, чтобы предстательством святого Феоны, Иакова же и учеников его сподобились мы Царствия Небесного во Христе Иисусе, Которому подобает слава во веки веков. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	3
Предисловие	5
Подвиги святой славной мученицы Фотины (Светланы), и иже с ней пострадавших в 66 году	11
Житие, подвиги и мученичество святого славного священномученика Поликарпа, епископа Смирнского, пострадавшего в 143 году	19
Житие и подвиги преподобного отца нашего Харитона Исповедника, спасшегося от мученической смерти в 276 году	28
Житие и подвиги святого и славного мученика Фалалея, пострадавшего около 284 года.....	40
Подвиги святого и славного преподобномученика Пафнутия египтянина, отшельника, и иже с ним пострадавших пятисот сорока шести мучеников в 303 году	51
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Нифона, епископа Констанцианы Александрийской, просиявшего в IV веке	67
Житие и подвиги преподобной матери нашей и учителя Синклитикии, подвизавшейся в IV веке	87
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Епифания, архиепископа Констанции Кипрской, просиявшего в V веке.....	127
Житие и подвиги святой Горгонии, просиявшей в IV веке	177
Житие и подвиги преподобной матери нашей Макрины, сестры Василия Великого, подвизавшейся в IV веке	184

Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Паисия Великого, подвизавшегося в 370 году	204
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Мартина, епископа Галльского, просиявшего в IV веке	241
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Кирилла, архиепископа Александрийского, просиявшего в IV веке	255
Житие и подвиги преподобного Андроника и жены его Афанасии, подвизавшихся в V веке.....	271
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Андрея, архиепископа Критского, иерусалимлянина, просиявшего в VIII веке	276
Житие и подвиги святого и праведного Евдокима, просиявшего в IX веке	283
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Павла, называемого Ксиропотамским, просиявшего в IX веке	292
Житие и чудеса преподобного и богоносного отца нашего и целителя Феодосия Нового, родившегося в 862 году.....	300
Житие и подвиги преподобного чудотворца, отца нашего Луки Нового, иже в Сирийской горе в Греции подвизавшегося в X веке	314
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Евфимия Нового, подвизавшегося в X веке	354
Житие, подвиги и повествование о чудесах преподобного и богоносного отца нашего Лазаря, на Галлисийской горе подвизавшегося в XII веке	361
Житие и подвиги преподобного отца нашего Кирилла Филеота, подвизавшегося в XI веке	384
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Григория, епископа Ассосского, просиявшего в XII веке	452

Житие и подвиги иже во святых отца нашего Леонтия, патриарха Иерусалимского, просиявшего в XII веке	460
Житие и подвиги преподобных отцов наших Симеона и Саввы, приснопамятных ктиторов священной Хиландарской обители, просиявших в XII веке	490
Житие и подвиги преподобного отца нашего Григория, подвизавшегося близ залива Никомидийского в XIII веке.....	499
Житие, подвиги, и повествование о некоторых чудесах преподобного отца нашего исповедника Мелетия Галлисиотского, жившего в XIII веке	508
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Космы, подвизавшегося в честном монастыре в XIII веке	524
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Григория Синаита, подвизавшегося в XIV веке.....	529
Житие, славные подвиги и чудеса преподобного и богоносного отца нашего Максима Кавсокаливита, на Святой Горе Афон подвизавшегося в XIV веке.....	552
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Нифона Афонского, просиявшего в XIV веке.....	575
Житие и подвиги иже во святых отца нашего Григория Паламы, архиепископа Солунского, чудотворца, просиявшего в XIV веке	585
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Нифона, архиепископа Константинопольского, подвизавшегося на Святой Горе Афон в монастыре Дионисиат в XV веке	603
Краткое житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Нектария, подвизавшегося в XV веке на Святой Горе Афон, в скиту Кареев, в келье Архангелов, называемой Игарийской	629

Мученичество святых новомучеников Гавриила и Кирмидола, совершивших свой подвиг в Египте в 1522 году	635
Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Иерофея.....	638
Достопримечательное повествование о чуде, совершенном святым Георгием, и о сарацине, зревшем видение в его храме	647
Избранные двенадцать душеполезных повестей из “Луга духовного”	
Повесть первая.....	652
Повесть вторая.....	652
Повесть третья.....	653
Повесть четвертая	656
Повесть пятая	657
Повесть шестая	658
Повесть седьмая.....	661
Повесть восьмая.....	661
Повесть девятая	664
Повесть десятая	665
Повесть одиннадцатая.....	668
Повесть двенадцатая	668
Душеполезные повествования аввы Эльпидия	672
Дивное слово философа Феодора Продрома о том, как честные вериги святого первоверховного апостола Петра были перенесены в Константинополь из древнего Рима	677
Мученичество святого мученика Георгия, пострадавшего в Новом Ефесе в 1801 году	690
Житие преподобного и богоносного отца нашего Феоны, архиепископа Солунского и ктитора монастыря святой Анастасии Узорешительницы.....	695

